

АКУЛОВА МАРИЯ

КОГДА ПАДАЮТ ЗВЕЗДЫ

ЧАСТЬ 2

ЧАСТЬ I

Глава 1

Две девушки рука об руку прогуливались по саду. Их окружали ухоженные цветники и клумбы. Должно быть, садовник исполнял свои обязанности с особым рвением. Светило по-настоящему майское, уже жаркое, солнце, ветерок чуть теребил листочки, а птицы заливались радужными трелями. Одна из идущих скрывалась под ажурным зонтиком, другая же с удовольствием подставляла свою и без того смуглую мордашку солнышку.

— Майя, зря ты прячешься, в этом году выдалась такая длинная, такая холодная зима, я еле дождалась, пока сойдет снег! Неужели ты не соскучилась по этому? — девушка развела руки и закружилась смеясь. — Я обожаю весну, что может быть лучше?

— Ты ведь сама как лучик солнца, конечно, ты не можешь не радоваться приходу весны, — собеседница отвечала на восторг сдержанной улыбкой и ласковой интонацией. — Только осторожно, не упади! Ведь не хочешь показаться перед будущим женихом прихрамывающей из-за разбитой коленки?

— Ой, да какой жених? Мне шестнадцать! Я уж лучше буду постоянно хромать из-за разбитых коленок, чем пытаться привлечь внимание какого-то лорда, успеется еще... Сначала мы сосватаем тебя, это ведь ты у нас будущая графиня, а я так — младшая сестра. Кроме того, девятнадцать это ведь... — девушка поднесла палец к пухлым губам, о чем-то думая. — Вот, это наша мама уже родила тебя, правда еще не ведала, что придется рожать еще и меня, — девушки опять залились заразительным смехом, правда владелица зонтика быстро погрузстнела.

— Нет уж, настоящая графиня как раз ты, уж поверь мне, если зеркалу не веришь. Твои глаза сведут с ума не одного графа, хотя почему мы мелочимся? Герцога! Причем не престарелого, с лорнетом, а такого, как в нашей любимой книге. Почему ты опять смеешься? Ты мне не веришь?

— Верю, я не могу тебе не верить. Просто ты слишком серьезно это говоришь, как будто сейчас вон из того куста кремовых роз, — девушка указала на один из шедевров садового искусства, — вылезет тот самый герцог и падет к нашим ногам, предлагая свою руку и доблестное сердце. Майя, ты такая выдумщица, — девушка щелкнула растерявшуюся сестру по носу, а потом побежала по тропинке, оставляя за собой лишь отголоски смеха и звук шелестящих юбок.

Майя не погналась за Соней, как той хотелось. Она смотрела вслед удаляющейся фигуре и с сожалением думала о том, что сестра, наверное, права, она жуткая выдумщица, но о таком герцоге она когда-то мечтала сама и для себя, а теперь готова поделиться мечтой с сестрой. Почему? Потому, что когда понимаешь, что падать с облака своей мечты слишком больно, лучше и не взлетать...

— Соня, перестань дурачиться! Где ты потеряла сестру? Вдруг ей станет плохо на солнце, а ты оставила ее одну?! — когда неугомонная дочь подкралась к графине сзади и хлопнула в ладоши практически над самым ухом, та сидела в беседке.

— Мамочка, ей никогда не становилось плохо на солнце, ты выдумываешь! Просто Маюшка предпочитает находиться наедине со своими мечтами, а не со мной. Но я не обижаюсь, я же все понимаю, — она опустилась на белую кованую лавочку рядом с мамой, обняла ее, опустила голову на родное плечо. Женщине же ничего не оставалось, как тут же оттаять — на этого ребенка злиться было невозможно.

Графиня, в свои тридцать семь лет, выглядела молодо, она сохранила стройность, но с годами приобрела истинную аристократичную статность, что необычайно сочеталось и заставляло молодых людей до сих пор оборачиваться ей вслед.

— Она все понимает... Какая же ты еще маленькая, девочка моя. А пора ведь уже взрослеть, тебе не кажется? Папа ждет внуков с таким рвением, что я иногда за него волнуюсь.

— Ой, мама, и ты туда же! Вы как будто все сговорились, и Майя с вами, ну какие внуки? Какие женихи? Я была представлена в свет на открытие этого сезона, всего два с половиной месяца тому. И я ведь сразу сказала, что мне совсем не понравились эти балы и светские мероприятия. Там было скучно, и женихи ваши скучные, и вообще, если папа так хочет внуков, почему бы ему не направить свое рвение на Майю? — она подняла вопросительный взгляд на мать, а потом обе оглянулись на тропинку. — А вот, кстати, и она!

Да, к ним направлялась Майя, старшая дочь уважаемого графа Дивьера, будущая владелица несметных богатств, положения в обществе, кандидатура номер один в списке завидных невест государства вот уже четыре сезона подряд. Она же — старая дева, проклятье рода Дивьеров, обуза родителей и причина сожалений окружающих — анибальт, Майя Дивьер.

Кто такие анибальты? Ответ прост и сложен одновременно. Есть понятие моды, причем практически во всех отраслях бывает так, что что-то в моде, а что-то нет. Но плюс, а может и минус моды в том, что она меняется, она не статична. Шляпка, приобретенная в этом сезоне, уж вряд ли будет воспринята с таким же восторгом в следующем. Женская худощавость, которая помогла матери когда-то завлечь ее суженого, может сослужить совсем другую службу дочери, ведь в моду вернулись формы. Привередливые барышни меняют пони каждый год, ведь масть в яблоко в следующем сезоне будет говорить о провинциальности наездницы.

Но есть вещи, мода на которые неизменна. А еще есть то, что не войдет в моду никогда, во всяком случае, не в этом мире. Почему? Потому, что так сложилось. Это анибальты. Что в них особенного? В мире, в котором смуглость кожи и темнота глаз — свидетельство красоты, блондины и блондинки часто проигрывают войну за право обладать и подчиняться, но это все же дело вкуса. А есть люди, которые в этой войне не имеют ни единого шанса — проклятые, вечное свидетельство людских грехов и ошибок прошлого, бесцветные — анибальты.

Всем детям этого мира известна сказка: давным-давно, сразу после начала времен, планету населяли люди разных рас, и они даже не подозревали о том, что где-то есть люди с другим цветом кожи, глаз, волос, говорящих на другом языке и носящих другие одежды, ведь у каждой расы был свой материк, отделенный от других необъятным океаном. Верховный бог, Ях, сотворивший этот мир, предостерег людей от того, чтоб приближались к океану,

ведь неведомо, какие опасности он несет. А взамен исполнения этой единственной заповеди даровал людям жизнь, о которой только можно мечтать. Но через столетия или тысячелетия после сотворения мира родился юноша, которому стало мало дарованной жизни, он захотел творить свою жизнь сам, и океан манил его со страшной силой. Дождавшись ночи, времени, когда Ях оставляет людей наедине с собой и уходит на покой, он покинул берега материка, отправляясь на поиски гибели или собственной жизни. Совсем скоро он пристал к берегу, точь-в-точь такому, от которого отчалил. Так он думал, пока не увидел, что люди-то тут другие. По сравнению с его темной кожей и черными глазами, на него смотрели голубые, почти прозрачные глаза напротив, в лунном свете волосы девушки, которая молча смотрела на него, сначала насторожено, а потом с любопытством, казались сотканными из серебряной паутины, белая кожа светилась. Парень сразу понял, что влюбился в это странное создание, девушку, которая первая встретилась ему на новой земле. Но чары лунной ночи были разрушены первыми бликами солнца. Ях просыпается, а значит, скоро весь мир снова будет у него как на ладони, и юношу ждет кара за его поступок. Он понял это, она тоже. Еще не осознавая зачем, девушка взялась его спасти. Нашла убежище, скрытое от солнечного света, приносила еду, учила языку, а ночи — всецело принадлежали им. Она любила его беззаветно, бесстрашно, делилась с ним чувствами, мыслями, тайнами. Он же любил, но не лишался головы.

Материк девушки оказался крайне отличным от его собственного. Здесь люди не работали на рудниках, не проводили дни в подземельях, чтоб вечером уставшими, но радостными возвращаться домой. Тут люди дневали на берегу, добывая золото из воды. «Ведь это не честно! Ведь так проще! Чем эти странные люди лучше нас?» Такие мысли все чаще тревожили юношу, даже когда он смотрел в любимые голубые глаза. Не Ях, но люди, в конце концов, открыли секрет пары. Одной ночью влюбленный в девушку блондин проследил за тем, куда же она пропадает так часто, и обнаружил их укрытие. Эта ночь стала последней для возлюбленных, она с тяжелым разрывающимся сердцем провожала его на том же плоту, всматриваясь в горизонт и надеясь, что он вернется. Он же был даже благодарен блондину за свое освобождение. Обида на простоту их жизни не давала парню думать о своей любви, а может любви и не было. А вот обида не оставляла. Даже много позже по возвращению домой он никак не мог забыть о том, как разительно их жизнь отличается от праздного существования на другом краю мира. Однажды настал тот момент, когда юноша собрал соплеменников и поведал историю о земле, на которой нет необходимости работать физически так тяжело, как это делают они, чтоб получить свой кусок хлеба. Люди поверили, рассказ был красочным, задел те же струны в душах остальных. На протяжении бесконечного количества ночей они мостили плоты, ковали оружие, готовились к походу. Если юноша и вспоминал девушку, то только с мстительной мыслью о том, что скоро ему не придется прятаться на ее земле. Ведь и земля, и сама девушка будет его, а там уж он решит, нужна ли ему последняя.

Ночь мщения наступила. Сотни плотов отчалили от берега по лунной дорожке, цвета волос девушки. Она ждала его на берегу. Все это время ждала, что он вернется. А когда увидела вместе с ним весь его народ, все поняла. На ее плечи упала тяжесть предательства, а насмешка в его глазах оставила в груди кровоточащую рану, которую не излечить даже всесильному Яху. Она могла крикнуть, разбудив своих соплеменников, могла броситься бежать в деревню, и закрыть ворота, чтобы даровать хоть призрачный шанс остаться в живых, но она не сделала этого. В этот самый момент поняла, что свою любовь предать не

сможет. Она просто смотрела, как мимо проносятся сотни воинов, как загораются дома, в каждый из которых она когда-то заходила, как кричат женщины, дети, старики. И принимала всю тяжесть вины на себя, не виня при этом любимого. Когда первые лучи солнца коснулись побережного песка, на материке не осталось ни одного коренного. Юноша же нашел тело девушки на пирсе, уходящем в океан. Боли оказалось для нее слишком много.

Гнев творца, увидевшего последствия трагедии, излился невиданной бурей на головы завоевателей. Эта буря смыла и кровь пролитую ночью, и пепел. Зато принесла осознание и раскаянье, как камнем рухнувшее на слишком слабых виновников. Особая кара ждала проклятый народ. Всем им было суждено испытывать ту душевную муку, которую терпела девушка столько, сколько им отведено. А их потомкам было предначертано, чтоб не забывали грех предков, что в их семьях, среди детей с волосами цвета смолы и глазами темнее ночи, будут рождаться они — анибальты, те, в чьих глазах видна боль девушки, и немой укор незаслуженно убитого народа.

Легенда ли это, или правда, через тысячелетие не скажет уже никто. Но, если правда, боль, испытываемая проклятым народом, была невыносимой, ведь рожденный в семье анибалт — настоящая кара как для семьи, так и для него. Немое доказательство грешности, неугодности предков и уродства человека, его патологии, неспособности любить. В этом мире больше шансов найти вторую половинку хромоту, слепому или даже церковнику, давшему обет безбрачия, чем анибалту.

Графиня моргнула, прогоняя из памяти эту глупую сказку, обрекающую ее ребенка на одиночество. Неизвестно только, за что.

Майя, как будто прочитав мысли матери, опустила глаза со своей привычной обреченностью, прося прощение за то, чего сама не понимала.

— Майя, ну скажи мамочке, что мне рано замуж, пусть она поищет женихов тебе! Ведь так? Ну, Майя, правда, скажи, — Соня опять надула губы, сморщила очаровательный носик, выжидающе уставилась на сестру.

— Нет уж, зачем мне жених? Ведь у меня и так есть за кем гоняться, мне хватает тебя, моя прелесть, правда мама? — Майя сложила зонтик, села к матери и сестре на лавку, и теперь уже вдвоем девушки вопросительно смотрели на графиню.

Немая сцена длилась несколько секунд, а потом беседка опять залилась звонким смехом в три голоса.

Майя часто пыталась ответить на вопрос, какая же она? Наверное, слово, которое подходило больше всего, — бесцветная. Слишком бледная, слишком схожая с фоном. Да, она — фон. Когда-то, в одной из фантастически книг, Майя читала, что девушки специально надевали белые парики и вымазывали лица белой пудрой для того, чтоб казаться более привлекательными. Она не поверила, даже для сказок это слишком. Это невозможно. Такие как она не могут быть красивыми. Какая разница насколько пухлы твои губы, пушисты ресницы, прям нос и выразительны скулы, если ты анибалт? Раньше, когда девушке было пятнадцать, и ей предстоял первый выход в свет, Майя долго рассматривала себя в зеркало, и, как ни странно, ей казалось, что она красива. Тонкие черты, выразительные глаза,

плавные линии, легкие движения, что еще нужно? Ну и что, что не так смугла как мама? Ведь та с детства рассказывала, насколько ее дочь прекрасна. Ну и что, что мальчики дразнили в детстве, ведь няня Бетси объясняла, что это значит — она им просто нравится.

Ох, если бы в пятнадцать ей не быть такой наивной! Может быть, не было бы так больно после открытия ее первого сезона. Да, это был поистине ее сезон. Не так часто родители рискуют вывести в свет ребенка-урода, а урода, верящего в свою красоту... Это был, наверное, единственные такой случай.

Если бы она не верила всему, что ей говорили близкие, может... Может Майя смогла бы сейчас согласиться на предложение искателей приданного. Тех, кто не может надеяться на благосклонность истинной леди, но которые сойдут уроду. Даже не так, тех, кому сойдет урод.

— Нет, не могу об этом думать. Я запретила себе вспоминать. Я запретила себе мечтать. В жизни есть и доступное мне, у меня есть Соня. Ее счастье и станет тем, чем я потом смогу жить, — Майя отвела взгляд от зеркала.

Не только папа ждал внуков, Майя тоже жила жизнью сестры. Засыпая, представляла ее идеальное знакомство с избранником, первый поцелуй, предложение руки и сердца, их ссоры и примирения. Так, как представляла бы это все для себя, сложишь ее жизнь по-другому.

Нет, она не завидовала сестре, во всяком случае, не завидовала по-злому. Просто не могла жить в вечной скорби по своей жизни, поэтому подменяла ее планированием жизни сестры.

Принимая решение о том, что с подобными размышлениями стоило бы заканчивать, Майя поднялась, чтобы припудрить и без того белый нос прежде, чем спуститься в столовую.

— Девочки, у меня для вас новость, — ужин подходил к концу. Граф Нортон Дивьер сидел во главе стола, поигрывая бокалом с гранатовым вином. Как и графиня Дженифер Дивьер, для своих сорока с лишним лет, он выглядел отлично, не обзавелся ни возрастным животом, ни сединой в черных волосах, выражение лица свидетельствовало о том, что он пребывает в раздумьях, и от этого внешность становилась еще притягательней. В частности и из-за отца Майе было сложно смириться с тем, что ей по жизни нужно довольствоваться тем, что предлагается, а не тем, о чем мечтаешь. Ведь когда у тебя перед глазами течет полноводной рекой жизнь родителей, наполненная любовью, уважением, красотой отношений, тяжело начать смотреть на соседа-друга отца, как на потенциального возлюбленного, который будет относиться к тебе, как папа к маме.

— Да папочка? — Соня никогда не отличалась избытком терпеливости, так что смиренно ждать, пока граф додумает все свои мысли и вспомнит, что три женщины ожидают, не пришлось.

— Соня, вот об этом и пойдет речь, — он поставил бокал, сдвинул брови, как делал когда собирался журить одну из дочерей, сложил руки на груди. — Ты произвела очень хорошее впечатление на всех на открытии сезона. Официальных предложений мне не поступало, но, поверь, это дело времени. Дорогая, не нужно сразу надуваться, и не делай «страшные глаза» маме... И Майе тоже... Соня, я начинаю нервничать, — голос и правда стал отдавать сталью. Когда же дочка расцепила сжатые на столе кулаки и улыбнулась,

правда совсем не доброжелательно, отец продолжил. — Так вот, предложения совсем скоро начнут поступать, Но... Ты слышишь? Но! Я не буду давать согласия или отказывать без твоего одобрения. Да, не нужно смотреть на меня такими большими глазами, я не тиран, если ты сомневалась. Я желаю вам счастья, и даю право выбора. Но, слышишь? Еще одно но — если ты отказываешь, я должен понимать, что причина не просто в том, что тебе лень думать о таких серьезных вещах или ты слишком мала. Поверь, ты будешь благодарна, что мы настояли на этом. Так вот, на ваше имя, милые мои девочки, на прошлой неделе пришло приглашение. Герцог Мэйдентэр, видимо, по настоянию всех дам высшего света вместе взятых, приглашает погостить у себя практически всех дебютанток и кавалеров. Конечно, будете не только вы, подозреваю, имение достаточно велико, чтобы разместить не менее двадцати гостей.

— Да, и мы с папой подумали, — графиня взяла инициативу в свои руки, ведь именно она уговорила графа отправить письмо-согласие, когда он уже практически выбросил в корзину заветный конверт. Хоть герцог сам и не обладает безупречной репутацией, такого шанса упускать нельзя. Ведь дело не в том, что там соберутся все самые знатные сыновья сильных мира сего, а в том, что Соня сможет по-настоящему познакомиться с молодыми людьми, а может, и влюбиться в одного из них. Мать знала своих девочек достаточно хорошо, чтоб не сомневаться — ничем плохим задумка закончиться не может. Ведь рядом с легкомысленной Соней, всегда будет Майя, чья рассудительность иногда удивляет даже умудренных жизнью родителей. — Мы подумали, что вам стоит поехать, развеяться, приглашение на два месяца, кроме того, ведь это не так далеко. Восемь часов пути, если будет совсем невыносимо — вы всегда можете вернуться.

Как ни странно, в глазах Сони загорелись озорные огоньки. Зато сердце Майи в очередной раз оборвалось.

Никто не ставил под сомнение, что она поедет с Соней, не оставит сестру одну. Да и она сама в этом не сомневалась. Но как? Как она переживет эти два месяца в окружении людей, которые, не зная ее, ее же ненавидят, или попросту презирают? Она там будет единственным анибальтом, всеобщим посмешищем. А вокруг — красивые, счастливые, молодые люди, живые, не похоронившие себя в девятнадцать лет для мира.

О пресвятой Ях, как же страшно оставлять свой кокон, подставлять душевную «плоть» ветру, когда на ней еще не зажили раны прошлых унижений...

В утро перед отъездом девочек, когда сундуки к лучшим платьям Сони были собраны, корзины с едой готовы к погрузке в экипаж, графиня постучала в комнату Майи.

— Дорогая, я могу зайти?

— Конечно, мамочка.

Стук в дверь вывел ее из воронки мыслей и воспоминаний, в которую она начинала погружаться, стоило лишь подумать о том, что предстоит в ближайшие месяцы.

— Ты не берешь эту шляпу? — мама указала на любимую шляпу дочери, лежащую поверх горы одежды на кровати. Это был подарок родителей, который, по их словам, необычной ей шел. Наверное, потому она его и оставляла — по приезду шляпа не будет напоминать о насмешливых замечаниях на ее счет.

— Я взяла достаточно, мой сундук, конечно, не идет ни в какое сравнение с Сониным, но, в конце концов, не зря же мы едем вдвоем, — мама присела на пуфик у трюмо рядом с

дочкой.

Их лица оказались отраженными в зеркале, будто доказывая, что судьба действительно странная вещь. Майя могла стать точной копией сидящей рядом красавицы, чьи черные блестящие локоны обрамляли лицо, подчеркивая и без того яркие черты, темно-синие глаза, распахнутые навстречу миру, аккуратный смуглый носик и губы цвета спелой вишни, не требующий никаких помад, чтоб достичь того, на что модницы исстрачивают целые состояния. И Майя — бледное отражение этой красоты. Те же глаза, но далеко не так выразительны, ведь разве та прозрачность может привлечь внимание как огонь, горящий в маминых? Те же губы, но они слишком белые, слишком незаметные. Да, она однозначно фон.

— Ты, правда, хочешь поехать? — графиня понимала Майю без слов, как бы она ни старалась, скрывать свои эмоции от мамы еще не научилась.

— Ну что ты? Конечно, я хочу поехать! Как можно пропустить такое событие? Ведь там должно быть чертовски весело, постоянные пикники, прогулки, вечера, я даже, возможно, усовершенствую свои умения в карточных играх, тебе будет уже совсем не так просто разделаться со мной! — ну вот, наверное, слишком много энтузиазма, правдоподобно не получилось. Лучезарная улыбка не вызвала ответа у графини.

— Майя, просто пообещай мне две вещи, и я отпущу тебя со спокойным сердцем, не насилуй себя ради кого бы то ни было, даже ради Сони, если ты решишь вернуться — вернись, не строй бесконечные неравности «за» и «против», ты, молода, можешь делать что пожелает душа, не ища при этом оправданий. И пиши мне. Пиши каждый день. Если хочешь — не отправляй письма, если хочешь — пиши не мне, а себе, а потом жги то, что написала. Но если я все-таки получу хоть одну весточку от своей белой ласточки, буду совершенно счастлива, — графиня поцеловала дочку в щеку, и опять посмотрела в зеркало на их общее отражение.

Нет, мир видимо сошел с ума, если может считать этого ангела недостойным общения, дружбы, любви. Она достойна! Намного достойней всех тех баловней судьбы, в обществе которых ей предстоит провести ближайшее время. О Ях, ну почему матери не суждено оградить свое дитя от злого мира? Почему именно ей придется пройти через ад, и в конце, не получить ничего, кроме очередных «боевых» ран?

— Соня, не крути головой, я не могу так сделать тебе ровную косу, — уже больше пяти часов они тряслись в карете. Соня часто капризничала, требую у сестры и кучера чтобы ей остановили вот на этом лугу или возле этого ручейка, ведь предательница-спина начинала ныть, ноги затекли. Поездка явно затянулась.

Майе эта бесконечная ухабистая дорога и одинаковые пейзажи тоже уже порядком надоели, но девушка упорно успокаивала себя тем, что чем они дольше едут, тем позже окажутся там, куда ее совсем не тянуло.

— Майя, я устала, зря ты согласилась ехать. Правда, если бы отказалась ты, я уж как-то выпросила у мамы остаться с тобой, и сейчас мы бы не тряслись, а прогуливались бы в саду. Только мы — ты, я и твой зонтик. Кстати, почему ты не взяла зонтик? Думаешь, там не так много солнца? Не боишься обгореть? У тебя ведь такая чувствительная кожа, что же мы будем делать, если вдруг что? — она правда волновалась за сестру, а из-за своего возраста и наивности верила, что зонтик — защита от солнца, а не от чужих глаз.

— Не волнуйся, мне незачем зонтик, я не собираюсь совершать прогулки, а в доме, надеюсь, предательские лучи мне не причинят вреда. Соня, ты несносный ребенок! Развернись ко мне спиной, дай уже наконец-то заплести одну единственную косу, ты же не хочешь предстать перед женихами неряхой! — девушка сникла, но подчинилась. Упомянуть при ней предстоящих женихов — верный способ заставить хоть пару минут посидеть спокойно.

— Ох, женихи... Зачем мне эти женихи... Ладно, ну хотя бы расскажи мне кого из тех, кто там будет, ты знаешь? Многие ведь среди приглашенных твои ровесники, и даже старше. Три года тому, когда был твой дебют, многие из них тоже были представлены свету?

— Я вряд ли знаю кого-то настолько близко, чтоб рассказать действительно интересные для тебя историю, но, возможно, отвечу на некоторые твои вопросы. Кто тебя интересует?

— Дай подумать... — Соня действительно серьезно восприняла поставленную перед ней задачу, сморщила лобик, пытаясь вспомнить кто же из списка приглашенных интересует ее больше всех. — Сейчас... А, вспомнила, что ты знаешь о Малкомле Маккадамсе? Сыне графа Маккадамса? В детстве они гостили у нас, и я помню, что мальчик был не сильно общительным, но, в отличие от других, его-то я хоть видела, не важно, что почти десять лет назад.

Отвлекающий маневр сработал, Соне настолько было интересно услышать ответ, что она затихла, перестала ерзать, и Майя смогла спокойно заняться прической сестры. Волосы у нее были шикарные — мягче шелка, длинные, пышные, чуть выющиеся, каскадом спадающие до поясицы. Эх, вот бы Майе такие! Черт с ними, с глазами, пусть голубые, если хоть волосы были бы не белыми.

— Мы были с ним знакомы... Точнее меня ему представили на первом балу, — да, это правда, Майю представили этому молодому человеку, совсем не дурному собой, высокому, возможно, недостаточно мужественному, как их папа, но, в конце концов, какой мужественности ждать от мальчика семнадцати лет? Так вот, ее представили, но кроме презрения в его глазах, девушка не увидела ничего. Хотя нет, потом, когда она вышла подышать на балкон, именно он рассказывал группе девушек, что выводить в свет «это белое недоразумение» — сущее посмешище. Да, это был он. — Я удивлена, что он до сих пор числится в холостяках.

Если для девушки нормальным было выйти замуж в шестнадцать, идеальным вариантом — в семнадцать, практически скандальным — в восемнадцать, и уже скорее немислимым чудом после, то мужчинам в этом смысле намного проще. И в тридцать они продолжались считаться завидными женихами, и в этом не было ничего зазорного. Удивилась Майя его неженатости лишь потому, что любая семья почтила бы за честь, получить предложение сына графа, и претенденток было достаточно еще в тот, первый год, не говоря о последующих, но он оказался, видимо, крепким орешком.

— Он красив? — что же еще может заинтересовать шестнадцатилетнюю девчонку.

— Был хорош собой, если за три года ничего не изменилось, то да, красив.

— Умен?

— Наверное, раз не женился до сих пор, значит или очень умен, или, наоборот.

— А при чем тут женитьба и ум?

— Просто, дорогая моя, девушки, заинтересованы в замужестве чуточку больше чем ты, готовы на многие каверзы, лишь бы жених оказался в силках, а он, судя по статусу, эти силки пока что успешно избегал.

— А сестра и брат Киплинги? Не помню, кто они? Маркизы? Как это все сложно...

— Да, маркизы. Он — старший, но, по-моему, во время моего дебюта он еще был мал, значит, ему восемнадцать, она — твоя ровесница. О них я сказать, к сожалению, почти ничего не могу, но отличительная черта их семьи — они блондины.

Соня развернулась, прядь выбилась из прически, придется переделывать.

— Блондины? И девушка тоже? — неподдельная жалость в голосе.

Майя кивнула, вздыхая — странный у них мир, вот уже пару сезонов блондины были не в моде, хотя, как казалось Майе, это очень красиво — кожа цвета бронзы и золотые волосы. Но как о красоте может судить человек, который считается в этом «странном мире» бичом?

— Да, оба, но не переживай, думаю за этот месяц она сможет убедить какого-то зазевавшегося жениха, что это совсем не изъян, — Соня улыбнулась, это главное, а правда или нет, узнать им предстоит совсем скоро.

— Ладно, а что ты знаешь о хозяине, о герцоге? Он стар, у него есть дети, сыновья? — этого вопроса Майя почему-то боялась.

— Нет, насколько я знаю, ему недавно исполнилось тридцать, он молод, не женат, бездетен.

— И герцог, — Майя надеялась, что она ошиблась, ведь у сестры в глазах блеснула искорка.

— Подожди, но ты ведь даже не спросила, красив ли он!

— Следуя твоей логике, тут два вариант — красив и умен, или страшный и глупый.

— Почему? — Майя искренне удивилась такому замечанию сестры.

— Потому что если герцог к тридцати годам не женат, то он или ужасно красив, и при этом очень умен, или дурен собой, да и еще настолько глуп, что не смог поймать ни одной дурочки на удочку своего титула. Вот так. И в этой голове, — девушка указала на свою ровную челку, — иногда строятся взрослые мысли, ты не находишь?

Да, она была права, он красив, очень. Во всяком случае, был красив, когда Майя видела его когда-то, три года назад.

Глуп? Нет, совершенно не глуп. Стоя за спиной отца, слушая его разговоры с молодым герцогом, Майя ловила себя на том, что если бы это не выглядело недостойным, подошла бы ближе, чтобы расслышать каждое слово, каждую шутку и серьезное предложение.

Бывает так, что шестнадцатилетние девочки влюбляются с первого взгляда. Анибалты в этом не отличаются от остальных, с ними такое тоже происходит. Но... Но, это в прошлом, зачем возвращать в себе надежды, которым не суждено сбыться?

— В твоей голове очень много умных мыслей, но знаешь, лучше бы эти мысли сосредоточились не на герцоге. Что-то мне подсказывает, что он вряд ли будет участвовать в том, что сам и организовал. Возможно, его-то мы совсем и не увидим, — Майя сказала это, с одной стороны, успокаивая сестру, а с другой — убеждая себя, что его взгляд отворачивания ей испытывать не придется... Как она на это надеялась...

— Леди Майя, леди Соня, мы приехали, — кучер открыл дверь кареты, предлагая наконец-то размять ноги. Когда зашло солнце Майя с Соней погрузились в сон. Сколько проспала — сказать бы Майя не взялась, но луна была уже достаточно высоко, видимо, ночь в самом разгаре. — Мы приехали, миледи.

Уже через несколько минут сестры зашли в холл дома. При свете луны он выглядел

угрожающе и величественно. Намного больше, чем их дом, но далеко не так уютен. Несмотря на то, что на улице лето, в огромном холле было прохладно, Майя подумала, что не отказалась бы растопить камин. Дом скорей всего уже спал, встретил их лишь дворецкий. Пока он отдавал распоряжения, Майя с Соней рассматривали потолки, которые, казалось, касаются самого неба.

— Что тут, Дэн? — по лестнице с подсвечником в руках спускался человек. Майя узнала его не сразу, но стоило узнать... Снова захотелось бежать из этого дома, от этой затеи, от всего мира под свой зонтик. Это был герцог собственной персоной.

— Ваша светлость, прибыли гости. Леди Майя Дивьер и леди Соня Дивьер, к сожалению, они не успели к ужину, но мы позаботились о том, чтобы в комнатах их ждало все необходимое.

О, святой Ях, он стоял так близко, как тогда, в огромном танцевальном зале, только там было неисчислимое количество народу, и яркие блики света, сейчас же она могла заглянуть в его лицо, освещенное лишь свечей. Мужчина внимательно слушал управляющего, суровое выражение на лице, спадающая на глаза прядь темных волос, насколько Майя помнила, они не черные, темно-каштановые. И глаза вынимающие душу, переворачивающие все внутри. Возможно, только у нее, а может, у сотни девчонок, смотрящих на него так как она сейчас.

И тут, видимо, услышав все, что хотел, он обернулся к ним.

Как вы думаете, какая реакция на анибальта должна быть у людей? Майя изучила ее досконально, когда ее видят люди, на их лицах сменяются несколько эмоций: от страха, укора, опаски, до брезгливости. Она уже девятнадцать лет наблюдала за тем, как буквально за несколько секунд меняют одна другую эти эмоции. Была ли она готова к тому, что и в этот раз все будет так же? Сама не знала. Но ничего не произошло.

Он просто перевел взгляд с присевшей в реверансе Сони на Майю, вскользь, на долю секунды, до того момента, как старшая сестра повторила за младшей.

— Рад приветствовать вас в моем доме. Прошу, мой дворецкий покажет ваши комнаты, дорога была не слишком утомительной? Завтра вас разбудят к завтраку, — вопрос не требовал ответа, он просто соблюдал правила приличия, торопясь поскорее расправиться с формальностями и вернуться ко сну или своим делам.

Когда Майя подняла глаза, он уже развернулся к лестнице.

Через час, когда горничная помогла ей снять платье, наполнила ванну, расстелила постель и вышла, Майя стояла у окна, смотрела на свою подружку-луну и думала. Да, она не хотела ехать сюда из-за него, да, согласилась ехать не только из-за переживаний за Соню, но и потому, что, несмотря ни на что, хотела хотя бы еще раз увидеть. Его лицо почти стерлось из девичьей памяти, почти. Теперь же, даже если завтра она решит вернуться домой, взгляд этих глаз не забудет. Майя не знала, кого благодарить — его за сдержанность, ночь, за темноту, но она не увидела в этих глазах презрения. Девушка была благодарна за то, что у нее теперь есть еще одно воспоминание, в котором мужчина, о котором она мечтала, ее не презирает.

Герцог поставил свечу на стол, возвращаясь к делам, от которых его оторвал шум на первом этаже. О святой Ях, не хватало ему только анибальта в доме! Откуда взялась эта

девчонка? Неужели это одна из приглашенных невест? Что за шуточки у Дамиана? Да, он проиграл спор, да его конь пришел вторым, и он выполнит условия договора. Перетерпит эту смехотворную сходку жаждущих насладиться вниманием друг друга, но как в список приглашенных попала девчонка — для него не понятно. Хотя, какая разница? Пусть Дамиан развлекается, это ведь его задумка, а ему тут отведена роль радушного хозяина... И если среди собравшихся какая-то красавица его заинтересует, ведь никто не запрещает ему ее соблазнить...

Нет, это не так плохо, как ему казалось.

Глава 2

Дни, который Майя провела за всю жизнь в разъездах, можно было сосчитать на пальцах. Теперь же оказалось, что заснуть не в своей постели, на незнакомых подушках, и под, казалось, слишком толстым одеялом — дело не настолько простое. Проворочавшись пол ночи, и промаявшись в полудреме другую половину, утром, когда пришла горничная, передавая, что завтрак будет подан через час, Майя чувствовала себя совершенно разбитой.

Ситуацию не изменил ни кувшин холодной воды, которым девушка ополоснула лицо, ни ворвавшаяся без стука очень довольная Соня, успевшая уже столкнуться с каким-то совсем не дурным собой джентльменом в коридоре, получить от него несметное количество комплиментов, и пообещать прогулку в саду.

Выслушивая живой рассказ сестры, Майя занялась сборами.

Она, в отличие от Сони, пожалела лошадей — гардероб, взятый с собой, можно было считать скудным: всего десять платьев, две шляпки, костюм для верховой езды. Хотя скудным он был бы, ищи она тут жениха, а как для сопровождающей особы, практически компаньонки — самое то. Сегодня выбор Майи пал на темное, зеленое, неброское платье, разительно отличающееся от наряда из легкого ситца с мелким цветочным рисунком, в который облачилась сестра.

— Майя, поторопись, нас, наверное, уже все заждались, завтрак обещали подать к одиннадцати, а сейчас почти полдень.

— Боишься, тебе не достанется вкусенького? — собрав волосы в пучок, Майя улыбнулась сестре, демонстрируя уверенность, которой, к сожалению, хватило лишь на эту маленькую демонстрацию. А на самом деле сердце билось с каждым мгновением все быстрее, вырываясь из груди.

— Свое вкусенькое я не упущу, не сомневайся, — схватив Майю за руку, Соня потянула ее к двери, тем самым помогая справиться с первым приступом сомнения, одолевшим старшую дочь графа Дивьера в этом доме. В какой-то миг девушке-анибальту очень хотелось сослаться на плохое самочувствие и остаться в комнате, но... Не судьба.

При свете дня сестрам удалось лучше рассмотреть убранство своей временной обители. Потолки не только высоки, но еще и декорированы художественной резьбой, глядя на люстру в холле, складывается впечатление, что весит она не меньше тонны. А еще невольно задаешься вопросом, как же должно быть мучительно справляться с пылью на ней, ведь сейчас она блестела каждым кристалликом.

Дверь в столовую была открыта, дворецкий, встречавший их вчера ночью у входа, завидев гостей, почтительно склонил голову, жестом предложил проследовать в наполненную голосами комнату.

Соня, с самого утра пребывавшая в отличном расположении духа, чуть ли не припрыжку вбежала в комнату, Майя же, следуя привычке, тенью скользнула за сестрой.

— Леди, рад приветствовать, прошу, присаживайтесь, ждем лишь вас, — хозяин восседал на своем месте во главе стола, всем своим видом демонстрируя уверенность. Среди

такого количества гостей, а за длинным столом сидело не меньше двадцати человек, он чувствовал себя крайне вольно. Компаньонки и прочих сопровождающих за столом не было, слышался лишь щебет девушек и, несомненно, остроумные ответы молодых людей.

На противоположной от хозяина стороне стола осталось два свободных места, девушки направились к ним.

Совершенно нормально, если воспитанная в лучших традициях барышня при виде анибальга упадет в обморок, ведь у нее слишком хрупкая душевная организация, не способная вынести такого уродства. Один раз Майя стала причиной такого обморока. Тогда мама настояла на том, чтобы девушка съездила к модистке. Путем уговоров и уловок заставила дочку примерять удивительной красоты лазурное платье. Когда Майя крутилась в нем перед зеркалом, ей действительно на долю секунды показалось, что мир не прав — она красива. Но когда девушка выпорхнула из примерочной, песчаный замок снова рухнул вместе с только вошедшей молоденькой леди, слишком испугавшейся внезапному появлению уroda. Это платье они не купили.

Сегодня упавших без чувств не было. Просто щебет резко прекратился, а улыбки на лицах присутствующих таяли на глазах. Не замечающая перемен Соня бабочкой пронеслась все расстояние от двери до назначенного ей места, а вот стук каблуков Майи разносился по комнате, в которой царила тишина.

Она боялась даже взгляд поднять от созерцания шахматкой вымощенного пола. А ведь в детстве Майя любила всеобщее внимание, устраивала родителям и няням целые концерты, лишь затем, чтоб получить заслуженные аплодисменты, но в один миг все изменилось — сейчас она готова была провалиться сквозь землю.

Нет, это определенно будет весело. Герцог Мэйденстер наблюдал за разворачивающейся на его глазах немой сценой и получал истинное наслаждение от происходящего. Кучка закомплексованных, не слишком обремененных умом людей, кривились, выражая взаправдашнее оскорбление в связи с тем, что за одним с ними столом будет вкушать ту же пищу анибальт. А эта жалкая девчушка, которой скорей всего предстоит провести в его доме не лучшие дни своей жизни, не находит в себе сил даже на то, чтоб занять законное место с высоко поднятой головой. Хотя с легкостью могла бы сделать именно так, ведь она такая же гостья, хоть и не по воле хозяина дома, но то же самое можно сказать обо всех собравшихся.

Дэррек хмыкнул, скользая взглядом по собравшимся — просто цирковое представление с овечкой и тиграми в одной клетке, ну что ж, стоит посмотреть, чем это закончится. Главное, чтоб она не решила расквитаться с жизнью в его имении, остальное заботило радушного хозяина самую малость.

— Так что вы говорили, Малколм? Считаете, что зря Парламент согласился с отставкой правительства? — пауза затянулась, сжавшись над «овечкой», Дэррек вновь заговорил — хватит с нее внимания, она и без того сливается со стенами, а тут, казалось, лицо девушки начало совсем сереть.

— А? Что? Простите, я что-то отвлекся... — молодой человек, сидящий по левую руку от герцога, повернулся к Дэрреку.

— Да, вы отвлеклись, на созерцание, хм... Как бы это назвать... Необычного явления, как и большинство за этим столом, но все же, зря Парламент согласился с отставкой

Премьера?

Явление... Майя прокручивала в голове брошенную фразу, вновь и вновь осознавая, что ее только что назвали явлением. И кто? Человек, которого сама бы она обидеть не смогла. Человек, который и не подозревал, как она к нему относится, который, наверное, даже имени ее не знает. Необычное явление.

После этой заминки стол снова начал оживать, герцог отдал распоряжение подавать завтрак. К звуку голосов прибавился стук приборов, перезвон бокалов и шуршание салфеток.

— Зря, ведь очевидно — кандидатуры лучше на этот пост сейчас не сыскать. Точнее, может и найдется человек, который мог бы взять на себя ответственность по управлению страной, но кто же согласится? Аристократия слишком хорошо живет и без активного участия в непосредственной политической игре. Ведь нам достаточно собираться несколько раз в год, в палатах, этого хватает, чтобы чувствовать свою значимость, и одновременно не углубляться в слишком сложные материи.

— Мысль не нова, но может и это пора менять? Если так пойдет и дальше, лидеры станут считаться даром свыше, на вес золота. Может, вникай мы в ведение государственных дел чуть больше, и воспитали бы в себе нужные качества, познали бы эти самые «сложные материи»? — в разговор вступил еще один молодой человек. Если Майе не изменяла память, это товарищ герцога, граф Дамиан Ланской. Во всяком случае, о них часто упоминалось в светских заметках как о друзьях. Они и внешне были чем-то похожи, как братья. Но Дамиан чуть младше.

Соня вопросительно уставилась на Майю, как бы прося рассказать кто это, и сестра тихонько кивнула, обещая потом обязательно этим заняться.

— Нет, не соглашусь. Ведь в Университете уже давным-давно действует кафедра политики. Кому, как не вам, и герцогу об этом знать, — да, они закончили этот факультет, об этом не раз упоминалось в хрониках, — так что те, кто чувствует в себе силы и желание — могут учиться и потом профессионально заниматься строением нашего государства, если их, конечно, сочтем достойными этого мы. Или вы предлагаете, чтобы вся государственная вертикаль строилась исключительно из обученных добровольцев?

— А почему бы и нет? В этом есть смысл, вы, будете заниматься интересующими вас вещами, например светскими выходами, охотами и раутами, а мы, обученные добровольцы, устройством государства. Ведь для большинства завсегдатаев палаты посещение столицы каждые два-три месяца — обуза, и они бы с радостью от нее избавились. Например, ваш отец, насколько мне известно, переложил эту обязанность на плечи сына в день совершеннолетия. И так поступает не он один.

Малькольм улыбнулся каким-то своим мыслям, с места Майи было не так просто уловить выражения лиц людей, сидящих на противоположной стороне стола.

— То, что вы говорите, сродни предложению, допустить в Парламент женщин. Пусть уж и они решают государственные дела, — практически все рассмеялись, признавая абсурдность сказанного.

— А вы считаете, что женщина не способна решить задачу, с которой справляется мужчина? — в диалог опять вступил герцог.

— А вы нет? — Малколм искренне удивился вопросу. — Ведь за этим столом присутствует столько очаровательных дам, — он пустил улыбку в дальний угол стола, туда,

где сидела Соня, — неужели хоть одна из вас согласилась бы восседать в палате?

По комнате опять пронесся девичий смех.

— Ведь это не показатель, девушки не знают, от чего отказываются. Обсуждение парламентской работы, как там: «не тема для женских ушей»? Да, по-моему, именно такую формулировку я слышал.

— Дамиан, вы говорите в точности, как представительницы новомодного движения равенства полов. Эти старые девы тоже считают, что их стоит допустить в Парламент, или хотя бы доверить им ведение культурной сферы и здравоохранения. Глупости чистой воды.

— Но ведь в этом есть логика. Кому как не женщине разбираться в искусстве театра, книг, рисунка, когда именно этим мы и занимаемся ото дня в день, пока вы управляете государством? А если у ребенка болит зуб, он ведь бежит к маме... — лишь закончив, Майя поняла, что сказала это вслух, причем громко — спорящие, несомненно, ее услышали.

— Неужели и среди наших дам нашлась та, которая поддерживает упомянутых поборниц равенства во всем? — вопрос задал герцог, так как остальные, видимо, успевшие забыть о ее присутствии, опять испытали шок. — Ну, леди, почему же вы молчите?

Все мысли разом вылетели из головы. В висках билась только одна — надо что-то ответить. Но что?

— Не хотите отвечать? Я угадал?

— Нет, я не приверженка подобных взглядов, и если бы мне предложили занять подобный пост, несомненно, отказалась бы, но ведь занимать чем бы то ни было должен человек, который ориентируется в определенной отрасли или конкретном деле. Я не буду спорить о несомненной некомпетентности женщин в вопросах военного искусства, но ведь женщины ничем не уступают мужчинам в гуманитарных вопросах.

— Но вам и не предлагают, — он сказал это без былой добродушной интонации в голосе.

— Что не предлагают? — Майя, не ожидавшая такого ответа, подняла взгляд на собеседника. На нее смотрели холодные карие глаза. Странно, скорее ее голубизна должна была обдавать окружающих холодом, в реальности же теплый оттенок глаз собеседника заставлял съежиться. Хотя дело ведь не в оттенке, а в том, насколько эти глаза колючи.

— Никто не предлагал занять подобный пост, — он улыбнулся, но не глазами, которые продолжали промораживать или прожигать дыру у нее внутри, окружающие же рассмеялись над удачной шуткой, прекрасно понимая, что ее только что унизили, а заодно признавая своим смехом это достойным развлечением для общества.

Больше Майя не делала попыток не то, что вступить в разговор, даже прислушаться к тому, как протекает беседа. Ее щелкнули по носу, как нашкодившего щенка. Что ж, она усвоила урок. Не для того она тут, чтобы участвовать в дискуссиях. Соня — вот чем она займет себя на протяжении всех этих дней и ночей.

— Ты видела, как он смотрел на меня? Ой, Майя, мне кажется, я влюбилась! — Соня прыгала по комнате сестры уже десять минут, прерываю свои скачки лишь для того, чтобы в очередной раз сообщить радостную новость.

Он — это Малколм. И именно Он встретился ей еще до того, как сестра зашла к Майе перед завтраком. И о свадьбе с Ним она мечтала уже целых десять минут.

Майя узнавала в сестре саму себя, какой она была всего несколько лет тому. С одним

отличием — Соне совсем не обязательно было меняться, ей можно было об этом мечтать, и даже планировать.

— Майя, нам нужно собираться! Герцог обещал показать конюшни, не хочу опять опаздывать. Может, мы даже потом прогуляемся, или нам запрягут лошадей. Я побежала, когда вернусь за тобой — будь готова, — Соня крутнулась на каблуках, направляясь прочь к двери. Оклик сестры заставил затормозить практически у выхода.

— Соня, я не пойду в сад, у меня что-то разболелась голова, лучше почитаю книгу, — Майя улыбнулась — немного устало, немного виновато, скрывая под маленькой ложью о головной боли то, что ей на сегодня просто достаточно стрессов и унижения.

Младшая сестра посмотрела на старшую серьезно, совсем не по-детски, будто действительно все понимая, а потом улыбнулась в ответ, кивнула.

— Хорошо. Отдохни. И Майя... пожалуйста... не бери в голову, — Соня выскользнула из комнаты, не уловив облегченного вздоха сестры.

Да, она и правда все понимает и даже пытается заботиться. А ведь это она — Майя — должна ее опекать. Вот только пока что получается наоборот.

— Так что, ты не просветишь меня, какую игру затеял?

Хозяин поместья и его друг, граф Ланской, проводили время до анонсированной прогулки в компании, которая максимально устраивала обоих. И тому, и тому нужно было выведать информацию, кое-что узнать, не уступив при этом противнику. Вечные интриги царили даже там, где, казалось, им делать нечего.

— Как какую? — не знай они друг друга больше чем полжизни, Дэррек, возможно, поверил бы его наигранной наивности. — Все просто — это забава, веселье, столько молодых людей на таком ограниченном пространстве! Непрерывные светские мероприятия. Мне просто захотелось разнообразить будни. — Дамиан улыбнулся сидящему в своем кресле Дэрреку. Тот на улыбку не ответил.

— Нет. Это слишком просто для тебя. Какую речь ты сегодня произнес за завтраком! Как будто за кафедрой в Палате. Что тебе сделал Маккадамс? Он неплохо справляется со своими обязанностями в Парламенте, в нужные моменты с достаточно умным видом поднимает руку, а потом даже обсуждает очередной «прорыв» с себе подобными.

— Да. Он однозначно прирожденный политик, — Дамиан усмехнулся. — Я ничего не имею против него конкретно, но не могу стерпеть, когда такие как он рассуждают о своей прогрессивности. Наступит день, когда миром будут управлять люди, который в управлении смыслают, и, возможно, довольными таким управлением будут не только сами руководители.

— Ладно, не заговаривай мне зубы, зачем тебе это все? — герцог обвел руками помещение, подразумевая, конечно, происходящее в его доме.

— Ты действительно заинтересовался? Я не ожидал. Думал, сбежишь на время «аренды» твоего помещения.

— Еще не поздно. Если мне не понравится то, что ты сейчас скажешь, так и сделаю.

— Если честно, у меня нет какого-то конкретного плана. Просто интересно...

— Интересно что?

— Интересно, сколько времени нужно леди, чтоб очаровать лучших витязей страны, и наоборот. Смыслу ли я в людях достаточно, чтоб предвидеть кто кого предпочтет, как будут развиваться события... В общем, я тоже, оказывается, временами изнываю от скуки и

пытаюсь веселиться как могу.

— То есть, я — тоже часть твоего эксперимента? И кто предназначен мне, знаток людских душ? — это признание никак не повлияло на Дэррека, он прекрасно понимал, сказанное только верхушка айсберга, мотивы у Дамиана есть всегда, причем чаще всего корыстные, альтруизм — не его метод.

— Нет, тут ты должен быть мне благодарен, ты — не участник «спектакля», ты — единственный зритель, причем совершенно бесплатно, — губ Дэррека коснулась улыбка. Ну да... Как же... Бесплатно... Зритель. Герцог даже не сомневался в том, что хитрый лис и на его счет плел интриги, просто раскрывать карты слишком быстро не собирался.

— А если я захочу поучаствовать в представлении? Увести актрису у ее законного партнера? Это запрещено в твоём спектакле?

— Нет! — он обрадовался так, как будто сорвал большой куш. — Тебя что, кто-то заинтересовал? Это милашка Соня? Хотя нет, она слишком мала еще, может Антония? Ну та, высокая, которая сидела возле меня? Хотя тоже вряд ли, ну так кто?

Дэррек понятия не имел, кто такая Соня или тем более Антония, из всех присутствующих он обратил внимание только на белое недоразумение в торце стола, и то лишь потому, что она представляла собой жалкое зрелище. Но раз Дамиану так хочется завлечь его, Дэррека, в свои непонятные интриги, придется поддаться.

— Да. Соня, она неплоха. А почему мала? Сколько ей лет?

— Она дебютантка. Это удача, что мне удалось пригласить ее, ведь недостатка в женихах девушка не имеет, но особым вниманием их не жалует, еще и этот вечный придаток — ее сестра-анибалыт. Представляю, как граф был рад, получив первой дочкой такой кошмар. Зато вторая оправдала все ожидания, — он расхваливал девушку, как корову, хозяин которой пытается избавиться от товара поскорее. Зато теперь хотя бы понятно, как на этот праздник жизни попала бедняга. — Хотя, если хочешь знать, я и насчет старшей имею некоторые мысли. Возможно, именно это сыграет мне на руку...

— В чем? — Дэррек был нацелен на получение нужной информации, и не упускал в этом шанса.

— Как в чем? В том, чтоб сосватать ее нужному человеку, а потом пользоваться своим статусом подтолкнувшего к устройству жизни, конечно. Правда, все просто, я нуждаюсь во влиятельных покровителях, хотя может и не покровителях, но от друзей, за которыми должок, я не откажусь. А это — реальная возможность...

Ну вот, все оказалось намного проще, чем думал герцог. Простое желание заполучить готовых поддержать в нужный момент молодых людей, не способных еще, в силу возраста, здраво рассуждать. Когда Дамиан попросит вернуть ему услугу (если его план осуществится), представить не сложно — он амбициозный, потому скорее всего вопрос встанет на выборах правительства. Но вот каких — вопрос второй, долг может ожидать своего исполнения годы и годы.

Продолжая сверлить взглядом друга, Дэррек мысленно будто бросал монетку — а может и вправду поиграть в эту игру вместе с Дамианом? Его голос и так будет отдан за друга, так что он не теряет ничего.

— Ладно, великий стратег, ну и к кому же ты посоветуешь присмотреться мне? — на лице Дамиана расцвела довольная победная улыбка.

Целая процессия двинулась в сторону конюшен. Соня была чуть расстроена, что Майя отказалась идти со всеми, но, с другой стороны, если ей это доставляет неудобство, то зачем же себя насилловать? Ей самой ведь и так не будет скучно — вокруг столько новых лиц. Например, сейчас она шла под руку с леди Кэрри Хэпперн. Майя отзывалась о ней не слишком доброжелательно — сплетница, даже склочница... Возможно, но пока Соня за ней ничего подобного не заметила. Девушка мило улыбалась, а ее туго накрученные локоны подпрыгивали в ритм их движения. Конечно, она предпочитала слишком богатые розочками, кринолином и прочим декором наряды, но это уж дело вкуса, а судить за подобное окружающих Соня не спешила.

— Мне кажется, милая Соня, что нам с вами на этом празднике счастье вряд ли улыбнется, — Кэрри печально опустила глаза доле. Младшая Дивьер же вспомнила замечание Майи о том, что эта леди подчас ведет себя излишне театрально.

— Какое счастье? Неужели вас что-то расстроило?

— Ох, нет, конечно. Все замечательно, я имела в виду, что нас не жалуют вниманием присутствующие молодые люди. К сожалению, мы довольствуемся компанией друг друга вместо того, чтоб наслаждаться остроумием некоего джентльмена.

«Ах, вот оно что, ну прости, дорогая Кэрри, ты же сама повисла у меня на руке, выходя из дома...» — подумала Соня, вот только вслух ничего подобного не произнесла. Если собеседница хотела расстроить ее, у Кэрри это удалось, теперь Соня невольно отметила, что и вправду лишь они в этой цепочке паломников не сопровождалась молодыми людьми. Оглянувшись, разыскивая взглядом Малкольма.

Даже нашла, с трудом сдержавшись от удивленного «аха» — он шел с этой блондинкой Киплинг, подумать только, с блондинкой! А ее брат, такой же несчастный обладатель соломенного цвета волос, под руку с двумя девушками сразу. Куда катится этот мир?

Дальше тоже шли пары девушек и парней, которых Соня еще не запомнила, но все выглядели достаточно довольными жизни. И, наверное, в этот момент она поняла, что как бы ни противилась замужеству, не может позволить себе отставать от других, хочет внимания, хочет восторженных взглядов, хотя бы ради того, чтоб Кэрри больше не говорила ей подобных вещей. И как по взмаху волшебной палочки в этот самый момент их нагнали герцог с графом Ланским.

— Дамы, позвольте насладиться вашей компанией? — граф подал руку светящейся от восторга Кэрри, ее и без того прыгающие пружинки-локоны закачались с удвоенным энтузиазмом. Не раздумывая, подруга повисла на предложенной руке.

Соня же только бросила на нее быстрый гневный взгляд — конечно, какое кокетство, когда такая рыба сама плывет в твои сети? Вот только Соне что-то слабо верилось, что это так. Слишком Кэрри глупа, а Дамиан не выглядит наивным юнцом, клюнувшим на посредственную внешность. Разве что свою роль сыграли розочки...

— Отчего же подруга так поспешно вас покинула? — голос отвлек Соню от собственных размышлений. Граф и кокетка ускорили шаг, а с леди Соней Дивьер поравнялся герцог. Он не предлагал ей руку, просто подстроился под неспешный темп девичьих шагов и вопросительно посмотрел, как бы подталкивая ответить на вопрос.

С утра, когда он уколол Майю, Соня решила для себя, что с ним будет пытаться не пересекаться — обид сестры она обычно не прощала. Но раз уж так сложилось, не может же она убежать под незначительным предлогом...

— Видимо она посчитала, что у вас какое-то жутко важное и конфиденциальное

сообщение для меня, вот и оставила нас, если тут применимо это слово, наедине.

— Она была не так далека от истины, — и что это должно означать? — Как вам мой сад? Я слышал о великолепном садовнике, работающем в поместье графа Дивьера. Правда, что ваши розовые кусты цветут даже под снегом? — он улыбнулся, и, казалось, помолодел на десять лет, ведь в глазах горел мальчишеский задор.

— О, поверьте, рано или поздно так оно и будет! Наш садовник очень целеустремленный человек, так что когда вы решите навестить отца, розы будут выглядывать из-под снежного покрова...

— Это официальное приглашение? — Соня потупилась, чувствуя, как к щекам приливает кровь — видимо действительно получилось слишком фамильярно.

— Так как не только я представляю нашу семью здесь, обязанность приглашать официально предоставлена моей сестре, но неофициально — это могу делать и я, — а потом девушка вскинула серьезный взгляд на герцога, сознательно напоминая о том, как повелся с Майей. Она-то точно не пригласит его любоваться своими обожаемыми розами.

Только герцога, кажется, эта колкость не прорняла. Он вновь улыбнулся, пожал плечами.

— Что ж, придется обратиться за одобрением к вашей сестре. Кстати, что-то ее я не вижу, неужели бедняжка почувствовала себя плохо? — Соня убедилась в том, что цели колкость не достигла — ни капли сожаления ни в голосе, ни в выражении лица.

— Она неважно себя почувствовала после долгой дороги, решила чуть-чуть отдохнуть.

— Надеемся, отдых пойдет ей на пользу.

Проходя мимо клумбы герцог наклонился, сорвав кремовую розу, протянул ее запнувшейся Соне.

— Это роза, конечно не ровня вашим, но, надеюсь, отвлечет от грустных мыслей о самочувствии сестры.

Соня посмотрела сначала на розу, потом на улыбающегося герцога. Взяла подарок, и не отказалась от протянутой руки. Она не заметила, что в этот момент, на них было обращено внимание нескольких людей — молодого человека, идущего в нескольких шагах впереди, и тени, исчезнувшей в окне, как только герцог поднял на него глаза.

Решение остаться в комнате даровало такой Майе необходимый покой. У девушки уже много лет был один способ, как помочь отвлечься от тяжелых мыслей. Она рисовала. Не красками, без холстов, палитры и мольберта. Просто карандаш и бумага, иногда измятая, иногда обычный тетрадный листик, иногда листы с гравировкой, цветные, привезенные родителями из зарубежных поездок, как лучший подарок.

Сюда с собой она взяла папку с уже начатыми набросками и несколькими пустыми листами. Обычно Майя рисовала портреты, у нее скопилось множество изображений Сони практически с младенчества, последняя же оконченная работа датировалась шестнадцатилетнем сестры. В папке лежали маленькие карманные портреты родителей, которые она возила с собой всегда, и единственный пейзаж — их дом, родное место, под защитой которого не страшны ни бури, ни ураганы, ни люди.

Сейчас же Майя решила попытать удачу с пейзажем во второй раз. Ее комната находилась на втором этаже особняка, из окна открывался удивительный вид на долину, подняв занавеску, поставив стул так, чтобы тень не падала на лист и, в то же время, было удобно рисовать, девушка принялась за работу.

Не так давно все отправились на прогулку, может быть всего минут пятнадцать назад. Выводя первые штрихи на поверхности листа, Майя позволила мыслям нестись в свободный полет. Интересно, далеко ли до конюшен, и каких лошадей здесь держат? Еще одна ее слабость — кони. Думы сделали очередной вираж, возвращая мыслями к дому. А как там ее милый Тень? Она не смогла с ним даже попрощаться, а впереди целых два месяца разлуки... Он — ее настоящий друг, отрада в сложную минуту. В ее идеальном мире обязательно было бы место для него.

Видимо, она закрепила занавеску недостаточно хорошо, тюль упала, закрыв обзор. Пришлось оставить рисунок, подойти к окну. Со своего места Майе не был виден сад, зато отсюда — виден отлично. В этот самый миг процессия направлялась в противоположную сторону от дома. А вот и Соня, она что, отстала? Почему она идет одна? Майя не успела ответить себе, отставший на шаг герцог протянул растерянной девушке розу и улыбнулся, а потом... Нет, ей показалось, она просто разволновалась, он не мог заметить ее, поймать на подглядывании. Опустив шторы, Майя вернулась на стул, но рисовать уже не хотелось.

О Ях, она желала Соне счастья, готова ради сестры на все, но внимание герцога — это слишком тяжелое испытание. Причем для них обеих. Пусть будет Малкольм, пусть кто угодно! То, что они чураются ее — ничего не значит, они не виноваты. Но смотреть на счастье сестры с ними Майе будет хотя бы не так больно. Слишком больно.

Видимо, конюшни были достаточно далеко, так как к обеду гуляющие не вернулись, Майя тоже провела это время в своей комнате, а вот ужина избежать не получилось.

С Соней поговорить, расспросить, как все прошло, Майя не успела — она прибежала, поцеловала сестру и умчалась переодеваться к вечерней трапезе. Только когда дверь за ней закрылась, Майя поняла, что о желаемом все равно бы не спросила, слишком страшно было услышать, что сестра заинтересовалась герцогом.

Глава 3

Вот уже несколько минут блуждая по практически не освещенному и безлюдному коридору, Майя корила себя за то, что не потратила и минуты своего драгоценного времени на то, чтоб запомнить дорогу хотя бы до столовой.

Видимо, зря она свернула в проход, отделенный дверью, ей показалось, что утром они тоже проходили какую-то дверь. Но как же разберешься в такой полутьме ту или не ту...

Девушка в сотый раз приказала себе не паниковать, напоминая, что дом — это не лабиринт и рано или поздно, но хоть один живой человек должен ей встретиться. Только когда же?

Молитвы Майи были услышаны практически сразу — навстречу и вправду шел человек, но сложилось впечатление, что ее-то он увидеть не ожидал.

Мужчина шел размашистыми шагами, заметив ее, остановился всего на секунду, а потом продолжил приближаться. Пережитый за несколько минут блужданий стресс, темнота, тишина и раздающийся звук тяжелых шагов не на шутку испугали Майю, она вжалась спиной в стену, уже даже не желаю помощи от проходящего. Ей вдруг захотелось просто раствориться в холодном камне, к которому девушка прислонилась спиной и зажмурилась.

— Леди Дивьер, неужели вы заблудились? — низкий голос прозвучал очень близко. Майя вздрогнула и открыла глаза, как она смогла удержаться от крика — осталось загадкой для нее самой.

Теперь-то она видела, что за мужчина стоял перед ней. Это был его светлость герцог Мэйденстэр. Нет, судьба к ней явно неблагосклонна.

— Простите, я перепутала двери, искала столовую, а оказалась тут, — она присела в реверансе, ожидая, что герцог отступит, даст возможность продолжить свой нелегкий путь. Но нет, он не сдвинулся ни на миллиметр, преграждая собой дорогу в обе стороны.

Стоять в таком положении не только не слишком удобно, это еще и не помогает решить проблему. Майя подняла глаза.

Дэррек смотрел на нее с нескрываемым удовольствием, его забавляла ее неуверенность, пугливость и обреченность. Из всех присутствующих именно эту несчастную он видел меньше всех, но, тем не менее, в отличие от остальных, она способна была вызвать в нем хоть какие-то эмоции, пусть и желание поиздеваться, но все же.

— А может вы шпионка, как же я могу вас отпустить? Не часто гости попадают туда, куда хозяином им вход воспрещен. А вам не повезло вдвойне, вас обнаружил сам хозяин. И что же мы будем теперь делать? — он подошел еще ближе. Инстинктивно пытаюсь отодвинуться, девушка практически слилась со стеной.

В темноте она производила странное впечатление. Как будто светилась, вся — ее глаза, волосы, кожа. Казалось, невозможно провести четкой границы между ней и миром вокруг, их стирало сияние. Ему даже на секунду показалось, что это красиво. Но только на секунду. И от камня, и от девушки веяло холодом, а он не терпел холод.

— Ну так что, кто подослал вас шпионить? Сотрудничество может облегчить вашу участь, — теперь этот свет уже не манил его, не вызывал желания дотронуться, но тем не менее, он хотел еще чуть-чуть помучить ее, полностью игнорируя немую мольбу во взгляде,

не отступил ни на шаг.

— Я просто потерялась, и все, — Майя не смотрела больше на него. Какой в этом смысл? Он прекрасно знал, что ей некомфортно в этой ситуации, и продолжал мучить, зачем же уповать на его милосердие в таком случае?

— Что-то мне не верится, за сегодня я уже второй раз ловлю вас на шпионаже, — окончание фразы Дэррек практически прошептал на ухо старательно отворачивающейся девушке.

Да, все сработало, она встrepенулась, значит, все-таки не показалось.

— Так что, неужели благородной леди пристало следить из окон за прогуливающимися парами?

Майя ничего не ответила. От нее это и не требовалось, ее роль предельно проста — сгорать от стыда из-за того, что ее застали сначала за подглядыванием, а потом за шастаньем по закрытым для посещения местам.

— Вам понравилась роза, которую я подарил вашей сестре? Она, похоже, была польщена. Как же мало нужно для счастья молоденьким девушкам, не находите? Хотя откуда же вам знать, ведь, правда никто не дарил вам цветы? Даже ромашку? — почему-то ему захотелось уколоть ее больнее, не просто пристыдить, а заставить почувствовать свою ущербность. Почему? Зачем? Объяснить он не мог, да и зачем объяснять? Но ответ на свой вопрос хотел получить. — Правда?

— Вы же сами прекрасно знаете ответ, — Майя понимала, что теперь время ее реплики, но вот откуда такая к ней жестокость — было непонятно. Лучше привычное равнодушие. Как три года назад, как вчера ночью.

— Откуда же я могу его знать? Я ведь не флорист, закупкой букетов не занимаюсь, так да или нет?

Ну что ж, чем быстрее она ответит, тем быстрее эта мука закончится.

— Роза очень красива, достойна моей сестры. А такая как я не стоит и ромашки, — руку герцог убрал, тем самым открыв ей путь для бегства. Она этим незамедлительно воспользовалась. Пожалеть о том, что не спросила дорогу, не успела — за поворотом ее ждала дверь, из-за которой доносились живые людские голоса.

Нет, не такой капитуляции он ждал. Говоря это, не было в ее голосе затравленности, страха или стыда. Гордость. Ях возьми его душу, ему показалось, что она сказала это с гордостью.

За ужином леди и джентльмены делились впечатлениями от прогулки. Хозяин принимал все лестные высказывания, касающиеся всего — начиная от убранства дома, изысканности пищи, ухоженности сада, до отборности лошадей — прекрасно понимая, что все сказанное — правда. Так уж сложилось, что с молоком матери, особы королевских кровей, он впитал желание владеть лучшим. Он не мог довольствоваться малым ни в чем, это восхищало окружающих, и усложняло его жизнь.

Удостоверившись, что заблудившаяся, по ее словам, Моль, а именно так ее называли за глаза, на протяжении прогулки он слышал это прозвище несколько раз, вышла из скрытого коридора, Дэррек успел освежиться и вернуться к гостям. Сейчас его раздражало, что Дамиан, который клялся взять организацию всего и вся на себя, вел себя рядовым приглашенным, как бы ожидая, что он, хозяин, даст отмашку на какое-то очередное веселье,

чего герцог делать не собирался. А еще его бесила эта самая Моль, которая прекрасно знала, что любой даже просто скользящий по ней взгляд полон презрения, и, тем не менее, сидела прямо, отвечала улыбкой сестре, которая с жаром посвящала ее в какие-то истории.

— Так вот, представь, когда конюх подвел этого жеребца, вороного, настоящий Дьявол! И герцог предупредил нас, что к нему лучше не приближаться, этот самоубийца Гарнер его не послушал. Посмотри, только посмотри, у него ведь до сих пор глаз дергается, — Соня кивнула на противоположную сторону стола, ближе к «элитной части», как ее называла Майя, то есть к той, где восседал хозяин.

И правда, один из молодых людей сидел слишком тихо, отдав все свое внимание стоящей перед ним говядине, что невероятно огорчало девушку по правую руку, правда смотрел он на блюдо далеко не с аппетитом, а как на грядущий апокалипсис.

— Его точно напугала не корова? — девушки дружно рассмеялись.

Ну нет, смеха ей спустить он точно не мог. Что может быть веселее для такой большой компании, чем игра, например шарады... И что может быть более интересным, чем водящая анибальт.

— Не кажется ли вам, что пора разнообразить наш вечер? Надеюсь, никто не против шарад... — предложение было встречено практически аплодисментами.

Вся компания переместилась в другую комнату. Майя хотела ускользнуть так же незаметно, как и вошла, но умоляющий взгляд сестры, которая потянула ее за руку с собой, убил всякое сопротивление.

— Правила просты, каждый загадывает слово, пишет на листе бумажки, тщательно заворачивает и опускает в эту корзину, потом я, как распорядитель, тяну фант, который и предстоит показать водящему. Итак, леди вперед, почему бы нам не начать с очаровательной Сони? — герцог снова обратил на миг зардевшуюся девушку свою улыбку. Укрепления, отделявшие сестру от влюбленности в этого человека, падали как домино. Еще несколько дней, пара улыбок и внимание на прогулках, и Соня будет полнейшим повторением Майи трехлетней давности. Хотя нет, чтобы Майя влюбилась в него, герцогу не пришлось когда-то даже адресно ей улыбаться.

Следующий час прошел в атмосфере всеобщего веселья, игра протекала непринужденно, доставляя удовольствие и активным участникам, и пассивным наблюдателям, таким, как Майя, которая угадав слово, шептала его на ухо счастливой Соне, выигравшей уже множество раз и показавшей десяток слов. Но всему приходит конец.

— Леди Майя, неужели вы за все время не угадали ни одного слова? Мне кажется, пора внести поправки в правила, если распорядитель замечает жульничество, он сам определяет следующего водящего. К сожалению, вас я уличил в жульничестве уже много раз, но надеялся на то, что вы раскаетесь, раз нет — час расплаты настал, держите.

Майя послушно встала, подбодренная легким пожатием руки Сони, взяла протянутую бумажку, раскрыла ее, и уже в который раз душа упала в пятки. Таких совпадений не бывает. «Моль» — вот уже несколько лет только так ее называют за глаза. И на бумаге выведена была тоже «моль», размашистым красивым почерком. Практически незаметный кивок не оставил сомнений, это забава герцога, не совпадение, не чья-то мелкая пакость, такое жестокое чувство юмора именно у него.

— Ты же специально это сделал? — Дамиан опять восседал в кабинете Мэйденстэра.

Вот уже практически час они разыгрывали партию в шахматы в полной тишине.

— Что? — Дэррек потел лоб, внимательно разглядывая доску — нужно пожертвовать ферзя, или придется тяжело.

— Моль... Ты же специально дал ей такой фант? Неужели не жалко девочку? Она и так не отличается свежим цветом кожи, а тут, казалось, совершенно посерела. У тебя же виды на ее сестру, это недалековидно...

— Не смейся, если мне понадобится что-то от ее сестры, уж это бесхребетное существо помехой мне не станет. Кроме того, почему вдруг ты печешься о девчонке?

— Я же сказал, у меня на каждого здесь есть некие виды. Да, не смотри на меня так, и на нее тоже. Причем, возможно, это будет даже более доброе дело, чем от меня можно ожидать, — за болтовней, Дамиан не обратил внимания, что Дэррек уже практически сделал мат, остался всего один ход.

— На каждого? Но ведь еще утром ты говорил, что я тут зритель...

— Да, но я не против, если ты решишь, что Соня тебя интересуется. Я видел, как ты подарил ей розу. Зная тебя большую часть жизни, такого не ожидал... Неужели в холостяцком сердце просыпается романтика? Бедная Роза, она не дождалась этого момента, а так хотела...

Роза, его любовница, устраивала Дэррека во всех смыслах кроме одного — она хотела за него замуж, мечтала ответить «Да» на его вопрос, но вот он-то этого не хотел. Совсем недавно то ли у нее, то ли у него терпение кончилось, результат — она осталась в столице, он хлопнул дверью, уезжая сюда.

Конечно, она, наверное, уже поняла, что потеряла, и сто раз пожалела о своей надоедливости в вопросе женитьбы, но хотел ли Дэррек продолжать фарс, который не приведет ни к чему — он не знал...

— Что за виды, неужели ты продашь бедняжку в гарем какому-то восточному соседу, который присытился нормальностью, и теперь требует чего-то экзотического?

— У тебя странные представления о путях повышения моего авторитета... Конечно нет, просто завтра придет еще один гость, тебе понравится моя идея, вот увидишь...

— К чему такая таинственность? Что за гость?

— Нееет, посмотришь завтра, — Дамиан улыбнулся другу, взял в руку своего же короля, картинно положил его к ногам белой королевы, признавая поражение.

— Утром я уезжаю в город, твой гость дождет моего возвращения?

Соня уже давно спала. Под предлогом, что ей страшно проводить ночь одной в своей новой комнате, она напросилась к Майе. Но это был только предлог — Соня была крайне проницательной, видела, что та игра далась сестре слишком тяжело, слишком большой ценой удалось сохранить лицо и не убежать, не спрятаться. А теперь ее стоило поддержать. Соня же знала единственный способ — просто побыть рядом, одним своим присутствием напоминая, что она в мире не одна.

И вот теперь под боком у Майи безмятежно сопела роднейшая из живущих на земле, а сама она вновь и вновь ныряла с головой в свои грустные мысли. Одного дня оказалось достаточно, чтоб девичья любовь превратилась в страх перемешанный с ненавистью. Больше герцог Деррек Мэйдентэр не был принцем ее розовых грез. Тяжело оставить в душе идеальное представление о человеке, если в жизни он сам же рушит его. Конечно, с такими

переменами в ее душе его жизнь не изменится ни на грамм, но ей, возможно, станет проще. Вот только надо пережить эту ночь, ночь прощания со своей наивностью и верой в человечество, в лице одного единственного человека...

Глава 4

Во время утренней трапезы у присутствующих несколько раз падали столовые приборы — ножи, а значит, стоило ждать гостей.

Между мужчинами и женщинами есть масса различий. Чтобы счесть все, не хватит не то, что пальцев на руках, даже в нескольких томах весь спектр отличий не описать.

Например, мужчины и женщины выдвигают разные требования к представителям противоположного пола. Чтоб мужчина считался выгодной партией, ему положено быть богатым, умным, сильным, влиятельным, и, возможно, красивым. Для девушки же порядок другой: красота как залог того, что на тебя хотя бы обратят внимание, и уж потом, если красоты недостаточно, ум, возможно, богатство, как замещение красоты, но далеко не всегда...

В отличие от девочек-анибальтов, чье рождение в семье сродни трагедии, когда на свет появляется белоснежный мальчик, мамы испытывают всего лишь легкое разочарование, ведь у их ребенка остается шанс быть богатым, умным, сильным и влиятельным...

Лорд Витор Винсент, сын председателя Палаты, был приглашен в поместье Мэйдентэра больше месяца тому, но не приехал бы и сегодня, если не просьба отца переговорить с герцогом по поводу предстоящего съезда — совсем скоро должно было произойти переизбрание Председателя, а значит, нужно заручиться поддержкой значимых фигур Парламента, таких как герцог. Сам Винсент старший обратиться к герцогу не мог, на то были свои причины.

Витор же был мягко говоря не слишком рад такому поручению (он искренне удивился получив приглашение). Но узнав о том, что заправляет балом не Дэррек, все стало на свои места.

Встретил его тоже не герцог лично, оказалось, он отбыл в город в связи со срочными делами, а значит, встреча с ним чуть переносится. О Дамиане, друге Мэйдентэра, Витор был не высокого мнения, слишком он любил плести интриги, слишком радикальные мысли обличал в слова, слишком много привлекал внимания. Если с годами это не изменится, он или прославится еретиком, или и правда совершит революцию.

Сейчас Дамиан спешил к нему по аллее, ведущей к дому, практически с распростертыми объятьями.

— Рад видеть вас, друг мой, я уж думал, что вы позабыли о приглашении, и тут такая приятная неожиданность! — ну да, неожиданность... Витор хмыкнул, вспоминая о том, как просил оповестить о своем приезде не меньше недели тому.

— Взаимно, меня задержали дела, но теперь я готов приступить к выполнению обязанностей гостя. — А потом протянул руку, отвечая уже более воодушевленным выражением, на крайне радушный прием, пусть и не хозяина.

После любого сложного дня приходит решающая ночь, полная сомнений, бессонницы, метаний, но зато утром, когда после хоть и недолгого, но такого долгожданного забытья, ты открываешь глаза, понимаешь, что конец мира не наступил, все проблемы решаются. Такую

ночь пережила Майя, она прощалась с образом, который любила, рушила старые замки и судорожно думала, за что же ей цепляться теперь. Под утро оказалось — есть за что, ведь в мире так много того, что достойно быть любимым, и это чувство не обязательно посвящать человеку, а в солнечный день не стоит грустить, им нужно наслаждаться!

Майя устроилась под деревом, которое еще вчера пыталась изобразить на листе, глядя на него из окна своей комнаты.

Сегодня же она опять рисовала Соню, но не так как обычно, чинно восседающей на стуле, а играющей в бадминтон. Перед Майей стояла непростая задача — в статике рисунка передать хоть сотую часть той грации движений, которая была присуща девушке в ситцевом платье.

Увлеченная своим делом, Майя не заметила, что в направлении их поляны шли двое — Дамиан и еще один мужчина. Обратила она на них внимание только тогда, когда этот самый мужчина наклонился за оброненным игравшими воланчиком.

Кроме как в зеркале, Майя никогда раньше не видела подобных себе, анибальтов, еще и мужчин. Зрелище — необычное, совершенно бесцветные волосы, восковая маска лица, практически не очерчена линия губ, даже не красных, как у нее, а бледно-розовых. И прозрачные глаза. Наверное, так выглядел бы ее сын или отец, будь ее уродство наследственным.

Но больше удивил девушку не вид нового человека, а то, что джентльмены, оставив игру на время, пожимают его руку, дамы без уже привычного ей снисхождения смотрят снизу вверх и присаживаются в реверансе. Он становится центром всеобщего внимания, но совсем не такого, как привыкла она. Неужели, даже как для анибальта она настолько безобразна, что не достойна того, что в эту минуту получает он?

— Ну что, сыграем, старина? Дамы пока что ведут, нам нужно срочно исправлять ситуацию, — Маллколм зазывал Витора присоединиться к их игре в поддавки.

— О нет, я сейчас не смогу быть полезен славной мужской команде, лучше буду болеть за дам со стороны.

— Позволите? — анибальт стоял практически над ней, а Майя снова так углубилась в рисунок, что этого не заметила.

— Простите? — вопрос она тоже прослушала.

— Я спросил, позволите ли присоединиться к вам? — он улыбнулся почему-то испугавшейся вдруг девушке. Почему? От нее-то такой реакции ожидать он не мог, если даже один анибальт чурается другого, чего же ожидать от нормальных людей?

— Конечно, — Майя вернулась к рисунку, ожидая, что от нее требуется только формальное согласие, соблюдение приличий, так было всегда. Еще ни один джентльмен не удосуживался развлекать ее беседами, зачем? Вот только этот мужчина продолжил ее удивлять — заговорил.

— Вы художница? — когда Майя бросила взгляд на вопрошающего, он смотрел на играющих. — Меня зовут Витор, Витор Винсент, — потом повернулся к ней, протягивая руку.

— Майя... Дивьер, — его рука была теплой, мягкой, а не шершавой, грубой, как она думала. Когда он поднес девичье запястье к губам, Майя опешила. Ведь раньше никто не целовал ей руку, считая это неуместным для существа почти бесполого.

— Очень приятно, Майя, так что, вы художница? — он отпустил руку и снова указал на набросок на коленях.

— Нет, просто виды тут настолько красивы, что тяжело их не рисовать, — осознав, что до сих пор пялится на мужчину, Майя опустила взгляд.

— То есть вы специализируетесь на пейзажах?

— Нет, в основном я рисую портреты.

— О, вы пошли сложной дорогой — человеческие эмоции передать сложнее, чем ландшафты, — пока девушка водила грифелем по листочку, Витор переводил взгляд с ее рисунка на натурщицу, которая узнавалась сразу же.

— Вы тоже рисуете?

— К сожалению, у меня нет этого таланта, моя мама рисует. Она и открыла мне некоторые тайны вашего ремесла. А вы ведь не ищите легких путей? — теперь он смотрел на нее.

— Почему вы так считаете?

— Рисовать модель в движении — практически нереально, ее черты не поймать, не запомнить.

Майя улыбнулась.

— Поверьте, эту модель я могу рисовать даже в полете, черты сестры хранятся у меня вот тут, — она поднесла карандаш ко лбу.

— Так вы тут не одна! Вам посчастливилось — иметь родного человека вдали от дома — лучшее лекарство от хандры. Мои братья, к сожалению, давно женаты и настолько счастливы в браке, что на подобные авантюры их уже не подобьешь, — хотя почему к сожалению? Он мечтал бы в один день обрести счастье, подобное тому, которое живет в их домах, только желательно — с первого раза, и без трагических ошибок.

— Да, мне посчастливилось с сестрой, — Майя посмотрела на Соню, которая в этот самый момент с радостным визгом отбила очередную подачу.

На нее смотрел и Витор. Вот уже полгода он не мог забыть это улыбающееся лицо. Увидев ее на одном из званых вечеров, устроенных этой весной, он потерял покой. Такая нежная, милая, улыбчивая, она завладела его мыслями, а увидев ее тут, мужчина почувствовал, как сердце учащено забилось. Дома он не удосужился посмотреть список приглашенных, если бы сделал это — был тут еще раньше, чем назначено.

Но Витор не знал, что у Сони есть сестра, ведь тогда Майи точно не было, ее не заметить так же тяжело, как сестру, и не только потому, что она анибальт.

Девушки действительно были похожи, но только скорее как две стороны луны, одна из которых всегда темная, а другая светлая, но обе одинаково прекрасны. Как жаль, что их общество закрывается от осознания красоты светлой стороны луны.

— Майя, как вы относитесь к прогулкам, мне кажется, мы засиделись, — Витор снова протянул ей руку, улыбнулся, терпеливо ожидая решения.

Сомневалась Майя долго, одновременно чувствуя тревогу и предвкушая, а потом отложила рисунок, улыбаясь в ответ.

В конце концов, закончить портрет она сможет и потом, а прогуляться по саду, возможно, никто больше и не предложит.

Дэррек был раздражен — из-за ошибки банка ему пришлось вставить ни свет, ни зоря,

мчаться в город и улаживать все вопросы самому. Сейчас, вернувшись, он мечтал о чем угодно, но только не заниматься этой непрошенной толпой.

Поляна, на которой находились все играющие, отлично проглядывалась с места, на котором он спешил и отдал коня подбежавшему мальчишке, к сожалению, и он сам был замечен. И как бы ни хотел проигнорировать машущих ракеткой, не мог.

— Решил все вопросы? — Дамиан подошел к нему первым.

— Да, надеюсь, больше это не повторится. Добрый день, леди, — он склонил голову, смотря на активно подмигивающим ему дам через плечо Дамиана. — Что тут у вас? — а потом опять сосредоточил внимание на собеседнике.

— Помнишь, я говорил тебе о гениальном плане? — ему, казалось, просто не терпится поделиться с другом.

— Да, о великий сваха.

— Так вот, мне кажется, все удастся, — из-за поворота показались гуляющие Майя и Витор, он вел ее под локоть, рассказывая что-то очень интересное, если судить по ее выражению лица, и приятное, если верить улыбке.

— Ты притащил в мой дом всех анибальтов королевства? — с Винсентом младшим Дэррек был знаком давно, но этим самым «гениальным планом» его не представлял. — Что же в этом гениального? — видимо, сказала усталость, этот фарс начал не на шутку раздражать.

— Ведь это прекрасно! Всем хорошо. Посмотри на нее, как ни странно, она практически расцвела, если это слово применимо к подобным ей, конечно, — и правда, улыбка не сходила с девичьих уст, казалось, Дэррек даже расслышал ее смех, чуть ли не впервые в его доме Моль смеялась. Это взбесило еще больше.

— Нет уж, я лучше посмотрю на что-то и вправду прекрасное. Что ты там говорил? Я могу вступить в игру? Знаешь, наверное, пора сделать именно это, — Дэррек опять улыбнулся кому-то через плечо друга.

Обернувшись секундой раньше Соня зарделась. Ну что ж, нельзя же расстраивать заботливого сценариста такого отличного спектакля, раз ему уже предназначена роль возлюбленного сестры Моли, Дэррек решил играть эту роль с честью...

— Майя, ведь это чудесно, правда?

— Что?

— Он, он чудесен, да?

Вот уже на протяжении двух недель единственной темой, которая интересовала, заботила, занимала мысли Сони, был герцог. Для себя Майя определила, хочешь найти сестру — поинтересуйся, где видели герцога. Они либо совершают прогулку по саду, либо играют в шахматы в библиотеке, либо исполняют дуэты за роялем. Майя не ревновала, ни Соню к Мэйдентэру, ни его к ней. Она просто очень боялась за глупышку. Он — намного старше, опытнее, его поведение не поддается пониманию Майи, не говоря уже о сестренке. Внимание сегодня не значит, что его интерес продлится и завтра, а Соня медленно, но верно падает в бездонный океан девичье влюбленности. Такой, которой три года страдала Майя, такой, которая может принести боль, много боли.

Но больше всего ее заботила собственная неспособность никак повлиять на ситуацию, ни с одной, ни с другой стороны. Она не могла сказать, что намеренья герцога насчет Сони

бесчестны, то, что он издевался над ней, ни о чем не говорит. А вот если он и вправду неровно дышит к Соне, попытайся Майя вмешаться в их отношения — разрушит счастье сестры. Если же он просто ведет какую-то игру, Майя боялась, что узнает об этом одной из последних. Единственным же способом влияния были повторяющиеся с завидной периодичностью просьбы старшей наследницы рода Дивьер не спешить, не нырять в омут с головой. Но доходят ли доводы разума до желаний юного сердца?

— Я не понимаю, Соня, а как же Маккадамс? Ведь ты вздыхала о нем, как только мы приехали, неужели через неделю мне ждать, что ты прибежишь оглашать о новом предмете воздыханий?

— Нет, Майя, не путай! Тебе не понять. Как можно сравнивать их? Это ведь небо и земля, — да уж, сейчас, Майя бы сравнила их как ангела и демона, потому что герцог с каждым днем пугал все больше, а остальные на его фоне, казалось, возносились до небес.

— Я пишу маме, передать что-то от тебя? — впервые за две недели она решила исполнить данное матери обещание — написать.

«Дорогая мама,

Мы гости в великолепнейшем доме страны вот уже целых четырнадцать дней. Местные красоты поражают, человек, попадающий сюда в период цветения сада, не сможет забыть увиденное, наверное, всю жизнь. Я точно не смогу. Пытаюсь зарисовывать, но каждый раз разочаровываюсь, ведь это непередаваемо.

Наши дни проходят за всевозможными развлечениями, гостеприимный хозяин не дает скучать. Джентльмена обходительны, а дамы милы...»

В таком духе были исписаны три страницы. Все чудо в том, что Майя не соврала ни словом, все хорошее имело под собой основание, а недомолвки — это ведь не вранье, на то мы и люди, чтобы быть в состоянии решать, в какие свои чувства мы хотим посвящать мир, а какие предпочитаем оставить при себе. Например, Майя очень боялась просить у мамы совета или подсказки в том, как вести себя с Сониной влюбленностью. Боялась, что лишь понапрасну взволнует мать, которая вряд ли сейчас в силах хоть как-то повлиять на ситуацию.

Что произошло с момента их приезда? Много. Майя впервые нашла друга. Друга который готов слушать и слышать, который смотрит на нее как на равную, который доверяет ей и готов получить ее доверие взамен. Теперь в окружении стольких людей она чувствовала поддержку с двух сторон — от Сони и от Витора.

А еще она чувствовала и видела, какие взгляды тот бросает на сестру, как его и без того прямая осанка, стройнится еще больше, когда Соня появляется на горизонте. Напрямую Витор ни разу не спрашивал у Майи, что ему предпринять, чтоб обратить на себя внимание Сони, ни разу не просил совета в этом. Единственное, когда ее зарисовка игры в бадминтон была готова, ненавязчиво упомянул, что из любви к искусству был бы не против хранить рисунок у себя. Майя не отказала, сестра на нем и вправду получилась очень правдоподобно.

Так, как Витор не посвящал ее в свои планы, решиться на разговор с Соней на его счет, Майя тоже не могла. Ведь она не имеет права вмешиваться в их дела, а возможно, и портить все. Но насколько она была бы рада, если Витор вел себя по-другому! Нет, не в смысле, обратил внимание на старшую сестру, а хоть понемножку, мелкими шажочками приближался к сердцу Сони, так, как это делал герцог.

Общаясь с Витором, Майя поняла многое, в том числе и то, что логики в чувствах искать не приходится. Ведь когда-то она впервые влюбилась в человека, который отличался

своей реакцией на ее появление, ей достаточно было безучастного взгляда тех темных глаз, чтобы перевернуть весь мир. А теплота в глазах друга не вызывала подобных чувств. Ответное тепло — да, огонь — нет.

— Передай, что я скучаю, но домой мы вернемся в срок, не раньше, — Соня, казалось, совсем не заинтересовалась содержанием письма. Вместо того, чтобы присоединиться к сестре, она продолжала крутиться по комнате, напевая какую-то песенку. — Ой, — девушка резко остановилась, — Ты видела, что у тебя в комнате течет потолок? — она указала в угол по правую руку от окна.

Последние несколько дней шли дожди, а комната Майи угловая, прямо под водостоком, который, видимо, и сам-то протекает, как результат — угол под потолком и днем и ночью на протяжении этих дождливых дней был мокрым.

— Ничего страшного, я передала горничной, она обещала доложить хозяину.

— Но ведь ночами тут должно быть сыро и противно, приходи ко мне, там кровать по размерам превосходит наши домашние почти в два раза, хотя бы не будешь мерзнуть.

— Спасибо, — Майя улыбнулась сестре, запечатала конверт с письмом, вручила Соне, которой предстояло выполнить важную миссию — отнести письмо в исходящую корреспонденцию.

— Ты сегодня спустишься к ужину?

Вот уже несколько дней Майя хранила одну тайну. Прогуливаясь по прохладному пустынному дому в один из вечеров, она случайно набрела на библиотеку. Не ту публичную, которую им показывали в первые дни приезда, набор книг в которой вряд ли мог ее заинтересовать, а другую. Пройдясь вдоль стеллажа, Майя еле сдержала ликование. Куда не глянь, каждый корешок свидетельствовал о том, какой редкий и ценный это фолиант. Не в смысле материальном, а содержательном. Тут можно было найти редкие философские трактаты прогрессивных ученых, когда-то классику, а теперь литературу, которую принято порицать из-за вольнодумия изложенных мыслей. Многие произведения еще и оригинальны, не переведены.

Один из плюсов затворнической жизни, ведомой Майе, стал избыток времени, который она использовала так, как считала, будет лучше всего — на чтение, изучение языков, самообразование. Не зря говорят, что когда перед тобой закрывают одни двери, им взамен открываются другие. Невозможность здорового существования в обществе, Майя заменила попытками понять его через книги.

Единственное время, когда Майя могла спокойно, по ее мнению, побродить по библиотеке, вернуть прочитанную книгу и взять новую — время ужина, так как все обитатели особняка были собраны в одном месте, а значит, в ее «святыню» никто не заглянет. Именно потому несколько последних вечеров она не появлялась перед светлые очи общества даже по вечерам.

— Вчера лорд Винсент спрашивал, ничего ли с тобой не приключилось, не заболела ли, просил передавать тебе приветствия... — Соня многозначительно подняла брови, намекая, что ждет объяснений. А Майя восхвалила про себя Яха, что Витор сделал хоть маленький, но шагочек по направлению к сердцу ее сестры.

— Нет, сегодня я тоже поужинаю в комнате, думаю, еще пару дней мне лучше побережь ногу, — предлогом, по которому Майя отсиживалась у себя, была подвернутая на прогулке нога. Это была почти полная правда.

Гуляя с Витором, Майя поскользнулась, и упала бы, не окажись рядом надежного

мужского плеча. А так — всего лишь подвернула ногу, которая не болела уже через полчаса, зато служила слишком хорошим предлогом, чтоб от него отказаться.

Когда часы пробили семь, Майя вышла из комнаты. У нее впереди было как минимум несколько часов один на один с книгами. После ужина никто сразу не разбрехался по этажам, слишком вечер хорошее время для соблазнения, да и просто для общения. Единственное, Майе было чуть неудобно перед Витором за вранье и за то, что ему приходится в эти вечера занимать себя самому, но, с другой стороны, если это способствует тому, что он приближается к Соне, Майя могла просидеть в комнате еще долго.

Коридор, две двери справа, поворот налево, не доходя до тупика еще раз налево и вторая дверь. Запомнить дорогу Майя смогла с первого раза, чем удивила даже саму себя. Видимо, ей было очень важно иметь возможность попасть сюда еще раз, а лучше много раз.

Вчера она позаимствовала труд известного политолога-современника, она уже несколько лет просила папу купить эту книгу в их библиотеку, но он был слишком занят своими делами, и забывал ее заказать. А может просто не хотел, чтобы девушка забивала свою голову такими вещами — не пристало барышням лезть в политику. Майя и не собиралась лезть, ее интересовала теория, она хотела понимать, а не практиковать. За вечер и ночь она проглотила иностранное произведение, ее обрадовала доступность речи, логичность изложения, идеи автора. Не хватало одного — некому было задать вопросы, которые роились в голове теперь, по прочтению.

Перед тем, как поставить книгу на место и заняться поисками следующей, присев на кушетку, девушка решила еще раз прочитать те строки, которые заинтересовали ее больше всего.

Сегодня Дэррек был в отличном расположении духа — удалось перенести на целый месяц не слишком желательный визит в отчий дом. Нет, он был бы рад повидать маму и сестер, особенно Мэгги, которая все ждет осени, чтоб посетить свой первый балл, но ему не хотелось оставлять собственный дом даже на неделю, когда в нем копошится такое количество народу. За эти дни он уже привык к вечному шуму и живости дома, даже, возможно, пропало то раздражение, которое преследовало его все предыдущие дни. Дамиан время от времени докладывал ему о своих успехах на поприще свахи, сообщал о том, что леди Мэй застали с графом Бэкком в беседке, что неугомонный Маккадамс все норовил свести с ума всех присутствующих дам, и с завидным постоянством справлялся о состоянии дел с Соней.

А что ответить? Он не мог толком ответить даже себе, зачем ему заигрывания с этой девочкой. Да, она мила, но ни одна его бывшая любовница ей не уступает во внешних данных, вроде не глупа, когда удосуживается не улыбаться всему миру в тишине, а ответить на вопрос, или спросить сама, но... Было какое-то «но», которое заставляло его, с одной стороны, продолжать этот фарс, а с другой, не переходить границы.

Семь часов пробили уже минут десять тому, так что на ужин он и так опаздывает, еще минута роли не сыграет. Взяв со столика книгу, Дэррек решил занести ее в библиотеку. Придется сделать небольшой крюк, но это не смертельно.

В этой комнате всегда горел свет — это его распоряжение. И днем и ночью тут можно

сидеть с книгой, за шахматной партией, за столом с документами. Это его любимая комната в доме, неприкосновенная территория. Была...

Неизвестно, кто удивился больше, хозяин, обнаружив, что незваная гостья расположилась на его кушетке с его же книжкой, или уверенная в том, что застать ее тут никто не может, воришка.

Немая сцена продолжалась несколько секунд, или, возможно, целую вечность. Дэррек стоял в дверях, придерживая ручку, и тем самым преграждая путь вероятному бегству, а Майя застыла с орудием преступления в руках.

Герцог пришел в себя первым, аккуратно закрыл дверь, прошел в кабинет, сел на кресло напротив занимаемой кушетки. Все эти манипуляции он проделал под пристальным взглядом прозрачных глаз.

— Простите, я думала, все на ужине, не хотела вам мешать... — положив книгу на мягкое сиденье, Майя собиралась встать.

— То есть, вы просите прощения за то, что вас в очередной раз застали за шпионажем, но не за сам шпионаж? — в отличие от девушки, он чувствовал полное владение ситуацией, это выражалось во всем — манере поведения, голосе, взгляде, под действием которого Майя непроизвольно поежилась.

— Нет, простите, такое больше не повторится... — девушка поднялась, надеясь быстро прошмыгнуть в дверь, не станет же он ее догонять и требовать публичных извинений?

— Что же вы читали? — Дэррек поднялся и медленно направился за книгой, обходя застывшую посреди комнаты девушку.

Он прекрасно помнил, какие именно книги хранятся здесь, и читая для легкомысленных девушек тут было не найти, потому ответ на собственный вопрос его правда интересовал.

— Не спешите, вы читаете без перевода? Со словарем? — он взял в руки «ее» книжку, и Майя практически почувствовала ревность, ведь такое сокровище принадлежит не ей, а после этого вечера уже вряд ли удастся даже дотронуться хотя бы до еще одной книги-сокровища из его коллекции.

— Нет, мне не нужен словарь, — ответила она скорее двери, чем собеседнику.

— Вы владеете иностранным?

— Да.

— Одним?

— Нет.

— Почему именно эта? — он покрутил книгу в руках, повернувшись к Майе, она же так и осталась стоять вполоборота, готовая сорваться на бег в любую минуту. Он ощущал ее напряжение, глаза загнанной лани переводили взгляд с книги на его лицо. — Только не отвечайте «просто», такие труды просто так не читают.

— Я мечтала прочитать ее еще когда впервые услышала об этой книге год назад от папиного друга, — когда в голову не приходит ложь, стоит сказать правду.

— Как для молодой и... — он окинул ее взглядом с ног до головы, — достаточно необычной девушки, вы обладаете странным вкусом. Присядьте, — он указал на кресло, на котором не так давно сидел сам.

Ослушаться Майя не посмела, села на предложенное место, герцог последовал ее примеру.

— Неужели вы и вправду считаете, что женщинам есть место в управлении государством? — девушка не ожидала, что он помнит тот разговор в столовой, ее первое

унижение в этом доме.

— Нет, я просто считаю, что причиной того, что люди не занимаются тем или иным делом, будь то политика, кулинария, игра на инструменте или чтение, должна быть не невозможность, наложенный обществом запрет, а понимание человеком сути той или иной деятельности, и отвержение ее для себя лично.

Дэррек был удивлен. Правда удивлен, видимо, не сумел этого скрыть, как хотел, потому что закончив речь, девушка снова опустила взгляд на ореховую столешницу.

— Вы прочитали это тут? — он помнил содержание книги достаточно хорошо для того, чтобы знать, что ответ будет отрицательным.

— Нет. С помощью этой книги я получила то, к чему стремилась, приблизилась к пониманию сути, — теперь ее заинтересовал стоящий у окна фикус, она чувствовала себя очень некомфортно, постоянно ждала нападения.

— И что? Считаете, что политика женское дело? — боковым зрением Майя видела, что он смотрит не враждебно, но все же.

— Я не могу говорить за все женское племя, я могу судить только о себе лично.

— Хорошо, тогда что же? Кулинария, музыкальный инструмент или министерская должность? — он улыбался, даже, кажется, без злой насмешки.

— Пока что продолжение самообразования, — Майя снова попыталась встать, но уткнулась взглядом в протянутую книгу.

— Вы успели прочитать? Я не могу препятствовать самообразованию юных леди в моем доме, прошу, — Майе ничего не оставалось, как взять книгу. — Если у вас возникнут вопросы, я к вашим услугам.

Майя не верила своему счастью, ведь только что фактически получила разрешение приходить сюда открыто! В любое время! За любой книгой!

— Но, знаете, у меня есть несколько правил, — ну конечно, настолько хорошо, все быть не может. Девичье сердце упало в пятки. Если взамен права доступа к книгам, он захочет получить ее советы в отношениях с Соней, Майе снова придется попрощаться со своими мечтами, ведь предавать сестру она не готова, а если она сама будет еще и помогать ему, Соня точно попадет в его сети. Но нужно ли это ей? — Так вот, в отличие от вас, я в иностранных не так силен, а литература вправду интересна. Вы поработаете моим переводчиком, точнее пересказчиком. Время от времени литературу вам буду подкидывать я, а вы, в качестве благодарности, не откажите обсудить прочитанный труд со мной. Как вам?

И опять Майя практически взлетела от радости, ведь любую книгу тут она с радостью прочтет, а необходимость переводить прочитанное, или отвечать на вопросы словами автора — это не менее интересно. Кроме того, так, в лице герцога, она сможет сама получить того человека, к которому обратит свои вопросы. Она бы, конечно, предпочла в оппоненты папу, или того же Витора, но идеального в мире не так уж и много, и кому как не ей это знать.

— Я согласна.

— Вот и отлично, а теперь, раз уж вам нет смысла больше шарить по чужому кабинету тогда, когда в него не может попасть хозяин, предлагаю почтить своей компанией общество. Трапеза, подозреваю, уже в самом разгаре, — Дэррек открыл дверь, пропуская Майю выйти из комнаты первой. Это было не предложение, видимо, доступ все же ограниченный, но противиться прямому приказу покинуть кабинет, смысла не было.

Майя встала, с чувством легкого разочарования оставила книгу на столе, подойдя к герцогу, присела.

— Спасибо, — и, не поднимая взгляд, вышла в коридор.

— Только знаете, вы не слишком удачливая симулянтка. Обычно, нежные барышни, подвернувшие ногу, на нее припадают.

Майя запнулась и чуть не полетела носом по покосам, но на этот раз ее спасла стена. А вот спину жег смех и взгляд карих глаз.

Эта девочка и вправду необычна. Ях обделил ее внешностью, но взамен дал, возможно, не столько ум, сколько умением и желанием мыслить. Такой дар получает не каждый мужчина к тридцати и сорока годам, а ей сколько? Восемнадцать? Девятнадцать? Она же старшая сестра Сони, значит, не меньше...

Зачем он разрешил ей заходить в его святая святых? Читать его книги? На эти вопросы Дэррек и сам не знал ответа, но пытался объяснить для себя простой жалостью. Вот только совсем не все его действия вписывались даже в эту версию, ведь зачем тогда он соврал о том, что не владеет иностранным, зачем обрек себя на то, чтоб проводить время с ней?

Он не знал ответов, но это совсем не значило, что собирался отказаться от задуманного, скорее понять свои мотивы уже в процессе. А пока он смотрел в спину удаляющейся, подмечая, с какой грацией она движется, даже споткнулась легко, будто сделал па в танце. Странная девочка, определенно странная.

Еще и эта хитрость с вывихом ноги. Дэррек был там, когда это произошло. Они с Соней шли чуть дальше, маленькая кокетка рассказывала ему о том, как ситец моден этим летом, а он планировал сорвавшуюся поездку. В одну секунду произошло несколько вещей — Соня положила голову ему на плече, чего раньше никогда не бывало, а он и не жаждал подобного, и сзади раздался женский возглас. Бедная Моль, ко всем ее неудачам, еще и оступилась. Но ей на помощь пришел верный рыцарь Винсент. С которым, кстати, Дэррек так еще за это время ни разу нормально и не поговорил, с глазу на глаз, как того хотел Витор. Очевидно, разговор зайдет о приближающемся голосовании, но сейчас герцогу думать об этом не хотелось.

Глава 5

— Майя, в последнее время вы практически не рисуете, что-то произошло? — Витор с Майей сидели на «своей» лавке. Выдался достаточно жаркий день, все обитатели дома искали самое тенистое место в саду, им в этом смысле повезло — столетний дуб создавал настоящий оазис пустыне.

— Нет, просто сейчас я читаю, это занимает все мое свободное время.

— Да? И что же?

Сейчас это была философия, книга, которую выбрал герцог, немного теологии, психологии, интересное произведение, но сложное для понимания. Майя не смогла «проглотить» книгу за вечер, ей приходилось перечитывать одно предложение по два или три раза, задавать себе вопросы, и пытаться самой на них ответить, примерять все на себя. Как оказалось, это особенное удовольствие.

— Легкое женское чтиво, ничего особенного, — Майе не хотелось посвящать в свою авантюру Витора, может потом... Ведь всегда остается вероятность того, что тебя не поймут, посчитают глупостью.

— Вы не должны оставлять рисование. В этом ваш талант, — он был скуп на эмоции, сказанное звучало не как похвала, а как констатация факта, и от этого становилось еще приятнее.

— Спасибо, мне правда... — Майя хотела сказать, что его похвала значит для нее много, но их прервали.

— Витор, — Кэрри, вместе со своим невероятным количеством бантиков и кружев, взбиралась к ним по холму. Видимо, девушка боялась, что жертва сбежит, поэтому кинув свое «Витор» отрезала пути отступления, заставляя сначала дожидаться, а потом еще и выслушать, чего же она желает.

— Добрый день, — Витор поднялся, уступая место тяжело дышащей девушке. Майя, как обычно, в присутствии посторонних облачилась в маску невидимки, думаю при этом скорей об окружающих, чем для себя — она просто не хотела никого смущать.

Кэрри оглянулась на лавку, сморщила носик и демонстративно отказалась. Майя же вжалась в свой внутренний кокон еще больше.

— Я просто подумала, что вам тут совсем одиноко, — а потом новоприбывшая развела руки.

— Вы ошиблись, — Витор продолжал улыбаться, но голос теперь отдавал сталью. Он сознательно поставил ее в такое же неудобное положение, в котором только что оказалась Майя, и даже не намеревался это скрывать.

— Как вам погода? — хоть и почувствовав, что ее первый ход был неудачным, Кэрри не собиралась сдаваться.

— Типичная для начала лета, — опять сухой ответ.

Наверное, Майя должна была бы быть благодарна за отпор, данный Витором, но она этой благодарности не чувствовала. Слишком болезненно воспринимала свои унижения, чтобы радоваться чужим, даже своих обидчиков.

— Не хотите пройтись? Боюсь, если решусь на прогулку сама, заплутаю, и даже не

смогу вернуться в дом, — обладательница сотен бантиков не собиралась сдаваться.

— Это не так сложно, дом отлично виден отсюда, а вот и тропинка, ведущая напрямик до входа, вы по ней пришли, — Витор не предложил руки, не сдвинулся с места, давая понять, что предложение принято, просто улыбнулся самой искренней из возможных улыбок.

Каким бы ни был уровень интеллекта пока что неудачливой охотницы за женихами, прямой отказ она уж как-то поняла. Кинув убийственный взгляд почему-то на отвернувшуюся в сторону Майю, девушка сделала реверанс и отправилась в противоположную сторону от дома. Казалось, скрип зубов невесты слышался еще несколько секунд.

— Вы не должны позволять так вести себя по отношению к вам, — Витор сел на место, а Майя продолжала вглядываться вдаль.

— А что вы мне предлагаете? Бросаться на обидчиков с кулаками? Это ведь не их вина, что все мы воспитываемся под давлением стереотипов, что мир делится на черное и белое, добро и зло, красоту и уродство.

— Вот это и плохо...

— Что?

— Что даже вы считаете это нормальным. Что даже вы, человек, которого проблема коснулась непосредственно, не пытаетесь ее побороть, — две пары голубых глаз встретились.

— Витор, я предлагаю вам сделку, — решение родилось в девичье голове спонтанно. — Я обещаю, что не буду больше терпеть подобные выпады, не могу гарантировать, что сумею дать отпор, но хотя бы попробую, а вы, взамен, тоже начнете борьбу с собой.

— О чем вы? — граф насторожился.

— О Соне. Я ведь не слепа, вижу, как вы смотрите на нее, — для себя, Майя сравнивала нежность, светящуюся в его глазах, с папиной, когда тот улыбался их маме. Герцог так на младшую леди Дивьер не смотрел никогда, во всяком случае, при ней.

— И чего вы хотите? — он же, казалось, уже пожалел о том, что начал этот разговор.

— Всего лишь дать возможность Соне понять, что она вам интересна. Не переживайте, насильно сватать вам сестру я не буду, но мне кажется, вы не проиграете, если будете вести себя чуточку активнее по отношению к ней.

— Вам не понять... — он склонил голову, как бы сдаваясь.

— Мне? Вы считаете, что именно я могу чего-то не понять в сложившейся ситуации? Послушайте, мы говорим о моей сестре, самом родном для меня в мире человеке. И о вас, моем друге. Не стоит скрывать, что вас волнует то, что вы ее недостойны, ведь вы анибалыт. Но, уж поверьте мне, это последний критерий, по которому она будет выбирать вторую половинку. Она нежная, милая, чуткая и справедливая. За нее стоит бороться, — Майя понимала, что посеяла зерно сомнения в разуме Витора, теперь ему предстояло пройти этап борьбы с собой, а это лучше делать в одиночестве.

Сжав ладошку друга, она поднялась с лавки, направляясь в сторону дома. Ей тоже было чем заняться. Например, закончить работу над порученным трудом.

— Как вам книга? Не отбила желание совать нос в дела, недостойные внимание молодой леди? — с первым же вопросом герцога стало понятно, что книга, которую Майя с

таким трудом, но все же преодолела, была выбрана не случайно. Чтоб доказать ей самой, что то, за что она взялась, ей не по зубам. Не дано понять. Но нет, он ошибся, может у нее и возникли проблемы с пониманием, зато упрямства ей не занимать.

— Мне было очень интересно, особенно... — она не успела договорить, герцог, стоящий к ней спиной, у горки, повернулся с поднятым бокалом.

— Виски? — улыбнулся так «искренне», что Майе не нужно было быть семи пядей во лбу, чтоб уловить издевку.

— Нет, спасибо, — она сжала губы. Ничего, он поиздевается немного, развлечется, но пользу-то она уже для себя получила, так что все хорошо.

— Что, неужели вы считаете, что виски напиток не для дам? — конечно, все его «удивление» спланированное. — Ну, простите, шампанское подают внизу.

Герцог прошел к креслу, сел, вытянул длинные ноги, Майя моментально почувствовала себя как в ловушке, ведь теперь он преграждал ей путь, казалось, даже забирал кислород. Несмотря на то, что когда-то она выбросила из головы свои романтические представления об этом человеке, сейчас чувствовала себя неуютно, как в ловушке.

— Начнем, — он сделал глоток из бокала, склонил чуть голову, изображая готовность слушать.

Начать — самое трудное в любом деле. Майя ужасно нервничала, пытаясь построить предложения, она то и дело сбивалась, запинаясь, перескакивала с мысли на мысль. И все это под внимательный взгляд герцога, и из-за него. Никогда девушка не думала, что публичное выступление, даже если публику составляет один единственный человек, может быть таким мучительным. Но, постепенно, страх притуплялся, сосредоточенность на своем задании заставляла отвлечься от реальности.

Необычайное зрелище открывалось перед его взглядом. Дамиан гордился тем, что своими же руками создал спектакль под названием жизнь для присутствующих тут. Дэррек понял его чувства сейчас, смотря на свой собственный спектакль в исполнении одной актрисы.

Она сидит так прямо, как это только возможно, даже в книгах по этикету вряд ли найдешь образец подобной осанки. Ее обычно белое лицо приобрело новизну — девушка покраснела. Не так, как это происходит с красавицами, известными миру, когда их смуглая кожа, кажется, чуть темнеет. А по-особенному, щеки порозовели, а глаза утратили свою прозрачность, наполнившись настоящей бирюзой. Белые кисти рук не оставляли в покое подол платья ни на секунду, теребя ленту. Интересно, а если бы платье было не таким унылым, что-то изменилось бы? В таких раздумьях, Дэррек практически не слушал то, что говорит девушка, ему приходилось прилагать усилия, чтоб отвлечься от своих мыслей и вернуться в реальность.

Когда ему это удавалось, он подмечал, что девушка, практически ребенок, обладает гибким умом, сам бы он в ее возрасте вряд ли понял так много, бросил бы книгу уже на десятой странице, а она не только ее проглотила, но еще и анализировала. Она не то, что оправдала его надежды, нет, скорее выиграла в этом бою, в котором он ставил на то, что девушка не осилит его задание, а она смогла. Но если раньше его бы это разозлило, сейчас он просто решил, что отыграется во втором раунде, а он обязательно будет.

— И вы согласны с этим? — он впервые перебил ее речь.

— С чем? — от неожиданности она впервые за вечер оставила в покое ленту.

— Что для всего есть свой возраст? Что доступное в двадцать уже запрещено в сорок?

— Нет, — это была правда, еще читая, она задумывалась об этом.

— Почему?

— Мне кажется, это слишком упрощенно. Мы же все разные, в мире не найдется одинаковых людей, если не учитывать близнецов, говоря о внешности. Если внешне мы неповторимы, то точно так же мы уникальны и внутренне. Как же в таком случае можно определить, что лично мне надлежит делать в двадцать и в сорок? Или вам?

— Например? — ему было интересно ее слушать, даже не хотелось оппонировать, она его еще видимо боится, малейший натиск заставит согласиться с тем, что он ей навяжет, но не в этом его цель. А в чем? Он сам не понимает пока.

— Вы и Соня, — она сказала это даже не успев осмыслить, ведь именно так аргументировала неправоту мысли для себя.

— И в чем же у нас совпадают интересы?

Майя поняла, что совершила ошибку, ступив на тонкий лед, ведь их личные отношения обсуждать она права не имела, тем более, если она знает, что к нему питает Соня, то насчет его намерений и чувств, может только предполагать.

— Вы разнитесь возрастом, — если быть откровенной, он старше ее почти в два раза, — тем не менее, находите общие темы, точки соприкосновения, я могу предположить, что будь для кого-то из вас это в тягость, общение свелось бы на нет. А так, получается, что одно и то же задевает струны в душе людей разного возраста.

Он был согласен с ее первым утверждением, но не с примером. Она слишком наивна, чтоб понимать, что мужчина готов выслушивать с огромным терпением любую женскую глупость, если он уверен, что, в конце концов, будет по заслугам вознагражден. И тем более, она не могла быть осведомлена в его мотивах по отношению к сестре.

— К сожалению, вы заблуждаетесь, то, что нескольких людей устраивают следствия, не означает, что они ведомы одинаковыми причинами, и стремятся к общей цели. Хотя с другой стороны, это еще раз подтверждает, что вы правы в неповторимости каждого из нас.

— А какие причины у вас? — Майя понимала, что лучшая возможность понять к чему он ведет свою «игру» с Соней, ей вряд ли представится, а не спроси она сейчас, будет корить себя еще долго.

Дэррек опешил, не ожидал от девчонки такой наглости. И даже перестала отводить глаза, смотрит в упор, кажется, не моргает.

— Мне придется предложить вам прочесть книгу по этикету, чтоб таких вопросов больше не возникало, — его слова снова возвели стену, которая только начала опускаться. Заставили девушку почувствовать себя нашкодившим ребенком, которому не стоит забывать, что даже если в комнате присутствуют всего двое, это не значит, что правила устанавливаешь ты и собеседник с тобой во всем согласен.

После сказанного комната на какое-то время утонула в звенящей тишине и напряжении. Майя просто не знала, что ей сказать, а Дэррек не собирался облегчать ее участь ни на грамм. Не выдержав такой пытки, девушка выпалила:

— Простите. Спокойной ночи, — поднялась, учтиво присела перед продолжающим вальяжно восседать герцогом и направилась к двери.

— Я могу сказать вам только одно, мои причины точно не совпадают с думами шестнадцатилетней мечтательницы. Спокойной ночи, — он тоже встал, но направился к

горке.

Сегодня Соня опять пришла ночевать к ней, заявляя, что раз она не желает спать в сухом помещении, ей, как сестре, придется разделить жертвенную участь Майи, а завтра она обязательно лично сообщит о проблеме герцогу.

И вновь в отличие от посапывающей Сони, старшей сестре не спалось. Оказалось, опасаться беспричинно не так мучительно, как имея на то основания. Хоть герцог Мэйдентэр и не сказал прямо, для чего он завлекает Соню, дал понять, что влюбленность сестры не обоюдная. И что же делать теперь? А вдруг уже поздно, вдруг Соня и правда уже любит этого человека, а он в любую минуту может просто надругаться над ее чувствами? Ведь он опасен, и Майя это прекрасно понимала. Ях, как же все сложно... Пусть будет новый день, и новые решения. Закрыв глаза, Майя попыталась уснуть.

Дэррек спал, но совсем не спокойно, ему снились странные сны, Роза, тянущая его за руку по темным коридорам, настолько темным, что он различал лишь ее светлое платье. А потом картина сменилась, они были уже в его комнате, на его кровати, но что-то изменилось — глаза, у Розы были голубые глаза, в которых Дэррек начал тонуть. Это был далеко не кошмар, но проснулся он в холодном поту. Рывком сел в кровати. Видимо, слишком душно в комнате. Подойдя к окну, мужчина подставил лицо и голый торс прохладному ветру. Вот так-то лучше. Нет, эти игры опасны. Уже месяц он живет монахом, конечно, начнется сниться всякий бред, еще и не такой. Нужно срочно что-то предпринять.

Глава 6

— Знаешь, Витор не так хорош, как нам изначально казался, — сестры спустились к завтраку, когда Соня решила завести этот разговор.

— Что значит, не так хорош? — Майя не видела лица Сони — чуть отстала от сестры, пытаясь справиться с путающимся в ногах юбками.

— Понимаешь, вчера, когда ты после ужина пошла в библиотеку, — Майя решила не врать насчет причин своей пропадания, просто умолчала о некоторых деталях. — И герцог куда-то запропастился, он... Мне кажется, он нечестен с тобой. Ведь так нельзя! Какой джентльмен станет проводить время с одной, а потом делать комплименты другой? Я так ему и сказала, что мне его похвалы не нужны! — Майя еле сдержалась от того, чтобы не дать волю эмоциям, застонав. Бедный Витор, наверное, решился сделать шаг навстречу этой несносной идеалистке, причем, скорее всего этот шаг был деликатнее некуда, но нет, она увидела в этом оскорбление сестры, и, конечно, на следующую подобную смелость он решится еще не скоро. О Ях, ну ведь это было бы замечательно! Все проблемы решились бы сами собой, не нужно было бы ломать голову, как отвести Соню от герцога.

Майя догнала сестру, преградив ей дорогу, если сейчас же не поставит все на места, Соня успеет придумать себе что угодно.

На удивленный взгляд сестры Майя ответила:

— Подожди. Я хочу тебе кое-что сказать. Мы с лордом Винсентом друзья и только. Ни я к нему, ни он ко мне нежных чувств не питаем. Поверь, если он проявляет внимание к тебе, это никоим образом не ранит меня. И если он тебе нравится, то...

— Нет, — Соня сняла с перила руку сестры, не дающую ей пройти, и понеслась дальше вниз по лестнице. — Он мне нисколько не интересен. Меня интересует другой человек и ты прекрасно это знаешь.

Опустив руки от бессилия в прямом и в переносном смысле, Майя направилась за сестрой, которой вновь удалось ее удивить.

Соня — хоть и младшая, но, видимо, куда более храбрая. Ведь она не раздумывая, при малейшем сомнении, сказала сестре, что она думает о человеке, который приблизился к одной из них. И пусть ее домыслы неправильны, пусть сомненья неоправданны, факт остается фактом, в отличие от нее, Майя продолжает служить сторонним наблюдателем интриг, в который с каждым днем ее сестру вплетают все надежней, а теперь, наверное, и ее саму.

— Простите меня, — Майя шепнула слова Витору, сидящему по правую руку.

— За что? — он, несмотря на то, что как казалось Майе, должен быть чернее тучи после того, как Соня дала отставку, выглядел вполне довольным жизнью, участвовал в общем обсуждении.

— Простите за Соню, она подумала, что вы интересуетесь мною, поэтому так резко разговаривала с вами вчера, — за столом было слишком много людей, чтоб кто-то обращал внимание на отвлеченных, во всяком случае, Майя на это искренне уповала.

— Майя, вам не за что извиняться, уж поверьте, «резкий» ответ вашей сестры для меня звучал совсем не так, как на то рассчитывала она, — Витор вернулся к трапезе, а Майя продолжала непонимающе смотреть на собеседника. В смысле?

Заметив замешательство, Витор снова повернулся к ней:

— У мужчин иная чем у вас психология, то, что вы считаете отставкой, вашим «последним словом», для нас — только стимул, чтобы достичь цели. Не обижайтесь, но ваши уговоры подействовали на меня не так эффективно, как отворот-поворот вашей сестры, — все еще не понимая до конца то, что ей только что сказали, Майя вымучено улыбнулась, но видимо была еще слишком растеряна, так как получила щелчок по носу от необычайно веселого Витора.

В этот момент на противоположной стороне стола раздался хруст стекла и возгласы — у кого-то лопнул бокал. Такое бывало практически на каждой трапезе.

Витор говорил ей чистую правду — видимо, его останавливало то, что Соня может в принципе не среагировать на него никак, но мелькнувшая в ее глазах ярость вчера заставила его отбросить все сомнения. Намного проще ненависть превратить в любовь, чем заставить зажечься огню в сердце, в котором нет даже искры. Единственное, что его волновало, хотя, наверное, волновало, слово неправильное... Его бесило то, как она смотрит на этого Мэйденстэра. Они никогда с герцогом не водили дружбы, но раньше Витор относился к нему терпимо, а сегодня, понимая, куда Соня оглядывается каждые несколько минут, ему хотелось хорошенько врезать герцогу.

Как забавно людей иногда объединяют желания.

— Ты до сих пор так и не поговорил еще с Винсентом? — Дамиан успевал делать несколько дел одновременно: поддерживать настроение за столом громкими шутливыми репликами, тем самым давая присутствующим тему для разговора на ближайшие пару минут, и в то же время вступить в приватную беседу, не предназначенную для чужих ушей.

— Не так уж ему это нужно, раз за две недели не нашел удобного времени, — Дэррек покачивал в руках бокал, размышляя о своем. Это «свое» уже несколько раз кидало взгляд в его сторону с противоположного конца стола. Если обычно он участвовал в этой игре Сони, сегодня у него не было настроения. Бессонная ночь не располагала к показушной радости.

— Ты же понимаешь, что он хочет спросить, стоит ли его отцу ждать твоей поддержки на голосовании, — Дамиан смотрел на друга напряженно, он так и не был уверен в том, что выдаст его непредсказуемый товарищ. Ему было выгодно, чтоб Дэррек решил поддержать старика, ведь если все получится, через Витора он подберется к нему, а потом уже дело техники — тот сам подготовит замену себе. И этой заменой будет не один из сыновей, а он.

— Понимаю, но ведь может быть такое, что я и сам еще не определился... До выборов еще черти сколько времени. Всякое может случиться.

— Да, ты прав, например, — Дамиан наклонился так, чтобы слышать его мог только друг, — например, уже к выборам дедуле будет не до Палат, придется следить за бегущими вокруг внучками, — он кивнул куда-то головой, Дэррек проследил за взглядом. Эти двое, как истинные белые вороны и так выбивались из толпы, а сейчас она еще и шептала ему что-то практически на ухо, а он при этом улыбался.

Дамиан сказал все, что хотел. А время между его «заводническими» репликами подходило к концу, поэтому отстав от друга, он вернулся к исполнению своих прямых обязанностей. А Дэррек продолжал наблюдать за происходящим на расстоянии нескольких метров. Интересно, о чем они говорят? Судя по довольной физиономии этого Винсента, никак не о философии, в отличие от него. Этот белобрысый начинал его откровенно бесить, сначала навязывается со своими желаниями получить гарантии поддержки отца, а потом... А что потом? Он просто его бесил.

Звон стекла Дэррек услышал как будто издалека, и только через мгновение понял, что это его бокал разлетелся вдребезге в его же руках. Слишком тонкое стекло, слишком сильно сжал. Видимо, представил Винсента. И еще эта Моль смотрит на него практически с щенячьим обожанием. Так же, как ее сестра на самого Дэррека. Это, наверное, у них семейное. Порезался... Ну что ж, будет напоминание.

Обычно, сорвав ромашку, девушки сразу берутся гадать по ее лепесткам на любовь. Любит, не любит. Но чтоб гадать, нужен объект, тот, кто может любить или нет. Когда такого нет, воспринимаешь белое солнце ромашки как обыкновенный цветок. Сегодня впервые за несколько дней Майя взяла с собой на прогулку карандаш. Во-первых, решила последовать совету Витора, а во-вторых, правда соскучилась по ощущению творчества. Сегодня же пришел ответ от мамы. Дома все хорошо, она, скорей всего, сильно тревожится, так как несколько раз предлагала прислать за Майе экипаж, хотя знала бы она как все происходит по-настоящему, скорее заволновалась бы о своей младшей дочери. Но не сейчас. Сейчас даже в их мирке воцарил настоящий покой. Мужчины поехали на охоту, а значит, на поляне образовалась женская идиллия.

Роли, розданные судьбой мужчинам и женщинам, видимо, не совсем слепой жребий. Ведь вряд ли хоть один из десяти мужчин обменяет возможность гарцевать на коне с ружьем в руках, на право водить иглой по ткани, создавая хоть и красивый, но требующий щепетильности и огромной выдержки рисунок гладью. А женщина не согласится отложить вязание ради ружья. А даже если согласится, то ведь никто не предлагает?

Вот так, сидя на одном огромном покрывале, десять девушек занимались тем, на что не находили времени эти три недели.

— Виконт Килтон клятвенно обещал, что не оставит нас ради какой-то охоты, — Дэйзи, симпатичная девушка, отличительной чертой которой была россыпь веснушек, покрывающая все доступные глазу части тела, отложила пяльцы и уставилась куда-то вдаль. Виконт, один из молодых людей, очутился тут, казалось, по ошибке, ведь все знали, что он давно и безнадежно влюблен в свою же невесту, которая была сосватана ему еще задолго до рождения, путем клятв их матерей, лучших подруг и величайших сплетниц современности. Безнадежно потому, что значения этой клятве придавал кто угодно, но только не невеста.

— Вы так наивны, Дэйзи, право слово, еще скажите, что герцог тоже обещал остаться, лишь бы мы не заскучали, — Кэрри уже несколько минут силилась распутать клубок, образовавшийся из всевозможных ниток ее вышивки. — Или, Соня, герцог тоже обещал?

Почти все взгляды устремились на Соню.

— Нет, мне о подобном неизвестно, — она ответила непринужденно, продолжая плести венки из собранных вокруг полевых цветов.

Видимо, такой ответ не удовлетворил злорадство Кэрри, так как отступить она не

собиралась.

— Хотя, конечно, откуда же это знать милой Соне... Герцог ведь даже перед любовницей не отчитывается, что уж говорить о мимолетном увлечении... — сказанное было далеко за гранью приличия, но все девушки прекрасно понимали, что Кэрри не терпится выложить всю информацию, какой она обладает насчет личной жизни герцога Мэйденстэра. А узнать эту информацию, не против был никто, включая Майю, которая, не прерывая рисование, наострила уши, и Соню, отложившую наконец-то венки. От нее же очевидно ожидалось оппонирование.

— Любовнице? — вот и все, что требовалось — просто выразить интерес, и тем самым сделать огромное одолжение всем присутствующим дамам, и себе в первую очередь. Осведомлен — значит вооружен.

— Конечно, любовница! Неужели, вы не знали? — вопрос не требовал ответа. — Ведь вы не думаете, что такой мужчина ведет жизнь затворника? Всем известно... — она специально сделала ударение на «всем», указывая на их дикость, отдаленность от высшего света, в котором известно, видимо, действительно всем, но вот только кто же станет делиться подобным со своими детьми-девочками? — Это же главная сплетня сезона — герцог разругался со своей любовницей, актрисой, мисс Розой Смитт. Я видела ее на одном из званых вечеров, она очень не дурна собой. Даже не так — поистине красива! У герцога есть вкус в женщинах, хотя... возможно не всегда. Да не важно... — вот теперь ее было уже не остановить, даже если бы все присутствующие собрались уходить, она силой заставила бы выслушать себя до конца. — Он не пришел на ее премьеру, они, конечно, и до этой весны часто ссорились, не на людях, но если герцог появляется на мероприятии один, значит Роза в немилости. Но, тем не менее, на ее премьеры он приходил всегда, а на последнюю не пришел. Его ложа пустовала, напоминая ей о том, что теперь-то он точно не вернется. Не помогут ее обычные «штучки», которые тоже передаются в свете из уст в уста. Если действует с герцогом, на кого же могут не подействовать? Я, конечно, могу только предполагать, за что же он так на нее разозлился, но поговаривают, что это финал. И вот теперь герцог пользуясь своим правом хозяина, подыскивает замену на тепленькое местечко. Жена ему не нужна, это ведь обуза, а глупенькая смазливая девочка на роль любовницы — самое то, — камень в огород Сони был так очевиден, что усердно делавшие вид бурной деятельности девушки вмиг замерли.

— Кэрри, милая, а скажите, пожалуйста, откуда же вы владеете такими познаниями в этой сфере? Я имею в виду и герцога, и вакантные места при нем, уж не провалили ли вы конкурс? Ваша осведомленность заставляет задуматься, — Майя была так горда за сестру сейчас, восхищалась ее смелости, выдержке. Сказав это, Соня встала, взяла венок своей работы и направилась в сторону дома.

Дальше девушки продолжили работать молча. У каждой было о чем подумать. Нет, конечно, желчь Кэрри нельзя принимать близко к сердцу, каким бы ни был герцог, он не позволит себе подобного поведения с Сонею. И даже если осмелится на подобное, сестра так же даст отпор и ему. Несомненно, именно так и будет! Ведь это она — гордость рода, она — пример для многих и многих девушек, даже старших. Для самой Майи.

Когда солнце уже клонилось к закату, начало холодать, а глаза устали от мелкой работы, девушки засобирались перейти в библиотеку. Их планы нарушил доносившийся со стороны конюшен гомон. Вернулись охотники. Уставшие от длительного сидения, разгоряченные азартом, девушки побежали туда, получить возможность первыми лицезреть

трофеи, а главное — добытчиков.

— Дамиан, не вводите девушек в заблуждение! Они ведь потребуют подтверждения, а медвежьей шкуры в доме не найдется, что вы будете делать тогда, искать настоящего медведя?

Компания в полном сборе устроилась в гостиной. Впервые за эти несколько недель растопили камин, хотя Майя считала, что неплохо бы делать это каждый вечер. Она мерзла ночами в комнате. В то время, как стоя у камина, граф травил байки, сама Майя сидела с книжкой на кушетке возле стеллажей. Соня в нескольких метрах от нее оттачивала свое мастерство игры в шахматы, в чем была непревзойденна. Весь вечер они играли на выбывание, и весь вечер она провела у доски. Сейчас разыгрывалась самая любопытная для Майи партия — с Витором. Все уже порядком устали следить за происходящим за игровым столом, кроме того, истории, которые рассказывал Дамиан, были и вправду интересными, поэтому между молодыми людьми образовался практически тет-а-тет.

Очень долго, казалось, целую вечность, они играли молча, оба напряженно всматривались в шахматную доску, ждали ответного хода противника, Соня морщила лоб, подносила руку к фигуре, а потом меняла свое решение. Зная сестру и обычную ее манеру игры, Майя решила, что она просто устала. Еще бы. Видимо, это заметил и Виктор, так как он сам, своими же ходами, закрывал те дыры, которые девушка оставляла из-за невнимательности. Ему хотелось продлить удовольствие, и ради этого он играл за двоих и на двоих.

— За кого вы болеете? За сестру или своего не совсем тайного воздыхателя?

Дэррек тоже наблюдал за игрой, но совсем не с тем интересом, что Майя. Ему любопытна была ее реакция. Выражение лица девушки говорило о полной ее сосредоточенности на происходящем. Книга, которую та держала в руках, давно забыта — вот уже десять минут страница не переворачивалась. Казалось, она даже забывала моргать, наблюдая за игрой. Он почти сразу заметил, что Соня сделала несколько грубейших ошибок, а этот болван вместо того, чтобы ими воспользоваться, их нивелировал. Хотя может и не болван? Может он сделал это специально? Но зачем?

— Что? — Майя была настолько увлечена, что не заметила, как к ней подошел герцог, не имела понятия, как долго он за ней наблюдал, и что хотел узнать.

— Я спрашиваю, за кого в подобной ситуации болеет человек? За родную сестру или потенциального жениха? — для Майи не было секретом, что все присутствующие судачили о том, что в этом доме сошлись два анибальта. Что это единоверный путь — сводить им подобных между собой, пусть радуют глаз друг другу, и не заставляют лицезреть их другим. Опровергать? Зачем? Ведь если этого хотел бы Витор, он, очевидно, заявил, что никакого интереса она для него не представляет. А сама Майя слишком боялась публичности, чтоб вступать в диалоги на подобную тему.

— Я не болею, я просто наблюдаю, — пришлось оторваться и от наблюдения, во всяком случае, на время разговора.

— Вы лжете, — он чуть наклонился, взял из рук девушки книжку, она еле сумела подавить глупое желание выдернуть вещь обратно. Мужчина покрутил в руках томик, прочитал название, усмехнулся и протянул обратно. Сегодня Майя взяла с полки первую попавшуюся книгу, лишь бы скоротать вечер, как оказалось, подобный выбор ни к чему

хорошему не привел. Основы анатомии, к сожалению, скорее клонили в сон, чем к прочтению. — А может вы ревнуете? Ведь прекрасно видите, что ваш потенциальный благоверный поддается сестрице? — он продолжал смотреть на то, как разыгрывается шахматная партия, что давало возможность Майе рассмотреть его.

— Вы ошибаетесь. Я просто наблюдаю.

— А вы повторяетесь, что заставляет меня убедиться в своей правоте еще сильнее. И знаете, я думаю, вы не безосновательно волнуетесь. Ваша сестра стоит того, чтоб подступиться к ней... — он кинул взгляд вниз, на нее, и со своей обычной жестокой усмешкой продолжил, — через вас. Вы же не станете утверждать, что такого не бывало? — Майе показалось, что к лицу прилила вся кровь в организме. Да, он прав, такое было, однажды. Это стало еще одним слоем ее раковины, в которую посторонние больше были не вхожи.

— Что произошло с вашей рукой? Поранились на охоте? — меняет тему? Неужели девочка растет? Он-то думал, что будет лицезреть очередную капитуляцию — потупленный взгляд, смятые складки платья. А нет, кажется, все меняется. И, святой Ях, он был доволен такой перемене.

— Нет. Это все происки одной маленькой ведьмы, — когда не ожидавшая подобного заявления Майя снова вскинула не него взгляд, герцог продолжил. — Да, вы не ослышались, в моем доме, оказывается, бывают и такие. Но не волнуйтесь, я расквитаюсь за нанесенный урон.

О ком он говорит? Какая ведьма? Он в своем уме? Может, перебрал вина за ужином? Вроде бы нет, стоит на ногах крепко, и взгляд осмысленный, насколько об этом можно судить в полумраке, царящем в ее углу. Но, что же тогда он имел в виду? Майя окинула его непонимающим взглядом, надеясь лишь на то, что это не Соня повинна в травме, хотя представить не могла, при чем тут может быть она.

— Если вы ставили на Винсента, могу вас поздравить, — после несколькоминутной тишины он вновь заговорил. — Ваша сестра капитулировала, — в этот самый момент Соня легким движением отправила своего же короля на шахматную доску к ногам вражеской королевы. Правда при этом девушка улыбалась, наталкивая на мысль о том, что капитулянты обычно выглядят не так.

— Она просто устала, — почему-то захотелось вступить за сестру, оправдать ее, хотя ни в каком оправдании та не нуждалась.

— Что-то давно я не прибежал к вашим услугам взамен на мою доброту, вам так не кажется? — теперь уже он моментально и кардинально перевел тему.

— Простите?

— Мне нужен перевод одной книжки, не беспокойтесь, книга не так велика, кроме того во времени я вас не ограничиваю, но уповаю на вашу добросовестность.

— Что за книга?

— Не переживайте, ее уже доставили вам в комнату, я распорядился. Надеюсь, получить перевод как можно раньше.

Встав из-за стола, искренне благодарная за свое освобождение Соня выражала его Витору, даря внимание и такую милую его сердцу улыбку. Идиллию нарушил направившийся в их сторону герцог. Оказалось, что и улыбки бывают разными, уставшая Соня расцвела на глазах. Бедный Витор. Майя могла пожелать ему только терпения.

Интересно, что же за книга ожидает ее сегодня? Как бы настороженно она ни

относилась к герцогу, наличие у него вкуса в литературе отрицать не могла. Поэтому близившееся удовольствие от прочтения уже предвкушала.

— Он мне поддался... Витор. Если бы не была настолько уставшей, сказала бы ему все, что думаю по этому поводу... Но я действительно ему благодарна. Еще одна партия, и я разбила бы шахматную доску об пол, — держа в руках свечи, девушки брели в направлении своих покоев, дом медленно погружался в сон. — Но как только подошел герцог, я попыталась явно дать понять, что благодарна и все, ничего больше. Не буду подыгрывать ему, когда он заигрывается на два фронта, — Соня даже чуточку повысила голос, видимо, надуманное поведение Винсента ее сильно возмущало.

— У меня не выпадало возможности тебе сказать, Соня, но послушай, все ведь не так, как ты думаешь, он не ведет двойную игру... — когда младшая сестра кинула на Майю полный сомненья взгляд, та поправила, — не ведет ту игру, о которой думаешь ты. Нас с ним связывают только дружеские отношения.

— И что? Где дружба, там и любовь.

— Ты слышишь меня? Дружба, и все.

— Ты просто не хочешь расстраивать меня, и этого своего друга. Нет, меня не интересуют мужчины, которые ведут себя как последние негодяи, сначала пытаются проникнуть в доверие к тебе, а потом подступиться ко мне. Ведь если бы подобное случилось со мной, ты вела себя так же, почему ждешь, что я, как ни в чем не бывало, предам тебя?

— Но, Соня, ведь это никакое не предательство! Я просто не хочу, чтобы ты обижала человека, который совершенно искренне хорошо относится ко мне и так же искренне к тебе! Почему у тебя не возникает мыслей о том, что твой обожаемый герцог не так свят, как представляется, но вопреки моим словам, ты готова поверить в наличие всех грехов мира в Виторе? — за разговором они подошли к покоям Майи, открыв дверь, она впустила сначала сестру, а потом вошла сама.

— Ты имеешь в виду эту клевету, которой пыталась меня задеть Кэрри? Не смейся, ведь любому понятно, что она говорила это только чтобы позлить, — Майя, конечно, прекрасно это понимала, но ведь это не значит, что сказанное — вранье.

День был слишком длинным и утомительным, чтобы спорить еще и всю ночь, Майя пошла на попятные.

— Я просто прошу тебя не судить о людях впопыхах и доверять мне. Ты останешься?

Соня, зажигающая в это время свечи в комнате, поморщила нос то ли от несогласия с просьбой, то ли от вопроса.

— Нет, ты опять усядешься читать до рассвета, и я не смогу заснуть. Лучше уж пойду к себе.

Исполнив свою миссию по освещению комнаты, девушка подошла к стоящей у двери Майе, обняла ее, поцеловала в щеку, пожелала сладких снов и отправилась восвояси.

Ох, святой Ях, как же тяжело советовать кому-то как вести себя в делах любовных, когда сам в этом полный профан.

Первым делом Майя отправилась в ванную. В отличие от процедуры одевания, снять с себя многочисленные юбки, корсеты и прочую ерунду особого труда не составляло, зато ощущение легкости вознаграждало за страдания на протяжении всего дня. Теплая вода с

лавандой, оставленная заботливой служанкой, помогла расслабиться окончательно.

Проведя не меньше получаса где-то между реальностью и сном, Майя вылезла из практически остывшей воды, завернулась в огромный, явно не по размеру, махровый халат и направилась в комнату.

Единственный, кто может переубедить ее в том, что герцог Соне не подходит — сам герцог. Он должен или перестать уделять сестре внимание, или подтвердить предположения Кэрри, и тем самым оттолкнуть девушку, либо, к огромному стыду Майи, оказаться истинным джентльменом, который искренне интересуется ее сестрой, и имеет на ее счет определенные намерения.

Перед тем, как лечь спать, девушка опять прошла по комнате, гася все свечи. Конечно, они создавали уют, даже романтику, но ее нервировал тот факт, что, несмотря на теплый цвет огня, настоящего тепла свечи не даровали, а она все продолжала мерзнуть из ночи в ночь. Проходя мимо стола Майя притормозила — там лежала книга. А ведь она совсем уже забыла, герцог обещал предоставить ей фронт работ. Интерес победил желание спать, Майя взяла книгу, устроилась на кровати, подоткнув со всех сторон одеяло, поставила свечу на прикроватную тумбочку. Название показалось отдаленно знакомым, но откуда, Майя вспомнить не смогла. Автор — женщина, имя тоже ни о чем не говорит. Книга совсем не большая, в тонком переплете, не похожа на те произведения искусства, которые хранились в обнаруженной ею библиотеке. Ну что ж, за перевод она сегодня не возьмется, но что мешает ей хотя бы начать читать?

Часто, читая книги, Майя представляла себя на месте главных героев. Как они творят великие дела, совершают кругосветные путешествия, растят детей, создают научные теории, участвуют в судебных дебатах. Ее манило то, что по определенным причинам было недоступно. Наверное, потому, что ей недоступно было больше, чем даже ей подобным.

С этой книгой все было наоборот, как бы Майя ни пыталась отбросить любые аналогии, они следовали за ней. Девочка, видящая свое призвание в науке, служении знаниям еще с пеленок, должна была за такое свое право бороться. И, черт возьми, она боролась! Боролась с отцом, считавшим, что размер мозга обратно пропорционален способности к деторождению, с мальчиками-одноклассниками в приходской школе, чьи издевательства граничили с настоящими пытками, с нежеланием воспринимать ее учителями. Она боролась с тем, войну чему Майя проиграла сразу же — с обществом. Со стереотипами, с предубеждениями. Каждый раз, когда при Соне ее кто-то пытался уколоть, Майе становилось намного хуже, чем от обычного оскорбления, ведь обязанность защищать возлагались на плечи младшей сестры, потому что сама Майя капитулировала...

Девушка понимала, что именно эту книгу герцог тоже дал ей неспроста. Очередная проверка. Очевидно, перевод ему не нужен, он прекрасно знал, что именно дает ей для «работы». Может просто снова пытался показать ей, что то, за что она взялась — не ее ума дело? Нет, как оказалось, она тоже умеет быть упрямой, упрямой в самых сложных спорах — с самой собой. Почему-то именно тут Майя поняла, что сдаться не может. Она была даже благодарна непонятному ей невольному толчку герцога. В эту ночь Майя приняла для себя важное решение, которое ей предстояло воплотить в жизнь — творить свою жизнь своими же руками.

Глава 7

— Герцог! Ваше молчание — это тонкий намек, что мне пора заняться вышивкой? — Соня с Дэрреком разыгрывали шахматную партию, ведь вчера им это не удалось, и он взял с нее обещание наверстать упущенное сегодня.

Дэррек встряхнул голову, возвращаясь из мира своих мыслей в реальность.

— Простите, Соня, я задумался над следующим ходом, — он улыбнулся девушке и сдвинул фигуру, сделав ход, спланированный задолго до того, как походила Соня.

— Тогда давайте сделаем паузу, я уже тоже засиделась. Так почему бы нам не пройтись по комнате? Размять ноги и проветрить голову? — девушка вскочила, не дождавшись ответа.

Ее непосредственность совсем не раздражала Дэррека, она правда умиляла. Все в ней — ее наивность, детская серьезность, попытки рассуждать на взрослые темы. Когда-то из нее получится умная, невероятно красивая, достойная лучшего женщина. Но он в очередной раз убеждался, что не собирался ждать этого «когда-то». Ведь какой-то бы чудесной она ни была, она не его. Вопрос только в том, сколько он будет тянуть с тем, чтоб объяснить это и ей.

— С удовольствием... — Дэррек поднялся с кресла, предложил девушке руку, и пара направилась совершать импровизированный круг почета. Так как на улице лил дождь, почти все присутствующие решили скоротать время здесь, потому в комнате царил хаос. Группа из шести человек играла в лото, Дамиан практиковался на фортепиано, компания девушек обступила его частоколом, кто-то смотрел в окно, кто-то просто беседовал. Окинув взглядом всех присутствующих, Дэррек не заметил светлое пятно, которое уже привычно выискивал. Ну и Винсента, конечно, тоже среди присутствующих не было.

— А где леди Дивьер? Опять нездоровится? — почему-то Дэррек был уверен, что эти двое наедине точно не о книгах дискутируют.

— Нет, Майя чувствует себя хорошо, вот только, если бы не это ужасное пятно на потолке... — Соня как истинная женщина сделала вид, что взболтнула лишнего, прекрасно понимая, что ее реплика без внимания не останется.

— Какое пятно на потолке? — Дэррек же, если честно, не особо вслушивался в суть разговора. Он чувствовал, как с каждой секундой все больше закипает. Что его так бесило? То, что под его крышей где-то сейчас, возможно, уединилась пара? Ну и что? Наверняка не одна, ведь в комнате далеко не все. А может она сейчас демонстрирует своему другу его библиотеку? Эта девушка позволяет себе слишком много. Ей не подобает вести себя подобным образом, устраивать в его доме тайные свиданья с другим. Вот. С другим...

— После тех ливней, которые прошли недавно, в комнате Майи, над окном, образовалось пятно, и оно во время дождей увеличивается. Сразу становится так сыро — ужас. А она... Она ведь и вправду может заболеть...

— Почему же леди Дивьер сама не сообщила мне об этом? Неужели леди Майя слишком горда для этого? — Дэррек был слишком взвинчен, чтоб думать о том, не грубо ли он сам ведет себя.

— Почему вы так говорите? Вы ведь совершенно не знаете Майю... — Соня бросила на мужчину взгляд раненного животного. Его слова действительно задели. Он хотел вогнать

шпильку в кожу, но вот только не тому адресату. — Вы все тут... Простите, — она высвободила руку, присела, а потом помчалась прочь из комнаты. Такой реакции он не ожидал. Именно поэтому и сам отреагировал не так проворно. Упустив несколько секунд, Дэррек проследовал за барышней.

Главной темой сегодняшнего вечера в их ограниченном светском кругу стала погоня герцога за рыдающей леди Дивьер, которая призналась ему в любви, а он не ответил ей взаимностью. Даже в такой маленькой компании слухи могут облачаться в совершенно невообразимые формы.

— Подождите... пожалуйста, — он нагнал Соню в коридоре, девушка не рыдала, сжав кулаки, она мчала быстрым шагом в гостевое крыло. На призыв герцога Соня откликнулась сразу. Резко остановилась, развернулась на каблуках.

Вот только на обычно лучащемся доброжелательностью личике горел истинный гнев.

— Простите за то, что я сейчас скажу, но это не я проследовала за вами. В жизни каждого человека есть вещи, над которыми не позволено насмехаться, глумиться и топтать. Как бы хорошо я ни относилась к человеку, подобного поведения в отношении своей сестры я терпеть не буду. Прошу прощения, что не доиграла партию, но поверьте, если бы не ушла, сказала то же самое, но уже при всех!

Подобная реакция стала неожиданной.

— Это я должен извиниться, — Дэррек пошел на попятную, ведь без сомнений, девушка направлялась в комнату лишь затем, чтоб начать собирать вещи и отправляться домой... С сестрой. — Примите мои извинения, замечание действительно было непозволительным, впредь такое не повторится, — сказано это было официальным тоном, не оставляющим сомнений в серьезности.

Лед тронулся, нескольких секунд напряженного молчания, и гнев в глазах девушки уступил место стыду за то, что сорвалась.

— Вы просто и представить себе не можете, как раните ее своими словами, подтруниваниями, шутками. Люди иногда слишком жестоки... — в глазах девушки читалась надежда на то, что Дэррек одним своим волевым действием решит проблему жестокости человечества за раз. Но он был не всемогущ.

— На то мы и люди. Не волнуйтесь, в ближайшее время я подыщу для леди Майи достойные покои.

Эту шахматную партию так и не закончили, взявшиеся за это гости бросили затею, не понимая, к чему вели прошлые игроки.

Когда Соня вошла в комнату сестры, та даже не обратила на нее внимания, слишком была увлечена очередным чтивом. В последнее время Соня почти не видела ее без книги в руках, Майя и дома отличалась своей страстью к чтению, но тут эта страсть обрела невиданных доселе размеров.

Подсев на ручку кресла, в котором устроилась Майя, Соня попыталась тоже вникнуть в текст, но ее постигла неудача, в отличие от старшей сестры, когда перед ней стал выбор, каких преподавателей приглашать для нее, младшая дочь Дивьер отказалась от языков в пользу логики, зря? Возможно, но пока что она об этом не жалела.

— Почему ты не в гостиной? — Майя захлопнула книгу, понимая, что сестра пришла никак не для игры в молчанку.

— А ты? — Соня положила голову на плечо сестры, прерывисто вздыхая — осадок от беседы с Дэрреком остался, желание защитить сестру тоже. — Герцог пообещал, что тебе подготовят другую комнату.

— Зачем? — Майя встрепелась.

— Потому, дорогая моя сестренка, — Соня убрала несуществующую пылинку с воротника платья сестры, — что леди Дивьер не привыкла жить в комнате, с тропической влажностью.

— Соня, правда, это не имеет никакого значения, я уже привыкла, — Майя встала, отнесла книгу на стол у окна и опять повернулась к сестре. — Я не хочу, чтобы ты была должна этому человеку. Я ему не верю, — вот так, незаметно для себя, герцог Мэйдентэр сам вложил ей в руки оружие в борьбе с ним. Книгой, которая заставила найти в себе смелость, он нажил врага в ее лице. Уже не молчаливого, наблюдающего за тем, как медленно, но верно он подбирается к сердцу ее сестры, чтоб его растоптать, а готового к действиям.

— Кому? — Соня соскользнула с подлокотника, устроившись в кресле.

— Герцогу. Он не так прост, нельзя ему безоговорочно доверять.

— А кто тебе сказал, что я доверяю ему безоговорочно? — несмотря на совершенное спокойствие тона, Майя почувствовала, что атмосфера в комнате начала накаляться.

— А разве нет? — чтобы продолжить спор, Майя собрала все силы в кулак. Спорить было для нее непривычно, а тем более с такой родной и любимой Соней.

— Конечно, нет. В этом доме единственный человек, которому я доверяю безоговорочно, — это ты.

— Соня, просто дай мне слово, что будешь просчитывать свои жизненные ходы не лучше, чем шахматные. И все, я больше ни о чем не прошу.

Соня улыбнулась, температура в комнате как будто сразу поднялась на несколько градусов.

— Договорились, но взамен на это ты оставишь свои излюбленные книги и проведешь день со мной, кажется, и дождь закончился, земля чуть подсохнет, и пойдем гулять.

Вот уже три с лишним недели этот напыщенный индюк не находил времени на то, чтобы уделить ему, Витору, час своего драгоценного внимания. Постоянно, когда бы и где бы они ни пересеклись, рядом вился кто-то еще, а на вопрос, не может ли его светлость уделить время, тот предлагал решать все проблемы в присутствии свиты. Очевидно, это было невозможно.

А больше всего Витора выводили из себя моменты, когда такой свитой оказывалась милая смуглая Соня. Та, чьи глаза ему снились почти каждую ночь, та, что занимала все его мысли. И, черт возьми, она смотрела на герцога так, как он, наверное, сам смотрел на нее! А в ответ — одно снисхождение. Нет, конечно, ему-то отсутствие ответного чувства со стороны Мэйдентэра на руку, но в такие моменты в герцоге его раздражало все.

Сегодня он собирался добиться своего. Сославшись на дела, Дэррек покинул компанию практически сразу после ужина, Витору же осталось только узнать у дворецкого, где тот будет решать свои «дела» и нагрянуть с визитом. По заверениям служащего хозяин занимается корреспонденцией в кабинете. Что может быть удачней?

Розыски нужной комнаты заняли не так мало времени, несмотря на достаточно

длительное пребывания, дом досконально изучить гости так и не смогли. Витор уже занес руку для того, чтобы постучаться в нужную дверь, когда услышал разговор, доносящийся из-за угла.

— Миледи, неужели я могу надеяться на то, что вы не случайно направляетесь в библиотеку, уже закончили мое задание, и просто запомнили сообщить об этом мне? — голос принадлежал Дэрреку, но несмотря на то, что человек, за которым Витор и направлялся, был обнаружен, он почему-то решил повременить с собственным появлением.

И через секунду мужчина понял, что поступил правильно — слишком был бы удивлен, увидев, к кому же обращался герцог.

— Да, я закончила, сообщила бы завтра, а сегодня хотела вернуть книгу, — Майя лукавила, она прочитала уже давно, просто оттягивала необходимость опять оставаться тет-а-тет с герцогом. Боялась, что он станет камнем преткновения ее решения, слишком боялась быть высмеянной им, не найти ответа на его контраргументы. Почему именно его? Может, потому что только в его лице она и получала оппонента, а может, все не так просто.

— Ну зачем же откладывать на завтра? Прошу, — еще полминуты Витор слушал удаляющиеся шаги. Майя? Что за задание? Неужели она проделывает что-то за спиной у сестры? Нет, это не похоже на ту искреннюю девушку, с которой он общается уже достаточно долго. Нет, у этого точно должно быть логическое объяснение. Обязательно. И завтра он его узнает. А пока, раз герцог занят, почему бы не вернуться в зал и не занять внимание Сони...

Дэрреку порядком надоело однообразие вечеров, приелась навязанная обстоятельствами компания, ему нужен был отдых, и как ни странно, этим отдыхом служила работа. За несколько недель накопилось много корреспонденции, которую нужно было разобрать. Зайдя в кабинет, он зажег светильники, устроился за столом, и лишь потом вспомнил, что оставил письма в библиотеке, точнее именно туда ему их принесли. Ругнувшись, он поднялся с места, вышел в коридор и направился в сторону нужной комнаты.

Вернувшись после ужина к себе в комнату, Майя взялась за карандаш, но вдохновение не настойчиво отказывалось баловать ее своим вниманием. Ей уже несколько дней не удавалось выдавать из себя хоть что-то, хоть штрих. Она все наводила существующие линии, но не двигалась дальше. Майя даже не знала что рисует. Какую-то странную абстракцию, позволяя руке руководить разумом.

Нет, сегодня тоже ничего не получится. Отложив бумагу, она направилась совершать обход комнаты. На нее напало мучительное желание что-то делать, но разочарование во всем, за что пыталась взяться. Ни книга, ни вышивка, ни плетение новой прически, увиденной у одной из дам не увенчались успехом. Возвращаться вниз Майя не хотела, ведь там было откровенно нудно, шутки, повторяющиеся по несколько раз на вечер, люди, рассказавшие уже все реальные и почти все выдуманные истории о себе. Нет, маяться там тоже будет ужасно. И тут Майя вспомнила о книге, прочитанной на следующий же день после получения, но назад вернуть ее она все не удосуживалась. Почему? Не хотела, чтоб герцог заметил книгу на месте, оттягивала неминуемую встречу. Но сегодня ее разрывало желание делать хоть что-то, хоть куда-то бежать, а прогулка в библиотеку показалась не

такой уж неудачной затеей. Взяв в руки книгу, девушка отправилась в путешествие по знакомым коридорам.

Дэррек заметил ее раньше, чем она его. Одета в темные одежды, она как-то слишком быстро, отрывисто, не так плавно как обычно направлялась в его сторону.

— Миледи, неужели я могу надеяться на то, что вы не случайно направляетесь в библиотеку, уже закончили мое задание и просто запомнили сообщить об этом мне? — вправду не видевшая его до произнесенных слов, Майя остановилась всего в полуметре, не окликни ее мужчина — налетела бы. Подняв глаза, девушка отшатнулась от неожиданности и от испуга.

— Да, я закончила, сообщила бы завтра, а сегодня хотела вернуть книгу, — девушка ответила как на духу, ведь застали ее с вещественным доказательством на руках. Книгу она по-прежнему прижимала к груди.

— Ну зачем же откладывать на завтра? Прошу, — Дэррек нехотя поднял глаза, созерцание книги его сейчас занимало меньше всего, с учетом того, какой вид ему открывался. Отворив перед девушкой дверь в библиотеку, он пропустил ее вперед.

Майя недоверчиво посмотрела на протянутую руку, приглашающую войти, и после секундного колебания все же проследовала в комнату. Опасность, витающую вокруг этого человека, она ощущала каждой клеточкой. Проходя мимо даже затаила дыхание, боясь чего угодно, вплоть до подножки. Она совершенно его не понимала.

Но знай девушка, какие мысли в этот момент роятся в голове мужчины, упала бы без посторонней «помощи». Следя за вернувшейся к своей привычной плавности движеньем Майей, герцог вспоминал свой сон и признавал перед собой, что совсем не прочь сейчас его повторить. Но только в других декорациях, и в реальности.

— От виски вы как всегда откажетесь? — Дэррек закрыл дверь, прошел к бару.

На столике лежала корреспонденция, за которой он сюда и направлялся, но мысли о ней вылетели из головы. Опустив сюда же книгу, Майя невольно прочла имя отправителя верхнего из писем — мисс Р. Смитт. Ей вспомнился рассказ Кэрри. Значит, она права, герцог не устоит перед просьбами прощения любовницы, а страдать от этого предстоит ее Соне. Ох, Витор, ну что же ты не делаешь ничего?

— Вы увидели там что-то интересное? — нырнув в свои мысли, Майя невольно водила пальцем по витиеватым буквам на конверте. Услышав же замечания, девушка отдернула руку, боясь быть обличенной в слишком явном любопытстве. Как он оказался за ее спиной, девушка не заметила. — Посягаете на мою личную корреспонденцию? — он наклонился непозволительно близко, от шепота и его дыхания по шее пошли мурашки.

Опять, она опять почувствовала эту опасность, наполненность комнаты им, желание сбежать, или хотя бы открыть дверь, но все, на что Майя сподобилась — обойдя герцога, села в кресло. Ведь и вправду обещала перевести, и не имеет значения, какие у него мотивы, она свою часть уговора исполнит.

Дэррек хмыкнул, побег — не лучшая тактика, но откуда об этом знать добыче?

— Вы теряете сноровку, прошлые мои маленькие поручения выполняли куда быстрее, а тут — такая маленькая книжечка, и что? Почему же так долго? — он взял со столика оставленную там книгу, проследовал к противоположному креслу, как всегда, когда они устраивали эти «дружеские посиделки». Она сидела на освещенной стороне комнаты, он в

тени, это порядком надоедало ей, но в то же время и устраивало — иногда она даже забывала, что ведет беседу с живым человеком. Его же устраивало все — пункт для обозрения просто отменный.

— Возникли сложности, мой язык не идеален.

Она лукавила, к сожалению, Дэрреку еще не удалось убедиться в том, что и разговаривает она на нескольких языках бегло, но то, что читала без проблем — совершенно точно.

— А что идеально? — она вскинула мимолетный взгляд на собеседника, а потом снова вернулась к созерцанию одной из книжных полок.

— Я начну? — Майя не собиралась вступать с ним в дискуссию о том, какой недостаток в себе она сама считает самым большим.

— Конечно.

Рассказ, как и обычно, получался насыщенным, логичным, последовательным. Дэррек заметил, что некоторые эпизоды она упустила, совершенно точно сознательно, пытаюсь обойти острые углы, и его «незнание языка», не позволяло ее хитрость открыть. Хотя и ему, и ей было очевидно, что это не так. Предлог, под которым эти вечера они вели беседы, он хотел сохранить.

— Вам жалко ее?

Увлечшись рассказом, Майя постепенно снова расслабилась, нервозность прошла.

— Нет, она прожила полную жизнь, ощутила такой спектр эмоций, который не суждено испытать и за сотню лет.

— А как же женское счастье? Ведь его-то она не успела познать.

— Вы думаете? — Майя набралась смелости настолько, что решилась даже на вопрос. — Могу я кое-что спросить?

Герцог кивнул.

— Что такое, по-вашему, это женское счастье? Откуда мужчине знать, в чем оно?

У этой девушки в голове и вправду роятся смелые мысли, слишком смелые для ее положения... И ее состояния...

— Мужчина — вот и все женское счастье.

— Это вздор! — Майя искренне возмутилась. — Вот поэтому мужчине и не понять женщину. Вы слишком большую роль определяете для себя в нашей жизни, — сама не понимая толком почему, Майя практически рассердилась на него. Такое его видение счастья для любой из них сильно напоминало правду, но не сейчас, когда Майя пыталась убедить себя, что жизнь может быть наполнена и другим — другими чувствами, другими событиями.

— Да? Возможно, но тогда у меня к вам тоже будет один вопрос. Кто придумал называть двадцатилетних девушек старыми девами, а вот тридцатилетних мужчин — холостяками? Мужчины? Что-то подсказывает мне, что женщины.

— И что? — сейчас она вела себя как упрямый ребенок. Впервые он видел ее такой — Майя растеряла остатки своей привычной робости, оказалось, что эти глаза-топазы могли блеснуть еще и так.

— А то, что такое прозвище возникло никак не из зависти к независимости двадцатилетних барышень.

— Почему нет? Кто же откажется от свободы от обязательств перед семьей, мужем, детьми и права на свободное плаванье в двадцать?

— Любая девушка, ваша сверстница.

— Нет, — Майя снова блеснула глазами в его сторону.

— Проверим? — мужчина склонил голову, хитро улыбнувшись.

— Каким же образом? — девушка, готовая сражаться за свою позицию и дальше, на эту улыбку не ответила.

— Например, можно сделать альтернативное предложение любой девушке, находящейся в моем доме в данный момент, и узнать, что же выберет она.

Теперь-то Майя улыбнулась в ответ, ведь почувствовала вкус победы.

— Почему вы смеетесь?

— Вы проиграете этот спор.

— Вы так уверены?

— Совершенно, если девушку буду выбирать я, конечно.

— И кого же вы выберете, если не секрет?

— Себя, — она гордо вздернула подбородок, наверное, впервые за всю жизнь она гордилась своим личным горем.

— И что же, вы откажетесь от возможности стать герцогиней, владелицей имений и просторов, посещать балы и рауты, ради того, чтоб бороздить просторы, изобретать механизмы, позволяющие доставлять воду на второй этаж?

— Да. Я не выйду замуж, — пусть это звучало совсем не так рассудительно и воспитанно, как ее учила мама, но это была правда.

— Неожиданно слышать такое заявление от барышни, которой нет еще двадцати, без пяти минут графини. И почему же вы не выйдете замуж?

— Я не смогу ответить «да» человеку, которого не люблю.

Он смотрел на нее долго. Что же в этой девушке не так? Простая анибалът, каких сотни, человек без перспектив, но раньше подобные ей его не задевали, а тут, она вызывала в нем столько эмоций. Иногда бесила одним своим присутствием, иногда сама того не зная, заставляла оглядываться, его тянуло к этой девочке и отталкивало одновременно.

— А было много предложений? — Издевался? Не совсем, просто хотел посмотреть, как же будет дальше распускаться этот цветок, какая грань блеснет следующей.

— Ни одного, на которое я ответила бы согласием, — Майя ответила крайне правдиво.

Последовала очередная немая пауза.

— Нет, все-таки мне не понять вашу логику, вы не сможете сказать «да» человеку, которого не любите? — он снова усмехнулся, переспрашивая.

Майя кивнула.

— Почему в ваших светлых головах живет эта глупая вера в какую-то эфемерную любовь? Что это? Вы никогда не задумывались о том, кто пишет книги, из которых вы черпаете эти глупости? Их пишут действительно старые девы, а знаете, откуда они берут все свои гениальные идеи? Из головы. То, во что вы верите — плод воображение больной женщины, не знающей и капли о предмете повести.

— Вы слишком плохого мнения о нас. Возможно, мы не настолько умны как мужчины, но не допускаете вы мысли, что кроме как из романов, мы способны следовать своему жизненному опыту?

Он рассмеялся в голос. Девчонка, младше его на добрый десяток лет, рассказывает об опыте. Еще и каком — в любовных делах. Это действительно выглядело комично.

Майя же, не поняв, чем вызвано такое поведение герцога, искренне опешила.

— Мне было бы очень интересно послушать о вашем жизненном опыте, — а ведь она

имела в виду лишь то, что росла, видя перед глазами пример любви родителей, их идеальные отношения, и теперь знала наверняка, что вторую половинку в мире найти можно, но только всем ли? А он опять перевернул ее слова с ног на голову.

— Вы все перекручиваете! С вами невозможно разговаривать! — Майя рассердилась так по-детски, и сама прекрасно это понимала, но поделаться с собой ничего не смогла.

Дэррек был доволен, ему сегодня везло — оказывается, она бывает еще и такой. Кто бы мог подумать, что та Моль, в первый же день слившаяся с мебелью, сейчас без тени страха мечет глазами молнии.

То, что он продолжал улыбаться своей снисходительной улыбкой, раззадорило Майю еще больше. К насмешкам над своей внешностью она привыкла и воспринимала их как данность, ведь тоже смотрела в зеркало и трезво оценивала, но вот эти его насмешки над ее мыслями даже в ее кроткой душе вызывали бурю эмоций.

— Знаете... — она хотела так много сказать, и о том, что он не имеет права над ней насмехаться, и что молодость — никогда не считалась недостатком, и, в конце концов, что это не она начала разговор, а если ему интересно было услышать ее мнение, не стоило позволять себе подобного, но облачить все это Майя смогла лишь в одну фразу, — я понятия не имею, как с вами может общаться моя сестра!

Встав, Майя направилась к двери, но из-за того, что была слишком взбудоражена, забыла о своей привычной предосторожности, состоявшей в том, чтоб обходить соседствующее кресло на безопасном расстоянии, и была за это наказана.

На ее запястье сомкнулась ладонь. Почувствовав помеху, Майя развернулась. Герцог сидел все в той же расслабленной, вальяжной позе. Но только смотрел на нее уже без улыбки, серьезно, слишком серьезно.

— С вашей сестрой мы общаемся не так, — перевернув девичью руку, герцог потянул ее не себя, заставив и Майю сдвинуться с места. Девушка смотрела на происходящее как кролик, которому суждено через считанные минуты стать обедом для удава. Поцелуй обжег запястье, но Майя даже не смогла выдернуть руку, слишком была загипнотизирована взглядом змея. — Если вы, конечно, понимаете о чем я... Спокойной ночи, — герцог поднялся, магия развеялась.

Когда он навис над Майей, девушка почувствовала настоящую опасность, ошарашенная и по-настоящему растерянная, она пискнула и практически вылетела из комнаты.

Только закрыв за собой дверь спальни, Майя поняла, что в определенный момент сорвалась на бег. Да, она сбежала от неожиданности. И все. Не от испуга, не от своей дикости, просто от неожиданности. И совсем даже не сбежала...

Девушка застонала — даже сама себе не поверила, а как это выглядела со стороны боялась представлять. Впервые она хотела выйти из стычки не капитулянтком, но и тут ее настигла неудача.

А он... Он опять над ней поиздевался, опять посеял в сердце волнения за Соню, и, что самое ужасное — заставил то чувство, которое она задвинула на задворки души, как пыльную коробку на чердаке, снова дать о себе знать. Нет. Майя, приказала себе не думать о подобном. Этот человек опасен, его невозможно понять, предугадать его действия и мотивы. Нет. С силой оттолкнувшись от дверного косяка, Майя направилась в ванну, потирая запястье. След от поцелую горел будто ожог.

Продолжая улыбаться своим мыслям, Дэррек налил еще одну порцию виски, вернулся в кресло. Какая же она смешная, минуту назад гордая, дерзкая, готовая вопреки всем правилам приличия покинуть комнату, даже не попрощавшись, а вот стоит совсем чуть-чуть посягнуть на ее личную территорию, и сбегает как перепуганный заяц... Интересно, а как приручать зайцев или на него можно только охотиться?

Глава 8

— Вы, несомненно, делаете успехи. Сегодня утром, когда Соня примчалась в мою комнату, в мыслях у нее были только вы.

— Неужели? — Витор приподнял бровь, демонстрируя заинтересованность.

— Да. Она все спрашивала, не знаю ли я, когда вы уже наконец-то сделаете мне предложение и перестанете донимать ее своим навязчивым присутствием, — Майя рассмеялась, почему-то она была уверена, что эта новость не станет для него такой уж новостью и уж точно не заставит пасть духом.

И, правда, Витор рассмеялся в ответ:

— И что же вы ей сказали? Обнадежили?

— Попыталась объяснить, что даже если такое произойдет, вашего навязчивого присутствия станет еще больше. Скажу по секрету, — Майя понизила голос, — она приуныла.

— Майя, а может и вправду подыграете сестренке и мне? — Витор отвлеченно осматривался по сторонам, как будто не сказал только что ничего необычного.

— Как? Зачем? Вы хотите, чтоб я притворилась вашей возлюбленной? Но зачем? — девушка растерялась.

— Ну у меня несколько резонов вас об этом просить, ведь вам сестра доверяет, и вашему вкусу, несомненно, тоже, кроме того...

— Нет, нет, нет, Витор, это неудачная идея! Нельзя начинать отношения со лжи. Соня вам этого не простит, тем более, она никогда не сможет переступить через меня. Даже сейчас она относится к вам предвзято, ведь считает, что вы интересны мне, только представьте, какую стену она возведет, когда мы уверим ее в том, что наши отношения — не глупые слухи. Нет, я готова помочь в чем угодно, но не так.

— Майя, в этом доме на наших глазах разыгрывается как минимум три спектакля, неужели мы с вами не можем предложить аудитории свой?

— О чем вы, какие спектакли? — Майя обратила пытливый взгляд на собеседника, продолжавшего, глядя вдаль, вышагивать солдатской поступью по комнате.

Он остановился, повернулся к ней, и впервые Майя увидела в выражении его лица то, что не ожидала никогда — недоверие.

— Знаете, я стал вчера свидетелем одного разговора. Любопытного. Какие у вас дела с Мэйдэнстэрмом? — свой главный вопрос Витор задал в лоб. Ему важней было даже не то, что она скажет, а как отреагирует на разоблачение. Винсент относился к герцогу даже не просто настороженно — откровенно враждебно, тому было несколько причин, истоки которых тянулись еще с давних времен, но главная причина, очевидно, крылась в благосклонности Сони.

Майя удивилась вопросу, душа, казалось, ухнула в пятки. Свидетелем какого разговора он мог стать? Неужели Витор опустился до подслушивания? Или, может, просто оказался невольным очевидцем их столкновения в коридоре? На протяжении одной секунды в девичьей голове прошли все события вчерашнего вечера.

— У меня нет никаких дел, связывающих нас с герцогом Мэйдэнстэрмом, кроме как мое

пребывание в его доме вот уже около месяца, — Майя сидела ровно, пытаясь никак не выказать свое волнение, выровнять дыхание, не сжать в кулаки мокрые ладони.

— Майя, вы пытаетесь врать, — оказывается, и у этого человека есть задатки жесткости и непоколебимой уверенности в своей правоте. Он не собирался отступать, довольствуясь ответом девушки. — Что за задание вы исполняете? Зачем делать вид, что не знаете ни о каких играх, если активно в них участвуете?

Нет, об играх она и вправду не имела никакого представления.

— О чем вы? — Майя попыталась говорить так, чтоб одновременно выведать как можно больше подробностей, но оставаясь при этом внешне безучастной.

— Вчера вечером, направляясь в кабинет герцога, я услышал вашу с ним беседу, какое-то задание вы выполнили на этот раз не так быстро, как раньше? Майя?

Майя прекрасно понимала, что если она не хочет, может не отвечать, но вот только последствия этого будут плачевными. Витор не сможет общаться с ней как раньше, зная, что она, возможно, серый кардинал.

— Я просто помогаю с переводом некоторых книг, — чистая правда, ведь он спрашивал о содержании ее задания, а не о мотивах.

Черты лица Витора смягчились. После немой паузы мужчина приблизился к креслу, в котором сидела девушка. Он понял, что желанного результата своим напором не добьется, она будет продолжать врать, а значит, тактику нужно сменить.

Облокотившись о ручки кресла, Витор наклонился так, что их лица оказались на одном уровне.

— Майя, не говорите глупостей, зачем помощь в переводе человеку, изучавшему в университете, в том числе, и языки? И поверьте мне, достаточно успешно, я помню. Ну же, почему вы не хотите отвечать? Неужели я недостоин доверия?

Конечно, Майя давно предполагала, что ее услуги переводчика — чистой воды фикция. Теперь же Витор просто это подтвердил. Ох, как все сложно... В чем же его мотивы? И в чем мотивы Витора?

— Я не вру вам, — она сказала это спокойно, смотря в глаза, ведь и правда не врала. — Герцог обратился ко мне с просьбой перевести некоторые труды, я попыталась сделать это в меру моих возможностей. Вот и все.

Да, похоже, она не врала. За достаточно долгое время их общения Витор изучил ее поведение. Видимо, это правда. Но тогда все становится еще более запутанным. Зачем герцогу эти липовые услуги? К кому он подбирается через девочку? К Соне? Для чего? Она и так готова на все ради лишнего взгляда объекта своих обожаний. К их родителям? Тоже сомнительно, зачем делать это через старшую сестру, если есть младшая? А может герцог исследует почву под его ногами? Но нет, в таком случае тактика выбрана неправильно, через Майю его достать не так просто, он с ней искренен, но вот только его искренность контролирована. Неужели этот лис решил мутить воду? Черт, ну почему его ходы просчитать не так же просто?

Майя же все это время ждала хоть какой-то реакции. Верит — отлично, жизнь продолжается, а если нет — она потеряет единственного друга, возможно, за всю жизнь. От этой мысли становилось страшно, но ведь она не врала! что же она может поделать со своим элементарным неведением? Не ее же это вина.

— Я верю вам, — у девушки отлегло от сердца, — да, в вашей честности я больше не сомневаюсь, но могу ли я просить вас кое о чем?

Майя кивнула, ощущая облегчение.

— Пожалуйста, Майя, не идите на поводу у интриг этого человека. Я не знаю его мотивов, его целей...

Майя перебила его неожиданно даже для себя:

— Герцог пытается найти в моем лице поддержку их отношений с Соней. Ведь это очевидно, мое влияние на нее велико, и, конечно, если она обратится ко мне за советом, я буду всячески ее отговаривать, вот он и пытается наладить коммуникацию. Но он-то не знает, что и мне от него кое-что нужно, пусть он только спросит моего совета, я уж попытаюсь сделать так, чтоб этот «совет», вылез боком...

Витор усмехнулся:

— Нет, Майя, поверьте, будь все так просто, это был бы не Дэррек, у этого человека мотивы никогда, слышите? Ни-ко-гда не совпадают с теми, которые предполагаем мы, простые люди. — Витор поднес ладонь к девичьему лицу, заботливо убрал выбившийся локон за ухо. — Просто, не доверяйте ему и будьте настороже, рано или поздно он выставит какую-то ловушку. Помните, я готов помочь, — их разговор прервал сначала звук резко распахнувшейся двери, а потом ворвавшийся в комнату гул.

В помещение влетела смешливая блондинка, тянущая за руку не менее веселого Дамиана. Видимо, вошедшие не ожидали застать тут кого-то, об этом свидетельствовало удивленное:

— Оооу... — девушки, и прервавшийся смех Ланского.

Запоздало выпрямившийся, Витор приветственно кивнул вошедшим. Майя, последовав его примеру, вскочила с кресло, чтоб присесть в реверансе.

— Леди Дивьер, Витор, почему вы не со всеми? Неужели опять нездоровится? — Дамиан привычно оучастливо посмотрел на Майю. Удивительный человек — он никогда не высказывал открыто своей неприязни ни к одному человеку, ни разу не вступал в открытый конфликт. Но вся загвоздка в том, что это не давало повода считать его искренним. В его учтивости читалась формальность.

— Нет, все отлично, когда понижается влажность, все симптомы как рукой снимает, — Майя перевела взгляд на девушку, подумав, что тактично будет поинтересоваться и у нее, как погода, но наткнувшись на презрительный взгляд темных глаз, передумала.

— Мы, пожалуй, воспользуемся вашим советом, Дамиан, мне кажется, мы достаточно отдохнули, пора размять ноги... — не сводя глаз с собеседника, Витор подал руку Майе. — Оставляем комнату в вашем распоряжении, — взяв спутницу под локоть, Витор с девушкой покинули оставшихся молодых людей.

Как Майя ненавидела слухи и перешептывания за спиной! Худшее зло, хотя бы тем, что породить его так легко, а вот загнать джина в бутылку — уже невозможно. Люди обожают судить других, судить за все, за зло, за добро, за безликость. Обезопасить себя невозможно, даже о мертвых судачат.

Уже несколько дней девушка ставила себе галочку, что нужно не забыть справиться у дворецкого, не приходил ли ей мамин ответ, но все время забывала. Теперь же она вспомнила об этом в нужное время, распрощавшись с Витором, которому нужно было зайти к герцогу, Майя отправилась на кухню. Оставалось около часу до ужина, а значит, дворецкий наверняка дает последние распоряжения относительно готовки.

Особенностью этого дома было еще и то, что в отличие от запутанных коридоров второго и третьего этажа, где их система поддавалась логике только посвященных, на первом, чтобы попасть из комнаты в комнату, приходилось проходить несколько сквозных. Когда дом был полон посетителей, создавалось впечатление, что жизнь кипит еще активней, ведь каждые две минуты с какой-то стороны открывались двери, люди заходили или выходили.

Только в третьей комнате Майя застала людей, девушки устроились вокруг рояля, но игра не раздавалась. Ее появление не осталось незамеченным. Странно... Обычно, они просто делают вид, что в комнату внесли лишний табурет, а тут, хихикающая милашка Изабелла, вечно козыряющая своей осведомленностью в делах отца-дельца и его компаньонов, умолкла.

Приветствие Майи осталось без ответа. Ну что ж, не впервые.

Эта странность быстро вылетела из девичьей головы, ведь найдя дворецкого, Майя была вознаграждена пухлым конвертом. Девушка жутко соскучилась по дому, родителям. Сегодня они ей даже снились. А родной ровный почерк, буквы, сложенные в слова любви мамы — лучшая панацея от всех бед. Понимая, что Соня, должно быть, чувствует то же, старшая сестра направилась к ней. Но на этот раз поднялась на второй этаж по другой лестнице, чтобы ни на кого больше не напороться.

— Соня, я как раз тебя искала! — не встретить никого в этом доме, как оказалось, несбыточная мечта. Но узнав в пронесшейся по коридору девушке Соню, Майя обрадовалась. — Письмо! Пришло письмо! — улыбаясь, Майя протянула сестре конверт.

Та, казалось, даже не обратила на него внимания, смотря прямо в голубые глаза старшей сестры. Майе показалось, что взгляд этот был действительно суровым.

— Нам нужно поговорить. — Соня же проигнорировала конверт, а потом развернулась на каблуках, понеслась в противоположном направлении.

Пожав плечами, Майя помчалась за ней. А приходилось действительно мчаться, ведь у ведущей шаг только ускорялся. Оказавшись у дверей своей спальни, Соня открыла их, пропуская вперед сестру. Не понимающая в чем же причина такого поведения, Майя вошла.

— Я открываю? Или ты хочешь почитать после ужина? — Майя занялась конвертом, но неожиданно Соня выдернула его из рук девушки, отбрасывая на ближайший столик. Такое поведение было уж совсем не свойственно младшей Дивьер. Майя подняла взгляд в изумлении. — Что?

— Ты мне доверяешь? — Соня была предельно серьезна, даже сурова.

— Конечно, что за вопросы? — Майя непроизвольно улыбнулась.

— Что сегодня произошло? — девушка сдвинула брови еще сильнее.

— Не знаю... А что-то произошло? Ты в порядке? — Майя оглядела сестру с ног до головы более пристально, проверяя на месте ли руки-ноги.

— Майя! Как ты можешь?! — истинное негодование в голосе. Прошагав по комнате вдоль и поперек, Соня снова повернулась к сестре. — Ты что, не помнишь нашей клятвы? Ведь мы обещали друг дружке, что обо всем важном в жизни будем узнавать первыми! А ты... Как ты могла не сказать, что вы с Витором целовались?!

Сказать, что Майя была ошарашена — не сказать ничего.

— Соня! О чем ты? Откуда ты это взяла?

— Откуда я это взяла? В том-то и проблема, что я взяла это от Кэрри, а должна была от тебя! Вас застали с поличным! Сегодня вас видели в гостевой! Сюзанна клянется, что не

войди они с Дамианом, твоя репутация была бы погублена. Как ты могла мне не сказать? А еще упиралась, говорила, что друзья. — Соня сплела руки на груди, окинув сестру полным обиды взглядом.

А Майя вдруг поняла как это, когда тебя по голове бьют пыльным мешком.

— Сюзанна, Кэрри?

— Весь дом гудит об этом. За игрой после чая вся честная компания прилипла к окну, пытаюсь увидеть, осмелится ли Витор целовать тебя еще и в саду. А когда вы укрылись в лабиринте, сомнений ни у кого не осталось. Но не это важно, я не осуждаю тебя. Перед уговорами устоять так сложно. Но как? Как ты могла скрывать такое от меня?!

— Но ведь это бред! Ничего подобного не было!!! — постепенно Майя чувствовала, что шок проходит, мысли строятся в ровные ряды, а на душе растет снежный ком гнева. — Никто нас не заставлял за поцелуем! Сюзанна была не одна, с ней был Дамиан, неужели он тоже подтверждает эту ложь? — абсурд! Какой абсурд! Майя никогда бы не подумала, что ей предстоит оказаться в центре подобного скандала.

— Дамиан... А Дамиан только молчит и задумчиво улыбается. Сомнений не остается, он просто не хочет компрометировать тебя. Майя, почему?

— О Ях, Соня, но ведь это бред! Витор меня не целовал. Никогда. Слышишь? Это просто игра воображения. Ты что, мне не веришь? — Майе нужна была поддержка сестры, если не верит она, то, что уж говорить об остальных? Но вся проблема в том, что страдает-то от этой лжи больше не она, а Витор, бедный Витор.

— Конечно же нет! Все прекрасно видят, сколько времени вы проводите вместе. И не считай меня ребенком, я могу отличить дружбу от заинтересованности. Майя, признайся, или клянусь, не скажу тебе больше ни слова!

— Соня! Мне не в чем признаваться! — хоть Майя и говорила чистую правду, чувствовала себя нашкодившим ребенком, пытающимся оправдаться.

— Нет. Ты невыносима. Если решишь, что я достойна быть посвященной в тайны твоей жизни, обращайся, — развернувшись, Соня вышла из комнаты.

Майя была настолько растеряна, что даже не попыталась ее остановить, а лишь бессильно упала в удачно подвернувшееся кресло. Только этого ей не хватало. Обиды Сони и вины перед Витором. Что же происходит?

Конверт с письмом так и остался запечатанным.

Дэррек уже сорок минут пытался сосредоточиться на клочке бумаги: предоставленных отчетах о расходах имения в этом месяце, и каждый раз откидывал его обратно на стол. Согласившись выслушать от хихикающей Сюзанны новость дня, он ожидал чего угодно, но никак не рассказа об уединении двух анибальтов. Дамиан, на которого Дэррек перевел глаза, еще до того как болтушка окончила свою тираду, лишь улыбнулся, как бы подтверждая «что я тебе говорил, мой план сработал». Вот только он и не догадывался, какую реакцию это вызовет у герцога. Нет, внешне он остался спокоен, даже пошутил насчет необходимости вывешивать на дверях таблички «Не беспокоить», но внутри у него клокотала ярость. Как эта девчонка посмела крутить шуры-муры в его доме? Только славы публичного дома ему и не хватало. И Дэррека не успокаивали ни доводы рассудка, что на это Дамиан действительно ставил с самого начала, а потому удивляться нечему, ни то, что он сам принимал их зарождающиеся отношения как данность. Нет, когда все перешло из области потенциального

В реальность, это бесило его до невозможности.

В дверь постучали.

— Да.

Наверняка принесли чай. В очередной раз попытавшись вникнуть в суть цифр, Дэррек не сразу понял, что же за посетитель почтил его своим визитом. А когда поднял глаза, не знал благодарить ли судьбу за предоставленную возможность или сетовать на нее же.

— Надеюсь, я не сильно отвлекаю вашу светлость? — Витор склонил голову в учтивом кивке.

— Могло быть хуже, — да, могло быть хуже, встретить Дэррек его еще минут пять тому.

Посчитав это одобрением, Витор прошел к письменному столу, устроился в кресле напротив.

— Я думал, этот момент уже никогда не настанет! — напускной энтузиазм и сарказм слышался в каждом слове.

— Что «это»? — герцог же изо всех сил пытался сохранить спокойствие.

— Наше с вами общение. Ведь вот уже месяц я пытаюсь добиться с вами разговора тет-а-тет...

— Видимо, недостаточно пытались, раз не получили, — мужчины обменялись тяжелыми взглядами. Они не видели смысла в том, чтоб притворяться друзьями, если у обоих был повод ненавидеть другого?

И как бы ни было противно Витору, именно он в этой ситуации оказался в позиции менее выгодной. Просящего.

— Давайте на чистоту, — Дэррек откинулся на спинку кресла. — Вы ведь не из простой вежливости пришли? Неужели это связано с тем, что совсем скоро грядут выборы?

Витор только еще сильнее сжал челюсть.

— И что же? Винсент старший желает заручиться моим голосом? Зачем же для этого нужны такие жертвы? Засылать собственного сына, который явно от идеи был не в восторге? Хотя, кажется, и сам получил от поездки некое удовольствие... Так что, не много ли чести?

— Начистоту говорите? Давайте начистоту. Вы же не считаете моего отца простаком? Так вот, заручаясь вашей поддержкой, он получает не один голос, а голоса всех ваших прихвостней. А их, видит Ях, более чем достаточно, чтоб играть решающую роль в выборах.

— Отлично, чего вы хотите? Чтобы я пообещал вам свой голос? С какой стати? — какого бы мнения ни был Дэррек, как бы ни считал, что союз с Винсентом сейчас выгоден и ему, он не собирался признаваться в этом собеседнику. Его месть длилась долго, уже не один год, и это — одна из ее частей.

— Вам это выгодно, — интонации реплик с каждой секундой, казалось, становились все жестче.

— Мне? Нисколько. У меня на этот счет свои идеи и соображения, не советую сильно полагаться на мой голос, — пусть это и была отчасти ложь, ведь поддержать Дэррек собирался именно Винсента старшего, но вывести из себя Витора сейчас хотел значительно сильнее.

— Кому вы врете? Мне или все же себе? — Витор поднялся с кресла — убеждать, просить герцога он не собирался, а явно враждебный настрой не предполагал возможности рассуждать логически. — Вы должны понимать, что как только Дамиан получит должность отцовского заместителя, уже он придет с таким же вопросом, как я. С одной небольшой разницей — получить в должники его для вас — привычное дело. А меня... Возможно это

единственный шанс.

— Мой голос за вашу услугу? Не кажется ли вам, что ваша цена не так уж высока? Что за услугу вы можете мне оказать? — Дэррек сказал это пренебрежительно.

— Услугу, о которой вы попросите.

— Вы так уверены, что попрошу?

— Несомненно, — усмехающийся Витор вывел герцога из себя окончательно.

— Раз так, пока еще вы не мой должник, примите во внимание мой совет: не стоит вести себя в моем доме как в публичном, — Дэррек продолжал сверлить глазами обернувшегося у самой двери, гостя.

— О чем вы? — на лице Витора читалось непонимание.

— О дневном происшествии. Мне безразлична ваша репутация и репутация той наивной, которая стала предметом вашего внимания, но не превращайте комнаты в места тайных свиданий. Я не желаю выслушивать сплетни о том, как анибалты занимаются продолжением рода прямо перед носом у почтенного общества, — реакция Витора оказалась неожиданной, он только еще шире улыбнулся своим мыслям.

Он не сомневался, что утреннее происшествие не останется тайной для домочадцев, но не думал, что новость так быстро дойдет до хозяина. А ведь они даже не целовались, что же было бы, застань кто-то действительно воркующую парочку? Дамиан не прогадал, выбрав время и место для своих развлечений. Тем не менее, Витор не собирался оправдываться перед герцогом. Еще чего не хватало.

— Обещаю, в следующий раз следующий раз будет не под носом почтенного общества, —

Витор покинул комнату и не слышал ни понесшихся ему вслед ругательств, ни удара по столешнице, сжатым кулаком. Этот гаденыш собирался задеть его предложением своей услуги, да вот только задел другим.

Сегодня, в отличие от обычного веселья, сопровождающего вечера шумной компании, в комнате царила практически мертвая тишина. Кто-то покачивал ногой в один ритм с тикающими часами, кто-то считал розочки на обоях, а пересчитав все, начинал считать их на платье скучающей Кэрри. Любая зародившаяся тема умирала со скоростью звука. Вечного заводилы Дамиана с гостями не было, ему пришлось отлучиться в город, Витор и еще несколько джентльменов отправились с ним. А никто из присутствующих на себя бремя организации веселья для всей честной компании брать не собирался.

Стоящего у камина хозяина дома, казалось, совершенно не волнует затянувшееся молчание, он был погружен в свои мысли. Когда звенящая в ушах тишина стала просто невыносимой, ситуацию, как ни странно, спасла Соня.

Она чувствовала ответственность за скуку на себе. Ведь герцог был явно не в настроении, а значит, просто не способен лицемерить в угоду присутствующим, но кто как не она должна ему помочь? Ведь не зря говорят, что возлюбленные чувствуют друг друга как никто другой.

— Почему бы нам не сыграть в одну игру? — Соня встала, в надежде обрести поддержку, обвела взглядом присутствующих, задержалась на сестре, которая оказалась сегодня в противоположном углу комнаты, но вспомнив, что все еще обижена за ложь,

перевела взгляд. — Дома мы играем в нее компанией меньшей, но, думаю, можно попробовать и всем вместе, — увидев такую желанную заинтересованность в глазах присутствующих, Соня продолжила:

— Игра называется «Знай или признайся», правила очень просты: нам нужны будут кости. Играющиеся садятся в круг, но, полагаю, нам не понадобится даже особенно двигаться, все и так всех видят. Я, с позволения, возьму на себя обязанности ведущего. Суть игры достаточно проста, водящий бросает кость два раза, в зависимости от того, какая сумма чисел выпала, мы высчитываем для него противника. Задача противника — задать вопрос, на который играющий не знает ответа. Задача водящего — на этот вопрос ответить правильно. Я, как ведущий, чтобы не возникло сомнений в честности противника, буду первой узнавать от него ответ. В случае, если игрок ответил правильно — он получает право задать любой интересующий его вопрос у проигравшего, если же ошибся — такое право получает победитель. — Майя отлично знала эту игру, действительно, дома они часто в нее играли, это лучший способ для родителей проверить тщательно ли дети сделали сегодня уроки, и действительно ли разбили вазу, которая так уместно смотрелась в гостиной.

В полный восторг от идеи пришли некоторые девушки, желающие публичного разоблачения всевозможных секретов. Джентльмены подыграли такому энтузиазму.

— Итак, начнем, герцог, вы присоединитесь? — Дэррек все время объяснения оставался безучастным, Соня этому искренне расстроилась, ведь, в сущности, решила взять на себя организацию только ради него и ожидала хоть какой-то благодарности, хоть малейшей.

— Несомненно, — он поставил свой бокал на камин, отвлекаясь от созерцания горящего в нем огня, улыбнулся Соне. Хоть он и не нуждался в ее поддержке, попытка девушки была действительно милой.

Соня просияла, получив вознаграждения за свои старания:

— Отлично, тогда, Лиззи, вы не против, если начнем мы с вас? Бросайте кости, — чуть полноватая Лиззи, дочь королевского писаря, зарделась, но кивнула одобрительно.

Как оказалось уже через несколько партий, игра в кругу семьи отличается от той, которая вышла у них. Предугадать, как будут развиваться события, можно было уже в момент, когда образовывались пары вопрошающего и ответчика. Будь это девушка и молодой человек, исход один: вопрос адресованный барышне будет легок, а ее ответный вопрос — каверзный, касающийся предпочтений или примитивный, доходящий до оценки погоды. Выпади пара мужчин, вопрос обязательно будет касаться политики, и не иметь однозначного ответа, а ответного так и не поступит, ведь возмущенным девушкам придется пресекать споры на корню, передавая слово новым участникам. А когда девушке выпадало задавать вопрос девушке, начинался самый интересный спектакль — адские усилия по придумыванию достойного вопроса, чтоб его оценили умные мужчины, и не смогли ответить равные в умственных способностях конкурентки, а после, когда на вопрос ответ так и не был найден, — не менее эффектные размышления на тему наиболее каверзного вопроса.

Майя наблюдала за происходящим с интересом, сродни интереса ботаника, наблюдающего за бабочками. Каждый раз Майя ждала, что ее теория будет опровергнута, что мужчины вступят в равный бой, что девушки оставят попытки казаться более замысловатыми, чем они есть и зададут действительно интересный вопрос, но нет. Игра проходила как под копирку. В один момент она занервничала, ведь рано или поздно очередь должна была дойти и до нее. А вдруг с ней откажутся оппонировать? Это будет еще одно

унижение.

Уже через полчаса любопытные уши впитали много занятной информации.

Дружба между двумя девушками «не разлей вода» Эммой и Ритой Киплинг пошатнулась, стоило первой выведать самый страшный страх второй, чтобы ее окружали более красивые подруги.

Каждое заявление, касающееся предпочтений той или другой девушки, было направлено скорее не на задающего вопрос, а на того, кто бы эти предпочтения мог реализовать. Говоря о любимом цветке белой лилии, Кэрри бросала взгляды на не слишком заинтересованного Малкольма. Вопрос о планах на лето получил ответом «это зависит от определенных обстоятельств», видимо, совершенно определенных, потому что эти «обстоятельства» сделали вид, что слишком увлечены беседой с соседом.

Скоро кости выпали таким образом, что в игру вступил и сам герцог. Его противником стала болтушка Сюзанна. Создание до того милое, что сомнений в том, что за этой милостью скрывается полнейшая пустота духовная не оставалось.

Не желая издеваться лишний раз над не слишком обремененной интеллектом девушкой, Дэррек отделался элементарным вопросом, получив за это одобрительную улыбку Сони, посчитавшей такое поведение крайне благородным.

— Сколько сыновей у взошедшего на престол короля?

Вся комната наблюдала за тем, как лицо отгадывающей Сюзанны просияло. Какая невеста не знает кто самый завидный жених королевства? Единственный сын короля, еще слишком молодой для сватовства, но не пройдет и пары лет, очередь на него выстроится невероятно длинная. Пятнадцатилетний юнец уже, поговаривают, стал объектом воздыханий половины фрейлин королевы, а впереди еще столько разбитых сердец.

Довольная тем, что не села в лужу, Сюзанна победоносно улыбнулась, потом уже картинно, сделала вид, что размышляет над чем-то важным, и провозгласила:

— Один.

— Правильно, Сюзанна, поздравляю, теперь герцог обязан ответить на ваш вопрос. — Соня одобрительно улыбнулась добровольно подставившемуся мужчине, как бы извиняясь за то, что из-за своего благородного порыва, ему придется теперь отвечать на неудобный вопрос.

Забавно все же наблюдать за тем, как человек занимается несвойственным ему делом. Не менее напряженно, чем в ожидании вопроса, теперь Сюзанна пыталась изощриться задавая свой. Наконец-то, лукаво улыбнувшись, кинув взгляд на ведущую, она решилась:

— Можно ли утверждать, что среди присутствующих в этой комнате дам есть одна, занимающая ваши мысли более других?

Был ли он удивлен? Вряд ли. Осознавала ли она, что заходит за грань дозволенного? Возможно, нет. Очевидно, вопрос был направлен на то, чтоб уколоть Соню или дать повод для сплетен на смену приевшимся сегодня. В общем-то, Дэррек понимал: скажи он нет или да, лично его ответ никаким образом не коснется и не заденет. А милые поступки Сони на протяжении сегодняшнего вечера не заслуживают публичного унижения.

Ответ герцога, наверное, больше других предшествующих ему, заставил публику засуетиться, его «можете» заставило измениться в лице и Сюзанну, чья улыбка чуть померкла. Видимо, девушка все же рассчитывала на возможное унижение — слишком много возомнившей о себе выскочке Дивьер. Сама Соня, ожидавшая ответа как приговора, не смогла скрыть свою радость от услышанного, жар хлынул к щекам, а чтоб сдержать рвущееся

из груди ликование, пришлось отвернуться, закусывая губу. Ведь еще ни разу он не сказал ей, что она ему нравится! Они говорили о многом, обсуждали и ее семью, интересы, он рассказывал ей разные истории, но ни разу они не обсуждали происходящее между ними. По сути, ведь ничего пока что и не происходило, но как важно девушке знать, что ее избранник благосклонен к ней так же, как она к нему.

Майя смотрела на сестру не зная радоваться за нее или пугаться еще сильнее. А вдруг все будет именно так, как Соня себе представляет? Или наоборот. Вдруг он говорил о другой?

Но главное... В самом темном и пыльном уголке знания в сотый раз ее несбыточные мечты, о которых она запретила себе даже думать, вновь разбились вдребезг. С каждым разом осколков получались все меньшие, а значит и ранок от них больше.

В общем-то, ведь он даже не солгал, к одной, присутствующей здесь, он испытывал особые чувства, вот сейчас, наблюдая за тем, как она одобрительно улыбается сестре, он готов свернуть ей шею. Эта глупая и понятия не имеет, что никакое это не обещание вечной любви, простая помощь, если хотите, дружеская в сложившейся ситуации. Не больше. Опять у него перед глазами стала сцена, так живо описанная несколько часов назад. Да, вот теперь он точно готов свернуть ей шею. Хотя нет, сегодня он принял для себя важное решение. Хватит играть в кошки-мышки. Как оказалось, ситуацию с ней он не контролирует в той степени, в какой хотел бы, а значит, пришла пора решительных шагов.

Девушке же повезло, уже через несколько минут в комнату влетела шумная компания во главе с Дамианом, который с порога начал рассказывать занимательную историю их поездки, оставив игру так и не законченной, до Майи очередь дойти не успела.

Глава 9

Вот уже на протяжении двадцати лет один день в году был для Майи особенным, день ее рождения. Когда утро начинается с покашливания отца у двери, спетой мелодичными голосами мамы и сестры песенки, задутой свечи на торте, с визгом запрыгнувшей на кровать Соней, нетерпеливо подгоняющей открыть все-все-все подарки.

День, который принадлежал целиком и полностью ей, но и накладывал определенные не самые приятные обязанности. В голову то и дело лезли мысли о том, что прошел еще один год, чего смогла добиться она? Что изменилось? Что стало лучше? На сколько шагов, километров, стуков сердца она приблизилась к своей мечте?

Так было всегда на протяжении девятнадцати лет. Майя задула в общей сложности сто девяносто свечей, получила не меньшую гору подарков, разнообразнейших пожеланий и незабываемых воспоминаний. В этот день даже ее любимый Тень вел себя на удивление смирно, не фыркал по малейшему недовольству, давал погладить себя по гриве, послушно сбавлял шаг или рвался в галоп по первой же просьбе.

Так было всегда, но не сегодня. Впервые Майя открыла глаза не на любимой перине в своей уютной комнате, а в чужом доме, чужом герцогстве, в чуждом мире. Проснувшись она не от покашливания графа Дивьера, мама не спела ей песню, Соня не запрыгнула с визгом в кровать. Все было не так. Разбудил Майю шум за дверью — кто-то разбил стоящую там вазу, жаль, была красивая. Повернувшись к окну, Майя грустно вздохнула, погода, к сожалению, подарка тоже не преподнесла, серое небо, ветер, моросит дождь. Даже ее любимые пионы в этом году еще не успели зацвести.

Впервые за время, проведенное в гостях, Майя готова была расплакаться. Не от обиды из-за неврученных подарков или отхода от традиции. От жуткой тоски по дому, по родителям, по лучшему в мире другу, по сестре, которая с ней не разговаривала. От своего бессилия во всем, за что она бралась. Но нет, нельзя распускаться, все, что Майя себе позволила — нырнула с головой под одеяло, вернувшись в полную темноту и тишину, посчитала до десяти, справилась с эмоциями и встала, готовясь встретить очередной день. Такой же, как десятки предыдущих, ничем не примечательный.

Это даже будет забавно. Одно из принимаемых как данность предубеждений их общества гласит: девушка, достигшая двадцати лет, не вышедшая замуж — обреченная старая дева. Об удачной партии можно забыть, на хоть какую-то, возможно, еще есть шанс, да и то, лишь после того, как потенциальный кавалер убедится, что более молодой и выгодной невесты ему не сыскать. Действительно праздновать свое двадцатилетие может или замужня, состоявшаяся женщина, или сумасшедшая, желающая посмеяться над судьбой. Чем отличается вчерашняя девятнадцатилетняя девушка от сегодняшней двадцатилетней старой девы, Майя пыталась понять, осматривая себя в зеркале, но ничего не вышло. Хотя ей еще нет двадцати, мама говорила, что обе сестрички родились поздним вечером, после захода солнца, может тогда и станет понятно, в чем изменения? Кожа одрябнет, руки начнут трястись, и придется срочно обращаться к дантисту за зубными протезами.

Пригладив несуществующие складки на платье, Майя усмехнулась своим мыслям. В честь праздника девушка решила изменить своему обычному серому безликому образу. В ее

гардеробе имелось любимое платье, ткань к нему они с мамой как-то увидели в швейной лавке и обе моментально влюбились. Нежно-голубой ситец, по периметру которого порхают, как живые, бабочки, запечатленные на ткани. Игнорируя протесты Майи, ткань была куплена, а уже через неделю платье сшито. Подол усеивали сотни бабочек, и лишь немногие из них достигали талии, так же было и с рукавами. Примерив его, Майя боялась выйти к зеркалу, ведь красота платья еще не залог красоты в нем. А в очередной раз разочароваться она была не готова. Но открыв глаза и увидев свое отражение, даже она удивилась. Голубой цвет оттенял проступающую бирюзу глаз, белые спадающие локоны не казались настолько неуместными как обычно. Мама сказала, что именно так должно быть, выглядят ангелы Яха, которые посылают деток на землю к их мамам, раз малыши в детстве так искренне улыбаются, вспоминая о них.

Конечно, Майя не верила, что еще кто-то кроме мамы может так считать и говорить, но, тем не менее, сегодня ей хотелось выглядеть красиво для себя, а что может быть лучше этого убранства?

Под дверью комнаты лежал букетик васильков и привязанная к нему записка:

«Я все еще зла, так что даже не пытайся со мной заговорить, но не поздравить тебя с Днем рождения я не могу! Хоть ты и противная и упертая, я тебя люблю, и ближе человека у меня нет. А раз так, тебе придется всю жизнь мириться с моими причудами, и делиться со мной секретами. Да, слышишь? Де-ли-ться сек-ре-та-ми! Я люблю тебя!»

Эта записка заставила Майю еще раз улыбнуться. Ох... Будь они дома, Майя побежала бы немедля к сестре, раскаялась даже в том, в чем не была виновата, придумала бы какие угодно подробности, лишь бы снова смеяться и грустить вместе. Без недомолвок, без упреков. Но она не могла, не только из-за стремления к правде, ведь эта глупость затрагивала и Витора, а для него совсем нежелательно, чтоб Соня окончательно уверилась в их отношения. И хоть он сам попросил ее не опровергать слухов на каждом шагу, как она собиралась делать изначально, он и не одобрял их подтверждение.

Соня проснулась ни свет, ни зоря. Сегодня был важный день, как бы они ни поссорились с Майей, лишиться сестру хоть частички праздника она не могла. Спешно собравшись, девушка отправилась в сад на поиски достойного букета. Далеко не все цветы уже успели открыться навстречу солнцу и новому дню, белые пионы еще только зеленели шариками, а розы слишком тривиальны для поздравления. Лишь у забора Соня нашла то, что ее устроило — целая полянка васильков, синий океан. Такие же нежные как Майя, значащие намного больше, чем огромные букеты, которые можно заказать у флориста. Измочив подол платья и туфли в утренней росе, девушка, тем не менее, была абсолютно собой довольна. Взяв заранее заготовленную записку на специально привезенной розовой бумаге с вензелями, она соорудила с помощью ленты красивый букет, приколов лист сбоку.

Лично вручать сюрприз она не собиралась. Все еще злилась. Даже не на то, что Майя не поделилась с ней новостью, а на то, что продолжала отрицать, несмотря на неопровержимые доказательства.

Миновав комнату сестры, Соня зашла к себе, сменила мокрые, хоть выжимай, чулки, показала своему отражению в зеркале язык и помчалась навстречу новому дню.

— Леди Дивьер, с добрым утром, — граф Винтент со всей учтивостью склонил голову. Он заметил несущуюся ему на встречу девушку еще в начале коридора, а она, видимо, была

слишком занята своими мыслями, раз чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Витор! Вы меня напугали! Нельзя же красться по дому как привидение! — от негодования Соня даже забыла, что решила для себя игнорировать не только Майю, но и его, как причастного к случившемуся. А когда вспомнила, проходить мимо с гордо поднятой головой было уже поздно.

— Простите, я всего лишь подумал, что в этом доме принято все делать тихо и незаметно для остальных. Например, подкладывать под двери очаровательные букеты, — за словами последовала искренняя улыбка, сложись обстоятельства иначе, Соня бы даже посчитала ее милой. Помимо своей воли девушка ответила, что у мужчины ямочки на щеках.

— Вы следите за мной? — Соня все-таки не смогла побороть желание поднять повыше подбородок, посмотреть на собеседника так пренебрежительно, как когда-то видела, смотрела на маму бабушка, папина мама, почему-то считающая себя выше всех вокруг. — Хотя скорее за моей сестрой...

Витор улыбнулся еще шире. Какая она забавная, и какая красивая, и в глазах столько силы, истинная графиня.

— Да нет, просто из вас получился не слишком удачливый конспиратор, Соня, — прежде чем произнести последнее слово, он сделал паузу. — Вы забыли оглядеться по сторонам прежде, чем исполнить вашу миссию с букетом. Но поверьте, вам нечего бояться, я вас не выдам.

Соня фыркнула. Пустые разговоры на пустые темы. Она могла проводить часы, беседуя ни о чем с милым ее сердцу герцогом, но уже первые минуты такого общения с Витором вывели ее из себя.

— Я знаю, какой сегодня день, и в связи с этим у меня к вам предложение, — поняв, что на шуточные подколки она реагирует никак не благосклонностью, Витор решил сменить тактику. — Я купил небольшой сувенир, подарок для вашей сестры, как вам кажется, он ей понравится? — Мужчина достал из кармана маленький темно-синий футляр, в каких обычно хранят кольца.

Соня пропустила один вдох. Неужели он собирается сделать сестре предложение? Если да, она даже готова простить его прямо тут, спланировать их свадьбу и взять на себя обязательства по воспитанию будущих детей.

Когда Витор открыл коробочку, план по прощению рухнул. На синем бархате лежала подвеска — ласточка, взмахнувшая крыльями, в полете, с глазками голубыми камешками. Легкая, светлая, почти прозрачная, как сама Майя. Несомненно, очень красивая, но не обручальное кольцо.

— Так что? Вам не нравится? — он специально вчера поехал в город с Дамианом, нашел антикварную лавку и уже в ней это сокровище. Собирался подобрать подарок девушке, которую смело мог назвать другом, особенно после того, как беспричинно обвинил ее в каких-то закулисных играх, а увидев подвеску, понял, что это лучший подарок, который он смог бы найти.

Витор и сам это прекрасно понимал, а в разговоре с Соней тема служила всего лишь предлогом. Предлогом не отпускать ее еще пару минут. Но вот разочарование в ее глазах, когда он открыл футляр, стало неожиданным.

— Нет, что вы, нет, она очень красива. — Соня спохватилась, справилась с не слишком приятной неожиданностью, одобряюще улыбнулась. — Да. Она великолепна, — взглядом спросив можно ли взять в руки и получив в ответ кивок, Соня приложила цепочку с

подвеской к своей шее. На ней украшение смотрелось великолепно, но, наверное, только на Майе оно сможет обрести еще и смысл. Ласточка. — Спасибо Вам. — Соня вернула на место подвеску, захлопнула коробочку, вложила в руку владельца.

— За что? — Витор же просто следил за метаморфозами, творящимися с девушкой, еще каких-то несколько секунд тому она играла, а сейчас выглядела искренне, и совершенно серьезно, не зло, не пренебрежительно.

— За Майю. Я верю, вы желаете ей добра, а значит, она будет счастлива.

Витор опустил взгляд, он не мог оправдать ее надежд в этом вопросе и обманывать не хотел.

— Соня, вы все неправильно понимаете... — видимо, настало время объяснить ей, объясниться с ней...

— О нет, Витор, не нужно! Не поддакивайте сестре, я не хочу в очередной раз слушать о том, как заблуждаюсь, прошу вас! — и опять изменения, не осталось и следа от кротости, снова готова биться на смерть за свою правоту.

— Вы не верите сестре, мне, зато охотно поддерживаете сплетню, распущенную чужой вам глупой девчонкой? — он хотел лишь посеять в ней зерно сомнения, стремление к поиску истины.

И, похоже, ему это удалось, в упорном взгляде возник огонек неуверенности.

Она считала, что хороший день рождения возможен только дома? Глупости! Оказывается, такая роскошь возможна даже в данном месте, в компании этих людей. И для этого нужно не так много — прощение сестры, поздравления от первого в жизни настоящего друга, выглянувшее после полудня солнце и возможность уединения с очередным кладом-книгой.

Майя зацепила пальцем цепочку, провела вдоль шеи, ловя ласточку. Это был второй, после букета под дверью, но не менее приятный, сюрприз. Какое счастье — получать подарки от дорогих людей. Не дорогие подарки от людей, а букет, в который вложена частичка души, ласточку, которая символизирует тебя саму.

После завтрака Витор отвел ее в сторону, так, чтоб им не мешал ни шум, ни мельтешение, поздравил, вложил в руку коробочку, сказав, чтоб открыла в комнате. Конечно, не хватало только после вчерашней новости номер один, снабжать окружающих новыми подробностями их эфемерных отношений. Спрятав тайный сюрприз в складках платья, Майя поспешила исполнять приказ. Кроме поздравлений Витор сказал, что будь он художником, нарисовал ее именно так, несколькими штрихами.

Тут же ее застала и Соня. «Простить тебя? Глупышка, мне не за что тебя прощать!» Лучшей музыкой для ее ушей стал смех сестры, теперь-то она поступила по традиции, чуть не сбив с ног Майю, подлетев и сжав ее в своих крепких объятьях, целовала за маму, за папу, за себя, и за уши тоже пыталась оттащить за всех, но после неуверенных протестов, отказалась. Рада примирению была не только Майя, но и младшая Дивьер. Спohватившись, что настоящего подарка она так и не вручила, услышав мольбы Майи, чтоб никто не узнал о празднике, Соня поразмыслив, сообщила, что бежит на кухню заказывать кекс, который они вечером перед сном вместе отведают, и свечки она тоже найдет. В ее порыве было столько энтузиазма, что перечить Майя не осмелилась. Кекс, так кекс, главное, чтоб Соня была довольна.

Снова посмотрев в окно, она поняла, что солнце наконец-то вышло из-за туч, и на душе вмиг стало тепло.

Когда сморенные жарой обитатели дома разошлись по покоям, Майя решила совершить вылазку, которые уж давненько себе не позволяла — зашла в тайную библиотеку. Раз до этой минуты все складывалось так благополучно, что же может стать препятствие сейчас? Девушка водила пальцем по переплетам, особенно придирчиво выбирая книгу. Хотелось чего-то невообразимого. Такое чувство возникает, когда попадаешь в кондитерскую, полную разных вкуснейших пирожных, и тебе нужно выбрать, а как выбрать, если одно лучше другого? Так и тут, каждую книгу хочется взять в руки, открыть первую страницу и начать читать, но проблема в том, что действительно каждую! И как решить? Не иметь выбора — грустно, но иметь его — сущее мучение. Зажмурившись, Майя наконец-то уверенно взялась за один из переплетов, ведь в сомнениях можно потратить все драгоценное время.

Кто-то взялся за ручку с той стороны двери. Кто это мог быть, сомнений у Майи вопрос не вызывал. А вот то, что она сделала дальше... Девушка поступила как воришка, просто испуганный воришка, пытающийся скрыться от расплаты. Единственная оставшаяся в голове мысль, кричала о том, что нужно бежать, а так как бежать было некуда, то хотя бы спрятаться. Подхватив подол платья, Майя скользнула за стеллажи, в нишу, как казалось девушке, способную полностью скрыть ее от постороннего человека, даже если он решит пройти в центр комнаты, но главное — не к окну.

Потом она много раз корила себя за этот поступок, и не меньше благодарила небеса за свою же трусость. Поступи она по-другому, и как сложилась бы ее жизнь? Скольких минут отчаянья можно было избежать, и сколько мгновений счастья потерять?

— Друг, ты хотел со мной поговорить? — Дамиан поймал Дэррека в тот момент, когда он взялся за ручку двери ведущей в библиотеку. В последнее время эту комнату он предпочитал для работы и отдыха даже своему кабинету.

Герцог обернулся на звук голоса, встретился взглядом с размашисто шагающим к нему другом.

— Да, хотел, проходи... — он открыл дверь, пропуская вперед товарища. — Налить чего-то? — пока Дамиант устраивался в кресле, Дэррек прошел к столику с напитками.

— А у тебя богатый выбор? — он осмотрел комнату, не смог припомнить, чтобы бывал здесь раньше. Уютно, красиво, впрочем, как и во всем доме. Ничего особенного. Разве что красивейший глобус у окна.

— Ну не настолько богат... Для некоторых посетителей не находится достойного напитка, но думаю, тебя устроит ассортимент.

— Тогда давай.

Налив в стаканы янтарную жидкость, он подошел к Дамиану, вручил ношу и устроился на своем привычном месте — лицом к стеллажам, ближе ко входу.

— Что тебя гложет, друг мой? Неужели требуется моя помощь, или, возможно, поддержка моральная? Я весь внимания, к твоим услугам! — он картинно развел руки, призывая к откровению.

— Старый Винсент уже предлагал тебе место своего помощника? — Дэррек не любил получать такую информацию из третьих рук, а тут получилось именно так. Он был уверен в друге, но не собирался делать вид, что ничего не произошло.

Улыбка сошла с лица Дамиана, мужчина вмиг стал серьезным, поставил стакан на стол — такие разговоры не вяжутся с легкомысленным потягиванием чего покрепче.

— Нет. Официально нет. Но это пока, — тон серьезный, не в пример обычному.

— А почему я узнаю о такой возможности не от тебя, друг? — Дэррек сделал ударение на последнем слове, друг или не друг? — А от вездесущего Винсента младшего. Который этим еще и шантажировать меня пытается?

— Чего он хотел? — ответа на вопрос у него не было, может просто ждал официального обращения с предложением, может не был уверен, что такое поступит, а может на самом деле решил приберечь новость на всякий случай, никто ведь не знает, что принесет завтрашний день.

— Поручиться моим голосом, как и остальные участники выборов. Чего еще он мог хотеть? Я ведь не симпатичная девка, чтоб хотеть от меня лобзаний! — когда Дэррек ставил и свой стакан на стол, ему показалось, что он уловил какое-то движение на противоположной стороне комнаты. Наверное, солнечный зайчик, отблеск от стекла.

Если сначала у Майи еще возникали самоубийственные мысли выдать себя, сделать вид, что у нее упала сережка, закатилась за стеллаж, и она ее так разыскивала, то теперь, после услышанного, она понимала, что это невозможно. Она не просто подслушала, она подслушала то, что ее ушам не предназначалось ни при каких обстоятельствах. Ее отец тоже восседал в Палате, пару раз обронил замечание о том, что в следующем году предстоят выборы, что от них будет зависеть многое. Но Майя и подумать не могла, что все настолько повязано.

— И что ты ему сказал? — девушка опять затаила дыхание, боясь выдать себя малейшим шорохом.

— Ничего, послал подальше. Он пришел не в то время. Ты-то понимаешь, что подставляешь меня?

Дамиан опять не ответил. Конечно понимал, ведя какие-то, пусть даже и очень окольные разговоры с председателем палаты за спиной Дэррека, он ставил того перед выбором, поддержать друга, по сути, лишь потому что это его друг или сделать реально свой выбор.

— Поверь, как только он официально предложит, ты узнаешь об этом первый. Я-то прекрасно понимаю, что меня туда берут как не совсем желательный придаток к твоим голосам. Залог твоей поддержки, — он горько усмехнулся, такое осознавать было крайне грустно, а соглашаться, невзирая на это понимание, — унинительно.

— Неплохой залог. Метящий на место в созвездии государственных лидеров. Лично я бы сто раз подумал, стоит ли кровь, которую ты попьешь в правительстве, моей жалкой поддержки.

— Дэррек, тридцать, у тебя минимум тридцать голосов, ты шутишь? — хоть осадок от понимания своей мелочности остался, комплимент друга достиг цели. Дамиан в сотый раз поверил в свои силы. — Кроме того, если все сложится хорошо, к осеннему собранию получим еще пару голосов. Может Дивьера? — мужчина усмехнулся.

Как Майя ни пыталась не дышать, не двигаться, не шевелиться, услышав свою фамилию, она дернулась. Нет, теперь-то лучше прямо тут повеситься на поясе от платья, чем выйти пред ясны очи беседующих.

Уловив это движение, Дэррек хмыкнул. О нет, ему не показалось, это был не солнечный зайчик, это мышка, мышка, облаченная в бабочек. Он прекрасно запомнил этот узор. Когда Майя утром вплыла в столовую, он даже потерял на мгновение дар речи. А теперь подол платья отчетливо выглядывал из-за дальней полки. Сколько еще раз ему суждено застать ее за слезкой? Что за удача у этой бедолаги?

— А что Дивьер? — Дэррек продолжал изучать выглядывающий из-за угла лоскуток ткани.

— Не притворяйся! Бедняжка Соня смотрит на тебя такими глазами, что я иногда сомневаюсь, влюблена ли она в тебя или ты — ее религиозный культ.

Дэррек усмехнулся, ну что ж, похоже, добыча сама добровольно лезет в капкан.

— Пока что по мне рано отправлять службу, но когда придет пора — я не против, чтобы грехи мне отпустил такой ангел, как Соня.

— Не заговаривай мне зубы! Когда ждать свадьбы? Не думал, что тебя сможет задеть она. Признаюсь, ставил на Розу, а вот как оно получилось...

— Не разбрасывался бы ты ставками. Я не собираюсь на ней жениться.

Обухом по голове, это как? Майя бы сказала, что это когда глоснешь на мгновение, а сердце стучит даже в ушах.

— Почему? — вопрос прозвучал так, будто этого варианта Дамиан не рассматривал в принципе.

— Меня не интересует женитьба.

— Но ведь она-то тебя интересует! — Дэрреку так и хотелось сказать «такой взрослый мальчик, а ничего не понимаешь», но, с другой стороны, благодаря наивным вопросам Дамиана, еще один зритель, а скорее даже слушатель, уж точно поймет, о чем идет речь.

— Неужели ты думаешь, что я женюсь на всех, кто меня интересует? Спроси у Розы.

И опять пыльный мешок опустился на темя Майи. После этого она оглохла уже действительно и, казалось, окончательно. Насколько это низко. Насколько мерзко. Майя не знала, сколько прошло минут или часов, сколько еще они сидели в креслах, ведя беседы о чем угодно. У нее в голове крутилась одна мысль: что делать?

Он играет чувствами наивной Сони, элементарно забавляясь. Растопчет и не заметит. А кто потом сможет собрать разбившееся сердце?

Вынырнув из вихря крутившихся в голове мыслей, Майя поняла, что комната опять пуста, не слышно ни единого шороха, медленно на ватных ногах девушка вышла из укрытия, еле добрела до ближайшего кресла. Теперь создавалось впечатление, что солнце светит, издеваясь, слишком ярко, слишком вызывающе. Тоже забавляется над людьми.

Что делать? Срочно собирать вещи и силком тянуть Соню из этой западни? А дома, а что дома? Как объясняться? С Соней, с мамой? Она подслушала разговор, не предназначенный для ее ушей, может она все неправильно поняла? О Ях, а как же это можно неправильно понять?

Рассказать все Соне? Нет, она не поверит. Не поверила в историю с поцелуем, не поверит и сейчас. А даже если и рассказывать, то что? Он и мысли не имеет на тебе жениться? Откуда я знаю? Подслушала. И кому поверят: благородному рыцарю или сующей нос не в свои дела сестре?

Может сказать Витору? Да, это выход, он поверит, ведь Майя и о нем услышала многое,

чего не могла бы узнать откуда-то извне. Но нет... Витор решит, что она все-таки шпионит в пользу герцога. Ведь раз уже подумал так, а теперь что мешает повториться недоверию?

Что же за безысходность такая?! Майя скользила взглядом по окружающим ее предметам, будто надеясь найти подсказку в них, раз сама найти решение не способна. Нужно срочно найти Соню. И если рассказать ей пока что ничего нельзя, то хотя бы быть всегда рядом Майя была обязана.

Ну что ж, сколько времени нужно, чтобы она прошла стадию шока, отвержения, подбора возможных вариантов решения проблемы, и, наконец-то, не найдя лучшего выхода, пришла к нему с разбирательствами? День? Может неделя? Нет, все зависит от того, подтвердит ли он опасения, или нет. Дэрреку надоело ждать, ходить вокруг да около. Особенно после вчерашней новости. Пора было сворачивать балаган.

— Так что? Боитесь?

— Нисколько. Как договорились — в восемь в беседке.

— Вот и отлично, — Дэррек коснулся своим бокалом бокала собеседницы, закрепляя договоренность звоном хрусталя. — Я буду ждать вас.

Сверлящий его затылок взгляд был практически осязаем, если бы Майя могла, она, наверное, убила бы силой мысли. Развернувшись, Дэррек убедился в этом. Сколько ненависти... Во время войны не часто встретишь такую уверенность в глазах воина, а тут девчонка, а кажется, готова сражаться зубами, ногтями. Прошла мимо, напрямик к сестре. И эти бабочки... Вот сейчас они наверное спикировали бы на него, имей хозяйка возможность дать им такой приказ.

— О чем вы говорили с герцогом? — Соня удивилась поведению сестры, обычно покладистая, сейчас она преисполнялась решимости.

— Ни о чем особенном, а что? — Соня попыталась высвободить руку из плена сестриных пальцев, но это оказалось не так просто. К счастью, никто не обращал внимание на это странное поведение.

— Чего он хотел? — Майя отчеканила каждое слово отдельно, не допуская возможности увернуться от ответа.

— Майя, — Соня же была крайне удивлена, не ожидала такой реакции от сестры. — Что стряслось? Ты меня пугаешь. Герцог спросил, интересуюсь ли я астрономией, ты ведь знаешь, сегодня как раз первый день звездопада, можно будет понаблюдать, в одной из беседок есть телескоп. Да отпусти же ты руку, мне больно! — просьбу Соня прошипела, потому что сестра и вправду сдавила ее слишком сильно, наверняка останется синяк. — Что с тобой такое? Весь обед ведешь себя странно.

— Прости. — Майя отпустила руку сестры. — И что, ты пойдешь? — только бы сказала нет, только бы посмеялась над глупой затеей.

— Конечно же, да! Ведь это так интересно! — услышав ответ, Майя чуть не застонала в голос.

— А как же кекс? Когда мы задуем свечи на моем торте?

— Маюшка, не глупи, ужин в шесть, и у нас будет целый час на твой торт, а потом я пойду, может и ты с нами?

— Да! — Майя снова схватила сестру за руку. Значит, так тому и быть! Она будет следовать за сестрой настоящим хвостом. С раннего утра и до позднего вечера, а если нужно

— и ночью. О Ях, но ведь это невозможно, не сегодня — так завтра, не завтра — так послезавтра. Отсрочка не значит победа.

— Ты устала, Маюшка, давай я провожу тебя в комнату, ты отдохнешь. Мне кажется, ты переволновалась, неужели этот несносный Витор опять что-то вытворил? — теперь уже младшая сестра взяла старшую под локоть. Та была растеряна, блуждала взглядом по помещению. Майя пыталась найти выход, хоть какой-то выход, а со стороны это должно было выглядеть как элементарный приступ паники.

— Я просила передать герцогу, что тебе тоже стало интересно посмотреть на звездопад, потому что ты к нам присоединишься. Что же ты никак не успокоишься? — Майя мерила шагами комнату сестры, причем сначала ходила кругами, потом вдоль стены, потом — от камина до кровати и наоборот. Если бы она причитала при этом, смахивало бы на дьявольские ритуал.

Вот уже битый час Соня наблюдала за этим марафоном. В один момент у нее даже разболелась голова. Поняв, что сестра не станет внимать ее совету, а объяснить, что с ней происходит, попросту не может, Соня решила занять выжидательную позицию. Так делал их папа, когда у мамы выдавался плохой день. Внимательно слушал, со всем соглашался, пытался не вмешиваться, чтобы не нарваться на лишний скандал. А скандалы были. Точнее мамины попытки и папино стальное терпение, которое только подживляло огонь гнева. К счастью, такие дни выпадали не так часто, а после того, как ураган утихал, за ним следовал полный штиль, ради которого можно было и перетерпеть. Соня подумала, что видимо и у Майи настал этот самый сложный день.

Девушка закалывала выбившиеся локоны шпильками, излучая спокойствие, и лишь боковым зрением следила за мельтешащей в зеркале сестрой.

В дверь постучали. Даже если бы Соня тренировалась в свое время в упражнении с шпагой или занималась бегом, ей не удалось бы опередить сестру.

Майя распахнула дверь так, что стоящего в проеме дворецкого чуть не снесло потоком воздуха. На его обычно бесстрастном лице читался испуг. Старичок, видимо, даже забыл, зачем пришел. Лишь через несколько секунд опустил глаза на поднос, который держал в руках, взял с него конверт — отдал Майе.

Не письмо. Маленький конвертик, в таких обычно передаются поручения, назначаются встречи или тайные свидания.

Соня за это время успела подойти к двери, но вот на ее протянутую руку сестра не отреагировала никак. Младшая Дивьер была практически возмущена, это ведь ее комната, а значит и записка предназначается ей. Вот только сказать этого девушка не успела, Майя открыла послание.

Соне осталось только наблюдать за реакцией, чтобы по ней определить, чего же ждать. Глаза Майи жадно забегали по строчкам. Видимо, девушка была слишком взволнована, так как перечитывала одно и то же несколько раз. А потом, подняв взгляд, Майя не нашла в себе сил сказать ни слова, Соне даже показалось, что она готова заплакать. Но так ли это, узнать не удалось. Майя отбросила записку, и больше не сказав ни слова, вылетела в дверь.

— Черти что! — Соня проводила взглядом сошедшую с ума сестру, потеряла ушибленное плечо (проносясь мимо, Майя больно задела ее, но даже не остановилась), подняла конверт, оставшийся на полпути от входа к кровати, а потом и само письмо, лежащее чуть дальше,

села в кресло:

«Не стоит ставить под угрозу хрупкое здоровье сестры, которая и без того часто подвергается простудным заболеваниям, сегодня ночь будет прохладной, для нее звездопады повторятся и когда потеплеет».

Все ясно. Она обиделась. Причем, похоже на Соню. Она ведь не отменила эту затею, даже помня, о том, что сегодня День рождения Майи. Нет, конечно, она никуда не пойдет. Герцог поймет, и для нее тоже звездопады повторятся. Вот только куда понеслась эта сумасшедшая? Как найти ее, чтобы сказать, что сегодняшний вечер только их?

Глава 10

— Да как он посмел?! — Майя неслась по коридору в сторону кабинета герцога. — Что он о себе возомнил? Собирается затащить в постель наивную девочку, верящую в его благородность? Нет уж, — эта записка стала пределом терпения. Последняя надежда на то, что своим контролем она сможет исправить ситуацию, рухнула. Не сможет, она должна сказать все, что думает в лицо этому негодяю.

Решил поиграть? Она этого не допустит. Пусть ей придется признаться в шпионаже, хоть и не спланированном. Она готова даже угрожать. Если он ее выгонит — это будет счастьем. Они соберутся не больше чем за полчаса, лишь бы убраться из этого дома побыстрее...

Стук в дверь. Майя переждала три удара сердца и дернула ручку. Этикет? Какой к черту этикет?

— Герцог, мне нужно с вами поговорить. Срочно, — она даже не склонила голову. Слишком была важна суть, а не форма.

Удивленный мужчина, скорей всего еще один помощник с какими-то отчетами в руках, оглядывался то на девушку, то на хозяина, стоящего в полуоборота у окна за столом. Герцог, казалось, ее наглости был ничуть не удивлен. Хотя Майе сейчас сложно было судить о чем бы то ни было.

После недолгой паузы герцог кивнул служащему. Тот сгреб оставшиеся лежать на столе бумажки, и в полусогнутом положении покинул кабинет, пытаясь не посеять выпадающие из папок листочки.

— Чем обязан? — Дэррек же развернулся к ней. Сложил руки на груди, посмотрел в упор.

— Вы не получите того, чего хотите! — Майя вздернула подбородок. Девушка не знала откуда, но уверенности ей прибавилось.

— О чем вы? — все тот же твердый, уверенный тон.

— Вы забываетесь, моя сестра — наследница знатного рода, воспитанная в лучших традициях леди.

— Любопытно, спасибо за информацию. Но при чем тут «не получите чего хотите»?

— Не смейте стоять свои грязные планы на нее! Я вам этого не позволю! — его спокойствие подначивало ее еще больше. Не делай он вид, что не имеет и малейшего представления, о чем она толкует, запала Майи не хватило бы и на сотую долю сказанного.

— Это угроза? Что за грязные планы, я ведь должен знать, в чем меня обвиняют, — мужчина уперся о столешницу, продолжая внимательно разглядывать собеседницу.

— А вы сами не догадываетесь?! — Майя, наверное, практически впервые в жизни повысила голос, еще и на почти незнакомого человека, герцога. — Вам же не нужна моя сестра!!! — она могла снести все по отношению к себе — и презрение, и гнев, и что угодно, но не могла допустить, чтоб этот человек сломал жизнь ее сестры. Ее маленькой наивной Сони.

— Вы полагаете? — глаза смотрят с издевкой. Он вечно насмехается.

— Конечно! Это моя сестра! Неужели вы думаете, я могу смотреть спокойно на то, как

вы пытаетесь разрушить ее судьбу? Она же еще совсем ребенок! Неужели у вас нет той, которая может предложить то, чего вы ждете от нее? — эгоистично? Конечно да, но когда вопрос касается родных, доводы рассудка насчет мировой справедливости отходят на задний план.

Он вмиг стал серьезным, лицо суровым, но на этот раз перемена не произвела должного эффекта, слишком важным было для Майи заставить его отпустить Соню, перестать играть с ней в игры, ведь она видела, что для него это всего лишь игра, а бедная девочка и вправду начинает влюбляться, даже не в него, а в свое представление о нем. Так, как когда-то сама Майя.

— А чего я жду от нее? — вопрос же почему-то сработал как отрезвляющая пощечина. Девушка вдруг осознала, как далеко зашла и сколько лишнего сказала. — Сядьте.

Ослушаться прямого приказа Майя не могла, упала в кресло.

— Вы врываетесь в мой кабинет, выставляете моего служащего же за дверь, потом обвиняете меня, причем прямым текстом, в разрушении судеб. И не отвечаете на мои вопросы. Так объясните мне, чего я жду от нее?

Майя смотрела на свои предательски дрожащие от гнева руки. От гнева, который она испытывала буквально несколько минут назад, а еще от осознания того, насколько недостойно вела себя только что.

— Я жду, — почему его приказы подчиняют волю? Почему бы сейчас просто не вылететь из кабинета?

— Вы ждете... — проблема лишь в том, что теперь Майя сама себе казалось глупой, жалкой и вспльчивой. А она сама-то знает, чего может хотеть мужчина от шестнадцатилетней девочки? Так почему решила...

— Леди Дивьер, вы испытываете мое терпение. Я жду ответа.

— Вы хотите сделать из нее свою любовницу! — когда Майя произнесла эти слова, казалось, опасная реальность стала практически осязаемой.

— И вас это беспокоит? — видимо, ответ его удовлетворил, так как морщинки на лбу разгладились, а руки оттолкнулись от стола. Выпрямившись, мужчина значительно вырос, теперь угрожающе нависая.

— Конечно да! Вы понимаете, чем это грозит Соне? Вы ведь лишите ее будущего! — что за глупый вопрос? Кого, как не ее может это беспокоить?

— Если смотреть на вещи именно так, вам действительно есть о чем беспокоиться, — он издевался, он просто в очередной раз над ней издевался — так быстро сменил гнев на свой заигрывающий тон, кот так же ведет себя с мышью, поймав ее. Отпускает, а как только мышь чувствует свободу, бьет лапой.

— И что это означает? Вы оставите ее в покое? — неужели...

— К вашему сожалению, нет. Понимаете, ведь мир устроен так, что думать нужно не только об окружающих и их благополучии, но и о себе. Если я откажусь от... задуманного, что получит ваша сестра — понятно, вы называете это будущим, что получите вы — тоже, спокойствие по отношению к сестре, а что получу я? Мне ведь тоже нужна выгода.

Майя понимала, каким абсурдом выглядит все происходящее, понимала, что не может предложить ему ничего.

— Но какая выгода, ведь в вашем имении по меньшей мере десятков красавиц, мечтающих занять предложенное вами место. Вам стоит только поманить! И они ничем не уступают моей сестре.

— Да, но есть одно но...

— Какое? — Майя готова была отвергнуть любой его аргумент, предоставить сотню доказательств того, что выбери он любую, кроме Сони, выиграет в стократ больше, чем мог бы.

— Ведь по отношению к любой из них, я, если следовать вашей логике, поступил бы нечестно. Разве нет у них будущего, как у вашей сестры? Разве не стоит так же заботиться о нем, как вы печетесь о прекрасной леди Соне?

Нет, ей не победить его в этой дуэли. Дэррек подошел к окну с видом на свой сад, как под заказ, прямо сейчас там прогуливались парочки, кто-то играл в бадминтон, жизнь за окном не стояла на месте.

— Согласитесь, если я откажусь от Сони, я окажу вам услугу? — он повернул голову так, что виден был лишь профиль, чтобы уловить практически незаметный кивок Майи в знак согласия. — А чем платят люди за оказанную услугу? Кроме благодарности, разумеется. Можете не отвечать, услугой. Мне кажется, справедливо будет, если поиском замены займетесь вы. Согласны со мной? — он развернулся, облокотился о раму, вопросительно поднял бровь.

— Но..., но ведь я...

— Ну нет, я предлагаю честную сделку на выгодных для вас условиях, неужели вы считаете, что ваше неудобство превышает мои потери?

Времени на размышления не было, неважно как, где она будет искать ему любовницу, неважно, что это в принципе дикость. Важно, что так она поможет сестре, а значит, она согласна.

— Да. Я сделаю это.

— Когда? — он улыбнулся, как все тот же кот, снова поймавший мышку, и готовый продолжить игру.

— Я не знаю, может через неделю, может две. Поймите, я ведь не каждый день занимаюсь подобным, не могу обещать вам точных сроков.

— Нет, так не пойдет, мне нужно, чтоб уже сегодня после ужина, скажем, часов в десять, одна милая особа ждала меня в покоях.

— Вы шутите! Но как... Вы хотите, чтоб я притащила девушку силой, и заперла?

— Это меня не сильно заботит. Но если вы сомневаетесь в своих силах, я бы на вашем месте поторопился.

— Вы понимаете, что это абсурд? — нет, не понимает, или скорее прекрасно понимает, но никогда в этом не признается.

А он и не ответил.

Майя встала, на негнущихся ногах направилась к двери, пытаясь сообразить, к кому она могла бы обратиться за помощью, как выбраться из этой запутанной ситуации. Ведь еще не поздно просто собраться и уехать, никогда не поздно это сделать. Уже у двери из мечущегося урагана собственных мыслей ее выдернул голос.

— Только знайте, желаемое я получаю всегда, побег тут не спасет, — черт, даже про себя Майя еще не ругалась так много, он что, читает мысли? Или эта мысль настолько очевидна.

— А если я не смогу... исполнить задание, — это было настолько низко, что повторять не хотелось.

— Постарайтесь.

— Я скорее продам душу дьяволу, чем смогу подойти к любой девушке с подобным предложением!

— Продавать не так и необходимо. Майя, стоит лишь подумать... — очередной наклон головы и улыбка, на этот раз означающая его полную победу, и ее разгромную капитуляцию.

Этой ночью, его светлость, герцог Мэйдентэр ждет в покоях Майю собственной персоной.

Часто ли люди становятся перед выбором «я или близкий человек»? Мамы жертвуют своей жизнью, закрывая сыновей от пуль, наблюдающий за дракой ребенок бросает камень, чтобы отвлечь внимание от избиваемого, привлекая к себе. Люди способны идти на жертвы ради близких. Вот только можно ли избежать непременно возникающего впоследствии вопроса «а если бы не так»?

— Майя, куда ты убежала? Я никуда не пойду вечером без тебя, слышишь? — Соня взяла сестру за руки, пыталась заглянуть в глаза, поймать, заставить сосредоточиться на себе. Сделать это было крайне трудно. — Я спросила, его светлость сейчас у себя, хочешь, подождешь меня пару минуточек, и мы пойдем на воздух? Вместе? Майя!

— А? Что? — наконец-то Майя посмотрела осмысленно. — Да, конечно, пошли... Нет, тебе не нужно никуда идти, напишем ему записку. Нужен свежий воздух... Хотя нет, хочу отдохнуть. Прости, я пойду в комнату, — высвободив запястья из не слишком сильного захвата, Майя медленно направилась прочь. Соне осталось лишь качать головой, провожая сестру серьезным взглядом. Сегодня она вела себя слишком странно. Может это все потому, что ей исполняется двадцать? Может, в этом все дело? Вот дурочка! Ведь это только цифры, пусть кто-то хотя бы попытается затащить ее, Соню, под алтарь до двадцати... Смешно! Она скорее сбежит в глушь, чем пойдет на поводу. Хотя... Может и пойдет, если предложение сделает тот, о ком она думает. Нет, записка не нужна, она может сходить и сама.

В семь, как и обещала, Соня пришла к сестре со своим творением.

— Я ведь сегодня тебе еще не пела? — Майя грустно улыбаясь, покачала головой. — Значит сейчас самое время. — Соня с каждым шагом от двери к стоящей у трюмо сестры исполняла предложение песни. Майе даже пришло в голову сравнение с невестой. Она так же ступает к своему суженому, вот только вместо пирога со свечей, у нее в руках букет. Соня будет чудесной невестой. — Ну все, загадывай желание.

«Ях, пусть это будет не так унижительно, как может быть». Свеча погасла.

Майя долго думала о том, чего ей ждать. Это ей нужно было не для того, чтобы в последний момент отступить. Скорее, чтоб знать, к чему быть готовой, ведь неожиданное унижение обычно заставляет колени подкоситься, как бы ты ни была стойка. В том, что сегодняшнее приглашение — просто очередная жестокая шутка, Майя уже не сомневалась. Она пришла к этому выводу на втором часу своих метаний.

Вопрос только в чем оно? Вряд ли все присутствующие в доме будут наблюдать за тем, как она под покровом ночи придет предлагать себя, а он ей со смехом откажет. Хотя это не худший вариант, его она хоть смогла предсказать. Но он слишком прост, нет, видимо попытка будет более изощренной. В то, что она действительно интересуется герцога, Майя не верила. Принимала сей факт как данность. Она мужчин не интересуется. А если интересуется, то как

потенциальная графиня, что герцога в ней привлечь тоже никак не может.

На ужин Майя не пошла. Опять. Не могла смотреть ни на кого. А ведь еще даже ничего не сделала, что же будет, когда над ней посмеются? Бегство. Да, еще одно унижение и бегство. Но почему не сейчас? Каждый раз, задавая этот вопрос, она вспоминала брошенное напоследок в кабинете «побег не спасет». Ну что ж, не может же герцог быть бесчестен настолько, что не сдержит свое слово, хотя бы это.

— Герцог очень расстроился, что мы пропустим звездопад. Он сказал, что будет видна даже одна из планет, и вообще, сегодня магический день, наши предки его называли днем всех влюбленных, и проводить его нужно по-особенному. Странно, ведь даже мама об этом никогда не рассказывала, — Соня водила пальцем по кружевной скатерти столика, углубившись в свои мысли. Она не упрекала, просто нелюдность сестры сегодня била все рекорды, младшей приходилось придумывать темы, а потом и обсуждать их без участия Майи.

О да, Майя проведет его по-особенному. Девушка непроизвольно передернулась. Вот только со звездопадом и давним праздником это никак не связано.

Часы пробили девять. Ну что ж, еще час. Дом потихоньку засыпал. За дверью периодически слышались шаги расходящихся по своим комнатам гостей, под двери подносили и оставляли кувшины с горячей водой для вечерних процедур.

— Между прочим, так и есть. И твой дорогой Витор это подтвердил. Рассказал, как у них в графстве его празднует сельская молодежь. Девушки плетут венки и пускают их в реку. А внизу по течению стоят молодые люди, ловят венки суженых. Мы даже решили, что хоть и не успеем уже сегодня, но обязательно устроим подобное развлечению завтра. Не переживай, я сплету нам самые красивые венки, уж в этом я мастак.

Через полчаса Соня не выдержала этой молчаливой рассеянности сестры. Поцеловав ту в щеку, еще раз пожелав спокойной ночи, отправилась восвояси. Уже у двери она обернулась, заметила, что взгляд сестры был устремлен на часы, а потом вздохнула и вышла. Ее что-то гложет, что-то важное, раз она ведет себя так, но даже если Соня сто раз обиделась бы или миллион попыталась выпытать, из нее не вытянешь и слова. Соня это прекрасно знала.

Еще полчаса... Двадцать пять минут... Двадцать... Опять не выдержав, теперь уже сидения без дела, Майя пошла к шкафу. Она нервно выбрасывала на кровать один наряд за другим. Ей нужно что-то темное. Глухое, чтоб ни тело, ни душа не были нараспашку. Хватит того, что она будет беззащитной внутри, пусть хоть ее привычный панцирь станет ее защитой. Найдя, по мнению девушки, нужный вариант, Майя занялась разоблачением. То ли это и правду непосильная задача, то ли из-за волнения пальцы ее не слушались, но потратив почти десять минут, она так и не смогла развязать узел, лишь еще сильнее его затянув. Теперь развязать удастся лишь с помощью ножа. Ласточку Майя решила оставить. Пусть хоть она будет ее оберегать.

Без десяти. Нет, она передумала. Абсурдная затея. Полная глупость с ее стороны. Неужели Соня бы ей не поверила, расскажи Майя все как есть? Неужели она настолько недооценивает свою собственную сестру? Такую умную, рассудительную не по годам?

Нет, она не уверена в том, от кого зависит не меньше чем от сестры. Именно поэтому она и идет.

Приоткрыв дверь, девушка бросила перед собой испуганный взгляд. Коридор проглядывался от начала и до поворота. Не заметив движения, Майя попыталась прислушаться — шагов тоже не было слышно. Ну что ж, вряд ли какой-то подвох ждет ее по пути, хотя все может быть. Проходя мимо комнаты сестры, Майя не смогла побороть свое желание. Еще раз оглянулась, прислушалась, ни звука. Очень медленно, чтобы не разбудить сестру, если та спит, покрутила ручку. Дверь не поддавалась. Хорошо, значит, не забыла закрыться. А ведь обычно забывает. Даже не забывает, оставляет, чтоб если Майя решит к ней заглянуть, она не наткнулась на закрытую дверь.

Еще поворот, тишина, темнота. В подсвечниках, развешенных на стенах, горят не все свечи. Майе подумала, что в этом доме бояться можно не только людей, но и теней. А как же тут, когда дом пустует? Когда все эти комнаты не заселены? Кошмар, не хотела бы она остаться тут один на один с собой. Направо. Из гостевого крыла она уже попала в хозяйское. Хотя крылом это сложно назвать, одно из ответвлений нескончаемых переходов. Дорогу она помнила неплохо, во время экскурсии их проводили тут. Хотя то, что запомнила, скорее исключение, чем правило. В голове возникла очередная отчаянная мысль — а может развернуться и уйти, ведь она могла заблудиться? Могла? Нет, на такую полуправду герцог даже внимания не обратит. Как и на любую другую.

Ну вот, последние несколько метров до одной из дубовых дверей, ничем не отличающихся от соседних, разве что струящимся из щели под ней светом, Майя прошла тихо, как только могла. Не хотела, чтоб герцог и все, кого он пригласил на публичное унижение, думал, что она струсилась и теперь стоит перед дверью не в состоянии на что-то решиться. Майя поднесла руку к висящей на шее подвеске, взяла ее в холодные пальцы, три раза повторила молитву, единственную, которую знала на память с детства, выдохнула, постучала.

Приглушенное «войдите». Ничего не оставалось, как толкнуть дверь, которую пора бы смазать — петли жалобно заскрипели.

Хоть из-под двери и сочился свет, комната была погружена в полумрак. Переступив порог, Майя боязливо осмотрелась. Камин, в котором тлеют угли, находится у двери, возле него два кресла оббитые зеленым бархатом. Красивые. Майя привыкла, что аристократы предпочитают красный цвет, а оказалось, что и зеленый может быть благородным. Невысокий круглый стол, на нем стоит подсвечник, основной источник света после камина, бокалы с вином. Два. Напротив — кровать. Майя всегда считала, что большая кровать — пустая трата пространства. На своей, огромной, она иногда, чтобы использовать ее рационально, спала поперек. А тут, на такой кровати, можно было спокойно проводить уроки ученикам целого класса. Причем дети могли бы лежать, сидеть и бегать одновременно. Над кроватью — балдахин. Но не такой плотный, как шторы, заставляющий почувствовать старость — и свою, и мебели, а легкий, ниспадающий. По левую руку от кровати стоял огромный шифоньер, практически до потолка. Чтобы достать что-либо из верхних отделов, бедному камердинеру, должно быть, приходилось пользоваться лесенкой. Справа располагалось еще одно кресло и столик. Практически во всю стену размещалось окно, и если Майя не ошибалась, с выходом на балкон.

— Ну как вам? — как раз у окна и стоял хозяин комнаты. Герцог, облокотившись о стену, смотрел на нее. И в большинстве своем, обстановка интересовала ее лишь затем, чтоб оттянуть тот момент, когда придется что-то говорить.

— У вас из окон открывается чудесный вид.

Дэррек хмыкнул, оттолкнулся от стены, и направился в ее сторону. От напряжения, или от страха, сковавшего ее, Майя отпрянула, но пристыдившись, взяла себя в руки. Бежать она не будет.

Герцог подошел к столу, взял в руки бокал, несколькими шагами преодолел оставшееся между ними расстояние.

— Прошу, — приподнял чашу, как обычно провозглашают тосты. Видя колебания девушки, он снова усмехнулся. — Не бойтесь, я туда ничего не подсыпал. Хотите, попробую на себе?

Майя посмотрела на бокал, лишь потом подняла взгляд на собеседника. На таком расстоянии он показался очень высоким. Чтобы встретить его взгляд, девушка почти запрокинула голову. Решив, что хуже от этого не будет, она взяла вино. Правда хотелось пить, а вино оказалось еще и на диво вкусным. Настолько, что девушка осушила бокал совсем быстро.

Забрав его из рук Майи, герцог вернулся к столу.

— Присаживайтесь, — он указал на одно из кресел, повернутых к камину. Майя лишь отрицательно покачала головой. Если бы не дала себе слова не шарахаться больше, отступила бы еще на шаг к двери.

Герцог тоже остался стоять, положив руки в карманы. Он был одет в белую рубашку, брюки и высокие сапоги. Не будь Майя так напугана и насторожена, она, наверное, подумала, что он красив. Так же, как и три года назад, а может и еще красивее.

— Неужели вы исчерпали весь словарный запас на сегодняшний вечер? — он прекрасно понимал, что она напугана, что готова убежать в любой момент, но также он понимал, что сегодня уже никуда ее не отпустит.

Девушка испуганно оглянулась на дверь, ведущую в смежное помещение. Может там, у двери, сейчас скопились люди и ждут, когда же вылететь со смехом?

— Майя, подойди ко мне, — властный тон заставил девушку отвлечься от мыслей. Он продолжал стоять все там же, с руками в карманах. Чтобы преодолеть разделяющее их расстояние, она задействовала все свои силы.

Девушка остановилась в метре от своего мучителя. Дэррек подумал, что, наверное, так же ведет себя щенок, которого зовет к себе хозяин, чтобы задать знатной взбучки. Так же с опаской смотрит, постоянно опуская глаза, так же перебирает лапками, как Майя сейчас тербит ленту на платье.

— Майя, ты же понимаешь, зачем пришла, неужели настолько меня боишься? — поняв, что ближе она добровольно не подойдет Дэррек сделал это сам. Подошел на шаг, обвил рукой девичью талию и притянул к себе. Она не сопротивлялась, лишь наблюдала за происходящим как под гипнозом. Когда расстояние между ними сократилось, опять запрокинула голову, ища ответы на свои вопросы в глазах мучителя.

— Нет, — шепот.

— Не боишься, так почему же так трясешься? — он и правда чувствовал как хрупкое тельце пробивает дрожь.

— Нет, я не понимаю, зачем все это, — она опять оглянулась на злосчастную дверь. Дэррек проследил за ее взглядом.

— Что ты там высматриваешь? — он чуть наклонился, возможно, под ее углом зрения там и правда будет что-то интересное. Но нет, только темнота.

Майя повернулась лицом к нему, теперь в глазах стоял не страх, а мольба:

— Пожалуйста, не мучайте меня больше. Лучше пусть сейчас, иначе я просто умру, — и опять оглянулась в тот угол. Лишь после этих слов до Дэррека дошло чего же она ждет. Она ждала, что оттуда кто-то появится. Что это все спланировано только затем, чтобы выставить ее в ужасном свете. Он был настолько удивлен, что не смог даже разгневаться на то, как она о нем думает. Мужчина рассмеялся.

— Неужели я настолько ужасен в твоих глазах? — он не переставал хохотать, а та рука, что придерживала Майю за талию, сжала ее еще крепче, притянув ближе.

Смех... Кажется, он смеялся искренне, и удивился тоже искренне... Неужели? Неужели она ошиблась? Но ведь тогда, тогда получается... И только теперь Майя поняла, что ее страх был напрасен, но от этого не стало легче. Ведь на смену одному страху пришел другой. Девушка осознала, что вплотную прижата к мужскому торсу. До этого обмякшее, практически безвольное тело вдруг натянулось как струна.

Отвлечшись, девушка незаметно попала в ловушку.

— Ты думаешь, я стал бы заниматься подобными глупостями? — Дэррек поймал пальцем локон, выбившийся из прически, чуть потянул, распрямляя завиток, и снова отпустил. — Я ведь уже говорил когда-то, — он наклонился к ее уху, — тебе вредно много думать, — щеку обожгло горячее дыхание.

Дэррек резко выпрямился, чуть ослабив хват. Девушка даже перестала дышать в определенный момент. Чтобы не пришлось приводить ее потом в себя, он решил чуть ослабить напор.

— Еще вина? — не дожидаясь ответа, Дэррек выпустил ее из рук, обернулся к столу. Воспользовавшись моментом, Майя сбежала. К окну. Хоть попав в комнату, девушке не показалось, что тут жарко, сейчас ее щеки пылали, а в руках можно было греть чай. Коснувшись разгоряченной ладоншкой стекла, девушка почувствовала облегчение.

Это ощущение длилось не больше минуты. Ровно столько времени герцог отвел ей не то, чтоб побыть наедине с собой.

Когда Майя увидела боковым зрением протянутый бокал, она, не мешкая, взяла его и осушила еще быстрее, чем первый. Дэррек усмехнулся, на сегодня, наверное, достаточно, не хватало еще спить ее в первую же ночь. И для себя, и для нее он планировал совершенно другое.

— Ну так что, Майя, просвети меня, кто же, исходя из твоей теории, должен был скрываться за дверью? — поставив отданный ему бокал, он остановился в нескольких шагах.

Майя повернулась, говорить с его отражением было не легче. Руки оставила прижатыми к стеклу, но уже за спиной.

— Я не думала, кто именно будет там, но была уверена, что кто-то будет. Простите, — она опустила глаза.

— А сейчас, уверена, что там никого нет? — девушка опять вскинула испуганный взгляд над его плечом. — Успокойся, там пусто. Эта дверь закрыта. Но ведь ты не перестала бояться? Правда? Только теперь боишься другого?

Майя лишь кивнула. Весь вечер она потратила на раздумья о том, каким же изощренным способом он собирается над ней посмеяться. А теперь, когда эти страхи развеялись, возникли другие, и в первую очередь страх неизвестности. Неужели и вправду... Неужели и вправду она пришла сюда, чтобы пожертвовать своей честью, ради спасения чести сестры?

Когда во второй раз герцог потянулся к ней, Майя смотрела уже с опаской. Не

зажмуривая глаз лишь потому, что так еще страшнее.

Секунды тянулись невозможно медленно. Каждый миллиметр, на который она подходила, поддаваясь его рукам, откликался в голове воем сирены, и заглушить этот вой было невозможно.

Вновь заключив девушку в объятьях, Дэррек провел по цепочке:

— Ласточка? — Майя, продолжающая ждать подвоха, даже испугалась, что он сейчас сорвет кулон. — Скорее голубка. Белая голубка. С голубыми глазами, — он провел пальцем по скуле, вслед за его движением, руки Майи покрылись мурашками. — Как думаешь, бывают голубки с такими глазами? Я думаю да, — он снова начал приближаться, боясь всполошить свою голубку, боясь, что и без того вздрагивающая от каждого движения девушка, просто напросто впадет в истерику.

Когда Майя чувствовала его дыхание так же ясно, как свое, загипнотизированная устремленным на ее губы взглядом, кричащая об опасности сирена в ее голове издала последний мучительный писк. Вместо губ герцог поймал девичью щеку. Своей усмешкой он пощекотал кожу, но, казалось, ничуть не расстроился.

— Неужели Винсен тоже был разоблачен всего лишь за невинным братским поцелуем? — почему-то сейчас ему стало важно знать, правда ли, то, о чем судачил весь дом. Отвернувшись, Майя сама того не желая, подставила поцелуям шею.

Впервые ее целовал мужчина, и то, что она чувствовала, было сложно передать словами. Она вздрагивала при каждом прикосновении теплых губ.

— Дыши... — Дэррек поцеловал ее в основании шеи, точку, в которой сосредоточена вся жизнь, где бьется пульс. Майя судорожно сглотнула. И правда, из-за страха, растерянности, ожидания, она забывала дышать. А еще то ли от выпитого вина, то ли от новых ощущений, у девушки подкашивались ноги.

Когда поцелуи вернулись с шеи обратно на щеку, Майя не сопротивлялась ни руке, повернувшей ее лицо, подставляя губы под поцелуй, ни самим губам, сначала нежно касающимся, а потом все плотнее, все настойчивее. Так ли она представляла себе свой первый поцелуй? Сложно анализировать, но те ощущения, которые ее захлестнули, были незабываемыми. Чтобы удержаться на ногах, Майя обвила шею герцога руками. И уже через секунду почувствовала, что ноги больше не касаются пола. Он нес ее от окна.

Охмелев от поцелуев, девушка не сразу поняла, что шнуровка платья заметно ослабла, лишь благодаря тому, что подставляя губы новым поцелуям, она тесно прижималась к герцогу, платье не упало к ее ногам. А вот когда ткань начала не без посторонней помощи спадать с плеча, Майя как будто проснулась.

— Нет, — девушка перехватила платье под грудью, вырвалась из необдуманно ослабленных объятий мужчины и побежала в сторону двери.

— Майя. Стой, — он не приказывал — просил, и именно поэтому девушка остановилась. — Что случилось? — не пытался подойти, по крайней мере, пока, боясь, что она таки сбежит.

— Это все... Я не могу... Простите... Клянусь, я найду кого-то, дайте мне день, два, я сдержу обещание, но я не могу.

В очередной раз поразившись ее логике, Дэррек обессилено сел на кровать.

— Ты считаешь, что я настолько несостоявшийся, что нуждаюсь в твоей помощи в поисках любовницы? Майя... — он покачал головой.

— Но ведь... ведь вы сами поставили мне это условие! Разве не так? — если бы в

комнате было достаточно светло, он был уверен, увидел бы, что ее глаза в очередной раз сменили цвет, туман, царящий в голове, развеялся, а значит и с глаз спала бирюзовая пелена.

— Подойди ко мне, — Майя мотнула головой, он не воспользовался властью своего голоса, потому выбор теперь был за ней. Пока. — Пожалуйста, — девушка опять отказалась, лишь поудобнее перехватила платье, норвящее сползти. Это наивное движение заставило его улыбнуться. — Ты забыла о нашем уговоре? — она не готова слушаться своих желаний, отбрасывая страх, но это и не удивительно, винить молодую девушку в подобном странно, а значит, он возьмет ответственность на себя.

— Я сдержу обещание, я найду замену.

Он понимал, что его слова разрушат хрупкую связь, достигнутую поцелуями, но уйди она сейчас, никакая сила сюда ее уже не вернет.

— Я не меняю условий. Либо ты, либо сестра. Не тешь себя надеждами, — да, как он и предполагал, сменяя тень надежды, в глазах полыхнула ненависть. — Подойди, пожалуйста.

Нет, он жестокий, расчетливый. Шантажист, ведь понимает, что никакой предлог на свете, кроме приведенного, не заставит ее вернуться. А этот заставит. Направляясь к нему, Майя представляла, с каким бы удовольствием залепила ему пощечину, расцарапала лицо, а потом умчалась дальше, вместе с Соней.

— Не считай меня чудовищем, — он притянул ее к себе, оставаясь сидеть.

— В чем же отличие? — Майя, наверное, впервые смотрела на него сверху вниз, но, к сожалению, чувства превосходства это не придало.

— Сейчас ты его не увидишь, — он уткнулся лицом в платье, вдыхая ее аромат.

— Тогда не говорите мне кем вас считать! — ее попытка вырваться не увенчалась успехом.

— Неужели и Винсент получил такой разнос всего лишь за невинный поцелуй? — хоть слова и заглушала материя, ни один шорох в доме больше не мешал расслышать его.

— Это не ваше дело, — она не собиралась перед ним отчитываться о случившемся, и даже о том, чего не было. Слишком была зла в этот момент.

Майя ожидала чего угодно, только не того, что уже через секунду окажется на мягкой перине с раскинутыми по сторонам руками, а герцог опять будет нависать над ней коршуном, но в этот раз намного более угрожающе, чем тогда, в кабинете.

— Мое. Это мое дело, — с таким лицом, обычно бьют, а он поцеловал. Но не так, как тогда, у окна, нежно. А по новому, властно, жестко, наказывая, а не поощряя. Майе было трудно дышать, она пыталась вырваться, но это было все равно, что бить скалу, ее попытки оттолкнуть закончились ничем. А постоянно извиваясь, она лишь упрощала задачу справиться с платьем. Оставшись в одной сорочке, Майя забилась с двойной силой. Как только поцелуй стал чуть менее напористым, укусила его, а почувствовав солоноватый привкус, поняла, что до крови. Вот только желанного результата это не принесло. Он не отстранился.

Женщины часто прибегают к фразе: «все мужчины одинаковы», скрывая ею разочарование именно в том мужчине, который рядом. В отместку, представители сильного пола поступают так же. Дэррек за годы своей холостяцкой жизни, казалось, уже и сам уверился в том, что да, женщины тоже одинаковы. В полумраке комнат, в его объятьях они все становятся одинаковыми. Но сейчас впервые понял, что это не так. Гнев, родившийся после ее слов, Майя сама же быстро потушила, даже этого не осознавая. Своими же губами заставила забыть о ком бы то ни было, кроме самой себя. Еще никогда он не хотел женщину

с такой силой. Даже подумать не мог, что такое возможно.

На голой ноге Майя чувствовала прикосновения твердой ладони. И то, что она при этом испытывала, заставляло ее ненавидеть не его, а себя саму. Ей нравилось то, что делают руки, какие узоры выводят на губах, лице, шее жаркое дыхание и мягкие губы.

Почувствовав боль от укуса, Дэррек понял, что уже никакая сила не заставит его остановиться, слишком она близко, слишком она его. Слишком бархатная у нее кожа, слишком хрупкая шея, слишком мягкие губы, слишком долго он ждал. Не просто ждал, он ждал ее.

— Ты сводишь меня с ума, голубка, — шепот вывел Майю из непонятного ей самой состояния, девушка вдруг осознала, что руки ее уже никто не держит, что она сжимает темное покрывало, впиваясь ногтями в ткань.

Целую закрытые глаза, Дэррек взялся за пуговицы ее рубашки. Он не хотел опять спугнуть, не хотел, чтобы она опять вспомнила о том, что же она творит. Именно так должно было быть, он должен был заставить ее забыть о том, что в мире есть еще что-то кроме них двоих, здесь и сейчас. Когда руки коснулись голой кожи, его голубка опять встрепенулась, глаза блуждали в поиске опоры, за которую можно было бы держаться, не уходя из реальности.

— Нет... — сил для сопротивления уже не осталось, а самое ужасное — не было и желания. Майя смогла вложить весь свой протест в одно единственное слово. Вот только тело предательски плавилось под ласковыми прикосновениями, за те несколько секунд, которые он потратил на то, чтоб отбросить собственную одежду, Майя успела подумать, что мужчина передумал. И, черт возьми, пожалеть об этом. Она расставалась с честью, вела себя как героиня худших сплетен света и жалела, что этого не произойдет. А вот когда она опять почувствовала тяжесть горячего тела, нежность рук, возблагодарила Яха.

Ему нравилось смотреть ей в глаза, свет луны озарял их лучше любых свечей, опять покрытые дымкой, но уже не голубые, как раньше, а синие, как штормовое море, глубокие. Ему нравилось снимать выдохи с ее губ поцелуями, получать легкие прикосновения в ответ на просьбу, переплетать свои пальцы с ее, чувствуя с какой силой она держится за него.

Меньше всего он хотел причинить ей боль. Слишком доверчиво она отвечала на его прикосновения, слишком хорошо было ей, да и ему. Майя не сопротивилась, когда Дэррек провел по гладкой коже ноги, перехватил ее, завел себе за спину, подтягивая выше.

— Прости меня, слышишь? — а потом притянул еще ближе к себе, обхватив за талию, завладел губами в долгом поцелуе, но боль забрать этим не вышло. Сдерживая рвущееся желание, Дэррек медленно начал движение, не решаясь сделать рывок, который отдастся болью. Но сама того не подозревая, Майя провоцировала его на это. Странные, новые ощущения, и узел, будто плотно связанный внизу живота. Она не знала, как это называется, но понимала, что разрубить его может только с его помощью. — Прости, — пока еще он может себя контролировать, Дэррек сделал резкий рывок, заставивший Майю выгнуться еще больше. Мужскую ладонь она сжала с такой силой, что ногти впились в кожу до крови, а из горла вырвался лишь жалостливый писк. В эту же минуту она вернулась с небес на землю.

Что она наделала? Ведь никто и не заставлял, она сама, все сама. Не остановила, даже не сопротивлялась, а только ждала, чего-то ждала и томилась в этом ожидании.

— Тшшшш, будь со мной, — вновь совершенно осознанный взгляд синих глаз встретился с черными. У нее не было ответов на свои вопросы, может, были у него? — Теперь, моя, — это не ответ, к сожалению, нет.

Когда пульсирующая боль прошла, их общее безумие продолжилось, совесть, разум опять не имели значения, лишь чувства, лишь ощущения, даримые и дарованные. Сколько это длилось, Майя бы не смогла ответить, что он шептал, что она отвечала, тоже осталось для нее секретом, лишь желание быть еще ближе, вместе, навсегда, лишь чувствительность каждой клеточки. Фейерверк. Да, сегодня был звездопад, только звезды не просто падали, они разрывались над балдахином его кровати и стремились вниз, покалывая искорками все тело, опадая на руки, ноги, живот.

Когда Майя пришла в себя настолько, что поняла, где и с кем находится, все изменилось. На смену сумасшествию, царившему недавно, пришел покой. И хоть девушка понимала, что совесть проснется тоже очень скоро, упивалась тем чувством, которое, наверное, зовут счастьем.

Дэррек подтянул Майю ближе к себе. Их разделяла лишь простынь. Как бы жарко ни было сейчас, ночи еще достаточно холодны, а камин почти дотлел. Девушка повернулась лицом к нему, протянула руку, провела по линии бровей, щекам, губам. Поймав маленькую ладошку, он ее поцеловал, вернулась опять к глазам, провела по ресницам. Она делала это все в полудреме, не думая о том, что когда-то будет завтра, что все это превратится в воспоминания, что мир опять начнет свое движение.

— Тебе нужно поспать, — Дэррек поцеловал ее в лоб, опустил к губам, — иначе я могу передумать, — еще один поцелуй, долгий, нежный, усталый. А у девушки не осталось сил перечить, она смогла лишь улыбнуться, послушно закрывая глаза.

Когда Майя проснулась, луна была еще высоко, до рассвета далеко. А с неба опять падали звезды, если бы они долетали до земли, девушка смогла бы набрать целую корзину, и страшно было даже подумать — сколько желаний так и остались не загаданными! Впервые за все ночи, проведенные в этом доме, Майя проснулась не от холода. От сонной ласки рук, обнимающих сзади.

Девушка долго лежала, пытаясь не двигаться. Не хотела разбудить. Слушала размеренное дыхание, стук сердца и тиканье часов. Что же она наделала? Она предала сестру. Раньше она об этом не думала. Но ведь не знала, что будет чувствовать. Она наплевала на все правила приличия, предала веру в нее своих родителей, запятнала репутацию рода, а главное, была счастлива, предавая сестру. Рыдать было нельзя, но вот справиться с немymi слезами, котящимися по щекам, она не смогла.

Даже если никто не узнает, что это меняет? Как она будет смотреть с глаза всем дорогим ей людям? Как она сможет оправдаться перед ними? Соня никогда ей этого не простит и будет права, совершенно права.

— Утро, пожалуйста, не наступай! Молю тебя, не наступай, — девушка шепнула слова, отчаянно веря в то, что молитва будет услышана.

Слишком многое разом навалится на и без того не самые сильные плечи. Майя думала, насколько была слаба, раз допустила такое, и на сколько хватит ее скудных сил дальше? Хватит хоть на один взгляд сестры? Хватит на еще один вопрос Витора о том, что за дела у нее с герцогом? Хватит на вопрос мамы в следующем письме, что они нового узнали за это время? Не хватит. Человек, прижимающий ее сейчас так тесно к себе, даже не подозревает, на что обрек. Но вот только винить его она не могла. Он-то сестру не предавал. Хотя нет, предал, но видимо, свои силы рассчитал, ему их хватит. А ей? Так одиноко Майя не

чувствовала себя еще ни разу в жизни. Ни родившись анибальтом, ни осознав свое уродство, ни простившись с мечтами, ни оплакивая очередное унижение. Этой ночью она сама воздвигла стену между собой и миром, но не тем большим, с которым не имела ничего общего уже давным-давно, а со своим собственным маленьким мирком, который и так был не сильно заселен, а теперь остался безлюден. Одна.

А еще она поздравила себя с днем рождения. Часы пробили два, а значит, ночь ее рождения прошла. Вот так она вошла в свои двадцать. Желала ли хоть раз об этом, задувая свечи на праздничном торте? Нет. Она загадывала любящего мужа и похожих на него детишек, но ни разу она не заикалась о том, чтоб стать любовницей возлюбленного сестры. Ни-ко-гда. С днем рождения тебя, Майя, с днем рождения новой тебя, Майя.

Глава 11

Время близилось к полудню. В окно проникали лучи яркого солнца, наконец-то появилась надежда, что пора дождей отступила.

Вот уже несколько часов Дэррек сидел в кресле. Сначала он пил кофе, принесенный и оставленный на столике за дверью. Потом читал газету, потом ходил в кабинет за письмами. Еще позже спустился к завтраку, но, не пробыв и пятнадцати минут, вернулся в спальню. А все потому, что он ждал.

Еще ночью, разбудив Майю поцелуями, он почувствовал привкус соли на губах, она плакала. Во сне или наяву девушка не ответила, лишь опять отвечала на ласки и ласкала сама. Этой ночью он смог добиться от нее любых проявлений эмоций, но только не словесных. И это-то его волновало. Как бы ни отвечала она на его поцелуи, разумом она была закрыта.

Утром соленых дорожек на щеках уже не было, но вот только не походила ее дрема на безоблачный сон. Освободившись от его объятий, она металась по подушке, ища опоры и не находя ее. Пару раз даже говорила что-то, но разобрать он смог только повторяющиеся «нет». Поэтому-то он и ждал их встречи. Встречи после.

Правда сейчас мужчине казалось, что Майя успокоилась. Девушка лежала на животе, повернув голову к окну, а значит и к нему. Простыня, покрывала ее лишь ниже пояса, открывая взгляду белую спину, копну светлых волос. Когда-то и он читал сказку об ангельском народе, который стал жертвой тщеславия. Те ангелы, должно было, выглядели так. Оказывается, на бледной коже ребра у нее была родинка в форме сердца. Очень маленькая, если бы Дэррек не боялся ее разбудить, обязательно дотронулся бы до нее. Но тот факт, что он единственный мужчина, знающий о ее существовании, уже доставляло истинное удовольствие. Пушистые ресницы девушки изредка вздрагивали, в остальном же лицо казалось безмятежным.

Нет, нужно отвлечься... Он опять взял в руки отложенное письмо. От матери, герцогини Мэйдентэр. Она снова напоминала об обещании навестить их перед началом сезона сестры. Справлялась о его делах, сообщала, что на днях к ним заезжала мисс Смитт. Герцогиня была о его любовнице не высокого мнения, и лишь из уважения к сыну держала это мнение при себе. Будь ее воля, и ноги женщины не было бы в ее доме. Она ждала внуков и желала сыну счастья, но не с ней.

Майе снился дом. Они с Соней и мамой сидели в беседке. Светило солнце, пели птицы графиня рассказывала им какую-то сказку. Были ли они детьми или уже взрослыми, Майя не знала, да это и не важно. Ей было хорошо, надежно как никогда и нигде больше. Но в один момент все изменилось, налетел ветер и сорвал ее шляпку. Ее любимую шляпку, ту, которую она оставила дома. Оставила дома когда? Ах да, перед отъездом. Отъездом куда? Ну конечно в поместье герцога Мэйдентэра. Ветер унес ее шляпку. Ее вечную защиту. Майя открыла глаза.

В лицо ударили лучи яркого солнца, пришлось даже сощуриться, чтобы моментально не

ослепнуть на несколько минут. Как часто бывает после сна, Майя долго не понимала, где она находится, но вот только в отличие от привычных случаев, сейчас понимание не пришло так быстро. А когда пришло, она подскочила, будто ошпаренная. Осознавая свою наготу, схватила спасительную простынь, натянув ее под самое горло.

Наблюдавший за этими манипуляциями Дэррек пытался сдержать смех изо всех сил. Такая смешная, такая наивная.

— С добрым утром, — от звука этого голоса Майя содрогнулась. Она и так начала вспоминать события минувшей ночи, пытаясь отделить сон от реальности и жалея до слез, что реальность не оказалась всего лишь сном. И чем больше она вспоминала, тем больше наливались пунцовым щеки. О Ях, до чего она вчера докатилась! Сколько раз за ночь согрешила, и ни разу, ни разу не сказала нет, не остановила, не отказала. Будь она одна, зарылась бы лицом в подушке, желая лишь об одном — задохнуться. Но в комнате был он, свидетель ее позора. И от этого становилось еще хуже. Все воспоминания еще осязаемее, а стыд еще сильнее.

— Который час? — голос после сна был хриплым.

— Через полчаса полдень, — обычная интонация, спроси она это вчера за завтраком, он ответил так же. И как бы абсурдно это ни звучало, она была ему благодарна.

— Мне нужно... — ей нужно побыстрее уйти отсюда, убежать подальше, желательно пропасть с лица земли в принципе, но сказать это не так-то просто.

— Ванная за той дверью, вы найдете там все необходимое, — лишь после этих слов Майя подняла глаза на собеседника. Впервые за утро. Ее поразило это «вы». Когда он начал называть ее на «ты», она не смогла бы сказать наверняка, но это «вы»... Майя не знала радоваться ей или плакать. Это значит, что долг уплачен, в ее услугах больше не нуждаются, она может собрать свои вещи с пола и уйти?

— Спасибо, — стянув с кровати огромное покрывало, в которое она так искусно замоталась, Майя скрылась за дверью.

Платье висело на вешалке в ванной комнате.

Только оставшись наедине с собой, девушка позволила себе ту слабость, которой была лишена в его присутствии, спустившись по стене на пол, она дала волю слезам. Теперь уж жалея себя, а не коря за то, что совершила, не думая о том, скольким людям сделала плохо, а просто обняла себя руками, тихо плача.

Через каких-то пятнадцать минут оказалось, что не так-то много у нее слез на жалость к себе. Поднявшись, Майя почувствовала саднящую боль внизу живота и ломоту во всем теле. Сбросив покрывало, девушка подошла к ванне. Она была наполнена еще теплой водой. Собрав повыше волосы, Майя опустилась в воду. Даже от соприкосновения с водой кожу саднило. Такое впечатление, что по каждому миллиметр тела прошлись наждачной бумагой. Но это не помешало взять в руки мочалку. Отмыть душу от воспоминаний ей не удастся, но вот с телом она справится. Если бы могла, Майя, наверное, содрала бы кожу. Да вот только желанного результата это не принесло. Предательница-память снова и снова подбрасывала ей картинки, о которых она пыталась не думать — как он касался тут, как целовал там, как гладил здесь. Не выдержав этих мучений, Майя выбралась из воды.

Взглянув на аккуратно висящее платье, Майя вспомнила и то, как просто поддалась натиску шнуровка. С мстительной самоиронией Майя подумала, что наверняка у герцога хорошо набита рука в борьбе с платьями. А потом удивилась его целостности. Ведь когда оно оказалось на полу, девушка еще сопротивлялась. «Значит, не так хорошо сопротивлялась»,

опять зло посмеялась над собой девушка.

Но только платье не хотело поддаваться ее пальцам и сейчас, то ли потому, что Майя надела его на голое тело (сорочка пропала без вести), то ли потому, что руки элементарно не слушались, долгие минуты мучения со шнуровкой закончились фиаско.

Пробил полдень. Майя закрылась в ванной больше получаса тому. Сначала она плакала, ведь дверь слишком тонка, а всхлипы, хоть и заглушенные одеялом, были слышны. А потом Дэррек услышал плеск воды. Но теперь опять из ванной не доносилось ни звука, что заставляло заволноваться. Уже несколько раз он хотел постучаться, проверить все ли в порядке, но каждый раз решал сделать отсрочку, на пять минут, потом опять на пять. Откуда же ему знать, сколько времени ей нужно, чтобы успокоиться?

Увидев ее испуганное выражение лица сутра, Дэррек понял, что простым началом их нового общения не будет. Поэтому сам же и дал возможность забыть о том, что произошло, обращаясь на вы, не заставлял задавать вопросы, и не мучил длинными ответами на них. Если ей так легче, он подождет. Теперь-то, зная, чего ждет, он наберется терпения.

Наконец дверь открылась. Как Майя ни пыталась, зашнуровать платье ей не удалось. А потому выбор перед ней не стоял. Единственный человек, к которому она могла обратиться, находился в соседней комнате, и как бы она ни хотела этого избежать, ей придется попросить его о помощи.

Она выплыла в комнату неспешно, продолжая избегать его взгляда.

— Не могли бы вы... — Майя запнулась, а ведь репетировала в ванной шепотом фразу несколько раз, лишь бы выглядеть достойно, а в реальности ком стал в горле на четвертом слове. — Шнуровка, — отвернулась к камину.

Не говоря не слова, Дэррек поднялся с кресла, отложил на столик очередной конверт. Подошел.

Отдав концы шнуровки, Майя сжала и разжала ладонь, как будто обжегшись теплом его пальцев. Это не укрылось от глаз герцога, но и как все прошлые странности, он упустил эту. А дальше началась сущая пытка. Майя проклинала портниху, которая сделала такую длинную корсетную линию. Каждый раз, втягивая ленту в отверстие, все те же руки касались обнаженной кожи спины. Девушку било как молнией. Каждый раз, как бы она ни пыталась справиться с собой, это не помогало. Дрожь проходила по коже, она опять покрывалась мурашками, а в голове мелькали образы. Чем выше поднималась шнуровка, тем больше Майя дрожала.

Когда лента была вдета в последнюю петлю, Майя смогла наконец-то выдохнуть облегченно. Но только сделала это рано. Тяжелая рука легла ей на живот, Дэррек потянул ее назад, остановившись лишь тогда, когда девушка не уткнулась спиной в мужскую грудь. Шею вновь защекотало дыхание:

— Все было настолько ужасно? — вкрадчивый шепот и легкое прикосновение губ к ямочке за ушком, предательское тело опять отозвалось на нежеланную ласку. Вот только в отличие от ночи, сейчас чувство стыда и хоть и потерпевшего крах, но еще живого собственного достоинства, одержали победу. Майя высвободилась из объятий, развернулась лицом к собеседнику:

— Нет. Не нужно больше... — она опять не смогла договорить, неужели так будет всегда? — Я не хочу. Свою часть уговора я выполнила. Теперь дело за вами.

Часть уговора... Ночь, как часть уговора. Ну что ж, в конце концов, именно так он это ей и преподносил. Пусть думает так. Скорее успокаивает себя так. Ей нужно успокоиться.

— Я сдержу слово. Вашей сестре с моей стороны ничего не угрожает, будьте спокойны.

— Нет. Я хочу быть уверена в этом. Мне недостаточно слова, — такое недоверие укололо его, но возражение, так и норовящее сорваться с губ, он сдержал. Сегодня она имеет право говорить все, что вздумается. Полная амнистия.

— А чего же вы хотите? Расписки?

— Скажите Соне о своем решении. Скажите, что она неправильно все поняла, что вы всего лишь ее друг. Не больше. Что ей не стоит рассчитывать на вашу благосклонность.

Он смотрел на нее дольше, чем требуется для размышления над этим вопросом. И, что не могло его не радовать, она отвечала на взгляд, не потупилась, не отвела глаза. Вот только причина такой уверенности его совсем не воодушевляла. Она считала его недостойным своей идеальной сестры. И себя, тоже недостойной.

— Хорошо. Я сделаю это.

— Сегодня, — не оставляла пути для отступления, возможности для последующего шантажа. Вот только он и не собирался больше к нему прибегать.

— Сегодня.

Майя развернулась, направляясь к двери.

— Ваша сестра подходила ко мне за завтраком, спрашивала, не знаю ли я, куда вы пропали. Я сказал, что вы отправились за какими-то травами.

Майя застыла, слушая, но не повернулась. Собранной в кулак силы воли хватило лишь на то, чтоб отстоять безопасность сестры.

— Спасибо, — Майя взялась за ручку, стоит ли выглядывать? Вдруг кто-то забрел сюда и сейчас станет свидетелем любопытной картины. Из раздумий ее выдернул все тот же низкий чуть хрипловатый голос:

— Майя... — что он хотел сказать, она не узнала. Как боязливый заяц, который убегает, прижав уши, не заботясь о безопасности, распахнула дверь.

Ей повезло. Свидетелей ее бегства не было. По дороге в свою комнату она не встретила ни души, фортуна иногда улыбается и таким «везунчикам», как она.

Закрыв дверь на ключ, пройдя от двери до кровати по большому кругу, Майя рухнула лицом в подушку. Слез не было. Лишь всепоглощающая апатия. А еще желание мстить самой себе, делать больно, рвать свою душу. Встав с кровати, Майя направилась к шкафу. На верхней полке она держала коробку со своими работами. Девушка достала их, села на пол.

В открытое окно врывался легкий ветерок, он поднимал в воздух мелкие обрывки бумаги, носил их по комнате. У снега есть летний брат близнец — тополиный пух. Но теперь Майя знала, что есть у них и третий брат. Предав всех своим поступком, она утратила право рисовать. Черная душа не должна касаться белых, даже через рисунки, как и анибальт не имеет права унижать общество своим присутствием.

— Черт бы ее побрал! — бокал отлетел от стены уже в виде осколков. А виноват был лишь в том, что подвернулся под руку.

Дэррек взял оставленный на спинке стула жакет, вышел из комнаты. Почему же все так сложно? Почему с ней так сложно? Почему он взялся не за соблазнение, как обычно с другими, а за шантаж? Почему теперь, заполучив желанное, не пришло привычное утоление,

скука? Почему ее слезы не вызвали раздражения, как любые другие, почему именно их хотелось стереть с лица и души поцелуями? О Ях, зачем ты послал эту девчонку сюда? Зачем ты поставил ее на моем пути? Знал же, во что это выльется. Знал.

— Герцог, — на встречу опять неслась взволнованная Соня, — вы не слышали, Майя уже вернулась?

— К сожалению, ничем не могу вам помочь, если хотите, попрошу слугу отправиться на ее поиски и сообщить, что вы ищете. Но думаю, вам стоит еще раз наведаться в сторону ее комнаты, скоро обед, она должно быть вернется с минуты на минуту, — да, пусть кто-то побудет с ней, наедине с собой она может наделать сотни глупостей. Если бы Дэррек не видел насколько ей тяжело находиться с ним, запретил бы покидать свои покои. Запер бы и сидел надзирателем. Чтоб не сглупила.

— Не знаю, почему так волнуюсь. Просто Майя никогда не отличалась умением просыпаться ни свет, ни зоря. Да еще и идти куда-то. И вчера она вела себя как-то странно. — Соня говорила скорее с собой, чем с собеседником, в очередной раз анализируя всю информацию, которой располагала. — Если встретите ее раньше меня, пожалуйста, передайте, что я ее ищу.

Девушка бросила рассеянный взволнованный взгляд на мужчину, получила кивок в ответ, а потом направилась в сторону комнаты сестры.

Провожая взглядом Соню, Дэррек искренне надеялся на то, что младшей сестре удастся прекратить то самобичевание, в которое, он был уверен, Майя собирается погрузить себя с головой.:

— Соня, — он окликнул ее, когда девушка практически завернула за угол, вспомнил, что должен сделать еще одну вещь, — не планируйте ничего на послеобеденное время, пожалуйста, нам нужно поговорить, — она улыбнулась, забыв на миг о своих волненьях за сестру, и помчалась на ее поиски с новой силой. Возможно... возможно, о нет! Вряд ли, конечно, но возможно он признается ей в симпатии... Борясь с зашедевшим сердцем и улыбкой в уголках губ, Соня помчала в сторону покоев сестры еще быстрее. Теперь она просто обязана была найти ее как можно скорей — ей очень нужен совет.

Соне вспомнился тот разговор, больше месяца назад, еще в их саду, когда Майя пообещала, что когда-то из розовых кустов с предложением руки и сердца к ней вынырнет я и ее герцог. Тогда-то они посмеялись. А теперь? Посмеялась бы она так беззаботно теперь? Когда этот самый герцог уже не эфемерный, а самый живой из всех живых. Нет, конечно, о предложении пока говорить рано, но попроси он ее локон, скажи, что думает о ней неустанно, она была бы счастлива.

За этими раздумьями Соня добрела до сестриной комнаты. Стук, пауза, тишина в ответ. Опять стук, опять ожидание, опять тишина. Тройной стук. Все тот же результат.

— Майя, это я, ты тут? — Соня даже приложила ухо к двери, чтобы различить есть ли там кто-то, может Майя опять засела за какой-то книжкой и так увлеклась, что окружающий мир для нее перестал существовать? Девушка не могла сказать точно, но, кажется, какое-то движение все же различила.

— Леди Соня, леди Майя у себя? — Витор приблизился незаметно, или просто Соня была слишком сосредоточена на другом, девушка так и не поняла. Он подошел сзади, встал слишком близко. Ближе, чем Соне бы хотелось. Как бы лестно о нем ни отзывалась Майя, младшая Дивьер не могла расслабиться, когда он находился близко. Девушка чувствовала опасность. Причем, что было еще непонятней, за Майю она не боялась, сестру могла

доверить ему без малейшего сомнения, а вот сама чувствовала себя ходоком по канату над пропастью.

— Не могу понять. Но если была бы у себя, почему не открыть? — Соня отодвинулась на безопасное, по ее мнению расстояние, искоса поглядывая на мужчину.

— Давно вы ждете ответа? — Витор посмотрел в щель между дверной рамой и самой дверью. Во многих комнатах кроме обычных замков были еще и крючки, на которые можно было закрыть дверь, когда ключ утерян. В этой комнате такой был, и он был закрыт. Правда и на ключ тоже закрыто. Зачем? Непонятно, но зато можно с уверенностью сказать, что Майя вернулась. Наверное, просто отправилась в ванную и не слышит сестру. — Дверь закрыта на щеколду изнутри. Майя у себя, наверное, просто не слышит. Предлагаю поступить по вашему же сценарию, нет ли случайно лишней бумажки? — Витор полез во внутренний карман за хранящимся там карандашом — подарком Майи.

Соня не сразу поняла, что он имеет в виду, а когда все же поняла, одобрила его идею. С собой у девушки бумаги не было, зато был целый скоп листов в комнате. Туда-то она и отправилась.

Все утро Витор следил за метаниями Сони. Поиски сестры заняли все ее мысли. На пустующие приборы по соседству за завтраком она смотрела чаще, чем на свои собственные. Чем вызвано такое беспокойство, он не совсем понимал. Майя часто отсутствовала на общих трапезах. Но вот волнение Сони, казалось, было заразным, потому что вскоре и он сам подсознательно начал обдумывать возможные варианты. За это утро уже трижды Витор проходил мимо этой комнаты, каждый раз проделывая одно и то же: стучал, смотрел на просвет, опять стучал, уходил. Ни в первый, ни во второй раз щеколда не была закрыта.

— Вот, — Соня вернулась, держа в руках листок. — Пишите.

Он улыбнулся. Небывалое доверие, поручить послание сестре ему. Глядишь, совсем скоро и враждебность в глазах пропадет.

— Напишите, что я жду до обеда, если она не явится, попрошу дворецкого поработать с ломом. Герцог дал согласие. Да, да, так и пишите. — Соня напоминала учительницу младших классов, так же дирижировала пальцем, пока он записывал под диктовку, и кивала на его вопросительный взгляд.

Когда записка была готова, Витор просунул ее под дверь, щель была достаточно большой, не стесняя движений. Поднялся, отряхнул ладони, хоть пола даже не касался. И протянул руку Соне:

— Ну что, напарник, думаю, первое наше общее расследование можно считать успешным, — улыбнулся. Соня увидела, что вокруг глаз у него собираются маленькие морщинки, как солнечные лучики. Это красиво.

— Посмотрим, — Соня сказала это серьезно, но потом тоже улыбнулась, протянув руку в ответ, — напарник, — еще ни разу в жизни ей не жали руку, как мужчине. Странное чувство. Как будто тебя признают равным. Тобой не восхищаются, смотря лукаво в глаза, целую руку, не вкладывают в простую любезность двойной смысл. Не возникает желания вытереть кисть о подол платья после лобызания или еще лучше помыть с мылом. Тебя посвящают в закрытый клуб. Говорят «ты свой». Да, теплое рукопожатие может быть намного приятней, чем подхалимское пускание слюней на нежную девичью руку.

Оказывается, чтобы разделаться с делом всей жизни, нужно не так уж и много времени.

Превратить вчерашние рисунки в микроскопические клочки бумаги Майя смогла очень быстро. А потом просто рвала все мельче и мельче. Пока они не стали просачиваться сквозь пальцы. Теперь обрывки, а когда-то самое дорогое богатство. Все относительно. Прямо тут же, на покрывале из ошметков, Майя села за письмо домой. Как это, врать? Ведь легче врать в письме, чем в глаза. А значит, прежде чем посмотреть в глаза Соне, а это сделать придется, Майя должна опробовать себя в новой роли здесь.

«Мы скучаем... Погода вот уже второй день замечательная... Да, даже ночью я уже не мерзла... День рождения получился удивительный, не хватало только вас... Если Соня решит, то конечно вернемся... У меня все отлично... Рисую днями и ночами... Вряд ли привезу рисунки домой, хотела бы их подарить тем, кого изображала... И владельцу дома, герцогу, как благодарность за гостеприимство...»

Поднявшись, Майя отряхнула с платья миллион клочков. Содрала с кровати покрывало, расстелила на полу, сгребла туда весь мусор. Завязала противоположные концы. Получился объемный мешок. Ну и отлично, подумают, что свора грязного белья, а когда развернут в прачечной, уж тогда и удивятся. Но это уже не имеет значения. Если герцог сдержит свое слово, а он должен, через день или два они уже будут дома. Оттаскивая мешок, Майя заметила лежащий на полу конверт. Увлечшись своим занятием и мыслями, она не слышала ни стука, ни голосов за дверью. Не думала о том, что ее кто-то может разыскивать.

Наклонилась, взяла в руки записку. Почерк не Сони, значит писал Витор: «Мы ждем вас за обедом, если не придете, Соня обратится за помощью к дворецкому с ломом, с одобрения хозяина дома, конечно». О да, хозяин дома умеет обращаться с ломом. Отлично открывает им любую дверь и взламывает душу. Часы показывали без пятнадцати два. Уже пятнадцать минут, как началась трапеза. Ну что ж, где пятнадцать минут, там и полчаса. Майю жутко бесило это платье, она не могла появиться в нем опять, перед ним. Не могла. Недолго думая, она схватила со стола ножницы. На этот раз шнуровка поддалась очень быстро.

Теперь выбор Майи пал на светло-серое, с высоким воротом, рукавами три четверти платье. Без кружев, рюш и ленточек. То что нужно. Посмотрев на себя в зеркало, Майя была довольна как никогда. Еще ни разу она так не упивалась своим уродством. На фоне серого кожа казалась еще бледнее, хоть глаза уже не были такими красными, как после рыдания, под ними залегли тени. Та еще красавица. Вот как выглядит любовница его светлости. После лучших модниц государства — вот до чего опустился образец для подражания мужчин и предмет вожеления женщин.

Спустившись в фойе, Майя слышала обычный стук приборов, гомон голосов, взрывы смеха. Да, мир за ночь не изменился, изменилась она, и знает об этом тоже только она. Открытая двустворчатая дверь, войти, преодолеть обычный путь, сесть. Пройти, сесть, взять в руку приборы, улыбнуться. Майя, не забудь улыбнуться. Соне, улыбнуться Соне. Все отлично, просто не слышала, была в ванной, развешивала цветы, решила сделать икебану. И не смотреть туда... Туда, на ту сторону стола, не прислушиваться к происходящему там.

— Еще пять минут, и я пойду осуществлять обещанное, — Соня третий раз за обед брала в руку и клала обратно вилку. Под дверью сестру она больше не караулила, но вот войдя в столовую и увидев, что ее стул еще пустует, расстроилась окончательно.

— Не надо. Всего лишь два часа по полудню, на то вы и леди, чтобы опаздывать. Поверьте, наша записка сделает свое дело, даже если Майя засела за интереснейшей книгой,

не посмеет послушаться.

Соня тяжело вздохнула, покачала головой, но отброшенный прибор опять оказался в руках.

— Она бывает просто несносной, — жертвой раздражения стал лежащий на тарелке салат. Ему пришлось несладко.

— А Майя говорит о вас, что лучше характера не найти на белом свете. — Витор смотрел на четкий профиль девушки. Экзекуция салата прекратилась.

— Это ложь. Хотя нет, Майя может и вправду так думает, но только это неправда. А вот она действительно лучшая, — Соня улыбнулась смотрящему на нее Витору, который пытался в сотый раз понять, что же именно, какая черта, голос, осанка, глаза, что в ней заставляет сердце биться чаще. — Лучшая, но просто несносна! — охота на листья салата продолжилась с новой силой.

Что она себе думает? Собирается просидеть взаперти весь день? А может неделю? Если так хочет страдать, он даст ей такую возможность. Вот только придется это делать у него на виду. Еще пять минут и он и вправду отправится лично стучать в эту чертову дверь. Проходя мимо полчаса назад, он прислушался, там велась какая-то деятельность, разносилось шуршание. Чем она там занимается, ему даже сложно было предположить, вот только тишина пугала еще больше.

За время, проведенное тут, жильцы уже привыкли к тому, что поведение хозяина прямо зависит от настроения. А вот от чего зависит настроение — осталось загадкой. Сегодня он был не в настроении, а значит пытаться завлечь его беседой, ждать ответной реакции на удачную шутку — пустая трата времени. Дамиан не делал попытки выведать у друга, что случилось, полагая, что тот еще не забыл его прокола с Винсентом старшим. Да, он действительно прокололся и сам прекрасно это понимал, вот только как вернуть доверие пока что не придумал. Друг постоянно скользил тяжелым взглядом по тому краю стола, где сидела одна из сестер Дивьер и Винсент.

Отсчитывая последние десять секунд, перед тем как раскланяться, подняться наверх, открыть дверь и встряхнуть хорошенько эту несносную девчонку, Дэррек поставил на стол бокал, взялся за ручки кресла.

Пройти, сесть, взять в руки приборы. Шаг, еще шаг, опять шаг. Небо над головой не разверзлось, гул голосов не прекратился, как это было во время первого ее появления, солнце не упало на землю. Вот только щеку жег взгляд. Зачем он смотрит? Пожалуйста, не нужно.

— Простите, что опоздала. Увлелась занятием, даже не слышала, что кто-то стучал, — Майя села на положенное ей место, пролепетала извинения скорее своей же тарелке, а не ждавшим ее людям.

— Вот, я же говорила! Она всегда такая! Стоит чем-то увлечься, и хоть дуди ей в ухо, не услышит, даже если война начнется, не пошевелится! — Соня продолжала бы и дальше, но ее локтя коснулась чужая рука, девушка оглянулась, Витор кивнул на Майю, а потом покачал головой, призывая не нападать на бедняжку. На немой вопрос Сони, он произнес одними губами: «не надо». Почему «не надо» Соня так и не поняла, но согласилась подчиниться.

Следующих несколько минут в их компании царил тишина. Все были поглощены изучением содержимого своих тарелок. Вот только аппетита это не прибавляло. Майя пыталась вспомнить, когда ела в последний раз. Это был вчерашний сестрин кекс, большая часть которого так и осталась в комнате нетронутой.

— Ты уже написала маме? У меня тоже есть пару слов, хочу отправить одним письмом.

Майя утвердительно кивнула. И опять лишь стук приборов. Все ощущения у девушки были запредельно напряжены. Кожу жег взгляд, который заставлял натянуться тело и нервы как струны, Майя не могла найти в себе силы посмотреть в ответ. А может всего лишь кажется, может он и думать о ней забыл, а ей мерещится? Ведь свою часть уговора она действительно выполнила. Если он искал экзотики, он ее получил. Не каждый лорд может похвастаться тем, что у него в постели побывала анибалът. Только не каждый и захочет этим хвастаться, но вдруг у них мода на уродства? И что же он расскажет? Как это было? Так же как и с другими или неправильно? Или и в этом она тоже была уродом?

— Я слышала только что такой любопытный разговор... — Майя уловила шепот на противоположной стороне стола, — горничная, которая собирает постели, спрашивала у дворецкого, неужели приехала мисс Смитт...

— Та самая Смитт? — ответный заинтересованный шепот. Говорили две девушки, сейчас Майя даже не смогла вспомнить их имен.

— Да, Роза Смитт, — собеседница многозначительно посмотрела на подругу. — Та самая...

— Оооо...

— Так вот, дворецкий сказал, что ничего подобного, мисс Смитт не приезжала, и в ближайшее время ее визит не предвидится.

— И что же тут интересного? — одна из девушек разочаровано надула губы.

— Ты ведь не даешь мне договорить... Слушай. Он, дворецкий, спросил, с чего она, служанка, взяла, что она, Роза, приехала. И знаешь, что она сказала?

Собеседница мотнула головой.

— А то, что когда пришла утром убирать в комнату герцога, застала там такой беспорядок, что не поверила глазам. Сказала, что видала подобное только когда мисс Смитт приезжает. И после долгого отсутствия. Или после очередного расставания. Ты поняла? — девушка посмотрела на собеседницу широко открытыми глазами.

— Да!.. — вторая ответила ей тем же, но через полминуты смутилась. — Нет.

— Ну как же! Подумай, в комнате кавардак, Роза Смитт не приезжала... А значит...

— А значит...

— А значит, кто-то был сегодня у него. И не просто был...

— О...

— Только ты никому не проболтайся! Не хочу, чтоб эта несносная Кэрри опять рассказывала всем, что из надежных источников ей стало известно. Пусть подавится. Она-то узнает мою новость последней.

На большее собеседницы не хватило. Как и Майи. Лучше б она этого не слышала. Лучше б оставалась в неведении. Не прошло и дня, а в доме уже гуляют слухи о ней. Вот только вряд ли когда-то кто-то поймет, что о ней. Но щеки от этого гореть не перестали.

Принесли десерт, а значит осталось не так долго.

— После обеда герцог предложил прогуляться, я согласилась, ты подождешь пока я освобожусь? А потом допишем письмо и отправим?

— Уже? — не ожидавшая такой прыти Майя выпалила мысль вслух.

— Что уже?

— Нет, ничего. Хорошо, я подожду, — в голове Майи пронеслась мысль, что бедная Соня совсем скоро узнает, на что пошла она, ее сестра. Хотя нет, узнает лишь часть того, на что пошла Майя. Мотивы, но не способы. А пока что сестра выглядела совершенно спокойно и безмятежно. А что будет через несколько минут, часов, дней? Стоит ли рушить ее надежды так? Резко, в один момент?

Через несколько минут он встанет из-за стола, подойдет к Соне, предложит прогуляться. Что будет ей говорить, Дэррек знал. Не придется даже врать. У него и вправду никогда не было на нее планов. За все это время он и не позволил себе ничего лишнего. Разве что наружный антураж создавал со всей искусностью. Но вот теперь нужды в антураже больше не было.

За весь обед Майя так и не удостоила его взглядом. Ни вскользь, ни равнодушно, ни с ненавистью, он был готов к каждому из вариантов. Но хотел хоть какой-то определенности, знать, с чем ему предстоит соперничать, но вот ее нежелание даже поднять глаза нервировало. Он дал себе обет терпеливо ждать, но только с этой девушкой терпение заканчивалось очень быстро. И вот, когда он поднялся, лишь тогда она наконец-то обратила на него внимание. И что же в этом взгляде читалось? Сомнение. Борьба желания остановить его или дать закончить начатое. Ну что ж, Майя, решай.

Дэррек встал за своим креслом, облокотившись о спинку, ожидая немого решения.

Ответом ему был кивок. А вот когда он подошел к Соне, ее сестра уже скрылась за дверью. Ну что ж, в прятки они уже давно не играли.

Как сказать шестнадцатилетней девушке о том, что ее надежды напрасны? Что воздушные замки так и останутся только воздушными замками? Без причины, которая была бы достаточно близка к истине. Дэррек прекрасно понимал, что просто воспользовался ей, изначально даже не утруждая себя поиском повода, просто из-за своей прихоти. А теперь... А теперь она стояла напротив, слушала и улыбка пропадала с губ, как и блеск из глаз. Все что он смог, попытаться сделать это так, чтобы его отворот не стал известен всем сразу. А только тогда, когда она сама решит. Так, как она сама решит. Ему ведь не важно, кто по официальной версии станет виновником конца так и не начавшихся отношений. Ему важно было, чтоб та, другая, получила желаемое и хоть на миг, хоть на грамм успокоилась.

— Почему сейчас? — несвойственная этой девушке серьезность только еще раз подтвердила, что ей этот разговор дается совсем не так просто, как хотелось бы.

— Соня, ведь я вижу, что мое к вам отношение может трактоваться не так, как дела обстоят на самом деле. А чем дольше это будет продолжаться, тем больше будет потом.

— А как же та игра, ведь вы сказали, что среди присутствующих есть та, кто занимает ваши мысли, неужели...

— Я не врал, — Соня прищурилась, принимая еще один удар. Идя за герцогом, проходя через сад, заходя в беседку, она была уверена, что сегодня солнце светит только для нее, что сейчас он обязательно признается ей в своих чувствах, а она в своих. Но вышло совсем не так.

— И кто она? — Соня спросила не из простого любопытства, казалось, эта избранница станет для нее первым, но самым настоящим врагом, ведь кто как не враг отбирает у тебя то, что только стало дорогим?!

— Всему свое время, — он не собирался врать и сейчас, а вот скажи он правду, даже сложно представить, что бы было. — Но, Соня, я ведь остаюсь вам другом.

Девушка не смогла сдержать ироничный смешок.

— Хороши же друзья! Вы водили меня за нос все это время! Не надо считать меня настолько глупой. Я умею отличать дружеское отношение от того... От того, чем вы пытались казаться для меня, — вслед за растерянностью пришел гнев.

— Я никогда не считал вас глупой.

— Тогда что же во мне не так?! Почему друг? — ей правда важно было понять как так?

— Проблема не в вас. Это лишь мое решение.

— Ах, вот оно как! Лишь ваше решение? — непрошеные слезы обиды стояли комом в горле. Но Соня собиралась приложить все усилия, лишь бы не расплакаться. — А я имею право решать? Меня кто-то спросил?

— Так будет лучше.

Он был так спокоен, что его хотелось, если понадобится даже силой, но растормошить. Пусть бы хоть что-то в нем возникло, хоть злорадство, хоть раздражение, хоть что-то, но не эта всепоглощающее безразличное сожаление. Так сожалению о смерти любимого питомца далекого знакомого.

— Кому лучше? Вам? Откуда вы можете знать, что лучше для меня? — одна слезинка все-таки не удержалась.

— Соня... — он протянул к ней руку, даже сам пока не зная, что собирается сделать.

— Нет, — девушка провела по щеке, смахивая признак своей слабости, встала, сделала книксен. — Становится холодно. Не хочу больше здесь находиться.

Дорога до дома показалась ей длинной в день, а молчаливое сопровождение герцога — худшей обузой.

Майя стояла у окна, не желая упустить возвращения сестры. Как бы ни повлияло на нее сказанное, Майя знала сестру достаточно хорошо, чтоб быть уверенной — поддержка той понадобится в любом случае, ведь она не умела лицемерить, герцог запал ей в душу. Не прошло и получаса, как все по той же дорожке, Соня направилась уже к крыльцу. Кому-то могло показаться, что ничего в ней не изменилось, да вот только уж больно ровно она держалась, слишком спокойно выглядело ее лицо, неспособное на такое безразличие.

Переждав десять ударов сердца (ровно столько, по мнению Майи, было нужно, чтобы пара успела дойти до дверей), девушка резко развернулась. Видимо, сердце у нее билось слишком медленно — когда она оказалась в холле, Соня уже поднималась по лестнице, все так же ровно держа спину. А вот герцог стоял у двери, провожая беглянку тяжелым взглядом. Заметив ее в проходе, он оглянулся. Наверное, ее вид радовал его еще меньше, так как складка между бровей залегла глубже, и на миг перед девичьими глазами стало воспоминание, когда она изучала это лицо своими пальцами, разглаживая эту самую складку. Опомнившись, Майя направилась за сестрой к лестнице, ругая себя за то, что позволила так пялиться на него, и за то, что щеки предательски запылали.

— Майя, — он окликнул ее негромко, не властно, вот только даже эта просьба, не

приказ, заставила остановиться. Стоя спиной к мужчине, Майя поняла, что даже сестрины шаги успели затихнуть, вот только остановиться оказалось намного легче, чем повернуться, румянец не собирался оставлять щеки, а посмотри она на него еще раз, неизвестно что встанет у нее перед глазами.

Правда он и не стал ждать, подошел вплотную, опять, как утром, притянул к себе. Майю просто парализовало от страха, от мысли о том, что в любой момент может кто-то выйти из комнаты, от неспособности управлять своим телом и мыслями.

— Мне нужно уехать. На три дня. Пожалуйста, не нужно делать глупостей, — Дэррек вздохнул. Вот дурочка. Опять не дышит, да что ж ты с ней будешь делать. — И не решай ничего впопыхах. Я дал указания, до моего приезда вас все равно никуда не отпустят отсюда, — он разжал руку, вдохнул еще раз ее запах, от которого, как оказалось сегодня ночью, можно было просто потерять голову, и не оставляя себе шанса передумать, направился в противоположную сторону. Рано или поздно ему нужно было совершить объезд владений, проверить отдаленные территории, дать распоряжения на сезон урожая. Это могло занять три-четыре дня. И вот — время пришло. Видеть этот страх в ее глазах, дрожь еще даже до того, как он к ней прикоснется, было невыносимо. Хотелось сильнее встряхнуть ее, как куклу, чтобы из головы вылетели все лишние мысли. Но вот только это не поможет. Ей нужно время, и ему оно тоже нужно. Ведь и на свои вопросы он хотел найти ответы. Заполучив ее, он не успокоился, как думал, обязательно случится, а лишь еще меньше стал понимать, что же им движет.

Глава 12

Майя стояла, не двигаясь, подсчитывая удаляющиеся шаги. Зачем он ей это сказал? А впрочем, какая разница... Как только Соня скажет, что готова, они уедут, и никакая сила их тут не удержит. Если нужно будет — пойдут пешком до города, но тут больше не останутся. Подхватив юбки, Майя помчалась вслед за сестрой, заставляя сердце биться еще быстрее, чем только что там, под лестницей.

Девушка вошла без стука. Соня лежала на кровати, подушка заглушала душераздирающие всхлипы, и лишь сотрясающаяся спина не оставляла сомнений — она плакала. Бережно закрыв дверь, так, чтобы не испугать сестру, Майя подошла к кровати, присела. Всхлипы прекратились. Не разворачиваясь, Соня чуть посторонилась, уступая место. Майя легла, и лишь потом сестра к ней обернулась. Мокрые от слез ресницы, примятая челка, красная сеточка на чуть желтоватых белках, и даже такой она была самой красивой в мире, самой достойной.

— Он сказал, что я неправильно все поняла, — хриплый от слез голос. — Почему, Майя? Почему? — прекратившийся несколько секунд назад поток слез, хлынул с новой силой. Все, что могла сделать Майя, обнять сестру посильнее, ведь ответа на этот вопрос не было и у нее. Почему их мир так жесток, причем, как оказалось, не только к тем, кого он считает изгоями?

Откуда у ее младшей сестры взялось столько слез, насколько же глубоким было ее отчаянье, Майя не знала. Ее собственные слезы высохли еще утром, оставив после себя лишь пустоту и брезгливость по отношению к себе и страх перед тем, из-за кого это все произошло. Страх перед своей реакцией, когда захватывает дух, перед его силой, властью влиять на ее судьбу, теперь-то эта власть действительно была. На этой кровати девушки встретили закат, первую звезду, возвращение сообщницы-луны, лишь изредка прекращая потоки слез словами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Он сказал, что не лгал, что среди присутствующих есть та, другая. Клянусь, Майя, если я узнаю, кто это, я сделаю все, лишь бы она почувствовала то, что я. Клянусь тебе.

И этих слов Майя испугалась, вот только не потому, что подумала о другой, как о себе... Нет, этой мысли она не допускала, считая себя лишь прихотью, лишь небольшой прихотью вельможи. А потому что ее Соня не могла так думать и так говорить. Какой бы ни была обида, не могла она проникнуть так глубоко, задеть то, что заставляло любить и ценить девушку.

— Не надо, Соня, мы уедем, как только ты успокоишься, обязательно уедем, я скажу начинать собирать наши вещи и...

— Нет, — Соня отстранилась от сестры, вытерла мокрые щеки, — нет. Я не собираюсь убегать. Пусть он предпочел не меня, но это пока. Ты только представь ликование на лицах этих сплетниц. Ведь такого не скроешь! Не буду я страдать дома, думая, как они тут злорадствуют. Пусть попробуют сказать что-то мне в лицо.

И это была правда, сбежать — значит признать, что ей больно и обидно, а она не могла этого допустить. Майя же спорить с ней тем более не могла — не имела права.

— Я не доставлю им такого удовольствия, — и в подтверждение своих слов, девушка еще раз провела руками по щекам, оставляя на них полную сушь. А Майя... Она могла лишь соглашаться. И на то, чтобы остаться, и на то, чтобы делать вид, что ничего не произошло, причем и за себя, и за сестру.

Ночь Майя провела с Соней, просыпаясь каждый час от ее всхлипов или просьб о помощи в очередном тревожном сновидении. Не выспались обе, но, несмотря на это, с новым днем действительно пришло облегчение. Первые сказанные Соней утром слова не смогли не обрадовать сестру:

— Плевать. Ведь не один же герцог на земле. Тебе же он еще с самого знакомства не нравился...

Эх, если бы так, если бы еще с того вечера, три года назад, Майя имела хоть малейшее понятие о том, что этот человек из себя представляет, не проводила бы ночи и дни идеализируя его, а потом ее идеалы не разбились бы на такие мелкие кусочки.

— Мне не нравится, когда ты грустишь, а с остальным я готова свыкнуться, — теперь обнимаясь, девушки уже смеялись.

Темой утренних разговоров стал отъезд герцога. Темой почти скандальной, ведь, во-первых, герцог покидал имение спешно, без предварительных предупреждений кого бы то ни было. Конечно, он и не обязан отчитываться, но незнание причин и направлений отъезда заставляло эти самые причины и направления с жадностью предполагать. А во-вторых, посвященные в «приезд Розы», который было не так-то и мало, многозначительно переглядывались, уверовав в тесную связь этих двух событий. Майя боялась лишь того, что к этим двум темам, которые пережевывались крайне тщательно, присоединилась еще одна, касающаяся расставания ее сестры с герцогом. Но, с другой стороны, тогда вряд ли возникли бы мысли приплетать сюда еще и ее. А пока на нее смотрели с надеждой, что Соня пролетит свет на тайны загадочного герцога. Вот только она не спешила. Сама искала ту, кто знает не меньше нее.

После завтрака гости решили развлечь себя походом на речку. Тут такая тоже имелась. Особо мужественные молодые люди даже несколько раз рисковали своим бесценным здоровьем и решались в ней искупаться, девушки же снисходили лишь до того, чтобы ополоснуть в воде руки, сильно при этом боясь за платья, подолы которых так и норовили промокнуть и доставить хозяйкам всяческие неудобства. Майя лишь еще раз вздохнула от досады. День выдался жарким, корсет и многочисленные юбки мешали дышать, а особенно сейчас, когда воздух раскалился, и если бы они с Соней были на берегу одни, она с радостью зашла, хотя бы по щиколотки, оставив туфельки и чулки на берегу, как они делали дома. Но нет, им предстояло чинно сидеть на покрывале и наслаждаться лишь долетающими до них брызгами свежести, исходящей от речки.

На вопрос сестры, почему она не взяла с собой рисовальный набор, Майя соврала, что забыла. С рисованием оно покончила раз и навсегда, и не только потому, что таким образом наказывала себя, она сомневалась, что сможет выдать из себя что-то стоящее.

Майя оглянулась на сосредоточенную на своих мыслях, смотрящую перед собой сестру, протянула руку, коснулась плеча. Соня встрепенулась, сфокусировала взгляд на Майе,

улыбнулась, как бы обещая, что больше никаких грустных мыслей, и опять принялась за свою вышивку.

Сама Майя открыла принесенную с собой книгу. Теперь уже не из той библиотеке, а самый обычный роман, каких сотни. О девушке, сбежавшей из-за измены своего возлюбленного, хотя как оказалось, никакой измены не было. Но узнала она об этом через долгих пять лет, побывав замужем, усыновив девочку-сироту, но то, сколько перипетий встретилось на ее жизни было не так-то важно. Главное, что вполне устраивало Майю — обещанный счастливый конец. Именно то, что сейчас так нужно.

Она была благодарна герцогу за то, что решил уехать. Хотя и надеялась, что они с Соней не дождутся его возвращения, возможность передышки хоть на три дня была тоже очень важной. Майя просто напросто не знала как себя вести, в этом и была вся причина ее страхов и волнений. А так, у нее появился запас времени на то, чтобы определиться.

Заметив несколько раз, что кто-то перешептывается, у нее падало сердце — наверняка о ней. Наверняка все уже знают, а значит, знает и Соня. И вот тут-то сердце и обрывалось. Не потому, что ее осудит общество, не потому, что будут бросать косые взгляды, этого предостаточно и в такой жизни, а вот осуждения сестры она боялась. Думала, что его просто не вынесет.

— Граф Ланской сказал, что герцог отправился по делам, да вот только что-то я сомневаюсь... Не мог же слух о его любовнице зря пройти... Наверное поехал опять ссориться или мириться, — говорившие захихикали. — А как же... — Майя не сомневалась, они кивнули в сторону сидящей к ним спиной Соне.

— Ну а что? Ведь Кэрри тогда правду сказала, нечего тягаться с его пассией, не зря ведь так долго она никого к нему не подпускает.

— Но ведь не женила на себе до сих пор.

— Моя мама тоже отца долго обхаживала, пока понял бедненький, чего от него надобно. А как понял, то уж поздно, сваты на пороге, — снова захихикали.

И опять, как и каждый раз, услышав об этой самой Розе, Майе нестерпимо хотелось ее увидеть. Зачем? Сложно ответить, может, чтобы понять, какой должна быть женщина, способная вить из герцога веревки, выдерживающая его всепоглощающее присутствие, выбивающее из легких весь воздух. А может, так выглядит ревность? Может, Майе просто хотелось сравнить ее с собой, но вряд ли результат сравнений был бы в ее пользу. Уж больно все, кому доводилось ее видеть, растекаются в комплиментах ее красоте, уму и воспитанию. Но вот только почему же тогда она до сих пор не герцогиня? И сколько еще подобных ей, стали... Были... Были с ним, несмотря на предъявленные ею права.

Тент был сооружен, желающие перебрались под него, а любители жары остались на солнце. Тут же гости устроили обеденные пикник. Не мучай Майя себя сменяющими одна другую тяжелыми мыслями, она могла бы сказать, что день получился хорошим. В голову пришла фраза, сказанная герцогом: «Майя, ты слишком много думаешь», наверное, он прав.

Следующий день принес очередные разочарования и надежды. Сегодня Майя выпалась. Несмотря на протесты сестры, Соня выпроводила ее из своей комнаты, как только часы пробили девять. Не маленькая ведь она девочка, чтоб Майе приходилось проводить с ней каждую ночь. Оказавшись в своей кровати, уже привычной за столько времени, Майя искренне обрадовалась. Каким счастьем может стать родная подушка,

знакомая перина! На смену покрывалу, в которое она завернула ошметки своих работ, горничная принесла новое. Оставленное тут же, на полу, платье скрылось в шкафу, не без помощи ее же заботливых рук. Предусмотрительно задернув шторы, чтоб не встретиться ночью с пристальным взглядом луны, Майя легла спать. Спокойно, без сновидений, не просыпаясь посреди ночи. Впервые за три последних дня. Единственное, она опять замерзла, но с этим мириться было не так уж и сложно.

А вот утро преподнесло уже не такой приятный сюрприз — на лестнице ее поймал Витор.

— Это правда? — он был возбужден, глаза блестели впервые с момента их встречи.

— Что? — Майя не могла не улыбаться ему, видя, в каком он чудесном расположении духа, даже несмотря на то, что не понимала о чем идет речь.

— Соня? Она действительно объяснилась с герцогом, и на том все? — девушка не ожидала, что Соня так скоро решит посвятить в это кого-то «по большому секрету». Да еще и в таком свете. Она не стала бы лгать, выставляя себя разборчивой леди, а герцога неудачником, которому разбили сердце. Это было слишком низко.

— Откуда вы взяли такую глупость?

— Весь дом только об этом и гудит.

— О Ях, что может быть хуже?

— Хуже чего? Ведь новость-то отличная! — он радовался как мальчик, Майя даже на секунду подумала, что он скорее похож на младшего брата, а не старшего товарища.

— А в исполнении острых язычков некоторых присутствующих, она станет просто неподражаемой. — Майя покачала головой.

— Ну а какая, в сущности, разница? Ведь главное, что он больше не будет пудрить мозги Соне... — за все время общения с Витором, он ни разу не отзывался лестно о герцоге, а сейчас Майе стало интересно понять почему?

— Витор, а почему вы так настороженно относитесь к Мэйденстеру? — скептический взгляд собеседника заставил Майю чуточку уточнить вопрос, — если не касаться вашей общей заинтересованности Соне. Ведь вы изначально, если говорить мягко, не слишком радовались каждой встрече. Почему?

Вчера Майя вспоминала совсем недавний их разговор, о том, что мотивы герцога невозможно отгадать, что в его действиях всегда есть подноготная, вот только тогда Витор не сказал ничего конкретного, не сказал, почему сомневается и чего опасается.

— Мы знакомы достаточно давно. Еще с детства. Никогда не водились в одной компании, конечно, но часто пересекались, — он говорил нехотя, за разговорами молодые люди спустились по лестнице, преодолели холл, вышли на террасу.

— И что же? — Майя села в кресло, Витор подошел к белым деревянным перилам напротив.

— Этот человек рано потерял отца, ему рано пришлось взять на себя слишком много: и титул герцога, и управление огромными владениями, и заботу о своей матери и сестрах. Вы знаете, что у герцога две сестры? Старшая уже давно замужем, ее собственная дочь почти ровесница младшей сестры герцога. Когда ему было шестнадцать, старший герцог погиб. На охоте, но это другая история. А вот я похороны помню. Наши отцы дружили, мой был с ним, когда это произошло. Но не в этом суть. Просто Дэрреку пришлось взять все заботы на свои плечи в шестнадцать лет. Его отец не раз говорил, что он ответственен за своих женщин, и он воспринимал это буквально. Вместо того чтоб прожигать жизнь, он занялся устройством

оставленного отцом наследия. Это длилось четыре года, в которые его старшая сестра тоже вышла замуж, мама оправлялась от утраты в дальнем имении вместе с совсем маленькой на тот момент сестренкой, а вот он крутился как белка. За это я его уважаю, не надо думать, что я настолько беспринципен, и всего лишь завидую. Нет, вот только не могло такое сказаться на человеке положительно. Слишком рано повзрослев, он стал циником, жестоким циником. Нельзя во всем искать свою выгоду, точнее нельзя во всем ее находить, а он находит. Нельзя перечеркнуть то хорошее, во что верил и чем дорожил твой отец, а он перечеркнул. — Витор замолк.

— Перечеркнул что? — закончив, Витор так и не ответил на вопрос, который ее интересовал.

— Мой брат... Они когда-то дружили, все втроем, Дэррек, Дамиан и Роб. Роберт. Так вот, Роб собирался жениться, на Лили. Ты не могла слышать об этой истории, наверняка была слишком мала, а много шума от нее не было. Он постарался. Роб доверял ему всецело, еще до того, как представить невесту родителям, познакомил с герцогом. Им тогда было по двадцать лет. Чистые чувства, чистые помысли. Но только не у рано повзрослевшего Дэррека. Он решил сыграть другу службу, проверить искренность девушки. Думаю понятно, что проверку она не прошла. Оказалось, что герцог предпочтительней графа, да вот только не стоило оно того. Роб пытался покончить с собой. Об этом-то узнали все, в отличие от причин такого его поведения. А самое важное, что когда узнавший обо всем отец приехал к Дэрреку, угадайте, что же он сказал? Это была никакая не благородная проверка, это была месть, за то, что его отца не спасли. Он свято верил в то, что могли, но не спасли. — Витор отвернулся, на лице у него застыла гримаса гнева. Видно, эта история не давала ему покоя по сей день.

— И что стало с вашим братом? — Майя задала вопрос не сразу, выждав, как ей показалось, достаточно времени.

— Он жив, счастлив в браке, растит двоих детей, — на немой вопрос Майи, в чем же тогда проблема, Витор тоже ответил. — Вот только поседел он за ночь, в двадцать, и долго еще не улыбался. Майя, предательство не прощают, уж поверьте мне.

Ох, лучше б она не спрашивала! Только еще больше запуталась. Конечно, она верила Витору и его рассказу, и тому, что такое могло иметь место. Несомненно, могло, ведь с ней произошло что-то очень похожее. Вот только несмотря на гнев, играющий на лице Витора, Майя подумала о другом. О том мальчике, которому в шестнадцать сообщают, что его отец погиб, что его больше нет, зато есть груз, который теперь должен лечь на его плечи. Не предательство ее поразило, а одиночество того, кто предал. А может, и не предавал...

— Это правда, — Майя опять посмотрела на Витора. Она понимала и его, видя то, как герцог ухаживает за ее сестрой, перед глазами друга становилось лицо брата, у которого отобрали чистое чувство и втоптали его в грязь, какими бы ни были намерения. — Герцог больше не имеет видов на Соню, и она тоже скоро успокоится. Просто будьте рядом в этот момент. Будьте рядом, — черты мужчины смягчились, видения прошлого отступили.

Вот уже второй день Майя играла сама с собой в странную игру. Она все искала оправдания. Чем больше узнавала, тем с большим рвением искала оправдания поступкам герцога. Почему, зачем? Вопросы слишком сложные. И каждый раз она натыкалась на полную несурязицу, ведь жалеть его было невозможно. Представлять мальчика, ровесника

Сони, копающегося в многочисленных счетах, борющегося с последствиями неурожая, и сопоставлять его с теперешним герцогом у нее не получалось. Слишком он был уверенным, слишком подходил своему статусу, слишком плечи казались способными удержать на себе этот груз. А на один вопрос она и не пыталась больше искать ответы — зачем ему понадобилась она? Это Майя хотела оставить тайной и для себя, ведь хоть она и не взлетала высоко, падать, когда он высмеет ее наивные предположения о своей значимости, все равно будет больно.

Слушая уже сотый раз о том, что герцог наверняка отправился к своей любовнице, Майе хотелось взвыть. Ее и без того не железные нервы, как оказалось не так давно, обещали лопнуть как струны гитары. Будто нет других тем для разговоров! Но вот когда наступило время других тем, ее терпение все-таки лопнуло.

Написанное еще два дня назад письмо наконец-то было готово к отправке, запечатав конверт, Соня постучалась к сестре, та без великого сожаления отложила книгу, согласившись найти дворецкого вместе. Если они поторопятся, успеют передать письмо еще с сегодняшней корреспонденцией, что позволит не терять один лишний день.

На первый этаж они спустились вместе, вместе же прошли две проходные комнаты, затормозив у двери в третью.

Майя дернула за ручку, вот только зайти внутрь они не успели, неосознанно прислушиваясь к ведущейся там беседе.

— Я уверена, она ему просто напросто наскучила. Ну подумайте, ведь ничего особенного. Миленькая, но таких здесь много. А о том, что умом не блещет, я вообще молчу, — сомнений в том кто говорил и о чем, не осталось. И самое ужасное, что не только у Майи, а и у Сони, чье лицо опять стало серьезным.

— А почему же они тогда до сих пор не уехали? Рыбка не клюнула... Может это и вправду она решила надуть губки, чтоб показать, кто тут главный, — за сказанным последовал тихий смех.

— Ну уж нет, — Кэрри, казалось, готова была лечь костями, лишь бы доказать, что кто-то в этом доме более неудачлив, чем она сама. — Надувание губок подействует на кого-то попроще, но только не на его светлость. Нет, несомненно, она ему совсем надоела, своей навязчивостью, — не будь Майя так растеряна, она обязательно бы рассмеялась — кому, как не Кэрри, говорить о надоедливости... — А главное, пытается теперь делать вид, что ее это совсем не задевает, да вот только кто же ей поверит... — следящая все это время за сестрой Майя, сменила растерянность на праведный гнев. Соня лишь покачала головой и выбежала из комнаты. Она была еще не готова отвечать обидчикам, слишком было больно. Но вот в Майе эти силы откуда-то взялись.

Открыв дверь, она вошла в комнату. Впервые, не делая вид, что она всего лишь сквозняк, привидение. Девушка хотела, чтоб на нее обратили внимание.

— Кэрри, почему же вы в такой погожий денек сидите в этой унылой комнате, да еще и не в компании достойного кавалера? — непривыкшие к тому, что обычно молчаливая Майя что-то говорит, все до единой девушки обернулись. Только что такая красноречивая Кэрри даже не сразу нашлась в ответе, и Майя этим воспользовалась.

— Ах, я знаю, в чем причина, ведь этого самого кавалера-то и нет... — она поднесла палец к губам, поцокала языком, как бы сожалея. Лицо бедняги начало покрываться красными пятнами. — Прошел уж месяц, а никто так и не соизволил выказать свою заинтересованность так умело выставленному на показ товару... — Майя скользнула

взглядом по достаточно пышному декольте, усеянному розочками.

Почувствовав, что надвигается шторм, многие перестали делать вид, что заняты слишком важным разглаживанием складок на платье или выглядыванию кого-то в окне, а усталились на Майю.

— Мой вам совет, когда в следующий раз решите так обильно поливать кого-то своей желчью, проверьте, что на горизонте нет даже тех представителей сильного пола, который еще не отчаялись найти в вас крупицу такта, — невольно подтверждая ее слова, в комнату вошел Дамиан. Но это девушку уже не интересовало, она прошла мимо ошарашенной компании и скрылась за дверью.

Лишь тут Майя позволила себе сделать маленькую передышку, опершись рукой о стену, девушка пару раз глубоко вдохнула и выдохнула. Ях, что она только что себе позволила? Слышала б ее Соня, не поверила, что ее сестра на такое способна... А мама... Она наверное выглядела бы как те удивленные до одурения барышни. И эта мысль Майю радовала, она даже рассмеялась, только тихо, чтоб за дверью не услышали. Пока что ее храбрости на это не хватало. Несомненно, Кэрри не спустит ей этого просто так. Теперь ей предстоит ждать подколов или даже прямых нападков, но сейчас это не имело никакого значения.

Сегодня Майя заметила, что сестра больше не разрешает себе грустить при ней. Все чаще она просит оставить ее наедине под разными предлогами, и Майя соглашается.

А после обеда, когда сестра все так же наедине с собой собиралась прогуляться, Майя ей не стала мешать. Но вот встретившемуся Витору намекнула, где ее можно будет найти. Хоть сестре и не нужны сейчас новые переживания, такие же сильные, как из-за встречи и расставания с герцогом, надежное дружеское плечо ей не сможет помешать. Вернулись они вдвоем, позабыв про утренний инцидент, Соня улыбалась. О большем мечтать Майя и не смела.

К затронутой тогда на террасе теме, старшая сестра Дивьер больше не возвращалась. Она решила, что ее это не касается, кроме того, взгляд с другой стороны она оценить не сможет, вряд ли кто-то в доме в этом поможет. Разве что Дамиан, но не станет же он распространяться о друге, тем более ей, той, с которой не обмолвился и десятком слов за все время пребывания тут. Ну или сам герцог, что еще более невероятно...

Этой ночью Майя уже не закрывала плотно шторы. Луна перестала пугать ее так, как раньше. День был слишком насыщенный, и сны пришли тоже странные. Они с Соней сидели на берегу реки, босиком, ощущая ступнями каждую травинку. Сзади к ним кто-то подкрался, Майя не могла развернуться, чтобы увидеть, кто же это, но вот испуганное лицо сестры видела отлично. Потом Соня куда-то пропала. А человек за спиной остался. Незаметно для самой себя Майя оказалась на ногах все так же спиной к незнакомцу. Но вот когда его рука обвила девичью талию, ощущения тревоги пропало. Это был он, и он не вселял страх, только надежность, опору, в которой она так нуждалась. Сколько это длилось, трудно сказать, но когда Майя проснулась, почему-то пожалела, что сон закончился.

Последний день призрачной безопасности, в отдалении от терзающего память лица, девушка приняла как данность, чувствуя в себе достаточно сил.

— Знаешь, Витор сказал мне вчера, что мечтает о такой сестре как ты, — Соня плела

еще одну косу, чтобы уложить потом ее в красивую прическу. Она любила заниматься волосами сестры. Посмотрев на отражение Сони в зеркале, Майя улыбнулась.

— Что он еще говорил? — Майя подала сестре шпильку.

— Много всего. С ним интересно, он знает множество историй, почти как г... — Соня осеклась. Хоть и клялась себе никого ни с кем не сравнивать, это получилось произвольно. — Он даже читал те сумасшедшие книжки, о которых ты когда-то мне рассказывала. И ты не поверишь, но я готова попробовать их прочесть, — поигрывая заколкой, Майя улыбнулась еще шире. — Нет, ты не так поняла, ты тоже отлично о них рассказывала, просто когда уже второй человек советует одно и то же, стоит задуматься.

— Я рада, я, правда, за тебя рада, — Майя имела в виду не рвение сестры к прочтению, хотя и его тоже, скорее доверие, вызванное Витором.

На сколько дней уехал герцог, в доме точно не мог сказать никто. Когда Майя обратилась с этим вопросом к дворецкому, отдавая письмо, тот сказал, что на три-четыре дня, возможно, больше. Пока весточка о том, что он возвращается не приходила, так что завтра он вряд ли будет, а если и приедет, то уже к обеду. Такие весточки приходили всегда, за день до возвращения. Пока ее нет, можно быть спокойной. Утром, после завтрака, опять поймав дворецкого, Майя в этом убедилась. Сегодня ей хотелось вернуться в библиотеку. Она не была там со дня своего рождения, от которого у нее остались не такие уж и радужные воспоминания. Отчасти из-за этого она и хотела вернуться. До приезда герцог, до того, как она снова будет чувствовать себя как на пороховой бочке.

Ее еще с самого начала удивляло то, что комната не запирается. Кабинет, во время отсутствия хозяина, закрывался на ключ всегда, но тут, в библиотеке, также хранились личные документы его светлости, на столике лежали письма, и, тем не менее, было открыто. Спрашивать она не стала, во-первых, не у кого, а во-вторых, разве это ее дело?

Майя зашла в комнату, закрыла за собой дверь, остановилась, размышляя, что же она собирается тут делать. Еще с того самого момента, как герцог сказал, что он не настолько жалок, чтобы пользоваться ее услугами как свахи, она задумывалась над тем, мог ли он ее видеть и в очередной раз щелкнуть по носу за подслушивание? Очень жестоко, но все же просто проучить. Сегодня ей выдался шанс это проверить, она села в то кресло, которое он обычно занимал. Конечно, вряд ли оно стояло так же, с точностью до миллиметров, но все же... Присев с ровной спиной, Майя скосила глаза в сторону ниши. Та была полностью скрыта от взгляда. Потом, подумав, что герцог, скорее всего не сидел как благовоспитанная барышня, Майя откинулась на спинку. С облегчением она отметила, что и так с ее места укрытия было не видно. Почему с облегчением? Она не хотела почувствовать еще больший стыд, чем тот, который лишь недавно начал постепенно ее отпускать. С места Дамиана ее не могло быть видно в принципе, как бы тот ни повернулся, разве что лег бы горизонтально, так что в том, что осталась незамеченной им, она была уверена еще больше.

Дальше девушка опять обратила внимание на бумаги, лежащие на столике. Дома она не позволяла себе открывать чужие письма, папины — чинно несла в кабинет и оставляла там, если ее об этом просил добрый служащий, мамины — вручала ей, а в детстве устраивалась на коленях, чтобы слушать, как графиня читает их вслух. Но сейчас она вспомнила, как однажды случайно наткнулась на письмо той самой мисс Смитт в этой комнате, и какое-то несвойственное ей любопытство проснулось с новой силой. Застань ее герцог сейчас, наверное, впервые слова о том, что она пытается шпионить были бы правдой. Майя встала, прошла по комнате, опять посмотрела на содержимое полка, но вот только теперь книги не

вызывали такого интереса. Впервые у Майи чесались руки полезть в письма постороннего человека. Не выдержав, девушка опять села на кресло, начала сверлить глазами стопку писем. Зачем ей это нужно? Простого интереса недостаточно... Нужны веские причины, хотя бы являющиеся такими для нее.

В конце концов, устав мучиться, Майя отбросила глупые мысли. Чем же тогда она лучше Кэрри, которую только вчера отчитала за то же самое, что собиралась сейчас сделать сама? Лезть в чужую жизнь непозволительно, пока тебя саму в нее не посвятят. А что бы она нашла в письме, которого тут может и не быть? Вряд ли ответ на вопрос, как же ей вести себя, когда герцог вернется, а именно этот вопрос, в сущности, занимал ее мысли. Взяв с полки книгу, Майя вернулась в кресло, подтянула под себя ноги, скинув жаркие туфельки, принялась за чтение.

Объезд владений занял времени даже меньше, чем он рассчитывал. Все потому, что выехал он в ночь, сэкономив целый день. Все нужные работы уже были проведены, управляющие сделали то, что Дэррек им поручал, а главное — даже то, о чем и понятие не имел, но полагался на опытных помощников.

Герцог Мэйденстер давно уже понял, что залог успеха в том, чтобы правильные люди делали свою работу. Только тогда ты будешь чувствовать в себе силы двигаться вперед, а не раздумывать над тем, как заткнуть очередную брешь в твоём тонущем корабле. Выезжая сегодня раним утром, он подумал, что его возвращение станет неожиданным. Вчера вечером он пожалел отправлять кого-то в ночь с посланием, ведь смысла в этом не было, готовить дом не было нужды, находящая там компания заставляла слуг держать все в готовности вот уже больше месяца.

Поездка была полезной во всех смыслах. Дала время привести мысли в порядок. Дэррек знал, что он будет делать по приезду, как исправит свои ошибки, которых было предостаточно. Неопределенным было лишь одно, что дали эти три дня ей?

— Ваша светлость, простите, что не встретил вас, не знал, что вы прибудете так скоро... — статный старичок дворецкий склонился, принимая из рук хозяина перчатки.

— Не волнуйся, Дэн, я не предупреждал, все нормально. Просто приготовь мне воды. Не нужно пока говорить гостям, что я вернулся. Сам спушись к ужину, — отдав указания, он отправился через кухню, куда и зашел, пользуясь одним из черных ходов, наверх. Дэррек с превеликим удовольствием разминал затекшую спину и шею — проведенные в седле дни давали о себе знать. Он даже пошутил в разговоре с одним из своих арендаторов, что видимо, стареет, раз не может как в двадцать восторгаться красотам окрестностей, когда пятая точка уже окончательно отбита. Тот посмеялся, соглашаясь, а еще посоветовал заводить на такой случай семью и сына, чтоб было кому отбивать мягкое место с восторгом.

Уже поднимаясь по лестнице, он снова окликнул дворецкого:

— Никто не уезжал за время моего отсутствия?

— Нет, ваша светлость, посетителей тоже не было.

— Хорошо, — он облегченно вздохнул, хоть конюху и были даны соответствующие указания, уверенности в том, что Майя его не слушается, у него не было, какой бы кроткой она ни казалась. — Что-то важное, о чем я должен знать, произошло? — он искренне надеялся услышать нет, и отправиться к себе.

— Лишь письма. Много писем, как всегда, мой лорд. Я оставил их в комнате с

глобусом.

— Хорошо. Спасибо, Дэн, — мужчина снова помчался наверх. Заскочить, чтобы взять письма, он может и по дороге в комнату, все равно для нагрева воды нужно время.

Жара стояла знатная. Майя пожалела о том, что не взяла с собой веер. Теперь девушка смотрела на письма уже с другим интересом, обмахиваться ими, казалось, должно быть удобно. Решая этическую дилемму, достойно ли такое поведение леди, Майя не услышала поворота ручки, лишь поток свежего воздуха, ворвавшийся с открытием двери, заставил ее оглянуться.

Дэррек был удивлен не меньше девушки. Даже подумал сначала, что слишком много времени проводил в мыслях об этой девчонке, раз она уже мерещится. Но он моргнул, а виденье не пропало. Майя сидела в его любимом кресле, поджав под себя ноги, пышная юбка окружала ее как надутый воздушный шар, а в складках этого самого шара лежала какая-то книжка. На шее висела все та же подвеска, зато прическа была новой, странное плетение, которое очень ей шло. Хотя ему больше нравилось видеть распущенные волосы, мягкие и чуть волнистые.

Немая сцена длилась какие-то секунды. Когда же он сделал шаг в комнату, остолбенение сошло с Майи. Спустив ноги, она тщетно пыталась попасть ногами в туфли, ругая себя за то, что слишком беспечно повелась. Когда ей наконец-то удалось обуться, девушка подорвалась с кресла с такой скоростью, что перед глазами заплясали черные круги.

А в мыслях в этот момент всплывали лишь вызубренные еще с пеленок правила хорошего тона, согласно которым нужно было поздороваться, сделать реверанс, извиниться. Майя так и поступила.

— Простите, не думала, что вы вернетесь так рано, если бы знала, не доставила бы вам неудобств... — прижимая книгу к себе, Майя направилась к двери.

Вот только Дэррек не собирался ее отпустить, всполошенную, как птица. Хоть мужчина и отступил от двери, когда девушка подошла на расстояние вытянутой руки, он положил ладонь на ручку.

Как бы Майя ни хотела выскользнуть, не поднимая взгляда, ей это не удалось.

— Майя, — таким голосом, наверное, журят детей. Бархатистый, низкий, кажется, чуть хрипловатый. — Ты не доставила мне никаких неудобств, — ручку он так и не отпустил.

— Мне все равно пора, скоро ужин, нужно успеть подготовиться, — она опять подняла руку, надеясь, что хоть тогда он отпустит эту треклятую ручку.

— Еще два часа, — ну хоть посмотрела на него, уже неплохо, — до ужина еще два часа. Удели же мне всего десять минут этого времени, пожалуйста.

Майя готова была в тот же момент себя убить. Этот человек три дня тому воспользовался ею, а сейчас она не может отказать из-за того, что это неприлично и способно обидеть. Ну где же твоя логика, Майя, где? К тому же, он вновь перешел на «ты», не спрашивая ее разрешения. Хоть это и глупо, после того, что между ними было, но откуда же ей знать, как люди ведут себя после?! Она никогда не думала, что ей придется об этом узнать.

Дэррек отпустил ручку, давая девушке выбор. Посмотрев на дверь, Майя прижала книгу к себе еще сильнее, подняла взгляд на него. Свою маленькую победу Дэррек отпраздновал улыбкой.

Просить ее вернуться в кресло, было заранее проигранным вариантом, и он это прекрасно понимал, но возвышаться над ней сейчас тоже не хотел, представляя, как давит на нее. Поэтому облокотился о стоящий за спиной комод.

Время, проведенное наедине с собой, пошло на Майе пользу, она хоть и избегала смотреть прямо в глаза, тем не менее, Дэррек больше не волновался, что девушка сделает непростительную глупость.

— Как дела? — спросил он это у своей сестренки, избавил бы себя от необходимости придумывать темы для разговора на весь вечер, но это был другой случай.

Майя удивилась, что именно у нее герцог спрашивает о том, что произошло в доме в его отсутствие, ведь для этого есть управляющий, но попыталась ответить как можно подробней. И о погоде, и о том, что в одной из гостевых повесили новые шторы, и о какой-то эпидемии, захватившей розовые кусты в дальнем конце сада. А если бы он еще не улыбался так снисходительно, она бы, наверное, не запинаясь.

— А вы наблюдательны. Но я спросил как дела у вас? — опять на вы, вот только от этого вопрос не стал менее личным.

Чего он ждела? Ведь не скажет она, как ей стыдно сейчас смотреть ему в глаза и вспоминать все происшедшее между ними, а не вспоминать она не могла. Не скажет, что когда он улыбается, вместо взрослого мужчины, она видит перед собой беззаботного шестнадцатилетнего мальчика.

— У меня? Все хорошо... Неплохо, — ему-то говорить о своем «хорошо» смысла не было. — Как вы съездили? — Майя почему-то вдруг вновь вспоминала о письмах от мисс Смитт и мыслях о том, что поехать он мог именно к ней. Чтобы снять стресс...

— Неплохо, — она стояла не так уж далеко, наверняка намного ближе, чем сама того хотела. Очень медленно, чтоб не спугнуть, он дотронулся до ленты, обозначающей линию талии, а потом спускающуюся по подолу. Не заметив явного сопротивления, Дэррек начал по чуть-чуть подтягивать опять насторожившуюся Майю за эту нехитрую удочку поближе. — Арендаторы готовы к началу сбора урожая, все не так запущено, как я думал, — значит, он ездил не к ней, не к любовнице? Лишь когда сзади сомкнулось уже знакомое кольцо рук, Майя опомнилась, что отвлекаться было нельзя. Но при мысли о том, что он был занят работой, а не вниманием другой, почему-то на душе стало приятно, но лишь на секунду, ведь потом вернулся стыд. — Что за книгу ты выбрала на сей раз? — лишь так, отвлекая ее, он мог по чуть-чуть, по миллиметру отвоевывать ее саму у бдительной рассудительности.

Загипнотизированная его действиями, Майя боялась шелохнуться, прижимая книгу к себе, как последнюю крепость.

— Это истории великих родов, — книга издавалась в более чем тридцати томах, и никто не утруждал себя приобретением всех. В основном, знать довольствовалась тем, в котором упоминалась их фамилия, или, если повезет, их роду была посвящена целая глава. У Дивьеров дома стоял другой том, и в отличие от остальных ценителей, Майе было интересно знать не только то, что папа и так не единожды рассказывал. Ничего зазорного в том, чтобы быть осведомленной не только в собственных династийных переплетеньях, а знать немного больше еще и о тех семьях, которые вот уже много столетий стоят у руля управления миром, она не видела. Как ни странно, поиски статьи о герцогах Мэйденстерах успехом не увенчались.

Отвечая на этот немой вопрос, герцог пояснил:

— Тут история рода герцогини, моей матери. В девичестве она была Байрон. Моя старшая сестра унаследовала ее титул, она носит тройную фамилию, мужа, отца и матери, — да, о Байронах она прочитала успела, вспомнить сейчас смогла лишь то, что когда-то они пересекались своими родословными и с ее отцовской линией, хотя странного в этом мало — сложнее найти лордов, не имеющих ни капельки общей крови предков. И о сестре тоже слышала, правда вскользь в рассказе Витора. — Так что далеко не я самый благородный в нашей семье, — она улыбнулась, о Ях, неужели? — Скажу по секрету, иногда даже смотря на родовое древо пса моей сестры, мне кажется, судьба обделила меня. Чувствую себя дворнягой, — а дальше произошло невероятное — смех. Дэррек застыл, не веря, что это действительно происходит тут и сейчас — она смеется. И как! Заливисто, тонко, напоминая звон колокольчика.

— Кем же тогда чувствовать себя мне? Если вы дворняга? — смеясь, Майя даже перестала волноваться и из-за рук держащих ее в замкнутом кругу, и из-за глаз, неотрывно смотрящих на нее, опять прожигая те же дорожки, что той ночью.

— Ты не можешь себе представить, как важно он выхаживает по паркету, будто сам его величество король пожаловал в наши владения, — она опять рассмеялась, заставляя забыть и об усталости, и о длинной дороге. — Могу я попросить тебя кое о чем? — он стал серьезным. Майе надо было бы насторожиться такой перемене, но она была еще под впечатлением от того Дэррека, который просто шутил, не представляя опасности, а не властвовал над ее телом и душой.

— О чем?

— Закрой глаза... — увидев, что смешинки из девичьих глаз пропали, он добавил, — пожалуйста. Обещаю, ничего плохого я не сделаю.

Что он подразумевал под «плохим», Майя не знала, но искренне надеялась, что их понимание в этом вопросе совпадало. Попроси герцог о подобном еще несколько минут назад, она бы ни за что не согласилась, слишком было бы страшно, но сейчас ему удалось этот страх усыпить, вот только вряд ли к добру... Поколебавшись, Майя сделала то, о чем ее просили.

Она думала, что Дэррек выпустит ее и выйдет, что, возможно, возьмет что-то такое, что ей видеть не полагается, или, наоборот положит какую-то вещь в тайник в комнате. Но шли секунды, а ничего не происходило.

Послушной она нравилась ему еще больше, хотя нет, просто именно сейчас ее послушание — единственное, что ему было нужно. Откинувшись в его объятьях, девушка продолжала сжимать книгу. Глаза, сначала сильно зажмуренные, сейчас расслабились. Приближаясь к красным губам, он думал о том, сколько бы еще миль проскакал, если бы был уверен, что тут его ждет такое вознаграждение. Память ему не изменила, они были мягкими, нежными и неимоверно сладкими. Когда-то одна из его прошлых пассий мазала губы ванилью лишь затем, чтобы услышать от него это слова, но вот сейчас он понимал, что ни одна ваниль не сравнится с этим вкусом.

В момент, когда он дотронулся до губ, Майя вздрогнула, ведь поцелуй-то она и относила к тому «плохому», чего он обещал не делать. Но как оказалось, их мнения не совпадали. Перехватив ее одной рукой, притягивая ближе, второй мужчина взялся за книгу, которую Майя сжимала все сильнее. Дэррек посмеялся ее оборонительным попыткам. Она

держалась за книгу, явно пребывала в борьбе с собой. Это было заметно по тому, как напрягалась и расслаблялась девушка в его руках. Рассудок боролся с желаниями, и пока что желания побеждали.

Когда он оторвался от девичьих губ, Майя открыла глаза, вот только то, что он в них увидел, чуть не заставило продолжить начатое прямо тут, а лучше, уже в его комнате. В глазах застыло разочарование, Дэррек не смог сдержать улыбку. Зарывшись носом в Майины волосы, он рассмеялся, тревожа своим дыханием нежную кожу за ушком.

— Я скучал... — и опять щекочущие кожу дуновение и еле ощутимые поцелуи.

Что ощущала в этот момент Майя, ей было трудно сказать. Наверное, так же чувствует себя желе. Холодное, которое готовят у них дома на праздники, расплзающееся по тарелке, лишь в нее попав, не способное держать форму, а тем более давать отпор.

Все, на что хватило ее протеста, это шепот:

— Десять минут прошло.

Не остановись он сейчас, пришлось бы уезжать еще на три дня, а он этого не хотел. Потому собрав в кулак силу, Дэррек отстранил девушку, правда не сразу, ведь ноги держали ее не так уверенно, как она того хотела бы.

— Увидимся за ужином, — вернуть себе обычный непрístupный вид для него не составило особого труда, а вот ей, чтобы отойти от всего, нужно было время, много времени.

Не оглядываясь, позабыв о книге, Майя нажала на злосчастную дверную ручку, вот только она не поддавалась ни с первого, ни со второго, ни с третьего раза. Лишь когда Майину руку накрыла мужская ладонь, дверь открылась. Одним движением он перевернул ее руку, поднося к лицу запястье, и не отрывая глаз, опять поцеловал. Как когда-то, может сто, а может тысячу лет назад в этой же комнате. И тогда, и сейчас эффект остался неизменным, Майя покинула комнату в полнейшем смятении, вот только теперь к нему присоединилось новое чувство, хоть она и была растеряна после случившегося, хоть и чувствовала, что это неправильно, где-то в глубине души зародилось желание верить. Верить, во что? Она сама не знала. А вот вопреки чему — могла и посреди ночи огласить полный список. Вопреки обману Сони, вопреки его низости, вопреки произошедшему в ту ночь, вопреки вере в то, что она недостойна и с ней такого произойти не может. Ях, ведь это все неправильно, так нельзя, и думать так нельзя, и чувствовать. Но почему тогда так сложно прекратить?

Глава 13

Время перед ужином Дэррек провел с пользой. Уже через час — свежий, полный сил и в отличном расположении духа — он удивил своим возвращением Дамиана. Тому достаточно было увидеть, что у друга неожиданно хорошее настроение, чтобы наконец-то расслабиться.

— Скажи мне, это правда? — герцог вопросительно поднял бровь, — что милая Соня дала тебе отворот? — Дэррек улыбнулся еще шире.

— Да. Как видишь, я не всегда получаю желанное, иногда это самое желанное проявляет характер.

Поведение его совсем не соответствовало словам, слишком он был беззаботен.

— И что, неужели это просто так сойдет девушке с рук? Отказать его светлости, ведь это непростительно! — Дамиан подтрунивал над другом, надеясь, что и вправду получит ответ на вопрос.

— Сойдет. Знаешь, как говорят в деревнях? Насильно мил не будешь, — хотя он и не был согласен с этим, ту, которой он хотел быть мил, скорее всего, придется пока что подталкивать делать шаг за шагом, но не насильно, всего лишь направляя.

— Ты не падал с коня по дороге? — слышать такое от него — было сродни прозрению слепца. Дэррек только усмехнулся.

— Нет, конь тут ни при чем.

— А кто при чем? — вот. Наконец-то хоть какое-то понимание. Дамиан сузил глаза, окидывая друга оценивающим взглядом. Неужели он просто напросто заинтересовался кем-то другим?

— Никто, ты слишком много хочешь. Расскажи лучше, как поживает тут твой брачный театр? — теперь настала очередь самодовольно улыбаться уже Дамиану. Он все больше верил в то, что его бесшабашная идея принесет свои плоды. — Если бы кто-то не устроил картинное расставание, конечно, дамы и господа были бы заняты собой больше, а так темой номер один были вы с Соней.

Дэррек не удивился, видимо, в его доме тайны хранить не так-то просто, но одну он собирался оставить известной лишь для двоих.

— Я не буду спрашивать, что ты ей наплел, просто знай, что девочка оказалась еще та, держится, будто так и надо, и не скажешь, что расстроена. А ее сестра... Это что-то! Устроила бедняжке Хэпперн такой разнос. Я подумал, что не хотел бы оказаться на ее месте.

— В смысле? — что же его мышка могла такого устроить?

— Оооо, я не знаю, с чего все началось, но об этом не сложно догадаться, если знать натуру Кэрри, но ту часть разговора, которую услышал я, можно в учебники вносить, наверное, впервые кудряшке нечего было ответить. Вот так вот. Еще и Винсента направила сопровождать сестру повсюду, если раньше было так: видишь анибальта, жди, через полминуты появится и второй, то теперь нет, нужен Витор, ищи Соню. В общем, это, наверное, самое важное, а больше даже не о чем рассказать.

Уезжая на три дня, больше чем за нее, Дэррек волновался за Винсента, точнее за его возможное влияние. Что если ему удастся запудрить ей мозги? В том состоянии, в котором

она была, легче задачи быть не может. И этот страх еще предстояло развенчать или подтвердить, но судя по ее реакции на него, и по словам Дамиана, ему повезло. И это очень хорошо, ведь над Витором он был не властен, слишком тот своевольный, и слишком сильно его ненавидит.

Наступил вечер, обитатели дома лениво сползались по направлению к столовой. Трапезы были единственным временем, объединяющим население особняка, как обычно это бывает и в больших семьях. Единственное время для монологов, дискуссий, споров, в которых принимают участие все, если не активно, то в роли молчаливого слушателя.

Майя отложила в сторону гребень, которым усердно прочесывала волосы. Последнее время она только тем и занимается, что терялась, анализировала, пыталась понять себя и окружающих, и это занятие утомляло, физически утомляло. Рано или поздно должен был наступить момент, когда уже нет сил стоять на распутье под давлением сильного ветра, хочется, чтобы этот самый ветер снес тебя в любую сторону, чтобы ветер потом был ответственен за принятое решение. Вот так и Майя хотела, чтоб ситуация хоть как-то прояснилась. Чтобы она поняла, чего от нее ждет герцог, и чего стоит ждать от него. Совесть за сегодняшнее происшествие девушку не мучила, и это было странно, ведь она все продолжала предавать сестру, неважно, по своей воле или по чужой. Она предавала Соню своим молчанием, своим согласием. Врать Майя могла кому угодно, вот только самой-то себе не получалось. Было неприятно, отвратительно, мерзко? Нет. Разверзлась бездна под ногами? Нет. Повторись это снова, отстранилась бы она? Нет, нет, нет. И это «я скучал»... Как сложно поверить в «скучал» от человека, в которого ты влюблена с детства, от человека, от которого ты уверена, такое исходить в твой адрес не могло. Просто не могло. Но ведь он сказал... Майя слышала... Правда, когда сама плавишься, и мысли твои тоже плаваются, всякое может показаться.

— Какой прелестный кулон, давно хотела спросить, что эта за птица? — Кэрри подошла к Майе в тот момент, когда та направлялась к своему месту. Девушки остановились на полпути. Почему-то Майе не хотелось, чтобы посторонние прикасались к ее подарку, инстинктивно положив на него ладонь, девушка закрыла свое сокровище от посягания. Кэрри, реагируя на такой жест, лишь хмыкнула. — Похож на воробья, уж больно маленький, — осознав свою ошибку, Майя отдернула руку. — Или попугай, глаза голубые, никогда таких у птиц не видела. — Кэрри разглядывала ее шею так, будто на ней, по меньшей мере, висел таракан, живой, перебирающий лапками. — Но вам в самый раз, — бросив же последнюю фразу, она улыбнулась самой своей очаровательной улыбкой. Майя на это не отреагировала никак, ведь прекрасно понимала, почему та так себя ведет. Это все месть за тот их разговор. Видимо, публичное унижение мисс Хапперн прощать не собиралась, и такие ее подколки были лишь началом. Беззаботной жизни можно не ждать.

Убедилась в этом Майя совсем скоро.

— Чего она от тебя хотела? — Соня проводила Кэрри тяжелым взглядом, помня свое оскорбление, и будучи уверенной, что оно было не первым и уж конечно не последним.

— Сама не знаю. Видимо решила, что постояв рядом со мной пару минут, какой-то джентльмен обратит на нее должное внимание, сравнив... если можно так выразиться, —

Майя в душе посмеялась над своей шуткой, а вот Соня посмотрела на нее укоризненно. Она никогда не воспринимала как должное сестрину самоиронию.

— Куда ты пропала днем? Встречала герцога? — Майя чуть не поперхнулась водой, которую отпила из стоящего перед ней стакана. — Уверена, услышь он все, что ты сказала тогда у меня в комнате, выглядел бы значительно печальней, чем сейчас, — в подтверждения ее слов, справа раздался хохот. А Майя осушила стакан двумя глотками. Да, в тот вечер, когда он уехал, а Соня убивалась из-за их так и не состоявшихся отношений, Майя была зла на него настолько, что, наверное, впервые в жизни сознательно желала ему всяческих невзгод, причем, побольше и сию же минуту, и даже дала сестре слово, что как только он вернется, скажет все это ему в лицо. Он вернулся, но вот только обещание она не сдержала, да и вряд ли у нее хватило бы на это смелости, да и желания.

— Я читала, как обычно читала, — Соня лишь покачала головой, не разделяя сестрину страсть, но тему развивать дальше не стала.

Подали горячее, и все закрутилось своим обычным чередом. Стучали приборы, поворачивались головы, сияли улыбки, переливались голоса. Каждый раз, когда как бы невзначай обводя присутствующих взглядом, Майя останавливалась на его светлости, происходило что-то странное. Он был увлечен беседой с окружающими его людьми, тоже улыбался, смеялся, говорил, поднимал бокал с тостом, чокался с дамами, при этом смотря им прямо в глаза, вынимая одним взглядом душу. И Майю это раздражало. Она бы чувствовала себя ужасно, как тогда, если бы он смотрел так на нее, но подмечать взгляды, адресованные другим, было неприятно. Если шла в столовую она с намерением учиться вести себя так же, как с самого начала пребывания тут независимо от того, есть он поблизости или нет, то постепенно Майя начала ловить себя на том, что элементарно следит за ним. Ловит краем глаза любые движения, отпивая из бокала, смотрит, как будто сквозь, но в реальности очень даже осмысленно. И пару раз, а может и не пару, они встречались взглядом. Ее, задумчивый, пересекался с его, и что заставляло клокотать в ее душе неизвестное чувство, совершенно безразличным, как будто, поставь рядом с ней шифоньер и стул, два последних предмета получают столько же внимания, как и она. И в момент осознания этого, сердце снова падало, опять фон, опять всего лишь фон.

Глупая, она опять думает, не о том думает. Такая серьезная, и такие наивные делает попытки оказаться незамеченной, может перед кем-то ей это и удастся, но только не перед ним. Неужели не понимает, что посмотри он на нее, так, как хочется ему, да и ей, спокойной жизни больше не жди. Нет, это невозможно, она уже на что-то обиделась. Понять женскую логику мужчине не дано. Вот только ее собственная логика не только непредсказуема, но еще и опасна.

Когда с едой было покончено, хозяин пригласил гостей выпить с ним за удачный урожайный год, который, дай Ях, грядет в его владенья. Отказавшихся не нашлось. Почти не нашлось — Витор покинул комнату под предлогом срочного дела, какого — не уточнял, а держать мужчину сестры не собирались. Его частую загадочность можно было простить хотя бы потому, что каждому было что скрывать, теперь-то Майя знала это точно, и лучшее, что мог сделать друг — не заметить тайны, даже если она его и интересуется.

Сегодня вечером вино и прочие напитки покрепче лились рекой. Не знавшие толком своей меры, девушки начинали хихикать и заливаться краской все чаще, шутки становились

все двусмысленной, и в определенный момент Майя поняла, что грань дозволенного уже перейдена. Она не судила присутствующих людей, ведь будь все чуточку по-другому, она бы возможно и сама чувствовала себя не менее расслабленно после третьего бокала игристого. Но лично ее, атмосфера совершенно не располагала к веселью. Единственное, что заставляло остаться, сидящая на диване неподалеку Соня. Покинув их на время, Витор сослужил плохую службу девушке, место возле которой занял уже достаточно веселый Малколм, не замечающий, а может не желающий замечать, натянутость Сониной улыбки и попытки отодвинуться подальше. На Майю же сестра оборачивалась каждый раз, ища немой поддержки и подбадривающего взгляда, чтобы потом опять с достойным видом выслушивать весь бред, который нес кавалер. Ведь, в сущности, он совсем не плохой, всего лишь глуповат, а сейчас еще и на удивление расхрабренный. Майя же ждала возвращения Витора, чтобы со спокойной душой оставить сестру на его попечение и незаметно выскользнуть отсюда. Такие развлечения ее совсем не прельщали. И темы разговоров тоже.

— Ну и что же, вы хотите сказать, что совсем не против так называемого многоженства? — Кэрри говорила уже с характерной писклявой интонацией. — Зачем же мужчине несколько жен, когда они спокойно заводят любовниц? — девушка сама же и посмеялась над своей шуткой, но она была не одна, посчитавшая ее остроумной. А вот Майя поежилась, ей стало еще менее комфортно.

— Но вы не думаете о бедных детях тех, кого называете любовницами. Одно дело бастард, и совсем другое — благородный сын своего отца, рожденный в браке, — оппонировавший ей Малколм как бы ожидая одобрения, посмотрел на сидящую рядом Соню. Та просто пыталась не прислушиваться к происходящему, сил выносить это уже не было, а покинуть комнату почему-то было еще сложнее. Складывалось впечатление, что ведется борьба без приза и победителя, а лишь с проигравшим — тем, кто первый признает своим уходом, что происходящее вышло за все рамки. Девушка смотрела на то, как в вине играют блики свечей, освещающих комнат, и ни поддерживать спорящих, ни самой вступать в спор не собиралась.

— Может в чем-то вы и правы. — Майя периодически оглядывалась на дверь, молясь, чтоб Витор вернулся побыстрее, тут становилось душно, винные пары будто облаком заполнили комнату, как и табачный дым, а бедняжка Кэрри все продолжала распинаться, явно желая доказать свою свободу выражать взгляды, — ведь куда же деваться девушкам, которым повезло чуточку меньше? Кто же возьмет в жены уроды, ведь так? А вот обзаведшись женой красавицей, можно подумать и о объединении капиталов с хромой дворянкой, или например, с девушкой с бородавкой прямо на носу, или... или косую... — она все пыталась выискать описание поярче, но Майе было понятно одно — это и есть месть. Ей мстят.

— А как же любовь? — вопрос задал стоявший у камина герцог. В отличие от многих, он хоть и держал в руках бокал, отпивал из него очень редко, взгляд у мужчины оставался ясным. Майя знала это наверняка, ведь отрываясь от двери, она вновь смотрела на него. А он, все так же, как и за ужином, этого даже не замечал, слишком она была незначимой фигурой. И от этого в девушке снова просыпалась обида.

Кэрри лишь хихикнула, посчитав, что герцог так пошутил, хотя выглядел он более чем серьезно.

— А что любовь? Восточные лорды уже давно держат целые гаремы. Так вот, я слышала, что на уродства сейчас самая цена. Все аристократы, кому не посчастливилось

иметь дочь с изъяном, соглашаются на эти «браки» без разбору. Ведь это выгодно. И никакая любовь тут значения не имеет. — Кэрри сделала театральную паузу, как охотник затаивает дыхание перед выстрелом. — Особенно много там девушек-анибальтов, — ну вот и он — выстрел. По комнате прокатился смешок. Соня отвлеклась от разглядывания рубиновой жидкости в бокале, а Майя лишь чуть сильнее сжала руку на деревянной спинке дивана, за которую держалась.

Далеко не в первый раз ей ставят в упрек ее изъян. И хуже быть не может. Ведь внешность мы не выбираем, над ней не властны. Но этого не объяснишь, а даже если и получится, то понимание, не означает приятие. Но вместе с нахлынувшей на нее обидой, Майя почувствовала и еще одно чувство, стыд. Снова стыд, и снова за себя. Но не перед Соней, не перед родными, а перед Дэрреком, за то, что было их общим воспоминанием, за то, что для него все было наверняка совсем не так, как для нее. За то, что он, возможно, один в этой комнате знал ответ на вопрос, который Кэрри задала следующим:

— Герцог, а как вы думаете, как же достойный лорд может породниться с семьей, в которой имеется урод? Ведь это может и передаваться, ведь не может он быть уверен, что его дети не родятся с изъяном?

Время, проведенное в этом доме, было назначено показать, что людские возможности действительно безграничны, и сердцу, которое уже лежит в пятках, еще есть куда падать. Кэрри решила одним ударом убить сразу двух зайцев, Майю унижить, а в голове Сони посеять сомненья насчет вины сестры в том, что ее отношения с герцогом так и не сложились.

Младшая Дивьер повернулась к чуть побледневшей Майе и отрицательно помотала головой, глаза ее так ясно говорили: «ты же понимаешь, ты же должна понимать, что это неправда. А даже если и правда, то он недостоин! Не ты! Он!», что не поверить ей, Майя не могла, но от этого не стало менее гадко на душе, все, на что ее хватило — незаметный кивок. Продолжая смотреть на сестру, Майя слушала ответ герцога на заданный вопрос, и казалось, все внутри начинает отмирать.

— Достойный лорд просто никогда не станет иметь дела с уродом. А если станет, то лишь для собственного развлечения, ну и для развлечения своих гостей, — например, как вот уже больше месяца, все присутствующие потешались над ни о чем не подозревающей Кэрри. Лезущей из кожи вон лишь с одной целью — привлечь к себе внимание. И оно было — внимание, вот только думала ли девушка, что внимание будет таким — вряд ли. Предмет насмешек, худшее сравнение. Дэррек сдерживался из последних сил, чтобы не выпроводить ее за дверь прямо сейчас, и скажи она еще слово, наверное, свершил бы задуманное.

Но мыслей читать люди не умеют, а «не станет иметь дела с уродом» и «для развлечения» стали той каплей, которая переполнила, казалось, бездонную бочку терпения Майи. Как ломаются вещи? Достаточно лишь приложить чуть больше усилий, чем способен вынести предмет. Души ломаются так же, а иногда они разбиваются вдребезги, когда поднять их над землей, а потом с размаху ударить о землю. Для собственного развлечения. И опять в памяти вспыхнули те ощущения, которые лишь отпустили ее измученную душу. Лишь для развлечения ее снова и снова бросают как тряпичную куклу о каменный пол. Смех присутствующих заглушил ее удаляющиеся шаги, в этой игре проиграла она, но это ее уже совсем не заботило.

Все стало вдруг неважным, хотелось только не расплакаться на виду у присутствующих. Не расплакаться на виду у него. И это не глупое желание казаться сильной, уйти с гордо поднятой головой — было последним шансом оставить хотя бы крупицу уважения к себе, хоть на еще один день, час, минуту.

Заметит ли кто-то, что она ушла? Конечно! Ведь она чувствовала себя как узник, которого ведут к гильотине через толпу зевак, получающих извращенное удовольствие от предстоящего убийства.

Бежать куда-то сил не было, а так хотелось умчаться... От себя, из этого дома, из этого мира, но вот только не было сил. Ноги сами несли Майю в комнату, как будто это последний уголок, не знающий еще ее позора. Для него она свою вину окупила, пожертвовав рисунки, там она опять сможет почувствовать себя не такой голой. Для развлечения гостей... Ну что ж, не зря она думала, что бояться следует двери в смежную со спальней герцога комнату, чужих глаз. Значит, так оно и есть, значит все уже в курсе, что она вот так просто, ради его забавы, отдалась, без сопротивления, без малейшего сопротивления. И даже больше — не прошло и трех дней, а она уже готова верить в его благородные намерения. Наивная дура! Урод не только снаружи, но и внутри.

Сердце билось так часто, что Майе не хватало воздуха, поднявшись по ступенькам вверх, она оперлась рукой о стену, пытаясь привести дыхание в порядок. Предательские слезы начали щипать глаза. Как раненый зверь, Майя могла думать только об одном — нужно спрятаться, спрятаться и там зализывать раны, или умирать, но главное не на виду. Оттолкнувшись от стены, она поплелась дальше. Еще трижды девушка останавливалась, прижимая горячий лоб к прохладным стенам. И как бы ни хотела забыться, в голове билось «дура! Какая же дура!».

Когда Майя добралась до двери, за пеленой слез не видно было уже ничего. Нажатие ручки, повеявшая оттуда прохлада, безопасность. Девушка не видела застывший силуэт в противоположном конце коридора, не слышала приближающихся шагов.

Дрожащими пальцами она попыталась закрыть дверь на ключ, но все, на что сподобилась, повернуть ключ в полуоборот, и снова ее подвели дрожащие ноги. Чтобы не упасть, она схватилась за стенку камина. Второй рукой Майя закрыла рот, ведь не знала, что вырвется из души вместе с больше не сдерживаемыми слезами, всхлип или крик, крик боли.

Майя не слышала ни того, как с размаху открылись двери, ударившись о боковую стену, не почувствовала потока воздуха, не слышала щелчка засова.

Увидев, как после его слов изменилось лицо Майи, Дэррек был готов убить и себя, и эту идиотку, из-за которой сказал то, что сказал. Как же еще она могла это воспринять? Что еще подумать? Слишком неуверенна она в нем, в себе, слишком неопытна, чтобы верить ощущениям, а вот словам — другое дело. Черт. Опять ее глаза будто умирали, опять она ставила эту стену, опять закрывалась в ракушку. И опять он в этом виноват. Когда Майя выходила, он готов был разнести тут все, лишь бы остановить ее, но вот чего это будет стоить ей? Остановить ее сейчас, значит разрушить жизнь. Этого делать было нельзя. И он стоял. Стоял и смотрел, как она уходит. Рвался изо всех сил и продолжал безразлично смотреть на огонь. Он считал до ста. Медленно, как только мог, представляя, что она опять себе напридумала. Медленно, думаю о том, закрыты ли все окна на втором этаже, спрятано ли оружие. Медленно, рассчитывая свой путь поиска. Сто. Он поставил на камин стакан,

сказал Дамиану, что устал с дороги, вышел.

Летя по ступенькам вверх, он просил Яха лишь о том, чтобы Майя оказалась у себя, где еще искать ее сейчас, Дэррек даже вообразить не мог. Двери мелькали перед глазами со скоростью света, зная дом на зубок, он мог сократить путь, но как зверь, пытался идти по следу, чтобы не упустить, ничего не упустить.

Дэррек не увидел, как она заходит в комнату, но вот хлопок двери услышал, догнал. С первого раза ручка не поддалась, но достаточно было небольшого усилия, и свет коридора проник и в комнату.

Витор пообещал Майе, что отлучится ненадолго. По правде говоря, ему просто не хотелось слушать очередные хвалебные оды в честь его светлости, а конюх не так давно просил его зайти, ведь после последней поездки его лошадь стала похрамывать. Оказалось, у бедняги воспалилась заноза, пришлось повозиться. Поэтому он и задержался, а перед тем, как вернуться в общество, зашел в комнату, чтобы сменить порядком испачканный жакет. Сцена, разыгравшаяся перед ним, заставила остолбенеть. Увидев перед собой силуэт женщины, а особенно опознав в нем Майю, он хотел было подойти, вот только слишком она странно себя вела. И как бы разум ни говорил ему, что девушке нужна помощь, интуиция кричала не вмешиваться. И он остался стоять. Стоять и смотреть на то, как девушка, шатаясь, возвращается в свою комнату, как за ней следует еще одна тень, на этот раз мужская, которая могла принадлежать лишь одному человеку. И как эта тень, не церемонясь, заходит вслед за старшей Дивьер, даже не входит, влетает, не заботясь о двери, не оглядываясь по сторонам. И, будь он не ладен, почему-то и в голову ему после всего этого уже не пришло, что его помощь там нужна.

Майя, во что же ты впуталась? И представляешь ли ты, чем все это обернется?

Как бы он не относился к Дэрреку, оставить увиденное в тайне был обязан, ради Майи, ради Сони, так будет лучше. Последнюю, он встретил поднимающейся по лестнице, встревоженную, не способную внятно объяснить, что произошло.

— Я только что видел Майю, она сказала, что слишком устала, отправилась спать.

— Я пойду к ней, — Соня снова подхватила юбки, собираясь мчаться на помощь к сестре.

— Не надо, — он был тверд, возможно, впервые настолько решителен с ней. — Майя просила передать, что к ней не нужно заходить, она последнее время слишком крепко спит, может и не услышать.

— Но ведь... — Соня очень хорошо помнила, как выглядела сестра в гостевой.

— Не надо. Соня, — чтобы смягчить впечатление от слишком сурового тона, он положил бережно ее руку на свой локоть, разворачивая девушку назад. — Лучше вернемся ко всем, наверняка сегодня вечером было много занимательного.

— Нет! — девушка почти выкрикнула отказ. Для себя Соня решила, что ни за какие деньги не вернется в это логово язв и негодяев. А еще... они все же уедут! Завтра обязательно уедут! Не стоит ее гордость таких страданий сестры. — Только не туда.

— Тогда смотреть на звезды. — Витор указал на веранду.

Главное сейчас для него было то, чтоб Соня позабыла на сегодня о поисках сестры. Вряд ли она будет рада, обнаружив ту в компании с герцогом, а с остальным он будет разбираться уже завтра.

Майя стояла спиной к двери, ухватившись за угол камина. Тишину разрывали ее всхлипы, мешающие дышать, отчаянные. Дэррек резко развернул ее, прижав к стене, чтобы взглянуть в лицо. Пытаясь скрыть слезы, она отвернулась.

— Майя, — он позвал тихо, боясь испугать. — Ты слышишь меня, Майя? — вопрос остался без ответа.

Лучше б она кричала, потому что безразличие пугало куда больше.

А он знал лишь один способ ее растормошить, прижав еще плотнее к стене, Дэррек впился в губы, без нежности, не лаская, а заставляя проснуться, выйти из этого безразличного состояния, начать сопротивляться, и не прогадал. Еще секунду назад безвольное тело заметалось в его руках, правда лишь помогая удобнее ее перехватить.

Пытаясь вырваться, Майя забила своими кулачками по плечам, спине, куда доставала. Дэррек же лишь еще больше усилил нажим. Она снова попыталась его укусить, но на этот раз пострадала уже не губа, а язык.

Боясь, что ей просто не хватит воздуха, Дэррек сделал шаг назад, но лишь на секунду, потому что девушка, испугавшись возможности упасть, лишь сильнее прижалась. Подхватив Майю за талию, он устроил ее удобней и для себя, и для нее.

Пытаясь же высвободиться, Майя порвала рукав мужской рубахи, но ни он, ни она внимания на это не обратили, слишком были заняты боем, в котором заранее был известен победитель.

— Прости... — он чувствовал, что ее сопротивление слабнет, руки, которые еще мгновение назад растерзали его рубаху, теперь обвили шею, пытаясь прильнуть еще ближе.

Уворачиваясь от очередного поцелуя, который снова ломает ее сопротивление, Майя понимала, что сдается, голова кружилась, в горле пересохло.

— Нет... — пытаясь бороться не только с ним, но и с собой, девушка схватилась за волосы мужчины на затылке, вот только должного эффекта это не произвело.

Майя чувствовала теплые ладони на голой коже ноги, вслед за скатившимися чулками, они щекотали кожу, сжимались и разжимались, выжигая за собой клеймо. А губы в это время продолжали терзать шею, грудь, когда шнуровка на платье успела ослабнуть, она уже не знала. Рука, зарывшаяся в мужские волосы, больше не тянула назад, а лишь направляла движения губ.

Вернувшись к лицу, Дэррек снова прошел по соленым дорожкам на щеках, пытаясь залечить рану, оставленную им же и всем миром.

— Прости... — теперь он целовал ее нежно, но жадно, чтобы заглушить повторяющийся ответ.

— Нет... — если на действия она реагировала полной капитуляцией, то разум сдаваться не собирался. Как бы она не хотела, чтобы руки продолжали гладить, губы целовать, а тело прижиматься, она ощущала все ту же боль, все ту же муку.

Пальцы ее не слушались, пытаясь справиться с рубашкой, она позволила распустить себе волосы, незнакомая пульсирующая боль собралась комом где-то в животе, поцелуев ей было мало, ей нужен был он весь, ей нужна была та уверенность, которую получить она могла только так. Помогая ей с рубашкой, Дэррек разорвал ее окончательно, а когда холодный пальцы скользнули по голой коже спины, потерял контроль, который так долго пытался сохранить.

— Прости... — он вошел резко, но ни одна боль не могла сравниться с возникшим чувством спокойствия. Майя выгнулась в надежных объятьях, сдерживая рвущийся с уст ответ. Мир остановился, время остановилось, ничего не существовало. Ни земли, ни неба, ни людей, ни дня, ни ночи, лишь они одни.

Продолжив движение, Дэррек принимал как сладкое наказание и царапины, оставленные на спине, и тишину в ответ на его просьбы, и подставленную вместо губ шее. В голове билось только одно слово: «моя» и он повторял его вслух.

— Слышишь, ты моя, — Майя лишь еще сильнее впилась в мужские плечи. — Моя, — с каждым движением он повторял:

— Не отпущу, — вопреки отчаянным попыткам сдержаться, стон все же сорвался с девичьих губ. — Не отдам. Даже самой себе, — он нашел ее глаза, хотел быть уверенный, что она слышит и понимает. — Даже самой себе. Слышишь? — а потом опять губы, руки, все самое сокровенное, самое личное, и не только тело готово раскрыться перед ним, но и сердце, то, которое им же и разбито, оно опять хочет сотни раз разбиваться лишь бы потом он повторял эти слова. — Моя, не отдам.

И она ответила, душой, разумом и телом. И каждый раз да, и еще сотни раз да, всегда да.

Майя проснулась, вынырнув из сновидений. Видимо, она вздрогнула, потому что тяжесть на животе чуть ослабла, крепко спящий Дэррек убрал руку. Девушка выскользнула из постели, опустив голые ноги на пол, тело покрыли мурашки. Она подняла лежащую на полу простынь, завернулась в нее.

Как жалко, что у нее в комнате нет балкона, зато можно открыть окно. Нет, было совсем не жарко, но почему-то тяжело дышалось, даже спящий, он давил одним своим присутствием.

Девушка открыла окно, вдыхая свежий воздух полной грудью. Так она впустила мир туда, куда казалось, дорога ему заказана.

Опять она сдалась перед его желаниями и, кажется, перед своими. Опять у нее было миллион вопросов и ни одного ответа, опять все было слишком сложно. Не приди он, что было бы? Сидела бы она до сих пор там, под дверью, пытаясь задушить свои рыдания, или уже успокоилась бы, пережив и это? А возможно, стояла бы вот как сейчас, только думая не о том, что волнует теперь, а о том, как легко сделать шаг и покончить с мучениями наверняка.

А потом ведь вновь будет утро и вновь все будет непонятно. Вновь она будет страдать из-за него, из-за себя. Вот только только жалеть она больше не будет. Почему-то в этом Майя была уверена. Она больше не жалела обо всем, что произошло, не могла лицемерить перед собой же. Пусть утром окажется, что это очередная прихоть, пусть весь мир осудит ее, в памяти останется тот жар, который рвет тело изнутри, раскладывая тебя на кусочки и собирая обратно. Это у нее уже не отнять ни одним в мире унижением.

— Майя? — она не заметила, как мужчина проснулся, не слышала звука шагов, но, тем не менее, оклик ее не испугал.

Проснулся Дэррек от того, что вместо ожидаемого теплого тела, которое хотел прижать крепче, почувствовал ветерок, поймал лишь холодную простынь. Открыв глаза, Дэррек сразу увидел силуэт у окна. Неужели собралась прыгать? Нет, просто дышит, во всяком случае, пока. Не желая спугнуть, он подобрал лежащие на полу штаны, от рубахи остались

одни ключья, а где сапоги, он не имел ни малейшего понятия. Подойдя, мужчина сначала стоял беззвучно, не желая мешать — не важно, о чем она шепчется с ночью, они имеют право на свои тайны.

Майя повернулась.

— Почему не спишь? — ему нравились ее волосы, особенно когда сквозь них просачивался лунный свет, как сейчас. Удержаться от того, чтобы не захватить одну прядь в плен, он не смог, девушка же только закрыла на миг глаза, наслаждаясь касанием.

— Пытаюсь понять, — наверное, впервые она смотрела в глаза без смущения, без страха, без пелены страсти.

— Себя или меня?

— Вас.

Дэррек схватился за раму, чтобы закрыть окно, ночь достаточно свежа, а ее «одежда» не создавала даже видимости тепла, но она остановила его легким прикосновением, не хотела опять оказаться один на один с ним, пусть чувствуется, что мир никуда не исчез.

— Зачем вам это? — а потом задала главный вопрос, получив ответ на который, ей казалось, жить станет легче.

— Что это? — раз уж она хотела предельной откровенности, нужно было начать с того, чтобы называть вещи своими именами.

— Я.

— А как ты сама думаешь? Развлечение... Или что-то другое? Во что легче поверить?

— Я не хочу больше верить, — Майя снова отвернулась к окну, не хотела она получать в ответ на свой вопрос встречный, не хотела загадок и попыток заставить ее думать так, как нужно ему. Она хотела простых ответов на простые вопросы.

— Посмотри на меня, — Дэррек сам попытался заглянуть в лицо, отворачивающейся от него Майи. — Пожалуйста, — она оглянулась, с недоверием — непривычно слышать от него просьбу. — Почему ты не веришь, что можешь привлекать не только как объект насмешек? — наверное, глупый вопрос, но и ему нужно было знать, с чем он борется.

— А это не очевидно? Может для вас это станет новостью, но я отражаюсь в зеркале, — она указала куда-то за его спину. Дэррек оглянулся, так и вправду висело зеркало.

А потом все произошло очень быстро и неожиданно — мужчина подхватил ее на руки. Несколько секунд, и она уже стоит у того самого зеркала, на которое только что указывала.

— И что ты видишь? — Майя попыталась посмотреть на себя, но жалкое зрелище, открывшееся взгляду, вызывало лишь желание отвернуться. Растрепанная, бледная, даже больше, чем обычно, обмотанная простыней, как саваном. А вот он был красив, ему шла и беспорядочная прическа, и глаза не были запухшими, в полумраке он даже стал моложе.

— Урода. Я вижу уроды, как видела вчера, два года назад, и увижу завтра, — это он хотел услышать? Этого добивался?

— А знаешь, что вижу я? — он собрал ее волосы, оголив сначала плечи, а потом и шею, подняв их на затылок. Майя лишь сглотнула, ощущая странную смесь страха, предчувствия и еще чего-то, название чего не знала. Она только внимательно следила за всеми происходящими манипуляциями, боясь пошевелиться. — Я вижу глаза, которые меняют цвет, например, когда я целую тебя вот так... — он склонился к девичьему плечу, тронув губами выступающую ключицу, — они становятся темно-синими. Ты этого не знала. Не могла знать, потому что не видела себя такой. Такой, тебя видел только я. — Майя могла поклясться, что так и есть — глаза темнели, а от места поцелуя будто искорки расходились

по всему телу. — Я вижу губы, которые редко улыбаются, а еще, которые созданы для того, чтобы я их целовал. Я вижу щеки, которые розовеют на глазах, стоит мне сделать так... — Дэррек разжал ее пальцы, державшие простынь. Загипнотизированная взглядом в зеркале и словами, она даже не сопротивлялась. Ткань упала к ногам, оставив ее совершенно нагой и беззащитной. А щеки и вправду запыхтели. — Теперь я вижу еще больше, но хочу смотреть в глаза, потому что они опять меняют цвет. А знаешь, когда я вижу урода? — он повернул девушку лицом к себе, смотреть на нее было приятно, но вот только это сильно отвлекало.

К тому же, она снова боится. Опять сжалась, боится получить еще один удар под дых. Еще не знает, что тот был последним. Больше такого не повторится, уж он об этом позаботится. — Когда недалекие люди судят о том, о чем не имеют представления. Когда считают возможным решать, что хорошо, что плохо, что красиво, а что уродливо. Думаешь, я недалек? — он явно ждал ответа.

Майя покачала головой.

— Думаешь, я смог бы желать урода? — откуда же она знала? А тем более, откуда она знала, какого ответа он от нее ждет? — Нет. Не смог бы. Именно поэтому, никогда на этом месте не оказалось бы Хэпперн. Она — настоящий урод, недочеловек. Думаешь, может гнилое нутро быть красивым? Нет. Думаешь, лишь тело сводит с ума? Поверь, этот пыл быстро остывает. Точнее даже не возникает.

— Но Соня... — ведь в ее сестре сочеталось все то, что должно было служить наживкой, от которой он не смог бы так просто отказаться, так просто заменить одну на другую.

— Мне нужна была ты. И сейчас нужна ты. Неужели так сложно в это поверить сейчас, после всего? Насколько же ты не веришь людям, — он сказал последнюю фразу задумчиво, не требуя ответа.

— Я не могу верить вам, я не понимаю... — она ответила честно, как бы не старалась, верить не получалось, слишком это было похоже на ее несбыточные мечты.

— Чего? Зачем я просил тебя о переводах, зная наизусть прочитанные тобой книги? Что знал — лишь у одной девушки в этом доме есть платье с бабочками, которое предательски выглядывало из-за полки, когда ты пыталась спрятаться в библиотеке? — изумляясь, Майя открыла глаза еще шире, значит, он ее заметил... И, Ях, ведь тогда и говорить он мог это зная, что она слушает, и реакцию ее предвидел, а той запиской только подтолкнул.

Дэррек отмечал, как меняется выражение ее лица, с ней нужно было только так — лишь подтолкнуть и дать время понять самой. Только тогда она принимала мысли за чистую монету. Майя и вправду как будто прозревала, кусочки складывались в одно целое, и от того, какой же глупой она была все это время, как глупо выглядела, Майя опять почувствовала жгучий стыд, опять закрыла лицо руками. Дэррек поднял простынь, укрыв ею девичьи плечи.

— Ну что, опять почему? — он склонился к ее уху, не нужно от него отгораживаться, ведь руки не помеха. — Или зачем? Развлечение ли? — она опустила руки, сдаваясь. Неужели, неужели такое возможно? Неужели с ней? Неужели тот, о ком она грезила сейчас стоит перед ней, признаваясь в том, что она ему нужна?

— Я верю, — она сказала это тихо, больше для самой себя, чтобы предать уверенности в своих словах.

— Что? — он прекрасно все расслышал, просто хотел триумфа, и для себя и для нее.

Дэррек аккуратно, двумя пальцами поднял ее подбородок, так, чтобы она сказала то же

ему, а не стенке или уткнувшись в грудь, в глаза, осознано, понимая, что соглашается на то, что он мог ей предложить.

— Я верю, — еще тише, вот только даже промолчи она, иногда во взгляде прочесть можно больше.

— Ях, я надеюсь, ты понимаешь, что даже моли ты о пощаде, я тебя уже не отпущу... — он снова приближался к ее лицу.

— Так не отпускай, — и опять, мир закружился каруселью вокруг них двоих, в ту ночь, он учил ее доверять и сам учился чувствовать что-то новое, а она взлетала все выше, не боясь упасть, ведь есть тот, кто поймает, удержит.

Глава 14

Уже третий раз к ней стучалась горничная, сначала — по поручению леди Сони, потом дважды, спрашивая нужна ли ей помощь в подготовке, чтобы спуститься к завтраку, а потом занести ли ей завтрак, который она пропустила. Все три раза Майя просто не слышала. Возможно, какой-то стук и раздавался, вот только это не мешало девушке смотреть сны дальше.

Но наконец-то день взял верх над такой длинной ночью и для нее. Она открыла глаза, забросила руки за голову на разметанные по подушке волосы. Настала пора попытаться понять, где же был сон, а где явь, и по правде, она бы с радостью лежала так и дальше, не осмелившись осмотреться и увидеть, что сном оказалось все, что вчера происходило. Майя нервно выдохнула, и лишь потом повернулась. Соседняя подушка пустовала. Не было ни его, ни хоть какого-то опознавательного знака. Поднявшись на локти, Майя взялась осматривать уже всю комнату. Платье лежало на кресле, как оставила бы она сама, раздеваясь ко сну, туфли — у кровати, в комнате полнейший порядок, окно закрыто. Из-за досады ей захотелось зарыться обратно в мягкую постель, а еще больше из-за того, до чего же она докатилась, жалея о таком! Девушка так и сделала, уткнулась носом в подушку. Вот бы задохнуться, чтобы не пришлось больше так разочаровываться. Может минуту, а может больше, она так и лежала, не издавая ни звука, и вдруг расплылась в улыбке, еле сдерживая смех — его запах. Повсюду его запах, который за ночь стал уже таким знакомым.

Вот дура, чему она радуется? От чего не может сдержать ликования? Девушка пыталась заставить себя устыдиться, но никак не получалось. Она могла лишь глупо улыбаться в подушку, чувствуя, что в животе летают бабочки, щекоча своими крыльшками.

Горничная вновь постучала лишь тогда, когда Майя была уже готова выйти. Сегодня она потратила на выбор платья как никогда много времени, отбрасывая одно за другим в кучу. Почему вдруг? Хотела выглядеть... красиво.

— Да, — Майя отправила платье, оставленное на стуле, к остальному вороху, оно, как оказалось, не пережило ночь без потерь, чуть порвалось в нескольких местах, а потому оставлять его на видном месте не стоило.

После пробуждения, она исследовала платье и комнату в целом достаточно тщательно. Хотела убедиться, что ночных следов пребывания здесь гостя действительно не осталось, а те, что остались, лучше бы спрятать. Сделала это не зря — на полу нашла запонку. Подняла, покрутила у глаз. Красивая, с зеленым камнем, наверняка не простая. После первой находки Майя еще несколько минут провела в поисках ее пары, и лишь уверившись, что ее здесь нет, решила отдать хозяину запонку-одиночку при первой же возможности. А пока спрятала в шкатулку.

— Леди Майя, мне поручили помочь вам со сборами, — потерявшая всякое терпение горничная не нашла ничего лучше, чем обратиться к гостье через дверь. Сидевшая у трюмо Майя резко повернулась, направилась к двери.

— Какими сборами? — возможно, дверь она открыла слишком резко, возможно, напугала беднягу, но это сейчас не столь важно.

— Как с какими? Вы ведь переезжаете, а тут пока сделают все необходимое, чтобы

справиться с протекающей крышей, — настороженная девушка указала пальчиком куда-то Майе за спину. Та обернулась. В последнее время ей было не до этого, потому она и думать забыла о пятне на потолке, растекавшемся во время каждого дождя, но так как дождей последнее время и не было, проблема исчезла сама собой. — Почему не спросили моего мнения? — Майя, конечно, понимала, что справляться об этом нужно не у горничной, но была слишком удивлена, чтобы смолчать.

— Не имею ни малейшего понятия, миледи, его светлость просили, чтоб вы к нему зашли, наверное, по этому же поводу, простите, мне работать нужно, — она поднырнула под рукой, а оказавшись в комнате, принялась потрошить только недавно перевернутый с ног до головы шкаф. Майя не знала, чьей наглости возмущаться больше — хозяина, решившего переселить, даже не поинтересовавшись ее мнением, из комнаты, к которой она только начала привыкать, или горничной, так рьяно исполняющей его приказы.

В конце концов Майя решила, что лучше уж выяснить все с тем, кто это приказы раздает. Спросив, а где искать его светлость, девушка отправилась в кабинет.

На этот раз, постучав, Майя не спешила ворваться в кабинет. Она чинно ждала, когда ей разрешат войти.

— Прощу, — еле слышное, но очень скоро все же разрешили.

Он сидел за столом, откинувшись на спинку, руки на поручнях, длинные ноги вытянуты — это видно по выглядывающим носкам туфель. Совершенно расслабленный, отдыхающий перед тем, как опять углубиться в какие-то жизненно важные дела.

Увидев его, те самые бабочки, которые, видимо, теперь навечно поселились у нее внутри, опять затрепетали, заставляя глупо улыбаться. Майя приложила максимум усилий, чтобы этого не делать.

— Герцог, — леди Дивьер сделала реверанс, — я не планировала никуда переезжать, меня вполне устраиваем та комната, — все, зачем она сюда пришла, нужно было сказать до того, как мысли опять разбегутся, оставив только те, которые она контролировать не могла, и все, как одна, связанные с ним.

Дэррек расплылся в улыбке, ушел он рано, еще до рассвета, не желая ее разбудить. Не оставлял ни записок, ни еще каких-то подобных глупостей, ведь теперь-то мог сказать ей все, что захотел бы, в лицо, а все утро, пытаясь работать, почему-то постоянно отвлекался на мысли о ней.

— Дэррек. Майя, Дэррек, — он встал, обошел стол. Пока мужчина приближался, Майе хотелось с визгом убежать, и в то же время остаться, а то и рвануть на встречу. Странные чувства, рвущие ее изнутри, но вызывая не боль, а лишь истому, ожидание. Он подошел почти вплотную, заставив ее тем самым вскинуть голову, поклонился в лучших традициях институтов благородных девиц, а потом снова обвил ее талию своими руками, притягивая ближе. — Сколько мне ждать, леди Майя, — уже не впервые он обращался к ней именно так, но теперь она отметила, что в его исполнении такое обращение ей нравится, пусть и хочется опять смеяться. — Чтобы вы соизволили опуститься до того, чтобы обращаться ко мне по имени? — он поймал кончик хвоста, достававшего до поясицы, легонько потянул, заставляя запрокинуть голову еще выше. — А? — он ждал ответа, а она, забыв обо всем, любовалась, просто любовалась, пытаясь впитать глазами все до единой детали, забрать в себя это воспоминание. — Ну же, это не сложно, — он наклонился к ее губам, — Дэ...- легкий

поцелуй. — Ррэк... — еще один. — Дэ-рре, — снова разделяя слоги поцелуями. — Сможешь?

— А если кто-то войдет? — она не отстранялась, и в сущности даже не волновалась, просто какой-то, еще не забытый голос привычной осторожности, предупреждал, что это не безопасно.

— Самоубийц среди населения дома, я думаю, нет. На моей памяти, только однажды такое сошло с рук. Дай-ка я припомню когда... — вспоминая, он снова припал к ее губам, — вспомнил, одна невоспитанная девчонка тогда пришла ко мне разбираться со мной же за мои гнусные намерения, вот только ей это не слишком удалось. Я их таки реализовал. — Майя покраснела, вспомнив, с каким рвением тогда влетела в кабинет, как разговаривала, о чем вела беседу. Продолжая свою сладкую муку поцелуями, он все дальше отводил ее от того, зачем она сюда пришла, а ведь у нее был законный повод возмутиться, вот только не было на это возмущение сил. — Нет, так мы ничего не решим, лучше сядь, — он выпустил Майю из объятий, мягко усадил в кресло, сам обошел его, остановившись перед столом.

— Я отдал распоряжение, чтобы твои вещи перенесли в другую комнату.

Еще пребывающая в дурманящем состоянии, Майя не сразу вспомнила, что же в этом факте ее смущало больше всего.

— Вы? — затуманенные глаза отливали бирюзой. Дэррек лишь рассмеялся, наклонился к девушке и коснулся указательным пальцем кончика носа.

— Я. Хотя изначально, о том, что там протекает крыша, услышал от Сони, а не от тебя. Неужели я настолько страшный, что лучше спать в сыром чулане, чем обратиться к хозяину дома с тем, чтобы он что-то по этому поводу предпринял? — Дэррек не ждал ответа, как и не хотел поставить такое отношение в укор, лишь надеялся, что впредь она будет учиться полагаться на него.

— Но меня даже не спросили! — понемногу привыкая к влиянию его присутствия, Майя вспомнила о том, что принудительная смена комнаты, в общем-то, ее возмущала.

— Спросили, желаешь ли ты остаться в протекающем чердаке, или перебраться в нормальную комнату? — Майю обидело такое пренебрежительное отношение к ее уголку в этом доме. Неужели после всего, что вчера в ней произошло, для него значение имела только протекающая крыша?

— Этот чердак подходил мне в самый раз, — она блеснула глазами. — Я не хочу переезжать, — правда скорее попросила, чем потребовала.

Он хмыкнул ее упрямству, но спорить не собирался.

— Я уже поручил плотникам заняться укреплением того угла крыши. Если как-то утром вы, леди, — опять сделал ударение на последнем слове, — проснетесь от того, что в окно постучится славный мужчина, чтобы пожелать вам доброго утра и заняться заколачиванием гвоздей, помните, я вас предупреждал.

— Это нечестно! — злиться она не могла, но обида становилась все сильнее. А вот в его планы на сегодня ссоры, а тем более ее обиды, не входили. Он опять наклонился, чтобы их лица находились на одном уровне.

— В гостевой части дома свободных комнат, к сожалению, уже нет, — до того, как Майя успела представить себе, как ночует на конюшне, он продолжил. — Не посчитаете ли вы слишком компрометирующим, если я предоставлю вам одну из комнат в блоке хозяйских спален? — пока обида в глазах сменялась сначала замешательством, а потом пониманием, Дэррек, следивший за этим с любопытством, не удержался от того, чтобы дотронуться до

мягкой щеки губами, встал, протягивая девушке руку. — А теперь, как хозяин дома, в качестве компенсации, я проведу вам экскурсию в сторону ваших новых покоев.

Когда они подошли к смежной со спальней герцога двери, оттуда как раз выходила еще одна служанка. Вся кухня гудела утром о том, что одну из гостей переселяют в соседние с хозяйскими покои. С одной стороны, гостевых комнат и вправду уже не осталось, и это — единственная комната, которая в доме никому не принадлежала, но вот только зная все сплетни о своем герцоге, и, в общем-то, не хуже зная его нрав, обитателям кухни не верилось в то, что это все спроста. Правда, уже через пятнадцать минут тревога была объявлена ложной. В хозяйскую часть переселила бедняжку анибальта, а в ее комнате и вправду текло с потолка. К сожалению, жажда новых сплетен себя не оправдала.

Дэррек впустил Майю в комнату, закрыв за ними дверь. Девушка оглянулась с опаской, а вдруг кто-то захочет зайти, а тут закрыто? Но потом решила, что пора учиться полагаться. На него. Ее глазам открылась светлая спальня в персиковых тонах, на полу лежал мягкий светлый ковер, мебель из выбеленного дерева, на стене картина — морской пейзаж. Пространства больше чем в той, где она жила до этого, но вот окно тут было маленькое, не идущее ни в какое сравнение с тем, которое пребывало в ее распоряжении раньше, а тем более тем, которое тянулось во всю стену в комнате Дэррека.

— Все так плохо? — он взял ее ладонь в свою. Видимо, выражение на ее лице было слишком скорбным, хотя особого повода и не было, комната отличная, а остальное — дело привычки. — Это еще не все, остался один сюрприз, — он потянул ее к дальней стене. — Узнаешь?

Майя лишь непонимающе посмотрела на провожатого. Дверь как дверь, ничего особенного.

— Ну как же? Может, так узнаешь? — он провернул замок и подтолкнул ее вперед. Они попали в соседнюю комнату, тут она уже однажды была. Все тот же темно-зеленый балдахин, те же кресла, камин и окно, свет из которого заставлял все находящее тут стекло блестеть и переливаться. — Вот что скрывалось за дверью, которая тогда так тебя испугала. — Дэррек подтолкнул ее чуть вперед. Закрыв за собой дверь, он скользнул пальцами по девичьей шее, потянул за бантик, держащий сборки на плечах, освобождая пространство для поцелуев. — Ну что, сохранишь эту маленькую тайну? Ключ я оставлю с той стороны, вольна его закрыть, — чувствуя, что Майя не отвечает ни на слова, ни на действия, он заглянул в растерянное лицо. — Что такое? Хочешь обратно в свою комнату? — если ей это так важно, пусть так. Он найдет другой способ проводить вместе дни и ночи без риска для нее.

— Нет, — она снова осмотрела комнату, вернулась к двери, открыла, вышла. Он остался стоять, ожидая ее решения. Когда через минуту девушка вернулась, Дэррек неожиданно для себя понял, что нервничал и не имел и малейшего понятия, ждать ее или уже нет.

Майя подошла к Дэрреку, держа руки за спиной, остановилась, внимательно заглядывая в лицо, любимое, но до вчера еще такое недосыгаемое, а потом вытянула вперед руку. Он повторил ее движение, не до конца понимая, что она задумала, и тут из разжатых пальцев ему в ладонь упал ключ. Она приняла решение доверилась ему всецело, и теперь он должен был это доверие оправдать. Отдавая ключ, Майя соглашалась на предложенную ей роль, не претендуя на большее. Пусть ее сказка продлится месяц, пусть потом она уедет, и больше не

встретит его, пусть он ее тут же забудет, вернется к прошлой или найдет следующую, но свое право на счастье, пусть и короткое, она заслужила. И она готова попробовать.

Лишь покинув предоставленную ей комнату после наглядной демонстрации, на что же она согласилась, Майя подумала о том, что должна предупредить о переезде Соню. Показаться на глаза сестры после того, как вчера пропала. Ведь она наверняка стучала в комнату, искала утром, в противном случае, это была бы не ее сестра.

Вот только первым из обитателей ей на глаза попал тот, кого она хотела видеть меньше всех.

— Майя, — Кэрри сделала книксен, чего раньше за ней не наблюдалось. Майя остановилась, чувствуя с одной стороны страх, на уровне инстинкта, ведь раз обжегшись, не хотелось повторений, а с другой она верила обещанию Дэррека, что Дамиан усмирит эту девку, иначе гостям придется слегка сократить пребывание в этом доме. Майя не знала, каким образом друг герцога будет усмирять, но в том, что желанного результата добьется, сомнений не было.

— С добрым утром. — Майя лишь склонила голову, ее титул позволял в этой ситуации поступить так, и честно сказать, наверное, впервые Майя этим правом воспользовалась, до этого искренне считая, что подобные попытки показать, что ты значишь больше чем твой собеседник — мелочность.

— Если я была резка вчера, прошу меня простить, — девушки смотрели друг другу в глаза. Вот только ни в одних не читалось извинение, ни в других вера в раскаянье. Обе прекрасно понимали — это просто формальность, и она соблюдена.

— Были, извинения принимаются, — Майя хотела пройти мимо, не дав Кэрри возможности наговорить еще каких-то гадостей, пока никто не слышит.

— Одного не могу понять, — но она развернулась за Майей, обращаясь уже к ее спине, — почему же, когда вам было нанесено оскорбление, воздыхатель вместе с вашей сестрой, вместо того, чтобы поддерживать пострадавшее самолюбие, воркуют как голубки на веранде? Неужели не обидно?

Майя не замедлила шаг, не развернулась, не ответила. Ведь теперь она еще больше хотела увидеть сестру. И нет. Кэрри даже не представляла, насколько не обидно.

— Майя, — Витор склонил голову, завидев вышедшую на веранду девушку.

Та обернулась. Мягкий поворот головы, адресованная ему улыбка, казалось, старшая Дивьер не ведала никаких забот. Витор же смотрел на нее оценивающе. У него не возникало ни малейшего сомнения, с какой целью люди остаются наедине за закрытой дверью, особенно когда это касается Дэррека, но вот только Майя? Зачем это ему и как она опустилась до того, чтобы записаться в его любовницы? Неужели так просто было предать сестру? Ведь та искренне страдает, и хоть он сам отчасти рад был такому повороту, в то же время не мог расслабиться — элементарно не знал чего ждать от этой связи, и вот это заставляло напрячься.

Презирал ли он ее, как стали бы, наверное, все, присутствующие тут, да и просто знакомые ему? Нет. Он ее жалел, ведь какие бы ни были мотивы герцога, ей точно не поздоровится, испытать горя придется прилично. И Витор чувствовал свою ответственность за

это — как друг, как брат, как тот, кто мог повлиять и просто ушел. Этот вопрос не давал ему покоя весь вечер и утро: почему не постучал, почему не вошел, почему не окликнул, в конце концов, зачем остановил Соню? И ответ был один — интуиция, на которую так часто ссылаются представительницы прекрасного пола. Вот только она ли одна? И опять он признавался сам себе, что не будет использовать то, что произошло вчера, в своих целях, не придет к герцогу со сделкой: голос за молчание. Просто потому, что та, которая направляется сейчас к нему, не заслуживает знать, что ее честь не стоит того самого голоса, что любовник скорее уничтожит ее, чем согласится отступить от своего глупого принципа.

— Витор, а где Соня? — Майя сделала реверанс, не обратив внимания на насупившегося собеседника. — Она куда-то ушла? — девушка осмотрелась по сторонам, пытаясь убедиться, что не упустила сестру из вида. Да, ее тут не было, в другом конце веранды на шезлонгах устроились две барышни, по тропкам перед домом тоже прогуливались люди, но Сони среди них не наблюдалось.

— Не имею чести знать, леди Майя, как ваше самочувствие? — Майя удивленно подняла бровь, — Вы не спустились к завтраку... Я подумал, что опять нездоровится.

— Нет, все хорошо, просто в моей комнате будут что-то делать с протекающей крышей, мне пришлось перебраться, — теперь-то Майя видела, что Витор не такой, как обычно — чуть резковат. Может вчера что-то произошло у них с Соней? — А как у вас дела? Все хорошо? — она участливо заглянула в лицо друга, может сестра что-то учудила? И ее совет будет очень кстати?

— У меня? Все отлично, — он хотел что-то добавить, но, видимо, передумал, отвернулся на какую-то долю секунды, а потом снова взглянул на нее. — Майя, вы ничего не хотите мне сказать? Точнее спросить, может совета? — конечно, он не предлагал ей прямо тут, на глазах у всех, обсуждать личные дела, но достаточно было малейшего ее сомненья, и он смог бы повлиять, уберечь от еще больших ошибок, чем те, которые она уже совершила.

— Нет, — Майе казалось, что Витор ведет себя более чем странно. Совета? Какого? Не секунду внутри у девушки все похолодело, а вдруг он все знает, вдруг в этом причина поведения? Но она тут же попыталась себя успокоить, тем, что это невозможно. Откуда он мог узнать? И даже знай он все, скорей всего просто не стал бы разговаривать.

Витор в ответ только задумчиво покачал головой. Ну что ж, он и не ожидал другого ответа. Майя, Майя, неужели ты не понимаешь, как плохо это может закончиться?

Их молчаливый диалог прервала Соня, которая увидела сестру из окна гостиной и поспешила к ней.

— Где ты пропадала? Мне нужно с тобой серьезно поговорить. Витор, вы нас простите? — Соня взяла сестру за руку, готовая тянуть ее на прогулку силой. Мужчина улыбнулся так, будто и не было этой его странности еще минуту назад.

— Конечно, — получив удовлетворительный ответ, Соня деловито кивнула, развернувшись, действительно потянула за собой менее расторопную Майю. — Я всегда готов помочь советом и делом, Майя, помните об этом, — может, он хотел сказать еще что-то, но только это успел вымолвить до того, как старшей из сестер пришлось развернуться вслед за младшей.

А то, что потом сказала Соня... Это было так ожидаемо и неожиданно одновременно... Она готова ехать домой, ее больше не интересует, что и как о ней подумают эти люди, оставаться тут — лишь тратить нервы и время понапрасну.

Майя слушала сестру и понимала, что скажи малышка это вчера, их карета уже мчалась

бы к дому, а сегодня все изменилось. Изменилось до такой степени, что Майя готова была добровольно отказаться от, казалось, спасительного предложения сестры. Она и подумать раньше не могла, что услышав она эти слова сестры, почувствует не облегчение, а страх. Страх, что все закончится так быстро.

— Нет, мы не будем убегать, поджав хвост, это ведь ты меня учила, что нужно уметь постоять за себя. Где же еще учиться, как не тут! — именно из-за этого страха Майе пришлось соврать. Не впервые и далеко не в последний раз. Соврать той, кого считала ближайшим в мире человеком.

Соня же только покачала головой, ничего не ответив.

Глава 15

В этот день время перестало существовать для Майи в таком виде, как было «до». До чего? Сама девушка называла это инсценизацией счастья. Раньше были дни, которые нужно пережить, ночи, которые тоже нужно пережить, а потом опять дни. Сейчас же деление стало другим — время с ним и без него, и в отличие от светлого и темного времени суток, которые не сменяли друг друга неожиданно, ее личное измерение таким постоянством не отличалось. Ключ от двери между покоем оказался совершенно не востребованным, первым, что она видела, просыпаясь по утрам, был светло-зеленый полог кровати, светящее в глаза солнце, через огромное окно его спальни или стоящие на прикроватной тумбе цветы, на его тумбе.

То, что казалось ей невозможным, каким-то неведомым образом удавалось его светлости достаточно просто. Разоблачения она перестала бояться после его слов о том, что в хозяйские покои прислуга без спросу не заходит, если комната пуста, никто не отвечает, значит заходить так же запрещено. Это правило не зависело от того, живут в комнате хозяева или гости. Майя почему-то сразу подумала о том, что прекрасно слышана, какая гостья могла жить в этой же комнате до нее, но сказать это не осмелилась. В конце концов, ведь она тут на птичьих правах. Но зато девушка перестала подсакивать как ошпаренная от каждого шороха и красться к себе в комнату, боясь столкнуться там с одной из горничных.

Ни разу ей не удавалось застать герцога врасплох, когда у нее только начиналось утро, его уже обычно и след простыл. И хоть Майя даже себе стыдилась в этом признаться, ей чертовски хотелось хоть раз проснуться не одной. Увидеть смягченные сном черты лица, которое она представляла, закрывая глаза, пожелать доброго утра.

Еще с самого начала, когда она ужасно смущалась всего, что между ними происходило, Майя пыталась выскользнуть из теплых объятий незамеченной.

— Майя... — как всегда низкий, чуть хриловатый голос, заставлявший забыть обо всем. — Если ты будешь продолжать ерзать, мы сегодня не заснем, — угроза звучала так многообещающе. А заканчивалось все обычно никак не ее побегом. Так продолжалось долго, пока однажды ей не удалось выскользнуть. Непреднамеренно, просто ужасно захотелось пить.

Она выскользнула из объятий, спящего мужчины, подошла к графину с водой, осушила стакан, а потом поставила его на место, направилась обратно, подняла лежащую на полу подушку, положила так, чтобы не потревожить сон мужчины... и пошла к себе. Остаток ночи она провела спокойно, не волновали ни сны, ни жар, ни холод, не хватало только уже привычного дыхания у виска, рук, перемещающихся по телу, и плеча, уткнувшись в которое, все становилось неважно. А вот следующее утро началось так же. Снова над головой зеленый балдахин, окно во всю стену, а оставленный ночью мужчина привычно занимается какими-то делами за столом. Майя не сразу вспомнила, что же в этой картине ее смущает, а когда вспомнила, Дэррек уже отвечал на незаданный вопрос.

— Не делай так больше, — в голосе ни раздражения, ни гнева, деловой тон, совершенно безразличное выражение лица, его куда больше сейчас занимали бумаги, чем ее растерянность. Он не объяснил почему, не объяснил зачем, даже не попросил. Предупредил,

что лучше выполнить его маленькую прихоть.

Майя так и не узнала, что он почувствовал, когда не обнаружил ее возле себя утром. Не обнаружил ни в комнате, ни в ванной, не знала, что до того, как вспомнить о соседних покоях, он чуть не поднял на ноги весь дом в поисках сбежавшей, и лишь потом обнаружил ее, свернувшуюся клубком на такой огромной кровати. Сбежала, но не так далеко, как он боялся. То, что Дэррек испытал, стало откровением и для него самого — страх, настоящий страх, за нее, за себя. А ведь он уже забыл, каково это — бояться.

Больше она эксперимент не повторяла, просто согласилась без каких либо объяснений. Как соглашалась на все — на роль любовницы, не имея и малейшего понятия, почему она, на просьбу меньше проводить времени с Винсентом, хотя и попыталась возмутиться, но герцог знал способ, с помощью которого мог полностью подчинить ее волю, на написание его портрета, как предлог проводить вместе время и днем. Она не рисовала, не могла, все еще чувствовала, что заслуживает такого наказания, но хотела верить, что рано или поздно карандаш опять ляжет в руку. На знакомство с верным напарником его светлости в любых путешествиях.

— Подойди, не бойся. — Майя не боялась, она просто остолбенела от восхищения. Еще одной страстью девушки, кроме чтения и рисования, было коневодство, все началось с мечты о лошади, а переросло в непреодолимую тягу ко всему, касающемуся коней. Ее Тень находился сейчас где-то в сотне километров от нее, а тут, казалось, стоит его единокровный брат. Такой же высокий, статный жеребец, лоснящиеся бока, шелковистая грива, и темные глаза. От родного Тени этого красавца отличало одно — у любимца Майи на ногах были него белых носочков, из-за которых сама Майя иногда называет Тень модником. — Подойди, он смирный, — сам Дэррек поглаживал фыркающего коня по гриве, протягивая другую руку Майе.

Она подошла, медленно, помня о том, что кони, как и другие животные, не любят резких движений, особенно со стороны неизвестного человека, а если этот красавец похож на Тень не только внешне, но и характером, тем более стоит знакомиться постепенно.

Девушка поднесла руку к лошадиному боку, провела по жесткой щетине — красавец, под пальцами заиграли мышцы.

— Ветер, знакомься, это Майя, — Дэррек взял яблоко из висящей на стене корзины, желая задобрить своенравного скакуна, но тот, кажется, и так был в хорошем расположении духа. — Лучше коня сложно найти. Одна беда — до одури боится змей, да, Ветер? Не стыдно, что теперь леди знает о твоём глупом страхе? — он говорил с ним как с человеком, будто конь мог ответить. Когда Майя нуждалась в благодарном молчаливом слушателе, она так же разговаривала с Тенью.

— Он очень красив. И боится совсем не зря — он еще и умен, — видимо, неспроста герцог разговаривал с ним как с разумным существом, услышав одобрение от девушки, Ветер увернулся от поглаживающей его гриву мужской ладони и кивнул в сторону Майи. Этот жест заставил улыбнуться обоим.

— А еще, как оказалось, он повеса, не прошло и десяти минут после знакомства, а он уже заполучил девичье сердце, мне стоит ревновать? — Дэррек отошел от коня в поисках щетки. Ответом ему было молчание, девушка продолжала водить рукой по конскому боку, а расхрабрившись, даже повторила трюк хозяина с яблоком. Ветер взял из чужих рук

угощение. Значит, она ему действительно понравилась, Дэррек не помнил, чтобы это удалось кому-то еще.

Мужчина вложил в девичью руку щетку, и, накрыв ее своей ладонью, стал направлять движения, совершенно расслабиться он не мог — все-таки его конь был непредсказуемым, а так он точно успеет закрыть ее, если тот решит взбрыкнуть.

— Так что, мне ревновать? Он заслужил одобрение лишь за то, что наделен трусостью, неужели для покорения сердца нужно именно это? Жалость?

— Женщины любят жалеть, так в них просыпаются сокрытые глубоко инстинкты материнства, — этот момент Майя мысленно занесла в свою копилку воспоминаний, которую начала заполнять не так давно. Копилку минут, заставляющих трепетать все внутри. Ее руку накрывала теплая мужская, а вторая в это время покоилась на талии, ограждая от окружающего мира, как бы неприлично, вопиюще это не выглядело, почему-то именно сейчас Майя чувствовала себя в безопасности. Оставив щетку в полном распоряжении Майи, Дэррек занялся более приятным делом — убрав волосы с девичьего плеча, опять взялся за исследование. Стоило мужчине провести пальцем по шейным позвонкам, и руки покрывались мурашками, а после прикосновения губ, ее пробирала мелкая дрожь. Всегда. Пытайся она сдержаться или нет, никакое самообладание не поможет. И с каждым днем он узнавал все больше секретов ее тела, которое само с ним делилось, не спросив хозяйку.

— Конюх отпросился после обеда, тут никого нет, — каждый раз, когда он приближался к ней за пределами комнаты, Майя напрягалась — не могла еще понять, что позволял он себе подобное только будучи уверенным, что это безопасно. — И у тебя тоже этот материнский инстинкт вперемешку с жалостью?

Майя продолжала водить щеткой по конскому боку, вот только все больше по инерции, не контролируя свои движения.

— Не думаю. Я ненавижу, когда жалеют меня, и не позволяю себе так унижать других.

— Тебя не так-то просто жалеть, — Дэррек отстранился, чуть ли не впервые за последние дни Майя позволила себе хоть чуть-чуть раскрыться перед ним, поделиться мыслями, как когда-то в его библиотеке, за книгами.

— Я воспринимаю это как комплимент, — движения опять стали осознанными.

— Неужели тебе действительно хочется брать всю ответственность за все на себя? А как же мечта положиться на мужское плечо? Предлагая тебе положиться, по твоему, люди тоже жалеют?

— Не хочется. Но есть ли у меня выбор? — ей опять вспомнилось, что скоро все это закончится, она вернется домой, и весь груз, удвоившись, упадет на нее.

Как будто читая ее мысли, Дэррек сменил тему разговора:

— Ты скучаешь по дому? — каждый день она донимала Дэна вопросами, не приходило ли ей письмо из дома, тот лишь неустанно повторял, что как только письмо появятся, он тут же его передаст, сегодня одно наконец-то пришло, когда она помчалась поделиться новостью с сестрой, ее радости не было предела.

— Да, — прежде чем ответить, Майя молча смотрела на герцога несколько мгновений. Конечно, скучает, она не видела родных больше месяца, причем месяца, тянувшегося дольше, чем некоторые прожитые ею годы. — Я скучаю по своим родным, как же может быть иначе?

Дэррек хмыкнул — может, он-то знал. Несмотря на то, что мужчина любил и заботился о своей матери и сестрах, мог проводить годы, не видя их, и если когда-то это еще вызывало

ностальгию, то теперь необходимость мчаться на встречу становилось обузой.

— А что же будет, когда придется покинуть отчий дом не на месяц, а на всю жизнь?

Теперь пришла очередь неверяще улыбаться Майе.

— Если раньше эта возможность была лишь призрачной, то теперь ее и вовсе нет. Кому же нужен анибалът, да еще и... — она попыталась найти слово, способное описать ее теперешнее положение, но почему-то такого не находилось, — я.

— Думаешь, охотников не сыщется? — Дэррек взял протянутую девушкой щетку, прошел к стене, чтобы положить ее на приколоченную полку.

— Может и сыщутся. Но проблема не только в них. Я не смогу. Не смогу жить, каждый день осознавая свою вину перед человеком. А тем более, когда на эту вину мне будут указывать ото дня в день, — да, ее предположение совершенно верно. Узнав, что новобрачная вступила в брак отведав земных утех, редкий жених не воспользуется правом отказаться от такой, а тот, кто согласится за большие деньги избежать огласки и оставить ее подле себя, не упустит ни малейшей возможности такой порочностью ее уколоть.

— Ты жалеешь обо всем? — Дэррек задал вопрос, заведомо зная на него ответ — конечно жалеет, ведь его прихоть испортила ей жизнь, и думал он об этом довольно часто. Тогда, в первую ночь, он был уверен в том, что имеет дело никак не с опытной обольстительницей, но желание завоевать, подчинить, поставить собственное клеймо, было намного сильнее каких либо мук совести.

Майя долго гладила морду коня, который, казалось, совсем размяк от девичьего внимания, лишь довольно пофыркивая в ладошку и подставляя щеки под пришедшуюся по вкусу ласку. Не отрываясь от Ветра, не обращая внимания на пристальный взгляд из противоположной стороны загона, она ответила то, о чем уже много раз думала:

— Уже нет. Раньше да, а сейчас уже нет. Если я не могу этому противостоять, то как же я могу жалеть?

— Не можешь?

— Нет, — Правильно истолковав ее уверенный, искренний взгляд, Дэррек вернулся к Майе, провел по спадающему по спине водопаду волос, потянув за кончик, как обычно, заставляя девушку запрокинуть голову еще выше.

— Не можешь?

— Нет, — в голубых глазах опять заиграла бирюза.

— Почему? — давай девочка, дай правильный ответ на вопрос.

— Потому, что не хочу, — кому она бросала вызов своими словами? Не ему — самой себе, осмелев до степени, когда признаешь свои желания. Лучшего ответа он не ждал, его храбрая девочка не могла разочаровать.

Последний день звездопада считается в народе лучшим временем для гаданий. Девушки собираются вместе, предварительно запасшись зеркалами, свечами, нитками, а самые отчаянные даже иголками, чтобы прокалывать свои нежные пальчики. Для жительниц селений это было лучшее и привычное развлечение, а вот представительницы знати если и увлекаются подобным, то скорее как способом разнообразить наскучившие светские вечера. Майя не знала, кто из девушек первый придумал устроить такой вечер и в доме герцога, не знала, как к этому отнесся он сам, но видела, что Соня этой идеей загорелась не на шутку. Именно поэтому вот уже час они сидели в душевой комнате, в крошечной темноте, и лишь

те, кому посчастливилось оказаться у стола, на котором и происходило действие, могли что-то рассмотреть.

Майя никогда серьезно не относилась к любого рода гаданиям, в детстве мама часто приглашала ворожей в дом. От девочки не требовалось много, просто показать ручку или посмотреть в глаза, а потом странные женщины вели долгие беседы с мамой. Прошло много лет, а будучи совсем ребенком, Майя и не пыталась запомнить, что же нагадали ей. Но вот одна ведьма запала ей в память, то была женщина средних лет с собранными в тугую гульку волосами, без ожерелий, колец на пальцах и прочих атрибутов, ей не нужна была ни ее рука, ни глаза. Она просто попросила нарисовать ей что-то. Майя попыталась изобразить птицу, но чего можно ожидать от детского рисунка? Конечно, она скорее походила на крокодила. Вот она-то и сказала, что девочка должна держаться сестры, через нее свою судьбу обретет, свой смысл. А рисунок забрала, ей пришелся по вкусу.

Даже к тем, признанным, ворожеям девушка относилась скептически, что уж говорить о творящемся в комнате действе? Сейчас, повесив колечко на красную нитку, девушки по кругу передавали его, задавая интересующие их вопросы, и в зависимости от того, как будет колечко двигаться, получался ответ. Глупейшая идея, особенно тогда, когда каждая следующая пытается «незаметно» заставить кольцо качаться именно так, как ей хочется, а потом, победно окинув всех взглядом, и сама начинает искренне верить в то, что гадание сбудется.

— Зря мы только стараемся, дорогие мои... — Сюзанна, та девушка, которая когда-то растрезвонила новость об увиденном несуществующем поцелуе, теперь сидела, уперев руки в боки. Особого желания заводить подобный разговор не было ни у кого, но оставить ее без внимания было тоже нельзя.

— Отчего же? — откликнулась Соня.

— Скоро конец лета... — старшая Дивьер хмыкнула — объяснение исчерпывающее. Как бы посетовав на такую непонятливость собеседниц, Сюзанна закатила глаза.

Майя не знала, кого благодарить, но одна из девушек прошлась со свечкой по комнате, зажигая дополнительные источники света, теперь можно было различить не только силуэты, но и лица. — А значит, снова начнется сезон балов, — чему тут расстраиваться, окружающие опять не поняли. Отчаявшись обнаружить в них крупицу здравого, по ее мнению, смысла, Сюзанна объяснила:

— Вы хоть помните, кто дебютирует осенью? Младшая Мэйденстер. Сезон утерян, не останется больше мужчин, способных отвлечься от нее. Все эти учтивые джентльмены позабудут о вас, ведь перед глазами будет стоять лишь она.

Та самая малышка, которая осталась без отца, даже не узнав его толком, младшая сестра человека, занимающего все ее мысли, оказывается, ровесница Сони. Интересно, какая она, похожа на брата? Внешне, характером? Наверняка красива и умна, ведь он такой. Думая о той, кого она ни разу в жизни не видела, Майя вдруг поняла, что все, что знает о герцоге — слухи, рассказы других людей, но ничего от него лично. Только то упоминание о роде матери, но ведь это совсем не то... А ведь она хотела знать все. Хотела проникнуть туда, куда не пускали никого — за стену полного контроля и спокойствия. Странное сравнение, но Майя хотела почувствовать нежную кожу на ежовом животе, вместо обычных иголок.

— Хотя нет, не все. Один останется свободным от ее чар, — не дождавшись напрашивающегося вопроса, Сюзанна пояснила. — Сам герцог. Правда, судя по всему, ждать нам оттуда тоже нечего, опять появится эта актриса, или еще кто-то... Так что все эти ваши

гадания не стоят выеденного яйца, — высказавшись, девушка тем не менее нитку с кольцом в руки взяла. — Ну что, колечко, ответь-ка мне, удастся ли окольцевать его светлость в этом году?

И куда же делось все неверие в гадания, почему так тяжело отвести взгляд от качающегося колечка, почему обида подступает к горлу? Ведь этот глупый маятник говорит «да». Как бы Майя не пыталась себя обмануть, что она готова жить лишь сегодняшним днем, готова смириться с тем, что все что происходит временно, но окажись гадание правдивым, она вряд ли сможет похвастаться самообладанием. Лучше не знать. О таком ей лучше не знать.

А тем временем забава продолжилась. Жглись свечи, создавались пирамиды из зеркал, воск складывался в изображения, чайная заварка заставляла воображение работать еще лучше. А Майя опять уговаривала себя, что все это сказки и глупости.

Время тянулось медленно и раньше, а теперь просто превратилось в пытку. Старшей Дивьер было откровенно нудно и неуютно, она не хотела, чтоб еще кому-то взбрело в голову спросить что-то, что могло касаться ее самой, и заставить опять переживать, опять окунаться в те мысли, которые и так ее не сильно радовали. Гадалыщицы выдохлись лишь глубоко за полночь, потушили свечи, разобрали собственные зеркала и поспешили по комнатам. Наверное, впервые с тех пор, как она поселилась в новых покоях, Майе не хотелось возвращаться к себе. Ей казалось, что увидь она сейчас Дэррека, будет думать только о том предательстве, которое предсказало колечко. Хотя и предательством это не назовешь, это просто будущее. Нет, уж лучше побродить по коридорам, провести Соню.

Майя так и сделала, прощаясь, сестра пожелала, чтоб ей приснился ее собственный принц. Вот только принцы не заводят любовниц, не селят их в соседних покоях, предпочитают белых коней, ну и красавец принцесс.

Прогулка выдалась знатная, Майя вернулась в свою бывшую комнату, она была не заперта и абсолютно не изменилась после ее переезда, только без вещей на трюмо и тумбах казалась слишком пустой. Майя села за письменный стол, открыла один из шкафчиков.

Как она могла забыть? Там лежала ее карманная книжечка, в которую она записывала заинтересовавшие ее отрывки произведений. Насколько нужно было забить голову другими мыслями, чтобы забыть о таком сокровище...

Положив тяжелую голову на сложенные руки, в которых все так же продолжала держать книжку, Майя попыталась понять, что могло настолько сильно выбить ее из колеи? Сознание то и дело задавалось вопросом: а нужно ли это все продолжать? Снова пришло понимание что же она творит... Не зря Дэррек так часто повторяет, что ей вредно думать, ведь думать для нее — это обязательно заниматься самоистязанием.

Нет, прочь сомненья. Она вскинула голову, покрутила в руках книжечку и приняла решение. Чаще всего, принимаясь гадать, они с Соней брали в руки книгу, загадывали страничку, абзац. Глупее — не придумаешь, особенно, когда гадаешь по книгам об охоте или кулинарным, а вот веселье еще то. Над вопросом Майя долго думать не стала, чтобы материализовать мысль, прошептала в пустоту:

— Что нас ждет? — кого нас? Ее, его, Соню, Витора, всех. Страница тринадцать, строка десятая.

«Сложность выбора — не ошибиться.»

Прекрасно. Неужели могло быть лучше? Майя не знала, смеяться ей или плакать. Наверное, это все девичьи глупости... Смахнув непонятно откуда взявшиеся слезы, девушка

вышла из комнаты.

Она искренне надеялась, что герцог уже спит, к своей двери приближалась крадучись, а когда удалось и запереть ее практически беззвучно, чуть ли не триумфовала. Она не могла объяснить, почему именно сегодня, именно сейчас, но ей не хотелось, чтобы он ее видел, чтобы понял, что ее беспокоит, ведь и она сама себе этого толком объяснить не могла.

Оставленная в ванне вода давно остыла, но это не остановило девушку. Желая внешними ощущениями заглушить внутреннее беспокойство, она залезла в холодную. Ее хватило на несколько минут, потом, еще больше разочаровавшись в себе, пришлось признать, что она слаба духом и для таких подвигов, опять на глаза навернулись слезы. Да что ж такое... Завернувшись в махровый халат, она направилась в спальню, смахивая доказательства своей слабости и глупости.

— Зачем ты полезла в воду? Любишь прохладную? Я могу тебе ее устроить... — герцог стоял в дверях, сплетя руки, облокотился о косяк, откуда знает о воде, можно было не спрашивать, он откуда-то знает все.

— Доброй ночи, ваша светлость, я очень устала... — Майя сжала халат на груди, будто защищаясь от него, направилась прямо к кровати. Он не выглядел сонным, на нем была та же одежда, что за ужином, наверняка еще не ложился. Но вот когда он спит, оставалось для девушки загадкой, и еще одна волна раздражения накатила вслед за этой мыслью — она недостойна даже просыпаться с ним, что уж говорить о предсказании?

— Ваша светлость? Что-то произошло? — Майя сделала еще несколько шагов в направлении кровати, а он оставался все так же неподвижным в проеме.

— Нет, все хорошо, — умеет он читать мысли, услышал бы мольбы просто оставить ее наедине с собой, не занимать собой все пространство, дать возможность поплакать.

— Тебя кто-то обидел? — выражение лица чуть изменилось, между бровей залегла морщинка, свидетельствующая о беспокойствии ее обладателя.

— Нет. Все хорошо, — чтобы подтвердить твердость своих слов, Майя посмотрела прямо мужчине в глаза. В ее должно было читаться, что ничего не хорошо, но пережить это не хорошо она хочет сама. Без него.

— Я ведь все равно узнаю, — несомненно, если было бы, что узнавать, он бы узнал. Но в голову залезть к ней он не может, а значит, виновный наказания не понесет.

— Зачем? — Майя взяла в руки одну из подушек, собираясь ее подбить, хотя скорее просто отгородиться еще больше. — Потому, что вы так хотите? — девушка сделала ударение на обращении.

Дэррек это отметил, опять она начинает все сначала, опять закрывается, а ведь не изменилось ровным счетом ничего. Потому что он так хочет? Да, именно так, он получает то, что хочет, каких бы усилий ему это не стоило, и то, что она сейчас здесь, яркий тому пример, но вот только узнать причину ее слез он хотел не потому... А чтоб отгородить. Ведь это в его силах. Пусть не от всего мира, но хотя бы в своем доме он может создать такой необходимый ей комфорт. Дэррек видел, как она расцветает, когда они наедине, и как закрывается в присутствии посторонних. Меньше всего ему хотелось сейчас ссориться, просто потому, что на это не хватило бы сил ей.

— Тебе действительно лучше поспать, — оттолкнувшись от стены, он стремительно вышел из комнаты, не стукнув дверь, не повысив голоса, совершенно спокойно. И это стало сигналом — на Майю опять накатила невообразимая тоска, жалость к самой себе.

Сон, почему же ты не идешь, когда в тебе так нуждаешься? Девушка уже дважды слушала бой курантов, сначала один удар, а потом два. Как оказалось, жалеть себя долго не получается, совсем скоро понимаешь, что всему причиной твоя же глупость, а значит и винить можешь только себя.

Могла ли она себе представить когда-то, что услышит все сказанные уже слова от этого человека? От любого мужчины? Нет.

Неужели не было очевидно, что несмотря на ее собственные желания, для него это прихоть? Как же теперь можно его в этом винить? Никак.

Накрывшись одеялом с головой, Майя пожалела о сказанном. Конечно, он не будет тратить свое время на то, чтобы успокаивать ее в истерике, не собирается выслушивать пустые обвинения. А ведь они по-настоящему пустые. Девушка повернулась на бок, а вдруг это был конец? Вдруг, именно так бросают любовниц? Просто уходят, тихо, без шума, а на утро карета уже будет запряжена? Сердце Майи пропустило один удар. Нет, еще слишком рано, она не готова еще потерять свою маленькую сказку, пусть и горьковатую на вкус.

Дэррек не спал, оказывается, не так-то просто заснуть, не чувствуя под боком уже привычного тепла. Никогда раньше его не тянуло оставаться в компании любовниц на ночь, не зря ведь дома так богаты спальнями, но вот с ней было по-другому. Вдыхать ее запах, проводить по теплой коже, прижимать сильнее, когда из-за снившегося, она начинала метаться, а утром целовать еще спящую, набираясь сил для нового дня. Все больше и больше он уверялся в том, что эта малышка истинная ведьма, и ее чары действуют на него так, что нет желания сопротивляться.

Она зашла тихо, босые ноги ступали по полу беззвучно, спи он, эти шорохи остались бы незамеченными.

Решиться на это ей было не так и сложно — больше Майя боялась неизвестности, чем пожертвовать своей гордыней, которой, в общем-то, и не было в душе, когда речь заходила о нем.

Стоявший у окна, он повернулся. Тоненькая, светящаяся, практически прозрачная, стебелек, прогибающийся под каждым порывом ветра, припадающий почти к самой земле, но не сломленный.

— Почему ты не спишь? — видимо, холодной воды в ванне ей было мало, так как остановилась она на голом дощатом полу, не доходя до ковра.

— Я не хочу, — создавалось впечатление, что ее бьет мелкая дрожь, от холода или от чего-то другого, сложно было сказать даже ей самой.

— Спать? — вопрос был задан мертвенно спокойным голосом. Неужели опять придется бороться с ней за нее же?

— Чтоб все так закончилось.

Дэррек подошел, подхватил ее на руки, еще не хватало, чтоб она и вправду заболела, в конце концов, он взял на себя ответственность прикрывать стебелек от ветра, свой стебелек.

— Не закончится, — мужчина впился в губы с той жадностью, будто жаждущий к целебному источнику, и если раньше Майю и правда била дрожь от холода, то теперь на смену ей пришла привычная уже реакция на его прикосновения.

И опять она оказалась на широченной кровати, а разговоры отошли на второй план,

отдав бразды правления телам и душам. Без стыда, забыв на время обо всем, Майя отдавала и брала взамен, изучала и поддавалась изучению, делила одно на двоих дыхание, одни на двоих ощущения.

Прохладный шелк простыни Майя почувствовала голой спиной, но не было желания отстраниться, ведь к ней снова прижималось сильное, теплое тело. Ей иногда казалось, что так придумано где-то свыше, ее вечный холод не мог согреться по-другому, кроме как от его жара, иначе она бы просто расплавилась или так и осталась в вечной собственной зиме. И как ей хотелось верить, что только она способна охлаждать то пламя, которое бушует в нем.

Дэррек с гордостью отметил, что стал для голубки искусным учителем, она не только отвечала на ласки, как раньше, а сама делала первые попытки брать бразды правления в свои руки, и он без сомнений на это соглашался. Холодные ладошки скользили по его груди, плечам, заставляя мышцы сокращаться, а рассудок помутнеть, замечая лишь то, что она делает, пусть даже не осознавая своей силы.

— Не отпускай, — Майя верила ему, верила, что не отпустит, не оставит. Пока. Не хотела слышать это снова и снова, прильнув еще ближе, кусая губы от желания и испытывая сладкую муку ожидания.

— Не отпущу, — и, подтверждая слова, вжимал податливое тело сильнее, стискивал до боли, вот только ощутить ее Майя была не в силах — слишком накалились другие чувства. — Не отпущу.

— Никогда, — она не могла сдержаться от этой просьбы, но не хотела слышать в ответ молчания, лучше чувствовать ласку губ, лучше целовать так долго, что забудешь о сказанном. Майя обвила шею любимого руками, притягивая к себе, и когда он начал движения древнего как мир танца, ей почти удалось забыть, почти удалось взлететь, почти не хотелось еще и слышать, а не только ощущать.

— Никогда, — о Ях, пусть ложь, пусть никогда наступит очень скоро, пусть весь мир рухнет, но Майя была ему благодарна и, черт возьми, она его любила.

— Так я узнаю, что с тобой произошло сегодня вечером? — Майя устроилась на широкой груди, сложив руки под подбородком, лучшего наблюдательного пункта придумать было нельзя, он уже несколько минут лежал с закрытыми глазами, не изучи девушка его повадки, могла бы подумать, что он и вправду спит.

— Мы гадали, — она уткнулась лицом в ладони, не хотелось снова это вспоминать.

— Так ты все-таки ведьма? Я не сомневался, — удивленно выглянувшая девушка застала, встретившись со смеющимися глазами. — И что же тебе такого нагадали? А, голубка? Неужели синего неба и зеленой травы?

— Мне — ничего.

— Отчего же тогда ты устроила нам такую длинную ночь? — он лукавил. С ним ее ночи изредка были не столь длинны как сегодня, просто тратили они это время не на раздумья в своих комнатах.

— Можно я задам один вопрос? — Майя опять устроилась так, чтобы видеть собеседника. Дэррек ничего не ответил, только почтительно кивнул, как сделал бы, задай она этот вопрос в людной комнате. — Почему вы до сих пор не женились?

Дэррек удивился — что за гадания у них были, что в белокурой головке родился такой вопрос, но отшучиваться он не собирался, ведь пообещал ответить.

— Для женитьбы нужны двое, и это связь, которую уже не так легко оборвать. Пока что я не испытывал потребности в такой связи, — задай тот же вопрос любая его предыдущая любовница, он бы дал достаточно жесткий отпор, понимая, к чему они ведут. В общем-то, именно надоедливые намеки и становились причиной его прошлых расставаний, наряду с наскучившими одинаковыми, если не внешне, то внутренне женщинами. А вот в том, что ее волнует этот вопрос не для его охмурения, он был уверен. Ничто в ее поведении не было связано с кокетством, завлечением, соблазнением. Веди она себя так, он бы, наверное, потерял голову окончательно, но и наивность девушки заставляла терять самообладание.

— И что же, за тридцать лет вы ни разу не помышляли о женитьбе, детях? — девушке, воспитанной в традициях, где ее жизненным центром должна стать именно эта семья, подобное допущение казалось, по меньшей мере, странным.

Она так искренне изумилась, округлив глаза, что мужчина еле сдержался, чтоб не пожурить ее за очередное «вы».

— За тридцать один, — почти два, в следующем месяце он отмечает свое тридцатидвухлетие. В этом возрасте его собственный отец уже был отцом двоих детей, младшему из которых, Дэрреку, было семь. Но прошлому герцогу Мэйденстеру повезло, он встретил любовь всей жизни, мать своих детей, когда ему только исполнилось двадцать, и лишь это заставило его из бесшабашного разгильдяя превратиться в примерного семьянина. Дэрреку так не повезло, хотя он и не испытывал особых мук по этому поводу. В его жизни было на что тратить минуты и часы предназначенный для подобных раздумий. — Нет, не помышлял. Ведь я же сказал, для женитьбы нужны двое, так уж выпало, что мужчина в этом дуэте занимает решающую роль. Ни разу в жизни у меня не возникало желания проявить эту инициативу, — а какую инициативу желания проявить появлялось, Майя имела представление вот уже на протяжении почти двух недель.

— И что нужно для того, чтоб это желание появилось? — уже сказав, Майя подумала, что вопрос звучит так, будто она пытается выяснить это для себя, но, по правде, она все продолжала думать о той свадьбе, которую ему предсказали.

Пусть это не один вопрос, как она просила вначале, пусть он знает сотни способов, как можно на него не ответить или отшутиться, но почему-то, хотелось сказать правду.

— Чтобы я не мог без, — как его мать, когда-то горделивая, на чьем лице ни разу на его памяти не залегала печаль, вдруг за день превратилась в загнанного зверя, затворника, не желающего жить в мире, в котором не стало отца. Одна ее часть, которую так любил герцог-старший умерла в один день с ним, осталась лишь та, что была посвящена детям, она не смогла без него, как и он не смог бы пережить жену. Лишь чувствуя подобное, сам Дэррек привязал бы к себе свою женщину. — Но мы отошли от гадания... При чем тут жениться?

— Если верить ворожке, та, без которой не сможете, ждет вас совсем скоро. — Майя говорила серьезно, без заигрываний, не желая намекнуть ни на что, просто считая, что обязана предупредить, если это можно так назвать. — Вам нагадали женитьбу в этом году.

— А ты веришь?

— Нет, — снова перед глазами пронеслись все те виденные за жизнь ведьмы, она правда не верила, вот только вера не всегда слушается разума.

— Не зря? — он склонил чуть голову, как делал всегда, наблюдая за ее реакцией.

— Может и зря, — девушка приподнялась, отстраняясь, повернулась на бок, лицом к окну — не хотела наблюдать за тем, как он перебирает в голове имена возможных претенденток на теплое место герцогини, грозила опять вернуться тоска. — У меня будет

одна просьба... — на затылке глаз у нее не было, так что согласился он или нет, она не знала, но хотя бы озвучить могла. — Если вы решите жениться, не хочу узнать об этом от посторонних. Не обязательно лично, но хотя бы письмом, чтоб я... ну чтоб я была готова...

Значит, вот в чем дело, опять боится получить удар под дых? Сколько же еще нужно времени и сил, чтобы она доверяла без опаски?

— Ты узнаешь об этом первой, — он провел по обнаженному плечу пальцем, пытаюсь различить его границу, размытую падающим их окна светом. — Обещаю, — уже погружаясь в сон, он пытался найти ответ на один вопрос — а правда ли он еще не встретил ту, без которой не сможет?

Глава 16

— Хорошо, Дэн, закупайте столько инвентаря, сколько потребуется. Они хотят получить предоплату? — дворецкий кивнул. — Тогда я выпишу нужный чек, заберете на протяжении дня. Что-то еще? — они двигались по коридору, ведущему к лестнице. В близлежащем поместье произошел пожар, Дэррек же решил проследить за тем, как продвигаются восстановительные работы.

— Да, ваша светлость. Та комната, в которой делали ремонт... — Дэррек оглянулся, вопросительно поднимая бровь, не помнил, чтобы он в последнее время давал подобные указания. — С протекающей крышей... — вспомнил. — Она готова, козырек починили, вчера закончили. Если вы позволите, я сообщу леди Дивьер, мне кажется, она захочет вернуться в свои покои.

— Не надо Дэн, не стоит тревожить юную леди, думаю, она только привыкла к новым покоям, и снова переезд.

— Но если приедет мисс Смитт, то...

— У нас есть свободная гостевая. Если пожалует кто-то еще. Но это не причина для переселения кого бы то ни было, — ни разу, пребывая тут, Роза не жила в соседней комнате, с чего вдруг Дэн решил сделать предположение, что это может измениться, Дэррека особо и не интересовало, но позволять подобное он уж точно не собирался. То, что дом до сих пор оставался в неведении насчет их с Майей... отношений, иногда удивляло и его самого. Хотя он и поставил перед собой задачу скрывать все до последнего, иногда сдержаться, не прижать к себе пойманную в одном из переходов голубку было неимоверное сложно, и стоило сорвать хоть один поцелуй, как приходилось отпрянуть, услышав приближающиеся шаги.

— Как скажете, ваша светлость, — хозяин считал, что дом не в курсе, но он частично ошибался. Горничные, убирающие в его покоях, отличались качествами, достойными лучших частных сыщиков столицы, но чтоб понять, что до такой степени смятой постель может быть или у человека, страдающего лихорадкой, или у жарких любовников, особого опыта не требовалось. Их предположение о новом предпочтении герцога Мэйденстера подтвердились, вот только с тем, кто же это — возникли проблемы. Ни длинных волос на подушках, которые помогли хотя бы определиться с цветом, ни оставленных у кровати заколок, сережек, лент, ни столкновений в коридоре с теми самыми горничными. Ни-че-го. Не сомневалась прислуга лишь в том, что анибалыт, жившая в соседней комнате, с этими тайными свиданиями связана. Наверняка, выпускает удачливую любовницу через свои двери, вот только и там застать не пришлось ничего такого, что приблизило бы к разгадке. Конечно, сначала обитатели дома грешили на сестру белой вороны, но взявшись раз следить за ней, признали, что эта версия потерпела крах — до комнаты ее проводил джентльмен, и это не был их герцог, а утром в комнате его светлости они застали все ту же привычную картину.

— Передай Дамиану, что я жду его у конюшни, не хочу тратить весь день на поездку, надеюсь поспеть к ужину, — когда он уходил, Майя уже встала, устроив в своей комнате какую-то бурную деятельность. Оказалось, голубка потеряла подвеску, и теперь переворачивала вверх дном шкафы и тумбы в ее поиске. Девушка была так сосредоточена,

что отвлечь ее смогло только упоминание об отъезде, правда когда Дэррек уточнил, что это займет время только до вечера, она облегченно выдохнула, а потом снова взялась за переворот, продолжая творить разруху. Ему еле удалось изловить ее из горы подушек, которые она перетряхивала, чтобы поцеловать на прощание.

— Как скажете, ваша светлость, — Дэн поклонился удаляющейся спине и медленно побрел в противоположную сторону.

— Нет, все-таки два месяца — это слишком, — мужчины спешили, взяв коней под узды. Дорога заняла не больше часа, возьми они экипаж, путешествие бы затянулось. — Ты не представляешь, как я буду счастлив, когда покину твой уютный дом ради столицы, лучше уж сбиваться с ног там, чем развлекать честную компанию тут.

Дэррек передал вожжи подбежавшему конюху. Внешне, дом уже почти восстановлен — белые фасады, светло-голубая крыша, в тон к ней голубые рамы, выглядели теперь еще лучше, чем до пожара. Проблем с арендой возникнуть не должно.

— Ты не представляешь, как я буду счастлив, когда ты покинешь мой уютный дом, — герцог подождал, пока друг его нагонит, чтобы проверить и то, как ведутся работы внутри.

— Но радоваться придется недолго. Тебе назначена аудиенция у его величества, видимо, снова намечается переворот, будет заручаться всецелой поддержкой.

— Возможно, — и правда, если планы не изменятся, через неделю с небольшим он выпроводит шумную компанию из своего дома, а уже через три дня и сам закроет двери на замок, ведь до зимы вряд ли вернется домой — слишком много дел, которые нужно решать в столице, а не в спокойствии поместья. Еще и Мэгги в этом году дебютирует, сезон придется провести с ней, исполняя обязанности отца. Но это только если планы не изменятся.

— Знаешь что, друг мой? — Дэррек направился к дому, Дамиан последовал за ним, следя за ведущейся вокруг работой. — Ты слишком важная персона. За последний год о твоём здоровье у меня спрашивались чаще, чем о моем. Это о чем-то говорит.

— Только о том, что все интересующиеся надеются когда-то услышать неутешительный ответ, — зайдя в холл, Дэррек отметил и законченную уже наконец-то лестницу — камень преткновения плотников и архитектора, и окрашенный полотнок, и водруженную на свое законное место люстру. Отлично.

Дамиан улыбнулся шутке друга, в которой была немалая доля истины. Герцога Мэйденстера не так-то просто любить без зависти уже потому, что он это он, а вдобавок к этому, его светлость не обладает характером, способным располагать к себе людей. Подчинять — да, боготворить — да, но только чувство опасности все равно присутствует.

— Почему вдруг Винсент заинтересовался твоей личной жизнью? — рассматривающий комнату Дэррек впервые оглянулся на оставшегося в проходе друга.

— А он интересовался? У тебя? — Витор, наверное, единственный человек, который никак не вписывался в его конспиративные планы. Дэррек пытался выяснить у Майи, что же связывает ее с младшим Винсентом, но девушка каждый раз настаивала на дружбе. Просьбу же общаться с ним поменьше, восприняла удивительно спокойно — значит не такой уж и друг. Но вот контролировать его Дэррек до сих пор не мог.

— А у кого еще? Не у твой не сложившейся судьбы же?

— Кого?

— Сони. Кого же еще... — Дамиан тоже прошел в дом, чтобы и самому осмотреть

последствия реконструкции.

— И что ты сказал? — Дэрреку не нравилось то, что ему рассказал Дамиан. Мыльный пузырь, служивший единственной защитой их маленькой тайны, грозил лопнуть лишь из-за того, что кто-то собирался тыкнуть в него пальцем.

— А что я мог сказать? Я ведь знаю только то, что Соня для тебя интереса больше не представляет, да и то... не Витору же об этом говорить. Чувствую, он не так прост, как хочет казаться, помяни мое слово.

— Спасибо, что обнадежил, буду ходить по дому, прикрывая спину, а то вдруг выпрыгнет из-за угла с ножом в руках... — хоть он и свел сказанное к шутке, подобные странности Винсента его насторожили. — Пошли, нужно найти архитектора...

Лучше заняться делом, ведь на раздумья будет еще предостаточно времени. А то, что Дэрреку было о чем подумать — несомненно.

Проведя весь день в поисках злосчастного кулона, Майя расстроилась окончательно — и след простыл. Как она могла быть такой растяпой? Слишком расстроенная, девушка не обратила внимание на то, был ли он на шее, когда она залазила в холодную воду ванны, не вспоминала и всю ночь, сначала мучаясь у себя, а потом опять с ним. Лишь привычным движением проводя по шее утром, Майя поняла, что нет ни цепочки, ни висящего на ней кулона.

Не снимала. Точно не снимала! Но тогда получается, что цепочка порвалась, а ее птичка упала и от подобных мыслей становилось отчаянно жаль — ведь подвеска уже успела стать для нее символом, вряд ли счастливым знаком, но важной вещью точно, а теперь ее нет.

Майя потратила полдня на то, чтобы разыскать, сначала одна, а потом к ней присоединилась и сестра. Проверив все поверхности по три раза, уставшие и недовольные девушки все-таки покинули покои. Существовала вероятность того, что старшая Дивьер потеряла подвеску в комнате герцога, и это волновало ее не меньше. Откуда такая вещь может оказаться в чужих покоях? Не на экскурсию же она туда заглядывала! Девушка корила себя, за то, что не начала розыски еще когда он был тут, ведь сейчас наверняка в той комнате уже убрали. А если наши? Что подумают?

Как и обещал, Дэррек успел до ужина. Два друга шли к дому со стороны конюшен, на веранде их встречали почти все обитатели дома — денек выдался погожим, почему бы не насладиться летним воздухом?

Первая, кого Дэррек отыскал глазами, сидела в плетеном кресле напротив сестры, в руках она держала очередную вышивку. Как сама когда-то призналась, этот вид досуга она не особенно жаловала, но в отличие от чтения или рисования, он не требовал полного к себе внимания. Поднятые высоко волосы, открытая шея, в ушках длинные сережки, с желтыми камнями в цвет платья. Майя сильно изменилась с того момента как он увидел ее впервые. Теперь язык уже не повернулся назвать бы ее мышкой. А что же будет, позволь она расцвести себе окончательно, избавься от глупого страха насовсем? Эти размышления прервались резко, когда на поручень кресла, в котором сидела не подозревавшая, что за ней так пристально наблюдают, присел мужчина. Конечно же Винсент, чему же тут удивляться... Опять этот чертов Винсент. И Майя, вскинув взгляд, улыбнулась, что-то сказала, снова улыбнулась, оглянулась на говорившую что-то сестру, потом снова на него и заливается смехом. Дэрреку почему-то тут же показалось необходимым вспомнить, часто ли

она смеялась при нем.

— Герцог Мэйденстер, граф Ланской, вы успели! Удивительно, как вы всегда держите слово, — самой внимательной из присутствующих, оказалась, конечно же, Кэрри, встречающая мужчин у поручней лесенки, ведущей на террасу.

— Быстрый конь, ранний подъем, исполнительные работники — вот и весь залог успеха, — Дамиан влетел по лестнице первым, Дэррек поднимался медленнее, стягивая перчатки.

Темные волосы отброшены со лба, и без того смуглое лицо, казалось, еще больше зазолотилось на солнце, четкие, выверенные движения, плавные, но какие-то предупреждающие, что эта плавность обманчива. Светлая рубаша, несмотря на запыленность дороги, чиста, обтягивающие замшевые штаны с кожаными вставками и высокие сапоги в тон. Майя смотрела на него и не верила, что еще утром целовала, что он был одет в ту же одежду, что подходил к ней так же, что эти длинные пальцы, с которых он сейчас стягивает перчатку, провели по щеке, отвлекая ее от поисков. Она смотрела на него с немым обожанием и гордостью. Ей почему-то захотелось поставить на нем клеймо: «мой». Чтобы это видел весь мир. Опомнилась она тогда, когда ее собственный бог, который, казалось, был богом далеко не только для нее, поймал такой ее взгляд. Опустив глаза, она почувствовала, что румянец заливаает щеки, даже не потому, что кто-то еще мог заметить, как она смотрела, а потому, что он мог прочесть ее мысли.

— Леди Соня, леди Майя, Витор, — вездесущий Дамиан успел дойти уже и до их крадлоджии. — Как вы относитесь к тому, чтобы завтра устроить конную прогулку? Предложение не мое, но, мне кажется, довольно таки удачное. Опираясь на сегодняшний свой опыт, могу сказать, что после нескольких часов единения с природой, чувствую себя бодрым и свежим. Правда, герцог? — тот стоял к ним боком, выслушивая что-то от выбежавшего сюда же минуту назад дворецкого.

— К сожалению, не разделяю твоего восторга. В следующий раз перед отъездом следует лечь спать раньше, тогда, возможно, наши с тобой мнения совпадут, — Дэррек не посмотрел на Майю пристально, но не увидев, как девичьи щеки снова загораются огнем, а взгляд устремляется куда-то вдаль, чтобы еле заметная улыбка не переросла в настоящую, было невозможно. И он отметил это с удовольствием, удовольствием собственника, ревнивого, но уверенного в том, что она его вчера, сегодня, завтра.

Это заметил не только он. Витор, смотрящий до этого на Соню, которая напряглась при звуке голоса герцога, перевел взгляд на ее сестру. Румянец можно списать на жару, присутствие большого количества людей, пристальное внимание, но вот блеск в глазах... Его не объяснишь.

— Прошу прощения, мне придется вас покинуть, — Дэррек склонил голову, бросив последний взгляд на снова занявшуюся вышиванием девушку, и направился ко входу.

— Ну так что, присоединитесь к прогулке? Я могу на вас рассчитывать? — Дамиану тоже не терпелось поскорей добраться до теплой ванны, но, в отличие от друга, он не мог себе позволить удалиться не договорив.

— Конечно. Если дамы не против, — Витор вопросительно посмотрел на Соню, та лишь кивнула, когда настал черед подтвердить Майю, на нее смотрели все трое. Она же, улыбаясь каким-то своим мыслям, делала крестик за крестиком на канве.

Да, мой, только мой. Вчера, сегодня, завтра.

Дэн подошел к ним через полчаса:

— Его светлость желает отослать письмо вашему батюшке, но, к сожалению, не уверен в правильности адресных данных, не будете ли вы так любезны...

Не дав времени вызваться Соне, которая и так не горела желанием это делать, Майя, вскочив, отправилась за дворецким.

Они подошли к рабочему кабинету его светлости, Дэн постучал, услышав «войдите», доложил о ней, а получив красноречивый взгляд, свидетельствующий, что в его услугах тут больше не нуждаются, согнулся в поклоне, пятясь к двери.

— Адресные данные? — Майя лукаво улыбнулась, пытаясь скопировать его привычную манеру, получилось или нет, сказать она не могла, но в глазах собеседника зажглась какая-то искорка.

Дэррек стоял у окна, заложив руки за спину. Он успел переодеться, а волосы были еще чуть влажными после водных процедур.

— Подойди, — он не приказывал, а даже если бы приказывал, вряд ли она ослушалась. Девушка обогнула стол, проводя ладонью по его гладкой поверхности, остановилась напротив мужчины, ожидая чего-то, даже толком не зная чего.

Как делал это часто, он облокотился о подоконник, чтобы чуть приблизиться к ней в росте. Ему снова было важно видеть ее реакцию на то, во что он собирался ее посвятить. Майя же не совсем понимала, что происходит — его лицо было серьезным, но спокойным, нельзя сказать, что он выглядит сердитым, скорее задумчивым. Обвив тонкую талию одной рукой, он хозяйским жестом притянул ее ближе.

— Ко мне пришло письмо. Сегодня, — он смотрел на нее изучающе, как будто видел очень давно или не видел вовсе. Ей даже стало чуть неуютно от такого пристального внимания.

В другой руке, которая покоилась до этого момента за спиной, а теперь возникла между ними, лежал конверт. От кого и кому он был адресован, Майя не видела.

Возникла куча вопросов, но задать их Майя не успела.

— От герцогини, — девушка перевела удивленный взгляд с конверта, которым он поигрывал, держа в руке, на собеседника. — Я хочу, чтобы ты его прочла, — конверт повернулся к Майе лицевой стороной. Она взяла его с опаской. Ей вспомнилось, как когда-то без разрешения уже чуть не влезла в его корреспонденцию, а сейчас он сам предлагает ей это.

Майя подержала конверт в руках, смотря на инициалы получателя и отправителя, выведенные красивым, ровным почерком, имеющим сходство с почерком Дэррека. Видимо, герцогиня подписывала сама. Вскинув еще один взгляд на мужчину, наткнувшись на пристальный изучающий ответный взгляд, она открыла послание, достала один единственный листик на гербовой бумаге, красивой, писать на такой — само удовольствие, а о приятных вещах — еще большее. Аккуратные знаки, ровные строки, размеренность жизни, казалось, повлияло на манеру излагать свои мысли.

«Дорогой мой герцог, Дэррек.

Я пишу, чтобы напомнить об обещанном тобой визите, который из-за очередных невероятно важных обстоятельств нам пришлось перенести. Надеюсь, в этот раз такое не повторится. Я и Мэгги с нетерпением будем ждать твоего приезда. Уже в этот вторник.

С любовью, мама.

П.С. Я не прошу, если ты опять придумашь любую отговорку. Даже если твой Ветер сломает ногу, ты все равно приедешь. И не надейся, что сможешь улизнуть уже через два дня, отмени все встречи на неделю. Я прошу всего одна неделю за три месяца, это не так много.»

Вторник... Майя пыталась вспомнить, что сегодня за день, но почему-то так сразу сделать это не получалось, смысл прочитанного потихоньку доходил до нее, и становилось как-то не по себе. Вторник, а сегодня... пятница, значит, осталось три дня. А потом неделя, целая неделя. Когда они с Соней должны уехать? В следующую среду. Три дня, неделя, следующий день. Ее воздушные замки снова рушились, вот только совсем не так, как она могла бы предвидеть.

Опять, уже в который раз, почему-то защипало глаза, но при нем плакать не хотелось. Вдруг посчитает ее истеричной? Ведь и так уже столько раз ему приходилось становиться свидетелем ее слез. Сморгнув пару раз, она перевела взгляд на герцога.

— Когда вы уезжаете? — голос вроде бы не предал, во всяком случае, она на это надеялась.

Все время, пока Майя читала и перечитывала строки, Дэррек внимательно наблюдал за ней. Сам он посчитал все сроки очень быстро, первая мысль, мелькнувшая у него в голове, была отказаться, ведь ничего не изменилось бы, прибудь он на неделю позже. Но потом мужчина передумал. Мама, сама того не зная, сделала ему огромное одолжение. Сколько времени он провел со своей голубкой? Около двух недель, а складывалось впечатление, что прошли месяцы. Сколько всего он узнал о ней, сколько раз ощущал сладость губ, сколько делал вдохов в унисон, и ему казалось, что он так и не насытился, не успокоился, не остыл. Изменится ли это за неделю с ней? Или за неделю без нее? Сможет ли он отпустить ее сейчас, на неделю, чтоб вернуться потом, или отпустит через неделю уже навсегда? Эта неделя должна была так или иначе стать решающей.

Она пробегала по строкам быстро, задерживая взгляд на отдельных словах, потом делала это еще раз, и еще. Наконец рука, в которой было зажато письмо, опустилась, а взгляд устремился куда-то в сторону — расстроилась. Он не знал радоваться этому или утешать, ведь сама того не зная, она подталкивала его к мысли, что принятое им решение правильное.

— Во вторник ранним утром. Имение не так далеко. Шесть часов пути.

Майя кивнула. Ее мнения ведь не спрашивают, просто ставят перед фактом, и за это она уже благодарна — не хотела бы узнать о таком вместе со всеми.

— А вернетесь? — голос стал чуть хрипловатым, уже сказав, она попыталась прочистить горло, чтоб избавиться от подступившего колючего кома.

— Во вторник, днем.

— А в среду мы уезжаем, — он не мог это забыть, слишком значимое событие для дома.

— Я помню. — Дэррек зарылся лицом в рассыпавшиеся водопадом волосы — достаточно было просто потянуть за связывающую их ленточку, и дело в шляпе. — Не думай об этом. У нас есть еще три дня. Не трать их зря.

Майе было обидно, за то, что у нее забрали целую неделю. Ее неделю. Что забрал он. Но Дэррек был прав — остается три дня. Три их дня, три дня, которые должны стать той чередой воспоминаний, которая будет питать ее всю оставшуюся жизнь, какой бы серой она ни была. Нет, она не позволит потратить их впустую, запомнит каждый вздох, каждый стук сердца, каждую мелочь.

Не желая тратить свои мгновения, Майя обвила шею мужчины. Начинать создавать воспоминания нужно было как можно быстрее. Конверт выпал из ладони.

— Ты нашла то, что потеряла? — пока Майя пыталась соорудить на голове подобие той прически, с которой зашла в кабинет, Дэррек писал письмо подтверждение, собираясь отправить его как можно скорее, пока не успел передумать.

Снова положив руку на шею, как бы пытаясь нащупать отсутствующий там кулон, Майя покачала головой.

— Нет. Нигде нет.

— Той подвески? Ласточки?

— Да, — Майя закрепила ленту шпилькой. Кажется, пора выбирать плетения попроще, ведь если он будет продолжать в том же духе, заплетаться ей придется по несколько раз на день. — Это был подарок, — накрыв рукой то место, где обычно покоился кулон, Майя попыталась представить, что он на ее шее, но желанного спокойствия это не принесло. Жаль... Вот только она готова была отдать намного больше взамен недели, которую у нее отобрали.

Дэррек подошел сзади, теперь они отражались в зеркале вдвоем. Он высокий, смуглый, красивый, тот, о ком она мечтала, и она, на его фоне казавшаяся еще более бледной, вот только почему-то сейчас хотелось сравнить этот цвет с молочным, более поэтичным, а бирюзу в своих глазах видела и она. Майя не знала как, но ему удалось вселить в нее веру в себя, надолго ли — неизвестно.

— Чей подарок? — он отошел к спинке кресла, на которой висел пиджак, так, что его отражение все еще было видно.

— Друга, — хотелось насмотреться на него сейчас, как он в момент становится серьезным, поистине герцогом. — Витора, — мужчина кинул в ее сторону странный взгляд, застыв, но через секунду опять взял себя в руки, застегнул последнюю пуговицу.

Вот оно что. Винсент, оказывается, намного ближе и опасней, чем Дэррек мог себе предположить. Одно дело — прогулки по саду с разговорами о вечном, и совсем другое — безделушка, из-за которой она готова перевернуть вверх дном всю комнату. Подойдя к успевшей повернуться к нему Майе, он поцеловал ее в щеку, дернув на себя чуть резко, но раздражение быстро улетучилось, в конце концов, она его, душой и телом. Он знает, какие на вкус ее губы, с ним она делится своими мыслями, задает вопросы, шепчет его имя, его же имя кричит. Его.

— Моя, слышишь? — он часто требовал от нее такого подтверждения, и каждый раз получал, ведь это была истинная правда.

— Да.

Глава 17

Что такое три дня? Это очень мало, но и очень-очень много. Три дня и три ночи. Если бы Майя могла, она отказалась бы от сна, еды и тех бесцельных часов, которые приходилось проводить без него. Но это было невозможно, а жаль.

Утром в воскресенье на подушке ее ждало послание, первое и единственное его послание: «Я буду ждать тебя в полдень у западных ворот».

Накануне вечером он не говорил ничего о каких-то планах, не оставил ни одной зацепки, дающей возможность гадать, что же ее ждет. Благо, времени до полудня оставалось не так много, а потому измучить себя догадками Майя не успела.

Почему-то сегодня, открыв шкаф, в глаза бросилось одно единственное платье — то, с бабочками, которое несло в себе так много по-настоящему горьких воспоминаний. Даже сейчас, по прошествии времени, тот день хорошим Майя не назвала бы. Но лучший метод исправить это — попытаться еще раз. Взяв в руки накрахмаленное платье, Майя вернулась к кровати. Такой живой подол, тугий корсет... Красивое. Волосы она оставила распущенными, помня о том, герцог когда-то сказал, что так ему нравится больше. Девушка лишь подхватила их одной атласной лентой, чуть более темного цвета, чем само платье. Именно к этому наряду так подходила ее утерянная подвеска, но, к сожалению, пока что ее так и не нашли. Скользнув в туфельки без каблука, Майя выскочила из комнаты. Записку она спрятала в свою сокровищницу, в которой до сих пор так и лежала та запонка, оставленная в ее старой комнате. Сначала она собиралась ее вернуть, даже несколько раз о ней говорила, но в один момент подумала, что может оставить ее себя, как память, и сама же с собой согласилась.

Выскочив на улицу, Майя оглянулась — дом погрузился в привычную полуденную тишину, слишком сейчас была жаркая пора для нежных дам. Лето окончательно вступило в свои права, через несколько дней люди ждали большого праздника — летнего экватора, начала брачного сезона. Конечно, давно уже никто не следовал традиции, запрещающей играть свадьбы от нового года и до Экватора, но почтение богам все же высказывали, готовя праздничный пир и оставляя пустое место для желающих заглянуть на огонек духов.

До западных ворот вела не такая уж и близкая дорога. Раньше Майя бывала здесь лишь раз. Тоже с Дэрреком, после знакомства с Ветром они долго гуляли по саду, исследуя спрятанные тут и там укромные уголки. Только тогда они заходили с другой стороны, а сейчас ей приходилось полагаться лишь на свою интуицию и надеяться, что главная дорога скорее доведет до цели, чем многочисленные тропки. Солнце палило нещадно, иди она на встречу к кому-то другому, давно развернулась бы к дому, предпочтя извиниться за срыв запланированного. Но не сегодня. У них оставалось все меньше дней, а стоило подумать о том, что он скоро уедет, сердце замирало.

Дэррек ждал ее у моста, который и называли теми самыми западными воротами. Небольшой каменный мостик переправлялся через ручей, благодаря которому тут было значительно комфортней, чем еще пять минут назад в пределах сада. Мужчина стоял спиной, не видя или делая вид, что ее не замечает. В девушке же проснулся дух ребячества, захотелось поступить так, как обожала Соня — подкрасться, напугать, а потом залиться веселым смехом. Все почти удалось, подхватив с обеих сторон подол платья, чтобы он не

шуршал, Майя медленно приближалась к неподвижному мужчине, вот только напугать не удалось — она испугалась сама. Дэррек резко развернулся, подхватил девушку на руки, отрывая от земли.

— Ты еще слишком маленькая, чтобы застать меня врасплох, голубка, придется тебя учить, — поцеловав смеющуюся добычу, он вернул девушку на землю. — Ты не устала?

Майя помотала головой. И правда, радость от того, что нашла дорогу, что не заблудилась, что встретила его, заглушила все воспоминания о тяжелом пути.

— Тогда придется пройти еще немного, — на каменном столбце моста стояла корзина, взяв ее в одну руку, а другой сжав девичью ладонь, Дэррек направился в сторону от дома.

— Куда мы идем? — Майя помнила его обычный стремительный шаг, и была благодарна за то, что сейчас мужчина ступает медленно и осторожно, давая ей возможность не гнаться, и даже разглядывать окрестности. Несколько раз им на пути попадались упавшие деревья, чтобы переступить через которые, Дэррек подхватывал ее на руки.

— Мы гуляем, леди Майя, разве непонятно? — вот уже несколько минут Майя шла чуть впереди, разглядывая открывающуюся ее глазам картину — обычный лес, обычные деревья и травы, но пробивающееся сквозь кроны солнце делало все это магическим. Дэррек же смотрел на нее, улыбку, которой озарялось ее лицо, каждый раз, когда она оборачивалась, чтобы задать вопрос, ответить или просто убедиться, что их сплетенные пальцы — не мираж.

— Спасибо за исчерпывающее объяснение, ваша светлость, — снова оглянувшись, заставляя улыбаться уже его самого.

— На развилке нам направо, — Майя кивнула, продолжая окидывать взглядом открывающиеся виды. Она понимала, что прогулка непроста, но решила подождать, чтобы не портить себе же сюрприз.

Совсем скоро они вышли на поляну. Казалось, лучше места в мире просто не существует. Она располагалась на берегу совсем небольшого озера. Поляну окружали высокие березы, а под ногами стелилась молодая сочная трава, усеянная белыми и светло-синими полевыми цветами. Майя могла поклясться, что где-то неподалеку должна была прятаться и земляника.

— Нравится? — Дэррек обошел остановившуюся на месте девушку, поставил корзину на землю, расстелил покрывало. — Прошу, миледи, — вернулся, взял за руку все еще пребывающую в оцепенении Майю, подвел к их самодельному столу. — Не знаю как вы, но я проголодался, надеюсь, моя скромная пища придется вам по вкусу.

Скромной, он называл пищу богов, во всяком случае, так считала Майя. Ее любимая клубника, шоколад, рыба, вкуса которой она, наверное, никогда не забудет, пряное вино, утоляющее жажду и не кружащее голову, во всяком случае, пока.

— Можно я? — герцог взял одну ягоду.

— Конечно... — Майя смутилась, ей показалось, что это тонкий намек на ее жадность, ведь девушка бесстыже завладела тарелкой с клубникой всецело.

— Глупая... — он же рассмеялся, а потом, опустив ягоду в растопленные на такой жаре шоколад, поднес угощение к ее лицу. На удивленный взгляд Дэррек ответил легким кивком.

Майя напоминала лань, готовую в любой момент убежать, оставив голодного льва ни с чем. По миллиметру приближаясь к ягоде, она пыталась одновременно не потерять равновесие, чтобы не упасть прямо на мужчину и неотрывно смотрела прямо в черные глаза. Обхватила плод зубами, чуть потянула. Она даже не догадывается, какие мысли заставляет

вертеться в его голове, такая чистая и всецело принадлежащая ему.

Это странное ощущение — брать пищу из чужих рук, но Майе показалось, что именно эта ягода была еще вкуснее.

Сладкая пытка могла длиться еще долго — вторая, третья красная ягодка повторили путь первой, на ее губе остался шоколад. Девушка потянулась за салфеткой, но не успела, неожиданный поцелуй заставил забыть обо всем. Уже через мгновение Майя лежала на покрывале, забыв о корзине, шоколаде, салфетке, чувствуя, как внутри зарождается желание, отвечая на блуждающие по лицу, шее поцелуи. Удивительно, не было мыслей о том, что под покрывалом — жесткая земля, над головой — синее небо, что где-то могут бродить охотники или просто люди, отправившиеся собирать ягоды. Было чертовски хорошо, правильно, именно так, как должно было быть.

— Идем, — Дэррек резко вскочил, оставив растрепанную девушку в растерянности. Немой вопрос голубых глаз получил ответ. — Купаться, — Дэррек стянул с себя рубашку, дернул Майю за собой, поставил ее на ноги и взялся за шнуровку платья.

— Но я плохо плаваю, — она не сопротивлялась, особенно когда руки, освободив пространство, проникли под тугий корсет. — Вода холодная, наверное... — Майя опять закрыла глаза, ощущая, как по коже бегут мурашки в ответ на прикосновения.

— Мы не будем плавать, голубка... — не дав ей времени понять значение сказанного, Дэррек перекинул девушку через плечо, вызвав визг испуга вперемешку с восторгом, направился к воде.

Вода действительно оказалась не холодной.

Сначала она лишь пощекотала щиколотки, а потом под натиском сильной груди, в которую Майя упиралась спиной, приходилось заходить все дальше и дальше.

Немыслимо... Она, Майя Дивьер, полубогаженная заходит все глубже в неизвестный ей водоем лишь потому, что так хочет он.

Шаг, ступни чувствуют гладкие камушки на дне, еще шаг, прохладная вода, поднимаясь все выше, заставляет вставать на носочки, отвоевывая каждый сантиметр еще сухой кожи. Заметив эту ее хитрость, Дэррек решил нарушить правила, брызги полетели со всех сторон. Не ожидавшая подвоха, Майя лишь закрыла лицо руками, спасаясь от холодной воды. Пока девушка не успела опомниться, Дэррек перехватил ее за талию, увлекая за собой на глубину.

Тонкое девичье тело прильнуло к нему с такой силой, как никогда до этого, жаль только, что произошло это не в порыве страсти, а просто от страха.

— Не бойся, если утонем, то первым на дно пойду я, — слабое утешение, но Майя его толком и не слышала, пытаюсь нащупать дно хотя бы пальчиками, вот только никак не находя. — Если ты меня задушишь, утонем намного быстрее... — опомнившись, она чуть ослабила хват. — Умница.

Единственное, что удалось уберечь от воды — ее волосы, собранные ракушкой на затылке, они были в безопасности, ведь если бы их пришлось сушить, они вряд ли успели бы вернуться к ужину. А вот сорочка облепила мокрое тело, не оставляя места для домислов.

В ней не было недостатков, Дэрреку иногда даже казалось, что Ях, как любитель изысканных шуток, создал ее специально для него.

Дэррек подцепив под водой подол рубашки, потянул его вверх, провел ладонью по бедру, приподнимая ничего не весящее тело. Получив такую нужную сейчас опору, Майя

послушно обвила мужской торс ногами, оказавшись впервые на равной с ним высоте. Вот только теперь она не могла отпустить руки, даже для того, чтобы провести по бронзовой коже — боялась соскользнуть. А так хотелось... Хотелось зарыться пальцами в волосы на затылке, попробовать их на ощупь.

Дэрреку в этом смысле повезло намного больше, ведь страх сейчас занимал куда меньше мыслей. Устроив Майю удобней, его руки продолжили блуждать по знакомому уже до мелочей телу. По гладкому животу с зигзагом расположенным на нем родинок, он помнил каждую из них, не раз перецеловывал. По высокой груди, чувственной к его касаниям, особенно сейчас, в прохладной воде. По выгибающейся под пальцами спине. По хрупкой шее, подставленной для поцелуев.

— Не боишься? — придерживая Майю за поясницу, он продолжал уже привычную пытку поцелуями.

— Нет, — Майя нашла его губы, приникая к ним, как бы подтверждая, что и правда не боится.

— Я хочу тебя, — прикусив мочку уха, он чуть потянул, заставляя в сотый раз задрожать всем телом.

— И я, — наверное, именно так можно выразить то, что она чувствовала — недостаток себя без него, желание чувствовать его в себе, а себя в нем, единым целым. Она его хочет, потому что она его любит. Мягкие движения, даже не толчки, а накатывающие волны, как на морском берегу, до потери сознания медленные, сводящие с ума, доставляющие особое удовольствие.

Единственным звуком, разносящимся по окрестностям, был тихий плеск воды и редкий шепот. Спроси Майю кто-то сейчас, через неделю, год, десятилетие, что такое терять голову — она вспомнила бы эти томительные минуты, и не имела значения уже ни прохладная вода, ни страх потерять равновесие, а только волны, убывающие и возвращающиеся, чтобы дразнить, доводить до края, но не давать забыться.

Такая красивая, такая нежная, податливая, а когда ее глаза наливаются синевой, голова откидывается назад, а губа закушена, сдерживая рвущиеся звуки, он и сам был бы не против стать художником, чтобы такой ее изобразить, правда это идея живет не долго, лучше оставить это только между ними, только для него. Да, он собственник, но с ней, эта черта растет во стократ.

Хоть часы, лежащие в траве, показывали третий час, жара только усилилась. Майя слушала бархатистый низкий голос, отдающий вибрацией где-то в груди, и наслаждалась полным покоем. Над головой синело небо, раздавались птичьи трели, ветерок то и дело поднимался, чтобы пощекотать кожу прикосновением. Ласковые пальцы перебирали пряди расметанных по покрывало белых волос. Ощущая щекой жар мужской груди, Майя не могла даже вспомнить тот первый холод от погружения в воду. Ее собственная рука тоже была накрыта мужской, там, где бьется его сердце, в унисон с ее собственным. Прижавшись к теплему боку, она думала о том, что, наверное, никогда еще не чувствовала себя настолько счастливой, ее счастье — это спокойствие, и сегодня этого покоя ей досталось сполна.

— Это неправильно... — своим же мыслям она почему-то ответила вслух. Вибрация под ухом чуть изменилась, Дэррек рассмеялся.

— Пора бы уже смириться, что все что мы делают — неправильно, — он тоже

чувствовал это спокойствие и хотел вдоволь насладиться ним. Что люди называют домашним очагом? Пристанище, в котором можно скрыться хоть на миг от нескончаемой гонки жизни? Тогда она его очаг.

Майя тоже думала о семье, но немного не так. Она представляла себе, что они женаты, на их пальцах два одинаковых кольца, а где-то в доме в колыбели лежит их сын или дочка, отпустившая родителей сюда. Дочка, это наверняка дочка, похожая на отца, чтобы была счастливой... Вот только в один момент в голову пришла другая мысль, заставившая выдернуть руку, прижав к себе. До этого расслабленное тело окаменело.

— Что случилось? — Дэррек повернул голову к ней, заметив перемену.

— Ничего. — Майя судорожно пыталась что-то сосчитать, толком сама не понимая что, но зная, что существует некая зависимость. Дэррек поддел ее подбородок пальцем, заставляя посмотреть на него. — Просто... Просто, я подумала, а вдруг... А вдруг у меня будет ребенок... — сказав это, она сама ужаснулась такой возможности. Это ведь уже не только ее позор, не только позор семьи, а еще и ни в чем неповинного ребенка, навеки считающегося в истории бастардом. Ребенка, которому не будет места ни в древе семьи, ни в жизни отца.

Дэррек снова повернулся так, что Майя оказалась прижатой к покрывалу.

— Да, а ты что, против? — он попытался задать вопрос так серьезно, как только смог, чтобы не расплыться в улыбке.

— Конечно, против! как вы себе это представляет?! — ошарашенная своими мыслями и его реакцией, Майя не заметила мелькнувшей в уголках губ улыбки.

— Как я себе это представляю? Очень даже неплохо, сначала — живот раздуется до размеров приличного арбуза, — Дэррек положил ладонь на совершенно плоский сейчас живот, — и я смогу целовать его вот тут, — он поцеловал ткань уже сухой рубахи, — и вот тут, — еще раз. — И этот самый арбуз будет отвечать мне, постукивая, передавая приветы. А потом появится очаровательная девочка с бирюзовыми глазами.

Майя смотрела на происходящее как заворуженная. Неужели это говорит тот же человек, который когда-то наводил на нее ужас?

— И ты все еще против? — такое искренне удивление, будто случись так, Майя получила бы только бонусы.

— Да!!!

Жаль. Хотя другого ответа он и не ожидал, эта девушка была совершенно лишена представления о том, как могут изворачиваться женщины, лишь бы получить наследника от герцога. Самый верный путь в герцогини, не иначе. А она об этом даже не подумала, он готов был дать голову на отсечение.

— Не волнуйся, — вновь опустившись на покрывало, Дэррек устремил взгляд в небо. — Ребенка не будет... — про себя он добавил «пока», но пугать ее сейчас совсем не обязательно. Ведь у нее впереди еще день, который она считает последним.

Ну конечно, как она могла подумать, что он не позаботится о том, чтобы его ребенка она не родила... Как бы прекрасно она это ни понимала, все равно стало обидно.

Несколько последующих минут они провели в тишине, занятые своими мыслями, первой ее нарушила Майя.

— Я почти ничего о вас не знаю, — девушка подняла руку, играя с лучами солнца, которые просачивались сквозь пальцы.

— Ты знаешь обо мне больше, чем любой присутствующий в этом доме, — опять «вы».

— Расскажите о своей семье, — Майя перевернулась, на живот, лоя блуждающий по

просторам взгляд.

— Зачем?

— О моей вы знаете все... Или почти все, а я хочу знать о вашей, — по правде говоря, этот вопрос волновал ее еще с памятного разговора с Витором, но возможности спросить все никак не подворачивалось, а тут раздумья сами привели ее к этой теме.

— Зачем? — большого желания погружаться в дебри подобных разговоров у него не было.

— Чтобы понимать, — как знание родословной поможет с пониманием его самого, Дэррек представлял очень смутно, но отказаться в просьбе не смог. Она не отказала еще ни разу, значит стоит отплатить той же монетой.

— О герцогине Мэйденстер ты уже знаешь много...

— О вашей маме, — Майя снова положила голову на мужское плечо, готовясь слушать.

— Да, о моей матери, герцогине Анне Мэйденстер. Знатное семейство, которое уходит корнями в истоки правящего сейчас рода... — он не понял, чего хотелось Майе. Именно поэтому, чтобы направить рассказ в нужное русло, она опять перебила.

— Какая она? Расскажите о своей семье своими глазами, я хочу представить.

Дэррек вздохнул, Майя была не такой как все, это он уж знал точно, ну что ж, своими глазами, значит своими глазами.

— Я — второй ребенок, у меня есть старшая сестра, родившаяся, когда герцогине не исполнилось и семнадцати. Высокое положение не убергло от раннего замужества. Вы с ней, мамой, чем-то похожи, она тоже рисует. Вот только так жестоко с рисунками не расправляется... — Майя спрятала лицо. Так случилось, что Соня однажды спросила при герцоге, куда Майя сложила свои наброски, ведь ей срочно нужен был один из них. Зачем — сестра не уточнила, а вялое объяснение старшей о том, что вряд ли сможет их разыскать, ведь после переезда еще не находила, Соню вроде бы успокоило. Но не Дэррека. Оставшись наедине, он сделал все, чтобы выведать правду о судьбе рисунков, ведь чувствовал, дело тут нечисто. В том, что выбросила их, Майя призналась, в причине нет.

Он обратил внимание, что раньше вечно носящая с собой папку с листами Майя за все то время, что они разделяли дни и ночи, ни разу не взяла карандаш в руки, причина такого поведения его интересовала, вот только каждый раз, стоило завести эту тему, ракушка снова норовила закрыться.

— Еще... ей бы понравилось это место. Она любит природу.

Представив благородную герцогиню на поляне, Майе стало неудобно. Мрак! Бесстыдно лежать в объятиях любовника и блаженствовать при этом — до чего странно устроена жизнь! Скажи ей кто-то, что подобное случится с ней, посчитала бы такого человека оболтусом, фантазером и невеждой.

— Вряд ли тебе доводилось с ней встречаться, герцогиня предпочитает домашний уют выходам в свет... Прямо как кое-кто. — Дэррек снова потянул за отдающую золотом прядь, притягивая раздумянное лицо поближе к своему. — Старшая сестра уже более десяти лет замужем, наградила маму двумя внуками, ее ты видеть могла, они с графом Марксом, ее мужем, ведут светскую жизнь активно, — взвесив свои слова, он добавил. — Даже очень. Линда.

«Линда» — в переводе означает красивая. Несомненно, и сестры, и мать должны были быть красивыми, иначе быть не могло.

— Мою младшую сестру зовут Мэгги, она чуть младше тебя. Взбалмошная, не завидую

бедняге, который добьется ее благосклонности, ему придется несладко.

— Почему? — девушка рисовала бесконечные круги на лежащей поперек туловища руке, внимательно слушая достаточно скупой, но такой ценный для нее рассказ.

— Ей не достает податливости, о которой так пекутся мужчины в поисках вторых половинок, вот только это не мешает ей разбивать сотни сердец в свое время. В конце лета ей исполняется шестнадцать.

— Странно... — задумавшись, Майя остановила движение по кругу, а потом повела в противоположном направлении.

— Что именно?

— Я не знала, что мужчины ищут в будущей жене податливость... Разве не красота стоит на первом месте? Достойному лорду должно быть приятно выйти в свет в сопровождении красавицы жены, — камень преткновения, которому суждено было стать решающим в ее судьбе.

— Твои познания в мужской психологии достойны аплодисментов. Но мне придется тебя разочаровать. Далеко не всегда в жены берут первых красавиц.

— Разве? — Майя скептически подняла глаза на собеседника. — Что-то я не припоминаю хромых герцогинь или слишком полных молодых жен знати. Хотя полнота часто приходит, вместе с детьми...

— Все просто. Жена, какой бы она ни была, становится спутником жизни, несменным, и уж поверь, мужчины не настолько глупы, чтобы уповать лишь на внешность. Она блекнет, — видимо, сказанное не вселило доверие в девушку, она скептически сжала губы. — Кроме того, жены не молодеют, а вот любовницы запросто могут становиться все моложе и краше.

Ему нравилось в ней еще и то, что обсуждая подобные темы, Майя не превращалась в ханжу, верящую лишь в те заповеди, которые пытались втолковать им с самого младенчества.

— И что, все мужчины заводят любовниц, если жены наскучили? — Предательство... Майе сложно было представить, что может быть хуже измены.

— Ты задаешь вопрос не тому человеку, — на удивленный взгляд, он пояснил. — Я не женат.

— Но ведь когда-то женитесь, и что, родившая наследника жена должна будет мириться с поисками красоты в неиссякаемом потоке любовниц? — Майе почему-то стало жалко ту девушку, которая когда-то окажется на этом месте.

— Поговорим об этом, когда я женюсь. Зачем гадать? — Майя опустила глаза, вернувшись к вырисовыванию своих узоров.

Да уж, поговорят... Сложно представить, как может выглядеть общение уже через неделю, когда придет срок расставаться, что уж говорить о более длительных сроках? Удерживать ее никто не станет, а в дальнейшем им лучше не встречаться, ведь как только эта пелена, которая обволакивает девушку в его присутствии, спадет, ей снова станет ужасно стыдно за все, что она себе позволила.

Дэррек тоже вернулся к разглаживанию чуть вьющихся шелковистых волос. Когда-то она поймет, что дело не в том, жена для тебя женщина или нет. От измени не защищает ни статус, ни что бы то ни было, но при одном условии — что возникает желание изменить. Он сильно сомневался, что с той, которую пророчил себе в жены, такое желание может возникнуть в принципе.

Посчитав тему закрытой, Майя вернулась к тому, с чего они начали:

— А ваш отец?

Рука, перебирающая пряди на миг остановилась:

— Он погиб.

— Прости, — это было не совсем честно с ее стороны, ведь сказанное не стало для нее новостью.

— Это произошло давно. Больше десяти лет тому. Не вернулся с охоты. Глупая смерть, друг отдал ему ружье, чтобы поправить сбрую. С двумя ружьями в руках удержаться за собственного коня не так-то просто. Конь взбрыкнул, отец упал, одно из ружей выстрелило. Герцогиня сложно переживала смерть мужа, доказательство тому ее затворничество...

— А ты? — ему льстило, что она наконец-то перешла на ты, даже если для этого пришлось задеть такую щекотливую тему.

— А я... А я в один день стал герцогом Мэйденстером. Не скажу, что этот день был лучшим в моей жизни, но так уж сложилось, — он даже чуть улыбнулся. Да уж, не лучшим в его жизни... Дэррек часто думал, как сложилась бы его жизнь, если бы того дня не было. Как бы сложилась его жизнь и жизнь всех дорогих ему людей? И каждый раз приходил к отчаянно правдивому выводу — он уже никогда этого не узнает.

— Не верится, что судьба способна на такие повороты. Это ведь просто случай, несчастный случай, — остекленевшим взглядом Майя смотрела куда-то за деревья, в десятки километров и лет отсюда, в тот день, когда произошла трагедия.

— Случай, которого могло бы и не быть. Не отдай Винсент ему ружье... — Майя встрепенулась, заняв сидячее положение.

— Винсент?

— Да, лучшим другом моего отца был отец Витора Винсента, дорогого твоему сердцу. Настоящая ирония судьбы... — да уж, Майя почувствовала себя воистину между двух огней. Витор, считавший Дэррека виноватым в крахе счастья его брата и Дэррек, винивший его отца в смерти собственного. А ведь это правда, оба они дороги ей, обоих она любит, хоть и совершенно по-разному, но если пришлось бы делать выбор, долго она не сомневалась бы. Хоть и понимала, что в герцоге говорит скорее детская обида, чем взвешенное взрослое решение. Обида за то, что его лишили опоры до того, как он сам стал на ноги. Способен ли он на прощение через столько лет?

— Но ведь в этом никто не виноват, — Майя попыталась дать ответ на свой вопрос.

— Ты ошибаешься. Просто виновных больше, чем было бы, погибни он, например, на дуэли, — нет, не способен, во всяком случае, пока. А значит, холодная война будет продолжаться. — Я удовлетворил твое любопытство? — возвращая Майя из плена тяжелых мыслей, Дэррек тоже рывком сел.

Вместо ответа, Майя обвила его шею руками, нашла губы своими и попыталась, как могла, поблагодарить за доверие. Небывалое, по ее мнению. А для того, чтобы придумать, как ему помочь в прощении, у нее впереди будет еще целая неделя без него. Вспомнив о скором расставании, девушка приникла еще ближе. Ях, если бы ей хватило сил держать его так вечно, не отпуская, тут и сейчас.

— Мне кажется, пора опять попрактиковаться, голубка, — подсадив Майю себе на колени, Дэррек проник ладонями под легкую ткань, — Повторяй за мной, — рассыпанные по плечам локоны щекотали кожу на груди, Дэррек подумал, что нужно запретить ей собирать волосы в высокие прически, хотя тогда он лишится удовольствия их распускать. —

Дэ... ррек. — одних его поцелуев было достаточно, чтоб Майя забыла обо всем, кроме него. — Запомнила? — в сотый раз исследуя бархатистую кожу, мужские пальцы прошли по спине, животу, опустились ниже, заставляя и без того сконцентрированные в одной точке ощущения пульсировать с бешеной силой. — Это не сложно... — Ях, какое зрелище открывалось сейчас перед его глазами, полузакрытые веки, припухшие от поцелуев не сжатые губы, жаждущие не слов, впившиеся в плечи острые коготки, как расплата за его изысканную пытку. — Скажи, Дэ-ррек. — он не знал насколько хватит его выдержки, но надеялся, что услышит такое желанное обращение прежде, чем и сам потеряет контроль. — Скажи...

И где-то там, ощущая лишь желание снова почувствовать то же, что не так давно в воде, вместе с ним. Майя склонилась к его уху, мечтая скрыть слова от всего мира, кроме него, она прошептала:

— Дэррек... — сладкая мука не прекращалась. Разразись сейчас гром или шторм, ей было бы сложно это заметить, слишком были нежны пальцы, слишком он хорошо успел сговориться с ее предательским телом.

— Еще...

— Дэ... ррек. — Майе казалось, что еще секунда, и она разлетится на сотни кусочков.

— Молодец, голубка, — чуть приподняв мягкое тело, он проник в нее, деля пульсирующее желание на двоих. Нет, когда-то она узнает о том, что любовниц заводят лишь тогда, когда приходит насыщение. А она была для него источником, заставляющий мечтать припадать к нему снова и снова до бесконечности.

Обратная дорога заняла намного меньше времени. Оказывается, выбери Майя маленькие тропки, не пришлось бы обходить весь сад. Вот только самой, без ведущего за руку поводыря, ей бы это не удалось. Пару раз, услышав шорохи, Майя пыталась высвободить ладонь, но Дэррек ее придерживал.

— Не волнуйся, тут мы точно никого не встретим, — слишком дикими эти тропки казались привередливым обитателям дома. Когда на горизонте вырос дом во всей своей красе, Майе стало грустно — лучшего дня у нее еще никогда не было, а единственным подтверждением того, что это не сон, стала оставленная на поляне корзина. Погруженная в свои грустные мысли, девушка не сразу заметила, что герцог остановился, а через секунду развернулся, притянул к себе.

— Дальше иди сама, голубка, — Майя кивнула. — Но сначала поцелуй... — заглушив кричащий о том, что их могут увидеть, голос, Майя поднялась на носочки, ухватившись для равновесия за мужскую рубашку. Застенчивый девичий поцелуй очень скоро грозил превратиться в очередную вспышку страсти, поэтому Дэррек отстранился сам, а заметив недоуменный взгляд голубых глаз, улыбнулся, бросив, что «таких ненасытных женщин он еще не встречал». Вдоволь налюбовавшись вновь покрасневшей девушкой, он слегка подтолкнул ее в сторону дома чуть ниже спины, надеясь, что пройдясь, она соберет мысли в кучу.

Ему для этого точно понадобится долгая прогулка.

Глава 18

— Вы уезжаете? — Витор вальяжно устроился в кресле в кабинете герцога, постукивая костяшками по деревянной ручке. Его собеседник сидел на своем привычном месте.

— Откуда такие сведенья? — первая мысль, тут же отозвавшаяся недовольством в груди, касалась Майи. Ведь она могла посвятить в приближающийся отъезд... друга. Только непонятно, за что ему-то такое доверие.

— Из надежных источников, — получив желаемое удовольствие от того, что в глазах герцога блеснула ярость — укол удался, Витор уточнил: — граф Ланской бывает удивительно болтлив, не находите?

Вместо того, чтоб разозлиться на Дамиана, который действительно часто треплется, хуже рыночной торговли, Дэррек почувствовал, как недовольство отступает, сменяясь спокойствием — главное, что он знает не от Майи, а остальное не так-то важно.

— Возможно. Думаю, впредь болтливости ему поубавится. Вы опять по делу? — Дэррек вернулся с прогулки, когда часы пробили пять. К счастью, излишне навязчиво его внимания в доме не добивались, он спокойно дал указания дворецкому, отвесил несколько ничего не значащих комплиментов одной из дам, чем практически довел ее до обморока, и отправился в кабинет. До отъезда оставалось еще достаточно работы, а времени не так и много.

— Да.

— Я же сказал, обещать я ничего не буду. Если желаете заручиться чьей-то поддержкой, начинайте покорять сердца невест, а в благодарность их отцы позаботятся о большинстве для вашего батюшки, — пусть ему будет сто раз выгодно поддержать сейчас Винсента, облегчать ему жизнь, признавая это, Дэррек не собирался. Ему было приятно думать, что тот мучается. Хотя бы сомненьями.

— Я по другому... делу, — последние блики улыбки пропали из глаз собеседников.

Витор был готов поклясться Яхом, что не собирался становиться свидетелем сцены в тот вечер. Имей он выбор, знай, что увидит, наверняка предпочел бы неведение. Но судьба распорядилась по-другому. За все это время, он постоянно пытался так или иначе намекнуть Майе, что она совершает ошибку. Но это чертовски сложно сделать, не выдав своего знания. Единственное, что его в сложившейся ситуации устраивало — это то, что задатки конспираторства странный, во всех смыслах, тандем любовников демонстрировал отменные. До сегодня.

Хотя Витор лукавил, была еще одна вещь, которая его радовала, Соня, не имея возможности проводить с сестрой дни напролет, все чаще делила время с ним.

Но тут он оказался не в связи с желанием высказать благодарность. Их осторожность казалась ему довольно удачной лишь до сегодня, когда он сам, уже во второй раз стал свидетелем слишком двусмысленной и любопытной сцены.

Все вышло случайно — блуждая по лабиринтам сада, Соня предложила исследовать новые тропки, не соглашаясь у Витора не было ни желания, ни причин. Совершенно случайно он опередил ее на несколько метров, чтобы заглянуть за угол и убедиться, что он действительно помнит дорогу до дома, совершенно случайно у Сони в тужельку попал камушек и она остановилась на минуту, чтобы его достать. А когда Витор выглянул...

Дэррек с Майей стояли в двадцати шагах, абсолютно не заботясь о том, насколько хорошо их видно отовсюду. Он что-то сказал, девушка, привстав на цыпочки, поцеловала, сколько это длилось, сложно сказать, но помешкай они еще полминуты, и встреча сестер состоялась бы в неожиданных для обеих условиях. Выпустив девушку из объятий, герцог тоже скрылся из виду, свернув в противоположном направлении.

После первого шока, который Витору не удалось избежать, несмотря на то, что это не было для него насколько уж неожиданным, в голову ударила злость. Не на глупую Майю, которая стала очередной жертвой известного повесы, а на него, совершенно не заботящегося о том, что будет с ней, когда все станет явным. Такими темпами именно не «если», а «когда». Перед глазами снова встало лицо брата, узнавшего о предательстве, униженного и разбитого, меньше всего ему хотелось увидеть такой еще и Майю.

Когда Соня вышла из-за поворота, пары и след простыл, но только в этот раз. Что будет завтра — даже сложно себе представить. Легким утешением вот уже несколько дней ему служило нечаянно оброненное сообщение Дамиана о том, что Дэрреку придется уехать на неделю. И не застань он их сегодня, этот разговор бы не состоялся.

— По какому? — какие еще могут быть у них дела?

— Личному, — Витор оглянулся, как бы проверяя, что дверь закрыта достаточно плотно. — Вашему личному, — сделал ударение на первом слове. — Я просто хочу дать вам один совет, надеюсь, вы к нему прислушаетесь.

Дэррек скептически повел бровью. Вряд ли совет Винсента будет иметь для него хоть какое-то значение.

— Не теряйте бдительность. Если не желаете, чтобы настали неожиданные, но не самые приятные последствия... — лицо герцога стало больше походить на маску, слишком серьезное, слишком сосредоточенное.

— О чем вы? — и тон тоже ледяной.

— Вы выбираете не самые удачные места для... решения личных вопросов.

— Что за чушь?

— Я просто предлагаю вспомнить, что на вас лежит ответственность не только за вас. Ждать осторожности от нее, сложно, — кто такая эта «она», объяснять не пришлось, — но уж вы...

— Витор, я не собираюсь слушать подобный бред, встретимся за ужином. — Дэррек был в ярости. От того, что этот нахал осмелился прийти и делать ему замечания, от того, откуда он мог узнать о происходящем... На этот раз источник слишком очевиден.

— Я сказал все, что хотел, приятного вечера. — Витор встал, спокойно направился к двери. Как бы Дэррек ни опровергал это, теперь он станет вести себя осторожней.

Только уйти просто так ему не дали. Дэррек знал себя — не задай он сейчас еще один вопрос, накрутил бы себя до крайности. Сначала себя, а потом и ее.

— Откуда возникли ваши предположения? — вопрос заставил Витора уже у двери.

Он мог сказать правду — ответить, что сам не раз становился невольным свидетелем их тайных свиданий. А мог соврать и снова уколоть своего противника, хоть за сердце одной женщины они уже не боролись. Соблазн был слишком велик, чтобы сдержаться.

— Из надежных источников.

Дверь закрылась, в кабинете снова повисла тишина, прерываемая лишь тиканьем часов.

Дэррек на секунду закрыл глаза, выдыхая.

Майя, что же ты делаешь? Почему доверяешь этому чертову анибальту?

Мужчина открыл верхний ящик стола, достал оттуда цепочку с висящей на ней ласточкой, пустил маятником на уровне лица.

Нет, она не могла рассказать о том, что происходит, Витору. Как бы ни доверяла, просто не могла. Не его Майя, краснеющая даже от шепота на ухо, привыкшая закрываться от всего мира. Винсент просто пытается его взбесить. Ему это удалось, вот только толку от этого будет очень мало.

Подбросив качающийся кулон, Дэррек поймал его, сжав ладонь, и отправил обратно в ящик. Скоро ни один Витор не сможет вывести его из себя. Осталась неделя.

Что ей принес понедельник? Ее последний день? Бездну отчаянья и не меньшую бездну надежды.

С самого утра она вела себя как-то странно. Обычно такая спокойная, плавная в своих движениях, сегодня Майя стала более резкой, суетной. Уже привычно не застав Дэррека утром подле себя, девушка впала в самую настоящую тоску.

Безвкусный завтрак, на котором он объявил всем присутствующим о необходимом отъезде, ставшим новостью далеко не для всех. Пустые разговоры за столом...Бесцельно потраченное время, ее время. Ее время с ним.

Не заметить эти перемены Дэррек не мог. С каким отчаяньем она смотрела на висящие на стене часы, не обращая внимания на то, что сестра пытается что-то у нее спросить. Он практически готов был отказаться от поездки, лишь бы не видеть этого немоего страдания в глазах, но каждый раз отдергивал себя, повторяя, что так нужно. Единственное, что он смог сделать, под видом написания его портрета, заманить Майю к себе в кабинет, не вызывая лишних подозрений.

— Голубка, присядь хотя бы на минуту... — он пытался написать ответ на пришедшее сегодня обращение одного из арендаторов.

Майя же продолжала прохаживать по кабинету от стенки до стенки. Она сменила уже с десяток мест. Сидела на кушетке, но посчитав, что с нее слишком плохо видно его рабочее место, пересела ближе на кресло напротив. Там некуда было деть ноги, упирающиеся в стол, из-за того, что кресло она придвинула слишком близко, а отодвинуть дальше, означало добровольно от него отстраниться. Не выдержав этих метаний, Дэррек попытался усадить ее к себе на колени, вот только уже через две минуты, когда вместо мыслей об арендованных землях в голове стали появляться настойчивые однозначные образы, ему от этой идеи пришлось отказаться. И такой круг Майя проделывала уже не один раз. Потеряв всякую надежду, она даже осмелилась взять в руки карандаш, листок и вправду попытаться его нарисовать, но трясущиеся руки ей не дали.

— Возьми книгу... — он указал на стеллаж у стены, а в ответ получил лишь еще один полный неопишуемого отчаянья взгляд. Нет, если она собирается провести так целую неделю, его игра и вправду не стоит свеч.

Наконец-то отвлечься она смогла лишь тогда, когда дворецкий принес ей письмо из дому. Искренне обрадовавшись хотя бы временной передышке в борьбе Майи самой с собой, Дэррек уступил ей место за своим столом, чтобы она смогла написать ответ.

От нервов или возможно из-за того, что девушка и вправду вселенски соскучилась, письмо получилось очень длинное. Она написала и о недавней поляне, только найденной ею одной, во время прогулки, и о прочитанных за это время книгах, которые, в сущности, не

имели для мамы никакого значения. О своем здоровье, о здоровье Сони, о здоровье Витора, которого мама в жизни не видела. О здоровье герцога, который оказался очень радушным хозяином, но к сожалению, которому придется отбыть на целую неделю... Ох, мамочка... Если бы Майя могла ей рассказать, что из всего послания, лишь эти слова имели для нее значение.

— Мне не хватило... — Майя покрути в руке исписанный с двух сторон лист.

Воспользовавшийся паузой в ее метаниях, Дэррек углубился в чтение, на вопрос ответил почти механическим:

— В одном из ящичков должна быть бумага.

Деловито кивнув, Майя начала путешествие по шкафчикам. Бумаги не оказалось ни в одном шкафу по правую руку, ни в нижних по левую. Девушка открыла верхний. Увиденное сделало невозможное — паника отошла на задний план. Поверх стопки бумаги лежала ее ласточка. Целая и невредимая. В то, что он ее нашел, но просто забыл отдать, она бы не поверила ни за что, по-другому как подарок Винсента он кулон не называл. Значит, спрятал специально.

— Ну что, нашла? — Дэррек вспомнил о нем не сразу, наверно в тот же момент, когда ее глаза округлились, наткнувшись на неожиданную находку.

— Да, — до сих пор большие от удивления глаза встретились с чуть прищуренными.

Она сомневалась, а он ждал. Мысленно приказывал сделать правильный выбор, или не приказывал, просил?

Майя коснулась подвески под прикрытием стола. Чего он ждет от нее? Что она возьмет дорогую ей вещь или оставит на месте? Еще вчера она спрашивала себя, кто для нее более важен, и ни секунды не колебалась, в общем-то, как и сейчас, соскользнув пальцами чуть ниже, девушка вытащила листок.

— Да. Спасибо, — положив его на стол, Майя взялась за письмо с новой силой, делая вид, что не замечает продолжающий сверлить ее взгляд. Пусть его подозрения беспочвенны, если ему нужно, чтобы она от этого отказалась, она так и сделает.

Сборы забрали у Дэррека все время между обедом и ужином. Суетную Майю при этом герцог доверил Соне, жаждущей провести наконец-то время с сестрой. Майе хотелось поделиться своими страхами, почувствовать поддержку близкого человека, схватиться за соломинку, падая в бездну, но это было невозможно.

А когда настал вечер, у нее просто не осталось сил бояться и жалеть.

— Я уезжаю на неделю... — Дэррек взял холодные, сжатые с силой кулаки в свои руки, пытаясь поймать загнанный взгляд.

— Я уезжаю через неделю! — неужели он не понимает, что сегодня они практически прощаются? Через неделю он ее и не вспомнит, через неделю их экипаж отнесет ее домой с дырой вместо сердца.

— Ях, ну почему ты у меня такая глупая? — прижав к своему телу, Дэррек приподнял ее подбородок. — Ты мне веришь?

— Да! — скорее писк, чем ее привычный шепот.

— Значит, верь, — он прильнул к искусанным за день губам, с трудом заставляя их разжаться, а тело расслабиться. За все время общения с ней, еще ни разу ему не удавалось убедить ее словами, словам она не верила, а вот на чувства полагалась намного охотней.

Этой ночью Майя жалела лишь о том, что не позволяла себе всего, что хотела, раньше, что чего-то боялась, стыдилась, сдерживалась, что думала о благовоспитанности тогда, когда это казалось таким важным. И лишь теперь она понимала, что такое жалеть об упущенном, пить каждую секунду.

Куда делись подушки, одеяло, они не имели ни малейшего понятия, сегодня Майя поняла и искренне поблагодарила того, кто создал ложе таких размеров. Ее не смущала собственная нагота, скрытая ночной тьмой и только, не заставлял отводить глаза вид его голого тела, покрытого мелкими капельками пота. Она пыталась впитать памятью все до мельчайших деталей, оставить на нем свой знак, как он постоянно ставил на ней. Исследовав руками спину, плечи, Майя сделала то же с помощью губ. Ей было не важно, осознает ли он, с каким отчаяньем она пытается оставить его здесь, сейчас, с ней, но жутко хотелось, чтобы он чувствовал то же.

— Я не переживу... — Майя оторвалась от любимых губ лишь на секунду, ей казалось, что не деля дыхания, она становится рыбой, лишенной воды.

— Я вернусь, — такие ночи стоили грядущих расставаний. Ях, как она отдавалась, без остатка, жадно, страстно, доводя его до исступления и снова бросаясь в омут с головой.

— Я не переживу... — она не могла его не отпустить, но как же хотела задержать.

— Я вернусь...

Когда перекатившись, Майя оказалась сверху, Дэрреку стоило больших усилий не подмять ее опять, чтобы вбиваться в это хрупкое тело в доказательство того, что она дождется, что ответит на чувства, которые он облечет в слова.

Склонившись над его лицом, Майя, дразня, коснулась раскрытых для поцелуя губ. Дэррек этого не ожидал, это было начало ее маленькой мести за сегодня и всю грядущую неделю. Соорудив воображаемое кольцо из рук, оперев их о перину по обе стороны от лица, Майя снова приблизилась к губам мужчины и отпрянула, как только он хотел вырвать поцелуй. Принимая правила игры, Дэррек сжал ее талию, не позволяя самому себе вмешивать в действия. Длинные волосы завесой спускались вниз, отгораживая от окружающего мира. Майя прошлась теплым дыханием по губам, так и не позволив коснуться себя живьем, еле ощутимая россыпь поцелуев проложила дорогу ото лба, по щекам, подбородку, шее. Пытаясь сдержаться, Дэррек сильнее сжал тонкую талию. Получив такую опору, Майя пустила в ход и порхающие по телу пальцы, как бабочки, ассоциирующиеся с ней. Склоняясь к лицу, Майя прислонялась к мужчине всем телом, заставляя мышцы судорожно сокращаться. Почувствовав дыхание на скуле, Дэррек готов был сдаться, взять инициативу на себя, лишь титанически усилия заставили его сдержаться, и они были вознаграждены:

— Мой? — чуть хриловатый шепот и укус за мочку. Он промолчал, ожидая продолжения.

Повторив свой путь в обратном направлении, Майя прильнула к другому уху:

— Мой? — более требовательно, желая получить ответ. Хотя бы сегодня, хотя бы раз она хотела это знать и чувствовать. Но ответом ей снова была тишина. Не собираясь сдаваться, она вернулась к губам, приближаясь и заставляя его тянуться вверх, чтобы поймать. Сознательно или нет, в свой танец она подключила и бедра, поерзав на его и без того разгоряченной плоти, это стало последней каплей.

Резко перевернув ее, Дэррек заставил Майю выгнуться от ощущения наполненности. Поцелуи, которые она так старательно отнимала, ей тоже пришлось вернуть сторицей, но

победительницей все равно осталась она.

— Твой? — Дэррек повторил ее трюк с мочкой уха... — Твой? — поймал сорвавшийся из-за его движений внутри стон своими губами.

И чувствуя такой пьянящий триумф, настоящее счастье, Майя ответила:

— Мой, — глядя прямо в черные бездонные глаза, повторила. — Весь мой...

Дэррек должен был уехать в шесть часов утра, для сна осталось не так-то много времени. Майя добилась того, что он дал слово разбудить ее перед отъездом, она хотела попрощаться, без слез, без истерик и паники. После сегодняшней ночи она была уверена, что он вернется, вернется к ней. Не было страха, была лишь грусть от того, что разлуки все равно не избежать. Вот уже несколько минут черты его лица были спокойными, дыхание ровным, Майя любила смотреть на то, как он спит. В такие моменты она успевала поделиться с ним секретами, который скрывала от него же. Вот и сейчас Майя поцеловала чуть колючую щеку, потершись об нее носом, вдохнула запах, который надеялась вспоминать все это время. Дотянувшись до уха, она прошептала как можно тише, чтоб даже луна не услышала то, что уже давно знала, но чего так боялась.

— Я люблю тебя... — вот. Оказывается, это так просто. И пусть он об этом не знает, пусть он не ответил, им хватит и ее любви.

Только Дэррек не спал. Чего-то ждал... и дождался. Трусиха. Она побоялась сказать это ему, хотя уже не раз повторяла во сне, а теперь осмелилась на такое признание, считая, что он не слышит. Не желая спугнуть, мужчина не стал открывать глаз, не сделал все, чтобы она повторила слова опять, на это у них будет достаточно времени. Лишь руки, сжимавшие ее в объятьях, усилили хват, подтверждая, что он научит ее не только чувствовать, но и говорить о своих чувствах.

Бесшумно ступая по ковру, герцог Мэйденстер вернулся в комнату перед тем, как сесть в уже запряженный экипаж с погруженным багажом. Он обещал ее разбудить, но утром она спала так мирно, что выполнить свое обещание мужчина не смог. Подойдя к кровати, он присел на корточки, чтобы в сотый раз убедиться: он не ошибся. Чтобы вспоминать это лицо, тонкие ручки, закинутае за голову, лежащие на подушке белых волос, родинку в форме сердца на боку, и глаза, закрытые сейчас, но врезающиеся в память так отчетливо.

Он приблизился, запечатлел на губах короткий поцелуй, шепнул на ушко: «верь мне», и рывком поднявшись, вышел из комнаты, не желая больше испытывать свою выдержку, которая и без того вчера поддалась серьезным испытаниям.

Когда Майя открыла глаза, часы показывали семь. В комнате его уже не было. Не разбудил, не позволил попрощаться так, как она хотела... Не дал хотя бы еще раз почувствовать себя почти счастливой. Несколько раз моргнув, Майя справилась с просящимися пролиться слезами. Она собиралась выполнить свое обещание, данное вчера ночью, она не станет впадать в уныние. В конце концов, эта неделя даст ей возможность снова научиться жить без него, как ей предстоит.

Ступая босыми ногами по мягкому ковру, Майя мысленно прощалась с комнатой, в

которой она провела куда больше времени, чем в своей собственной. Затворив за собой дверь, девушка решила все же не закрывать ее на ключ, просто боясь, что это будет плохим знаком. Спать больше не хотелось, зато возникло желание, заглушенное, казалось, навсегда. Достав из ящичка лист, Майя села на стул напротив окна. Ей не нужен был позирующий, чтоб она вспомнила его черты. Пальцы легко порхали по бумаге, создавая очертания знакомого лица — волевой подбородок, ровный нос, чуть насупленные брови, смотрящие в самую глубину души глаза. И в каждое движение Майя вкладывала свое «я тебя люблю», хоть он уехал, все равно оставался для нее принадлежащим ей: «Мой...»

Глава 19

Стук столовых приборов сегодня стал главным звуком, сопровождающим утреннюю трапезу. Особого желания вести беседы уже не было. Эти люди провели вместе почти два месяца. Темы перевелись, все общие интересы обнаружились, а дискуссии были закрыты. Майя время от времени смотрела на пустующее место во главе стола и тяжело вздыхала. Ей почему-то вспомнился один их разговор.

Когда в один из дней, Дамиан куда-то отлучился, Дэррек попросил Майю сесть возле себя. Смеясь над таким предложением и самой собой, Майя тогда спросила, как кто? По правую руку обычно сидят жены или важные гости. Недолго думая, герцог объяснил: «как моя хозяйка». Тогда Майя отказалась, он путал, хозяйка — это жена, а любовницам подобных мест не предлагают.

Тогда кресло по правую руку так и осталось пустым, а сегодня пустовало место хозяина.

На Сою отсутствие герцога не повлияло никак. Даже обида, теперь казавшаяся глупостью, уже прошла. Он поступил правильно, сказав ей о том, что ничего не испытывает, это было честно, лучше так, чем тянуть. Младшая Дивьер подняла взгляд на Витора, который и помог ей это понять. Как и многое другое. Рядом с ним, Соне казалось, она принимает более взвешенные решения, за что его искренне благодарила.

Сам Витор следил за Майей. С одной стороны, с жалостью, ведь представлял, что она должна была чувствовать, а с другой, с опаской. Что принесет этот неожиданный отъезд ему?

На Майю поглядывал еще один человек. Знай она об этом, наверняка вела бы себя более осторожно. Дамиан крутил в руке стакан с соком, размышляя о странном разговоре, состоявшемся вчера вечером. Его друг, не отличающийся открытостью, побил все рекорды. Он поручил Дамиану «приглядывать за старшей Дивьер». На удивленный взгляд и последовавший за ним вопрос, ответил только «так нужно». Ни кому, ни зачем, ни в чем состоит это «приглядывание». Ну что ж, Дамиан не мог не признать, что не имеет ни малейшего понятия, в чем же причина, но пообещав, собирался свое обещание исполнить.

Сегодня поднялся легкий ветер, напоминающий, что лето не бесконечно, и уже скоро оно сменится осенью. Сестры сидели на качелях, но ни у одной, ни у другой не было настроения раскачивать до такой степени, что, кажется, еще секунда и ты взлетишь.

— Ты в последнее время скрытная... — Соня облокотилась о держащий качели трос.

— Все хорошо, просто у тебя есть другие дела, кроме как возиться со мной, а когда я постоянно маячу перед твоими глазами, об этом сложно не забыть, — Майя улыбнулась, чуть грустно, но все же с намеком на одобрение.

— Ты о Виторе? — Соня опустила глаза, она уже давно хотела поговорить с сестрой о нем, но случая никак не выпадало.

— И о нем тоже. Что-то произошло? — подобное поведение было несвойственно ее бойкой Соне, у него должна быть причина.

— Да, — темно-синие глаза, как у мамы, встретились с голубыми. — Я запуталась.

Майя покачала головой. Ях, как много, оказывается, она пропустила в жизни сестры,

нырнув с головой в свою собственную! Много воды утекло с тех пор, как герцог предложил Соне остаться друзьями. Вернись они тогда домой, младшая Дивьер была уверена, до сих пор чувствовала бы к нему что-то, возможно, даже более сильное, чем в то время... Просто потому, что недостижимый плод всегда сладок. Но они остались. Соня не знала, кто кого избегал — она его или он ее, но так случилось, что они с герцогом пересекались все реже. И в один из дней, встретившись, девушка поняла, что сердце ее уже предательски не ёкнуло. Оказалось, у ее влюбленности был не долгий срок и не слишком высока цена. Не прошло и месяца, а то, что казалось чувством всей жизни, превратилось в пыль.

Но случилось это не само по себе, не только потому, что она так захотела. Соня не собиралась упрекать сестру в том, что та, видимо, нашла себе занятие, занимающее так много времени, но потеряв на время ее, Соне пришлось искать человека, способного ее заменить.

Человек нашелся сам. Витор оказался чудесным рассказчиком, умным молодым человеком, способным на авантюры и в то же время, здраво рассуждающий. Сначала они провели вечер на террасе, смотря за сгорающими в полете звездами. Она узнала их название, красивейшие легенды о любви, связанные с целыми созвездиями, когда же вечером он проводил ее до покоев, девушке на миг показалось, что этот вечер стал самым романтическим в ее жизни. Она не сказала, чего-то побоялась. Потом такие вечера повторялись, а еще чередовались с днями, о которых ему тоже было что рассказать. Следующим откровением для нее стала возможность делиться с ним своими мыслями и чувствами, и, о Ях, получать вполне применимые советы.

Спроси ее Майя, когда она заметила, что когда-то враждебное отношение стало дружеским, Соня бы не ответила. Просто в один момент она поймала себя на том, что делится с ним вещами, которые кажутся слишком личными.

В их дружбе Соню устраивало то, что она не относилась к нему как к мужчине, к потенциальному воздыхателю или объекту нежных чувств. Нет, он был просто другом, без пола. В этом-то и была ее ошибка. Как выяснилось вчера, ей так только казалось.

— Вчера вечером, он сказал мне, что... — она собралась с мыслями, произнести такое ей было сложно. — Что хотел бы утонуть в моих глазах, — Соня повторила признание Витора с таким серьезным обреченным лицом, что Майя еле смогла сдержать улыбку.

Где это видано, чтобы такие красивые слова, сказанные достойным джентльменом, заставляли впасть в подобное унынье?

— И что же ты ответила? — Майя попыталась опять заглянуть в опущенные глаза. Смущается, ее смелая Соня смущается.

— Ничего, — она подняла взгляд лишь на секунду и снова опустила. — Я просто ушла. Понимаешь, может это и глупость, но я не ожидала такого. Может ты скажешь, что я слепая, глупая, но я не думала о нем, как о человеке, который будет делать мне такие комплименты, и... И чего-то ждать в ответ. Он ждал, а я не ответила, лишь трусливо сбежала. И теперь я пойму, если он на меня в обиде. Но даже не это самое страшное. Я дорожу тем, что было между нами, я дорожу его мнением и его обществом, но я сомневаюсь, что хочу большего.

Майя взяла в свои руки смуглую ладошку.

— Но раз ты не уверена в том, что хочешь, значит и не уверена, что не хочешь. Ведь так? Соня кивнула.

— Я, наверное, просто боюсь. А вдруг и он поступит так же? Ведь нам не дано понять мужскую логику. А вдруг я впущу его в сердце, а он решит, что ошибся и снова оставит там

дыру? Это страшно, Майя, — она прекрасно понимала страхи Сони, сама боялась того же, но для нее пути назад уже не было, ее никто не спрашивал, готова ли она открыть сердце, он просто поселился там, оставив совсем крохотное пространство для любых других чувств. И теперь мог в любой момент это самое сердце раздавить, зажав в кулаке.

— Но ведь ты не сможешь жить в страхе вечно. Рано или поздно тебе придется попробовать снова. Мотыльки часто обжигают крылья, но все равно летят на огонь. Такова их судьба.

— Они сгорают. Их судьба — сгорать.

Майя обняла сестру за плечи, погладила темную макушку.

— Наша тоже. Мы тоже рождены, чтобы сгорать, — от любви, для любви, во имя любви или без любви. Медленно, быстро, мучительно или незаметно, но люди тоже горят и гаснут.

— Так что же мне делать? — Соня прервала образовавшуюся на несколько секунд тишину.

— Скажи ему правду, то, что ты сказала мне. Он должен знать, ведь все зависит не только от тебя.

Соня согласно кивнула, принимая совет сестры, и закрыла глаза, убаюкиваясь медленными покачиваниями качелей и глядящей ее по голове ладонью. Она скучала по сестре. Никто в мире не сможет ее заменить, но это не значит, что для кого-то другого у нее не найдется места в душе и сердце, она должна рискнуть.

С чего вдруг возник этот дурацкий спор, не вспомнили бы ни Витор, ни Дамиан. Не покончив с ужином, они устроились за шахматной доской. Чтобы уровнять шансы, Соня согласилась быть временным консультантом последнего. Шахматы достаточно далеки от оружия, но почему-то речь зашла о револьверах. А потом о конкретном револьвере, лежащем в коллекционном ящике в кабинете его светлости. Откуда они знали об этом оружии? Герцог сам его демонстрировал изъявившим желание джентльменам. Вопрос возник потому, что Дамиан настаивал на том, что он боевой, а вот Витору казалось, что бутафорский.

Как проверить кто же прав? Элементарно, просто пойти и посмотреть. Но куда же без независимого наблюдателя? На его должность была единогласно назначена Соня.

Дамиан вел, ориентируясь в доме практически так же хорошо, как и хозяин. В одном из коридоров им на встречу вышла девушка. И как же Соня обрадовалась, когда этой девушкой оказалась Майя!

Она была в библиотеке. Пытаясь занять себя любимым делом. Среди книг она снова выбрала «Историю знатных родов», два тома, ей хотелось попытаться приблизиться к Дэрреку еще и так, теперь она читала с куда большим интересом, чем первый раз. Узнала ли она хоть что-то о нем? Нет, но зато увидела маленькие портрет его отца, в молодости так напоминающего сына, узнала, чем в основном занимаются герцоги Мэйденстеры вот уже несколько поколений, прочитала и о том, что этот особняк — не основная резиденция, а одна из многих. В основной живет герцогиня. Отложила девушка чтиво не потому, что оно наскучило, а потому, что впереди ее ждали еще долгие дни, в которые ей тоже нужно было как-то себя занимать.

— Леди Майя, вы не составите нам компанию? — Дамиан первый выступил с предложением, вспомнив о данном другу обещании приглядывать за старшей Дивьер.

— Компанию? В чем? — она окинула взглядом заговорщиков.

— В споре, — и взяв сестру под руку, Соня пошла вперед, рассказывая по ходу, в чем же он состоит.

Двери в кабинет герцога по-хозяйски открыл Дамиан, пропуская вперед участников эксперимента. Майя вошла, затаив дыхание. В комнате царил полный мрак, пока Дамиан зажигал свечи, девушка оглядывалась по сторонам — все как и вчера, только его кресло пустует.

— Ну что ж, друг мой, прошу, доверяюсь всецело вам... — Дамиан достал искомую коробку, открыл крышку. В комнате было уже достаточно светло, чтобы следить за происходящим. Витор подошел, взял револьвер в руку, взвесил, нацелив в окно, хмыкнул и положил назад.

Самодовольная улыбка Дамиана свидетельствовала о том, что победитель спора определен.

— Да, прошу принять мои извинения, револьвер боевой, — Витор склонился в театральном поклоне, выбросив вперед руку, на что Дэррек ответил ему не менее ироничным поклоном. Соня, как мировой судья, закрепила решение спора оглашением победителя и утешительными аплодисментами проигравшему.

Вся процедура заняла совсем мало времени, а проделав такой длинный путь, бежать обратно сломя голову никому не хотелось. Заглянув в бар, Дамиан предложил Витору распить по примирительной порции виски.

— У герцога отличный вкус, — Витор отпил обжигающий горло напиток, подойдя к окну. Он имел в виду не только виски, но и открывающийся его глазам вид.

Майя подумала, что услышь подобный комплимент сам герцог, по меньшей мере, удивился бы. Хотя находишься тут он, эти слова бы не прозвучали. Сама девушка облокотилась о стеллаж, опять погрузившись в свои мысли. Она не сильно прислушивалась к текущему разговору. Дамиан делился какими-то историями из жизни, связанными с янтарным напитком. Витор продолжал изучать открывающийся из окна вид, а Соня прохаживала по кабинету, периодически останавливаясь у того или другого предмета и пристально его изучая.

Майе стало интересно, что произошло с ее кулоном? Он все так же лежит в ящичке? Наверняка лежит, ведь она нашла его только вчера. Вот только заглянуть в стол при всех она бы не решилась. Может, вернется сюда позже?

Соня медленно ступала по паркету, разглядывая картины на стенах, останавливаясь у книг с красочными переплетами. Дома папин кабинет был для нее настоящим мужским царством, манящим своей загадочностью, и этот кабинет был таким же. Никогда женщина не повесила бы у себя в комнате изображение битвы, шторма, она бы предпочла спокойные пейзаж или небывалой красоты букет цветов, а у мужчин были свои атрибуты, развешенные на стенах кинжалы, стоящий в углу бар, лежащий на столике револьвер.

Девушка подошла к нему, даже коробка, в которой он хранился, была настоящим произведением искусства — резная, с повторяющимся сложным орнаментом, изображающим маленькие копии лежащего в коробке оружия. Соня провела пальцем по лакированной поверхности рукояти, взяла его в руку. Тяжелый... Удивительно, как у мужчин хватает сил держать его вытянутой рукой, еще и прицельно стрелять при этом, ее сил бы не хватило и на секунду без дрожи в мышцах. Покачав револьвер в руке, взвешивая эту странную мужскую игрушку, она хотела положить его на место. Приходя к выводу, что подобные вещи, прямо-таки излучающие опасность, и явно предназначены не для нее.

Кто-то сказал, что судьба циклична, и каждый круг обязан замкнуться. Видимо, так оно и есть, во всяком случае, к этому Майя пришла чуть позже, когда у нее было много времени для размышлений.

Абсолютно неопытная в оружейных делах Соня собиралась аккуратно вернуть револьвер на место. Но рукоять оказалась слишком скользкой, а сам он слишком тяжелым. Оружие выскользнуло из слабых пальцев. Наблюдавшей за этим Соне показалось, что секунды растянулись до часов. В голове не было ни страха, ни опаски, а лишь любопытство, как же он будет лететь и как упадет. Револьвер проделал странный путь, ударившись о край коробки, он сменил направление движения, зацепив угол стола. Как это произошло, не знал никто, но оружие выстрелило, и лишь потом оказалось на полу, произведя еще один чуть меньший грохот.

Испуганная Майя встрепенулась, ей понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, откуда донесся звук, девушка посмотрела сначала на Соню, взгляд которой был направлен на лежащее на полу оружие, потом на Дамиана, с застывшей на губах улыбкой, оставшейся после оконченного очередного рассказа, и только потом на Витора, который успел повернуться к ним лицом, видимо, тоже испугавшегося звука. Так Майя думала лишь до того, как по его рубашке начал расплываться красный кровавый след.

Что делать в таких ситуациях? Откуда знать двадцатилетней девушке, что делать в подобных ситуациях? Но оказалось, Майя знала. Мозг работал хладнокровно, расчетливо, ставя четкие задачи.

Нужен был врач и кровать. Причем желательно срочно и сразу. Чтобы транспортировать Витора до его покоев, им пришлось бы пройти полдома, и точно встретить пару-тройку его обитателей. А этого делать было нельзя, зато ее комната находилась уже за поворотом. Взяв мужчину под руку, еще до того, как он успел осесть на пол, Майя попыталась сделать шаг в сторону двери, но ноша оказалась слишком тяжелой. Тогда ей на помощь пришел вышедший из ступора Дамиан.

— Нужно отнести его ко мне...

— Держись, ты слышишь меня, Витор? — он повернул растерянное лицо к себе одной рукой, а другой попытался зажать рану, крови уже было очень много.

Не в силах ответить, Витор лишь кивнул, продолжая растерянно переводить взгляд с окружающих его лиц, на свою рану.

Оставив друга на полное попечение Дамиана, Майя открыла дверь своей комнаты, пропуская их внутрь, откинула покрывало, зажгла свечи. Когда девушка вернулась к кровати, Дамиан помогал Витору стянуть пропитанную кровью рубашку. Пуля прошла на вылет, и на животе и на спине красовалась кровавая клякса. Девушка помчалась в ванную, наполнила таз водой, вернулась в комнату. В шкафу было огромное количество всевозможного белья и рубаш, не заботясь о том, что она рвет, Майя сотворила целую гору тряпок.

— Держите очень сильно, так чтобы кровотечение не усиливалось, — Дамиан вручил ей две уже мокрые от крови тряпки. Майя, обхватив руками мужской торс, попыталась зажать так, как он показал. Витор при этом не издал ни звука, лишь и без того бледное лицо стало совсем серым. — Я за врачом, пока не приду, никуда не уходите, — посмотрев на

стиснувшего зубы Витора, он уже собирался выйти, когда его остановил тихий, вкрадчивый оклик.

— Никто. Не должен. Знать, — казалось, Витор выплевывал слова, испытывая адскую боль при каждом движении.

Дамиан задумчиво взглянул на Майю, пытающуюся сделать все так, как он сказал, потом на Витора, сверлящего его глазами и лишь потом, кивнув, вылетел из комнаты.

Времени размышлять или анализировать у него не было. Никто не узнает, уже поздно, провести врача без свидетелей он сможет.

Ближайшим знакомым врачом стал местный ветеринар, которого часто вызывали конюхи. Жил он недалеко, уже через полчаса, растрепанный, с пальто поверх пижамы, он ворвался в комнату. Дамиан мчался следом. За это время Майя успела пережить все семь кругов ада, кровь продолжала течь, она сменила четыре тряпки, прижимать их трясущимися руками было невероятно сложно, а периодически закрывающий глаза Витор, казалось, держится из последних сил. Он не реагировал ни на ее движения, хотя любой сдвиг повязок должен был сопровождаться адской болью, ни на ее обращения к нему.

Видимо, Дамиан успел объяснить, какого рода помощь нужна в особняке, так как врач не задавал лишних вопросов, забрал из девичьих рук окровавленные тряпки, отшвырнул их, достал из сумки какие-то лекарства, бинты. Убедившись, что тут она уже не нужна, Майя вспомнила об оставшейся в кабинете Соне. Ее мысли, видимо, читались на лице, так как стоило старшей Дивьер бросить испуганный взгляд на Дамиана, как тот кивнул, будто позволяя выйти.

Схватив не использованную еще рубашку, Майя помчалась по коридору назад. По дороге до комнаты ей встретились всего несколько кровавых капель, которые она тщательно вытерла. Влетев в кабинет, она застала Соню стоящую все там же и теми же полными ужаса глазами смотрящую на револьвер. Не мешкая, Майя взяла его в руку, вложила в футляр и отправила обратно на шкаф. Вернувшись к сестре, взяла ее руки в свои, пытаясь привлечь внимание.

— Соня, ты меня слышишь, Соня?

Та осталась безучастной.

— Соня, послушай меня, к Витору уже прибыл врач, с ним все будет хорошо... — ох, как она сама хотела верить в эти свои слова... — Нам нужно тут убрать. Немедленно. Ты меня слышишь? — не добившись ответа и во второй вопрос, Майя хорошенько встряхнула ее за плечи. Благо, после этого взгляд Сони сфокусировался на сестре.

— Я не хотела... Майя, я не хотела... — до этого совершенно безвольные руки вдруг затряслись.

— Соня. Мы. Должны. Убрать. Понимаешь? Сейчас! — Майя разорвала взятую с собой рубашку на две тряпки, смочила их водой из графина и вложила в руки сестры одну из них. Видимо, такая простая задача дошла до ее понимания. Соня направилась к ручке двери, измазанной кровью. Следующие несколько минут в комнате царил атмосфера напряженной работы, сначала Майя вытерла уголки стола, на которые Витор опирался, потом пол, деревянную обивку стены, хвала богам, что в комнате не было обоев. Девушка удивилась лишь тому, что пуля не разбила окно, тогда скрыть все было бы намного сложнее — уже через десять минут половина дома была бы тут.

Хотя непонятно, по какой счастливой случайности ничьего внимания не привлек звук выстрела. Возможно, его посчитали схожим с открывшимся шампанским...

Пуля... Справившись с пятнами крови, Майя взялась за поиски пули, которая, как на зло, видимо закатилась куда-то под мебель. Уповая лишь на нерасторопность горничных, которые не полезут утром под шкафы, Майя схватила за руку все еще трясущуюся Соню и помчалась обратно в свою комнату.

Там царил атмосфера работы. Врач накладывал повязку полулежащему больному, Дамиан занимался уборкой тут же.

— Пуля прошла на вылет. Жизненно важные органы не задеты. Кровотечение мне удалось прекратить. Но ему нужен человеческий врач, я больше по лошадям, — удивительно, спасая жизнь, у него еще хватало времени для шуток.

— Да. Завтра я найду врача. — Дамиан вел себя очень сосредоточено, куда пропал вечно иронизирующий молодой повеса? Окажись на его месте кто-то другой, все могло закончиться намного хуже... Майя сглотнула стоящий в горле ком, оглянулась на сестру, которая, прижавшись к стене спиной, смотрела на действия врача с зажатым ладонями ртом.

— Как это произошло? — он спрашивал не из праздного любопытства, о таких случаях положено докладывать властям, парню сильно повезло, отклонись пулю на сантиметры, и она бы прострелила легкое, а прибудь он чуть позже, из него бы вытекла вся кровь.

Майя снова перевела взгляд с Сони, на лежащего с закрытыми глазами Витора, понимая, что сама она будет защищать сестру до последнего:

— Несчастный случай, — пристально посмотрела на Дамиана, предупреждая, чтоб он забыл, как этот несчастный случай произошел.

Мужчина снова кивнул, принимая ее условия. Он и понятия не имел, какой силой воли обладает эта девушка. Храбрая, дерзкая Соня не может вымолвить не слова, а эта Моль ведет себя как хладнокровный мужчина.

Врач хмыкнул. Конечно, сам он не поедет в город, заявлять о случившемся, когда парень придет в себя, пусть сам решает, случай это или нет.

— Двигаться ему нельзя. По меньшей мере, неделю. Кто-то постоянно должен дежурить у постели. Если рана опять начнет кровоточить — отправляйте за медиком, это вам не шутки.

Сняв рукавицы, он отправился в ванную, смыть кровь и с себя.

Пока Дамиан провожал его, выбирая самые темные и нехоженые коридоры дома, Майя подошла к лежащему в ее кровати мужчине. Лицо Витора было спокойным, но на лбу выступила испарина. Почувствовав ее взгляд, он открыл глаза, кажущиеся сейчас совершенно прозрачными.

— Она не виновата, — шепот, чтобы выдавить который, ему пришлось собрать все силы. — Не оставляйте ее.

Стоящая у стенки Соня лишь сдавленно пискнула, еще плотнее прижав ладонь к лицу.

Отправив Майю справляться с Соней, первым, дежурство принял на себя Дамиан. Взяв за руку безвольную сестру, Майя направилась к ней. Уже в комнате девушка закрыла дверь на ключ, помогла Соне раздеться, умыться, бросила в камин испачканное платье. Укутав продолжающее трястись тело в теплый плед, сама обняла ее так, чтобы хоть чуть-чуть успокоить. Помогли ли объятья или все дело во взятом в кабинете виски, сказать было

сложно, но в определенный момент хрупкое тельце перестала бить дрожь, а морщинки на лбу разгладились. Сама Майя почти не спала, ныряя в забытие лишь на несколько минут и тут же просыпаясь от всхлипов, звучащих под боком. В шесть утра она очень осторожно, чтобы не разбудить спящую, выскользнула из комнаты, направляясь на свое дежурство.

Дамиан не спал, он держал в руке стакан с чем-то не менее крепким, чем Майя поила Соню, и пристально смотрел на серое лицо. Первое, что сделала старшая Дивьер, остановившись в проходе, посмотрела на раненого, пропустив один удар сердца, поняла — он дышит... И тут же камень упал с плеч.

Дамиан встал с кресла, поставил стакан на стол, подошел к ней вплотную.

— Когда придет горничная — отправляйте ее куда подальше. Я скажу Дэну, что у графа заразная форма какого-то заболевания, к нему в комнату тоже никто не сунется.

Майя кивнула, принимая предложенный план.

— Если что-то случится, сразу сообщайте мне. Открытой комнату не оставляйте, если стучусь я, это три коротких и еще два через паузу. Ясно? — не проводи он ночь без сна, спасая ее друга, сестру и ее саму, Майя посчитала бы такое обращение грубым, но сейчас могла только благодарить.

— Спасибо.

— Поверьте, не за что. Герцог Мэйденстер или обладает паранормальными способностями, или я просто чего-то не понимаю, — последняя сказанная фраза осталась непонятной и для самой Майи, но выяснять ее смысл она не собиралась.

Горничная не заставила себя долго ждать, Майе предстояло дежурить до полудня, все это время ее волновало, что она оставила Соню одну, но другого выхода у них не было. Постучавшая в дверь девушка получила от Майи указание не приближаться к комнате, пока она сама не распорядится убрать, последняя лишь пожалала плечами, не имея ничего против такого послабления.

Днем Дамиан привез еще одного врача, представив его всем любопытным как своего хорошего друга, заскочившего на чай. Тот дал утешительный прогноз, похвалил сделанные вчера швы, оставил какие-то лекарства, прописав в какие часы их принимать, и удалился.

Вернувшись в комнату сестры, Майя застала ее сидящей у зеркала, она машинально перебирала гребень в руках, не видя и не осознавая, что делает.

Борясь с непреодолимым желанием лечь в постель и хотя бы на несколько часов забыться, Майя взяла из рук сестры гребень и принялась расчесывать ее волосы.

Соню всегда это успокаивало, заплетя тугую косу, Майя уложила ее зигзагом на затылке.

— Как он? — а потом возрадовалась первым словам, сказанные Соней за сегодняшний день.

— Все хорошо, опасность миновала, приходил врач, ему просто нужна неделя, чтобы отлежаться, — она не врала, так и сказал доктор, но это не отменяла того, после какой травмы ему предстояло отлеживаться.

Соня лишь кивнула, опустив взгляд в пол.

О том же Майю спросил и Витор, когда девушка вернулась на ночное дежурство.

— Как она? — удивительная вещь — вместо того, чтобы заботиться о своем здоровье, своей жизни, узнать, что сказали врачи, он спрашивает как та, из-за которой он тут оказался.

Майя вспомнила сказанную когда-то Дэрреком фразу: «случай, которого могло и не быть». Это был он.

— Она спрашивала как вы... — понимая, что такой ответ его не совсем устроил, Майя добавила. — Соня пока что не придет, все еще боится... — Витор закрыл глаза, кривясь не от боли — разочарования. Ну что ж, этого следовало ожидать.

Три дня Майя провела меж двух огней — сдав смену у кровати Витора, мчалась спасать сестру, которая, все по той же легенде простудилась, как и старшая Дивьер. Слишком много больных на квадратный метр, слишком богатое воображение было у отосланной горничной и острый язык у местных сплетниц, как результат — ни в одну из легенд в доме никто не верил. Вот только Майя об этом не знала. Несколько часов сна на протяжении трех дней — вот и вся роскошь, которую она могла себе позволить.

На четвертый день настал переломный момент, Витор впервые сам сел в кровати. Чуть сморщившись от боли, он взял из заботливых рук Майи тарелку с бульоном и с жадностью принялся за еду. Вернулся аппетит, цветом лица он уже не так напоминал доходягу, иногда, когда Майя совсем валилась с ног, она даже могла прикорнуть в кресле на несколько минут, потеряв страх, что больной может перестать дышать в любой момент. Сменные повязки не были пропитаны кровью и сукровицей. Единственной нерешенной проблемой оставался страх Сони. Она еще так ни разу и не пришла его навестить.

Все изменилось все на тот же четвертый день. Оговоренный Майей и Ланским стук в дверь прозвучал раньше, чем должна была настать пора дежурства Дамиана. Удивленно переглянувшись с больным, Майя пошла открывать дверь. На пороге стояла Соня. Смотря в пол, она прошла в комнату.

Ях, с какой нежностью он смотрел на нее в этот момент! Не прощая, нет, он не считал ее виноватой ни секунды, но прося прощение за то, что из-за него ей пришлось пережить.

— Я пришла почитать, — в руках девушка держала какую-то книгу.

Не желая им мешать, Майя вышла, оставив сестре ключ. Она очень надеялась, все обойдется, что никто не узнает, что Соня перестанет бояться, что он вернет то ее хрупкое доверие, которое так тяжело отвоевывал.

Завернув за поворот, Майя вошла в кабинет. Пулю она до сих пор так и не нашла. Конечно, через три дня ее могли найти и во время уборки, но девушка все-таки надеялась, что им повезет.

Лишь предательница-пуля, пробившая бок Витора могла стать свидетельством и доказательством того, что той ночью в кабинете что-то произошло. В поисках указки, которой она смогла бы пошуровать под шкафами, Майя обошла всю комнату, но ничего подобного не обнаружила. Поэтому, вооружившись свечой, проверила все своими силами. Ни под столом, ни под шкафами, ни на подоконнике, ни на высоких полках пули не было. Теперь ей оставалось лишь надеяться, что тот, кто ее нашел, просто не обратил внимания или посчитал, что она выпала из одного из трофейных экземпляров.

Сев в уютное кресло, Майя подобрала под себя ноги, облокотилась головой о кожаную спинку. Девушка втянула носом воздух, улавливая едва ощутимый, такой родной запах.

Дэррек, где же ты? Как ей хотелось сейчас оказаться возле него, в их мире, в котором не было места посторонним проблемам. Как она скучала, как хотела поскорее снова закрыть глаза, уткнувшись в широкую грудь, способную защитить от всего. В эти дни ей пришлось

быть слишком сильной, она слишком много взять на себя, слишком тяжело удерживать мир нескольких людей на своих плечах. Сколько же в нем силы, что он смог тогда, шестнадцать лет назад, взять на себя эту ответственность и несет ее до сих пор? Ях, если бы он был сейчас рядом... Подумав об этом, Майя сама же себя отдернула.

Что он сделал бы? Витор часто повторял, что о случившемся не должен знать никто, а значит и он. Майя это понимала — чем меньше людей знают, тем легче будет защитить Соню. В один из дней Витор даже заставил Дамиана поклясться, что это останется в тайне, иначе ему не видать места помощника отца. Он сам рассказал это, чтобы чуть успокоить ее, а главное Соню.

Майя встала, отряхнула юбки, оставляя свою мимолетную слабость позади. Нет, хорошо, что герцог в отъезде, чем меньше людей знают, тем лучше. Пора взрослеть. Сладкой жизни ей не предвидится, а значит, следуют учиться ответственности, даже если уроки такие тяжелые.

Глава 20

— Рик, о чем ты думаешь? Неужели приехал, чтобы остаться мыслями где-то далеко? — темноволосая девушка смахнула с плеча брата несуществующую пылинку.

Дэррек улыбнулся, Мэгги так подросла за эти полгода, стала очень похожей на маму, вот только взгляд живой и лукавый, медового цвета глаза предупреждают, что тут таится опасность.

— Я приехал, чтобы посмотреть на то, как ты злишься, — как мужчина и думал, тут же получил заслуженный толчок в плече.

Вот уже четыре дня он был дома. Тут многое изменилось — мама занялась сменой штор и ковров в комнатах, Мэгги купила нового жеребца, золотистого, казалось, принадлежащего другому миру, и теперь дни напролет проводила в конюшне. Линда не приехала, надеясь встретиться уже в столице в сезон, в этом году там собиралась появиться даже герцогиня.

Посчитав, что заслуженная расплата наступила, Мэгги взяла брата под руку, направляя в сторону дома. Лишь она одна знала, что с ним можно разговаривать и так, что ее родной брат совсем не всегда похож на непрошибаемую скалу. Что и в его сердце есть место нежности, а его любимым женщинам позволено почти все.

— Ты странный... — Дэррек скосил на сестру глаза. — Ведешь себя странно. Не так, как обычно. Ты что, совсем не соскучился? — в голосе прозвучала детская обида. Ведь она скучала, ждала дня его приезда как праздника.

— Соскучился, — это была чистая правда, только увидев маму и сестру, он понял, насколько сильно по ним скучал, вот только от этого не становилось легче, ведь теперь он скучал не только по ним. — Особенно по твоим тычкам. Кто бы мог подумать, что в такой маленькой леди таится такая сила? — хотя маленькой ее назвать можно было лишь с натяжкой — ростом Ях Мэган не обделил, выше среднего, под стать своему высокому брату, они всегда выглядели неподражаемо, выходя куда-то вместе.

— Я тебя люблю. И я скучала, — странно, но только с ним девушка могла признаваться в своих чувствах. Ни разу в жизни она не говорила ничего подобного даже маме, а ему могла. — Скажи мне, что будет в сентябре? — малышка волновалась из-за своего выхода в свет, что было вполне понятно, поэтому, при каждом удобном случае, просила успокоить ее рассказами.

— В сентябре? Вы с мамой приедете к Линде, ты проведешь незабываемое время, выслушивая все ее нравоучения и получая уроки кокетства, потом приеду я, спасу тебя от этого ужаса. И начнутся вечера, балы и ужины. Все кавалеры будут пытаться поцеловать подол твоего платья, а тебе останется всего лишь отказывать. — Дэррек открыл перед сестрой дверь, пропуская ее в дом.

— А если никто, совсем никто даже не пригласит меня на танец? Ведь это будет позор! — слишком она мало знала о мире и самой себе, чтобы допускать подобные страхи, смотря на то, в какую красавицу превращается его взрослеющая сестра, Дэррек надеялся лишь на то, что она не сделает ошибки, выбирая мужа среди выстроившейся очереди.

— Если никто, совсем никто не пригласит тебя на танец, то это сделаю я, — он зашел вслед за девушкой.

Мэгги иронично фыркнула. Ну да... его карточка вечно заполнена, она слышала, как об этом говорила мама. Куда уж ей соревноваться с претендентками если не на его сердце, то хотя бы на один танец?

— Нет уж, лучше я постою у стены, чем буду выдерживать на себе взгляды всех невест-змеючек, считающих, что я попусту трачу такое драгоценное время его светлости, — за словом в карман она никогда не лезла. Единственное, чего Дэррек так и не смог от нее добиться — умения скрывать свои истинные мысли, может не перед ним, но перед окружающим миром точно, ведь рано или поздно, это может стать причиной многих бед.

— Мэган, — когда он обращался к ней так, это означало, она зашла слишком далеко. Хоть колкость и была услышана и оценена, лучше подобные выпады прекратить.

— Да, милорд? — девушка картинно склонила голову, будто внимая его замечанию. — Я устала, с вашего позволения, откланяюсь, займусь вышиванием, ведь только это занятие достойно настоящей леди, — показав брату язык, она помчалась вверх по лестнице. Проверить, побежал ли он за ней, Мэгги осмелилась, только взобравшись на второй этаж.

Дэррек же покачал головой, пытаясь скрыть улыбку, и направился в комнату. Ему нужно было поговорить с герцогиней.

Она относилась к вышиванию более уважительно, чем ее младшая дочь, проводя дни и вечера за этим занятием, заняв руки, мысли оставались чистыми, можно было думать, планировать или вспоминать...

— Мама... — Дэррек вошел в комнату, широко распахнув дверь, размашисто шагая, как обычно. Ей иногда казалось, что ее сын живет слишком широко во всем, только большая ответственность, только большие проблемы, только большие мероприятия и чувства тоже только большие.

Как должна выглядеть герцогиня? Горделивая осанка, черные волосы, собранные в высокую прическу, острый взгляд, окружающая аура величественности. Все это было в Анне Мэйденстер. Во всяком случае, это видели люди, не знающие ее ближе.

— Сынок, — еще мгновение тому крайне сосредоточенное лицо расплылось в улыбке. Отложив вышивание, она протянула к сыну руку.

Дэррек подошел, сжал ее ладонь в своей, но садиться в предложенное кресло не стал. Отошел к окну. Герцогиня смотрела на его спину, ожидая — обычно он вел себя так, когда им предстоял серьезный разговор.

— Я хотел попросить тебя об одном одолжении... — Дэррек развернулся, заглянул в спокойное лицо матери.

— О каком? — ей сложно было вспомнить, когда в последний раз он обращался к ней с просьбой. Ее маленький мальчик очень давно стал самостоятельным.

— Мне нужно твое обручальное кольцо, — сказать, что это было неожиданно — не сказать ничего, улыбка медленно сползла с лица герцогини.

Она была знакома с Розой уже давно, на протяжении почти пяти лет они с ее сыном воевали и мирились. Она гостила у них, была знакома с герцогиней, его сестрами, вот только зная ее, Анна никогда не желала, чтобы эта связь переросла во что-то большее. Слишком хищная, слишком тщеславная, возможно, кто-то посчитал бы ее сильной, но нет, скорее способная на многое ради достижения своей цели. Каждый раз, когда до нее доходили слухи о том, что они снова рассорились, герцогиня вздыхала с облегчением. Она не желала своему самостоятельному сыну в жены ее, не так должна была выглядеть его отдушина. Но сказать об этом никогда не осмеливалась бы, чувствуя свою ответственность за то, что он был

слишком самостоятельным, чтобы принимать такие советы.

— Мисс Смитт все-таки получила желаемое? Ты уверен, что сделал правильный выбор? — она не могла отказать, но надеялась, что он передумает сам.

Дэррек посмотрел на нее удивленно:

— А при чем тут Роза? Я собираюсь сделать предложение не ей.

— Как? А кому? — такого удивления на лице собственной мамы он не видел еще никогда.

— Своей будущей жене... — Дэррек представил себе реакцию Майи, назови он ее так. Улыбнулся. Какой смысл представлять, если совсем скоро он сможет его увидеть?

Поняв, что лучше не заставлять маму так волноваться, он пояснил:

— Ты с ней еще не знакома. Но я это скоро исправлю. Ее зовут Майя, леди Майя Дивьер, — произнося это имя, на обычно серьезном лице сына, заиграла улыбка, она знала своих детей достаточно хорошо, чтобы понимать — это не прихоть, неизвестная Майя попала ему прямо в сердце.

Конечно, стиль жизни вдовствующей герцогини не предполагал знакомства со всей знатью страны, но спросить у дочери знает ли та некую Майю, она собиралась как можно скорее. Покачав головой, Анна спросила сына:

— Я хочу знать только одно, ты ее любишь?

— Да, — он не колебался, смотрел прямо в глаза и его взгляд не оставлял сомнений, это правда.

— Тогда, — герцогиня расплылась в улыбке, — я обязана с ней познакомиться!

После визита Сони, Витор окончательно пошел на поправку. На пятый день он спокойно сидел на троне, сооруженном из подушек, на шестой встал с кровати. Пришедший в тот же день врач разрешил двигаться, но как можно аккуратней. Так он переключался в свою комнату. Вид у Витора был достаточно изможденный, чтобы он походил на перенесшего тяжелую лихорадку человека. Запрет заходить в его комнату сняли, вот только посетителей он все равно принимать отказывался. Взамен постоянных дежурств, Майя заходила к нему по несколько раз в день, а ночью они с Дамианом менялись, чтобы было кому подать воды или помочь добраться до ванной комнаты.

Соню к дежурствам Майя не подпускала. Слишком для нее было сложно смотреть на то, чему она была виной.

Завтра им предстоял сложный день, посоветовавшись, Витор с Дамианом решили, что Винсенту стоит уехать ночью, еще до приезда герцога. Причина очень проста — Дэррек бывает слишком проницательным, а значит, находишься Витор тут, история с его ранением может стать известной всем. Ни он, ни Майя этого допустить не могли. И если Дамиану Витор просто пригрозил возможностью лишиться должности, то в случае с Майей был уверен — даже доверяя она своему любовнику безгранично, о случившемся он не узнает.

Первым, что сделала Майя, когда из ее комнаты Витор перебрался к себе — сожгла все окровавленные тряпки, а простыни попыталась застирать, на удивление, не имея ни малейшего опыта в этом, с задачей она справилась. Лишь убедившись, что следов пребывания тут больного нет, она разрешила сделать здесь уборку горничной. Боясь разоблачения, Майя провела все время, пока девушка наводила порядок, следя глазами за происходящим, опасаясь, что чего-то не заметила, что-то пропустила. Если это так, она была

готова купить молчание деньгами.

Вечером перед выездом, когда вещи уже были упакованы, Дамиан занимался их погрузкой, Витор с Майей стояли в его комнате одни.

— Соня уже спит... Еще рано, но она обязательно когда-то сможет все забыть!

Витор кивнул, стиснув губы. Раны еще ныли, но доставляли куда меньше страданий, чем понимание, что эта глупая случайность опять отбросила его от милой сердцу Сони, наверное, даже дальше, чем ему казалось сначала.

Это была не его вина, в которой он мог попросить прощение, это была не ее вина, за которую он мог ее извинить, это был ее страх перед тем, на что она оказалась способна. И только она сама могла простить себя, а ему оставалось только молча ждать.

— Передайте, что я буду ждать ее письма... — Витор посмотрел на Майю с надеждой.

— Конечно, и вы тоже пишете, как только приедете, и потом. Я... Мы будем отвечать... — она готова была ручаться за себя, а возможно, когда-то на это осмелится и Соня.

За эти два месяца, что они были знакомы, Майя поняла, что Витор — хороший человек, что он любит ее сестру и дорожит их дружбой. Так же, как дорожила сама Майя. А еще, девушка была вечно благодарна за то, что он спас Соню, что готов был рискнуть своей жизнью, лишь бы случившееся осталось тайной.

Ее благодарность сложно было измерить, а единственное, что она могла сделать — подойти вплотную и осторожно обнять, пытаясь не потревожить рану.

— Я буду скучать, — на спину легла мужская ладонь.

— Я тоже.

Когда девушка отстранилась, Витор взял в свою руку ее ладонь.

— Майя, ты должна кое-что знать, не верь ему, — за эту неделю он успел все сотню раз взвесить и передумать, когда жизнь висит на волоске, начинаешь мыслить по-новому, интриги и игры отходят на второй план, а вот человеческие жизни становятся истинной ценностью. — Слишком много сердец он разбил, слишком много жизней разрушил. Таким, счастье не бывает, — кто такой этот «он», спрашивать не приходилось. Откуда Витор об этом знает, узнавать не было уже ни времени, ни желания, знает и все. — Ты встретишь достойного тебя мужчину, поверь мне, узнав тебя, не полюбить просто невозможно. И кто-то обязательно полюбит, но не он.

— Экипаж готов, Витор, ты можешь идти сам? — Дамиан ворвался без стука, эта неделя сблизила их очень сильно, всем было, что узнать о своих сообщниках.

Витор оказался более хладнокровным, чем о нем думал Дамиан, способным на жертву, чего о себе Дамиан с полной уверенностью сказать не мог. Майя — не мышкой анибальтом, не приспособленной к жизни в обществе, всеобщим объектом издевок, а сильной девушкой, выносливой, умной. Ни разу он не слышал от нее жалоб, ни разу она не наморщила аристократичный носик, когда нужно было что-то сделать, помочь, убрать. Высиживала у кровати ночи, а днями неустанно следила за сестрой, в отличие от него, который заваливался спать при любом выдавшемся случае. Это сочетание: абсолютной незащитности снаружи, и такого твердого стержня внутри заставляло смотреть на нее по-новому. Он не просто зауважал это хрупкое создание, он искренне ею восхищался. И собирался сдержать ее единственную просьбу — никто не должен был узнать о случившемся.

В этом им помогали сами обитатели дома, они уже всю судачили о том, что же такое

происходило всю эту неделю. С легкой руки служанки, у присутствующих не осталось сомнений, что будучи не в силах сдержать пыл, Витор сделал Майю своей любовницей и они даже не пытались этого скрыть. Поверженная таким поведением сестры в шок, Соня закрылась у себя, не в состоянии пережить позор. А знающий всю правду Дамиан не мог ни подтвердить, ни опровергнуть рассказы.

Ни Витор, ни Соня, ни сама Майя об этих сплетнях понятия не имели, слишком много у них было проблем и без этого. Но знай Майя об этом, ей было бы глубоко наплевать. Важно лишь, чтоб правда осталась скрытой.

— Могу, — Витор посмотрел в глаза подруги, убеждаясь в том, что она его услышала, но, к сожалению, к просьбе не вняла, сильнее оперся о трость и направился к Дамиану. Провожать его должен был только он. Ланской сам на этом настоял, желая хоть чуть-чуть оградить Майю от и без того свалившегося на ее голову позора.

Проследив взглядом за тем, как две фигуры скрылись за углом, Майя закрыла дверь его покоев. «Спасибо тебе Витор, за все. Но в этом ты бессилён».

Неделя, грозившая затянуться в десятилетия страданий для Майи, пронеслась одним сплошным ночным кошмаром, в котором почти не осталось времени на тоску за герцогом.

Зайдя в комнату сестры, Майя аккуратно затворила дверь, боясь ее разбудить, сняла тяжелое платье. Видимо, за эту неделю она слишком устала, раз даже одежда казалась непосильной ношей, забралась в кровать.

В те минуты, пока ее не сваливал сон, Майя позволяла себе роскошь — она представляла, что они с Дэрреком сейчас смотрят на одни звезды, а значит, не так и далеки друг от друга.

Перед тем, как забраться в экипаж, Витор пожал руку Дамиану, сыгравшему не малую роль в его спасении.

— Спасибо за все.

Дамиан кивнул, принимая благодарность.

— Об этом никто не узнает, по возвращению, отцу я скажу, что упал и напоролся на какой-то штык. Так что не проболтайся.

— Постараюсь, — ему порядком надоело, что Витор дни и ночи говорит лишь о том, что все должно остаться в тайне.

— Жизнь — удивительная штука, — мужчина вдохнул свежий ночной воздух. — Узнай Дэррек, что произошло под его крышей, посчитал бы, что мировая справедливость восторжествовала. Почти. Вот только ему не суждено об этом узнать, а жаль...

— О чем ты?

— Да так, сам с собой... — Витор кивнул стоящему напротив мужчине, не брезгуя предоставленной помочью, забрался в карету.

Подождав, пока экипаж скроется из виду, Дамиан направился в дом. Думал ли он, что его невинная выдумка превратится в такую трагикомедию? Нет, планируй он подобное, мог бы величать себя господом богом.

Вот только эту роль на себя еще когда-то примерять Дамиан не рискнул бы, а лишь возблагодарил небеса за то, что в его спектакле актерам предстояло отыграть последний день.

Глава 21

Снова наступил вторник. Как и неделю тому, Майя встала ни свет, ни заря, но только причиной тому была элементарная привычка, отголосок воспоминаний о том, что нужно бежать на дежурство у постели больного.

Соня спокойно посапывала на своей половине кровати. Выскользнув из постели, Майя потянулась, проверяя, дал ли ей хоть что-то неожиданно долгий сон. Возвращаться назад в постель не было желания. Причина проста — ее мучило ожидание. Сегодня должен был вернуться герцог. Вчера Дэн сообщил об этом Дамиану, на осторожный вопрос Майи, а когда приблизительно, он пожал плечами. Скорее всего после обеда... Именно поэтому они и решили устроить отъезд Витора этой ночью.

К сожалению, водные процедуры и сборы заняли у Майи всего полчаса, а что делать дальше, она не имела ни малейшего понятия, оставив Соне записку, в которой сообщала, что в случае чего, та может искать ее в комнате, отправилась к себе. Но и там ее не отпускало ощущение, что скоро, совсем скоро они встретятся, вот только предательница минутная стрелка плелась как улитка. Не выдержав и эту муку, девушка приняла решение.

Спустившись вниз, зашла на кухню, на которой уже всюю кипела работа. Сегодня служащим предстояло пережить длинный день — нужны были заготовки для всех уезжающих завтра гостей, благо, праздничный пир устроили вчера.

На просьбу собрать ей корзинку с продуктами для прогулки, кухарка рассеяно кивнула. И уже через пару минут в руках девушки оказался щедрый набор для завтрака, покрывало и газета.

Майя захотела скрыться там, где нет часов, где они не будут мучить ее своей медлительностью. Спустившись к пруду, она разложила покрывало, достала из корзинки вагрушку, подставила лицо солнцу, блаженно вздыхая. Солнце только начало свой путь, не пекло, но пригревало, легкий ветерок отгонял жару, а птицы заливались пением, завершая идиллию.

Чего ей ждать от встречи? Что изменилось за неделю у него? У нее — многое, но только не чувства по отношению к Дэрреку.

Майя легла на покрывало, закрыла глаза и попыталась представить, как должна произойти их встреча. Карета подъезжает к дому, из нее выходит герцог, дом почему-то пуст, нет спящих повсюду людей, зато есть она. Только что проснувшаяся, без ставших уже привычными синяков под глазами, она спускается по лестнице к завтраку, и в этот самый момент открываются двери, солнце, светящее в дверной проем, создают ореол вокруг его фигуры. Высокого, мужественного, в белой рубаше и темных штанах, как тогда, в первую их ночь. И нет между ними преграды из людских глаз. Не боясь человеческого осуждения, она преодолевает лестницу, перелетая через ступеньки, и получает достойное вознаграждение. Ее ждут теплые объятия, такие надежные, такие желанные. И его хрипловое «я соскучился».

Представляя все это, у Майи внутри селилось тепло, волнами расходящееся по телу. А потом... Майя впервые не отдернула себя, позволяя мечтать о подобном. А потом он, встав на колени, прямо в прихожей признается в любви. Ей, признается в любви ей. Лучший мужчина на свете.

Недельная усталость, тихий плеск воды, пригревающее солнышко и волнующие грезы заставили ее сомкнуть веки, погружаясь в сон...

Дэррек ехал в карете, предчувствуя грядущую встречу.

Посмотрев в окно, в котором проносились уже знакомые пейзажи, мужчина опустил руку во внутренний карман пиджака, достал футляр.

Чуть нажал, коробочка открылась. Сложно предположить, случайно ли так распорядилась судьба, но белый золотой ободок венчал синий бриллиант. Ее цвет, ее камень. Он долго думал, когда же сделает ей предложение, наедине или при всех, утром или вечером, или ночью. И пришел к выводу, что все зависит от того, насколько у него хватит выдержки... Опять ему нужна выдержка с ней.

Карета подкатила к дому, не дожидаясь спустившегося лакея, Дэррек вылетел из осточертевшего транспорта. На пороге его встречал Дэн, как всегда счастливый видеть вернувшегося хозяина, который возьмет решение всех вопросов на себя. Пока дворецкий отчитывался обо всем, что, по его мнению, герцогу стоит знать, Дэррек прошел в холл, взлетел по лестнице на второй этаж. Еще рано, она наверняка спит. Он не разбудил ее тогда, но ничего не мешает сделать это сейчас, правда никак не для прощаний...

Отчеты дворецкого Дэррек слушал вполуха, поблагодарив запыхавшегося старичка, который пытался всю дорогу до хозяйских покоев не отставать, мужчина закрыл перед его носом дверь. Еще будет время заняться делами, сейчас его больше интересовало другое.

Сняв пиджак, Мэйденстер бросил его на кресло, направился к двери, нажал на ручку. Он представлял, как подойдет к кровати, вдоволь насмотрится на спящую голубку, потом аккуратно, не желая испугать, разбудит, целуя, и, черт побери, испытает истинное удовольствие, увидев в голубых глазах сначала неверие, а потом радость. Представлял, как доведет до слез от счастья, заставит смеяться и обхватывать шею в объятьях с такой силой, на какую только способны ее тонкие ручки.

Вот только сбыться этим мыслям было не суждено. В комнате пусто, постель застелена. Сказать, что он удивился — не сказать ничего. Неужели не встающая раньше десяти Майя решила сменить привычку? И где она в таком случае? Странные сомнения закрались в душу. Что-то произошло? Он заглянул в ванную, гардеробную, вернулся к себе. Ее нигде не было... Следующими пунктами стала библиотека, кабинет... Дэн на вопрос о том, где все гости, ответил, что его светлость вернулись рано, гости еще спят.

— Все?

— Во всяком случае все, о ком мне известно, — отличный ответ.

Все время до завтрака его не отпускала тревога, но приложив все усилия, он заставил себя отвлечься. В конце концов, произойди что-то серьезное, он бы об этом узнал. Перед тем, как спуститься к завтраку, Дэррек еще раз заглянул в смежную комнату. Ничего не изменилось, помещение пустовало.

Видимо, вчера все хорошо повеселились, на устроенном прощальном торжественном банкете. Дамы устало обмахивались веером, а мужчины лакали воду в невероятных объемах. За прошедший день из подвалов ушел полугодичный запас вина, хранимый Дэном как самое дорогое сокровище.

За столом не было троих: Сони, Майи и Витора. Первая — уже по привычке попросил подать ей завтрак в комнату, Витор как раз в этот момент выходил из кареты, пытаясь держать на лице улыбку, чтобы не напугать маму и не заставить что-то заподозрить отца.

А Майя сладко улыбалась своим снам.

Дэррек же не мог себе представить, что должно было случиться, чтоб она решила проигнорировать день его приезда. И дело не только в ущемленном самолюбии, он знал Майю. Сейчас его тревога увеличилась в размерах во стократ.

— Где леди Дивьер? Я ведь, кажется, просил не спускать с нее глаз? — он предупреждающе посмотрел на Дамиана, который под этим гневным взглядом отложил приборы.

— Я не знаю. Леди Соня у себя, ей нездоровится.

— А старшая? — к черту Соню, к черту всех, куда подевалась эта девчонка...? Дэррек пытался сдержаться из последних сил, чтобы не сорваться на друге, а потом и на остальных.

— Я не знаю, — Дамиан вправду не имел понятия, почему Майя не явилась на завтрак. Утром он заглядывал к Соне, там ее сестры не было, что бы там ни думал друг, он пытался исполнить его просьбу.

— Где Майя, ваша светлость? — вездесущая Кэрри на несколько минут оставила в покое веер, посмотрев на герцога. — Наверняка опять со своим любовником, — улыбнулась так, будто только что сказала не совершенно непозволительную вещь, а осведомилась о погоде.

— Леди, вы забываетесь... — Дамиан предупреждающе пригвоздил ее взглядом. Неужели у этой дурехи такая короткая память?

— О чем вы? — Дэррек сильнее сжал нож в руке, не понимая еще до конца, на что намекает девушка.

— Все просто, ваша светлость, я думаю, вы должны это знать, тем более, дом вот уже неделю гудит об этом, — обведя взглядом резко уставившихся в собственные тарелки присутствующих, Кэрри кивнула в сторону пустующих кресел.

— Видимо, анибалты не только внешне отличаются от нормальных людей, но и манерам они не обучаемы... Не скрываясь, даже не создавая видимость, как только хозяин за порог, они устроили тут совершенно непозволительное... — так толком и не договорив, девушка вздохнула, покачала головой, а потом вернулась к трапезе.

— О чем вы? — Дэррек перевел взгляд с пустующих кресел на девичье лицо.

— Простите, я не могу о таком даже думать, не то, что рассказывать, в отличие от этих, с позволения сказать, людей, у меня присутствует чувство такта.

Впервые в жизни у Дамиана возникло непреодолимое желание хорошенько стукнуть ее по голове. Ему вспомнились те бессонные ночи, которые Майя провела у постели лежащего при смерти человека, вспомнилось, как она кормила его из ложки, когда он не мог сделать это сам, как выносила горшки, и думал, что эта неженка не способна даже на половину того, что пережила Майя. С позволения сказать человек... Она сама едва ли была человеком. Но, черт возьми, он поклялся, что никто не узнает правду, а значит, защитить Майю он не может.

На полный гнева взгляд Дэррека, Дамиан лишь пожал плечами. Какая разница, если все так считают, что изменится, если и Мэйденстер будет одним из них?

Дэррек еще сильнее сжал нож. Что за бред происходит в его доме? Опять Витор, опять с ней, а ее нет.

Продолжать этот фарс он не собирался, отбросив приборы, направился разыскивать дворецкого. Того, кто должен был объяснить все вразумительно.

— Я хочу знать, что произошло за время моего отсутствия, — дворецкий, держащий в руках расчетную книгу, с гордостью ее открыл, собираясь зачитать крайне важные цифры, которые Дэрреку сейчас были абсолютно не нужны... — Нет, я хочу знать, что это за история с гостями.

— Какая? — Дэррек скрипнул зубами, сдерживаясь из последних сил — отлично, значит он в курсе, просто пытается показать, что в курсе всего, в том числе и более мелких происшествий.

— Связанная с графом Винсентом и одной из леди, — Мэйденстеру не хотелось упоминать их имена даже в одном предложении, не то, что предполагать правдивость сказанного.

— Я почему-то считал, что вас уже просветили во все... — подчеркнув свою значимость, Дэн начал рассказ.

Как только герцог за порог, в доме стали твориться ужасные вещи. Джентльмен на глазах у всех, не скрываясь, практически переехал в ее покои. Горничная не была туда вхожа, а как попала, только позавчера, была в ужасе — будто ураган прошелся, в клочья разорванное белье, смятые простыни. А граф Ланской даже пальцем не пошевелил, чтоб все это прекратить, только грозил всем расправой, если станут распускать слухи. А какие уж тут слухи, если все ясно как божий день!

— Младшая сестра леди, — он выделил свое обращения, намекая, чего стоят все эти титулы, — даже превратилась в настоящую затворницу, только представьте — какой позор! Кто же теперь возьмет ее в жены, если так не повезло с сестрой...

Когда он в последний раз пребывал в таком бешенстве, Дэррек вспомнить не смог, неужели все это правда? Неужели вот так Винсент решил ему отомстить за своего брата? Только поступил еще изощренней, чем он сам когда-то — не просто показал, насколько Майя неверна, а наверняка и сам подложил ее под него.

Его Майя вдруг перестала быть чистой, наивной, искренней девушкой, которой он готов был признаться в любви. Нет, расчетливая, лживая тварь, отдавшая себя лишь по просьбе этого ублюдка.

— Где Винсент? — спросил мертвенным голосом.

— Уехал сегодня ночью, никого не предупреждая, осведомлен был только Граф Ланской, но мне сообщил уже сегодня утром, чтобы горничных отправил прибраться, — черт, убрался. Ну ничего, Дэррек успокоил себя тем, что у него еще будет возможность хорошенько врезать Витору. И опять Дамиан... Он тоже, тоже с ними заодно? Продался все-таки за место?

— Позови Дамиана, — пока дворецкий исполнял его указания, опять превратившись в тихого и покорного служащего, чувствуя приближающуюся грозу, Дэррек открыл верхний шкаф стола.

Безделушка лежала на месте, вот только теперь она имела совсем другое значение. Значит, «из надежных источников», значит, она докладывала ему обо всем, что происходило, и они вдоволь смеялись над ним? Дурак, какой же он дурак. Всю ее чистоту, наивность он сам же и придумал. Расчетливая. Случайно она оказалась тогда в его библиотеке? Нет. Случайно подслушала их разговор? Нет. Дурак, ведь он думал, что загоняет ее в ловушку, а все было наоборот, это она оплетала его своими сетями. А как натурально пугалась, как

наатурально сопротивлялась... А всего-то пришлось пожертвовать своей девственностью, но, видимо, Витора эта мелочь в ней не смущала, раз не брезгает пользоваться, после него. И это ее «люблю», теперь казалось худшим, что он слышал в жизни. Грязь, сплошная грязь.

Дверь открылась, в кабинет вошел Дамиан, улыбающийся ровно до той секунды, пока его глаза не встретились со взглядом друга.

— Ты все знал?

— Что?

— Не притворяйся идиотом! — он готов был убить, так что совсем не советовал Дамиана выводить его из себя.

— Что ты хочешь знать? — Дамиан сел в кресло напротив.

— Все. Как давно они спят, почему я узнаю об этом от безмозглой девки, а не от собственного друга. Или не друга?

— Друга, — тон Дамиана был примирительный, он собирался врать, но так, чтобы это сошло за чистую монету. — В их интимных делах я не осведомлен. Как долго «спят», я не знаю. Может месяц, может больше, — желваки заиграли на мужском лице.

— Почему я узнаю об этом только сейчас? — черт побери, Дамиан... Дэррек прощал ему многое: и недомолвки, и маленькую ложь, и то, как он каждый раз ставил свои интересы выше чужих, но этого прощать не собирался. А тем более, все больше убеждаясь в том, что друг замешан в этой мести. Так активно сватал ему Соню, так «случайно» перевел тему на их отношения тогда в библиотеке... В чем ему не отказать, так это в том, насколько хорошо Дамиан успел изучить друга.

— А что ты хотел, чтобы я тебе рассказал? Зачем? Неужели это так важно для тебя?

— Не делай вид, что ничего не понимаешь! — Дэррек стукнул кулаком по столу, не в состоянии больше сдерживать рвущийся из груди гнев. — Завтра я не желаю видеть тебя в своем доме. Ясно? — в его глазах читалась готовность убивать, прямо здесь и сейчас.

— Не делай ошибки, Дэррек... — Дамиан не отвел взгляда, он и понятия не имел, что сейчас творилось в душе друга, а то, что знал, было недостаточной причиной, чтобы убить дружбу, длинную в жизнь.

— Ясно? — еще один неправильный ответ, и он выволок бы Ланского из дома просто сейчас.

— Ясно. — Дамиан это понял, а потому просто вышел из комнаты.

Сумасшедший... С чего так завелся? Почему рвет и мечет? Почему горячится? Дамиан мотнул головой, ускоряя шаг... А что было бы, знай он правду...

Гнев и ярость выжигала Дэррека из середины. Любовь? Как быстро проходит любовь, оставляя на своем месте только желание мстить. Раз он не сможет пока отомстить Витору, сегодня ее черед. О, с каким удовольствием он это сделает! Там, где совсем недавно билось сердце, сейчас пылало пламя, лишь потушив которое, он сможет снова жить как раньше. Теперь он ждал ее возвращения еще сильнее, вот только его планы изменились.

Сколько она проспала, Майя не знала, но от лежания на жесткой почве, спину ломило. Поднявшись, девушка развела руки в стороны, разминая их. Собрала свое самодельное ложе, так и оставшуюся полную корзину и направилась в сторону дома.

Солнце успело пройти зенит, сейчас, по меньшей мере, должно было быть обеденное время, а значит, до его возвращения осталось не так и много времени, если он уже не

вернулся. Подгоняемая этой мыслью, Майя еле сдержалась, чтобы не рвануться в бег. Внешне, ничего в доме не говорило о том, что долгожданный хозяин вернулся — пустая терраса, слишком все заняты сборами, тишина вокруг, полный покой.

Лишь в холле дома Майя столкнулась с неизвестной ей служанкой. Извинившись за то, что на нее налетела, девушка задала единственный интересующий ее вопрос:

— Герцог Мэйденстер уже вернулся? — те же секунды, что служанке понадобились на то, чтобы попытаться разгладить складки на юбке, причитая при этом, были немислимо длинными.

— Бегают тут... всякие... — бормотала та себе под нос. — Приехал, утром еще приехал, и уже за дела взялся...

Майя вмиг забыла о корзине, о нагрубившей горничной, ее затопила радость. Приехал. Бросив свою ношу посредине комнаты, она помчалась вверх по лестнице.

— Скорее бы вы все уже уехали, сил нет за вами прибираться... — женщина склонилась за корзиной.

А Майе было все равно, что о ней подумают, ей хотелось только опять очутиться в объятьях, дарующих покой. Пусть уже не будет так, как она себе представляла на поляне, будет еще лучше, потому что в жизни, а не в грезах.

Запыхавшись, она остановилась у двери. Сердце колотилось как бешенное, щеки покраснелись от бега. Почему она помчалась в кабинет? Просто знала, что он будет тут. Прежде чем войти, девушка хотела привести дыхание в порядок, но даже на это не хватило ее терпения, снова забыв постучать, она влетела в помещение...

Еще вчера казавшийся наполненным привидениями прошлого, кабинет сейчас стал самым теплым помещением в доме. Дэррек сидел за столом, сложив пирамиду из пальцев, внимательно слушал то, о чем ему рассказывал служащий. Когда дверь отворилась, оба мужчины отвлеклись от своих дел. Майя не знала, возможно ли такое, но ей показалось, что Дэррек стал еще красивее. Но почти сразу же она поняла, что просто слишком сильно по нему скучала. Вот только взгляд...

Ее ни разу в жизни никто не бил, даже родители не позволяли себе шлепнуть за непослушание, а он, казалось, хлестнул взглядом по лицу с такой силой, что девушку чуть не отнесло волной обратно за дверь. Подумав, что совершила ошибку, не постучавшись, Майя промолвила:

— Простите, я просто... — что она «просто», сказать было не суждено, его взгляд заставлял горло сжаться. Герцог никогда так на нее не смотрел. Будто на насекомое, которое хотел раздавить. Хотя нет, насекомое вряд ли чувствует, что одним взглядом его смешивают с грязью, не отличая от нее. Улыбка померкла на девичьем лице.

— Я занят! — даже не сказал — рывкнул. Как иногда прикрикивают на собаку, послушавшуюся команды. И все, больше ни взгляда, ни слова. Просто вернулся к наблюдению за служащим. А тот, лишь извиняясь, улыбнулся девушке и продолжил зачитывать что-то из книги. Еще пару секунд Майя смотрела на эту картину, не в силах понять, что произошло, и настолько ли велика ее вина, что она недостойна даже улыбки после недельной разлуки. Моргнув, она опомнилась, что выглядит, по меньшей мере, странно, подобрала юбки и тихо вышла из комнаты, чувствуя спиной все тот же сверлящий, полный отвращения, взгляд.

Закрыв за собой дверь, Майя попыталась отдышаться. Оказывается, бег не заставил ее сердце разогнаться до такой скорости, как происшедшее только что. Ях, неужели вот и все? Вот и вся цена его обещаниям? «Верь мне» «Я вернусь». Он вернулся, вот только к ней ли?

Все ее грезы теперь казались такими глупыми, и сама она казалась себе настолько униженной, что хотелось только спрятаться от позора, сжигающего ее изнутри. Признания в любви, о чем она только думала...

Когда Майя пришла в комнату к сестре и легла на ее кровать, Соня не стала задавать никаких вопросов. Слишком терпеливой к ней была Майя все эти черные дни, чтобы теперь отплатить ей ненужным любопытством.

Обняв сестру со спины, Соня шепнула ей на ухо:

— Все хорошо, Маюшка, завтра мы будем уже дома, весь этот кошмар закончится.

— Закончится, — два совершенно разных, но таких близких человека смотрели в окно, не видя колышущихся на ветру ветвей — у каждой было о чем страдать.

Вчера сестрам было не до того, чтобы заниматься сборами, наверстать упущенное они планировали сегодня. Но затянувшаяся прогулка нарушила все планы. Хотя сейчас Майя уже не способна была себе признаться, что просто напросто оттягивала до последнего необходимость паковать сундуки, все на что-то надеялась... Видимо, на то, что произойдет чудо, ее «почти счастье» станет настоящим... Сейчас, когда пригвоздив ее взглядом, Дэррек указал истинное место, тянуть — смысла больше не осталось. Управившись с вещами сестры, она взялась за свои.

Сколько белья ушло на перевязки, наверняка сказать она не могла, но сундук, когда-то полный, сейчас легко закрывался, даже без необходимости прикладывать усилия. Она долго думала о том, что делать с запонкой, оставшейся у нее. Майя не была уверена, что хочет оставлять себе эти воспоминания, больше не была уверена, но, в конце концов, спрятала со всеми остальными вещами.

Обед она пропустила, а ужин всем разносили по комнатам, ранний, сразу после захода солнца, чтобы гости успели выспаться прежде, чем выезжать. О чем Майя не жалела, так это о том, что не смогла попрощаться со всеми. Из пребывания в этом доме, она вынесла не один урок: что люди бывают жестокими, что для них иногда не существует большей радости, чем чье-то поражение, что человечность сейчас не в моде, как блондинки. Вот только вернется ли она в моду — вопрос без ответа. С Витором Майя попрощалась вчера, а вспоминая его взгляд, устремленный на Соню, была уверена, что они увидятся совсем скоро. Хоть за эту неделю старшая Дивьер и поменяла свое мнение о легкомысленном Дамиане в лучшую сторону, их связывали слишком странные отношения, чтобы бросать прощальные улыбки и обещать переписываться. О чем? Давать советы как правильно делать раненым перевязки. Она была ему очень благодарна, о чем говорила не один раз, а большего он от нее и не ждал.

Взяв в руки расческу, Майя распустила волосы. Оказывается, шпилька впилась в нежную кожу, и девушка этого не замечала ровно до того момента, как ослабила ее. Помассировав ноющее место, она продолжила расплетаться.

Два месяца... Сложно поверить, но они провели тут целых шестьдесят дней, и теперь самое время подумать, что она будет чувствовать, возвращаясь домой? Расплачется, увидев родителей? Как ее встретит Тень, ее мальчик? Совсем скоро Майя должна была узнать

ответы на эти вопросы.

Расчесав непослушные пряди, девушка заплела обычную косу, не позволяющую волосам лезть в лицо ночью. Да уж, последняя неделя явно не пошла ей на пользу, Майя посмотрела на обычно и без того выпирающие ключицы, по которым теперь можно было изучать анатомию. Слишком мало у нее было времени для еды, слишком было много других дел. И эти тени под глазами... Девушка надеялась, что ей удастся завтра списать их на тяжелую дорогу, домашних в правду посвящать она не собиралась.

В том, что дверь, разделяющая смежные комнаты, сегодня ночью останется закрытой, Майя не сомневалась. Было ли обидно, что все закончилось так? Очень, до слез, но только эти слезы должны были пролиться, когда она будет уже далеко, чтобы не унижаться еще больше. Наверняка, побывав дома, он понял, что его забавы с анибальтом пора прекращать, а то она напридумывает себе всякого. Да, она напридумывала, только ему ее выдумки никак не грозили.

Будучи совершенно уверенной, что он не придет, Майя испугалась, услышав, что кто-то взялся за ручку с той стороны. Расческа выпала из рук прямо на лежащее на трюмо зеркальце. По центру прошла прямая трещина, еще до того, как девушка поняла, что в разбитое зеркало смотреть нельзя, Майя увидела в нем свое отражение, разделенное на две части.

Черт ее возьми! Снова без стуку ворвалась в кабинет, и ничего не изменилось... Все то же: все та же улыбка, светящиеся глаза, мнущие подол руки, только стала еще более хрупкой. На первый взгляд ничего не изменилось. Вот только спокойно смотреть на нее Дэррек больше не мог, вспоминая ее предательство, явственно представляя, как она бежала к своему любовнику, надеясь получить одобрение. Обманывала его. Лживая, какая лживая... Чем она лучше продажных шлюх? Они честно торгуют телом, не скрывая, а она сделала то же, только не за деньги. Перед глазами возникали образы их последней ночи, ее страх, который, теперь-то он понимал, просто предвкушение — ей не терпелось дождаться, когда же он наконец-то уедет. А разбуди он ее тогда, немедленно побежала бы к Витору.

Поставив на стол пустой стакан, Дэррек встал из кресла. Он выпил уже очень много, вот только желанного эффекта это не дало, он не смог перестать думать, не смог забыться. И во всем виновата она, чертова девка.

Она за это поплатится, стремительно подойдя к двери, он дернул за ручку.

Когда Дэррек появился в проеме, Майе захотелось сжаться до размеров пылинки, так сильно рядом с ним она чувствовала опасность. Пристальный взгляд темных, наполненных металлом, глаз, стиснутые губы. Хищник, вот только если раньше он был управляемым, самим собой же, то теперь контроль утерян.

Он сделал шаг в ее сторону, Майя невольно подскочила. Интуиция подсказывала, что находиться сейчас с ним в одной комнате опасно.

— Я вас испугал? — в глазах все тот же метал, еще шаг по направлению к ней и ее отступление к двери.

— Нет, все хорошо, — голос дрожал, почему-то не было страшно оказаться в одном пеньюаре в коридоре, намного страшнее ей было смотреть в эти глаза и видеть плещущееся

там бешенство.

— Отлично, — еще шаг, еще отступ. Внутренний голос вопил о том, что ей нужно просто сорваться на бег, но и это было слишком страшно. — Ты ничего не хочешь мне сказать? — последний шанс, который он ей давал. Покайся она сейчас, он передумает, отпустит ее, а мстить будет Винсенту, когда до того доберется. Щенок, даже не представляет насколько заигрался.

— Нет, — она, конечно, хотела попросить ее не пугать, оставить, уйти, но боялась того, что получит в ответ.

Он зло улыбнулся, ну вот и отлично.

Наконец-то Майя почувствовала спиной дверную ручку, нужно было только нажать и выскользнуть. Все.

— Куда-то спешишь? — как он оказался так близко, уму непостижимо, повернув ключ в замке, Дэррек спрятал его в кармане. Майя лишь сглотнула подступивший к горлу страх — теперь бежать было некуда.

Горячие пальцы поддели ее подбородок, заставляя поднять глаза.

— Скучала? — в глазах играло издевательство и гнев.

— Да, — соври она, ярость бы, возможно, в нем не проснулась с новой силой.

— Сейчас мы это проверим... — он впился в губы больно, жадно, без единой капли нежности. Ей казалось, что он целует все то же насекомое, что читалось в его взгляде, когда она ворвалась в кабинет. Еще секунда, и она стала бы задыхаться, но попытки оттолкнуть лишь заставляли его вжимать ее в дверь еще сильнее, ручка больно впиалась в поясницу.

Не заботясь о целостности одежды, он одним рывком разорвал ее рубашку на груди. И без того испуганная до крайности Майя только пискнула, хотя звук заглушили мучающие ее губы.

Лишь оставив ее совершенно голой, Дэррек отстранился. Майя пыталась схватить грудью больше воздуха.

Мужчина чуть отошел, посмотрел оценивающе, как на товар, который собирался купить. Ее пробрала дрожь, не имеющая ничего общего с желанием. Сердце грозило вылететь из груди.

— Ну что ж, неплохо. Ложись, — еще ни разу он не приказывал ей так, унижая.

Под страхом смерти она не исполнила бы его приказ. Собрав всю волю в кулак, Майя отрицательно помотала головой. Растерянная, униженная, не понимающая еще толком чего боится, Майя не собиралась исполнять его приказ.

— Не дури, — предупреждение прозвучало откровенно угрожающе. Когда он подумал, что Витору она вряд ли отказала бы, кулаки сжались сильнее. Витору нет, а ему может. Хотя ей это не удастся. Что читалось в ее глазах? Страх. И он им упивался, пусть боится, так и надо. Когда она во второй раз отрицательно помотала головой, сделал все сам. Подхватил на руки, сейчас она весила еще меньше, поборов слабое сопротивление бросил на кровать...

Стукнувшись лодыжкой о столбец кровати, Майя схватившись за ушибленное место, зашипела. Вот только надвигающийся на нее мучитель заставил быстро забыть о боли. Надеясь хоть как-то отгородиться, Майя прижала к груди простынь. Теперь она бросала взгляды на дверь в его комнату, как на свое спасение, но проследив за ее взглядом, мужчина хищно усмехнулся.

— Там тоже закрыто, и это — он кивнул на простынь, — меня не остановит, — из чувства противоречия, Майя лишь сильнее сжала простынь.

В чем причина такого его поведения, почему он пытается ее испугать — она не имела ни малейшего понятия, но хотела верить, что это какая-то глупая шутка. Просто глупая шутка. Еще секунда, и он расплывается в улыбке, притянет к себе и поцелует уже нежно, заглушая ноющую в лодыжке боль. Вот только в глазах — нет и намек на подобное раскаянье.

Когда кровать прогнулась под его весом, Майю уже била дрожь страха...

— Покажи как ты соскучилась... — он навис над ней не оставляя пути для отступления. Простыня как и пеньюар до этого, оказалась выдрана из ее рук.

Трясущуюся руку Майя запустила в мягкие волосы на затылке, она не знала, чем заслужила такое поведение, не знала, за что он ей мстит, но ей почему-то показалось, что только своей нежностью она сможет погасить это горящий в глазах огонь, который выжигает не только его, но и ее. Она медленно приблизилась губами к его лицу, закрыв глаза, чтобы не видеть его страшного взгляда, поцеловала, губы были плотно сомкнуты, он не собирался облегчить ей задачу, снова заставить сойти с ума от ее таких наивных с виду ласк, когда она скользнула языком по губам, его терпение лопнуло.

Эта ее притворная нежность заставила расвирепеть еще больше. Лживая актриса, готовая на все.

— Нет, так дело не пойдет, — перехватив девичьи руки за запястья, он завел их за голову, оставляя совсем беззащитной. Он пришел к ней не для того, чтобы играть по ее правилам, а чтобы просто воспользоваться тем, что так любезно ему предоставил Винсент.

Обездвижив ее, желая унижить еще сильнее, Дэррек начал свои грубые ласки, которые и лаской то не назовешь, он просто напросто лапал Майю, больно стискивал кожу, не считаясь с ее желанием или нежеланием. От каждого прикосновения завтра должны были появиться синяки, единственное, что ей оставалось, извиваться, пытаться ускользнуть от заставляющих кожу гореть прикосновений. Только ее движения желанного результата не дали, и без того разгоряченная кровь била в голову с удвоенной силой. Одной рукой сдерживая руки, не обращая внимания на ее попытки вонзить ногти в плоть, второй он двигался по телу, больно надавливая, стискивая, а губами оставлял красные следы на нежной коже шеи, груди, плеч, живота. Когда ладонь легла на внутреннюю сторону бедра, Майя пискнула, пытаясь сжать ноги еще плотнее.

Она боялась его, не хотела чувствовать его ни на себе, ни тем более в себе, она была уже достаточно унижена и испугана, неужели он настолько жесток?

Ее жалкие попытки сдержать, не повлияли на пыл мужчины никак, сопротивление было разбито в дребезге, а рука по-хозяйски устроилась там, где Майя хотела его ощущать сейчас меньше всего.

Дэррека выводило еще больше это ее сопротивление, за что она так держалась? За честь, которой уже давно лишилась, переспав сначала с ним, а потом и с Витором, или за нежелание быть именно с ним? Больше всего его бесил тот факт, что она предпочла ему этого ублюдка.

— Нет, — когда он попытался войти, она лишь сильнее сжала и без того напряженные ноги, терзавшие ее губы попытались накрыть рот, но она отвернулась. — Я не хочу.

Он улыбнулся, но только это больше напоминало оскал.

— А я не спрашиваю тебя, голубка, — обращение прозвучало с издевкой.

Ях, пожалуйста, нет, неужели ее «почти счастье» должно закончиться так? Неужели от этих воспоминаний она будет просыпаться ночами, чувствуя соленый привкус слез.

Пожалуйста, нет, нет, нет.

Продолжая борьбу, она взмолилась:

— Пожалуйста. Не надо. Нет, — сил ее хватило ненадолго, удерживая запястья одной рукой, второй он взялся за напряженные ноги. Как бы сильно она ни хотела его сдержать, борьба была слишком неравной, физически у нее не было ни одного шанса, а мольбам он не внимал.

— Не делай вид недотроги, мы оба знаем, чего стоят эти твои «нет», — слова прозвучали как удар под дых, выбив из груди весь воздух. У нее не осталось сил противостоять. Сильный толчок, непрошенный, нежеланный и от того еще более унижительный. Майя попыталась сдержать слезы, но не смогла, по щекам потекли соленые потоки. Движения, шарящие по телу руки, горячее дыхание, чужие глаза, Ях, как противно...

— Дэррек, не надо... — ее тело уже не сопротивлялось, но умом она продолжала молить об одном, чтоб он прекратил, пока не поздно. Она сама понимала, что давным-давно поздно, но перестань он ее мучить сейчас, путь назад еще был бы.

— Дэррек? — он оставил еще один след на шее, там, куда она так любила, когда он целовал, в ямочку, в которой бьется ее сердце, в унисон с его. — Я предпочитаю ваша светлость, — он так долго мечтал услышать от нее собственное имя, так долго воевал с ней самой, чтобы добиться от нее этого. И, в конце концов, лишь теперь, чтобы он прекратил, она сподобилась на это.

Как это было? Грубо, подло, низко, своими движением он пытался ее унижить и ему это удалось, лишь титанические усилия помешали ей разрыдаться в голос.

Наслаждение? Сложно представить, что подобным можно наслаждаться. Он ломал ее, как дети ломают игрушку об колено. Каждый раз, когда Майя ощущала его в себе, ей хотелось кричать, а лучше умереть, чтобы это уже не имело никакого значения.

Когда все закончилось, мужчина откатился, встал с кровати. Не в состоянии даже смотреть на него, Майя отвернулась к противоположной стенке, свернувшись клубком. Еще какое-то время он находился в комнате, видимо, собирая вещи. Майя вздрогнула, когда о тумбу ударился металлический ключ. Прежде, чем дверь закрылась, она услышала:

— Удачной дороги.

Майя стиснула кулаки с такой силой, что на ладонях остались кровавые следы, и заплакала, беззвучно, чтобы он не услышал. За что он так с ней? В чем ее вина? Ответа она не знала, и он ее не интересовал... Такое не прощают. Никогда, даже умирая, она не простит ему это. Даже моли он на коленях, она не простит то, что он сделал. Будет гореть в аду, изнывая от гордыни, но больше никогда в жизни не позволит дотронуться до себя, сделать так больно, выцарапать душу и оставить ее на ветру ссыхаться.

Утром, еще до рассвета, их карета помчалась в сторону дома. Майя прижимала к груди голову Сони, которая время от времени всхлипывала, вспоминая о происшествии, а у Майи болело все тело от вчерашней непрошенной ласки, и душа, которая, к сожалению, не заживет уже через несколько дней, как синяки...

Конец первой части

Часть II

Глава 22

Две девушки рука об руку прогуливались по саду. Их окружали ухоженные цветники и клумбы. Должно быть, садовник исполнял свои обязанности с особым рвением. Светило августовское, чуть ленивое жаркое солнце, ветерок теребил насыщено зеленого цвета листву, а птицы заливались трелями, готовясь улетать на зиму в теплые края. Одна из идущих опиралась об ажурный зонтик, как о трость, другая же с удовольствием подставляла свою и без того смуглую мордашку солнышку.

— Майя, как твоя лодыжка? Она ведь уже давно тебя не беспокоила, неужели опять болит? — девушка посмотрела на шагающую с ней в ногу сестру.

— Нет. Уже не болит, просто привычка, — Майя покрутила в руках зонтик, демонстрируя, что спокойно может обойтись и без него. — Скоро осень, — она проследила взглядом за тем, как желтый листочек оторвался из-за порыва ветра и полетел к земле.

— Да уж. — Соня тяжело вздохнула. — А значит, снова открытие сезона... — еще один вздох.

— Это ведь хорошо, чему грустить? Развеешься, а то что-то ты засиделась в четырех стенах... — совсем низко пролетела ласточка, наверное, будет дождь...

Соня только очень серьезно посмотрела на сестру. Да уж, развеется...

— Я подумала... Майя, я, наверное, не поеду в столицу этой осенью, — младшая Дивьер думала об этом долго, взвешивала все за и против, и единственным «за», которое находила — возможная встреча с человеком, который заставлял ее сердце биться чаще, зато «против» было такое количество, что страх перед ними застилал глаза.

— Почему? — глупый вопрос. Майя понимала, что спроси кто-то у нее самой, почему она не хотела бы оказаться осенью в столице, она нашла сотни объяснений, и каждое было бы достаточно уважительной причиной, у Сони таких причин было не меньше. Разве что меньше на одну.

— Не хочу видеть их всех... А ведь они там будут. Представь, Кэрри даже осмелилась мне написать, справиться о моем здоровье, передавала привет тебе, если я, конечно, найду силы тебе этот привет передать. О чем она говорила, я так и не поняла. Я не ответила. Терпеть не могу это лицемерие, — от нахлынувшего раздражения пострадал ни в чем неповинный цветок, сорванный, а потом разобранный на лепестки.

— Это твое решение, — Майя подставила лицо теплым солнечным лучам, с некоторых пор она перестала его бояться, ведь бояться нужно людей, а не природу, природа не может сделать так больно, как человек. — Только на открытии же будет Витор... — она пообещала другу, что любыми правдами и неправдами выгачит сестру в столицу, и собиралась свое обещание исполнить.

— Я знаю, — Соня опять вздохнула. — Потому и боюсь...

— Чего? — сестры остановились, Майя уже давно вела подобные беседы и еще ни разу не получила вразумительного ответа на вопрос, что же происходит между Соней и Витором.

— Не важно, — и сейчас отвечать младшая Дивьер тоже не спешила — расплывшись в улыбке, она попыталась отвлечь сестру, — не бери дурного в голову.

И еще до того, как Майя успела возразить, поцеловала в щеку, подхватила юбки и понеслась по тропинке в сторону беседки, оставляя по себе отголоски смеха и звук шелеста юбок.

Майя не погналась за Соней, но той этого и не хотелось. Она смотрела вслед удаляющейся фигуре и с сожалением думала, что слишком в их жизни много возникло дурного, которое лучше не брать в голову. Вот только не так-то это просто.

Со дня их возвращения прошел месяц, а все, что произошло с тех пор, Майя помнила так отчетливо...

Всю дорогу домой они занимались тем, что учились вести себя как обычно, вспоминали какими уехали из дому и пытались сделать вид, что такими же и вернулись.

«Как прошла поездка?»

«Отменно, так много новых знакомых, смешных историй, незабываемых впечатлений...»

«Каких?»

«Оооо, не хватит и трех вечеров, чтобы поведать их всех».

«Ну хоть одну историю...»

«Например однажды, два джентльмена побились об заклад, что в доме герцога хранится боевой револьвер... Хотя нет, это не та история. А вот другая...»

«И что ж? А были ли среди гостей молодые люди, достойные внимания?»

По сути, главный и единственный вопрос имеющий значение.

«Несомненно, все джентльмены на удивление умны, находчивы, галантны».

«А есть ли среди них тот, кого вы могли бы выделить?»

И вот тут нужно было задумчиво посмотреть куда-то вверх, как бы вспоминая, а потом загадочно улыбнуться, ну и еще можно покраснеть. И этого достаточно.

Когда карета покидала имение, Майя не осмелилась даже посмотреть на него напоследок. Слишком ей было гадко на душе. Когда дверь за герцогом затворилась, она разрыдалась. Удивительно, но за всю жизнь столько, как за эти месяцы в его компании, она еще не плакала. То, что еще недавно она считала любовью, вдруг превратилось в удушливую ненависть. Не может человек, которого любишь, вызывать желание сделать так же больно, как сделал он. Не может человек, которого любишь, сделать так больно. Боясь, что мучитель может вернуться, девушка подперла дверь креслом, отправилась в ванную. Хоть пока следов его «нежности» видно не было, кожа пылала так, что она не сомневалась — очень скоро они проступят. Пришлось лезть на самое дно сундука за теплым платьем, прикрывающим шею и руки. Всю оставшуюся ночь Майя просидела у окна, наблюдая за тем, как ночь понемногу вручает бразды правления дню. Невольно она прислушивалась к звукам, доносившимся из соседней комнаты, пыталась услышать хоть что-то, но стояла крошечная тишина. Видимо, его светлость крепко спит, или, возможно, решил провести остаток ночи где-то в другом месте, боясь ее истерической мести. Если это так, он ошибся, мести не будет. Ни разу в жизни ни один обидчик не получал от нее в отместку, просто потому, что она на это не была способна, и он тоже не получит. Слишком слаба. Когда первые лучи коснулись земли, Майя взяла лежащий на столике ключ, открыла, отправилась будить Соню. Не хотела дожидаться официальных прощаний, лучше уехать чуть раньше. Сестра не противилась, не капризничала, уже через полчаса их сундуки были погружены, Дэн почтительно поклонился, вручив корзину. На вопрос, передать ли что-то хозяину, получил «благодарность за гостеприимство», и карета скрылась из виду.

Больше чем за себя, Майя волновалась за Соню, которая не могла сдержаться от слез дольше, чем на полчаса. Большую часть дороги они провели в рыданиях, успокаиваниях и попытках любым способом прекратить этот бесконечный круговорот. Что подействовало? Гипотетическая необходимость объяснить родителям, чем вызваны слезы. Именно этот страх пересилил боязнь перед самими воспоминаниями.

Лишь увидев издалека очертания родного дома, сестры поняли, как соскучились. Им показалось, что экипаж слишком медленный, что кучер специально тянет, не желая возвращаться в имение, а когда стали различимы фигуры, стоящие на террасе, терпения не осталось никакого. Лишь держащая рука Майи не дала Соне выпрыгнуть из кареты на ходу и помчаться на встречу к маме.

Ведь так ясно обе сестры вдруг поняли — их ждут единственные объятия в мире, к которым стремишься на протяжении всей жизни, которые заменяют любые слова — мамыны.

— Девочки мои, — и пока Соня мчалась навстречу, Майя не могла надышаться воздухом, родным воздухом, который залечит все раны.

— Мама... — заботливые руки обхватили хрупкие плечи обеих девушек, и снова лились слезы, но только уже не отчаянья, а радости из-за такой долгожданной встречи. Только проверив собственными руками, что все пальчики на месте, кости целы, а лица почти не изменились, графиня отпустила их к отцу.

Тот тоже стоял с раскрытыми объятьями. Лишь после разлуки понимаешь, что еще вчера твои маленькие девочки сегодня уже взрослые женщины, но для тебя это не значит ровным счетом ничего, ведь они навеки останутся любимыми малышками.

— Дочка, неужели ты так соскучилась, что слезы будут заливать нас весь день напролет? — граф поднял Сонино личико, убеждаясь, что его рубашка уже успела промокнуть неспроста.

— Да, папочка. Я соскучилась... — ласково улыбнувшись, граф перевел удивленный взгляд на стоящую чуть в стороне Майю, которая спокойно ожидала своей очереди на приветствие.

— Солнышко, я тоже очень соскучился, — адресовал он эти слова обеим своим дочерям.

Их репетиции не прошли зря, из обеих получились бы неплохие актрисы, каждый раз, рассказывая о своей поездке, даже у них самих складывалось впечатление, что все было совсем не плохо, если не сказать замечательно. Лишь на замечание мамы, «возможно герцог решит приглашать молодежь к себе и в следующее лето?», девушки одногласно ответили «нет». Хотя, даже окажись они неправы, их ноги уж точно не будут в этом доме следующим летом.

Оказавшись в своей комнате, Майя будто вернулась в свой мир, из которого ее когда-то выдернули. Все родное — родная мебель, родной ковер, родные стены, собственные картины, вышитые своими руками подушки. Это все теперь казалось оберегом, который не даст проникнуть внутрь злу. В этом доме не было места подлости, она знала точно.

Всю последующую неделю Майе пришлось проходить в теплых платьях, изнывая от жары — как назло, до их возвращения мягкое лето вдруг во всю силу показало, на что оно способно. Не раз Майя разглядывала оставленные на теле следы, желая запомнить их как можно лучше, ведь забыть, значило бы простить, а прощать она не собиралась. Правда потом она всей силой терла эти отметины мочалкой, мечтая отодрать его прикосновения.

Ненавидела, она его ненавидела. Не только за то, что сделал, за все. За всю подлость с самого начала, за унижения, за то, что использовал Соню, за шантаж, за притворную нежность, за это его «верь мне». Больше всего за это чертово верь мне. Она не желала ему ни смерти, ни мести, просто хотела ненавидеть, ведь это казалось правильным. Нельзя любить человека, предавшего тебя. Легче называть любовь ненавистью.

С ушибленной лодыжкой Майя промучилась дольше, из-за образовавшейся гематомы не была видна косточка, а каждое движение отдавалось болью. Сославшись на вывих, когда боль становилась совсем невыносимой, Майя опиралась о зонтик, не желая ковылять, словно беспомощная.

Но в первый день собственная перина оказалась чудодейственным лекарством и тут, проспав несколько часов, Майя почувствовала, что вся усталость, накопившаяся за последние дни, ушла, как и боль. Такого притока силы она давно не чувствовала. А потому решила, что настало время повидаться с тем, о ком она вспоминала не реже, чем о любимых людях.

— Как он вел себя? — Майя вошла в помещение вслед за конюхом, который, на всякий случай, хотел проследить за тем, как Тень отреагирует на возвращение хозяйки.

— Он сильно скучал, леди Майя. Один раз даже пытался сбежать, — мужчина отворил загон, взял коня под узды, попытался вывести навстречу девушке.

Каким красивым он показался на глаза хозяйки — блестящая щетина, будто смазана оливковым маслом, слегка гофрированная грива спадает на лоснящуюся мускулистую шею.

— Тень! — Майя воскликнула, привлекая его внимание.

Вот только конь, вместо того, чтобы подойти, уткнуться мордой в протянутую ладонь, уперся копытами, не давая конюху ни одного шанса вывести себя из загона.

Он обиделся. На нее, за то, что бросила. Обещала, что вернется, а так долго не возвращалась, сама предала того, кто в ней нуждался.

— Не хочет, леди Майя, — мужчина отпустил поводья, бессильно разводя руками. — Может вам другую лошадь запрячь? Прокатитесь с ветерком? — он видел, как на девичьем лице отражается грусть, но больше ничего предложить не мог.

— Нет, Мэт, спасибо, — она не предательница, она не променяет его ни на кого другого, друзей не предают. Несмотря на предупреждения конюха, Майя подошла ближе. Когда попыталась взять сбрую в руки, Тень мотнул головой, выбивая ремни из ее рук.

Он не собирался так просто прощать, а может не собирался прощать вообще.

— Тень, — она окликнула его, поднося руку с лошадиной морде. Конь только предупредительно фыркнул, раздув ноздри.

— Леди Майя, может не нужно? — Мэт видел, что конь сильно нервничает, переминается с ноги на ногу, не ровен час взбрыкнет, встанет на дыбы, или того хуже, ударит, а отвечать-то потом ему.

— Все хорошо. Мэт, оставьте меня одну, пожалуйста, — она была уверена, что Тень не сделает ей ничего плохого, а трясущийся над ней конюх только мешал.

— Леди Майя, оно того не стоит. Обиделся, посердился, вы к нему с яблочком заходите периодически, он и забудет, а сейчас давайте я вам правда другого оседлаю, — он сделал последнюю попытку ее переубедить, в конце концов, она хозяйка, ей и решать, своей же головой рисковать.

— Не нужно. Все хорошо, идите, — она же ответила, даже не глянув на человека. Девушка продолжала гипнотизировать взглядом норовистого жеребца, то и дело пытаясь поднести ладошку к его морде и чувствуя, как он отклоняется.

Когда вздохнув, Мэт покачал головой и вышел, Майя заговорила.

— Неужели я так виновата, что ты даже не разрешишь тебя коснуться? — она еще раз попыталась приблизиться к лошадиной морде, но Тень отвернулся. — Тень! Ну, посмотри на меня, ведь это я, я вернулась... — он не двинулся. — Ну пожалуйста, — в голосе звучала мольба. Не это. Только не это, он не может от нее отвернуться.

— Неужели не только люди меняются всего-то за неделю, тебе тоже хватило месяца, чтобы меня забыть? — на глаза навернулись непрошенные слезы. Смахнув их ладонью, Майя отвернулась.

Как любой мужчина, Тень не смог вынести женских слез. Сначала повернул черную голову, заслышав тихие всхлипы, а потом ткнулся носом в плечо. Почувствовав прикосновение, Майя лишь дернулась, не желая жалости ни от кого, будь то человек или животное, но потом, когда он положил морду на плечо, не выдержала. Развернувшись, обхватила жеребца за склоненную к ней шею, уткнулась в щетинистый бок и расплакалась, мешая слезы счастья от того, что он ее простил и отчаянья от того, что животные обладают большим милосердием, чем люди.

— Только ты мне нужен, нужен как никогда...

И он оправдал надежды. Уже через пять минут, оседлав его самостоятельно, Майя мчалась навстречу ветру, обгоняя мысли и время, чувствуя, что вокруг нет ни одной живой души, кроме них двоих, что мир принадлежит ей и никому больше.

Шли дни, жизнь возвращалась на круги своя. Вернулись обычные конные прогулки, перечитанные сотни раз книги, запоздало отмеченный день рожденья. Чего ей желали родители? Чтобы все мечты сбылись. Какие мечты — это уж ее забота. Свечи на праздничном торте Майя задула, загадывая, чтобы все обошлось...

Как-то утром мама позвала их с сестрой к себе, чтобы сообщить радостную новость. Замечали ли они, что в последнее время она все чаще отлучается отдохнуть? Вместо обычного вина за ужином предпочитает сок? Еще ни разу не составила им компанию в дальних прогулках? Все очень просто, у них скоро родится брат или сестра. Скоро — это в следующем году, еще в начале весны. Счастливая Соня повисла на шее матери, и лишь вспомнив, что теперь ее нужно беречь, чуть отстранилась. Майя была счастлива не меньше, вот только мысленно просила об одном, чтобы ребенок был похож на Соню, а не на нее, а еще лучше, чтоб это был мальчик, который снял бы с нее все бремя наследования титула.

— Майя, меня можно обнять, я не растаю, — мама раскрыла объятия, приглашая дочку.

— Я очень рада, мамочка. Лучше новости придумать нельзя, — девушка искренне улыбнулась.

Вот только тот же вечер принес ей неожиданные волнения. Еще с тех времен, когда она подошла к маме с деликатным вопросом, та вручила ей маленький клочок бумаги для расчета дней, наставляя, что в него следует вносить пометки напротив дней, в которые ее посещают женские неприятности. От года в год клочки бумаги менялись, а привычка отмечать оставалась несменной. Все они лежали в одном из ящиков письменного стола девушки, и почему-то именно в этот день ей в голову пришла мысль кое-что проверить.

Сердце юркнуло в пятки, когда Майя поняла, что вот уже несколько недель, как отметки не делала. Что это может означать, она понимала. Подскочив, Майя побежала к зеркалу, корсет стягивал плотно, ни намека на выпуклость живота, но ведь и по маме еще не видно, что она в ожидании.

Ях, только не это! Не нужно так жестоко. Тогда, на озере, она уже думала о подобном, но он заверил, что это невозможно. Ни почему, ни откуда он знает, просто сказал, что ребенка не будет. А вдруг он соврал? А вдруг просто не знал? Или успокоил, чтобы игрушка не сопротивлялась, а уж потом как-то сама разберется?

Нет, это невозможно. Это настолько ужасно, что просто невозможно.

— Мама, а как женщина понимает, что она беременна? — Майя осмелилась спросить у графини только через два дня. Откладывала, надеясь, что все окажется напрасными переживаниями.

Женщина удивилась такому вопросу, но посчитав, что в двадцать лет такое любопытство нормально, попыталась ответить.

— Женщина это чувствует, — увидев в дочкиных глазах, что такого объяснения ей недостаточно, добавила. — Еще, на время прекращаются красные дни календаря, клонит в сон. Иногда кружится голова, от резких запахов может становиться плохо. А зачем тебе это знать?

— Просто, — Майя улыбнулась. — Мы поспорили с Соней, откуда ты узнала.

— Вообще-то, я узнала от врача, ведь самый верный способ — обратиться к врачу, но все, о чем я говорила, это тоже точные свидетели скорого рождения ребенка, — она заботливо накрыла еле видный живот ладонью.

Легче от слов мамы Майе не стало. К врачу бы она не обратилась, даже если бы ей предстояло рожать завтра, а клонит в сон, кружится голова, плохо от запахов... Если этого и не было раньше, то после того, как она поинтересовалась, ей стало казаться, что все симптомы на лицо.

Каждое утро девушка просыпалась лишь моля о том, чтобы это оказалось ложной тревогой, а ложилась спать, жалея, что очередной день не облегчил ее участь. Свернувшись ночью под одеялом, она думала, что же делать. Достаточно суровая кара за то, до чего она опустилась, за легкомыслие? Определенно — да.

Когда-то она читала, что существуют настойки, способные избавить от нежеланных детей. Если это все-таки ребенок, то как же его можно еще назвать, кроме как нежеланным? Даже представить сложно, что было бы, узнай о такой возможности его светлость. Но в одном она была уверена — есть ребенок или нет, будет он рожден или нет, он об этом никогда не узнает. А для нее... Она мечтала стать матерью, вот только материнство предполагает замужество...

Задув свечи на торте, Майя загадала, чтобы все обошлось, чтобы тревога оказалась ложной. Той же ночью она проснулась от ноющей боли в животе. Ее мольбы были услышаны. Причиной задержки стал перенесенный стресс, а не желанный или нежеланный ребенок, хоть этой угрозы удалось избежать. Как бы это ни было грешно, она вздохнула с облегчением. Так будет лучше.

Говорить, что поездка не дала ей ничего — было бы лукавством. Благодаря всему что произошло, благодаря, возможно, неосознанной, но помощи герцога Мэйденстера, Майя приняла решения, за которое, наверное, могла бы его благодарить.

После обеда граф Дивьер обычно погружался в чтение свежей прессы у себя в кабинете. Несменная на протяжении вот уже двадцати лет привычка. Когда Майя была помладше, залазила к нему на руки и делала вид, что читает с отцом. А когда стала постарше, уже читала по-настоящему, но сама. Эти часы были лучшим временем, если ты хочешь задать вопрос, что-то попросить или в чем-то покаяться. В общем-то, сегодня Майя хотела сделать все три вещи.

— Папа, — она заглянула в кабинет, оставляя за ним право отправить ее восвояси. — Я не помешаю?

— Нет, конечно, нет, — он свернул газету, бросил ее на стол. — Заходи.

Майя же улыбнулась — полдела сделано. Только это была самая легкая его часть.

— Что ты хотела?

— Я хотела поговорить, — девушка села на стул, сложила руки на коленях, устремляя решительный взгляд на отца. Она собиралась говорить серьезные вещи и правильно отвечать на вопросы, которые непременно возникнут. И выглядеть для этого нужно было не легкомысленно, перебирая ленточку на платье, крутя носком туфельки пол, а как любой мужчина, пришедший решать свои дела, не оставляя сомнений в том, что все сказанное ею будет не шуткой.

— Я тебя слушаю, — граф знал спокойный и рассудительный нрав своей дочери, прекрасно понимал, что по пустяку она его не беспокоила бы, а значит, готов был внимательно выслушать и помочь, если в этом будет потребность.

— Я приняла одно решение и хотела посоветоваться, — подождав, пока мужчина кивнет, Майя продолжила. — Я хочу учиться.

Сказать, что граф удивился, не сказать ничего. Неужели ее рассудительность достигла таких величин, что ему она становится непонятной, или сказанное ею действительно напоминает глупость?

Не имея привычки принимать решения, не выслушав и не взвесив все за и против, он не стал рубить на корню, задав вопрос:

— Почему ты решила это так вдруг?

— Не вдруг. Я думала об этом достаточно долго... — по правде говоря, практически сразу после возвращения, она схватилась за эту возможность как за спасательный круг. За все дни, которые она посвятила размышлениям, Майя не нашла ни одного изъяна своего плана, зато такое количество плюсов, что это даже казалось нереальным.

— Но в чем главная причина твоего решения?

— Я не хочу прожить пустую жизнь старой девы, — это правда, врать она не собиралась, а под «жизнью старой девы» подразумевала прозябание в этом доме с редкими выездами погостить к сестре. Светская жизнь ее не прельщала, реализовать в семье ей было не суждено, а умереть, оставив на памятнике лишь пустое место для слов, которые никто не сможет подобрать, не хотелось. Каждый человек должен сделать в своей жизни что-то, чем смог бы гордиться. Кто-то рождает детей, кто-то — пишет книги, строит дома, выигрывает войны. Она хотела помочь кому-то своим знанием, и в первую очередь, помочь себе, доказать, что она не безнадежно потеряна для мира лишь потому, что когда-то ей не повезло родиться уродом.

Папа улыбнулся.

— Обычно, когда девушки решают, что не хотят прожить пустую жизнь старой девы, они выходят замуж, а не собираются в университеты. Что ты думаешь об этом?

— Папа, ведь ты сам говорил, что считаешь меня умной.

— Говорил, — считал и считает.

— Тогда позволь мне смотреть на мир трезво, а не через призму призрачных желаний. Мне двадцать, за то время, когда я была в «списке невест», к тебе не обращался ни один джентльмен с предложением взять меня в жены, несмотря на возможность унаследовать титул и неплохое состояние. Неужели ты думаешь, что что-то изменится теперь, когда засватать можно не менее титулованных, но более молодых барышень? А тем более, если мама родит сына, и на титул жениху претендовать уже не придется...

— То, что ты говоришь, это не слова двадцатилетней девочки.

— Поверь, папа, я прошу об этом не из-за собственной прихоти, которая пройдет через неделю, и не потому, что феминистические движение набирают оборотов, нет. Просто двадцать лет тому вам с мамой очень не повезло, у нас родился первенец-анибалът, и я безмерно благодарна вам за то, что росла, не подозревая, какое горе принесла в ваш дом. Но сейчас я это понимаю, и кроме того, что не прошу себе, если потрачу дарованную жизнь, и без того не самую удачную, впустую, не хочу обременять вечной обузой еще и вас.

— Не говори такого, — граф встал из-за стола, обошел его, сел на кресло возле дочери. — Ты и Соня — самое большое счастье в моей жизни и самая большая гордость, — он взял ее руку в свою. — Никогда, слышишь, никогда мы с мамой ни минуты не жалели о том, родилась ты или Соня, никогда мы не думали, что было бы, если вы были бы другими. Мы вас любим именно потому, что вы такие. И ты не можешь быть обузой, а твоя судьба — только в твоих руках и какое бы решение ты не приняла, она будет счастливой, а выбор правильным.

— Я сделала свой выбор, я хочу учиться.

Граф кивнул, даже не пытаясь спорить. Ему пришла в голову одна мысль — зная дочку, он сомневался, что именно такой ее выбор принесет девочке счастье, она была создана для семьи, любого рода публичность требовала бы от нее вечного преодоления себя, но доказать это можно было не словами, а только действиями.

— Хорошо, — сердце Майи, до этого бившееся быстро, сейчас, казалось, сделало победный кульбит. — Наборы на специальности проходят в ноябре, до конца октября у тебя есть время передумать, — про себя он подумал, что до ноября у него есть время что-то решить. — Если ничего не изменится, ты будешь учиться. Ты уже думала о специальности?

— Да, — и тут она тоже должна была благодарить его светлость, в политику она бы не рискнул «засунуть свой очаровательный носик», а вот прочитанные в его библиотеке труды, касающиеся истории, произвели на нее сильное впечатление. — История.

Отец одобрительно покачал головой. Не самое дурное решение. Выбирай он сам специальность для дочки, тоже бы склонился к Истории.

— Ну что ж, договорились, в октябре ты принимаешь окончательное решение, и если ничего не изменится, ты приступаешь к обучению.

Радости Майи не было предела, она поцеловала чуть рассеянного отца и помчалась делиться новостью с Соней. Она и предположить не могла, что ей удастся его уговорить так просто, как бы там ни было, женщины в университетах — большая редкость, а значит, и дикость. Но ей не привыкать казаться людям дикостью.

Правда совсем скоро Майя убедилась в том, что отец согласился так просто лишь в надежде на то, что все сложится немного не так, как она себе это представляла.

Глава 23

После этого их разговора частым гостем в их доме стал старинный папин друг — генерал в отставке, мистер Пирмтс. Сорокалетний мужчина с военной выправкой, тянущимся по щеке шрамом, седеющими на висках волосами и строгим взглядом.

Прошло уже пять лет с тех пор, как он стал вдовцом. Его первая жена не выдержала родов. Ребенок был таким долгожданным, но к горю отца, не смог прожить без матери и дня. Так, в один день, он лишился всего, кроме своей главной страсти — войны. Но и война когда-то заканчивается. В этом году он ушел в отставку, а значит, снова нуждался в том, чего тогда лишился.

Отцовы помыслы были очевидны Майе, но вот только он не знал одного — какие бы усилия ни прилагал, эта идея провальная с самого начала.

Каждый раз, когда Пирмст приходил, папа приглашал Майю «пообщаться с умным человеком, ведь она сама собирается учиться». Беспроигрышный вариант, откажись она — значит, не так уж хочет учиться.

Как-то раз родители пригласили соседа на ужин. Майя следила за ним из-под опущенных ресниц еще во время трапезы, скорее из детского любопытства, чем оценивая как мужчину. Движения отлажены, будто даже обедать на войне приходилось под стук барабана. Ни разу он не улыбнулся, даже оценив шутку, только одобрительно кивал. Майе почему-то захотелось посмотреть на ту женщину, которая когда-то звалась его женой. Она была такой же или полной противоположностью?

После того, как десерт был подан, графиня извинилась перед гостем и покинула трапезу, попросив Майю провести ее до комнаты. Майя не знала, вправду ли она почувствовала себе дурно или сотрудничала с отцом, но мама отпустила дочку лишь после того, как взяла обещание заменить ее на посту хозяйки дома, пока ей нездоровится.

Когда девушка вернулась в столовую, Соня уже желала спокойной ночи отцу и гостю.

Мужчины перебрались к камину, Майе же ничего не оставалось, кроме как последовать за ними. Разговор протекал плавно, без жарких споров и дебатов, к чему она привыкла, проводя вечера в доме герцога.

— Как знаток военных дел, ответь же мне на один вопрос, будет война или все решится мирно? — отец налил в бокалы джин, вручил один гостю, другой оставил у себя, Майя держала в руках стакан с водой.

— Думаю, все закончится войной. Слишком долго мы жили в мире, слишком много у нас скопилось оружия и жаждущих воевать мужчин. Любой повод, и войско уже будет стоять у границы. — Майя никогда не понимала, зачем люди ведут войны, такие категории как «жажда воевать» были для нее совершенно неведомы, но в этом-то и все отличие мужской и женской логики.

— Интересно, много ли мальчиков родилось этим летом... — она сказала это скорее самой себе, отвлекаясь на свои мысли под звуки монотонного диалог мужчин.

— Что? — впервые генерал обратился к ней лично. Колючие карие глаза встретились с ее, бледно-голубыми.

— Просто говорят, что верный предвестник войны — рождение незадолго до ее начала

большого количества мальчиков. Вот я и подумала... — и в тот же миг случилось чудо — обычно плотно сжатые губы скривились в подобии улыбки. Пусть скорее напоминающей оскал, но улыбки. Майе стало неудобно, а отец такому повороту событий явно обрадовался.

После этого Майя пыталась держать язык за зубами, не привлекая внимания. Удавалось это посредственно, она постоянно ловила на себе задумчивые взгляды мужчины.

Потомством он в том браке так и не обзавелся, а ее знал с детства, подмечал ум и женственность, присущую движениям, в отличие от неопытных мальчишек, которые искали в жене лишь красивую обертку, он прекрасно знал, что обертка не обязательно сможет согреть душу, постель и подарить ребенка, а эта девочка, казалось, способна на все три вещи.

Раньше, будучи совсем ребенком, Майя даже смелела до того, что забирала его же шпагу, предлагая сразиться. Генерал никогда не отказывался. Хоть тогда мама и предупредительно цокала языком, это не останавливало ее в своих воинственных порывах. Лучше бы сейчас все было так же как в детстве, без чувства опасности с его стороны.

Что она сама видела в нем? Человека, которого стоит побаиваться, который может стать серьезным препятствием на пути к желаемому спокойствию. Майя даже подумать не могла о том, чтобы стать его женой. Перед глазами почему-то сразу становились пережитые не так давно дни и ночи, только не та ужасная ночь, а другие, когда ее тело и душа делились и соединялись с душой и телом другого человека. И это казалось таким правильным, что стоило представить на месте человека, которого она теперь ненавидела, сурового генерала, ее тут же передергивало от отвращения. Наверное, всему виной тот страх, который она пережила перед отъездом, во всяком случае, она себе это объясняла так, но факт оставался фактом, и ничего поделать с этим девушка не могла.

А тем более, не смогла бы она смотреть в глаза после того, как он узнал, что же взял в жены вместо непорочной невесты. А о том, как это произошло, она не смогла бы рассказать никому.

Провожая гостя в холл, отец одобряюще ей улыбнулся, искренне веря в то, что его план рано или поздно сработает, а сама Майя покачала головой, понимая, что ни ее душа, ни разум не дадут этому браку состояться. Даже если к другому выводу придет сам вояка.

Весь месяц дома Майя провела в переписке с Витором. Первое письмо она получила на третий день после возвращения. Это стало неожиданностью, но чертовски приятной неожиданностью. Изначально Майя решила для себя, что выбор, желает ли он продолжать общение или ему достаточно было того, что он натерпелся — должен принадлежать ему. Если он напишет — значит, ждет ответа, если нет — она не имеет права ему навязываться, а тем более обижаться.

Но письмо пришло, и радости Майи не было предела. Сначала она прочитала его сама, а потом помчалась и к Соне, чтобы поделиться хорошей вестью.

Он пошел на поправку, никаких осложнений, никаких болей. Удивительно, но дома ни у кого не возникло и малейшего сомнения в том, что он просто неудачно поранился. Как они доехали? Как провели первые дни дома? Передавать привет Соне. Как только поправится, он приглашает их навестить его, если конечно, они решатся вырваться из дома до осени. Если нет, то он будет с нетерпением ждать открытия сезона...

В конверте лежало два послания, второе адресовалось Соне, его Майя не открывала, отдав сестре как есть. Они имеют право на свои тайны.

В дальнейшем им доставляли его письма с завидным постоянством. Иногда раз в неделю, а иногда и через день. Неизменным оставалось то, что в нем было два послания, обеим сестрам, своим Майя делилась, а что он писал Соне, могла только догадываться и надеяться, что ее улыбка, когда она читает письмо, думая, что ее никто не видит, связана с его содержанием.

Именно с ним первым Майя поделилась своим желанием начать обучение в университете и получила полную поддержку, не издевку, как когда-то в библиотеке над ней насмеялся Дэррек, называя синим чулком, ни отцовское удивление, а искренняя радость. Может все дело в том, что он знает чуть больше?

Правда Майя была ему благодарна за то, что ни разу в их переписке не поднялась тема ее отношений с герцогом. Ему на это доставало такта, а у нее не было ни малейшего желания делиться этим с кем бы то ни было.

В своем последнем письме, смирившись с тем, что до начала сезона Соню уже не увидит, Витор заручился поддержкой Майи в том, чтобы младшая Дивьер не передумала насчет самого сезона. И Витор и Майя понимали, что после происшествия не прошло достаточно времени, чтобы Соня была уверена в себе и своих силах на сто процентов, а потому ей очень важна была поддержка близких, которую они обязаны были обеспечить.

Видя, что с каждым днем работы на полях и пастбищах все прибавляется, а рук в поместье совершенно не хватает, Майя снова пришла к отцу. Только на этот раз ее предложение показалось ему намного более уместным. Недолго думая, он поручил ей ежедневный объезд владений. Ничего лучше для нее и Тени придумать было нельзя. Ведь оббегая на закате или рано утром, а иногда и по два раза, несколько десятков километров, они отводили душу.

А какую гордость она испытала, когда увидела, что ее работа имеет какой-то толк, когда поймала сбежавшего жеребца, спасла попавшего в капкан верного сторожевого пса, помогла в поисках ребенка кухарки, который решил поиграть в прятки, вот только ушел слишком далеко. Уже ближе к ночи Майя обнаружила его тихо хнычущего под деревом у самого оврага. Именно это она имела в виду, говоря о том, чтобы быть полезной людям, чтобы не прожить жизнь зря. Ей хотелось видеть результаты своих трудов и, занимаясь для кого-то надоевшей рутинной, она их видела.

Однажды, решив чуть расширить свой уже привычный маршрут, Майя оказалась на территории соседского имения. Она не боялась попасть на разгневанного соседа, четких границ никто никогда не проводил, а значит, часто соседские овцы паслись на их травке и наоборот, но удивиться ей пришлось. За деревьями виднелось поместье, которое когда-то, в детстве, она считала идеалом своего будущего дома. Нет, конечно, идеалом был тот дом, в котором она жила, но как любую девочку, ее готовили к тому, что, к сожалению, его ей придется рано или поздно покинуть. Сейчас-то таких планов у нее не было, но сдержаться от того, чтобы не взглянуть на дом мечты поближе Майя не смогла.

— Тень, мальчик, мы только посмотрим... — она направила коня в сторону особняка.

Если сначала она собиралась всего лишь подъехать чуть ближе, то, в конце концов, оказалась у самого входа. Когда-то белые рамы были облущены, широкие двери заколочены, одно или два окна на фасаде разбиты. И сад, когда-то такой красивый сад, в полнейшем запустении. Майе почему-то стало очень грустно, она даже толком не знала, кто жил в этом

доме, но ведь кто-то жил! Кто-то ухаживал за садом, кто-то подкрашивал почтовый ящик, поливал висящие у входа вазоны. А что теперь? Теперь ему предстоит разрушиться от старости, или его снесут, чтобы построить на его месте новый дом, и нет больше дома-мечты...

В голове возникла странная, совершенно глупая мысль — если бы она могла его выкупить, для себя, на те деньги, которые должны были составить ее приданное, или за оставленные в наследство бабушкой. Но от такой сумасшедшей идеи тут же пришлось отказаться с грустной улыбкой. Где это видано? А раз не видано, значит не позволено.

Уже позже, дома, она спросила у мамы. Та сказала, что соседи разорились и им пришлось распустить всех слуг, ухаживающих за домом, а его выставить на аукцион. Вот только пока что никто вроде бы не заезжал, чтобы разузнать в каком соседстве будет жить, если купит землю.

А пока Майя спешила, желая дать Тени отдохнуть, ведь ее верный вечный спутник что-то начал прихрамывать на одну ногу, девушка взяла его под узды, повела домой. Дорога предстояла длинная, но ей не хотелось спешить, солнце клонилось к закату, на траве лежала роса. Движения не стесняли привычные тяжелые юбки. Пользоваться женским седлом и при этом проделывать каждый день такой длинный путь казалось невозможным, поэтому Майя все чаще облачалась в штаны для конных поездок и блузы. Конечно, в обществе она так бы не показалась, но среди трав и деревьев разрешила себе эту мелочь. Видя такой ее наряд, отец качал головой, но замечаний не делал, а мама с Соней только с еще большим рвением занимались скупкой всевозможных тканей, из которых планировали сшить ей новый гардероб.

Сорвав травинку, Майя сжала ее зубами. Так часто делали служащие во время выпаса скота, раньше ей казалось это странным, а сейчас, когда никто не видит, так и хотелось последовать их примеру.

Когда спереди раздался стук копыт, было уже почти темно, Майя не сразу поняла, кто мчится ей на встречу, а когда поняла, прятаться было уже поздно, да и глупо.

Генерал спешил, подводя своего коня к ней. Хоть Майя и не особо хотела этого признавать, решила пройти пешком еще и потому, что знала — сегодня он гостил в их доме.

— Леди Майя, — мужчина склонил голову, не забыв оценивающе посмотреть на ее наряд. Вот потому она и не появилась бы в таком виде на людях, слишком боялась чужих суждений.

— Генерал.

— Отец ждет вас, даже послал кого-то на поиски, — он погладил по шее нервничающего коня, видимо, ему не нравилось, что становится все темнее, а хозяин не спешит домой.

— Спасибо, не хочу заставлять его волноваться. И без того опаздываю, а тут еще и камешек попал в копыто, бедняга неустанно хромает, — как на зло, Тень не выглядел ни капельки измученным, спокойно щипал травку на обочине, пользуясь невнимательностью хозяйки.

Девушка тут же вспомнила о травинке, которую сама держала во рту, выдернула ее, отбросила, залилась краской. Странное желание, но даже перед человеком, которого она всеми силами старалась отвести от себя, ей не хотелось казаться невеждой.

— Я могу вас провести или отвести... — он пристально смотрел на нее, слишком

пристально — по спине почему-то пошли мурашки.

— Нет. Спасибо, я доберусь сама, тут совсем недалеко, — чтобы сгладить грубость слов, Майя попыталась улыбнуться.

Она взяла Тень под узды, но он, не понимая, чего от него хотят, лишь фыркнул, снова принявшись за трапезу.

— Подождите, — когда Майя попыталась пройти мимо, генерал схватил ее за локоть. Заметив испуганный взгляд, переведенный с его руки на лицо, он чуть ослабил хват, но руки не отпустил. — Почему вы так боитесь меня? Неужели думаете, что я могу сделать вам что-то плохое?

Майя не знала, что он может подразумевать под этим «плохим», однажды уже обожглась, так что и ответить не могла.

— Просто уже поздно, дома меня ждут, и становится холодно.

— Я не задержу вас надолго, — он отпустил руку, давая полную свободу действий. — Но был бы благодарен, если вы меня выслушаете, — по сути, выбора он ей не оставил.

Майя повернулась к собеседнику лицом, показывая готовность его выслушать.

— Я уже далеко не юнец, так же далек от романтических глупостей и нежных чувств, — это была чистая правда, последнее, что Майя могла бы с ним ассоциировать, это нежность. — Но поверьте, не это главное в семейной жизни.

— Это очень познавательно, но... — она чувствовала, как у нее самой начинали путаться мысли — верный признак приближающейся паники.

— Но что? Майя, ведь вы все видите и понимаете. Я знаю вас с младенчества, вы меня тоже. Я не нуждаюсь в вашем приданном, благо, война обеспечила меня хлебом. Но я вижу в вас то, что хотел бы иметь рядом с собой.

Перед глазами снова встал образ. Она представила, как подставляет губы поцелую этого сжатого рта и ее опять передернуло.

— Я намерен просить вашей руки у графа, — этих слов она боялась больше всего.

— Нет. — Майя отступила. Снова взяла под узды жеребца, а когда тот попытался вывернуться, хорошенько дернула, показывая, что его игры сейчас неуместны.

— Майя... — генерал окликнул ее, надеясь получить вразумительный ответ.

Она же молнией запрыгнула на коня, повернула голову, и только тут, на высоте, почувствовав себя в безопасности, нашла силы ответить:

— Не стоит делать этого, я не выйду за вас замуж. Не только за вас. Я не выйду замуж вообще, — чтобы он не подумал, что это ее прихоть, что она просто пытается разжечь в нем азарт, Майя добавила. — Вы не обретете счастья в моем лице, не сможете меня уважать, а я не смогу смотреть вам в глаза, — она не знала, понял ли он все сказанное, пришпорив коня, девушка помчалась в противоположную сторону.

Когда Майя вернулась на дорогу, ведущую к дому, солнце уже село, холод пронимал ее до костей, но это не имело значения. Она мчалась вперед, думая лишь об одном. Будь ты проклят, Дэррек Мэйденстер! Будь ты проклят. Он не только убил ее душу, а еще и разрушил то, на что она уже и не надеялась — счастье было так близко. Она могла быть бы счастливой с этим человеком, но не теперь. Если бы не знала его, в ее жизни настало бы утро, а так она продолжала мчать по непроглядной тьме.

За день до той прогулки, когда Майя знатно намочла под внезапно упавшим стеной

ливнем, начали приходить приглашения на всевозможные рауты предстоящего осеннего сезона.

Сплетни, ходившие по дому его светлости, еще не разошлись во всеуслышание. Когда упоминали о какой-то интрижке Винсента, имени девушки вспомнить не могли, то ли Марта, то ли Майя, то ли Мария. Оказывается и в ее амплуа мыши были свои плюсы. Только сама Майя об этих сплетнях не имела ни малейшего понятия.

Целая свора открыток разных размеров, цветов, форм день ото дня прибывала в дом Дивьеров. Казалось, мир сошел с ума, а лето оказалось слишком длинным для людей. Слишком они сильно жаждали насладиться приходящей осенью. Из приглашений, которые попались ей на глаза, Майя запомнила лишь послание от графа и графини Маркс, сестры герцога и ее мужа, благо, в этот же день званый ужин давали и Винсенты, а значит, Соня туда бы не попала. За себя Майя не волновалась, ехать в столицу она не планировала, единственным исключением был прошлый выход Сони, а сейчас такой необходимости уже не было.

Так она думала до последнего, надеясь выполнить просьбу Витора, и сделать так, чтобы Соня оказалась столице с родителями, но без нее — малой кровью. Но как всегда, все получилось по-другому.

Каждый раз, когда мама с энтузиазмом читала очередную новость, в которой упоминалось имя его светлости, Майе хотелось закрыть уши руками, чтобы не знать, где его видели, в компании кого и что он там делал. Опять сошелся со своей прошлой любовницей, возможно, собирается сделать ей предложение. Небывалых размеров букет доставили за кулисы. Слушая это все, Майе стоило титанических усилий не закричать. Но мама должна была верить, что все было на высшем уровне, о герцоге остались лишь самые светлые воспоминания. А то, что у них с Соней не сложилось, даже к лучшему, она еще слишком для него мала, другое дело это актриса, сколько ей? Двадцать три? Двадцать четыре? Да, конечно старовата, но что же сделать, он тоже не самый молодой, с глупенькой девчонкой ему будет скучно.

Да уж, скучно... Выслушивая все это, Майя пыталась не поколоть себе все пальцы, яростно работая иглой.

Что случилось однажды во время подобных рассуждений матери, Майе трудно было объяснить, просто из холла донеслись дружные взволнованные возгласы.

Утром отец с генералом, который так и не перестал навещать их с завидным постоянством, ушли на охоту. Теперь же они вернулись, неся в руках ружья и трофеи. Именно в этот момент бедной Соне нужно было спускаться вниз по лестнице. Вид отца с ружьем в руках и кровью на жакете заставил воспоминания вернуться. Девушка упала в обморок, слетая с лестницы прямо к ногам охотников.

Когда она пришла в себя, вокруг кружили мама, Майя, обеспокоенный отец. Лишь убедившись, что Соня вне опасности, родители покинули комнату, оставив Майю сменять сестре компрессы.

— Я не смогу, Майя, — в глазах Сони читалась такая грусть и отчаянье, будто ей предстоит пережить худшее наказание.

— Что не можешь?

— Я не смогу снова увидеть его. Я думала, что страх прошел, он постоянно об этом писал, и я поверила... — понимая, что взболтнула лишнего, Соня замолчала.

— Ты ему не веришь? — Майя положила на горячий лоб марлю.

— Верю! — такой уверенный ответ, уголки губ сами поползли вверх. — Я была уверена, что все будет именно так, как он сказал. А теперь... теперь я боюсь встречи, вдруг его вид точно так же подействует на меня, заставит жалеть снова и снова? Майя, я боюсь...

Пока Майя думала, как же убедить глупышку в том, что ее страхи пусты, Соня добавила:

— Я не выдержу одна... Я знаю, ты не собиралась ехать в столицу, но прошу — один вечер. Только открытие. Я не смогу одна. Прошу...

Майя понимала, что делает очередную глупость. Понимала, что не отправься туда Соня, Витор бы сам появился здесь, и сделал бы то, что планировал, но, видимо, жизнь ее ничему не учит. В который раз Майя не смогла отказать сестре. В конце концов, какая вероятность того, что герцог тоже будет там?

— Хорошо, я поеду. На один вечер, — не обращая внимания на тряпицу, Соня подскочила, сжав сестру в объятьях.

— Спасибо, Майя. Я не знаю, что со мной было бы, если бы не ты! — по иронии судьбы, этот вопрос стоило адресовать Соне. Уже во второй раз ее просьба должна была сыграть решающую роль в судьбе сестры...

Возможно, кому-то могло показаться, что тратить на дорогу туда и назад четыре часа, лишь ради одного вечера — несусветная глупость, но оставаться в городе на более длительный срок Майя не собиралась.

В свой дом в столице они приезжали очень редко, в основном отец по работе, а сегодня прислуге пришлось постараться, ведь приехали всей семьей. Больше всех выбраться, казалось, хотелось графине. Оказавшись в доме, она сразу занялась раздачей указаний, несмотря на то, что и муж и дочери пытались заставить ее передохнуть. Тщетно — сил в ней было достаточно, чтобы начинать вершить великие дела прямо сейчас.

И исполнение долга ждать себя не заставило — уже в обед к ним прибыл первый визитер. Витор Винсент собственной персоной. Представленный другом, что говорило о многом, он всего за какой-то час завоевал сердце матери девушек своими теплыми словами и взглядами, которыми они обменялись с Соней и Майей, а сердце отца покорила его похвала гобелена, висящего на стене. По мнению женщин этого дома — ужаснейшая вещь, изображающая темную кровавую батальную сцену, а вот Витор заметил, что это произведение искусства достойно места в лучших музеях мира. Когда пришла пора прощаться, проводить гостя вызвалась Соня. Майя только улыбнулась такой резвости сестры, которая вечно считала подобное повинностью и обузой. Когда двери захлопнулись, а Соня вернулась в гостиную, причин для улыбок стало еще больше, в ее глазах не было страха, а только искорка, так напоминающая симпатию.

Но радоваться было еще рано, не стоило забывать, что в тот же вечер должно было состояться открытие сезона, на котором Витор собирается серьезно поговорить с Соней. О чем — догадаться не сложно, особенно после того, как он просил, чтобы Майя сделала все, лишь бы сестра оказалась в городе. Он не хочет больше ждать — девушка должна знать о его чувствах.

Отдохнуть графине сегодня не удалось, как только двери за гостем закрылись, началась самая настоящая суматоха.

Собраться на званый вечер — полноценная работа, тяжелая, и часто неблагодарная. Графиня, которой пришлось отказать от тугого корсета, выбрала темно-зеленое платье,

подпоясанное лентой под грудь, интересное положение было еще не сильно заметно, но и скрываться под корсетами лишь для того, чтобы никто не догадался, она не собиралась. Волосы женщина собрала в высокую прическу без всяких изысков.

Соня не изменила своему романтичному образу — нежно-розовое платье с длинными рукавами, скорее напоминающими крылья, темные локоны, сдерживаемые одной единственной лентой в тон к платью, нежное ожерелье из кораллов. Когда мама пыталась помочь дочери застегнуть ожерелье, Майя невольно засмотрелась на стоящих у зеркала красавиц.

А вот они, завидев Майю, казалось, потеряли дар речи. Ей захотелось вжать голову в шею, а еще лучше вернуться в комнату, закрыться там и не показываться...

— Сестренка, ты похожа... — Соня смотрела на нее во все глаза, пытаясь понять, кого же она ей напоминает. — Ты похожа...

— На самую настоящую королеву, — первой нашлась мама.

Ее словам Майя только улыбнулась. Она как никто знала, что подобные комплименты не стоит принимать за чистую монету — для матери ее дети всегда лучшие, даже если весь мир считает иначе.

В общем-то, все, что происходило в этот день — свидетельство полной капитуляции Майи, начиная с того, что она в принципе оказалась в этом доме и заканчивая ее нарядом. Под действием уговоров мамы и Сони, Майя облачилась в темно-бордовое платье. Такого цвета никогда не было в ее гардеробе. Платье цвета густой крови — подарок родителей на день рождение, не надеть его по просьбе — значило бы обидеть, именно поэтому сейчас Майя стояла в нем, пытаясь не дышать слишком глубоко. Плотный сидящий корсет венчало, по мнению самой Майи, неприлично глубокое декольте, и при каждом вдохе грудная клетка поднималась, привлекая к себе внимание. Только надев этот кошмар, Майя хотела сразу же его снять, настолько она показалась себе непривычной. Вот только на ее протесты внимания никто не обратил, а в довершение ко всему, мама еще и заставила ее заколоть волосы выше, не позволяя укрыться даже под завесой белых волос. Хотя... Распущенные волосы Майя тоже с некоторых пор ненавидела.

— У меня что-то для тебя есть, — пройдя к тумбе, мама достала из ящичка футляр, поманила дочь к себе. Ступая неуверенным шагом, Майя приблизилась, легким движением мама ее развернула, не дав посмотреть, как выглядит украшение. — Вот теперь отлично, — застежка щелкнула на шее. Соня протянула к сестре руки, приглашая подойти.

Теперь у зеркала стояли уже три женщины. На бледной коже лежало кольцо такой красоты, что Майя охнула, увидев себя. Красные камни, как капельки крови образовывали витиеватый узор, и такие же капельки покачивались вдоль шеи, сережками. Ей только еще сильнее показалось, что отражаемая в зеркале девушка не имеет ничего общего с ней. Даже больше — эта неизвестная просто не могла быть привычной Майей, не могла быть слабой и неуверенной, не могла быть тенью или фоном. Шокировать — да, может эпатировать, даже соблазнять... Привлекать внимание. И это испугало Майю, ведь внутри она осталась такой же.

— Ну, наконец-то... — когда его дамы спустились вниз, граф был готов уже пожурить их за то, что так долго собирались, но увидев на что они потратили время, мгновенно забыл о своих планах. Взяв под руку жену, он пропустил вперед дочерей, а на красноречивый вопросительный взгляд, направленный на старшую, графиня лишь широко улыбнулась, будто объясняя — его девочки выросли, и случилось это намного быстрее, чем они когда-то

думали.

Глава 24

Едя в карете в сторону особняка, в котором и должен был состояться бал-открытие, Майя нервничала больше, чем когда бы то ни было. Впервые после поездки ей предстояло снова оказаться в толпе людей.

Красивый дом, в разы больше, чем их собственный, открылся взгляду, как только экипаж остановился. Сумерки сгущались вокруг величественного здания, создавая ореол таинственности. До самого входа тянулась ковровая дорожка, протоптанная уже сотней пар сапог и туфель.

Оказавшихся в здании гостей тут же окутывала играющая там музыка — тихая, еще скрытая дверями, которые только должны были отвориться перед их глазами. Именно это сделали швейцары, заведя чуть припозднившихся гостей.

Бальный зал с высоченными потолками, люстрами, которые должно быть весили не меньше тонны, показался Майе просто огромным. Прямо в эпицентр творящегося праздника спускалась широкая лестница. И сколько там было людей... Майя даже не пыталась их сосчитать, лишь удивлялась, что такое количество лордов и леди уместились там, не задевая друг друга экзотическими шляпками и не сталкиваясь в танце.

Навстречу прибывшим вышел хозяин дома вместе со своей супругой, которым оказался Барон Рэйнолдс — друг отца, его ровесник, предпочитающий прожигать жизнь в городе, а не заниматься своими многочисленными поместьями и делами. Истинный счастливчик, так как, несмотря на запустение, мог позволить каждый год брать на себя организацию открытия сезона.

— Нортон, — мужчины обменялись теплыми взглядами и сильным рукопожатием. — Дженифер, — после чего барон поцеловал протянутую руку графини. — Юные леди. Очень рад видеть вас сегодня.

— Мы тоже рады, что наконец-то выбрались.

— Когда мы виделись в последний раз? — мужчина насупил брови, припоминая.

— Еще весной, несмотря на приглашения, ты слишком любишь городской пейзаж, чтобы навестить старых друзей в их скучной деревне.

Барон рассмеялся — друг знал его очень хорошо.

— Прошу вас, — он указал рукой на зал, — надеюсь у нас еще выдастся возможность наверстать упущенное, — пропуская вниз родителей, Майя с Соней приветливо улыбнулись хозяину.

Они изменились, особенно старшая. Его улыбка стала чуть-чуть грустной. Слава Яху, в его семье такого горя не случилось, дочка-анибалыт — божье наказание, которого не пожелаешь и врагу.

Уже оказавшись в толпе, Майя смогла осмотреться. Не так далеко, в компании молодых людей, стоял Дамиан. О нем Майя не вспоминала уже давно, наверное, ни разу после возвращения. Белая рубашка, светлые штаны и жилет, кремовый шейный платок. Он выглядел очень хорошо. Ему этот месяц пошел на пользу — пропала усталость в глазах,

вернулась привычная лукавая улыбка. Обращенная на нее. Дамиан склонил голову в поклоне, приветствуя. Майя тоже ответила еле заметным кивком. У нее не было причин его ненавидеть или держать обиду, он оказал по-настоящему важную и нужную помощь, а вот не опасаться его не получалось.

От таких мыслей ее отвлек подошедший Витор. Он был без трости, на которую опирался несколько недель по возвращению домой. В темном костюме, оттеняющем его бледную кожу, набрал несколько килограммов после напряженной недели. Майя подумала, что именно так должен выглядеть человек, пышущий здоровьем и счастьем.

— Граф, — он одарил улыбками всех членов их семьи, задержавшись чуть дольше на одном лице, которое тут же вспыхнуло румянцем. — Позвольте ангажировать ваших прелестных дочерей на танец?

— Витор! — их отец похлопал его по плечу. — Никогда не думал, что существует традиция приглашать на танцы оптом, — мужчины рассмеялись, но отказывать такой дерзкой просьбе никто не собирался. Правда именно в этот момент музыка в зале стихла, чтобы предоставить слово приветствующему собравшихся хозяину.

Пользуясь тем, что во время речи хозяина все пребывали в относительно обездвиженном состоянии, Майя снова решила осмотреться. Если быть совсем честной, проводила она взглядом по толпе лишь затем, чтобы убедиться, что не встретит здесь его светлость, герцога Мэйденстера.

Ях, сколько же народу собралось в одной комнате! Майе даже в голову не могло прийти, как найти время хотя бы перездороваться с ними всеми, а хозяину это должно было как-то удалиться. Пока девушка осматривалась, речь закончилась, все присутствующие подняли бокалы. Почти сразу же продолжились и танцы. Соню взял под руку Витор, папа ангажировал маму.

Майя же отступила к стене, следя за этими парами, как замороженная. Раньше она восхищалась лишь танцами своих родителей, видя с какой нежностью папа ведет, с каким пониманием мама подстраивается, иногда даже опережая мысли мужа. А сейчас она получила еще один пример того танца, который станет для нее образцовым. Такие неуверенные движения Сони, умевшей удивить партнера своими бальными способностями, лукавый огонек в глазах мужчины, возвышающегося над ней на полголовы, нежное переплетение рук, будто они еще не окончательно верят, что их встреча реальна. Вот как выглядит любовь, когда она только зарождается и когда уже живет много-много лет. Без боли, без страданий, без понимания, как все происходящее неправильно.

— Леди Майя, рад видеть вас, — Дамиан подошел незаметно, или просто она была слишком увлечена своими мыслями.

— Добрый вечер, — Майя повернулась к мужчине.

— Могу я рассчитывать на танец? — он протянул руку. И лишь потому, что просто напросто не ожидала подобного, Майя кивнула, соглашаясь. Вот только тут же нахмурилась, подозревая, что совершает ошибку. Такое ее замешательство не осталось незамеченным — Дамиан усмехнулся, но продолжать сомневаться не позволил — взял девушку под локоть, вывел в толпу танцующих пар.

— Как вы? Как милая Соня? Что Витор чувствует себя отлично, я знаю, — он бросил улыбку через плечо, видимо, тому самому прекрасно себя чувствующему Витору. Сама Майя сегодня выглядела отлично, никогда бы Дамиан не думал, что скажет подобные слова девушке, на которую и не бросил бы взгляда еще несколько месяцев тому, но сейчас

смолчать просто не мог. — Вам очень идет это платье...

Ответа на комплимент он не ожидал. Ледяная рука, лежавшая на его плече, чуть дрогнула.

— Все хорошо, спасибо, а как вы?

— Неплохо, — он умолчал, что ценой сохранения тайны, стала дружба с лучшим другом. — Вы надолго в столицу?

— Только на один вечер. Не люблю суматохи.

— Жаль... Я был бы не против устроить вам экскурсию, — после всего, что произошло, он часто думал о ней, и пусть не понимал толком что, но что-то его притягивало. Не к той, которой она пыталась казаться, а к той, которой была.

Майя усмехнулась — пустые разговоры... Этот танец не принес ничего, ни желания понять наконец-то что же скрывает в себе этот человек, ни желания открыться перед ним. К сожалению или к счастью, одна на двоих тайна и возможность того, что он ее откроет, стояла надежной стеной между молодыми людьми.

— Позвольте? — когда музыка закончилась, ее за талию обнял уже Витор. Улыбнувшись партнеру, Майя поспешила ретировать к другу.

— Что он хотел?

— Провести мне экскурсию... — Витор так забавно удивился, что Майя не смогла не улыбнуться.

— И что же вы? Согласились?

— Я завтра уезжаю домой. Да и тут я только потому, что меня попросила одна молодая особа, а судя по тому, как вы сейчас бросаете в ее сторону взгляды и улыбки, поддержка уже не нужна.

— Простите, — он перевел взгляд на спокойное лицо Майи, продолжая улыбаться немного мечтательно и нетерпеливо. — После этого танца я предложу Соне прогуляться... — он приложил руку девушки к карману пиджака у самого сердца, Майя почувствовала твердые грани лежащей там коробочки.

— У вас все получится. Я в это верю, — подумав еще несколько минут, она добавила. — И знаю свою сестру.

— Я тоже надеюсь, что когда-то узнать ее так, как вы, — Майя искренне этого желала, она не знала точно когда, но в определенный момент поняла, что они созданы друг для друга и, рано или поздно, это поймет и Соня. — Я желаю вам счастья, а в качестве небольшой благодарности за мои старания, надеюсь получить приглашение на свадьбу, — оставшееся время они протанцевали молча, улыбаясь друг другу и своим мыслям.

Когда прозвучал последний аккорд, Витор сжал руку Майи чуть сильнее, собирая все свои силы и даже чуточку заимствуя у нее, подвел партнершу к стоявшей подле отца Соне.

— Душно, вам так не кажется? — Майе снова почему-то захотелось смеяться, следя за тем, как лицо Сони меняется от сомненья, ведь ей-то было совсем не душно, до понимания, что «душно» — всего лишь предлог.

— Да, пожалуй, нужно освежиться... — передав бокал Майе, она направилась на балкон, уверенная, что Витор последует за ней.

Вот, кажется, и все. Танцевальную часть вечера для Майи можно было считать оконченной. Выпавшее сегодня на ее долю и так на целых два танца больше, чем она обычно

могла рассчитывать. Подойдя ближе к отцу, девушка попыталась вникнуть в ведущуюся в кругу беседу. Ничего экстраординарного — политика, урожай, новый скакун, будет ли война. И так по кругу, одно и то же по несколько раз. Неизвестно, причиной тому было ее затворничество, или оно — следствие, но слушать такие разговоры ей было намного интересней, чем пустые сплетни ровесниц, даже несмотря на то, что принимать участие в дискуссии Майю никто не приглашал.

В ее положении было несколько плюсов, что никто не требовал от нее пристального внимания и одобрительных кивков, лишь несколько раз она ловила на себе взгляды стоящих вокруг джентльменов, и все, что нужно было сделать — улыбнуться и уткнуться в полупустой бокал, чтобы ни в коем случае не подумали, что кроме всего прочего, дочь графа Дивьера еще и синий чулок. А между выполнением этой обязательной процедуры, можно было снова скользнуть взглядом по толпе.

Вот уже полчаса после их с отцом танца, Майя не видела маму. С одной стороны, волноваться вряд ли были причина, но лучше бы найти ее, чтобы успокоиться окончательно. Проходя взглядом по многочисленным лицам, Майя думала, что скорей всего графиня Дивьер нашла какой-то укромный уголок, чтобы отдохнуть от громкой музыки и уже действительно душного зала. Пожалуй, стоило бы открыть настежь двери на террасу. Перед глазами мелькали десятки лиц, не привлекающих никакого внимания, ни одного знакомого, а даже если и знакомый, не тот, кого она искала, но вдруг кровь остыла в жилах... В противоположном углу стоял он. Наскочив на знакомые глаза, дальше двигаться Майя уже не смогла. Сделать вид, что не узнала, не вышло. Дэррек тоже сверлил ее взглядом. Чтобы не упасть, девушка придержалась за стоящий у стены комод.

— Милая, все хорошо? — папа обеспокоенно посмотрел на Майю.

— Да, все хорошо. Просто душно, — поставив бокал, она направилась прочь из зала. Первым желанием было — бежать, бросить все и бежать, только титаническими усилиями она заставила себя отказаться от этой затеи. Она не знала, продолжают ли сверлить ее такие чужие жуткие глаза, и по правде, не хотела знать. Ей срочно нужно было уйти, спрятаться, пропасть.

Майя поднялась по лестнице, повернула направо, оказалась в относительно пустом коридоре. Лишь несколько человеку шли навстречу. Дамы, а значит, где-то тут должна быть уборная. Туда он точно не пойдет ее искать, хотя, дай Ях, не будет ее искать в принципе. Заметил, ну и что?

Конечно, не будь его тут, было бы намного легче, но с другой стороны, рано или поздно, она должна была снова его увидеть. Лучше б поздно.

Размышлять логично получилось ровно до того момента, как за ней закрылась дверь в уборную. Майя прислонилась к ней спиной, пытаясь выровнять дыхание. Пытаясь просто дышать, потому что в один миг она вдруг забыла, как это делается.

Открыв воду, девушка подставила руки под холодные струи, закрыла глаза и тут же снова увидела этот холодный, леденящий душу взгляд. Нет, уж лучше пробыть тут весь вечер, чем снова оказаться с ним в одной комнате.

Черт, ведь она знала! Знала, что так и будет, что с ее счастьем хорошо все сложится просто не могло. А теперь нужно хотя бы попытаться успокоиться. Хотя бы попытаться.

Она снова закрыла глаза, начала глубоко дышать, вспоминая пейзажи, открывающиеся перед глазами во время объездов отцовых угодий, моменты полнейшего спокойствия.

Но даже это ей не удалось.

Видимо, Майя забыла закрыть дверь на ключ, так как та вдруг открылась, впуская в помещение высокую милостивую девушку.

— Ой, простите, я помешала? — совсем молоденькую. Наверное, на несколько лет младше самой Майи, облаченную в белое платье — значит дебютантка.

— Нет, — старшая сестра Дивьер облокотилась о стену, пропуская нежданную гостью к умывальнику. Выйти сама она была еще не готова.

— Вам плохо? — благо, кривиться и требовать оставить ее в уборной одну, девушка не стала. Лишь участливо посмотрела на Майю в отражении.

— Нет, — в ответ она попыталась улыбнуться, правда получилось крайне плохо. — Просто душно.

Кажется, девушку такое объяснение устроило, так как она принялась со всей тщательностью мыть руки.

— Я вас понимаю, сама не могу находиться в этом террариуме больше получаса. Постоянно сбегая, иногда сюда, а иногда на балкон. Мэган, — она взяла бумажное полотенце, промокнула им шею и ладони, развернулась, протянула руку.

Снова кисло улыбнувшись, Майя пожалала протянутую ладонь. Она была совсем не настроена сейчас с кем бы то ни было знакомиться, но отказаться было бы крайне невежливо.

— Я могу чем-то помочь?

— Нет, вряд ли, мне уже лучше, — и правда, сердце чуть успокоилось. Может все еще обойдется. Ну и что, что заметил? Может он боится, что она станет закатывать истерики? Так этого не будет.

— Представьте, это мой первый выход, и я уже не вижу ничего очаровательного в подобных сборищах. Что же это за забава? Набить душный зал такой огромной толпой, а потом гонять ее по кругу в танце...

Майя только улыбалась, не сильно вслушиваясь в щебет собеседницы.

— Я, наверное, пойду, мне уже лучше, — она выпустила все еще трясущуюся ладонь, провела руками по платью, сгоняя оцепенение и все ненужные мысли, покинула девушку, которая лишь пожалала плечами, удивленная таким поведением новой знакомой и, казалось, сразу выбросила ее из головы.

Встретьтесь они при других обстоятельствах, возможно, даже подружились бы. Девушка не шарахнулась, увидев, что перед ней анибалът, не побрезговала делить с ней тесную комнату, подать руку. Но Майя была слишком взволнована, чтобы это заметить.

Решение пришло моментально, и Майе показалось, что оно идеально — ей нужно всего-то дождаться возвращения Сони. Она узнает, все ли вышло у Витора, а потом, сославшись на нездоровье, отправится домой. Конечно, если бы и мама к этому времени слегка притомилось, было бы еще лучше. Уж ей-то подадут экипаж в ту же минуту, как она об этом попросит.

Занятая своими мыслями, Майя не заметила, как наскочила на высокую женщину, направляющуюся в сторону уборной.

— Простите, — вскинув на нее взгляд, Майя отметила, что женщина очень красива. Кошачий разрез глаз, пухлые губы, маленький курносый носик, шикарные волосы. Надень Майя платье с таким декольте, не смогла бы выйти за порог, а красавица, кажется,

чувствовала себя совсем даже неплохо.

На ее извинения незнакомка лишь выше вздернула подбородок, окидывая ее презрительным взглядом. Не первая, и не последняя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Отец стоял все там же, Сони видно не было, Витора тоже. Куда запропастилась мама, можно было только гадать. Но это все Майя смогла определить за первые несколько секунд по возвращению, а вот чтобы найти взглядом того, кого меньше всего хотела, пришлось потратить достаточно времени. Он тоже был в зале, к счастью, стоял спиной к входу, общаясь с каким-то мужчиной. Мысленно возблагодарив небеса за такой подарок, Майя прошмыгнула к папе вдоль стены, чтобы не привлечь к себе внимания. Уже во второй раз комод, который несколькими минутами раньше помог ей удержаться на ногах, должен был сослужить службу, девушка стала так, чтобы он скрывал ее хотя бы с той стороны, где сейчас находился ее мучитель.

— Солнышко, уже все хорошо? — папа склонился к ее уху, придерживая за локоть.

— Да, все хорошо, я чуть-чуть освежилась, и все прошло. А где Соня? Или мама?

Папа оглянулся, пытаясь найти их.

— Понятия не имею, — но его такой расклад ничуть не расстроил. Граф Дивьер только еще шире улыбнулся дочери, возвращаясь к разговору.

Ну что ж, остается сверлить взглядом дверь на балкон, в надежде, что новоиспеченные помолвленные появятся оттуда как можно скорей. Майя взяла в руки бокал, оставленный все тут же, даже рискнула пригубить в надежде, что спиртное прибавит если не храбрости, то терпеливости... В кругу не изменилось ничего: ни общество, ни темы, вот только сама Майя перестала вникать в разговор, нервно постукивая ноготком по бокалу, отсчитывая текущие секунды.

— Добрый вечер, — услышав обращение, Майя чуть не задохнулась, а руки покрылись мурашками. Не бояться... Намного легче было не бояться его, когда он за сотню километров или хотя бы в другом конце зала. Отец обернулся. А у Майи возникло желание сморщиться, скрывшись за злосчастным комодом с головой. Но вместо этого, она последовала примеру папы, и еще до того, как все поймут, что к ней он не обратится, даже чтобы почтить их знакомство, присела в реверансе, внимательно рассматривая носки его туфель.

— Герцог, — отец кивнул, — рад видеть вас здесь. Как здоровье герцогини?

— Спасибо, хорошо. Она тоже сегодня здесь, — он указал бокалом куда-то назад. Статная женщина, предположительно герцогиня, стояла в компании той же барышни, с которой Майя столкнулась по пути в зал. Правда, судя по всему, особого удовольствия от такой компании женщина постарше не испытывала. Все это Майя смогла заметить, кинув мимолетный взгляд из-под опущенных ресниц и сразу вернувшись к созерцанию налакированных носков.

— Вас можно поздравить, ваша сестра произвела настоящий фурор, — это действительно было так, возле герцогини стояла не только девушка с декольте, как ее прозвала про себя Майя, но и ее новая знакомая из уборной. Теперь-то Майя увидела явное сходство с его светлостью. Высокие скулы, линия губ, глаза. Как она могла не заметить, что у нее его глаза? Может потому, что они смотрели на нее без отвращения, а именно такими его остались в памяти...

— Майя, — отец окликнул ее, когда девушка углубилась в свои мысли. Она подняла на него взгляд. — Его светлость не верит, что вы с Соней рассказывали лишь хорошее о проведенном в его резиденции времени.

Вместо того чтобы ответить, Майя лишь кивнула, боясь перевести ее направо, боясь уловить черты стоящего перед ней человека даже боковым зрением. От его близости ее и так уже начинало пробивать мелкой дрожью.

Отец удивился такому поведению дочери, но говорить ничего не стал.

— Лестно слышать это от вас, леди Майя. Надеюсь, за время танца вы поделитесь и со мной хотя бы одной историей, в которую посвятили отца, — давящая на нее и раньше атмосфера, окружающая этого человека, теперь заставила сбираться дыхание. Он вытянул вперед руку, приглашая.

Майя перевела испуганный взгляд на протянутую ладонь. В тот же миг перед глазами один за другим промелькнули образы, в которых эти самые руки рвали тонкую ткань, давили запястья. Сморгнув, она вновь повернулась к отцу, собираясь сослаться на плохое самочувствие и убежать.

Вот только девушка никак не ожидала, что граф просто заберет ее бокал, протягивая освободившуюся руку дочери мужчине. Когда ее холодная ладонь вновь оказалась в плену теплых пальцев, Майю ударила настоящая молния, осязаемая боль. Как она надеялась, что этого больше никогда не произойдет...

Что произошло с ним за этот месяц? Еще сегодня днем Дэррек в сотый раз убедил бы себя, что ничего необычного. Сначала он просто много пил, потом много пил и работал, а потом отправился решать все запланированные раньше дела.

Ярость быстро прошла, уже тогда, когда уйдя из ее комнаты, он заперся в библиотеке, мужчина чувствовал, что встретить ее сейчас, такого желания свернуть тонкую шею уже не будет. Видимо, в нем проснулось то чувство, которая она, по ее скорее всего лживым словам, так ненавидела — он ее жалел.

Гнев сменила полная апатия. Ему было все равно, что происходит в мире, лишь бы меньше времени находиться наедине с собой. Ночи превратились в пытку, когда его манила за собой ангелоподобная Майя, а стоило открыть глаза, и он снова и снова понимал, что все ангельское в ней было ложью.

Знала бы Роза, кого она должна благодарить за то, что в один из вечеров встретила его в театре, наверное, поперхнулась шампанским. Он вернулся к любовнице лишь потому, что сны стали невыносимыми, а реальность — слишком тяжелой. Ему нужно было вернуть все на круги своя, а Роза когда-то занимала определенное место в его жизни. Жаль, ведь он верил, что это навсегда позади.

Месть Витору он отложил, помня, что это блюдо подается холодным, и он готовился его подать. Просто не сразу. В отличие от той, рядом с которой у него отключалась вся расчетливость, как в любви, так и в ненависти, вспоминая этого щенка он желал ему долгой и мучительной смерти, но находил в себе силы эту самую смерть хорошо спланировать так, чтобы получить максимальное удовольствие.

Думал ли он, что прошлое, которое, как ему казалось, совсем скоро оставит его в покое, оживет так неожиданно и так красочно? Думал ли он вообще, что встретит ее здесь? Конечно, нет. А если и да, то он хотел видеть ту же Моль, которую мог бы раздавить одним

пальцем, а не ту, что весь вечер заставляла сжиматься кулаки и биться в жилах адреналин. Она выглядела так, будто специально хотела свести его с ума, снова заставить желать ее, ревновать ко всем окружающим ее мужчинам, которые то и дело заглядывали далеко не в прозрачные глаза. И снова она смотрела в ответ своим чистым взглядом. Ведьма. И светилась улыбкой, будто в ее жизни не изменилось ничего, будто для нее этот месяц был всего лишь легкой прогулкой, а не забегом в борьбе за жизнь, как для него.

Его гнев снова вскипел как тогда, будто не было этого месяца. Дэррек увидел ее сразу же, как только она появилась на лестнице. А потом... А потом уже не выпускал из виду ни на секунду. Ни когда танцевала с Дамианом, и делала вид, что не замечает, как тот заглядывает в вырез, вот цена дружбе... Ни когда снова этот Витор прямо у него перед носом... Рука на сердце... Лишь титаническими усилиями Дэррек заставил себя остаться на месте. А сейчас, когда она так мило раздавала улыбки направо и налево, он не смог остаться на месте.

Мужчины стыдятся боли, называя ее разными чувствами, чаще всего яростью, злостью, ревностью. Сейчас он злился, достигая предела...

Дэррек вывел ее в самый центр зала. Рука, за которую держал, казалось, окаменела, а стискивающие слишком сильно пальцы грозили раздробить кости. Только бы не задрожать, только бы не задрожать. Майя повторяла слова как молитву, не желая, чтобы он видел ее страх.

— Ну, так что же хорошего ты поведала о проведенном у меня времени? — он сжал ее рукой слишком сильно, притянув вплотную. Так не танцуют. В голове снова возникли образы прошлого. Чтобы отогнать их, пришлось потрянуть головой. Пока ее тянули за руку, Майя продолжала смотреть под ноги, не хотела признавать его присутствие окончательно.

— Ни грамма правды, — она смотрела куда угодно, но только не на него. Своими же словами пытаюсь подбодриться.

Борись Майя! Ты не знаешь, зачем ему вдруг понадобилось еще раз поиздеваться, теперь уж публично, но сдаваться ты не будешь!

Окружающие их пары уже и так расступались, желая больше посмотреть на небывалое — танец его светлости с анибальгом, чем продолжать оттаптывать ноги партнерам. Будь у Майи более острый слух, она бы услышала много странных предположений насчет их тандема, но ни единого, отдалено напоминающего правду.

— Все было так ужасно? — рука, покоившаяся до того на спине, опустила чуть ниже, накрывая округлости, скрытые под платьем. Он сделал это очень плавно, не привлекая внимания окружающих, но давая ощутить это ее телу, которое и так напряглось до предела, из-за того, что снова приходилось чувствовать его — такого знакомого и такого неизвестного слишком близко.

— Не смейте, — Майя впервые посмотрела ему в глаза. Если герцог собирался снова унижить ее, ему это не удастся. Не сегодня, не после тех дней, когда она воспевала свою ненависть к нему.

Игнорируя ее предупреждения, рука осталась на месте.

— Неужели ты не оказываешь услуги бывшим... клиентам? — Майя попыталась выдернуть ладонь, но он слишком крепко держал. А как ей хотелось залепить ему пощечину! За все, что он только что позволил, и за то, что она так и не смогла стереть из памяти.

— Еще слово... — она сощурилась. — И я заочу истерику, — ей не страшно было человеческое осуждение. А вот его присутствия выдерживать она уже не могла.

— Попытаешься. А я тебе буду всячески мешать, — он прижал ее еще ближе.

Стиснув зубы от бессилия, Майя снова отвернулась. Если он попытается притянуть ее еще сильнее, ей придется прижаться щекой к коричневому жилету. Чтобы хоть как-то отомстить, она дождалась, когда в танце, а он еще и умудрялся при этом делать вид, что они танцуют, его нога попадет в зону ее воздействия и со всей силой наступила каблуком на мужской туфель. Только желанного результата это не принесло.

— Майя-Майя, а когда-то такая послушная... Неужели новый любовник так плохо на тебя влияет? Или их несколько? — он почему-то снова вспомнил о том, какие взгляды на нее бросал Дамиан.

Майя не ответила, надеясь, что музыка скоро кончится, и он отправился обратно к своей любовнице, вопроса о любовниках которой у него почему-то не возникает...

Только его подобное не устраивало — после минутной паузы он снова заговорил:

— Зачем ты сюда явилась? — ее тактика молчаливой ненависти заставила его злиться еще больше.

— Я должна была спросить вашего разрешения? — еще один мятежный взгляд, вскинутый из-под насупленных бровей, был не менее красноречивым, чем словесный ответ.

— Ты должна была думать головой, — он склонился ближе, будто выплевывая каждое слово.

— Не вам указывать, где мне появляться, а где нет. Вы мне никто, — настал тот момент, когда страх испарился, оставив на своем месте только такую же, как у него, всепоглощающую ярость.

— Да уж, бог миловал, — Дэррек чуть отстранился, ему на секунду показалось, что перед ним не лживая дрянь, а действительно его чистая Майя, слишком он был близко, а ее нельзя подпускать близко.

Когда Майя снова отвернулась, рука, которой она упиралась в партнера, не давая придавить к своему телу, чуть дрогнула. Дэррек опустил взгляд на нее, а потом проследил за тем, куда смотрит Майя.

Соня стояла у стены, Майя не обратила внимания ни на то, что ее глаза светятся странным сиянием, что руки мелко подрагивают, а лента, которой она днем перевязала волосы, куда-то исчезла. Она поняла лишь одно — еще несколько минут, и она сможет уехать, нужно только дождаться, пока прекратится эта пытка.

— Дайте угадаю, опять оказываете поддержку милой Соне? — если он будет продолжать сдавливать ее все с той же силой, скоро она просто не сможет вздохнуть. — Кого же охмуряете на этот раз? Мужчин постарше.

Он бредил, Майя не понимала, о чем он говорит.

— У вас жар? — по правде, она подозревала у него другую болезнь, но озвучить ее название не осмелилась.

— Нет, — он вдруг остановился, прекращая делать вид, что они кружат в необременительном вальсе. — У меня для вас совет. Если собираетесь завлекать живца своей невинностью, одевайтесь скромнее. Места для фантазии уже не остается, — он красноречиво заглянул ей в вырез. Высокая грудь, которую он и так уже успел хорошенько прочувствовать, прижав ее к своему телу, вздымалась при каждом вздохе. — Хотя ведь не на что ловить. Какая невинность...

Это была последняя капля, Майя вырвала руку, собираясь занести ее для удара. К черту все, к черту то, что подумают люди, даже то, что это увидит папа и мама значения не имело. Это он лишил ее чести, он сделал своей любовницей, он жил с ней в грехе, не чураясь пользоваться то, что теперь окидывал взглядом, а когда она наскучила, убил даже малейшую веру в то, что в жизни случаются сказки. Неужели этого мало? Она уже слышала разносящийся по комнате звук пощечины, когда ее руку остановил взявшийся неизвестно откуда Витор.

— Позвольте? — он галантно перехватил ее запястье, смотря при этом на Дэррека.

— Нет. Наш танец еще не окончен, — держащая как стальные щипцы рука, казалось, не собиралась отпускать ее, а нотки издевательства в голосе сменились смертельным предупреждением убираться восвояси, адресованным Витору.

— Отпусти. Ее, — до этого дружественный тон Винсента теперь не отставал от собеседника, неся в себе вполне реальную угрозу.

— Или что?

— Или пожалеешь.

В отличие от мужчин, гнев Майи куда-то пропал, на смену ему пришел страх за Витора. Она не видела его взгляда, но с такими глазами, как у Дэррека, обычно убивают.

— Витор, все хорошо, — она обернулась к другу, насколько это позволили держащие ее руки, улыбнулась, как бы подтверждая, что ему показалось, последние несколько минут она танцевала с уважаемым ею человеком, а не с чудовищем, которое мечтала забыть.

— Вы слышали, Винсент? Все хорошо, не стоит мешать танцующим, — тон не имел ничего общего с произнесенными словами, Майя бросила злой взгляд на Дэррека, пытаясь показать, что ему не стоит обольщаться — как только друг будет вне опасности, она расцарапает ему лицо.

— Майя, иди, пожалуйста, к Соне, а нам, милорд, думаю, неплохо было бы попробовать припасенные мной сигары. Во дворе.

Гляделки между мужчинами длились ровно до того момента, как музыканты отыграли последний аккорд. Стальные тиски разжались. Лишь из-за поддержки Витора, Майя не упала, потеряв равновесие.

Продолжая сверлить глазами собеседника, Дэррек склонился, «благодаря» за оказанную ему честь, а растерянная Майя только и могла, что переводить взгляд с одного мужчины на другого.

— Нет, — она не знала точно, что будет происходить между ними на балконе или за его пределами, но уж точно не раскуривание трубки мира. Ощущение тревоги закралось в душу.

Дэррек первым направился на улицу.

— Витор, не надо... — Майя ухватила его за руку, пытаясь отговорить идти за герцогом.

— Иди к Соне. Я скоро вернусь, — высвободившись, Витор пошел вслед за скрывшимся за дверью Дэрреком.

Но вместо того, чтобы послушаться, Майя начала искать глазами Дамиана — только он мог помочь. Он должен помочь. Заиграла новая мелодия, танцующие закружились вокруг девушки, усложняя поиски. Выбравшись из вращающейся по кругу толпы, Майя снова попыталась отыскать глазами мужчину.

Он стоял в компании герцогини и той девушки, с которой Майя познакомилась в уборной.

— Сестричка, куда пошел Витор? — Соня схватила ее за руку, когда Майя рванула в направлении возможного спасителя.

— Он... — Майя посмотрела на дверь, прекрасно понимая, что Соня не должна знать о грозящей опасности. — Он скоро вернется, просил тебя предупредить, — руку сестра отпустила, позволив продолжить задуманное. Слава богу, за те несколько секунд, на которые она отвлеклась, Дамиан никуда не пропал, продолжая развлекать анекдотами женскую компанию.

Невзирая на то, что не была официально представлена дамам, несмотря на то, что прерывала его рассказ на полуслове, Майя схватила мужчину за руку, привлекая внимание. Бывают моменты, когда желание наплевать на все правила приличия ради чего-то более стоящего, побороть нельзя, да и в этом нет ни малейшего смысла.

— Дамиан, — когда три пары глаз обратились на нее со всей внимательностью, Майя поняла, что даже не знает, что должна сказать. — Витор и герцог... Они... Они ушли в сад...

Как ни странно, других объяснений ему не понадобилось, переглянувшись с герцогиней, Дамиан направился к распахнутой двери.

Гнев бил в висках, словно жидкий огонь. Вот, кажется, и настала пора мести. Дэррек считал, что насладится его медленным, но верным падению, потерей состояния, положения в обществе, готов был тратить на это деньги и время. Но после того, как Винсенет опять вмешался в его отношения с Майей, пусть и не так как тогда, ему показалось, что и разбитое в кровь лицо сможет пока что его удовлетворить.

Миновав арку, Дэррек оказался на балконе. Как назло, тут толпилось слишком много шушукающихся и прячущихся по углам парочек. Спустившись по лестнице, он направился вглубь сада даже не оборачиваясь — герцог все равно был уверен, что Витор идет за ним.

Так и было — убедившись, что из-за ровно остриженных кустов-стен их не видно, Дэррек развернулся и встретился взглядом с гневными бесцветными глазами.

— Ты хоть представляешь, что она из-за тебя пережила? — Витор шел за герцогом с одним желанием, он хотел избить его настолько сильно, чтобы он почувствовал боль, доставленную беззащитной девушке. А ее было предостаточно, он не сомневался.

Первым делом, вернувшись, после того, как Соня сделала его самым счастливым человеком, он хотел поделиться этим с той, для кого весть была бы, наверное, не менее радостная, чем для него самого. С той, чьей стойкостью он восхищался, которой неведома была зависть. Но Майи не было возле отца, а вместо ответа на вопрос, где же она, граф лишь загадочно улыбнулся, кивнув в сторону танцующей толпы. Знал бы граф Дивьер, с кем именно танцует его дочь, не стал бы так радоваться сему факту.

То, что танец не доставляет ей никакого удовольствия, читалось по озирающемуся вокруг лицу, а направленный на нее сверху жадный, какой-то слишком темный взгляд не оставлял сомнений, что лучше этот фарс прекратить, что он и сделал.

— Что она пережила из-за меня? — большей глупости от Витора Дэррек услышать не ожидал. Если он пытается таким образом заставить его забыть, как именно он хочет его избить, Винсенту светило совсем скоро разочароваться. — Дай-ка подумать... Смотри на такого дрыща, как ты, думаю, несколько не самых плохих ночей своей жизни.

Витор сжал кулаки, понимая, что совсем скоро слова потеряют всякий смысл.

— Ты испортил ей жизнь, а теперь смеешь вести себя как последний ублюдок?! — он не

подбирал слов, не считался с тем, герцог перед ним или король.

— Винсент, ты в своем уме? Раньше ты был более щедр, делился своим и тебя не беспокоило, портится жизнь этого «своего» или нет.

— Ублюдок, — Витор выплюнул слово ему в лицо, надеясь, что скоро втопчет это лицо в грязь так же, как он втоптал в грязь ту, которая стоила лучшей в мире судьбы, а получила наказание за неизвестные грехи в его лице.

— Кто из нас вел себя как ублюдок? Это ты подложил ее под меня. Лишь затем, чтобы отомстить за брата, неужели считаешь меня настолько ущербным, что я не могу додуматься до этого? — Дэрреку порядком надоел этот фарс, притворные возмущения...

Витор ожидал всего — и удара, и очередного ответа, ожидал, что из-за кустов кто-то появится, но подобного бреда не ждал.

— О чем ты?

В нем однозначно пропал актер, ярость сменилась искренним удивлением.

— Не делай вид, что не понимаешь. Вы с Дамианом сделали все, чтобы я клюнул на нее, а потом, стоило мне уехать, не побрезговал показать каково это, когда любимую женщину уводят на глазах. Вы даже не прятались! — его бесило, что приходилось повторять то, что и так крутилось в голове ежеминутно, но прежде, чем пустить врагу кровь, он должен был признать все.

Руки, до этого сведенные судорогой от того, с какой силой Витор сжимал их в кулаки, вдруг расслабились. Понемногу к нему приходило понимание, а вместе с ним и чувство, что происходящее — полный идиотизм.

И тут он рассмеялся. Совершенно искренне.

Именно этот самый смех стал последней каплей терпения. Дэррека первым набросился на противника, ударил в скулу так, что тот повалился на землю. Удары следовали один за другим, он хотел выбить из него эту улыбку, стереть с лица навсегда. Когда не ожидавший нападения Витор опомнился, он уже лежал на земле, а на лице чувствовалась липкая кровь. Он попытался сбросить с себя сумасшедшего сильным ударом в ответ, но не удалось, приходилось уворачиваться от часто метких попаданий. Долго схватка не длилась, уже через минуту их ком кто-то попытался разнять.

Первая попытка закончилась метким ударом в ухо, отбросившим Дамиана на траву, лишь с третьего раза у него получилось перехватить руки друга, чтобы тот перестал молотить лежащего на земле Витора.

Вот только к этому времени последний опомнился и, жаждая отомстить, не только за себя, но и за нее, ударил сидящего верхом мужчину под дых.

— Перестань! — Дамиан крикнул. Не хватало ему еще выпустить сдуревшего Дэррека, чтобы усмирять не менее неадекватного Витора.

Несколько раз Дэррек попытался вывернуться из надежного захвата бывшего друга, но осознав, что врасплох того не застанет, слегка успокоился.

— Отпусти, — он поклялся себе, что стоит ему освободится, первым получит по лицу уже Дамиан.

— И не подумаю. Пока ты не успокоишься, — еще один рывок, опять безрезультатно.

А вот скорчившийся на земле Витор трясся, только не от страха, а от неудержимого смеха.

— Винсент, он что, попал в голову? — убедившись, что друг понемногу успокаивается, Дамиан чуть ослабил хват.

Вместо ответа Витор лишь еще сильнее рассмеялся, пытаясь сесть на землю.

— Я успокоился. Отпусти, — скорее это звучало как угроза, но Дамиан достаточно хорошо знал Дэррека, чтобы поверить — сегодня рукоприкладства больше не будет. Единственное, что он сделал — вклинился между сидящими на земле мужчинами.

Долго они сидели беззвучно, просто пытаясь отдышаться.

— Вы совершенный идиот ваша светлость, — Витор сплюнул кровь, видимо, прикусил щеку. — Вы искренне считаете, что в ту неделю, что вас не было, мы с Майей кувыркались в постели... — он не спрашивал, просто констатировал.

— А что же вы делали? — Дэррек спросил язвительно. Этот щенок продолжает считать его дураком. — Весь дом стоял на ушах!

Витор снова рассмеялся, создавая больше шума, чем было во время их потасовки.

— Идиот. Какой же вы идиот...

Не выдержав, Дэррек снова замахнулся, чтобы нанести удар, но молчащий до сих пор Дамиан был на чеку — перехватив руку, он заломал ее за спину буйному другу.

— А хотите знать, что происходило на протяжении той недели? — резкий выпад его светлости заставил Витора снова стать серьезным, ответа он не дождался. — Я провел ее в постели Майи, — Дэррек сверкнул взглядом, не обещающим легкой смерти. — Вот только не предаваясь страсти. Случился несчастный случай, ваше оружие вам верно. Револьвер, который хранится в вашем кабинете, выстрелил, пробив мне бок. Навылет. И Майя сидела у своей же кровати, не давая мне истечь кровью, вытирала эту самую кровь с ваших дорогих ковров, только чтобы хозяин дома не испытывал неудобства. Не спала ночами, только не в моих объятьях, а чтобы в любой момент помочь, вернуть к жизни меня или собственную сестру, которая испытала ужасный шок.

На скептический взгляд черных глаз, он тоже ответил.

— Не верите, ваша светлость? Спросите у друга, он вам врать не будет, он тоже был тогда с нами, активно участвовал. Еще вы можете спросить врача, своего ветеринара, который зашивал меня, когда Майя трясущимися руками пыталась задержать кровь. И он вам все подтвердит. Или, может, вы найдете пулю, которую мы так и не нашли, хотя Майя провела за ее поисками все время, отведенное в один день на сон. У вас в кабинете, в районе окна...

Дэррек перевел не верящий взгляд с Витора на Дамиана. Пуля... Он находил пулю, которая каким-то странным образом оказалась застрявшей в оконной раме, но он об этом быстро забыл, снова окунувшись в работу. Спросил у Дэна, но тот лишь удивленно посмотрел, не найдясь, что ответить.

Дамиан кивнул, отпуская руку. Он сдержал слово — ничего не рассказал, но подтвердить рассказ первоисточника мог даже по уговору.

— А сегодня я сделал предложение сестре «моей любовницы», как вы считаете. И знаете, что сказала любовница? Она пожелала нам счастья. А вот вы, — он перегнулся через смотрящего куда-то вдаль Дамиана, и тыкнул в грудь Дэрреку, — свое счастье упустили.

Весь ужас понимания того, что он наделал, разом навалился на Дэррека. Он поиздевался над той, которую любил лишь за то, что не удосужился спросить у нее. Лишь потому, что поверил сплетням, не выдерживающим никакой критики. О Ях! Все, что он сейчас хотел — обрушить на себя сотни и тысячи ударов, которые собирался адресовать Витору.

В полнейшей тишине хорошо был слышен всхлип, прозвучавший совсем близко. Звук,

похожий на птичий крик, вот только когда между деревьями промелькнул темный силуэт с тянувшимся за ним красным шлейфом, сомнений в том, что скрывался за живой изгородью — не осталось.

Глава 25

Майя бежала, не разбирая дороги. Неслась куда подальше, куда несут ноги... Лучше бы она не знала, за что он ей тогда мстил, лучше бы думала, что всему виной какая-то ее неосознанная провинность. Но не за это. Не за то, чего она не совершала, чего не могла совершить. Дэррек поверил в то, что она могла изменить, что она могла добровольно подписаться на вечный позор, отдаться лишь потому, что кто-то ее попросил. Нет, этого выдержать она не могла. Пусть он не знал, что она любит, но ведь не мог подумать, что способна на такое!

Дэррек рывком поднялся на ноги, собираясь догнать, а потом молить о прощении, молить, пока не простит. Ту, которая теперь точно ускользала от него как вода сквозь пальцы, и как ни пытайся, ее не вернешь.

— Не смей, — Витор схватил его за локоть. — Не приближайся к ней. Ты можешь доставить ей только боль. Если я увижу тебя возле Майи, в живых ты не останешься, — хоть его угрозы и не заставили бы Дэррека отказаться от задуманного, но в голове возникла мысль, что появившись он сейчас у нее на глазах, Майя может не выдержать. Его нежная Майя, которую он должен был защищать, может не выдержать. А он сам вместо защиты загнал ей в грудь кинжал, под самую рукоять.

— Пусти, — он выдернул руку, отошел к ближайшему дереву. Черт бы тебя побрал, Дэррек Мэйденстер! Настолько жалким и ничтожным существом он не чувствовал себя еще никогда. Когда удар обрушился на ствол, кора разлетелась в стороны.

Витор не знал точно, зачем он это говорит, вряд ли чтобы успокоить бушующего сейчас Дэррека, хоть он и не испытал удовольствия от мести, которая произошла случайно, жалеть мужчину тоже не собирался. Его муки совести, если они, конечно, продлятся чуть дольше, чем этот вечер — ничто, по сравнению с тем, что только что услышала Майя.

— Я найду ее, — Витор поднялся. — Сделай что-то с этим сумасшедшим, — он ударил по плечу, казалось, пребывающего где-то далеко отсюда Дамиана, который даже не шелохнулся, заслышав удар, и пошел в ту сторону, куда скрылась девушка.

О чем думал Дамиан? Обо всем услышанном. Маленькие кусочки мозаики один за другим складывались в совершенно странную картину. Дэррек, его лучший друг, тот, кого он знает всю свою жизнь, вдруг оказался незнакомцем. Он водил его за нос этими притворными ухаживаниями за Соней, вопросами невзначай о ее сестре, просьбами приглядывать за ней. Дамиан думал, что знает его, а на самом деле не видел дальше собственного носа.

Вот только он был неуверен, что хочет видеть дальше. Было ясно — там скрывается что-то слишком личное.

Майя стояла, уткнувшись лбом о дерево где-то в глубине сада, она сама бы никогда не объяснила, как тут очутилась или как отсюда выбраться. Все было неважно. Она хватала

ртом воздух, пытаясь не задохнуться от всего услышанного. Все, что он заставил ее пережить, было лишь потому, что поверил в то, что она способна на предательство. Как больно... Лучше быть незаметной и незамеченной, чем испытывать это.

Когда голого плеча коснулась чья-то рука, девушка вздрогнула. Только не он, кто угодно, хоть сам дьявол, но только не он.

— Он больше не появится в твоей жизни. Все хорошо. Ты веришь мне? — слава богу, обратился к ней голос друга, настоящего, верного друга. Который не нуждается в чьих-либо словах, который верит ей, лишь потому, что она об этом просит. Вот только ответить на его вопрос Майя не могла. Почему они все хотели слышать, что она верит? Чтобы потом можно было предать? Ведь только доверие предается.

Девушка не обернулась, лишь обхватила себя руками, защищаясь от окружающего ее отчаянья.

— Ты будешь счастлива, обещаю, — Витор понимал, что сейчас она не готова отвечать. Что сейчас ей не нужен никто, поэтому был готов терпеливо ждать, когда на смену сухому горю придет гнев, щедро сдобренный слезами. И он пришел, а вместе с ним и необходимость в его теплых объятьях и словах, заставляющих плакать еще больше.

Дэррек стоял спиной к другу, сверля взглядом пустоту.

— Ты все знал. Почему ты мне не сказал? — голос обращался будто из самой преисподние.

— Я знал не все. Я не знал, что происходит между вами.

— Ну и что, черт возьми?! Ты не представляешь, что я натворил... — он заново переживал события той ночи, разрывая собственное сердце на мелкие кусочки. Когда мужчина развернулся, Дамиан непроизвольно отпрянул — таким, друга он еще не видел. Будто его режут, заставляя адски страдать.

Единственное, что он мог сказать, хоть и не веря в свои слова:

— Она простит. Она умная и очень сильная, — перед глазами стояла измученная, но готовая сидеть у кровати больного еще одну ночь, бледнолицая девочка с прозрачными глазами, которую почему-то считали уродом, а ему сейчас она казалась настоящим ангелом.

— Ни за что. Она не простит, — не сказав больше ни слова, Дэррек побрел в сторону дома.

Сколько времени они провели возле дерева, ставшего невольным свидетелем ее горя, Майя не знала. Но в один момент слезы закончились, а вот гнев утихать не собирался. И оказалось, что в гневе мысли становятся на места намного быстрее, чем в панике. Смахнув с щек остатки влаги, Майя отпрянула от друга.

— Все хорошо. Это все не имеет значения. Я хочу вернуться в дом, — скрывая глаза от мужчины, она направилась в ту сторону, откуда, ей казалось, пришла.

Проводив ее странным взглядом, Витор очень скоро нагнал.

К сожалению, Витор понимал, что имеет. Это все имеет значение, и, что самое страшное, это еще далеко не конец.

— Сейчас направо, — послушно кивнув, она свернула.

Когда в глаза снова ударил свет высоких люстр, Майя слегка прищурилась, пытаясь

привыкнуть. К сожалению, зеркал в зале не было, и узнать, как она выглядит, девушке не удалось, вот только судя по реакции на их появление — намного лучше Витора, на которого тут же были обращены все взгляды.

На щеке ссадина на всю скулу, над губой — запекшаяся кровь, благо, он чувствовал, что нос вроде бы не сломан, рубаха перепачкана травой и брызгами крови. Что он делал в саду — вопрос, не требующий ответа.

А вот она выглядела, будто ничего не произошло, разве что чуть припухли после слез глаза и из-за того, что кожа стала еще бледнее, проступили венки на шее и лице. Не желая привлечь внимание к ней, Витор отстал на несколько шагов. Видел, как девушка подходит к отцу, что-то спрашивает, а в качестве ответа получает указание руки в направлении лестницы.

Но и ему не суждено было получить лавры победителя в борьбе за самое эффектное появление. Уже через несколько мгновений не менее «красивыми» вернулись Дэррек и Дамиан.

У одного — разбиты в кровь костяшки пальцем и кровавые брызги на одежде, другой — с разбитой губой, разорванным жакетом.

Дэррек не обращал внимания на преграждающую ему путь немую толпу, открывшую рот от удивления и предчувствия грядущих сплетен. Он пытался разыскать глазами ее. Витор уже тут, а значит и она, оставить ее одну тот не мог.

— Сынок, Дамиан, что произошло? — обычно спокойное лицо герцогини наполнилось ужаса. Завидев в дверях сына, выглядевшего, будто после встречи с диким зверем, она потеряла всякий контроль.

Но только сын не был готов ей отвечать, он наконец-то снова увидел бардовое платье. Майя что-то шепнула отцу, улыбнулась взявшей ее за руку Соне, высвободилась и направилась к лестнице, не оглядываясь, видимо, боясь увидеть его.

— Кто это? — герцогиня проследила за взглядом сына, но вопрос адресовала Дамиану.

— Майя Дивьер... — будто это что-то объясняло... Вот только, видимо, имя герцогине что-то сказало.

Она издала протяжное:

— Ооооо, — а потом опять перевела взгляд на сына.

— Я ее знаю, — Мэгги задумчиво посмотрела на удаляющуюся девушку в красном платье. — Мы познакомились в уборной... По-моему, она была сильно взволнована...

Герцогиня посмотрела на дочку:

— Еще бы... — а потом и на старшего сына, боясь даже представить, что могло произойти между ними тогда и сейчас.

— Майя, я должна тебе что-то сказать, — легкое прикосновение пальчиков к ее ладони.

И Майя тут же повернулась к сестре. Она знала, что именно хочет сказать ей Соня, но не была готова сейчас поздравить ее так, как та достойна, поэтому лишь улыбнулась, высвобождаясь.

— Прости, у меня ужасно болит голова, давай поговорим уже дома. — Соня увидела и то, что веки сестры чуть припухли, и еле заметную дрожь в руках. Снова в то время, как она сама спокойно наслаждалась жизнью, с Майей что-то произошло. Ругая себя за эгоизм, она отпустила сестру, тут же направившуюся по лестнице вверх.

Еще до того как решить, что ей самой делать, бежать за сестрой или дать той побыть наедине с собой, Соне на плечо легла рука.

А услышав восклицание отца, который был обращен к ней лицом, Соня резко развернулась, чтобы удивиться не меньше графа Дивьера:

— Витор! Что произошло? — на нее ласково смотрел теперь уже жених, вот только выглядел он так, будто только вернулся с поля боя. Из головы вылетело и бегство Майи, и мысли последовать за ней.

Отвечая на вопрос графа, Витор продолжал смотреть на девушку. Он не хотел пугать ее своим видом, но уйди он, не попрощавшись, неизвестно что Соня могла придумать.

— Я упал, очень неудачно, придется поехать домой, — таким объяснением явно остался недоволен ни отец, ни дочь, блуждающая взглядом по разбитому лицу и испачканной рубахе.

— Вместе с герцогом Мэйденстером... падали? — Нортон Дивьер же уже смотрел в противоположный угол, где продолжал стоять, следя взглядом за удаляющейся красной фигурой, Дэррек.

— Нет. Во дворе, видимо, полно кочек. Вот гости и становятся жертвами, — воспользовавшись тем, что граф увлекся происходящим на приличном от него расстоянии, Витор склонился к уху Сони:

— Все хорошо, это несчастный случай, не слушай ничего. Я люблю тебя, — вдохнув поглубже ее запах, он тоже помчался вверх по лестнице, оставив в растерянности не только свою новоиспеченную невесту, но и еще половину аудитории, которая пыталась судорожно сопоставить все только что увиденное.

Драки в высшем обществе — мягко говоря, редкость. А по правде, сложно и вспомнить, чтобы такое еще когда-то бывало. И вот, сразу трое джентльменов, словно побитые псы предстают во всей красе. Если Дэррек с Витором дружбы не водили никогда, то о вечной троице герцога, Дамиана и старшего брата Винсента помнили все. А так же помнили и причину, по которой троица стала тандемом. А значит, следует искать женщину. Вот только кого?

Ответ на этот вопрос нашелся, когда весть о помолвке Винсента и младшей Дивьер разнеслась по городу. А вот сплетни, связывающие мужчину со старшей сестрой, наоборот поутихли — слишком настойчиво их когда-то пыталась навязать обладательница сотен бантиков и ленточек, и слишком красочно она описывала то, что позволили себе молодые люди прямо на глазах у честной толпы. Вот только почему-то лишь она из тех двадцати пар глаз, которые присутствовали, твердила об этом неустанно. Остальным хватало такта если не отрицать, то хотя бы умалчивать.

— Дорогой, что произошло? — графиня взяла под руку мужа, смотря в том же направлении, что и он.

— Понятия не имею, но думаю, скоро узнаем. Майя взяла экипаж, она плохо себя почувствовала, я сказал, что мы пока что останемся.

— Узнаем...

Вызвавший настоящий фурор Дэррек вместе с Дамианом покинули людный зал последними из участников недавних событий.

Майя мчалась домой в карете, снова и снова думая о том, что услышала. Целый месяц! Целый месяц она не позволяла себе рыдать, и вот — снова появился он, и снова все

вдребезги. Черт бы его побрал! Никогда! Никогда больше она не уронит из-за него и слезинки. Лучше умереть, чем еще раз пережить весь этот ужас.

А еще... По возвращению в поместье она обязательно скажет генералу, что передумала. Скажет, что согласна стать его женой. Не просто согласна — что хочет этого, мечтает об этом, живет лишь мыслями о том, что это произойдет. И каждый раз, целуя эти сжатые губы, будет представлять, что зарабатывает то, за что ей мстил Дэррек в ту ночь. Пусть она не была виновата тогда, но будет виновата теперь. Она его предаст, он об этом даже не узнает, зато знать будет она. Она предаст ту уродскую любовь, которую еще хранит в своем сердце.

Глава 25

Под руку подвернулась ваза, ее постигла та же участь, что и разбитые часы, разлетевшийся вдребезги графин, перекошенный теперь стул. Дэррек крушил все, до чего удавалось добраться, крушил так, как месяц тому рушил свою жизнь.

Как он мог? Как он мог быть таким слепым?! Как он мог поверить в эту ересь? Почему не спросил у нее? Кулак врезался в бетонную стену, оставляя на ней кровавый след стертых костяшек. Что сделал с ней? Своими руками, вот этими руками.

А сегодня... А что он наговорил ей сегодня? В стену снова полетел хрусталь.

Сейчас он готов был разнести дом по кирпичику, разбить кулаки в кровь, расшибить голову, убить себя собственными руками, осознавая, что наделал, и не имея возможности ничего изменить. Перед глазами стояло ее лицо, все в слезах, когда она пыталась отвернуться. «Не надо», а он... черт его побери. Лучше б она не знала, так был бы хоть шанс, что он еще может что-то изменить, но не теперь.

Герцогиня Мэйденстер сидела в гостиной их городского дома, держа в объятьях обычно отказывающуюся от всякой ласки дочку. С завидной периодичностью тишину разрывали звуки крушений, творящихся на втором этаже.

— Мама, что с Риком? — каждый раз, когда в его комнате что-то разлеталось от удара об стену, женщин пробивала мелкая дрожь, они лишь молились, чтобы это поскорее закончилось.

— Не знаю, доченька, не знаю...

За то, что этот вечер закончился не так трагично, как мог, Анна благодарила Дамиана. Именно он заставил привлекающего слишком много внимания друга покинуть зал, не утруждая себя церемониальными прощаниями с радушными хозяевами. Что это было бы абсурдно — понимали все.

Когда мужчины вышли на улицу, еще одна карета поворачивала на смежную улицу. Дэррек попытался высвободить руку, но друг держал крепко.

— Не сейчас, — ни он не сможет сказать то, что хочет, ни она не сможет его выслушать.

Тот согласно кивнул. Не противился и когда Дамиан открыл перед ним двери его экипажа, пообещав позаботиться о маме и сестре. На всякий случай он запретил кучеру останавливаться, пока они не доберутся до городской резиденции его светлости. Возможно, ему лучше было бы поехать с другом, но еще были дела, которые следовало уладить здесь. Например, ответить на пару-тройку одинаковых вопросов «что произошло?» так, чтобы сплетни, которые обязательно появятся уже завтра, если не успеют сегодня, были хоть немного приемлемы.

Всему виной старая вражда его светлости и Винсента. Никаких женщин, обычная вспышка старых воспоминаний, обоюдная неприязнь и все. А он, к своему стыду, не смог сдержать их до того, как случилась драка. Лучше так, чем чтобы все попытались вспомнить, с чего же все началось. Тогда полет фантазии уже не остановить.

Вернувшись в зал, он первым делом подошел к герцогине, которая пребывала все в таком же ступоре.

— Я распорядился через полчаса подать карету. Найдите Мэган и Розу, если, конечно, она не найдет себе более достойную компанию.

Герцогиня кивнула, получив конкретное распоряжение.

— Ты объяснишь, что тут произошло?

— По дороге, — он снова надел на лицо очаровательную улыбку, правда теперь слегка пострадавшую из-за раны на губе, а потом пошел навстречу жаждущей подробностей толпы.

Через полчаса, как он и обещал, вчетвером они сидели в карете, которой предстояло первым делом завезти мисс Смитт, благо, обитавшую не в их имении, что сильно радовало герцогиню.

Роза не промолвила ни слова, собираясь выяснить все лично с мужчиной, из-за которого ей пришлось менять все планы на вечер. А они были грандиозные! Когда, как не сегодня, можно было наконец-то любыми способами добиться от него предложения руки и сердца? Но все пошло не так с самого начала. Он злился, не обращал внимания ни на заигрывания, ни на обиды, ни на попытки проявить нежность. В конце концов, Роза бросила свои чаянья, ожидая, когда он Дэррек сам вспомнит о том, что пришел не один. А когда вспомнит, она надеялась показать, насколько же глубоко он ее обидел. И как сложно будет вымолить ее прощение. Но когда герцог вернулся весь в крови, он снова разрушил ее планы. Не держись Роза за него так крепко, посчитала бы это последней каплей, но слишком много времени на него потратила, чтобы теперь терять.

Когда Дамиан вернулся в карету, проводив мисс Смитт до дверей ее дома, Мэгги спокойно спала, устроившись на плече матери. Бедная девочка... Не так должен был выглядеть ее первый бал.

— Теперь я готова слушать.

Дамиан посмотрел на сладко спящую Мэган, собираясь с мыслями.

— По сути, ведь я и сам ничего не знаю... — из всего услышанного сегодня он смог сделать какие-то свои выводы, но они не были ни подтверждены, ни опровергнуты непосредственными участниками. — Вы ведь знаете, что этим летом у Дэррека, целых два месяца гостили молодые люди и девушки? Не думаю, что стоит скрывать, инициатором этого был я, и мои причины просты — я собирался заполучить поддержку их высокопоставленных родственников, сыграв значительную роль в их судьбах.

— Сводничество.

— Да, — как бы он ни пытался красиво обойти это слово, суть-то оставалась та же.

— И что, Дэррек на это согласился? — она посмотрела в окно. Неужели им до сих пор нечем себя занять, кроме как подобными глупостями?

— Он не знал моих мотивов или делал вид, что не знал. Но выбор ему не предоставлялся, он проиграл спор, и это было его наказание.

— Сказать, что я думаю по поводу подобных забав? — Анна сверкнула глазами, гневаясь и на Дамиана и на собственного сына, но только ее мнения никто не спрашивал, и, возможно, зря.

— Не стоит. — Дамиан усмехнулся. Он еще с детства помнил, как она отчитывала их со старшим другом. Помнил, что герцогиня умеет делать это очень хорошо. — Сначала Дэррек относился к этому очень скептически, он планировал просто терпеть в своем доме их присутствие, а всю организацию и реализацию своих планов я должен был взять на себя. Я так и делал, но искренне надеялся, что рано или поздно он тоже обратит внимание на одну из присутствующих. Не стоит думать, что и в отношениях с ним я хотел извлечь для себя

выгоду. Я желал ему счастья, а в его нынешней страсти этого счастья не наблюдается.

С этим герцогиня поспорить не могла.

— И что, у вас получилось?

— Нет. Точнее совсем не так, как я представлял себе это. Он заинтересовался одной из дам. Или теперь я начинаю думать, что всего лишь сделал вид. Ее зовут Соня, сегодня она была среди гостей. Вы ее видели, она...

— Это не важно, — она хотела услышать от него как можно больше до того, как они окажутся дома, там это будет сделать намного сложнее.

— Да, не важно. Он проводил с девушкой много времени, честно, я сам считал, что это как минимум — увлечение, а как максимум — начало чувства. Но все сложилось не так, как я думал. В один из дней по дому прошел слух, что он или она, в зависимости от версии, решили прекратить их отношения, которых, в общем-то, и не было. Девочке шестнадцать, какие между ними могут быть отношения? Но это я понимаю сейчас, а не тогда. Я спрашивал о причине, но вразумительного ответа не получил.

— А при чем здесь эта Майя?

— До сегодня я понятия не имел, при чем здесь она, знал лишь, что она сестра Сони, которая сначала так резко привлекла его внимание, а потом так же его лишилась. Не подумал о том, почему одну из гостей могли переселить в смежные с его покоями, не подумал, почему он просил за ней присматривать, когда отлучался к вам, не подумал, почему ему так важно было знать, правда ли между ней и Винсентом начался роман. А оказалось, именно над этим нужно было думать. Как девочка-анибалыт стала его любовницей, меня можете не спрашивать. Но я знаю, что было потом. В тот же день, когда он уехал, случился несчастный случай, Витор серьезно пострадал, об этом знали только трое. Я, Майя и Соня. Рассказывать мы никому не могли, и всю неделю, пока Дэррека не было, провели у больного. Понятно, что это не могло пройти мимо обсуждений гостей. Вот только они истолковали все совсем не так. По дому пошел слух, что Майя все это время провела в его страстных объятиях, а Соня в муках от унижения, доставленного сестрой, у себя в комнате. Они не знали об этом. Слишком было мало времени вникать в подобный бред. А я знал и не разубеждал, ведь не мог предоставить взамен ничего более вразумительного. В этом моя и только моя вина, это я понимаю. Вот только я понятия не имел, во что это выльется. Если ему так дорога была Майя, зачем он уехал за неделю до их отъезда? Неужели не мог перенести? — Дамиан хотел задать этот вопрос Дэрреку, вот только такой возможности ему не представилось.

— Он ездил за обручальным кольцом, — герцогиня погладила по голове шевельнувшуюся во сне дочь. В смотрящих на нее мужских глазах родилось понимание.

— О Ях, я ведь даже понятия не имел... — Дамиан смахнул со лба лезущую в глаза челку. — Когда он вернулся, ему первым делом поведали сплетню. Я даже не попытался этому помешать. Рассуждая, что чем меньше буду оказывать сопротивления, тем быстрее она забудется, среди множества других, не менее скандальных. Уже позже, когда пытался узнать что-то у меня, он говорил и о предательстве связанном с Витором. Но я и подумать не мог, что причиной тому она! Я не знаю, что он сделал такого, за что она его теперь не простит. Но в том состоянии, в котором он пребывал — способен был на многое. И, черт возьми, единственным человеком, которому он мог мстить за все неслучившееся, была Майя. Витор уехал еще в ночь накануне его возвращения, я — в тот же вечер. А она, она лишь на следующее утро. И почему-то я уверен, что в ту ночь она расплачивалась за то, чего не

совершала.

— Но ведь вы друзья! Как ты мог не замечать, что между ними что-то происходит?! — герцогиня повысила голос, но спохватившись, что может разбудить спящую, снова перешла на шепот.

— Они делали все, чтобы это осталось тайной. И им это удалось. Ни единая душа не сможет сказать, что подозревала подобное.

— Причиной всему — ваши недомолвки! Бедная девочка, — герцогиня покачала головой, погрузившись в свои печальные мысли.

Она ждала, что сын со дня на день сообщит о помолвке, но вместо этого он перестал отвечать на письма вообще. Не выдержав, Анна отправилась его навестить. В таком плачевном состоянии ее сын еще не был никогда. Спросить, что же произошло — герцогиня не осмелилась. А когда на горизонте снова замаячила Роза, смирилась, что узнать ей, видимо, не суждено. Но сегодня... Сегодня она поняла, сколько зла и вреда могут нести их недомолвки. Ее, Дамиана, Дэррека, этой девочки, всех.

Слушая, как ее сын разносит дом, она снова и снова возвращалась мыслями к тому разговору, и снова перед глазами вставало лицо сына, устремленное взглядом на ту, которая удалялась не только из зала, но и из его жизни, лицо этой самой Майи, взволнованное, когда она пришла просить помощи Дамиана.

Углубившись в размышления, она не сразу заметила, что звуки из спальни больше не доносятся, все стихло. И вот от этой тишины стало еще страшнее.

— Отправляйся спать, Мэган, утро вечера мудренее, — как бы скептически Мэгги ни относилась к возможности заснуть после такого вечера, перечить маме не стала.

Сама Анна встала вслед за дочерью, прошла по комнате несколько метров, остановилась, наполнив легкие воздухом, и продолжила свой путь к двери. Пока не передумала, пока не побоялась.

Она вошла без стука. Дэррек сидел на полу, рядом стояла уже почти пустая бутылка. Делая несколько шагов в его сторону, Анна чувствовала, как под ногами хрустит стекло. Творившейся в комнате хаос, сложно было описать, но сейчас это не имело никакого значения. Она подошла к кровати, села. Положила руку сыну на плечо, опасаясь одного — что он сбросит ее, как отказывался уже не раз от ее помощи. Но этого не случилось, он заговорил:

— Мама, ты не представляешь, что я наделал... — обычно такой уверенный, властный голос сейчас звучал совсем не так.

— Представляю, — она сильнее сжала руку.

— Я своими руками, вот этими руками убил ее, вырвал сердце, — Дэррек посмотрел на свои ладони, будто видел их впервые. — Она меня ненавидит. И я себя ненавижу, — он отшвырнул пустой стакан, снова прозвучал привычный уже звон разбившегося стекла. Герцогиня вздрогнула, но руку не убрала.

— Ты сам все сломал, — он стиснул кулаки. — Но только ты можешь все починить.

Она ждала, что он ей не поверит, так и случилось, наверное, впервые за весь вечер по комнате разнесся раскат злого смеха. Смеялся он не над ней, над собой.

— Мама, я изнасиловал женщину, которая меня любила только за то, что поверил глупым сплетням. Она сможет это простить? — когда он произнес слова вслух, сделанное показалось ему еще более ужасным.

— Она тебя любит...

— Она не может любить такое чудовище. Не она.

— Она тебя любит. Иначе не сбежала бы. Иначе мстила, а она не может, потому что любит, — герцогиня искренне верила в то, что говорила. Полагаясь скорее на интуицию, чем на доводы разума.

— Нет. — Дэррек мотнул головой, не допуская даже мысли, что мамины слова могут нести хоть зерно истины.

— Да. Сынок, поверь, она женщина, она умеет прощать. Это будет сложно. Неимоверно сложно, но ты должен попытаться. Не для себя. Для нее. Ты сможешь сделать ее счастливой. Только ты сможешь, — она наклонилась, поцеловала его в макушку, как делала в детстве, перед сном.

— Я даже не смогу подойти к ней. Она этого не выдержит.

И пусть его слова звучали никак не оптимистично — Анна ликовала, кажется, стену сломать оказалось не так сложно.

— Ты не сможешь подойти сегодня, завтра, может через неделю. Но не вечно. Когда ты окажешься рядом, она будет готова прощать, если увидит, что такой боли ты ей больше не доставишь. А ты не имеешь права ее еще раз предать. Ты должен вымолить то, что сам же попытался снести под основание. Поверь, женщины не ломаются, мы не отказываемся от любви, мы просто храним ее так глубоко, чтобы в следующих раз добраться до нее было сложнее. Она закрылась, а ты должен сделать так, чтобы не побоялась открыться, снова. И это будет твой последний шанс, в следующий раз она уже вряд ли сама сможет найти, как глубоко спрятала свою любовь к тебе.

Ему не нужны были больше ее слова. Все, что могла, она сказала, вот только предстояли еще и действия. Ее самостоятельный мальчик впервые нуждался в ее помощи, и Анна собиралась сделать все, чтобы он ее получил, она отблагодарит его за то, что когда-то он взял на себя так много.

Новый день принес лишь еще больше вопросов.

Вечером Соня не решилась побеспокоить сестру, хотя желание поделиться своей радостью не давало думать ни о чем, кроме того, что завтра они с Витором объявят о своей помолвке. Не решилась она не потому, что не была уверена в реакции Майи. В том, что она будет искренне рада, девушка не сомневалась, беспокоило ее другое. Сообщив подобное, уехать на следующий день не удастся. Ни ей самой, ни родителям, а значит и Майе придется пробыть в городе дольше, чем она планировала. Опять ее доброй старшей сестре придется отказываться от своих желаний ради желаний своих близких.

Когда девушка постучалась в смежную с ее комнатой спальню, Майя уже не спала.

— Войдите, — Майя сидела за столом, держа в руках ручку. Видимо, что-то писала.

— Это я. Доброе утро, — еще до того, как Соня подошла ближе, исписанный листочек скрылся в одном из ящичков. Значит, писала что-то не предназначенное для чужих глаз.

— Доброе утро, — сестра тепло улыбнулась.

— Сегодня вечером нас пригласили на ужин к Винсентам. — Соня решила подойти издалека. Хоть ее перестал мучить страх, что сестра так же, как она, равнодушна к теперь уже ее жениху, рассказывать о помолвке даже ей было почему-то неудобно.

— Я знаю...

— И за ужином Витор сообщит одну новость...

— Я знаю, — улыбка сестры стала чуть шире.

— Как? — Соня округлила глаза, неужели все уже знают?

— Большой сплетницей чем ты, моя дорогая, оказался... — Майя приложила палец к губам, делая вид, что пытается что-то вспомнить. — Как бы его назвать... Возможно... Твой жених?

Соня подлетела к сестре, схватила за руку, поднимая со стула, а потом крепко-крепко обняла.

— Только это секрет, понимаешь? — она на секунду ослабила хват и снова сжала своими тоненькими, но такими сильными ручками.

— Понимаю. Я очень рада за вас. — Майя погладила сестру по голове. — Вы будете счастливы. Я в этом уверена.

— Правда? — Соня посмотрела ей в глаза, ища подтверждения слов.

— Правда. Вы будете самыми счастливыми на земле.

— Ох, Майя, мне кажется, я его люблю. По-настоящему, сильно люблю. Не потому, что виновата перед ним. Хотя и виновата, и буду всю жизнь это помнить. Но я не жалею, я люблю. Ты представляешь? — Соня захихикала, будто сказала только что несусветную глупость.

— Представляю. Очень хорошо представляю. И он тебя любит. И докажет, что ты перед ним не виновата, — зная Витора, Майя была уверена — он сможет сделать это намного быстрее, чем «вся жизнь».

— Сегодня мы сообщим о помолвке. Сначала он поговорит с папой, а потом, на ужине, уже скажем всем остальным. Представить сложно, что все это правда...

— Правда. — Майя высвободилась из объятий, прошла к окну, чтобы его открыть. — Вы простите меня, если я не буду с вами вечером? — наверное, впервые она просила о таком, чувствуя себя полнейшей эгоисткой, и обидясь на нее Соня, посчитала это ее законным правом.

Но ее выдержки вряд ли хватило бы на очередную встречу с этим человеком. Так она думала еще до вчерашних событий, а после не могла даже представить, что с ней случится, увидь она Дэррека вновь.

Соня подошла к сестре, смотрящей куда-то вдаль, обняла сзади, положив подбородок на хрупкое плечо:

— Это ты прости, что из-за меня придется задержаться. Я знаю, что ни один человек больше не может так искренне радоваться за нас, и мне не важно, что об этом будем знать лишь мы.

— Глупости. Вот увидишь, когда Витор сообщит о вашей помолвке, все будут рады. И просить прощения не за что, ведь нужно и мне хотя бы раз в три года проводить неделю другую здесь.

В комнате на несколько минут повисла тишина размышлений. Каждой было о чем подумать.

— Ты знаешь, что вчера произошло, на открытии? — Соня почувствовала, что Майя напряглась.

— О чем ты? — Соня с родителями вернулись не намного позже ее самой. Возможно, на час или полтора. Хотя обычно открытия длятся до утра.

— Была драка. Между герцогом Мэйденстером и Витором, так говорят, Витор мне ничего не объяснил.

— Глупости. Какая драка? Тем более при чем тут может быть Витор?

— Их вид красноречиво говорил, что они либо дрались, либо спасали ребенка об разъяренного буйвола. Буйволов в имени не наблюдалось.

— А что сказал Витор? — Майю пробил холодок, нужно быть полной дурой, чтоб надеяться, что все останется незамеченным, но в глубине души она верила, что последствия будут не столь плачевны, какими когда-то они стали для нее из-за одной глупой сплетни.

— Ничего. Сказал, что объяснит потом. А я не знаю, хочу ли слышать это объяснение.

— Почему? — неужели сестра о чем-то догадывается?

— Я боюсь, что это как-то связано со мной. Не хочу, чтобы он снова пострадал из-за меня. Странно... Еще два месяца тому я была бы счастлива узнать, что его светлость дрался к кем бы то ни было во имя меня. А сегодня я искренне хочу верить, что это не так. И сам герцог тут ни при чем. Я волнуюсь за другого. А ведь ты предупреждала. Ты очень хорошо меня знаешь, наверное, даже лучше меня самой...

Когда Витор снова появился в их доме, Соня ждала его в холле, прошаживая взад-вперед, на все вопросы мамы, что она там забыла, девушка лишь рассеяно улыбалась. Она еле сдержалась, чтобы не помчаться открывать двери, когда прозвучала трель звонка.

Он был как всегда элегантен, гладко выбрит, только багровый след на скуле напоминал о событиях вчерашнего вечера. Обменявшись с Соней взглядами, он сказал ей одними губами, что любит, и отправился в кабинет отца.

Граф был обескуражен такому повороту событий. Он почему-то считал, что Витор скорее подходит Майе, и не потому, что они оба анибальты, а потому, что старшая его дочь более покладистая, мягкая, созревшая для взрослых отношений, а младшая совсем ребенок, в голове которого забавы, но никак не дом и семья.

Как бы ни были выгодны ему возможные партии дочек, он был благодарен Яху, что может отказать практически любому жениху, если он не придется по душе дочери. Он сделал бы так и сейчас, если приглашенная в кабинет Соня не сказала, обращаясь скорее к окну за его спиной, что любит того, кто пришел просить ее руки.

А когда новоиспеченные жених с невестой покинули комнату, граф понял, как стремительно меняется жизнь. Думал ли он еще весной, что выдаст замуж одну из дочерей, что у него скоро родится еще один ребенок, что его старшая Майя решит учиться? Конечно, нет. Но судьба не спрашивает о его планах, строя их на свой манер.

Этим вечером свет сотрясла еще одна новость, затмившая, и даже слегка объясняющая вчерашние события. Младший сын председателя Палаты графа Винсента, Витор, сделал публичное предложение младшей дочери графа Дивьер, Соне. Завсегдатаи светских событий предположили, что это хорошее начало сезона, который готовит им еще много сюрпризов. Некоторые свидетели предложения лишь растерянно переводили взгляды с лиц друг друга, как бы спрашивая: «а как же..?»

В тот момент, когда их отец поздравлял теперь уже практически родственника, отца Витора, с предстоящим событием, Майя пробовала звучание клавиш их с Соней любимого рояля. Звонкого, с чистым звуком.

Когда сегодня утром Соня зашла к ней в комнату, она была занята важным, но

совершенно бестолковым делом. Писала письмо, которое никогда не отправит. Адресатом был его светлость, герцог Мэйденстер. Говорят ведь, что если хочешь что-то отпустить, стоит написать это на бумаге и сжечь. Она написала:

«Я пишу вам потому, что лично сказать все это не решусь никогда. Да и случая такого не представится, во всяком случае, я на это уповаю.

Вы никогда не узнаете, как больно смогли сделать. Даже не знаю когда больнее. Наверное, вчера, когда я узнала всю правду. Вам следует собой гордиться, вы совершенствуетесь в этом искусстве.

Вы никогда не узнаете, что я пережила за время, после возвращения домой. Хотя ведь и узнавать-то нечего. Я пыталась бороться за себя, с вами. Когда-то вы сказали, что не отдадите никому, даже самой себе. Пока что это свое обещание вы держите, хотя это и не стоит вам никаких усилий.

Вы никогда не узнаете, что за месть я придумала. А даже если узнаете, не поймете, что это месть.

Вы никогда не узнаете, что я вас любила, и, раз уж бумаге можно доверять, люблю даже сейчас. После того, как узнала. Я не прощаю, вы не нуждаетесь в прощении, я не клянусь помнить обиду всю жизнь, эта боль — следствие моего самого большого счастья, которое приготовила жизнь. Я не жалею, что у нас был тот месяц моего счастья, чем бы это ни было для вас».

Она написала это утром, закончила лишь когда сестра отправилась на свой пост в холле. Вот только сжечь почему-то не смогла. Рука не поднялась. Послание отправилось туда же, где до сих пор лежал сложенный портрет и записка. Последние напоминания, что это все произошло с ней по-настоящему, а не только в фантазиях, хороших снах и кошмарах.

Свою роль письмо сыграло, ей стало легче. Ей стало все равно. А вчера казалось, что это невозможно. С каждым днем она все больше убеждалась в том, что нет предела, который невозможно было бы пережить, или он просто еще не настал... А что будет, когда настанет?

В комнату, в которой царил такое желанное уединение, вошел дворецкий:

— Леди Майя, там посетитель.

— Извинитесь, скажите, что граф в отъезде, — она нажала еще на одну черную клавишу, создавая странную мелодию. Весь день в доме не закрывались двери, приносили карточки, букеты, некоторые друзья приезжали приветствовать отца лично. Именно поэтому Майя никак не ожидала, что посетитель сможет так ее удивить.

— Это посетитель к вам, — дворецкий учтиво склонил голову, ожидая подтверждения приказа.

Майя встала, закрыла крышку рояля.

— Проводите, — еще до того, как она оправилась от удивления и вспомнила, что может спросить, кто же это, дворецкий скрылся. Но кто? Витор сейчас вряд ли бросил бы все и приехал сюда. Возможно, Дамиан? Ведь он говорил об экскурсии. Хотя сомнительно — после всего, что узнал, он вряд ли даже посмотрит в ее сторону. Ее размышления прервал звук вновь открывшейся двери.

В комнату вошла женщина. Не составило особого труда вспомнить, что вчера она была среди гостей, и, если Майя не ошибалась, это никто иной как вдовствующая герцогиня Мэйденстер.

— Добрый вечер, Майя, — женщина провела взглядом удаляющегося дворецкого. И только когда он плотно закрыл за собой дверь, вновь повернулась к растерянной девушке.

Протянула руку. Чуть помешкав, ее пожали холодные белые пальцы.

— Добрый вечер. Простите, я не знаю...

— Называй меня Анна. Можешь леди Анна, если тебе так будет удобней.

— Прошу, — Майя указала на кресло. Сама тоже проследовав за гостьей, устроилась напротив. Пытаясь как-то сгладить молчаливую неловкость, Майя предложила чаю. Хотя в голове крутилась целая куча вопросов, главный из которых: что эта женщина тут делает?

— Нет, благодарю. Я пришла поговорить.

— О чем?

— Я сейчас все объясню, только прошу, выслушайте до конца, если захотите — я сразу же уйду. Вчера вечером вы с моим сыном, герцогом Мэйденстером... — она запнулась, — Дэрреком, кое-что произошло...

— Простите, но меня не касается что-либо связанное с вашим сыном, — это все-таки герцогиня. Неужели недостаточно было поглумиться над ней его руками, нужно еще и ее участие? Майя вскочила с кресла.

— Майя, пожалуйста, всего лишь выслушать, — тон гостьи был спокойный, не требовательный, просящий, но что-то заставило девушку остановиться. Может быть отсутствие высокомерия, к которому она успела привыкнуть, общаясь с людьми, подобными этой женщине? Или то, что в голосе правда слышалась просьба?

Майя посмотрела на женщину, покачала головой, но все же села назад. Проси ее хоть сам дьявол залезть в колет, она, наверное, и тому не смогла бы отказать.

— Я знаю о том, что между вами произошло...

Майя втупилась взглядом в стену. Значит все уже в курсе, о том, до чего она опустилась. С жестокой иронией девушка подумала, что нужно отыскать одну из прошлых любовниц его светлости и узнать, что же бывает после. После того, как тебя отбросили, как ненужную вещь и посвятили весь мир в то, что ты этой самой вещью была.

— Я вас не осуждаю, не нужно стыдиться.

Майя посмотрела на герцогиню, выражая недоверие ее словам. Если не этого стыдиться, то чего же тогда? На незаданный вопрос женщина ответила, даже чуть улыбнувшись:

— Я хорошо знаю своего сына, если он пожелал заполучить что-то, никто в мире его не остановит. Такая уж у него натура. Это касается всего, и женщин в том числе.

— Неужели вы хотели помочь мне справиться с угрызениями совести? — девушка пока что не понимала, к чему ведется весь этот разговор, хотя одна догадка у нее была — они, наверное, все еще боялись, что она попытается устроить скандал.

— Не только, но, надеюсь, в этом я тоже смогу помочь, — за те несколько минут, что Анна провела в обществе девочки, она поняла, что этот ребенок располагает к себе. Не потому, что прилагает к этому усилий. Услышав, о чем они собираются говорить, Майя даже ни разу не улыбнулась, но все же подкупала своей искренностью и наивностью. — Он совершил ужасную ошибку, я не собираюсь его оправдывать.

Не желая погружаться в воспоминания еще раз, Майя попыталась опередить ее предложение, закрыть тему раз и навсегда и вернуться к жизни, которую уж вряд ли когда-то придется назвать спокойной.

— Я не собираюсь устраивать скандалов, претендовать ни на возмещение, ни, тем более, на абсурдный брак, чтобы не упасть в глазах общественности. Мне совершенно все равно, будут ли судачить о моей персоне, как о странной прихоти его светлости. Если он

желает этого избежать — можете быть уверены, я угрозы не представляю, от меня никто ничего не узнает, — хотя бы потому, что подобного удара по собственным родителям не перенесла бы уже она.

— Майя, вы все неправильно поняли, — герцогиня взяла в свои теплые ладони ее ледяную руку. — Его не волнуют сплетни, возникни они, задача бы значительно упростилась, — что может быть легче, чем устройство воссоединения оскандалившейся пары? — Я пришла сказать совсем о другом, — она выдержала паузу, раздумывая, как бы сообщить то, что хотела, не ошарашив при этом, но не придумав ничего, сказала как есть. — Он любит вас.

Майя чувствовала себя человеком, который стоит лицом к картине и на ней изображен квадрат, она его отчетливо видела, каждую линию, каждый угол, его цвет, была уверена, что перед тобой квадрат. А человек, стоящий спиной к картине, будто пытался доказать ей, что перед ней круг, он совершенно уверен, что круг, описывает как этот круг выглядит. Вот только Майя продолжала видеть квадрат.

Девушка рассмеялась, только не от радости, от абсурдности происходящего.

— Почему ты смеешься? — ее светлость же, казалось, совершенно растерялась.

— Простите, но с чего вы взяли? — Майе даже пришлось вытереть слезы, выступившие на глазах, от смеха. — Я еще поверю, что его светлость почувствовал муки совести, хотя вряд ли муки, скорее укол, узнав, что... Как бы выразиться, был однажды слишком груб, не имея для этого оснований. Я поверю, что вы взяли на себя ответственность за сына, чтобы извиниться передо мной за этот маленький инцидент, — мысленно она добавила, что он был настолько маленьким, что не давал ей спать ночами и дышать днями, — несомненно, приму ваши извинения, ведь даже не будь их, я в них не нуждалась бы, слишком мелка провинность его светлости. Но, простите, то, что вы сказали, — повторять фразу Майя не хотела сознательно, боясь, что прилипнет к ее мыслям, — это абсурд.

— Он сделал тебе больно...

— Нисколько. — Майя не собиралась открывать душу ни перед кем, а тем более той, кто потом поедет и доложит его светлости, как настроена «небольшая оплошность», или как еще обычно называют подобных ей?

— Очень больно...

— Простите, я не вижу смысла продолжать наш разговор, — Майя встала, направляясь к двери. Осознавая, что то, что она делает — ужасно, почти выгоняет из дома женщину, годящуюся ей в матери да еще и выше по статусу.

Герцогиня тоже встала, прошла к открытой двери, вот только вместо того, чтобы покинуть комнату, закрыла ее.

— Я уйду, но сначала расскажу одну историю.

Майя не возражала, но и желанием слушать не горела.

— В шестнадцать я уже знала, как сложится моя судьба, у меня был жених, тогда я была уверена — любимый. Родители неустанно убеждающие, что так оно и есть и ждет нас впереди лишь счастье, и я верила. Но однажды, в военное время, в наше имение приехал погостить знатный гость, сын герцога. До моей свадьбы оставался какой-то месяц, я летала над землей, мечтая о грядущем событии и примеряя платье. О том, что в доме кто-то гостит, я вспоминала, лишь встречая незнакомца в коридорах или столовой. Что я о нем думала? А ровным счетом ничего. Разве могу я думать о мужчинах, когда за поворотом меня ждет суженый, обещающий дарить нежные прикосновения и целомудренные поцелуи? Так было

ровно до того момента, как все не перевернулось с ног на голову. Однажды отец вызвал меня к себе, сообщая, что наши планы слегка меняются. Неужели свадьбу опять придется перенести? Нет. Свадьба произойдет по расписанию. Изменится жених. Незнакомец, который раньше не занимал в моих мыслях места больше, чем шторы в гостиной, вдруг стал самым ненавистным врагом, считающим, что имеет право распоряжаться моей судьбой. Вылетев из кабинета отца, я пошла на поиски жениха, который любил, которого любила. Вот только застала я его собирающим вещи. Для меня не составило труда спланировать наш побег, тайную свадьбу, жизнь затворников, зато в любви и согласии. Но вот только он, тот, который клялся в вечной преданности, сказал, что мы должны покориться. Вот так просто, только потому, что кто-то что-то решил, мы должны покориться. Но если сдался он, это не значит, что сдалась я. Именно это я и заявила новоявленному жениху, который, как оказалось, не просто предмет мебели, а в сущности, человек, который, как оказалось, решает мою судьбу. Первым, что я сказала ему, было предупреждение, что я никогда его не полюблю, что решишь он на брак, его жизнь превратится в ад. В ответ он лишь сказал, что его ад станет моим раем. Странное утверждение, но вспоминая сейчас тот разговор, у меня по спине идут мурашки. Это был герцог Мэйденстер, отец Дэррека. Я ненавидела его таким как себе представляла. Властным, пожелавшим заполучить себе игрушку в моем лице и искалечившим мне при этом жизнь. Вот так просто. Потому, что он так пожелал. На протяжении оставшегося до свадьбы времени я делала все, чтобы он пожалел о своем решении. Чтоб пожалел до того, как станет поздно. Но день свадьбы настал. Под пристальным взглядом отца я ответила ненавистному человеку «да», но не сдалась. Продолжала изо дня в день доказывать ему, что он совершил огромную ошибку. Впервые он сказал мне, что любит после свадьбы, перенеся через порог нашей спальни. А знаешь, что сделала я? Рассмеялась, как ты сейчас, просто потому, что не поверила. Он не стал меня переубеждать, пытаться заставить принять его слова так, как положено, просто перестал их произносить. Больше ни разу в жизни я не слышала от него этих слов, даже тогда, когда осознала, что его ад все-таки стал моим раем, когда сама призналась в любви, получила в ответ лишь улыбку. Мне было чертовски обидно, до слез. Но я вспомнила, как когда-то отреагировала сама и поняла, что это не самая жестокая месть с его стороны. Ты не представляешь, сколько лет я ждала, чтобы он повторил свое признание. Больше двадцати. Мы двадцать лет жили, зная, что любим, но никогда не говоря. Во второй раз он признался перед смертью, уезжая охотиться, и знаешь что? Я ненавижу эти слова и не хочу, чтобы ты повторила мою ошибку. Когда Дэррек придет к тебе, когда перестанет ненавидеть себя так, как ненавидит сейчас, не совершай ошибки. Отбрось гордыню и свой страх. Он похож на отца как две капли. Если в первый раз все разрушил он, во второй разрушить можешь ты. Поверь, то счастье, которое ты можешь испытать, несравнимо с горем, которое познала. Как бы сложно ни было снова поверить, попытайся. Не веришь словам — слушай сердце.

— Зачем вы говорите это мне? — женщина явно переоценила ее роль в жизни своего сына.

— Поверь, жить без любви слишком сложно, даже тогда, когда тот, кого любишь, уже не ходит по земле. А когда он живет, дышит, заводит семью и детей — это просто невыносимо. Я не желаю такой участи ни тебе, ни своему сыну. Помни, выбор за тобой, но рассмейся ты ему в лицо, мои двадцать лет без слов любви будут сказкой по сравнению с твоими годами наедине с собой или с другим мужчиной. Не бойся, у тебя есть достаточно времени для размышлений.

Проведя по белой как мел щеке, герцогиня вышла из комнаты. Впервые она делилась историей своего счастья и горя с посторонним человеком, с человеком вообще. Никто не знал того, что она рассказала девочке. А сделала она это потому, что слишком та была похожа на нее тридцать пять лет тому, а в том, что Дэррек снова появится в ее жизни, она не сомневалась, даже больше — собиралась сама приложить к этому все усилия.

После ухода ее светлости Майя еще долго стояла на том же месте, пытаясь понять, что же это было. Хотя сама герцогиня вызывала если не желание верить, то хотя бы доверять, но сами ее слова звучали для Майи абсурдно. Возможно, она просто была не готова это слышать, но будет ли она готова хоть когда-то?

Родители с Соней вернулись поздним вечером. Вышедшая им навстречу Майя моментально утонула в потоке хлынувшей на нее информации. Помолвка состоялась, для родителей жениха это стало настоящей новостью, хотя и очень приятной. Они познакомились со своими будущими родственниками поближе, и это очень милые люди. Конечно, отец был знаком с ними и раньше, но и понятия не имел, что когда-то все сложится таким образом. Начиная с завтрашнего дня им с мамой придется каждый день встречаться с графиней Винсент, чтобы уладить все вопросы, а потом продолжить планировать уже дома.

— Майя, это всего лишь две недели. А потом мы вернемся домой все вместе. Ты не против? — таким просящим взглядом на нее взирали и мама и сестра, что отказать было бы преступлением.

— Конечно, нет, ведь вам нужна будет помощь.

Получив положительный ответ, они продолжили щебетать о том, сколько же всего предстоит сделать. Где будет проходить свадьба? Соня хотела бы, чтобы у них дома. Она мечтала об этом с детства, если Витор не будет настаивать на другом, это было бы замечательно. Платье, они будут выбирать уже дома. Сейчас им нужно составить список гостей. И дата. Нужно определиться с датой. Скорее всего, это будет последняя суббота октября. Тянуть до снега нельзя, а времени для подготовки осталось так мало.

К наблюдавшей за этой активной деятельностью Майе подошел папа, обнял за талию.

— Майя, приходили посетители? — ему доложил о приезде герцогини дворецкий, сказать, что он удивился — не сказать ничего.

— Да, — Майя улыбнулась отцу. — Приезжала герцогиня Мэйденстер. Когда мы с Соней гостили у герцога, я рисовала его портрет. Герцогине он понравился, она спросила, не могу ли я сделать такой и для нее, — еще одна ложь, которых будет сотня.

— И что ты ответила?

— Я сказала, что, к сожалению, сейчас не рисую.

— Почему? — граф чуть наклонил голову, чтобы лучше видеть лицо дочери. Он действительно больше не видел ее с карандашом в руках, и если раньше списывал это на то, что ей добавилось забот с объездом территорий, то теперь у него зародилось сомненья.

— Переросла детскую забаву, да и только, — это была уже почти правда. Каждый раз, когда Майя брала в руки карандаш, на бумаге почему-то норовило появиться одно и то же лицо, а избежать этого она могла лишь перестав рисовать вообще.

Покинув дом графа, Анна вновь отправилась реализовать задуманное. Управляющий делами семьи ждал ее в своей конторе.

— Анна... — он взял в свои руки протянутую ладонь, поцеловал. Долгие годы они с ее мужем были скорее друзьями, чем наемным работником и работодателем. Сейчас, когда он был уже глубоко стар, передав все дела сыну, лишь изредка и лишь для нее лично брался за некоторые поручения.

— Освальд. Я хотела попросить тебя об одолжении.

Они устроились на диване, расплывающийся в улыбке помощник старого Освальда подал им чай в нежных фарфоровых чашечках и удалился.

— Любой каприз, девочка, — странно, но даже по прошествии тридцати пяти лет знакомства, она оставалась для него той юной девушкой, которую когда-то с ним познакомил покойный ныне муж Анны.

— Я хочу купить особняк.

— Ты хочешь, чтобы я подобрал подходящий вариант? — он собрался вставать, чтобы взять из ящика хранящиеся там газетные вырезки, сообщающие о предстоящих аукционах.

— Нет, — она придержала его за руку, не давая подняться. — Я знаю, какой конкретно дом я хочу. Тебе только нужно оформить все это поскорей и отправить туда кого-то, чтобы навели порядок. Крайний срок — три недели. В средствах ты не ограничен.

— К чему такая спешка, Анна? — обычно рассудительная герцогиня, сейчас, казалось, утратила всякое терпение и поступала как сумасбродная девица, желающая получить что-то любой ценой.

— Я просто очень хочу внуков, Освальд, — она рассмеялась сама, а потом к ее смеху присоединился и седовласый друг, даже не зная еще, что же задумала упрямица.

Дэррек узнал адрес их городского дома еще раньше матери. Знал и то, что в этот самый момент там она была одна, так как на другом конце столицы ее сестра с другом сообщали о предстоящей помолвке. Но вместо того, чтобы сорваться туда, он сидел у себя в кабинете.

Он боялся, что попадись сейчас ей на глаза, испортит все еще больше. Хотя куда уж больше? У него было достаточно времени, чтоб все обдумать и принять решение. Мама права, он не может ее упустить. Слишком явно теперь понимает, как сильно любит и как сильно виноват. Но вот с чего начать — Дэррек не знал. Явись он сегодня к ней на порог, какой реакции стоит ждать? Какие слова говорить? Та ракушка, в которую она закрывалась когда-то, всего лишь яичная скорлупа, по сравнению с бетонной стеной, которая стоит между ними теперь.

Утром он заезжал к Дамиану, чтобы просить прощения у него. Перед другом он был виноват. Вот только если тот сначала послал его куда подальше, а потом сказал, что скучал. То с Майей все не получится так просто. Слишком глубоко он всадил занозу в сердце, которое только открылось для любви. Не таясь, он рассказал другу все, что мог. И хоть делал это скорее, чтобы в сотый раз понять, насколько он был ничтожен, неожиданно получил от друга заверения, что он попытается помочь.

— В чем?

— Вернуть все на свои места. Тебе давно пора было жениться, но, видимо, она долго росла. Главное, не подпускай к ней Розу.

Дамиан был как всегда прав. Зная свою любовницу, меньше всего Дэррек хотел, чтобы

она оказалась на опасном расстоянии от Майи. В этот раз не было ни слез, ни истерик, ни заверений в вечной любви. Она, видимо, просто не поверила, что больше действительно никогда ничего не будет.

— Что на этот раз?

— То же, что было вчера, неделю назад, месяц, год. Я не дам тебе того, что хочешь ты, а ты не дашь нужного мне.

— И что же тебе нужно? — смотрящая до этого в зеркало Роза повернула голову к мужчине, сохраняя все то же равнодушное выражение. — Точнее кто? Подожди, не отвечай, я попробую угадать, — она сделала вид, что усиленно думает. — Как же ее... совсем вылетело из головы, — почесала кончик носа, пытаясь вспомнить. — Вот! Голубка? — из ее уст это прозвучало будто оскорбление.

— Не твое дело, — она знала его достаточно хорошо, чтобы понимать, что тему лучше не развивать. Она не собирается бросаться в ноги, умолять о том, чтобы он передумал. В этом не было смысла, и на него это не подействовало бы. Но и ждать сложа руки, она не собиралась. Благо, у Розы были свои каналы, через которые она могла и разузнать что нужно, и сделать так, чтобы отвадить от него другую хищницу. Потому спокойно отпустила. Вроде бы как отпустила...

Оставив женщину наедине со своими мыслями, Дэррек вернулся домой. Удерживая себя от желания развернуть экипаж в сторону поместья Дивьеров.

Сегодня у герцогини выдался удачный день. Брокеру не доставило особых сложностей узнать, есть ли неподалеку от фамильного имения Дивьер выставленный на продажу дом. Такой имелся. И вот уже несколько месяцев ждал нового хозяина. Отправив вместе с Освальдом телеграмму владельцам, которые по не менее счастливой случайности квартировались в столице, она была уверена, что получит ответ как можно скорее. Так и случилось. Двумя часами позже бывший владелец появился у них на пороге, чтобы торжественно ударить по рукам, благодаря за щедрую цену. Единственный минус — два месяца дом стоял диким, без любого ухода, так что теперь следовало потратить время на его восстановление.

— Сынок, мы должны поговорить, — она вошла в кабинет, продолжавший хранить скорее отцовский след, чем след сына. Он бывал тут не так часто, предпочитая проводить время в разъездах, чем останавливаться на одном месте. Типичное холостяцкое поведение, когда ты не привязан ни к людям, ни к дому. Хотя было и место, которое больше других заслуживало называться домом. Особняк, который он покинул через неделю после отбытия гостей.

— О чем? — Анна с облегчением отметила, что выглядит он уже намного лучше, чем вчера ночью, когда ей даже казалось, что из той пучины ужаса его вытащить не удастся.

— Я купила новое имение. Мне нужно, чтобы ты занялся ним.

Дэррек усмехнулся. Более оригинального способа отвлечь его от грустных мыслей мама придумать не могла.

— Ты думаешь, сейчас это уместно? — он не собирался этим заниматься, благо, у него есть много тех, кому можно поручить подобные глупости.

— Это уместно лишь сейчас, — твердый, упрямый тон, который так часто копировала Мэгги, демонстрируя, что от желаемого не отступит.

— Хорошо, — Дэррек капитулировал. — Что это за поместье? Когда ты там была? Что там за производство? Чем я должен заняться.

— Понятия не имею, — Анна расплылась в улыбке, увидев, как забавно вытянулось лицо сына.

— И как прикажешь это понимать? — он растерялся.

— Очень просто, сынок. Я была сегодня у Дивьеров, говорила с Майей...

— При чем здесь Майя? — он был потрясен еще больше. Его мама, герцогиня-затворница, отправилась на встречу с ней, в то время как он на это так и не осмелился.

— При том. Не перебивай меня, тогда все поймешь, — дождавшись, пока сын кивнет, она продолжила. — Я видела Майю. Она очень светлая девушка, и ты поступил как последний подонок. Жаль, что отца уже нет в живых, и он не сможет поддать тебе за это хорошенько. Но надеюсь, собственная совесть тебя уже достаточно наказала. Но я не об этом. Ее обида сейчас слишком велика, она не подпустит тебя даже на десять метров. А если попытаешься подойти — просто напросто еще раз докажешь ей, что она не зря считает тебя самодуром, которого интересуют только его желания. Но... ты уверен, что хорошо меня слышишь?

Она дождалась еще одного кивка, в темных глазах снова плескалось отчаянье вперемешку с надеждой. И она не собиралась его подводить.

— Любить она тебя не перестала.

— Она это сказала? — если это так, неужели судьба и правда дает им еще один шанс?

— Нет. Скажи она это, я бы засомневалась в ее искренности. Но я знаю, что любит. И знаю, что когда-то простит. Но ты не можешь допустить, чтобы она простила лишь из-за того, что время лечит. Ты сам должен излечить ее от оставленных тобой же ран. Вернуть доверие, вымолить прощение, разбить страхи и отчаянье. А теперь о доме. Тебе придется поехать туда уже завтра. Работы предстоят немалые. А так, как я хочу побывать там не позже, чем через несколько месяцев, ты должен ими заняться.

— Но ты ведь только что сказала, что... — Анна закатила глаза. Неужели любовь действительно делает людей глупцами? Если да, она желает сына побольше глупости.

— Я ведь просила — не перебивай. Так вот, ты займешься домом. Я купила его потому, что в этой герцогстве открываются отличные виды, ты таких точно не видел, и я тоже. А еще там живут замечательные люди. По соседству семья графа, у которого две замечательные дочки. С одной я знакома лично, думаю, вторая ничем не уступает своей старшей сестре. Как же их зовут? Ях, дай памяти. Вспомнила, Майя и Соня.

Он считал, что удивить его уже невозможно, столько он видел всего в жизни. Но маме удалось. Не то, что удивить, а просто ошарашить. Впервые за долгие годы она взяла бразды правления в свои руки и сделала все настолько лучше, чем сделал бы он сам, что впору посыпать голову пеплом.

— Мама, но как? Зачем?

— Ей нужно время без тебя. Пока она здесь, пусть насладится этим покоем. Если ты останешься, только все испортишь. Но уже там ты получишь намного больше шансов попытаться все исправить. Вместо слов ты должен доказывать ото дня в день, что больше никогда ты не сделаешь ей больно.

Столько мыслей сразу пронесли одна за другой. Что это глупость, единственный шанс, лучший выход, худшее решение. И так по кругу, до бесконечности. Но, черт возьми, лучше он бы не придумал. То, что сам Дэррек считал концом, может стать началом. И вести себя нужно так, как в начале. У них все было неправильно, теперь есть шанс исправить это.

Глава 26

Один день неожиданно стал двумя неделями. Но совсем не такими ужасными, как Майя думала с самого начала. Времени грустить или впадать в тяжелые раздумья просто не было. Оказалось, мама Витора ждала этого события еще больше, чем их собственная. Теперь она появлялась у них в доме ранним утром и уезжала только после заката. Конечно, в тому случае, если они проводили весь день не у самих Винсентов, или за выбором цветов, сервизов, шляпок и прочей неперменной атрибутики.

Сегодня они тоже были у в столичном доме Дивьеров. Соня с мамами занималась «сортировкой гостей». Так сама Соня назвала процесс выбора, кто за каким столом с кем будет сидеть. Конечно, это был еще далеко не окончательный вариант, так как параллельно продолжали изготавляться приглашения, которые еще предстояло отправить и на которые нужно было получить ответ, но женщины требовали деятельности, а значит, легче было согласиться, чем перечить.

Больше всех в сложившейся ситуации пострадал Витор. Он приехал, в надежде провести хотя бы несколько часов наедине со своей будущей женой, а вместе этого, был изгнан собственной матерью из комнаты.

— Не отвлекай Соню, еще успеешь налюбоваться.

Он уже не сильно верил тому, что когда-то наступит и его черед любоваться, но все же послушно вышел. Развлекать себя ему предстояло самостоятельно. Правда унывал он лишь до того момента, как увидел сидевшую на веранде Майю. Девушка, как всегда, держала в руках книгу.

— Леди Майя, — она не заметила, как мужчина вошел, слишком была погружена в увлекательный сюжет. — Я не помешал?

Девушка улыбнулась. Будто он мог помешать.

— Витор! — Майя отложила чтиво, подошла к другу, а вскоре и родственнику, крепко обняла. — Я не знала, что вы тут!

— Я приехал повидаться с Соней, но, видимо, до свадьбы мне это сделать не суждено, — он тоже сжал хрупкую девушку в чуть неуклюжих объятьях, удивленный тем, что она, оказывается, умеет так открыто выражать свои эмоции.

— Терпите, осталось не так и много времени. Кроме того, ведь вы приедете к нам домой совсем скоро. И там уже некому будет отвлекать ваше внимание от будущей жены.

Меньше, чем через неделю, им предстояла дорога домой. Всю оставшуюся работу по устройству брала на себя леди Винсент, а им остался выбор платья и прочие мелочи, для которых присутствие невесты обязательно. Конечно, они могли задержаться в городе и на все оставшееся до свадьбы время, но тогда отцу пришлось бы возвращаться одному: дела не ждут. Кроме того, Соня прекрасно понимала, что совсем скоро покидает отчий дом, и те дни, которые остались, она хотела провести именно в нем.

Сам Витор же не видел смысла просиживать штаны тут, когда они отправятся домой. Дела обещал взять на себя отец и старший брат, а значит, можно было позволить себе такую роскошь — провести оставшееся время среди людей, которые скоро официально станут твоей семьей.

— Да. Приеду. И надеюсь, что невеста к тому времени не впадет в полнейшее отчаянье. Она так умоляюще смотрела, когда мама выдворяла меня из комнаты, — он тяжело вздохнул, а Майя весело рассмеялась, живо представив эту картину.

За ее смех он смог простить все, даже навязанную разлуку с любимой.

— Я хотела поблагодарить вас за то, что вступились за меня тогда, — улыбку сменило спокойное выражение лица. Так и не скажешь, что совсем недавно она заходила рыданиями, уткнувшись в его жилетку. — Мне очень жаль, что вам так досталось...

— Это даже приятно... — он пошевелил челюстью, пробуя, помнит ли она тяжесть врезавшегося кулака.

Майя слабо улыбнулась.

— Не волнуйтесь, я бы с превеликим удовольствием повторил тот опыт, только уж теперь без вмешательства Дамиана.

— Не стоит. — Майя тряхнула головой, отбрасывая ненужные мысли. — Оно того не стоит, — и вновь посмотрела на собеседника ясными, но в последнее время, как всегда, бледно-голубыми глазами.

— Он уехал. — Витор узнал о том, что его светлость покинул город от Дамиана. Он даже не спрашивал, просто, видимо, друг герцога понимал, что только через него сможет передать эту весточку ей. И Витор исполнил это поручение.

— Это меня не касается, — если первые пару дней она еще боялась, что встретит Дэррека, то теперь все изменилось. У страха есть срок, ей просто надоело бояться.

Майя понятия не имела, куда он уехал, наверняка домой. Ведь когда-то говорил, что в этом сезоне дебютирует младшая сестра, та самая Мэган, и что он собирается сопровождать ее только на открытии. А может и не домой, но это и не важно. С Мэган они виделись несколько раз, она была в обществе своей старшей сестры. Женщины, скорее ровесницы ее мамы, может чуть моложе, строгой внешне и с очень колючим взглядом. Майя не хотела бы остаться с ней в одной комнате наедине. Ведь может и полоснуть взглядом до крови.

— Я надеюсь, он тут не появлялся? — Витор внимательней посмотрел в задумчивое лицо Майи.

— Нет, — она же перевела взгляд на стоящие в вазе цветы. Их принесли на следующий день после визита герцогини. Странно, прошло много времени, а они даже не подвяли.

Когда в дверь позвонили, Майя как раз проходила мимо. Решив не дожидаться, пока кто-то из слуг успеет добежать, сама открыла дверь. Бедного посыльного не было видно за огромной охапкой цветов, которую он держал в руках.

В последнее время все чаще на их адрес приходили букеты и поздравления, от тех, до кого доходили слухи о предстоящей свадьбе. Это наверняка был такой же знак внимания. Закрыв за собой дверь, Майя отправилась с приятной ношей на веранду, искать подходящую вазу. Белые пионы, она их любит. Вот только их не найти в такое время, в пору роз. Еще до того, как поставить букет в вазу, ей на глаза попала спрятанная под белыми головками записка. Вместо имени на обороте было указано «леди Дивьер», значит, букет мог предназначаться и Соне, и маме. Не удержавшись, Майя открыла маленькую открытку. Что там написано, она узнать не успела. До боли знакомый почерк.

Первым желанием было выбросить цветы куда подальше — ей не нужно было ничего от него, и Соне тоже не нужно, если герцог таким образом поздравляет ее с помолвкой. Лицемер! Ведь сестра даже не знает, как он воспользовался ее чувствами, и как она сама ему это простила. Свою вину в этом Майе казалось, она будет испытывать вечно.

Но расправиться с ни в чем неповинными цветами девушка не успела, в комнату вошла мама.

— Какие красивые... От кого? — графиня остановилась в дверях, любуясь удивительным букетом.

— Не знаю, без записки, — Майя сжала бумажку в кулаке, а как только мама отвлеклась — бросила в горящий камин. Чтобы не было соблазна прочитать.

— Твои любимые, — мама подошла к дочке, опустила лицом в букет, пробуя их запах.

— Нет. Эти мне не нравятся, — Майя вручила растерянной маме букет, вышла из комнаты.

— Ты отвлеклась... — Витор вернул ее из воспоминаний в реальный мир.

— Да, прости, — она попыталась вспомнить вопрос, который он ей задал. — Нет, не появлялся. И не появится.

— Будем надеяться. Соне я сказал, что заступился за одну юную особу. Не хотел врать, — он не уточнял, кто эта особа, не уточнял, почему за нее заступился, лишь сказал, что так нужно было и, знай Соня всю правду, сама поступила бы так же. Его юной, но уже такой мудрой невесте большего не требовалось. Она умела уважать чужие секреты и никогда не навязывалась в их хранители.

— Хорошо, спасибо. Завтра я встречаюсь с графом Ланским, — записка от него пришла тоже не так давно, зачем ему эта встреча, особенно после того, как он узнал всю правду о ней, Майя не знала, но почему-то согласилась.

— Чего он хочет? — Витор насторожился. Он знал, что перед отъездом они с Дэрреком помирились, значит, доверять Дамиану безоговорочно не стоило.

— Понятия не имею. Завтра узнаем, — Майя улыбнулась, пытаюсь подбодрить его, а главное — саму себя.

Дамиан ждал ее в парке, сначала Майя боялась, что не найдет его там, слишком сложным показалось объяснение места их встречи. Но как выяснилось, столетний дуб у главного входа лишь один, а знакомый мужчина уже стоял у него, опершись о трость цвета слоновой кости.

— Добрый день. — Дамиан поцеловал ее руку.

— Простите, что заставила ждать.

— Я прибыл рано, вы очень пунктуальны, — взяв Майю под локоть, он выбрал направление маршрута. Утром прошел дождь, оставив капельки влаги на траве и деревьях. Было достаточно свежо, воздух пах осенью. Время перемен. Смены лета на зиму, Майе сложно было представить, как все изменится еще до того, как землю укроет снегом.

— Я слышал о помолвке, могу вас поздравить? — странно, вроде бы его план начал осуществляться, хоть и совсем не так как он планировал, а Дамиан не испытывает то, на что рассчитывал. Участвовать в чужой судьбе оказывается не так просто. Даже не так, участие в чужой судьбе, как оказалось, накладывает ответственность, если вдруг что-то пошло не так. Например, как это произошло с ней.

— Можете поздравить Витора и Соню. Хотя я за них тоже, несомненно, рада. Они заслуживают счастья.

— Да, — и они, и Майя, и, возможно, даже он сам заслуживали счастья. — Какие у вас

планы? — чтобы не углубляться в подобные мысли, Дамиан решил сменить тему.

— Я еще не знаю, — Майя потянула двумя пальцами уже почти полностью пожелтевший листочек, когда тот оторвался от кроны, пару покрыли мелкие капельки холодной влаги. — Сначала заняться устройством свадьбы сестры, а уж потом что-то решать.

— Он вас любит, — от неожиданности девушка даже остановилась.

— Почему я слышу это уже от второго человека, и ни капельки при этом не верю?

— Потому что не хотите верить, — Дамиан даже не подозревал, насколько он близок к правде.

— Да, в этом вы правы. Не хочу.

Дальше они ни словом не затронули эту тему, но именно эти несколько слов остались в памяти девушки.

Хоть уезжая, друг и не просил его о подобном, Дамиан хотел, чтоб она это знала. Чувствовал свою вину и хотел хотя бы так ее испугать.

Между бесконечными приготовлениями и поездками, вереницей новых знакомств, просмотров и примерок, один раз им удалось выбраться в театр. На премьеру.

Почему-то у Майи вылетело из головы, что Роза Смитт, кроме того, что пассия его светлости, еще и ведущая актриса театра. И лишь увидев программку, где значилось ее имя, девушка об этом вспомнила.

Они сели в ложу, Соня с Витором любовались скорей друг другом, чем смотрели на сцену. А вот Майю вправду интересовало действие. Но она высматривала одно единственное лицо... Красива — не то слово. Величественна, прекрасна, грациозна. Видя ее, перевести взгляд на кого-то другого уже невозможно. Невольно сравнивая себя и ее, Майя понимала, что безоговорочно проигрывает. А еще Роза казалась ей непременно сильной женщиной, не позволяющая литься слезам по каждому поводу. Но даже когда она это делает, это наверняка выглядит не жалко, как обычно у самой Майи, а красиво. Почему ей казалось так? Просто потому, что она не представляла, как иначе женщина смогла бы так долго быть с ним. С тем, кто до сих пор заставлял сердце Майи сжиматься от страха, боли, тоски и... Нет. Никаких и.

Правда она не знала, что имей актриса хоть малейшее представление, кто такая Майя, ее мысли были бы далеки от мирных размышлений девушки.

За день до той премьеры Роза Смитт имела очень занимательную встречу с дочерью магната Хэпперна, Кэрри. Об этой забавной девчушке она вспомнила не случайно, еще на открытии кудряшка появлялась тут и там, сыпля всевозможными сплетнями и несуразицами, а узнав, что этот кладезь гостил у Дэррека целых два месяца, у Розы не осталось сомнений, что нужной информацией она располагает.

Мисс Смитт не таилась под замысловатыми историями, почему вдруг ее заинтересовало, уделял ли кому-то особое внимание его светлость. Очевидно, для чего ей может быть нужна эта информация. И она даже готова была пойти на жертву, ведь милая девочка Кэрри непременно растрезвонит о ее интересе во все стороны. Но игра стоила свет.

— Вы что же, не слышали еще эту историю?

— Какую?

— О его светлости и Соне Дивьер? Конечно, интрижкой это назвать можно только с натяжкой, в отличие от ее нынешнего жениха, который всю забавлялся с ее старшей сестрой, его светлость был сама сдержанность. Я, конечно, лично не видела, но из надежных

источников знаю, что как-то их застали целующимися в беседке. Хотя знаете, там, похоже, не так все просто, ведь Соня теперь невеста. Кто бы мог подумать? Потерять расположение герцога и сразу же найти утешение с любовником сестры, вот какие сюжеты встречаются в жизни, не то, что театр... — больше продолжающийся щебет собеседницы Розу не интересовал. Она узнала имя той, которую Дэррек звал однажды во сне, ту самую голубку. Теперь дело за малым — сделать так, чтоб эта женщина больше не становилась у нее на пути.

Уже в последний день перед отъездом Майя совершила еще одно путешествие, оставшееся в памяти надолго. Папа предложил ей съездить в Университет. Девушка сильно удивилась, вспоминая с каким «энтузиазмом» он обычно затрагивал тему будущего обучения. Но видимо, решил, что увидь она все воочию, ее пыл поубавится.

Территория Университета была огромна. Наверное, как имение Мэйденстера, только находящееся не в отдаленном от города поле, а в самом сердце столицы. Высокие величественные здания окружали внутренний двор. Именно туда они и попали. Почему-то в сами корпуса не пошли. Как отец и думал, зрелище Майю впечатлило, только от мечты отказаться не заставило.

По парку ходили группками молодые люди. Иногда младше Майи, иногда — ее ровесники и даже старшие. Они держали в руках целые талмуды. Некоторые сидели с этими талмудами прямо на траве, облокотившись о деревья. Всюду разносился смех, возгласы, споры, игры. Среди молодых людей можно было увидеть и девушек. Несомненно, намного меньше. Майя узрела лишь одну группку и несколько одиноко прогуливающихся барышень. Но это даже больше, чем она себе представляла.

Компания девушек сидела на двух лавочках, повернутых друг к другу, одна из девушек держала в руках книгу и периодически цитировала что-то оттуда, перелистывая страницы. Остальные же заливались смехом, словно та читала не научный труд, а сборник шуток. Одна девушка, увидев, что Майя внимательно за ними наблюдает, даже помахала ей рукой. А потом рассмеялась еще громче.

Конечно, Майя не тешила себя надеждами, что ей удастся найти верных и преданных подруг даже среди этих девушек, ведь, в конце концов, они могут ее не принять, это их право. Но царящая тут атмосфера заставляла забыть все тревоги и броситься как в омут с головой в эту жизнь. Не существование, а именно жизнь.

— Ну что, не передумала? — папа, отходивший, чтобы поздороваться с одним из преподавателей, вернулся к дочке.

— Впереди еще много времени. Я решу после свадьбы Сони, — когда сестра уедет, придет время искать новый смысл жить. Что им станет — тернистый путь учебы или вечная ложь под названием семья с генералом, этот выбор еще предстоит.

— Ну что ж, подождем. Если хочешь, можем пройти в библиотеку, — Майя вскочила как ошпаренная. Что может быть лучше университетского собрания книг? Совсем скоро она попадет в свой личный рай.

Глава 27

Две недели — это совсем не много. Когда утром их приехали провожать Витор с миссис Винсент, мама прощалась с ней, как с самой настоящей подругой, причем не на месяц с небольшим, а минимум — на несколько лет. Витор отвел невесту в сторону, чтобы еще раз напомнить, что любит и совсем скоро приедет вслед за ней. Майя с отцом только наблюдали за этим всем и не могли никак решить, какая же из пар будет скучать друг без друга больше.

Теперь, когда приглашения были разосланы, можно было вплотную заняться рассаживанием гостей, тем более что в случае отказа, обратным адресом было указано их именина. Хотя бы это графиня Дивьер решила взять на себя, чтобы слегка облегчить ношу подготовки своей драгоценной свахе.

Майя возвращалась домой с большими надеждами. Теперь уже и она считала дни до предстоящего торжества, ведь после свадьбы должна была измениться жизнь не только Сони, но и ее самой.

— Я уже скучаю, — как только они оказались дома, мама отправилась отдыхать. Как бы она ни отрицала, слишком тяжелыми для нее были все эти переезды и подготовки. Папа слушал отчет о том, как дела в имении. А Соня с Майей занялись распаковкой вещей, которых было очень много. Уезжали они со скромными сундуками, а вернулись с целой кучей подарков и совершенно необходимых для невесты вещей. Тоже старания мамы и миссис Винсент.

— Он ведь приедет через несколько дней. Кроме того, и после свадьбы вам придется иногда разлучаться. У него будут свои дела, а ты захочешь посмотреть на нашего братика или сестричку.

— Захочу. Но только Витор поедет со мной. Он пообещал, что это наше последнее расставание. Пусть держит слово, — Соня приложила к себе одно из новых платьев, демонстрируя его сестре. — Или еще лучше, вы приедете к нам.

— Тебе очень идет. Вряд ли мама с малышом смогут скоро разъезжать по гостям. Она даже сейчас уже часто чувствует себя не так хорошо, как хочет казаться. Так что с гостями придется повременить.

— А ты? Ты приедешь ко мне сразу после свадьбы? — видимо, незаметно для Майи, ее жизненный план, в котором центральное место занимала сестра, стал данностью не только для нее, но и для Сони. Вот только много воды утекло с тех пор, как Майя мечтала об этом.

— Не знаю. Все зависит от того, сложится ли с университетом, — она отправила одну из кружевных рубаш на кровать поверх приличной уже стопки.

— Ты серьезно думаешь об этом? — Соня села на стул, внимательно всматриваясь в сестру. Ей почему-то казалось, что это минутный порыв, что это пройдет, как только на горизонте появится возможность брака и нормальной жизни в нем. Но, видимо, она ошибалась. Конечно, старого, по ее меркам, генерала она в мужья сестре не слишком жаловала, но с другой стороны, когда-то и подумать не могла, что соберется замуж за Витора. Пути господни неисповедимы.

— Да. Я хочу учиться. Такая у меня глупая мечта.

— Она не глупая. — Соня погрустнела. — Она просто очень сложная.

В отличие от утомленных поездкой Сони и мамы, Майя в тот же вечер отправилась исполнять свои прямые обязанности, ставшие любимым делом. Увидев хозяйку, Тень довольно замотал головой, перебирая ногами.

— Ну что, предатель, — она последнее время часто напоминала ему, как он хотел оставить ее наедине с генералом, — готов к прогулке?

Пока конюх пытался его оседлать, конь то и дело мешал бедному, не в состоянии устоять на месте. А как только Майя вывела его на широкую тропу — рванул в галоп. Наверное, кроме людей, покинув отчий дом, Майя будет скучать по этим ощущениям. Полной свободы и упоительного одиночества, не пугающего, а наоборот, очень нужного иногда. Когда ты не ответственен ни перед кем в мире. Есть только ты, твои желания и твои решения, а потом — лишь твоя ответственность. К сожалению, в реальном мире такого не бывает. А вот в чистом поле — да.

Майя почти проскочила соседский дом, когда краем глаза увидела, что в наступившем полумраке на втором этаже горит свет. Когда-то разбитые окна целы и невредимы. А при входе вновь висит красивый разлогий вазон. Подъезжать ближе Майя не стала, ведь ее никто не приглашал, а вот по приезду у отца узнала.

Заведя Тень в конюшню, она поцеловала его в теплую морду, отправилась домой. Майя любила возвращаться в темноте, когда обитатели дома предпочитают не высовываться на улицу, и не провожают ее когда удивленным, а когда и слегка осуждающим взглядом, смотря на заправленные в высокие сапоги штаны и мужского кроя рубаху. Зато так удобно, а в платьях она еще успеет находиться.

— Папа, я увидела, что по соседству кто-то есть. Хозяева вернулись? — отца она застала за чтением.

— Нет, дорогая, это наш новый сосед, — посчитав, что такой ответ должен ее устроить, вновь углубился в чтение.

— Кто? Ты его знаешь?

— Если я все правильно понял, даже ты его знаешь, возможно, лучше меня, — он задумчиво посмотрел в окно.

— Кто же это? — Майе было непонятно, с чего вдруг папа так долго держит интригу.

— Не спеши, Майя. Все свое время. Я пригласил его завтра на обед, узнаем.

Странно, к чему такая загадочность... Девушка пожала плечами, но решила, что если бы он хотел, сказал бы сразу, а ее упорство ни к чему не приведет.

— И пожалуйста, не стоит появляться к столу завтра в этом, — он окинул дочь взглядом с головы до ног. За несколько недель в городе он уже успел забыть о ее новом капризе.

На следующее утро Майя проснулась от холода. До зимы осталось всего два с небольшим месяца. Почему-то даже мысли о предстоящих зимой праздниках не делали ее приход более желанным. Снег был для нее слишком похожим на собственное отражение, такой же холодный, белый и плавающий от огня.

По просьбе отца, прежде чем спускаться к обеду, она надела платье с рукавами три четверти и высоким воротом, чтобы уж точно не замерзнуть. Ее очень радовало, что сегодня им должен был составить компанию только новый загадочный сосед, а генерал их визитом

еще не почтил.

— Можно? — Майя зашла к сестре, они столкнулись на пороге, Соня как раз собиралась взяться за ручку, когда дверь распахнулась. Вслед за испугом наступило какое-то странное безудержное веселье.

— Майя, неужели ты хочешь, чтобы я выходила замуж с седыми волосами на висках? — Соня взяла сестру за руку, продолжая смеяться.

— Прости. Я не хотела пугать.

— Мне сложно представить, что бы со мной было, если бы ты хотела!

Пока девочки спускались в столовую, их фантазия работала над всевозможными последствиями испуга Сони, начиная от навеки выпученных глаз и заканчивая инвалидным креслом. Вот так, покатываясь со смеха, они и ворвались в столовую, в которой их ожидал сюрприз.

— Девочки, думаю, представлять вас друг другу не нужно, но все же, наш новый сосед, герцог Мэйденстер.

Отец с каким-то мужчиной стояли у бара в дальнем углу комнаты, мама ставила в вазу, видимо, предназначенный для нее букет.

За те несколько секунд, что мужчина поворачивался к ним, Майя молилась лишь об одном — только бы она ослышалась.

— Добрый день, — он склонил голову, смотря как улыбка сползает с до боли знакомого лица. Только бы не упала в обморок...

Вот уже две недели он ходил теми же дорогами, что она всю свою жизнь, смотрел на те же восходы и закаты и ждал того момента, когда вновь увидит ее саму.

Первой опомнилась Соня:

— Ваша светлость. Не ожидала увидеть вас здесь, — после рассказа жениха о том, как он помогал какой-то несчастной, которой суждено было стать жертвой чар этого мужчины, ее отношение к нему еще больше охладело, но не настолько, чтобы даже не поздороваться, чего нельзя сказать о Майе.

— Я приобрел имение по соседству с вашим. Надеюсь, вы скоро побываете в нем, работы уже закончены, со дня на день я хотел бы устроить новоселье.

— Да, несомненно, вы проделали значительную работу, — отец пригласил его к столу, посчитав, что можно приступить к трапезе. — В последний раз, когда Майя была возле дома, она подумала, что он совсем заброшен, а теперь вновь процветает. Правда, Майя?

Не показалось. Это он. Стоит, дышит, ходит, смотрит вокруг, смотрит на нее, улыбается окружающим. В ее мире, там, куда ему нет входа и где для него нет места.

— Майя? — отец посмотрел на совершенно потерянное выражение лица дочери.

— Добрый день, — она сделала реверанс. Шок сменился нарастающим теперь внутри раздражением. Ему было мало мучить ее на своей территории, мало показалось и в городе, теперь он приехал еще и сюда. В единственное место, куда она могла его не впустить.

— Я спросил, правда ли, что за те несколько недель, что мы отсутствовали, соседское имение обрело новую жизнь? — граф Дивьер мысленно пожурил сам себя — видимо, следовало все-таки девочек предупредить, слишком Майя выглядит потрясенной, хотя с чего бы?

— Не знаю, — мотнув головой, она перевела взгляд от гипнотизирующего ее лица, на стену за его спиной. Ей нужно было время, чтобы прийти в себя.

Оказавшись за столом, Майя тут же утратила всякую способность следить за

происходящим. Слишком громко бились в голове мысли. Сосед. Их новый сосед, ее личный кошмар. Что он тут забыл? Сосед, значит, будет приезжать и уезжать когда ему заблагорассудится, а по приезду — обязательно заскакивать к ним, чтобы вдоволь налюбоваться на то, в каком она состоянии пребывает каждый раз, стоит снова встретиться с ним.

— Ненавижу... — она так рьяно орудовала ножом, представляя, как всадит его в самое сердце этому ужасному человеку, что не заметила, как произнесла слово вслух.

— Что, милая? — мама посмотрела на нее со странной улыбкой.

— А? — в этот момент Майя впервые подняла голову после начала трапезы.

— Ты что-то сказала? — мама давала ей шанс свести оплошность в шутку, но обычная робость куда-то делась, сменившись клопочущей внутри яростью.

— Да, — она посмотрела прямо в глаза тому, кому слово адресовалось. — Следует заточить ножи.

— Разве? Мне кажется, отлично режут? — как ни в чем не бывало, Дэррек отрезал кусочек лежащего на тарелке мяса и бросил в рот, продолжая при этом улыбаться.

Вот бы метнуть в него чем-то. Например, стоящим рядом графином. Не желая повторить оплошность, Майя попыталась думать о чем угодно, но только не о нем. Спокойно, Майя, спокойно, скоро Соня сыграет свадьбу, и ты сразу же, в тот же день, уедешь отсюда. Если не в Университет, то в столичный дом. Если не туда — то куда угодно, бабушка ведь оставила наследство, которого будет достаточно для безбедной жизни, пусть и не такой шикарной. Главное, там уж точно не будет его светлости.

— Объездом владений у нас занимается Майя.

— Да? Вы любите верховую езду? — он впервые за вечер обратился непосредственно к ней.

— Нет, я люблю смотреть на то, как лица людей вытягиваются, при виде меня на черном коне, — у нее не было больше сил сдерживать негодование. И терпеть его лицемерие, которое так действовало на отца с матерью. Они ловили каждое его слово, искренне смеялись над шутками и понятия не имели, что за человек сидит перед ними.

— Майя! — графиня не ожидала, что ее старшая дочь способна так язвить. Посмотрела на дочь так сурово, как только могла, а значит, ей предстоит извиниться за свой выпад. Лучше б она действительно метнула в него вилок, тогда извиняясь, чувствовала бы хоть какое-то удовлетворение.

— Простите, ваша светлость, — в обращение она попыталась вложить все те вариации, которыми назвала бы его, не будь по обе стороны родителей и сестры.

— Не за что прощать, — он был совершенно спокоен, будто не замечал клопочущей в ней ярости.

— Вот и отлично, — она снова принялась за экзекуцию над лежащей на тарелке рыбой.

— Я могу вас поздравить с помолвкой, леди Соня? — он же снова сменил тему, чтобы его голубка смогла спокойно метать молнии, не привлекая при этом внимания родителей. Хотя сложно не заметить, что обычно спокойная и рассудительная, сейчас она готова в любой момент взорваться.

— Спасибо. Свадьба в конце октября, вам придет официальное приглашение, мы с Витором будем рады видеть вас на нашем торжестве, — произнося это, Соня представляла, как «рад» будет видеть его Витор, но если бы еще и она нахамила, это было бы слишком. Непонятно, Майя-то так взвелась.

— С удовольствием, — он улыбнулся косящейся на сестру Соне.

— Возможно, скоро наступит и ваш черед вести невесту под алтарь? — сегодня со всеми творилось что-то неладное. Их такая деликатная мама задала вопрос, на который бы никогда раньше не осмелилась.

— К сожалению, это зависит не только от меня, — бедная рыба не успела заслужить тех мук, которым ее подвергла Майя, усмехнувшись такому ответу. О да, он хочет сказать, что возжелай он связать свою судьбу с какой-то несчастной, стал бы слушать ее отказ? Он бы просто, как всегда, добился своего шантажом, обманом или элементарно применив силу. Как сделал это с ней.

— А от кого? — Майя перевела тяжелый взгляд на мужчину. Давайте, ваша светлость, сотрите о том, какой вы благородный рыцарь, внимающий просьбам своей не менее благородной дамы.

— От прощения одного человека.

Майя не смогла сдержать истерический смешок.

— Вам нужно благословение творить и дальше свои великие дела? — неужели он ударился в религию и теперь прежде, чем предлагать выйти замуж Розе или кому бы то ни было еще, решил получить прощение всех своих бывших пассий, и ее в том числе?

Не понимающие о чем речь родители и Соня лишь переводили взгляд с Майи на Дэррека, боясь прервать этот странный диалог, так и не поняв его смысла.

— Нет, великих дел я натворил достаточно, — видимо, она выдавала желаемое за действительное, но Майе показалось, что в его глазах промелькнула боль.

— О да. Ваших великих дел хватило бы на несколько жизней, — отбросив приборы, она встала из-за стола. — Простите, я плохо себя чувствую, — не дожидаясь разрешения отца, Майя вышла из-за стола.

Лицемер. Подлый лицемер, которому за несколько минут удалось заставить смотреть на него с одобрением маму и с уважением отца. Если бы они только знали, кому только что улыбались, с кем делили пищу, стали бы вести себя так же? А она, она-то знала и, тем не менее, не ушла сразу же, как только увидела его. Пусть думают, что она невоспитанна, дикая. В конце концов, ведь так считали и раньше, не имея тому никаких оснований, теперь же у всех будут на то причины. Но она должна была уйти, сидеть за одним столом с человеком, сломавшим жизнь, значит, ни во что себя не ставить.

Поднявшись в комнату, она хлопнула дверью, чего не делала никогда, даже будучи обиженным ребенком. А тут просто не могла сдержать ярость. Слышали ли этот звук там, внизу? Плевать, даже хорошо. Пусть он сам попытается объяснить, почему она так на него реагирует. Не все же ей снимать сливки.

Когда наступил тот момент, что на смену гневу пришел стыд, Майя не знала. Но очень скоро меряющая до этого шагами комнату девушка села на край кровати. Ладно, что бы ни произошло между ними, реагируя так, она в первую очередь ставит в неловкое положение родных, а уж потом демонстрирует ему свое отношение. Оно того не стоит. Волнения мамы того не стоят.

А когда дверь открыла Соня, Майя была уже готова вернуться, чтобы извиниться за свое поведение. Не перед ним, а ради них.

— Это было очень некрасиво? — Майя опустила голову, стыдясь смотреть сестре в

Глаза.

— Да. — Соня села рядом.

— Мама с папой долго за меня извинялись?

— Да.

— Ях, как же стыдно, — девушка покачала головой.

— Они сейчас прощаются. Если хочешь, ты еще успеешь извиниться.

Майя вздохнула.

— Да, я пойду.

Каждый шаг давался с трудом, будто извиняться ей предстояло не за хамство, которое действительно имело место, а за все то, в чем он когда-то ее обвинил, не имея на то никаких оснований. Снова была гадко, противно и горько. Но спускаясь по лестнице, она неустанно повторяла себе, что извиняться будет не перед ним, а перед ни о чем не подозревающими родителями.

— Леди Майя, — Дэррек увидел ее спускающуюся по лестнице первым, родители развернулись уже после его поклона. — Надеюсь, в следующий раз вы будете чувствовать себя не так скверно.

Она прошла до самой двери молча, остановилась в шаге от отца, за его спиной, надеясь хоть чуть-чуть отгородиться от Дэррека.

— Прошу меня простить, — она смотрела прямо на мужчину, но читалась в ее взгляде никак не покорность и раскаянье. — Я действительно чувствовала себя неважно.

— Надеюсь сейчас вам уже лучше? — он не отвел глаз, принимая все те эмоции, которые она выражала, как одно из сотен предстоящих наказаний ведущих к прощению.

— Да. Спасибо.

— Тогда не откажетесь ли вы меня проводить до конюшни? Боюсь заблудиться, а ведь тогда придется терпеть мое присутствие еще и на ужин, — он улыбнулся графу и графине, прощаясь с ними, а потом снова посмотрел на Майю.

Вновь возникло ощущение кролика, попавшего в ловушку. Но когда она хотела отказаться, папа еле заметно кивнул, подтолкнув ее к двери.

Дэррек открыл дверь, пропуская девушку вперед, Майя бросила взгляд на улыбающуюся маму, ища поддержки, но потеряв всякую надежду, все же вышла.

Как только услышала звук захлопнувшейся двери, делать вид смиренного раскаянья Майя больше не смогла. Не собираясь обмениваться с ним не единым словом, она направилась прямо к конюшне. Гнев вскипал с новой силой, правда, теперь не было вокруг людей, который заставили бы ее сдержаться.

— Майя... — он окликнул ее, даже сам не веря, что это заставит остановиться.

Девушка лишь прибавила шагу, практически перейдя на бег.

Они прошли достаточно, чтобы из дома их не было видно, отстающий на несколько шагов Дэррек нагнал летящую вперед девушку.

— Пожалуйста, нам нужно поговорить.

Вместо ответа она только сильнее сжала кулаки и еще ускорила шаг.

— Майя, — он схватил ее за локоть. Вместо того, чтобы сделать очередной шаг, девушку круто развернуло. От неожиданности она чуть не потеряла равновесие, но держащие ее руки упасть не дали.

— Уберите руки! — она посмотрела на него предупреждающе. Да уж, вот, оказывается, сколько разрушительной силы может родиться из-за обиды, ужасной обиды.

— Мы должны поговорить, — он отпустил ее предплечья, прекрасно понимая, что меньше всего она сейчас склонна шутить.

— О чем? — Майя вскинула полные гнева глаза, продолжая тяжело дышать. — Зачем вы приехали? Никогда не поверю что это совпадение!

— Это не совпадение. Я приехал из-за тебя.

— Вам показалось недостаточно? — когда он сделал маленький шаг к ней, Майя отступила дальше, не желая подпускать его слишком близко.

— Что недостаточно?

— Вы думаете, что поглумились недостаточно? Может вы и правы, ведь я еще при своем уме, а вас, видимо, остановит только мое сумасшествие. Я. Не. Хочу. Вас больше видеть! Никогда! — подхватив юбки, она попыталась его обойти. Но ей это не удалось, Дэррек вытянул в сторону руку, преграждая путь и возвращая ее на место. — Пустите, — еще одна открытая угроза в голосе.

— Подожди секунду, пожалуйста, — впервые он просил, оставляя за ней призрачное право выбора, не уверенный в том, что она исполнит его просьбу. — Я должен кое-что тебе сказать.

— Я не хочу ничего слышать, — она снова попыталась его обойти, в этот раз рука лишь взметнулась и опустилась обратно, он принимал ее нежелание. Вот только должного впечатление на нее это не произвело. Она прекрасно помнила, как когда-то он проигнорировал все ее просьбы, почему же теперь ждет другого от нее? Уже пройдя пару метров, ее догнал голос, не восклицание, он был уверен, что она услышит его и так.

— Я люблю тебя.

Как она когда-то мечтала услышать эти слова от него! Верила, что трех слов достаточно, чтобы мир наполнился красками... А получилось все не так. Она обернулась, но взгляд не пылал ответным чувством. Своими словами он заставил ее потерять всякий контроль.

Майя вернулась, подошла почти вплотную. Звук пощечины распугал сидящих на ветках птиц, не ожидавших такого поворота даже больше, чем адресат наказания.

Когда ладонь запекло от удара, в который она вложила весь свой гнев, Майя почувствовала истинное удовольствие.

Он же не собирался уворачиваться, слишком много зла причинил и заслужил далеко не одного удара. А если ей станет легче, он был готов испытать сотни и тысячи таких наказаний.

— Я вам не верю! И никогда не поверю. Не смейте показывать мне на глаза и очаровывать моих родных. Они понятие не имеют что вы за человек. И я надеюсь, никогда не узнают. Если вы опять решили поиграть со мной в свои извращенные игры, ищите другую игрушку. Больше ни шантажом, ни притворными признаниями вы ничего не добьетесь. Вы правильно подметили, я не предоставляю услуг бывшим клиентам, — его слова из ее уст ударили сильнее, чем пощечина.

— Прости меня, — он попытался убрать прядь волос, выбившуюся из прически, но она резко отклонилась, не желая больше чувствовать его касания.

— За что, ваша светлость? Ведь только я одна виновата во всем, — жизнь давала ей уникальный шанс, который, казалось, не возникнет никогда, она могла сказать ему все то, что так долго копилось в сердце. — В том, что попалась вам тогда, когда место любовницы было вакантным, а обычные красавицы уже приелись. В том, что не смогла сказать нет. Не хватило сил сопротивляться. Что я была настолько наивной, что поверила. В том, что

посмела жить дальше, когда вы выбросили как ненужную вещь. Что не закрылась в доме, что посмела показаться на людях, унижая одним своим присутствием ваши чувства. Вы не имеете никакого, слышите, ни-ка-ко-го права лезть в мою жизнь. У вас его и не было никогда, вы ворвались, сломали все и убрались восвояси, не интересуясь моими желаниями!

— Майя... — что он хотел сказать, даже сам не знал, обычных «прости» было мало, всех слов мира было мало.

— Простить? Ваша светлость, я вас прощаю! Если именно это вам нужно. Прощаю и отпускаю. Никогда я не стану претендовать ни на что, связанное с вашим именем. Никогда я не обращусь к вам за помощью. Никогда не вспомню о том, что когда-то произошло. Надеюсь, даже никогда больше не увижу. Вы получили мое прощение. А теперь прошу я: уберите из моей жизни! — она сорвалась на крик.

— Я не смогу. Я люблю тебя.

Майя снова сжала кулаки, его слова она не могла воспринимать иначе, как издевательство.

— Неужели неопытная любовница пришлась вам так по вкусу, что вы желаете видеть ее вновь в своей постели? Мне противно даже от мысли, что такое возможно! Вам ясно? Кроме того, мой нынешний любовник вряд ли захочет уступить такую податливую партнершу, даже вашей светлости, — оказывается, она знала куда бить, и как делать это больнее. Он прекрасно понимал, что никакого любовника и в помине нет, но ревность все равно проснулась где-то в груди.

— Ты врешь.

— Вам нужны доказательства? Вы их получите. А потом навсегда, слышите? Навсегда уберетесь из моей жизни!

Не дожидаясь ответа, она пошла обратно к дому. Попытайся он ее остановить, получил бы еще одну пощечину.

Ну что ж, генерал, простите, но вам тоже придется сыграть свою роль в мести. Но взамен вы получите неплохой приз — послушную, верную жену. Жаль, что не любящую.

— Что это было Майя? Я тебя не узнал! — отец ждал ее, стоя на пороге. Увидев его издали, Майя даже слегка замедлила шаг, пытаясь успокоиться.

— Ничего, папа, просто я действительно плохо себя чувствовала, — поднялась, положив руку на плечо, поцеловала в щеку и отправилась домой.

— Ну да, ну да... — странно? Не то слово. Тут явно все не так просто. Он еще долго стоял на крыльце, всматриваясь куда-то вдаль. Неужели пришло то время, когда его девочки уже не могут доверять ему все свои тайны, а вместо этого решают свои проблемы сами? Странно, он к этому еще, наверное, не готов, а они — кажется, да.

Вернувшись к себе, Майя в сотый раз достала из потайного ящика весь свой скарб, связанный с ним, и снова так и не смогла выбросить. От бессилия хотелось кричать. Насколько было бы легче, если она и вправду его бы разлюбила.

Глава 28

Целых два дня Майе везло. Его светлость не почтил их присутствием ни разу. Хотя совершенно безоблачным это время тоже не назовешь.

— Мама, может, стоит побережься? Ведь доктор сказал, что тебе нужен покой, много покоя.

— Майя, прошу, только еще ты не напоминай мне о том, что я хожу по лезвию ножа, как любит это делать твой отец и подосланный им доктор, — раздражение стало в последнее время все чаще посещать графиню, особенно, когда родные пытались проявить к ней чрезмерную заботу. Например, как сейчас это делала Майя, которая вместо того, чтоб наслаждаться прогулкой, тряслась над матерью, как квочка над цыпленком.

— Прости, мы же просто волнуемся, — Майя сдула с ладони удобно устроившуюся божью коровку, загадав желание.

— Не стоит волноваться за меня. Я лучше всяких врачей знаю, что мне полезно, а что нет. Например, сейчас мне полезно будет присесть вон на ту лавочку, — она указала куда-то вперед. Майя посмотрела чуть обеспокоенно, но говорить ничего не стала.

Графиня устроилась удобней, вытянув уставшие от ходьбы ноги, а Майя осталась стоять, внимательно наблюдая за упрямой матерью.

— Майя, а ведь мы еще ни разу не поговорили с тобой наедине после вашего с Соней возвращения летом.

Девушка потупилась. Это так. Но причиной тому была не занятость мамы, а постоянное увиливание от темы Майи.

— Что тебя интересует, мамочка? — в сотый раз рассказать легенду о том, как их радушно принимали, Майя была готова.

— Как все это произошло? Почему уделявший столько времени Соне герцог Мэйденстер оказался так быстро забыт, а Витор, которого я очень люблю, но и подумать не могла, что все так сложится, наоборот сделал предложение твоей сестре? Майя, я недавно перечитывала твои письма. Из них я не поняла ничего. Точнее поняла, что там происходило много такого, о чем ты не обмолвилась и словом.

— Тебе, наверное, показалось, честно, я не могла не написать о том важном, что происходило. Может, письма просто не дошли? Я часто болела, даже сама не знаю, когда все так резко изменилось. Ты ведь знаешь Соню, у нее семь пятниц на неделю. Лучше спросить у нее, как Витор смог добиться ее расположения... — лучшее средство защиты, это нескончаемый поток полуправды, который заставил бы маму запутаться или бросить затею разузнать все получше.

— Ты болела в последний раз два года назад, простыла из-за промокших ног. Часто болела? — графиня была настроена решительно. Соня, когда она завела подобный разговор с ней, сбежала, сославшись на головную боль, Майя сейчас тоже пытается увернуться от ответа. — После того радушного приема, о котором вы рассказывали, странно видеть, как вы «рады» гостеприимному герцогу. Особенно ты. Почему? — еще чуть-чуть, и мама бы загнала ее в угол. Признаться? Нет, Майя не призналась бы во всем ни за что, а вот снова врать, она ее заставить могла. Но помощь пришла, откуда девушка ждала ее меньше всего.

— Леди, — по той же тропинке, что сюда пришли они, навстречу, почти строевым шагом, шел генерал.

— Пирмст, — графиня улыбнулась, хоть ей и было жалко, что теперь продолжить допрос дочери не удастся. А вот Майя засветилась совершенно искренне.

— С приездом, — он поцеловал протянутую руку графини, а потом и дочери. Благодарная за спасения, Майя готова была стерпеть даже направленный на нее странный взгляд.

— Благодарим.

— Нортон сказал, что я смогу найти вас здесь. Жаль, леди Сони нет с вами, но я надеюсь, что вы передадите ей мои поздравления, — мужчина обращался к графине, Майя же в это время могла еще раз разглядеть того, с кем, возможно, ей предстоит разделить на двоих жизнь. Высокий, на несколько сантиметров ниже его светлости, виски слегка серебрятся, что совсем не странно для военного человека. Сложно представить, сколько всего он повидал в своей жизни. И глаза поэтому такие колючие, наверное. Интересно, он всегда держится так прямо, даже стоя на одном колене с кольцом в руках? Хотя нет, вряд ли он стал бы заниматься подобными глупостями. Его предложение звучало скорее как выгодная сделка, чем как проявление чувств.

— О нет, Пирмст, я лучше еще чуть-чуть посижу, а вот Майя с удовольствием составит вам компанию, — мама посмотрела на вновь растерявшуюся дочь. На вопросительный взгляд мама ответила. — Прогуляться.

Майя кисло улыбнулась, но от предложенной руки отказываться не стала. Рано или поздно им предстояло объясниться. Почему бы не сейчас?

— Надеюсь, поездка стала плодотворной не только для вашей сестры, но и для вас? — генерал заговорил только тогда, когда они отошли на достаточное расстояние от смотрящей им вслед мамы.

— Предложения я не получила, если вы об этом. — Майя грустно улыбнулась.

— Вы получили его раньше, — он явно не собирался ходить вокруг да около единственной действительно интересующей его темы, связанной с ней.

Девушка долго думала, прежде чем ответить.

— Я погорячилась, — хотя, не появившись вновь на горизонте Дэррек и ее странное желание мстить ему с помощью этого человека, она никогда бы не пожалела о том отказе.

— Правильно ли я понимаю, что вы изменили свое решение? — Ях, ну не таким тоном должен задавать вопрос человек, который чувствует к ней хоть что-то, хотя бы симпатию, не говоря уже о любви!

— Не совсем. Мне нужно время.

— Сколько?

— До свадьбы Сони. Я должна решить, что мне делать со своей жизнью, — ей не хотелось, чтобы он подумал, будто это очередная детская прихоть, жизнь не баловала ее привлекательными вариантами, предстоят действительно сложный выбор.

— Хорошо, у вас будет это время. Я узнаю о вашем решении в день свадьбы. Надеюсь, оно будет правильным.

— Я тоже, — получив отсрочку, легче не стало. Теперь-то ей показалось, что оставшегося до торжества времени не хватает совершенно.

— И еще, насчет ваших слов. О том, что я не смогу вас уважать...

Майя испуганно посмотрела на него из-под опущенных ресниц. Она жалела, что тогда

сказала это. Боялась, что он может передать слова отцу, а уже тот спросит, что же она имела в виду.

— Любая глупость может быть искуплена. Для того требуется только искреннее раскаянье. Что бы вы ни сделали, что бы ни думали, уважать стоит хотя бы за стремление избежать этого в будущем.

Майя не могла дать голову на отсечение, что его самого устроило бы такое объяснение, узнай он хотя бы капельку правды. Но вступать в спор не стала.

— Сегодня вечером его светлость устраивает новоселье, надеюсь, увидеть вас там, — генерал стукнул каблуками, вытянувшись по струнке, резко кивнул.

Станный человек, очень странный. Иногда ей сложно его понять, особенно — представляя в качестве мужа. Майя медленно побрела обратно к маме, надеясь на то, что женщина забудет продолжить свой экспромт-допрос.

— Майя, мы ждем, — Соня вновь постучала в дверь сестриной спальни.

Граф отправлял младшую дочь за старшей уже в третий раз. Сначала Майя сослалась на головную боль, но вместо того, чтобы оставить ее в покое, в комнату принесли лечебный порошок. Потом на то, что ей нечего надеть, Соня лишь широко улыбаясь, открыла перед ней битком набитый шкаф. Видимо, указания отцом были даны предельно ясные — они едут на новоселье всей семьей. Сейчас же Майя сама стояла у двери, уже готовая к выходу, но тайно надеялась, что на нее сверху упадет люстра, что станет действительно уважительной причиной и позволит остаться дома.

Она не хотела видеть его светлость гостем в собственном доме. Но решать это девушка не могла. А до сегодняшнего вечера она думала, что хотя бы право не оказаться его гостьей, принадлежит ей. Но нет, оказывается и это могут решать за нее.

Майя не боялась. Скорее просто продолжалась злиться на себя за то, что ведет себя как ребенок. Она совсем не хотела вновь давать повод родителям смотреть косо и что-то подозревать, но не могла ручаться за себя. Хотя с другой стороны, ведь сегодня он уже не застанет ее врасплох. Она знает, к кому в гости идет, чего ожидать. Осталось только научиться воспринимать это философски.

— Я готова, — Майя предстала перед сестрой. Сегодня на ней было темно-синее платье, невзирая на модный в этом сезоне объем, юбка спадает почти ровными струями, не скрывая движений владелицы.

— Ты замечательна, — Соня деловито кивнула, одоблив наряд сестры.

Майя чуть улыбнулась, нервно сжимая маленький клатч.

Странно, но чтобы попасть к ближайшему соседу, им пришлось брать экипаж. Хотя странным это показалось только Майе, привыкшей уже к своим поездкам верхом на Тени.

— А кто еще будет? — вопрос задала Соня, не особо заинтересованная этим вечером, как и любым другим, предшествующим приезду Витора.

— Возможно, генерал, а больше в округе никого и не найдешь, — графиня посмотрела на продолжающую нервно теревить сумочку Майю. — А что?

— Просто, — экипаж остановился у входа в особняк.

Как и следовало ожидать, они опоздали. Хозяин дома вместе с более пунктуальным гостем ждали их в гостиной. Майя не помнила, как все выглядело в доме при прошлых владельцах, она была тут еще в детстве, но сейчас ей тут определенно нравилось. Отказать

герцогу в отличном вкусе сложно. За окном уже практически потемнело, а комнату окутывал слегка приглушенный свет, создающий таинственную атмосферу.

— Добрый вечер, — его бархатный голос вписывался в эту атмосферу как нельзя лучше. Странно, нервозность, преследовавшая Майю весь вечер, куда-то делась. Может тому виной витающий в воздухе аромат? Сладковатый, мягкий, еле ощутимый, но каждый раз, когда улавливаешь, хочется вдохнуть все глубже.

— Нравится? — Дэррек подошел незаметно для Майи. Забирая из ее рук накидку как бы случайно провел по руке, от запястья до самого плеча, заставляя все тело покрыться мурашками. — Это ирисы, — он кивнул на стоящую на камине лампу с аромамаслами. Передал накидку стоявшему в проходе дворецкому. — Прошу, — он смотрел прямо ей в глаза, предлагая свою руку. Прежде чем подчиниться, Майя посмотрела по сторонам. Маму к столу подводил отец, а за Соней поухаживать взялся генерал. И пусть ни на одном лице Майя не видела удивления или осуждения, она прекрасно понимала, что подойди Дэррек к графине или даже к Соне, столько вопросов это не вызвало бы.

Вслед за непрошенным волнением от его прикосновения, Майю окатила волна раздражения. Конечно, ведь не к нему мама будет приставать с вопросами, что произошло тогда в его доме! Не он будет оправдываться и за эти свои действия. А у нее просто уже не осталось сил и изобретательности постоянно врать.

У себя дома, будь то фамильное поместье или это имение, он вел себя как истинный хозяин. Майя снова ощутила эту давящую на нее когда-то атмосферу, будто он забирает весь воздух, не давай сделать вдох.

Дэррек подвел ее к месту по правую руку от себя. Пусть получил за это еще один гневный взгляд, отказать себе в таком удовольствии не мог. Да, это было не совсем «вести себя по-новому», как он планировал раньше, но, с другой стороны, она ведь сказала когда-то тому, прежнему ему, слова любви. Значит, у него есть шанс услышать их снова.

Отец с мамой сели по левую руку от хозяина. Они с Соней и генералом по правую.

Благо, герцог ограничился только этим, не пытался ввязать ее в разговор, не задавал вопросов непосредственно ей, давая возможность просто привыкнуть к своему присутствию. К ровной интонации голоса, к плавным движениям, которые Майя не могла не замечать боковым зрением.

Станный человек занимал сейчас ее мысли. Она пыталась сопоставить его, каким он был сейчас, спокойного, уравновешенного, светского, если уж на то пошло. С тем, которым он представлял когда-то перед ней. Властным, и в то же время нежным, способным заставить забыть о том, что в мире существует что-то еще, или с тем жестоким, безжалостным, с которым она столкнулась однажды.

— Клубники? — он кивнул на стоящую перед ней вазочку. Видимо, она стояла там неспроста, и свою миссию выполнила, Майя покраснела, вспомнив, как когда-то уже принимала из его рук ягоду.

— Спасибо, нет, с некоторых пор у меня аллергия, — он слегка улыбнулся, принимая достойный ответ.

— Когда ожидаете пополнения? — Дэррек снова резко сменил тему.

Скрывать интересное положение маме больше не удавалось, да она и не пыталась, ожидая появления ребенка с нетерпением и не разделяя всеобщей тревоги.

Майя почему-то вдруг подумала, что будь та ложная тревога не ложной, сейчас она так же как мама, держала бы руку на округлившемся животе. И по иронии, отец ребенка, как и у

ее будущего брата или сестрички, сидел бы по правую руку. Вот только вряд ли этот ужин состоялся, повези ей немного меньше. А что было бы тогда? Не стоит даже пытаться представить, явно ничего радужного. Хорошо, что все обошлось.

О чем-то подобном думал и Дэррек. Не будь он полнейшим дураком, спроси он Майю, в чем причина глупых пересудов, вместо того, чтобы все это время страдать по отдельности, они вкушали бы радости семейной жизни, одной из которых были и будущие дети, его дети, которых подарит ему она.

— В начале весны, — отец тепло посмотрел на жену, заставляя всех своих женщин затрепетать от осознания, насколько сильно он ее любит.

— Наверняка в затмение или в парад планет, — графиня лукаво улыбнулась дочкам. Все посвященные улыбнулись, а вот мужчины растерянно переглянулись.

Им на помощь пришла Соня.

— Так случилось, что мы обе, и Майя, и я родились, когда небо преподносило людям сюрпризы. Я, — она сделала театральную паузу, — во время затмения, а Майя...

— Соня, мне кажется, это не слишком интересно. Главное, чтобы ребенок родился здоровым, — меньше всего ей сейчас хотелось разоблачения.

— Почему же? Интересно, — голос подал генерал, о присутствии которого Майя успела практически забыть. Да уж, одного присутствия другого мужчины было достаточно, чтобы места ни в мыслях, ни в сердце ни для кого уже не оставалось.

— Вот видишь, — Соня одобрительно улыбнулась генералу. — А Майя родилась в первый день летнего звездопада.

— Когда? — при других обстоятельствах то, что он помнит, что же произошло между ними в этот день, может льстило бы Майе, но не сейчас, когда его вопрос прозвучал требовательным, стальным голосом. Девушка почувствовала, как их мягкий кокон царящего в комнате спокойствия пошел мелкими трещинами. Достаточно малейшего усилия, и осколки полетят во все стороны.

— В первый день летнего звездопада, — Соня повторила, не обращая внимания, что за столом стало на несколько градусов холоднее. Или это почувствовала только Майя, которую пробрало до дрожи от брошенного в ее сторону взгляда?

Как бы глупо это не выглядело, Майе стало стыдно, что она умолчала этот факт своей биографии. И меньше всего хотелось сейчас снова познать его гнев. Хоть это и не было заметно, внутри она вжалась, повторяя как заклинание два слова: «не надо».

Значит вот так — она не посчитала нужным сказать о такой мелочи. И черт, он виноват и в этом! Во всем, что с ней произошло, виноват только он. Та злость, которая блеснула в глазах, тоже касалась только его. Чтобы успокоиться, ему пришлось приложить титанические усилия и пропустить несколько вдохов. Но в этот раз, ему удалось.

— Так может, вы потерявшаяся звезда? Летели где-то в небе, и случайно оказались на земле? — голос больше не звучал зло, а когда Майя посмотрела на Дэррека, не увидела гнева и в глазах.

Оказывается, бывает и так — вместо того, чтобы тут же мстить ей за ложь, а точнее за недомолвку, он может сделать вид, что ничего не произошло.

— Это многое бы объяснило, — например, почему ей так сложно жить на чужой для нее планете.

Отвести глаза от его гипнотизирующего взгляда было сложно. Очень сложно. Он снова пытался ее запутать, не давая злиться, лишая единственного действенного против него

оружия — ее притворной или, возможно, настоящей ненависти.

— Простите, я выйду, — вот только позволять ему делать этого нельзя. Ни за что. Никогда. Слишком опасно. — С вашего позволения, — Майя тихо отодвинула стул, сняла с колен салфетку.

Сейчас, как и еще много-много раз на протяжении жизни, ей хотелось бы просочиться сквозь стены, оставшись незамеченной. Но, к сожалению, за этим столом, в компании этих людей, подобное было невозможным.

Майя чувствовала, что ее провожают пять внимательных взглядов. Но лишь один жег. Жег кожу, под кожей, даже через закрытую дверь все равно жег.

Она долго петляла по коридорам, разыскивая нужную комнату. И дело совсем не в том, что не запомнила пояснения местного служащего. Просто хотелось дать себе больше времени на то, чтобы побыть наедине... или просто дальше от него.

В середине дом понравился Майе не меньше, чем когда-то очаровал фасадом. Она медленно шла по коридору, касаясь кончиками пальцев дощатых стен, представляя, как могла бы быть здесь хозяйкой. Единоличной хозяйкой.

Каждый вечер она шла бы по этому ковру в сторону своей спальни, останавливалась бы у окна, открывала его, чтобы сделать глубокий вдох, а еще увидеть вдалеке, как в доме родителей гаснут такие же окна, а потом продолжала бы путь... День ото дня, и это бы не надоедало.

Жаль, что дом уже прибрал к рукам человек, с которым она не хотела иметь ничего общего. Даже мечтать о доме, который теперь принадлежит ему, Майя не могла себе позволить.

Сполоснув руки, вдоволь наглядевшись на свое отражение в зеркале, Майя долго еще стояла, облокотившись о мраморные края раковины, собираясь с силами и мыслями.

Осталось совсем немного и им подадут десерт. Папа вдоволь наговорится с герцогом, мама незаметно сожмет его ладонь, что будет означать лишь одно — она устала, вечер пора заканчиваться. Потом они попрощаются на крыльце с его светлостью, генералом, вновь сядут в свой экипаж, чтобы через считанные минуты выйти уже дома.

А потом... Майя представляла, как пожелает родителям добрых снов, как спокойно поднимется в свою комнату, а там... Просто на просто сползет на пол, не в силах справиться с дрожащими коленками и вырывающимся сердцем.

Ей было безумно сложно здесь. Невыносимо.

Неужели он не понимает, на что ее обрекает? Неужели до сих пор думает, что это забавно?

Если так, то его забавы слишком жестоки. Хотя... Ведь его забавы никогда не отличались гуманностью.

В очередной раз, взяв себя в руки, напрягшись до предела всем телом, а вместе с ним и душой, Майя подошла к двери, открыла ее, вышла в коридор.

Чем быстрее она вернется — тем меньше шансов, что ее исчезновение на длительное время станет очередной темой для беседы за столом. Говорить ей больше не хотелось. Достаточно будет и его непрерывного внимания.

Девушка успела сделать всего несколько шагов по погруженному в кромешный мрак коридору — когда шла сюда, Майя помнила, что свет еще был, наверное, сквозняк задул

свечи, прежде чем...

Она пискнуть не успела, да и не смогла бы, только почувствовала чье-то присутствие, сжавшиеся на талии руки, поддаваясь их натиску, девушка отступала, пока не уперлась в твердую стену спиной, а лицом...

Ее лба коснулся чужой лоб, даже сквозь непроглядную тьму Майя почувствовала пронзительный взгляд, а потом слышала и шепот.

— Тише, голубка, тише, — от интонации, звука его голоса, осознания, что это действительно он, и он так близко, он и больше никого, Майю вновь пробрало до дрожи.

Когда Майя вышла, Дэррек, как и все в комнате, внимательно смотрел вслед удаляющейся девушки, думая о чем-то своем. О чем-то касающемся их двоих. Смог оторваться от разглядывания ровной спины чуть раньше, чем это привлекло бы внимание, смог вновь завести разговор, о чем-то шутя, чему-то удивляясь, отвечая на какие-то вопросы, с каждой секундой все ясней осознавая — он бездарно истратил их время. Потерял два месяца, а теперь продолжал терять каждую секунду. Например, одну из этих. Когда она бродит по его пустынному дому, а он развлекает гостей, которые в этом совершенно не нуждаются.

Вышел герцог, когда в комнату по счастливой случайности заглянул дворецкий. Вышел, будто вспомнив о чем-то крайне важном и не терпящем отлагательств, а на самом деле... Просто потому, что существовало кое-что действительно крайне важное и совсем не терпящее.

Не желая привлекать внимание, проходя по коридору, потушил свечи, остановился у двери. А когда она вышла...

Дэррек и сам не знал, что собирался сделать. Поговорить? Возможно. Напугать? Нет. Хотя и понимал, что она вряд ли обрадуется. Не знал, чего хотел. Но стоило Майе появиться рядом, стоило почувствовать ее присутствие, скорее вспомнить, чем уловить устремленный в темноту взгляд, сдержаться Дэррек уже не смог.

Притянул к себе, просто обнял, уткнувшись лбом в лоб.

— Тише, голубка, тише.

Он почувствовал, как по телу девушки прошла дрожь, чуть ослабил объятья, только отступить не смог. Пока. Еще немного, и потом обязательно отпустит. Ненадолго.

— Дэррек? — она узнала голос, даже прикосновения узнала, и взгляд из темноты, но все происходило так быстро, что разум требовал подтверждения, чтобы... Чтобы что? Пока Майя и сама не ответила бы.

— Прости, что напугал. Да.

Оторвавшись от ее лица, Дэррек чуть склонился, касаясь шеи сначала носом, а потом губами. Майя вновь дернулась.

— Пустите.

— Хорошо, сейчас...

Снова губами. И еще раз. Нежно. Слишком неправдоподобно нежно. А руки в этот момент пришли в движение, вновь, как в самом начале вечера, проводя от плеча и до запястий. И снова до чертовых мурашек.

— Если не отойдете, вновь получите пощечину.

Майя искренне надеялась, что ее голос звучит достаточно холодно и трезво. Совсем не

так, как она сама себя сейчас чувствовала — ей было страшно, волнительно, как-то слишком нереально.

Ее будто обнимал не он — темнота. Темнота с тем самым голосом, теми руками, теми губами. Такими, какими они умели были в моменты нежности.

— Хорошо, заслужил.

Он явно среагировал не так, как Майя надеялась — застыл, все так же, прижимая к себе и касаясь губами кожи, спустился пальцами по кистям вниз, сжал ее кулачки в своих.

— Почему ты не сказала тогда?

— Вы не спрашивали.

— Прости.

— Пустите, — во второй раз получилось куда менее уверенно, а он пустил.

Только ненадолго. Между ними действительно образовалось пространство, только оно почти сразу же было заполнено — рука мужчины отпустила один кулачок, чтобы пройтись по шелку платья, остановившись на девичьем животе.

— Тебе было бы к лицу носить моего ребенка, голубка. Очень.

— Вы бредите.

— Я люблю тебя.

— Молчите, — выдернув и другую руку, Майя попыталась снять его широкую ладонь с платья. Если бы он только знал, как рьяно она благодарила Яха, когда оказалось, что ей повезло — хотя бы ребенка в довесок к вечному позову и синякам она не привезла домой.

— Помнишь тогда, на озере, я спрашивал, была бы ты против, если...

— Помню, — оба взгляда привыкли уже к темноте и теперь они различали выражения лиц друг друга, блеск глаз. Ее сейчас вновь горели гневом. — Я все помню, ваша светлость. Помню каждую вашу подлость, каждую злую шутку, каждое предательство, каждый раз, когда вы делали больно.

Он принял такой ответ. Спорить не было смысла. Каждую свою подлость, шутку, предательство, как делал больно, помнил и сам.

— И ты сказала, что против.

— Потому что это правда, пустите.

— Знаешь, как я завидую сейчас твоему отцу? Его любимая женщина носит его ребенка.

— А я завидую маме, — с каждым его словом становилось все сложнее — он будил в девушке неконтролируемую злость, а еще подбирался все ближе к ране, которую нельзя трогать. — Она счастливо вышла замуж за благородного человека, который сначала полюбил ее, а потом добился ответной любви. Лаской, нежностью, доказывая свои чувства. Они прожили вместе двадцать долгих лет. И теперь она вновь носит ребенка от любимого мужчины.

В каждом ее слове содержался упрек. Да, в нем сложно найти то благородство, о котором Майя сейчас толковала. Да, он полюбил ее далеко не сразу, сначала считая это просто забавой, а возможно, элементарно не желая признавать то, что забавой не являлось. Ответной любви он не добивался — требовал, вымогал, получал желаемое. Ласка и нежность... Они были, но куда меньше, чем должно было быть. И связывали их не два десятка дней, а три недели, которые закончились...

— А еще... Если бы не дай Ях, я нажила ребенка от вас, это могло бы произойти в нашу последнюю ночь. Самую... нежную нашу ночь. Ночь, которую я всю жизнь буду вспоминать с... трепетом. Спасибо за нее, — Дэррек сам отпустил ее. Даже не пришлось вновь с силой

нажимать на руку.

Отпустил, отступил, дал приблизиться. Вновь тишину коридора оглушил звук пощечины. Справедливая кара за его своеволие. А по сравнению со словами — боль вообще не ощутима.

— Еще раз подойдете ко мне — устрою скандал. Скажу, что неровно дышите к графине и пытаетесь через меня подобраться к ней. Уж тогда-то папа точно не пустит вас даже на порог. Хотя я так до сих пор и не поняла, зачем вы явились сюда...

Развернувшись, Майя сделала шаг в сторону света и гостиной. Давно пора было возвращаться. Теперь-то вопросов точно не избежать. Лишь бы он не додумался предстать перед глазами гостей, пока щека будет пылать алым. В том, что будет пылать, Майя была уверена — ладонь жгло огнем.

Именно за нее девушку и схватили, перевернули, дождались, когда она вновь обернется, сверля ненавистного собеседника грозным взглядом, поднесли к губам.

Дэррек сначала подул, охлаждая, а потом коснулся губами.

— Явился потому, что здесь ты.

— Уезжайте, — Майя выдернула руку, спрятала ее за спиной, вновь отступая. — Прошу вас, просто уезжайте. Так будет лучше для всех. И в первую очередь для вас.

— Для меня будет лучше, если ты...

— Уезжайте, — больше его слушать Майя не смогла бы. Развернувшись, она понеслась по коридору прочь, снова чувствуя, что он смотрит.

Ну и что? Плевать. Зачем явился сюда? Снова выбить из колеи? Тогда получилось. Но это произошло так глубоко внутри, что извне заметить было невозможно. Он не должен был заметить, как в очередной раз на его «люблю» сердце отреагировало болезненным воплем. Она же сказала главное — ему стоит уехать. Уехать, иначе будет только хуже. Ей. А как ему... Ему наверняка все равно. Он просто забавляется.

Дэррек снова проводил ее задумчивым взглядом, сдерживаясь от того, чтобы догнать. Этот разговор вряд ли дал что-то ей, вряд ли помог ему. Но хотя бы остаток вечера он сможет провести спокойно.

Сможет просто смотреть, просто находиться рядом, не ощущать зуда в пальцах, как до этого, не сходить с ума из-за того, что она так близко, а он не может даже коснуться. На кончиках пальцев — нежность ее кожи, на губах — ее вкус. На щеке — ее метка. Он украл каждый из этих даров не совсем честно, но это были его трофеи.

Герцог вернулся в столовую через пять минут после возвращения старшей дочери Дивьеров. Извинился, улыбнулся, сел на место. Окинул взглядом присутствующих, тут же включаясь в разговор.

Майя смотрела куда угодно, только не на него. Сначала — злилась, нервничала, а потом... Ближе к концу застолья Дэррек несколько раз ловил на себе уже задумчивые взгляды. О чем думала — было жутко интересно, но абсолютно нереально узнать. К сожалению.

Несколько раз уже и он сам терял бдительность, заглядываясь на ее профиль. Тоже думал. Каждый раз приходил в себя только после того, как чувствовал легкие толчок под покровом скатерти. Улыбался, переводил взгляд, вновь включался в беседу. Все неохотней, реже, суше.

А в конце концов не выдержал — воспользовавшись тем, что никто не увидит, когда с едой было покончено, но из-за стола гости встать еще не успели, взял ее руку в свои пальцы, погладил, чувствуя, как пробует незаметно вырвать, прочитал в глазах очередное обещание звонкой пощечины, отпустил. Снова трофей. И опущенный на ботинок каблучок, и мстительный блеск в глазах — все это должно было остаться только между ними.

— Джентльмены, вы же помните, что завтра нас ждет охота? — следующую паузу в разговоре решил загладить граф.

— Несомненно. Когда мы выезжаем? — после окончания военной карьеры, настоящей отдушиной для генерала были периодически вылазки на охоту. Дэррек, по очевидной причине, относился к охоте прохладно, но от предложения отца возлюбленной не отказался. В конце концов, ему нужны были союзники.

— Ранним утром, сразу после восхода, я жду вас у себя, — мужчины кивнули. — К сожалению, не могу обещать, что нас придут провожать дамы, легче изменить порядок мироздания, чем заставить моих девочек встать в такую рань.

Дэррек еле заметно улыбнулся, бросив озорной взгляд на Майю. Отец, сам о том не подозревая, заставил ее вновь покраснеть. Когда-то, в очередной раз расстроившись, что проспала намного больше, чем собиралась, она спросила у Дэррека, как ему удается вставать в такую рань, притом, что... заснули они одинаково поздно. Он наклонился тогда к девичьему уху, будто собирался поведать самый большой в мире секрет: «просто мне, чтобы чувствовать себя отлично на протяжении дня, нужен не сон», а чтобы девушка не усомнилась, что же нужно, коснулся ямки за ухом теплыми губами.

Думали они об одном и том же. Майя тоже прекрасно помнила тот разговор. И то, что разговором дело не ограничилось. Вздвогнув, отгоняя наваждение, она почему-то заупрямилась:

— Я встану, провожу вас! — посмотрела Майя при этом на отца, а вот вызов бросала другому человеку.

— Зачем такие жертвы? — генерал Пирмст задал вопрос, продолжая расправляться с десертом.

— Потому, что я хочу! — она перевела упрямый взгляд на него.

Не обращая внимания на ее возбужденный тон, генерал только передернул плечами, мол, хоть я и не верю, что ваше упрямство стоит усилий, но переубедить вас не стану. Это заставило Майю еще больше увериться в том, что она таки встанет.

— Никто не против, солнышко, — папа вернул ее мысли в более миролюбивое русло. — Главное, не скучайте, пока мы будем в отъезде.

— Не будем, тем более, послезавтра прибывает Витор, нас есть кому развлекать, — считавшая каждый день до приезда жениха, Соня просияла.

Ужин, обещавший стать сущей каторгой, оказался не так плох. Если не учитывать нескольких неловких моментов и встречи в коридоре, Майя могла даже честно признаться, что было хорошо. Продолжайся все в том же духе, и, возможно, она не была бы так категорически против подобного соседства. Главное, не позволять себе пересекать грань, не поднимать запретные темы и не выдумывать того, чего в действительности не существует.

Например, не верить притворному «я буду ждать», сказанному на прощанье его светлостью, когда проходя мимо, Майя была на секунду придержана за локоть.

Своими словами он заставил удивиться даже до сих пор хранящего полное спокойствие генерала. Он странно посмотрел сначала на герцога, неотрывно смотрящего на ту, кому свои

слова адресовал, а потом и на нее, пробующую на вкус язвительный ответ, но все же смолчавшую.

Кто ждет, всегда дождется. Только не то, что он себе запланировал.

— Тебе понравился дом, Майюшка? — вопрос отец задал уже когда они ехали домой.

— Да, красивый. Когда выходила, имела возможность оглядеться... Действительно очень красивый, — девушка мягко улыбнулась, а потом опустила взгляд на руки, продолжающие мелко подрагивать.

— Потому так долго не возвращалась?

— Да. — И врать ненавидела, не рискнув поднять взгляд и увидеть, как он кивает, устремляя взгляд в окно.

Разоблачать дочь тут же Нортон не стал. С ней творилось что-то неладное. Это было связано с их новым соседом — очевидно. Соседом, который подчас ведет себя почти так же странно, как Майя. Которому она так открыто грубит, который смотрит в ответ слишком задумчиво, который сыплет двусмысленностями.

Все происходящее казалось Нортону странным, а потому он был рад тому, что на охоте им удастся провести вместе куда больше времени. Он надеялся провести это время с пользой.

Крутясь полночи в своей постели, Майя посылала проклятья мужчине, который был виновником бессонницы. Странно устроена память, Майя чувствовала себя как на качелях. Стоит ей подумать о том, почему же она должна всей душой ненавидеть этого человека, предательница-память доставала из закромов моменты, за которые можно было любить.

— «Он считается только с собой».

— «Исполняет все просьбы».

— «Как же, прямо все».

— «Почти все».

— «Он непредсказуем».

— «Он надежен».

— «С ним будто идешь по лезвию ножа».

— «И знаешь, что он всегда подхватит».

— «Не всегда...»

— «Он слишком непонятен».

— «Ты просто еще не попыталась по-настоящему его понять».

— «Я и не хочу понимать!»

— «Не ври хотя бы себе».

Сжав кулаки, Майя уткнулась в подушку. Нет, как же ей жить, если даже самой себе она не может доказать, что не верит и никогда не поверит его новой лжи, неизвестно зачем вдруг возникшей?

Зато за этими мучительными раздумьями она провела всю ночь до рассвета, обезопасив свое упрямство и гордость от возможности проспать. Она докажет, что ее слова имеют вес, и не только касательно вчерашнего разговора.

Глава 29

На земле лежал туман, из-за которого Майя пыталась еще плотнее замотаться в шаль. Ужасная погода. Она не имела ни малейшего понятия, что бы заставило ее саму в такую рань отправляться куда-то из дому. Зато мужчины, казалось, совершенно довольные таким порядком вещей, спокойно заканчивали упаковку всевозможного инвентаря.

Когда его светлость в очередной раз взошел на террасу, чтобы забрать стоящую там корзину, Майя не выдержала. Она злилась, снова злилась на него. Но теперь уже действительно по-детски, ведь она воспринимала свой поступок почти как настоящий подвиг, как доказательство своей силы воли. А вместо того, чтобы его хоть как-то оценить, Дэррек лишь еле заметно кивнул, уже поздоровавшись со своими попутчиками. А потом, потом целых двадцать минут прохаживал взад-вперед, делая вид, что ее в принципе не существует. Даже Пирмст и тот уделил ее поступку больше внимания.

— Леди Майя, рад, что вы держите слово! — пусть и с подтекстом, но даже тот, в котором она не замечала ни намека на чувства, оказался более щедрым на похвалу.

И вот теперь, когда Дэррек подошел на достаточно близкое расстояние, позволяющее обезопасить от возможности их подслушать, Майя повернулась к нему. Продолжая игнорировать девушку, он складывал что-то в корзину.

— Не бойтесь повторить судьбу отца? Это ведь опасно, — она с притворным беспокойством покачала головой. Да, пусть это жестоко, пусть она уже через секунду пожалеет о такой грубости, но сдержаться Майя не могла.

Герцог улыбнулся.

Майя не может его игнорировать, а это хороший, даже очень хороший знак. Он отметил и то, что она все-таки встала, и то, что обиделась, когда он не оценил ее поступок по достоинству, но усердно делал вид, что это его совершенно не касается. Зачем? Чтобы вот сейчас лицеизреть этот гневный взгляд.

— Нет. Если бы с нами отправлялась ты, мне бы стоило бояться, но мужчины настроены не так воинственно, — и до того, как она успела отпрянуть, коснулся подушечкой указательного пальца кончика носа, как делал раньше. Майя еле сдержалась, чтобы не повторить свой опыт с пощечиной. — Но если хочешь, — он сделал еле заметный выпад рукой в сторону, в этот же момент сдерживающая волосы лента сползла, распустив локоны по плечам и спине, — я могу предоставить коня и для тебя. Тогда уж мне придется опасаться.

Не считая нужным отвечать, Майя снова развернулась. Все что хотела, она уже сказала, теперь же могла спокойно понаблюдать за тем, как отец с генералом забираются на лошадей. Пора в путь.

Довольный собой, Дэррек вернулся к Ветру, Майя узнала брата-близнеца своего Тени. Прикрепил корзину, вставил одну ногу в узду, а другую перекинул, уже через секунду оказавшись в зоне недосягаемости. Лишь тогда он оглянулся, разжал ладонь, демонстрируя

ее собственную ленту, которая еще не так давно держала непослушные волосы. Майя даже не заметила, когда он успел ее украсть, думала, та просто не выдержала веса прически.

Охнув, Майя провела по волосам и снова разозлилась на себя за то, что поддалась его провокации, ведь именно это и нужно было ему — чтобы она растерялась. Натянув на лицо доброжелательную улыбку, она послала ему напутствие:

— Будьте осторожны, ваша светлость, — про себя она добавила, что хочет убить его своими руками, не доверяя это задание ни дикому зверю, ни шальной пули.

А потом, все из того же желания противоречить, очаровательно улыбнулась генералу, который от неожиданности чуть не свалился с коня. С чего вдруг такая сдержанная, обычно неэмоциональная Майя вдруг решила так нежно посмотреть? Даже его закаленный в боях ум ответа на этот вопрос не нашел.

До этого триумфовавший Дэррек заскрипел зубами. Ему Майя дарила улыбки куда теплее и искреннее, но смотреть на то, как она делится тем, что он хотел оставить себе без остатка, было, по меньшей мере, сложно. Но он должен был держаться и терпеть все ее выходки, ведь виноват, ведь пытается измениться.

— Вашими молитвами, миледи, — Майя снова перевела взгляд на него, уже жалея о сказанном. «Вернитесь, ваша светлость, целым и невредимым, иначе я вряд ли когда-то это себе прощу». Будто прочитав ее мысли, Дэррек еще раз кивнул, отправляя своего коня рысцей вперед.

— Солнышко, следи за мамой, — отец тепло ей улыбнулся, пуская лошадь вслед за напарниками. — Не забудьте встретить Витора.

Майя зарылась носом в шерстяную шаль, пытаюсь сохранить тепло. Несмотря на бессонную ночь, вернуться в постель ей не хотелось, она снова бы мучилась со своими мыслями, вместо того, чтобы хоть чуть-чуть поспать. И правда, такими темпами встречать гостя у нее уже не будет сил.

Взяв в руки книгу, она устроилась в кресле гостинной. Постепенно усталость взяла свое и уже тут она мирно заснула. Снился ей темный коридор, темнота с его голосом, ее, темноты, нежные пальцы, мягкие губы, жаркие взгляды. Во мне Майе казалось, что она любит темноту, и темнота отвечает ей тем же.

Витор прибыл после обеда. Когда его ждуть, обитательницы дома точно не знали, каждый раз, стоило Соне уловить за окном какое-то движение, девушка подскакивала, в надежде увидеть незнакомый экипаж. По иронии судьбы, он появился тогда, когда девушка махнула рукой на свою затею, расстроившись неудачами.

— Это он, — графиня стояла у окна, вдыхая аромат принесенных ей не так давно цветов, когда к дому и правда кто-то подъехал. Раскладывающая пасьянс Соня встрепенулась, отбросила из рук колоду, помчавшись к выходу. Зараженные таким поведением, Майя с графиней поспешили за ней.

А когда Соня чуть не снесла с ног выбравшегося из кареты мужчину, повиснув на шее, сестра с матерью сделали вид, что их намного больше интересует выглянувшее солнышко, чем целующаяся пара.

— Я скучала! — Соня положила голову на мужское плечо, чувствуя, как он поглаживает ее спину.

— Я вижу! — Витор рассмеялся, защекотав дыханием кожу на виске. — Добрый день,

графиня, добрый день, леди Майя, — он кивнул им поверх склоненной к нему головы, продолжая улыбаться.

— Мы рады видеть вас, Витор, — графине с Майе пришлось подождать, пока Соня отпустит будущего зятя к ним.

Он поцеловал руку маме возлюбленной, а потом заключил в объятьях и ее старшую сестру.

— Что у вас нового? Надеюсь, вы с Соней не успели натворить еще что-то?

Майя покачала головой.

— Мы — нет.

— А кто да? — своим вопросом он попал в точку.

— О Витор, это долгая история, — почувствовав пристальный взгляд мамы, Майя тепло улыbnулась другу, закрывая тему.

Все время до ужина Соня не отпускала жениха от себя не на минуту, следя за тем, как он раскладывает вещи по шкафам, будто более милой ее сердцу картины представить сложно.

А вечером, даже сидя за столом, малышка Соня не давала ему ни минуты отдыха, рассказывая, что она уже успела сделать, и что им еще предстоит. Майе с мамой то и дело приходилось переглядываться, услышав неведомый даже им пункт запланированного девушкой. Например, Майя не имела ни малейшего подозрения о том, что им предстоит заказать специальных праздничных голубей, которых будут выпускать в небо молодожены, а доставить их в столицу нужно будет заранее.

— А еще ты не поверишь, кого занесло в нашу глушь... — тараторившая без умолку Соня вдруг затихла, ожидая вопроса.

— Кого? У вас гости? — Витор удивился — не подозревал, что в доме есть кто-то еще.

— Еще чего не хватало... — девушка пробурчала замечание себе под нос, но это ее не спасло.

— Соня! — мама отдернула дочь. В отличие от девочек, которые упорно настаивали на том, что не чают души в герцоге, а сами избегали или без перестану язвили, она искренне считала его интересным человеком, достойным своего титула, умным и очень терпеливым, раз ни разу не среагировал на уколы ее дочек.

— Прости, мамочка, просто не сдержалась, — девушка обезоруживающе улыbnулась насупившейся графине.

— Так кого же занесло? — они заинтриговали Витора не на шутку.

— Его светлость, герцога Мэйденстера, — то, как изменилось его лицо, заставило Соню издать нервный смешок. До этого искрящиеся глаза теперь похолодели.

А вот Майя такой реакции ничуть не удивилась. Девушка лишь мазнула взглядом по лицу друга, а потом продолжила уделять больше внимания трапезе, чем предстоящему действию.

— Да что ж это такое? — графиня отложила приборы. — Неужели даже вы, Витор, не просветите меня, почему вы все так реагируете на нашего нового соседа?

— Нового кого? — удивление возросло во стократ. Он перевел растерянный взгляд с невесты на ее мать.

— Соседа. Герцог купил имение неподалеку. Теперь он наш сосед, что тут удивительного? — графиня чуть прищурилась, готовая добиться ответа хотя бы от него.

— Нет, ничего, — осознав, как странно сейчас выглядит, Витор попытался сгладить

ситуацию.

— Так я узнаю, в чем причина ваших... — она перевела взгляд на каждого, сидящего за столом, — «нежных» чувств к этому человеку?

— Вы, видимо, неправильно все поняли, это просто неожиданно. Я буду рад повидаться с его светлостью, у нас есть множество вопросов, которые я хотел бы обсудить... — Майя резко вскинула взгляд на Витора. Да уж, их обсуждение грозило закончиться так же, как тогда, на балу.

— Мне кажется, вы все забываете, что я всего лишь беременна, а не глупа как пробка, — явно обидевшись, мама опять взялась за овощи на своей тарелке.

Остаток ужина они провели в тишине. Ни Майя, ни Соня не хотели посвящать ее в причины своего отношения к герцогу, а врать не хотелось тем более.

После ужина Майя отправилась в библиотеку, желая побыстрее сбежать от, в последнее время, слишком пристального внимания мамы. Витор с Соней же остались, вновь завоевывая ее благосклонность рассказами, которые должны бы отвлечь от подозрений и обид.

— И давно он тут? — Витор закрыл за собой дверь, хоть подслушивать их было уже некому. Графиня отправилась спать еще раньше, а только что он пожелал спокойной ночи и своей невесте.

— Не знаю. Он приехал еще до того, как мы вернулись, — о ком спрашивает Витор, было очевидно.

— Значит, он отправился прямо сюда... И что он хочет?

— Понятия не имею, — Майя вздохнула, захлопывая книгу. Вечер не располагал к чтению.

— Он приставал? Угрожал? Что-то говорил? — мужчина пытался понять чужие мотивы.

— Нет, — вспомнив же их разговоры, она чуть исправилась. — Почти нет.

— Что значит почти?

— Не важно. Нет. Он не объяснял, почему вдруг решил купить дом. Я не знаю. — Майя посмотрела на друга с тайной надеждой, что тот сам все ей объяснит, только он понимал не больше ее самой.

— Он сейчас охотится с вашим отцом?

— Да.

— Не бойся, он не настолько глуп, чтобы посвящать его в ваши тайны. Это невыгодно в первую очередь ему, — этого-то как раз Майя не боялась. Случись подобное, этот удар стал бы для нее действительно последним. Последним в ее жизни, а значит не имевшим уже в сущности никакого значения.

— Я не переживаю. Честно. После вашей с Соней свадьбы все изменится. Он уже не будет иметь ни малейшего шанса повлиять на мою жизнь... — Майя отвела взгляд.

— Ты об университете? Не думаю. Поверь, пожелай он, может настичь и там.

— Нет. Я решила, что выйду замуж, — девушка во второй раз за вечер смотрела на то, как лицо друга вытягивается. — За папиного друга, генерала Пирмтса.

— Как? — единственное, что смог выдать его изумленный ум.

— Просто. Так будет лучше. Спокойней родителям, не будет очередного скандала, связанного с моим именем. Это разумное решение, я о таком не могла бы и мечтать. А

главное, когда я стану замужней, его светлость уж точно никак не сможет повлиять на меня.

— Майя, о чем ты? Ты собираешься выйти замуж только затем, чтобы этот чертов подлец не смог повлиять на тебя??? — Витор повысил голос.

— Тише, — Майя подошла к двери, притворяя ее плотнее. В их доме у стен тоже есть уши. — Я выхожу замуж потому, что мне сделали предложение.

— Но ты его не любишь! — Витор, оказывается, умел даже кричать шепотом.

— Ну и что? Будто в нашем мире брак — в первую очередь построен на любви... Это взаимовыгодный союз. Моя выгода — спокойная жизнь, его — наследник. Все честно.

— Святой Ях... Ты слышишь себя? — Витор смотрел на нее, будто видел впервые. — Ты собираешься связать себя с человеком, годящемся тебе в отцы!

— При чем тут это? Мне не важно... — ее уверенный голос сорвался. Сделав вдох, она продолжила. — Мне не важно, годится он мне в отцы или нет. Я просто не хочу, чтобы мне снова сделали больно. Не хочу, чтобы он снова сделал мне больно, — на глазах выступили слезы.

Забыв о споре, Витор заключил девушку в объятия. Чертов Дэррек! Что же он сделал с ней, как больно должен был ударить, чтобы спасаясь от него, она готова была подписаться на брак по расчету, который убьет ее душу окончательно?

— Я сделаю так, чтобы он оставил тебя наконец-то в покое. Обещаю. Тебе не придется прятаться за нелюбимым мужем, чтобы спастись.

— Я и не спрячусь, — Майя утерла нежеланные слезы, высвобождаясь из объятий, ей не хотелось снова становиться слабой. — Если захочет, он ведь найдет за любой стеной. Я просто не понимаю, за что?

Сам Витор думал о том, что заставило бы его следовать за той, которой искалечил судьбу, и он находил только одно объяснение, скорее похожее на фарс, чем на правду.

— Не знаю. Но я это выясню. Клянусь.

— Не надо! — теперь уже Майя вскрикнула, представив, как он будет выяснять. — Я не хочу больше ни драк, ни выяснений. Мне нужно только спокойствие.

— И ты его получишь, обещаю, — Витор снова притянул подругу к себе, глядя по голове. Как только Дэррек вернется, Витор вставит ему мозги на место. Если он не понимает, до чего могут довести ее эти игры, он объяснит, а если и это не подействует, найдет то, что заставит оставить бедную девочку в покое.

— Витор, рад вновь видеть! — вернувшийся через два дня отец крепко пожал протянутую руку.

— Как съездили? — вопрос задала Майя. Все это время ее не оставляла тревога.

— Отлично. Надеюсь, в следующий раз, Витор, мы слегка расширим нашу компанию, — граф дружественно ударил будущего зятя по спине.

— Возможно, — он улыбнулся Нортону, а потом успокаивающе посмотрел на невесту. Не трудно догадаться, как она отреагировала, услышав о возможности его общения с оружием. Единственное обещание, которое она взяла с него в вечер, когда Витор сделал ей предложение — никогда не заводить в доме оружия. Никакого. Ничтожно маленькая жертва по сравнению с тем счастьем, которое ждало их в браке.

— А что генерал? — отец явно был доволен, что Майя интересуется Пирмтсом. Хотя и не подозревал, что в действительности ее интересует совсем не он. — Герцог?

— Отлично. Они тоже отлично. Посчитали, что не станут навещать просто с коней, отправились к себе. Но в один из вечеров часы баек вам обеспечены, — он еще раз улыбнулся собравшейся вокруг него компании, а потом помчался наверх, поприветствовать оставшуюся сегодня в постели жену.

Майя облегчено вздохнула. Ну, и слава Яху. Больше нет причин нервничать, а значит, и думать о нем в принципе.

Вновь жизнь закрутилась своим чередом. На следующий день после возвращения отца с охоты, им предстояла поездка в город, на первую примерку платья. Отправились всей семьей, ведь не только невесте стоило позаботиться о своем внешнем виде. Увидевшая такое количество потенциальных клиентов, швея почти плакала от счастья. Вот только стоило Соне объяснить, чего же она ждет от своего платья, слезы радости сменились отчаяньем.

Мягкие намеки портной и мамы с сестрой совершенно не заботили Соню. Она хотела, чтобы все было именно так, и никак иначе. К следующей примерке бедная женщина обещала попытаться подобрать несколько вариантов.

Прежде чем вернуться домой, мужчины отправились по какому-то тайному делу, скорей всего связанному с покупкой колец, а женская половина семейства осталась дожидаться их на веранде уютной кофейни.

— Соня, может мы прислушаемся к советам миссис Стрип? Ведь она сшила тебе столько замечательных нарядов, ты никогда не была разочарована... — леди Дивьер сделала еще одну попытку переубедить дочь.

— Нет, — безапелляционный ответ. — Это моя свадьба.

Еще раз покачав головой, мама сдалась, а Майя и не собиралась переубеждать сестру, прекрасно понимаю, что это занятие не имеет ни малейшей перспективы.

Сидя лицом к улице, Майя спокойно наблюдала за движением людей. В общем-то, их городок можно считать провинциальным, в нескольких часах езды от столицы, не так уж и много населения. Но сегодня он казался как никогда живим. Отсюда был виден и вход в ателье, которые они не так давно покинули. Возле него остановился экипаж. Стоило из него показаться пассажиру, у Майи возникло желание втянуть голову в шею, чтобы оказаться невидимой.

У входа в лавку его светлость встречала хозяйка ателье. Он остановился перед женщиной, взял ее руку в свою, поцеловал, сказав при этом что-то такой, что заставило даже не самую неопытную миссис Стрип покраснеть. Майя снова почувствовала, как начинает злиться — есть на свете хоть одна женщина, способная устоять перед его чарами? И что делать таким как она, которые снова и снова пытаются возвести стену, а вместо этого растекаются лужей? Поворковав еще несколько минут у входа под пристальным взглядом нервничающей Майи, герцог вошел в ателье.

— На что ты так смотришь? — мама проследила за взглядом дочери, но наткнулась лишь на стоящий у входа экипаж.

— Ни на что, просто задумалась, — например, о том, какая же она все-таки дура.

— Ну да, ну да... — мама отпила свой горячий шоколад.

Не так-то много соседей в округе ездили на экипажах с именованным гербом на дверях. И не у многих это был герб Мэйденстеров.

Интересно, что он забыл в женском ателье? Может, заказывает подарок своей пассии? С которой вот уже несколько лет они не могут решиться ни на свадьбу, ни на расставание.

Этим же вопросом были заняты мысли и Майи. Какой лицемер. Вновь сбежал от

навязчивой любовницы, чтобы потом отправлять ей откупные? Или может мисс Смитт стоит ждать здесь? Вот ведь будет смеху — переизбыток бывших любовниц на квадратный метр. Майя и не подозревала, насколько близка к истине. Правда мисс Смитт ворвалась в ее жизнь не совсем так, как девушка это представляла.

Глава 30

Соня сидела на качелях, заботливо придерживаемых Витором. Очень часто в последнее время они проводили вместе часы просто в тишине. Слова не имели значения, главное — что вместе. Сегодня причина была немного не в том, просто Соня собиралась с мыслями, им предстоял серьезный разговор.

— Ведь мы должны друг другу полностью доверять, правда? — Соня посмотрела в прозрачные глаза, желая услышать подтверждение.

— Да. Полностью и безоговорочно. В горе и в радости. В болезни и здравии, — он улыбнулся своей наивной невесте, желавшей постоянно слышать от него подтверждение собственных чувств. И видит Ях, он был не против их подтверждать.

— Не издевайся. Я серьезно. Ты доверишь мне? — Соня осталась серьезной, несмотря на явно игривое настроение собеседника.

— Конечно. Почему ты спрашиваешь? — он остановил качели, готовясь выслушать что-то важное.

— Тогда поверь, я понятия не имею, что это значит, — она открыла книгу, которую держала на коленях, достала оттуда свернутые вдвое листок. — Это письмо пришло ко мне неделю тому. Я сильно удивилась. Нет, даже не так, я ничего не поняла. Но никому из близких о нем не рассказала. Ты первый, кому я его показываю, — поколебавшись несколько мгновений, Соня протянула послание Витору.

Он принял листик, посмотрел еще раз на слишком грустное лицо вечно смеющейся Сони, и лишь потом развернул. Написанное заставило брови взлететь вверх, а потом собраться на переносице. Он был просто в шоке и, мягко говоря, в гневе.

— От кого это? — еще ни разу Соне не приходилось слышать его, когда Витор не мог справиться с гневом. Слова звучали словно угрозы.

— Мисс Смитт. Я понятия не имею, о чем она, — ее взгляд молил об одном: верь мне. — И не знаю, что с этим делать.

Он перевел взгляд с невесты на лежащее в руках письмо. Соня восприняла это как сомнение.

— Поверь мне, прошу, все, что там написано... — она сглотнула комок страха, мешавший говорить. — Все это бред. Я никогда, никогда бы не...

— Я тебе верю, — он попытался даже улыбнуться, хоть это и было сложно сейчас.

— Случайно или нет, его светлость сейчас здесь, я могу передать ему это послание. Но ведь адресовано оно не ему. А как попало ко мне — ума не приложу. Эта женщина явно что-то перепутала...

— Не волнуйся, я все улажу, — Витор провел по бархату щеки, пытаясь убрать из глаз ее страх. Конечно, он этому не поверил, даже не зная он правды и кому адресовано послание, все равно не поверил бы. Ведь видел, к чему приводит недоверие, как оно заставляет стареть за одну ночь и забирает воздух из легких беззащитных ангелов. — Позволишь, я заберу его?

— Конечно, оно мне не нужно, — Соня посмотрела на листок, будто на страшное, уродливое животное или заразную неизлечимой болезнью вещь. — Я просто не понимаю, с чего она вдруг взяла все, что там написала и почему написала это мне?

Витор приблизительно понимал, как так произошло. И уже знал, что будет делать. Хоть Майя просила его не вмешиваться в их с герцогом дела, которых, по ее словам, в общем-то и не было. Но если кроме его светлости, травлю начнет и эта женщина, бедной девочке придется совсем несладко. Тогда даже ее фиктивный брак станет невозможным. Он вставит на место мозги Дэрреку, только сначала покажет это ей.

— Я отдам его тому, кто будет знать, что с ним делать. — Соня одобрительно кивнула, не требуя объяснений. Она доверяла ему настолько, что прекрасно понимала — когда настанет время, он расскажет ей все, что будет нужно.

Несколько дней держалась теплая, солнечная погода, которой не могли нарадоваться все обитатели дома. Бабье лето печалило лишь тем, что не могло бы продлиться долго. Тратить такую пору на просиживания дома — настоящий грех. Вооружившись всем необходимым, Майя отправилась с самого утра на дальние поля. Прогулка выдалась славной и очень продуктивной. Ей было чем поделиться с папой.

По дорожке, ведущей к дому, она шла не спеша, лоя лицом солнечные лучи. Как странно, ведь раньше она действительно боялась солнца, пряталась от него под зонтами и тоннами юбок. А теперь, познавая людей, начинаешь все больше ценить природу.

Навстречу из дома вышел человек. Совсем скоро она поняла, что это Витор, и он мчится ей на встречу куда быстрее, чем это делает гуляющий. Предчувствуя что-то плохое, Майя и сама ускорила шаг.

— Что-то случилось? — она посмотрела в суровое лицо друга. — Что-то с Соней, с мамой? Что? — Майя собиралась уже обойти молчаливого мужчину, когда он вытянул вперед руку.

— Майя, прочти.

— Что? — она непонимающе уставилась на желтоватый лист.

— Это. — Витор не собирался объяснять, по крайней мере, до того, как она поймет, о чем идет речь.

С опаской Майя взяла в руки послание, развернула и попыталась вникнуть, благо, почерк был очень разборчивый.

«Леди Соня или голубка, как называет вас один наш общий знакомый,

Вы, наверное, удивлены получить это письмо, но поверьте, я была удивлена не меньше, узнав некоторые факты вашей биографии. Никогда бы не подумала, что такая молодая особа, воспитанная на лучших примерах светского поведения, опустится до того, чтобы записаться в любовницы его светлости, герцога Мэйденстера, а потом, когда ему наскучит, станет шантажировать, обещая посвятить высокий свет в вашу интрижку лишь затем, чтобы заставить его на вас жениться.

Это низко и недостойно. Я осведомлена, что совсем скоро вы все же выходите замуж, благо, не за его светлость. А значит, в ваших интересах сохранить эту связь в тайне. Я неплохо храню секреты, но при одном условии, что вы перестанете посягать на чужое. Жадность — плохое чувство, не стоит надеяться, что вы сможете сохранить и будущего

мужа, и любовника.

Сделайте правильный выбор, не стоит играть с судьбой и со мной.

Будущая леди Мэйденстер, Роза Смитт».

— Что это? — Майе захотелось выбросить послание куда подальше, настолько оно излучало грязь и угрозу. — Откуда?

— Это пришло Соне. Видимо, мисс Смитт осведомлена не обо всем, поэтому, ошиблась адресатом.

— Но ведь тут написан бред! Какой шантаж? Она в своем уме? — Майя понятия не имела, откуда та взяла все, о чем писала. А еще откуда знала, как он ее называл? Разве что он сам поделился или, скорее, чтобы случайно не спутать, называл их одинаково.

— Думаю, что нет. Я просто хотел, чтобы ты знала. Я отдам это его светлости, пусть сам занимается умирением своей любовницы, — он взял за край листа, собираясь забрать его у Майи.

— Нет. Я сама. Я сама скажу ему кое-что, — выдернув лист из мужских пальцев, Майя помчала обратно к конюшне. Она бросит это ему в лицо, пусть тогда попытается вновь сделать вид, что раскаивается. Перед глазами стояли картины, как они с красавицей Розой, кажущейся теперь худшей мегерой, смеются над ее наивным счастьем.

Всю дорогу до соседнего дома Майя репетировала свою пламенную речь, свой триумф и еще одну пощечину, которую он, несомненно, заслужил. Только успевший расседлать Тень мальчишка при виде ворвавшейся Майи чуть ли не застонал. Но к его счастью, на этот раз хозяйка сама достаточно проворно справилась с седлом, и заняло это у нее совсем немного времени.

Злость — вот что подстегивает лучше всякой мотивации. Она бы терпела столько, сколько нужно, если бы во все это не впутывали Соню, не впутывали ее семью. Но нет, это, как оказалось, слишком большая просьба. Ее жизнь должна стать пиром его тщеславия, только полнейший разгром по всем фронтам заставит его успокоиться. Только сравнив ее с землей в глазах всего мира и самой себя, он наконец-то оставит ее в покое.

— Его светлость дома? — Майя оставила Тень растерянному слуге, не ожидавшему увидеть посетительницу, еще и в таком виде.

— Да.

— Вот и отлично, — она достала из-за пояса сложенное письмо, помчалась по ступенькам в дом. — Мне нужен герцог, — дворецкий был так растерян, что даже не спросил, по какому вопросу и как доложить, а просто указал на закрытую в гостиную дверь. Если Майя очень хотела, умела и приказывать, и заставлять. Просто не любила себя саму с те моменты, когда ей приходилось это делать. Кивнув, девушка толкнула одну из створок.

Дэррек сидел на диване, спиной ко входной двери. Видимо, опять занимался какими-то своими вечными непрекращающимися делами.

— Я занят, если вопрос не срочный, зайди позже, — он сказал это не оборачиваясь, тон не оставлял права выбора, будь Майя не так взволнована, войти бы не посмела.

— Срочный, — сейчас же решительности ей было не занимать, закрыла за собой дверь, лишив перепуганному дворецкому всякого шанса узнать, что же такого произошло, девушка направилась в сторону мужчины.

— Майя? — он резко обернулся, явно не ожидал, что его побеспокоит она. — Что-то произошло? — Дэррек окинул ее изучающим взглядом: никогда еще не видел в таком виде. Мужского кроя замшевые штаны, расстегнутая на две верхние пуговицы рубашка, открывающая взору достаточно, чтобы заставить воображение работать с особым усердием. Высокие сапоги, плотно обтягивающие стройные лодыжки и икры.

— Произошло, — пока она приближалась, Дэррек успел подняться, не понимая, что заставило ее прийти, еще и такую взволнованную. Судя по сбивчивому дыханию, она сильно спешила. — Читайте, — Майя впечатала листок ему в грудь, не заботясь о том, больно ли сделала.

Дэррек накрыл ее руку своей, не давая сползти посланию на пол. Правда она сразу же отдернула свою, как только почувствовала жар. Мужчина перевел взгляд с пылающего лица на листок. Быстро пробежал по содержанию, не совсем все понимая.

— Что это?

— Это я должна у вас спросить, что это и почему это попало к моей сестре?

Он еще раз пробежал взглядом по написанному, пытаюсь вникнуть лучше.

— Это бред. Тут написан бред.

— Я рада, что вы это осознаете. Было бы неплохо, если вы сообщили об этом и многоуважаемой мисс Смитт. Иначе... — Майя пыталась выбрать достойную их поступка кару. — Иначе я сама сделаю это, и тогда, поверьте, ее не спасет до умопомрачения красивое лицо и точеная фигура, которая, несомненно, так вам дорога, я просто напросто выцарапаю ей глаза!

— Подожди, — он взял ее руку в свою, пытаюсь прекратить этот нескончаемый поток речи. — Объясни нормально.

Почувствовав его ладонь на своей, Майя дернулась от неожиданности, но это сработало и отрезвляющим фактором.

— Это письмо пришло Соне. Видимо, мисс Смитт не совсем в курсе всего... — в глазах вновь вспыхнул воинственный огонек. — И посчитала, что Соня угрожает ее правам на вас, как «будущей леди Мэйденстер». — Майя передразнила ее подпись в письме. — Надеюсь, вам не нужно объяснять, как Соня была удивлена, получив подобное послание? Благо, она показала его Витору, а не маме. А он, уж так сложилось, знает немного больше моей сестры. Я отдаю его вам лишь с одной целью — усмирите свою любовницу, — она вздернула подбородок, не желая чувствовать над собой превосходства ни его, ни этой женщины.

Дэррек смотрел на то, как эта белая роза выпускает шипы, которые, оказывается, у нее есть. Каждый раз, открываясь с новой стороны, она все больше привлекала его, все больше убеждала, что за нее стоит бороться, что вознаграждение того достойно. А еще она ревнует, и это обрадовало его до умопомрачение.

— Ты ревнуешь. — Дэррек улыбнулся.

— Что? — Майя попыталась вырвать руку, но он ее придержал. — Вы в своем уме? Отпустите меня, я сказала все, что собиралась, — вместо того, чтобы послушаться, Дэррек повторил свой обычный трюк: обвил талию руками, притягивая ближе к себе.

— Ты ревнуешь! — он даже не скрывал своей радости, а то, что мужчина не спрашивал, а утверждал, заставило Майю злиться еще больше.

— Кого? Мисс Розу? Простите, но я не испытываю к ней нежных чувств, — она уперлась руками в мужскую грудь, не давая прижать себя еще плотнее. — Отпустите!

— Поцелуй, тогда отпущу, — Майя почувствовала себя совсем неуютно, вновь

оказавшись в ловушке.

— Я скорее поцелую вашего дворецкого, чем вас! — она еще раз попыталась заставить его отодвинуться, но силенок не хватило даже на миллиметр.

— Неправильный ответ, голубка, — покоившаяся на талии до этого рука чуть опустилась, заставив девушку пискнуть. Нет, такой наряд ей тоже определенно идет, только ходить она в нем будет тогда, когда на расстоянии километра вокруг никого, кроме него самого, не будет, слишком большой соблазн.

— Не называйте меня так, у меня есть имя, если не нравится оно — титул. А из стаи ваших голубок, надеюсь, я уже списана, — Дэррек удивился, но уточнять, что же она имела в виду, не стал.

— Мне нравится имя, — чем ближе он приближался к ее лицу, тем заметнее становилась вновь появившаяся бирюза глаз, — а еще нравится, что ты ревнуешь, голубка, — прежде чем она успела вновь возмутиться, он накрыл ее губы своими. Как давно, сколько дней, ночей, недель тому он ощущал вкус этих губ! И стоило им открыться, он вновь понял, что никогда не насытится.

Ях, что она делает? Уже почти забытые ощущения вновь заставляют тело трепетать, чужие, но такие родные губы заставляют ее поддаться натиску, открываясь для нового наслаждения, а покоившиеся еще несколько мгновений тому на задних карманах руки уже путешествуют по спине, выправляют рубашку, чтобы заставить кожу покрыться мурашками от нежных прикосновений.

Куда подевалась та сила воли, которую она так долго пыталась в себе воспитать, где та жажда крови, с которой она ворвалась в эту комнату? Почему вместо того, чтобы дать ему еще одну заслуженную пощечину, она сама прижимается плотнее, реагирует на все прикосновения, подставляет поцелуям шею и зарывается пальцами в густые волосы. Майя, почему ты снова наступаешь на грабли, которые бьют так больно?

Теплые волны накрывали Майю с головой, заставляя тело пробираться мелкой дрожью. Каждый раз, когда Дэррек отнимал губы, чтобы поцеловать в другом месте, Майя жалела, что это не может длиться вечно. Все изменилось, когда ласкавшая до этого спину рука скользнула вперед, сдавив грудь. Не больно, так же осторожно, как только что пробовала на ощупь позвонки, но это стало ошибкой. Мир истомы рухнул, в памяти снова ожили воспоминания ночи, когда о такой ласке она могла только мечтать. Моментально отрезвев, Майя вырвалась из объятий.

— Нет, — она закрыла лицо руками, пытаясь отогнать навязчивые видения. Но быстро опустила руки, боясь, что он может вновь воспользоваться ее беспомощностью, не посчитавшись с ее желанием прекратить это.

Дэррек отпустил ее скорее от неожиданности, но увидев проснувшийся в глазах страх, снова попытаться поцеловать бы не рискнул. Ее желание должно было стать законом, даже если оно безрассудно, а тем более, сейчас, когда порождено оправданным страхом.

— Прости, — он извинился за то, что не сдержал порыв, даже зная, как она может на это отреагировать. О том, что только что сжимал ее в объятиях он не жалел ни капли.

— Я лучше пойду, — Майя попыталась на ходу оправить одежду, заправляя рубаху и застегивая каким-то дивным образом оказавшиеся расстегнутыми пуговицы.

— Подожди. — Дэррек снова приблизился, поднял за подбородок залившееся краской лицо, заметив, что она пытается изо всех сил отвести глаза. — Все же почему ты не сказала о своем дне рождения? — лучше отвлечь ее от воспоминаний, которыми она сейчас себя

обязательно снова станет мучить.

Она на секунду застыла, но потом с новой силой взялась за работу.

— А что я должна была сказать? Ваша светлость, простите, сегодня ничего не получится, у меня праздник? Вы-то сами понимаете, как абсурдно это звучит?

— Ты могла просто об этом сказать.

— И что? Вы бы изменили решение?

Скажи он «да» — соврал бы. Не тогда, то на следующий день или через два дня, но он сделал бы ее своей.

— Нет, — он поправил завернувшийся внутрь ворот.

— Тогда зачем эти разговоры? — она наклонилась, чтобы поднять лежащее на полу письмо. — Я надеюсь, это последний связанный с вами инцидент в нашей жизни. — Майя положила листок на маленький столик. — И такое, — она явно имела в виду не письмо, — больше не повторится.

— Если ты не захочешь. — Дэррек смотрел, как она проходит мимо, уже привычно огибая по безопасной дуге.

— Не захочу, — она бросила упрямый взгляд через плечо и продолжила свой путь до двери, соблазнительно покачивая бедрами.

Ях, все вышло совсем не так, как она планировала. Вместо того чтобы показать, как сильно презирает его и его пассию, поддалась даже не напору, а всего лишь предложению. Нет, с этим нужно что-то делать. Он даже не заставил, просто поманил. Она могла ударить, могла укусить, могла закричать. Она могла закончить все раньше. Могла даже не начинать, а стояла только что там, ловя все его бесстыжие ласки. Когда за окном мог проходить слуга или любой другой человек, когда в комнату могли зайти.

А главное после того, как он втоптал ее в грязь. После того, как ударил прямо в открытую душу. Насколько же она жалкая, если даже после всего готова отдаться по первому приглашению?

Пнув ногой подвернувшийся камушек, Майя, злясь уже на саму себя, вновь помчалась в поля. Подальше от него и от той себя, которой она становится с ним.

Этот день принес Дэрреку еще одну неожиданность. Конечно, не такую приятную, но все же намного лучше, чем он мог рассчитывать.

Герцог никогда не отличался любовью к шумным компаниям, законно считая себя одиночкой. Но в последнее время пустые вечера его напрягали. Ведь стоило преодолеть несколько километров, и он смог бы провести их с той, чья компания наскучить не могла. Особенно сегодня, когда он уверился в том, что под маской новой, колючей Майи, скрывается все та же нежная, податливая, его... Только нужно еще немного подождать. Не спугнуть, не испортить все своим нетерпением.

— Ваша светлость, там посетитель.

— Кто? — Дэррек развернулся, отвлекаясь от созерцания темноты за окном.

— Он представился Витором Винсентом. Если не ошибаюсь, это жених леди Сони, — он лишь слышал о помолвке, знал Дивьеров, ведь они общались со старыми хозяевами, а всю прислугу герцог просто восстановил на должностях, а вот самого мужчину не видел. Удивился, когда уже во второй раз за день на пороге появился анибалът. Но в отличие от утреннего промаха, падать в грязь лицом не собирался.

— Винсент? — Дэррек искренне удивился. Несколько раз отец девочек упоминал о том, что в скором времени к ним должен прибыть Витор, но это занимало мысли герцога не больше, чем обеденное меню. А то, что оказавшись тут, тот решит его навестить — совсем удивительно. Хотя... Может, и нет. Он ведь не глупец, и не слепой. — Пригласи.

Гостя он ожидал, стоя скрестив руки возле своего рабочего стола. Дэррек принимал для себя важное решение. Нужны ли ему союзники или стоит полагаться только на свои силы? Жизнь предоставляла ему шанс еще больший, чем он думал.

— Вечер добрый, — Витор улыбнулся хозяину дома, будто старому другу. Правда, как только дверь за служащим закрылась, улыбка пропала с губ.

— Добрый, — Дэррек склонил голову, решив, что союзники все же не будут лишними.

— Я не стану спрашивать, какого черта имею честь лицезреть вашу... — Витор перебрал в голове множество эпитетов, но все же оставил их при себе, — светлость в этом доме. Спрошу лишь об одном: что вы не поняли в предупреждении больше никогда к ней не приближаться? — раньше Дэррек никогда не подумал бы, что прозрачные глаза тоже могут гореть пламенем, только если у его голубки это пламя возникало вместе со страстью, то у ее некровного брата — в приступах гнева.

— Сядь, — Дэррек указал на стул, никак не реагируя на угрозу. Он должен был остаться спокойным, и собирался так и сделать.

— У тебя плохо со слухом? — Витора же бесило это спокойствие.

— Нет. Я отвечу на оба твоих вопроса. Просто сядь, — обойдя стол, Дэррек сам устроился на своем рабочем месте. Сказать, что Витор такому поведению удивился — не сказать ничего. Он ожидал язвительности, злости, издевки, триумфа, но никак не ледяного спокойствия. Именно из-за шока он и подчинился.

— И? — пауза затянулась, а начинать объяснения Дэррек не спешил.

— Я приехал из-за Майи.

— Ты уникальный подлец! — Витор выплюнул это обвинение собеседнику просто в лицо. — Лучше бы соврал! Тогда я убил бы тебя быстро.

— Неужели ты считаешь, что твои угрозы могут как-то повлиять на мое решение? — в его глазах тоже блеснула решимость, правда он быстро затушил раздражение, понимая, что больше пользы от этого разговора получит он сам, чем разъяренный Витор.

— Что тебе нужно? — проблема была именно в том, что Витор прекрасно понимал, что ни он сам, ни кто-либо другой на этого человека повлиять не в силах. Нет смысла взывать к совести, нет смысла угрожать или просить. Лишь собственные решения имеют для него значение. — Ты имеешь хоть малейшее представление, что заставляешь ее переживать? Чем она так провинилась перед тобой? Отец, которого ты считаешь виновным в смерти покойного герцога, не получил такого наказания как она! — обычно безэмоциональное лицо скривила гримаса.

— Я люблю ее, — он сказал это тихо, но находишь Витор по ту сторону комнаты, он все равно услышал бы пронзительное признание и был бы не менее ошарашен.

— Ты что?

— Я. Люблю. Ее. — Дэррек смотрел на него неотрывно. — Потому и приехал. Я виноват, смертельно виноват перед ней. Но я люблю ее и не могу отпустить.

— И давно ты решил, что любишь? — он не поверил. Сложно поверить в слова из уст человека, не ставившего это чувство ни во что.

— Ты не обязан мне верить. Я бы тоже сам себе не доверял. Но это так. Я тут для того,

чтоб она меня простила.

— Простила что? Что ты сделал? Ведь не просто так отпустил? Это был бы не ты. Ты любишь мстить. Даже за то, что она не совершала, — Витор давил на самые больные точки, вновь будя ненависть к самому себе.

— Нет. Я не отпустил просто так.

— Я не сомневался. Достойный настоящего герцога поступок! Мстить хрупкой девушке, беззащитной из-за собственных чувств вместо того, чтобы найти того, кто твой действительный соперник и сражаться с ним.

— Я был слишком зол.

— А теперь? Теперь она имеет право быть слишком злой?

— Теперь она имеет право на все.

— Даже просить тебя выметаться из своей жизни навсегда и получить согласие?

— Если она не сможет меня простить — да.

У Витора не укладывалось в голове, что эти слова произносит тот эгоистичный Дэррек, которого он знал много-много лет.

— Зачем ты рассказываешь это все мне? Если мои угрозы не имеют на тебя ни малейшего влияния?

— Мне нужна твоя помощь, — странные слова. Он впервые обращался к кому-то за помощью. А теперь будто пробовал их на вкус.

— Моя? — Витор рассмеялся. — В чем? Ты хочешь, чтобы я уверил Майю в том, что ты ее любишь? Так я сам в это не верю! Это просто очередная прихоть. А шепни кто-то тебе, что видел ее подающую руку лакею, ты просто напросто убьешь и его, и ее. В отличие от тебя, она стоит для меня больше, чем приглянувшийся домашний питомец.

— Я не прошу верить, — про себя он добавил, что ему должна верить она одна, и этого будет достаточно. — Я прошу о помощи.

— Какой? — Витор сдался в попытках получить объяснения.

— Ваша с Соней свадьба запланирована на последнюю субботу октября?

— Да. Но при чем тут это?

— В этом и будет состоять помощь, точнее ее часть, — он не мог быть уверен, что просвети Витора во все свои планы, тот непременно согласится. Оставалась вероятность того, что он просто высмеет, а потом раскроет задумку Майе, сведя ее к нулю, но Дэррек сознательно шел на этот риск ради одного — призрачного шанса наладить то, что он тогда разрушил.

Выходя из соседского дома, Витор не знал, смеяться ему во весь голос или вернуться, чтобы все-таки врезать пару раз его светлости. После всего, что услышал, после того, что увидел, он почему-то подумал, что вероятно погорячился.

Его светлость — похититель сердец, заядлый холостяк, известный повеса, вдруг влюбился в хрупкую, слабую и в то же время такую сильную Майю? И что же? Вы скажете абсурд? Первый красавец, лучшая партия, мечта любой девушки и изгнанная из общества анибальт? Такое бывает? Нет, это невозможно! Но почему же тогда он сам соглашается делать то, о чем его попросили? Почему будет исполнять его поручения, вместо того, чтобы предупредить о подвохе Майю?

Наверное, потому, что от всего сердца желает ей счастья. И, черт возьми, ее счастье заключено в том, кто стал причиной страданий.

Витор не рассказал о своем недавнем визите к его светлости Майе. Отчасти потому, что она просила этого не делать, отчасти потому, что согласился подыгрывать Мэйденстеру. Пока что ничего не должны были знать и ее родные.

Этим вечером в их доме вновь должен был состояться ужин, на который был приглашен герцог.

Майя прекрасно понимала, что это неизбежно, что, не объясняя своей антипатии, она не заставит родителей отказаться от его общества. И весь день готовилась к новой встрече. Как ни странно, именно на окружающих ее людей она и уповала. Ведь, как оказалось, в их присутствии ей стоит бояться Дэррека намного меньше, чем наедине. При всех он не сможет в очередной раз доказать, что ее силы воли достаточно разве что отказаться от обеда, но никак не от своих низких желаний и его странных игр.

О том, что она отдала письмо герцогу, Витор узнал в тот же вечер, когда и сам вернулся из имения. Дэррек подтвердил, что подобное не повторится. Он уже отправил Розе пламенное послание, содержащее и ее угрозы, и его ответ. Стоит ей повторить свою попытку, и с карьерой она может попрощаться. А больше его денег и власти, она любила разве что собственную популярность. Жаль, он не мог успокоить этим Майю.

Сегодняшний вечер обещал стать важным для него. Впервые Витор имел возможность узнать, чего стоят слова Дэррека. Увидеть, правда ли то, во что он начинал верить все сильнее.

— Как должен выглядеть влюбленный мужчина? — они с Соней спускали вниз по лестнице, когда ему пришел в голову этот вопрос.

— Как ты, — Соня сжала его руку сильнее. Прежде чем войти в столовую, Витору предстояло ее отпустить.

— Как это, как я?

— Когда ты смотришь на меня... — она сама пыталась подобрать нужные слова и понимала, что ощущений ими не передать. — Я чувствую взгляд, будто под кожей. И тепло становится в груди.

— Но ведь это не я так выгляжу, — Витор улыбнулся невесте.

— Да... — Соня ответила стеснительной улыбкой, она только училась откровенно признаваться в том, что ощущает. — А ты... Ты смотришь на меня не так как на всех вокруг.

— А как?

— Как только на меня, — более понятного объяснения он не получил. Но в том, что она описала все как можно правдивей, сомнений не было.

Дэррек прибыл вовремя, как всегда пунктуальным был и генерал. В семь непривычно большой компанией они сели за стол. Волнения Майи были напрасны. Как и в день отъезда на охоту, герцог уделял ей внимания не больше, чем тикающим на стене часам. Но в отличие от того утра, сегодня она была за это благодарна.

Только увидев его, в темном костюме, на фоне которого белая рубашка казалась снятой со снежной горной вершины, у Майи перехватило дыхание. Каждый раз, после перерыва, будь-то день или неделя, ей казалось, что она видит его впервые и что хранящийся в памяти образ слишком блекл рядом с оригиналом. Но когда она спохватилась, что просто напросто пялится, было уже поздно. В поймавших на подглядывании глазах зажегся еле заметный

лукавый огонек. Вот и все. Весь последовавший за этим ужин он уделял внимание всем, дискутировал с отцом, с удивительно доброжелательным Витором, мамой, генералом, а у нее самой будто перехватило дыхание. Она не могла вставить ни слова. Стоило только снова бросить в его сторону взгляд, как перед глазами становилась сцена их недавнего поцелуя.

Сидящий по левую руку генерал делал попытки завести с ней разговор, но Майя была так рассеяна, что слишком часто прослушивала, переспрашивала и извинялась.

— Как вы считаете? — так было и в этот раз. Смотря из-под опущенных ресниц на притягивающее взгляд лицо, она пропустила очередную реплику генерала.

— Простите? — Майя оглянулась на него, в сотый раз сбрасывая наваждение.

— Витор сказал, что не имел бы ничего против, реши его жена заняться наукой, а как считаете вы, совместима роль жены, матери и обучение?

Он задал этот вопрос не просто так, прекрасно помня, как о таком ее странном желании ему сообщил друг. По правде, скажи она, что верит — совместимо, пусть это и чушь, он посчитал бы, что ждать Сониной свадьбы, смысла нет. Он сделал бы предложение сегодня же. Ведь ни ему, ни ей пышное торжество не нужно, а вот наблюдая за ней, он с каждым днем думал все больше и уверенней, что желал бы поскорей заполучить ее в жены.

— Нет, — она уткнулась в тарелку. Со всеми присутствующими в этом доме мужчинами у нее уже когда-то был такой разговор. И каждый раз она отвечала правду, стремление к науке — всего лишь попытка облегчить участь не состоявшегося семейного счастья. — К сожалению, нет.

— Но почему перед мужчинами не стоит такой выбор? Семья — не помеха реализации, а работа — не замена семье, — вопрос задал Дэррек. Он весь вечер ждал, когда же наконец-то выпадет возможность, не скрываясь, посмотреть на нее, услышать ее обращение, почувствовать ласку ее голоса.

— Вам повезло, — она грустно улыбнулась. — Вы проще относитесь и к первому, и ко второму. Вы не ставите перед собой целей, которых невозможно реализовать в принципе, и не сгораете от любви к мужу и детям. Вы способны на рациональное разделение. Без ущерба. Во всяком случае, без ущерба, по вашему мнению.

Графиня покачала головой, в очередной раз, удивляясь тому, куда заводят сомнения мысли дочери. Думала ли она в двадцать о подобном? Нет, она радовалась двум своим дочерям. Думает ли она о таком почти в сорок? Нет, она продолжает радоваться своим дочерям.

— А как же утверждение, что мужчина — это надежный тыл? Может наоборот, мужчинам не повезло, ведь им суждено разрываться? У них нет выбора?

— Поверьте, надежный тыл, о котором мечтает женщина, требует намного меньше усилий, чем некоторые мужчины прилагают. Нам просто нужно знать, что если мы начнем падать, нас удержат, — «а ты не удержал...»

«А я не удержал...» — Дэррек смотрел в эти спокойные глаза, представляя, сколько еще предстоит преодолеть, прежде чем она сможет снова поверить.

— Ваше сиятельство, — в столовую вбежал запыхавшийся слуга. — Горят конюшни!

Сидящие за столом вмиг забыли о беседе. Первым с места сорвался граф.

— Как это случилось? — он отбросил салфетку.

— Неизвестно. К стене была прислонена солома, наверное, кто-то бросил огонек, вот она и занялась. Нужно срочно тушить.

Вслед за отцом вскочили и все остальные.

— Пусть слуги набирают воду. У вас есть системы полива около конюшни? — хладнокровный ум Дэррека заработал с удвоенной скоростью.

— Да. Ее нужно включить. Беги! Пусть мужчины набирают воду, — увидев, что парень растерялся, граф даже прикрикнул: — Бегом!!!

Тот вздрогнул, рванул в двери. Вслед за ним вылетели и мужчины, оставив растерянных женщин стоять у своих стульев.

Сердце у Майи билось как сумасшедшее. Что делать?

Не в силах стоять на месте, она понеслась вслед за скрывшимися на улице.

— Соня, не оставляй маму! — прежде, чем та успела остановить дочь, Майя уже оказалась на холодном ветру.

В голове билась сотня мыслей: она должна что-то делать! Должна куда-то бежать, и она бежала вслед за несущимися со всех ног мужчинами. Ей навстречу мчались слуги с пустыми ведрами. Майя сто раз прокляла свое неудобное платье, мешающее передвигать ногами. Правда стоило увидеть, как над невысоким зданием клубится дым, подол перестал занимать ее мысли. Только сейчас она поняла, что ведь там Тень! В огне сейчас может быть ее Тень.

Подобрав несносные юбки, она помчала еще быстрее. Не имело значения пламя, дым, крыша, которая могла обрушиться каждую секунду, она должна была спасти своего друга.

— Куда? — Дэррек перехватил ее за талию, когда она пыталась проскользнуть мимо, даже не замечая его.

— Отпустите, — она вцепилась в держащую ее руку. — Там лошади, — ее попытки заставить его расцепить пальцы не увенчались успехом.

— Вернись в дом, Майя, — отец сбросил пиджак и тут же начал закатывать рукава, его примеру последовали Витор с генералом. Дэррек успел сделать это раньше, а теперь удерживал пытающуюся увернуться Майю.

— Там Тень, папа! — она снова попыталась заставить мужские руки разжаться.

Граф вопросительно посмотрел на стоящего рядом конюха:

— Мы не всех лошадей вывели. Некоторые забились в стойла и не выходят, а сейчас уже туда идти опасно, крыша может рухнуть в любой момент. Лошадь леди тоже не выводили.

Подтверждая слова мужчины, одно из перекрытий упало, вслед за треском из здания раздалось истошное ржание.

— Нет, — она даже не крикнула, лишь сердце упало в пятки. Нет, Ях, не смей! Не смей этого делать!

— Майя, уйди! — Дэррек отпустил руки, почувствовав, что она перестала сопротивляться.

Надеясь, что девушка послушается, мужчина наконец-то смог подойти ближе. Забирая из рук подносивших ведра с водой, он стал тушить огонь. А пока ведра несли, умудрялся еще и забивать огонь каким-то покрывалом.

— Там слишком много дыма, мы не сможем вывести лошадей! — Пимтс попытался перекричать шум, закрывая нос рукавом рубахи. — Крыша завалится с минуты на минуту. Мы даже не успеем подать воду из поливальных систем.

Отец нашел глазами все того же конюха. Удивительно, но даже через шипение, треск и испуганное ржание он услышал вопрос.

— Сколько там осталось лошадей?

— Три!

— Ях... — он выплеснул очередное ведро, понимая, что бедняг они уже не спасут.

Стоявшая все это время в ступоре Майя будто проснулась. Нет, они не станут даже пытаться вызволить бедных животных. Но она не может оставить там Тень! Она никогда себе не простит, что слышала его мольбы о помощи и не спасла. Закрыв лицо рукой, Майя вновь попыталась проскочить внутрь.

— Дэррек! — Витор окликнул мужчину как раз тогда, когда она уже почти добралась до перекосившегося входа.

Не церемонясь, он дернул ее на себя за руку, отбросив пустое ведро.

— Что ты творишь?! — лицо, покрытое слоем копоти, внушило бы ужас, не будь Майя в таком состоянии. — Куда ты лезешь?! — он встряхнул девушку за плечи, словно куклу. — Я ведь сказал, иди в дом!!! — и прежде чем она успела что-то ответить, толкнул в сторону от догорающих конюшен.

Но вместо того, чтобы послушаться, упрямица снова остановилась. Если нужно, она оббежит здание с другой стороны, лишь бы спасти лошадь.

— В дом!!! — он еще никогда так на нее не кричал, даже будучи в состоянии неконтролируемой ярости, он не кричал. А сейчас, отведя взгляд от пожарища, Майя натолкнулась на непробиваемую стену, он не даст ей подойти ближе, а если будет упрямитесь, оттащит в дом собственными руками. — Выбирай, я сторожу тебя или спасаю лошадей!!!

На секунду на нее обратилось все внимание, вместо того, чтобы тушить пожар, люди ждали ее ответа. Майя перевела растерянный взгляд с перекошенного лица Дэррека сначала на отца, потом Витора, и читала в них одно и то же.

Не давая себе времени передумать, Майя побежала домой. Подгоняемая страхом, обидой, стыдом и еще сотней чувств. Вела себя как последняя дура, а теперь... А теперь он сам ползет в грозящее обвалиться в любой момент здание только из-за нее. Дура, дура, дура, дура.

Соня с мамой стояли у дома, издали наблюдая за поднимающимся в небо столбом дыма. Они держались за руки, просто молясь о том, чтобы все обошлось. Как должна была делать и она. Молча ждать, а теперь... А теперь он будет рисковать жизнью из-за нее.

— Майя... — мама обняла дочку за трясущиеся плечи, — все будет хорошо.

Как ей хотелось крикнуть в ответ, что не будет! Что никогда не будет, если с ними что-то случится!!!

— Что ты собрался делать? — теперь уже Витор схватил Дэррека за локоть. — Сейчас все обвалится к чертям!

— Там лошади! — он высвободил руку, перекрикивая окружающий шум.

— И что? Ты представляешь, какой там ад?! Не дури! — Витор взял из рук мужчины еще одно ведро.

Вместо того, чтобы ответить, Дэррек метнулся ко входу, набросив на голову и спину одеяло. Он пообещал спасти эту лошадь, значит, он это сделает. Он не слышал уже ни возгласов оставшихся мужчин, ни треска упавшей сзади балки. Одна из лошадей забилась в угол прямо у входа. Чтобы заставить ее идти к выходу, Дэрреку пришлось тянуть со всей силы, а потом поднимать обрушившийся кусок крыши. Дышать было нечем, дым выедал глаза, а покрывало, которым он защищался от огня, уже прожгло в нескольких местах. Слишком поздно он подумал, что нужно было его смочить. Когда мужчина вернулся за

второй лошадей, различать предметы он мог только по силуэтам. Еще совсем жеребенок сам вышел навстречу, чувствуя в нем свое единственное спасение. Но это был не Тень. Где он, Дэррек не имел ни малейшего понятия — если раньше разносилось его ржание, то последние несколько минут конь молчал.

Оставалось только надеяться, что он все еще жив и в сознании.

— Тень! — Дэррек кричал, будто конь как собака может откликнуться на свое имя. Но даже это сейчас, казалось, могло помочь в поисках. — Тень!

Совершенно случайно он услышал, как лошадь волнуется. Бедный... От страха он забился в самый дальний загон. Чтобы добраться до лошади, пришлось поднять преграждающие дорогу балки. А как только Дэррек оказался уже совсем близко, ему на плечо обрушилась еще одна, содрав кожу вместе с тканью рубахи.

— Черт, — мужчина ругнулся, сцепив зубы. Несмотря ни на что, он должен был вывести этого коня. Держась за раненое плечо, мужчина подходил к беспокойному Тени очень медленно, чувствуя, что тот может ударить из-за неконтролируемого страха.

— Спокойно, мальчик... Спокойно... — пытаюсь глубоко не вдыхать, он по миллиметру подносил руку к вожжам, к счастью, конь был запряжен. В тот самый момент, как он перехватил кожаные поводья, Тень попытался встать на дыбы. — Стой!

Или приказ у него получился действительно угрожающим, или просто животное поняло, что в его лице угрозы нет, но слегка дернувшись, Тень встал на все четыре ноги.

Как только из конюшни показался кашляющий Дэррек, крыша над той частью здания, где он нашел лошадь, обвалилась. Помедли он еще минуту, перекрытия схоронили бы заживо в одной на двоих с конем могиле.

— Это была дурость!!! — подлетевший к нему Витор, подхватил герцога под здоровую руку, не давая упасть.

— Зато я спас ее коня... — Витор не верил своим ушам, этот сумасшедший, который лишь чудом избежал гибели, шутил. Он шутил, черт его возьми!!! Нет, на такое способен только влюбленный балбес.

Глава 31

Через час дом погрузился в странную, давящую тишину. В нескольких сотнях метров дотлевали остатки пожарища. Здание спасти не удалось, зато все лошади остались живы, отделавшись испугом и другими мелкими травмами. Впрочем, как и люди.

Вернувшись в черной от сажи рубашке, графу Дивьеру пришлось успокаивать бросившуюся ему на шею жену, которая до этого пыталась изо всех сил ободрить дочерей.

— Как я испугалась! — когда она прижалась к нему всем телом, он впервые почувствовал удар ножки своего будущего ребенка.

— Тебе нельзя, — Нортон ласково погладил по голове трясущуюся женщину.

— Я знаю, — а из глаз брызнули слезы.

Когда вслед за отцом к крыльцу подошли остальные мужчины, время облегченно вздохнуть пришло уже и дочерям. Не желающий пугать Майю своей травмой, прежде чем предстать пред их очи, Дэррек снял руку с плеча Витора.

— Я дойду, — тот пристально посмотрел, но перечить не стал, коротко кивнув.

Дэрреку срочно нужно было хотя бы сесть на несколько минут, но сначала он хотел успокоить ее. Вновь без слов, вновь на знакомом только им языке.

«Все хорошо. Я жив, Тень жив».

Увидев его, Майя издала какой-то неопределенный звук, облегчение смешалось с радостью и тревогой. Показалось, или он правда идет как-то неуверенно? Пока Соня водила по любимому лицу, рукам, проверяя их целостность, Майя могла только смотреть на то, как он не привычным своим размашистым, а каким-то нетвердым шагом подходит к отцу.

— Я лучше поеду, — лицо Дэррека чуть скривилось — ветка задела раненое плечо.

— Нет. И речи быть не может, — граф выпустил из объятий жену. — Комнат хватит на всех. Я распорядюсь подать горячую воду как можно скорей, — и прежде чем Дэррек успел возразить, хоть и сам понимал, что меньше всего он сейчас нуждается в поездке домой, один из рабочих взялся проводить его до покоев.

Мимо Майи он прошел, даже не обернувшись.

Ях, это она во всем виновата! В том, что ему пришлось давать обещание, а потом и выполнять его. Майя закусила губу, боясь, что расплачется. Какая же она дура.

Уже оказавшись в комнате, Дэррек просто повалился на не расстеленную кровать в закопченной одежде, не заботясь о том, что в дверях продолжал стоять провожатый.

— Вам бы промыть рану.

— Я разберусь, — сил не было ни на что, даже снять грязную рубаху, чтобы не получить заражение.

Покачав головой, мальчишка вышел.

В этот вечер не имело значения, кем ты родился — мужчиной или женщиной, богатым или бедным. Кем ты был — леди или служанкой. Что ты умел — вышивать или шить. Они все вместе пытались помочь друг другу пережить весь этот ужас. Валяющиеся с ног от усталости герои разбрелись по комнатам, не в силах даже притворяться, что приключение

далось им малой кровью, Майя еще с двумя работниками осматривали лошадей, проверяя, все ли с ними нормально. Соня, отправив маму в спальню, руководила разносом воды для всех — и лордов, и работников, не гнушаясь делать это наряду с привычными таскать тяжелые ведра служанками.

Все это время, весь долгий час, Майя просто боялась вернуться домой. Боялась увидеть во взгляде кого-то осуждение, боялась увидеть гнев в глазах самого герцога. На сей раз заслуженный гнев. Но стоять на холоде она не смогла, как бы ни хотела. Когда конюхи закончили осмотр, пришлось вернуться в дом.

— Майя, наконец, — ей навстречу вылетела Соня, несущая огромный медный таз. — Возьми на кухне еще воды, отнеси Витору. Уже не хватает рук.

— А куда этот? — она подставила руки, забирая у сестры тяжелую ношу.

— Это промыть рану.

— Кому?

— Герцогу, — в глазах Майи блеснул страх, но она быстро взяла себя в руки.

— Я отнесу, — и прежде чем сестра успела возразить, помчалась наверх. Он ранен, и это тоже ее вина, а значит, именно ее долг вину искупить.

Сняв рубашку, Дэррек успел умыться, даже немного прополоскать плечо, но для того, чтоб оно перестало так ныть, он надеялся, ему удастся промыть его еще раз. После душевой, задымленной конюшни, ему не хватало воздуха. Открыв окно, мужчина облокотился руками о раму. Да уж, давненько он не попадал в такие передрыги. Будто проверяя, подвигал мышцами руки. Боль заставила зашипеть.

Майя зашла очень тихо, поставила таз на стул, аккуратно закрыла дверь.

— Я принесла воду, — услышав ее голос, Дэррек резко обернулся. Она стояла, опустив глаза, будто нашкодившая школьница, перед воспитательницей.

— Спасибо, — он не двинулся с места, давая ей свободу выбора. Девушка могла снова сбежать, или остаться с ним. Ведь она этого хотела, еще тогда, когда только увидела. Хотела подойти, дотронуться, убедиться, что жив и даже почти невредим. Только признаться самой себе в этом очень сложно. Уж не говоря о том, чтоб открыться в подобном перед ним.

Первой звенящей тишины не выдержала она, дернувшись в сторону двери, но оклик Дэррека ее остановил.

— Постой. Помоги мне, пожалуйста, — она недоверчиво оглянулась. — Промыть плечо.

Не дожидаясь повторной просьбы, Майя опять схватила свою тяжелую ношу. Устроила ее на прикроватной тумбочке. Дэррек сел на кровать ближе к изголовью.

Несколько мгновений девичий взгляд блуждал по комнате, пока она не нашла то, что искала. В углу стоял сундук, в котором должно было лежать свежее белье. Так и есть, схватив белую наволочку, Майя вернулась к мужчине.

И без того слабые руки, сейчас из-за волнения не смогли справиться даже с тем, чтобы порвать тонкий материал.

— Дай мне. — Дэррек дотронулся до сжатого кулачка, пытавшегося растерзать ткань. Взглянув чуть испуганно, она отдала. Тишину разорвал треск врущейся материи.

— Спасибо, — девушка смочила получившуюся тряпицу теплой водой.

Боясь сделать больно, Майя начала обтирать поверхность вокруг раны очень осторожно. Каким бы бедным ни был ее опыт врачевания, она понимала, что травма не смертельная, но

неприятная. Увлеченная своей работой, она переместилась, оказавшись в ограждении его сложенных на коленях рук и чуть раздвинутых ног.

Срезай она ему сейчас плоть с плеча ножом, он вряд ли бы это заметил, любуясь сосредоточенным лицом, тонкой шеей, вздымающейся при каждом вздохе грудью. Когда он положил руки на тонкую талию, она лишь на секунду напряглась, а потом продолжила работу.

— Прости что накричал, — он притянул ее чуть ближе. Обработав поверхность вокруг раны, она приступила к самой содранной коже, прекрасно представляя, как это должно быть больно. Если ему так удобно держаться за нее, сжимать руки сильнее, когда она сделает неосторожное движение и вновь их расслаблять, когда она все делает правильно, Майя не станет противиться.

— Это вы простите меня... — рука чуть дрогнула. — Из-за меня, вы могли... — переведя дыхание, она договорила. — Вы могли пострадать. Я вела себя глупо.

— Ты вела себя мужественно.

— Я вела себя как дура! — отбросив тряпку в воду, Майя закрыла лицо руками, пытаясь скрыть подступившие слезы. Вот только всхлип спрятать не удалось.

Дэррек уткнулся лицом в платье, чувствуя одновременно и ее отчаянье и свое счастье — не произойди сегодня то, что произошло — он и мечтать не мог бы о том, чтобы вновь подойти к ней так близко.

— Я сделал бы так же, будь в конюшне мой конь, — он говорил тихо, не желая испугать ее еще больше. Льющиеся сейчас слезы — реакция на весь полученный сегодня стресс. Нормальная реакция, которая поможет ей быстрее это пережить.

— Но вы не рисковали бы жизнью других людей! — она попыталась вырваться, злясь на себя еще больше. Но давить на больное плечо не могла, а по-другому освободиться ей бы не удалось.

— Это было мое решение. Ты тут ни при чем, — это не совсем правда, причина как раз в ней, вот только чтобы не видеть на ее лице страдания и того страха, который родился там, возле конюшни, он готов был войти в горящее здание еще множество раз.

В тот же миг Дэррек начал медленно отклоняться назад. Майя не понимала что происходит, пока не упала сверху, придавив к кровати. Лишь чудом она не уперлась при этом рукой в раненое плечо.

— Ты ни в чем не виновата, — а уже через секунду к кровати прижата была она, Дэррек же смотрел на нее сверху, опершись о здоровую руку. — Я сам решил лезть в огонь, и случись что-то, сам был бы виноват.

Это была ложь, и она это прекрасно знала, а отблагодарить могла, только сказав правду:

— Случись что-то, я бы себе никогда не простила, — и в тот же миг, как слова слетели с уст, он завладел ее губами. Сладше меда, нежнее бархата. Она не противилась ни напору языка, ни ласкам здоровой руки, осознавая, что этого могло и не быть. Его могло и не быть, и вот это было по-настоящему страшно. Настолько, что она сама притянула его еще ближе, пробуя и его на вкус.

— Я скучал, — он поцеловал по очереди подбородок, ямочку над верхней губой, кончик носа, заставляя чуть поморщиться, образовавшуюся на лбу складку, и вновь вернулся к губам. — Я по тебе скучал.

Майя не ответила, боясь таких признаний, боясь всего, что происходит, причем боялась она одинаково и прервать, и продолжить. Вновь разрушить свой маленький мир, и

разрешить ему вернуться, чтобы потом этот мир разрушил он. Она не хотела выбирать, не могла выбирать, и именно поэтому принимала его выбор. Несмело, словно вспоминая, дотронулась до напряженной груди, ощущая, как твердеют под ее пальцами мышцы. Сколько бы времени не прошло, она помнила его, не могла бы забыть. Знала, что на правом боку у него шрам, оставленный детскими играми. Знала, как на него действует, когда она проводит по сильной шее, зарываясь в волосы. Она все это помнила, а сейчас, проверяя все свои воспоминания, чувствовала пьянящую радость.

Она была его лекарством, единственным нужным ему лекарством, заставляющим забыть о боли, да и обо всем в белом свете. Он вновь, как долгие месяцы тому, переплетал их пальцы, ласкал сливочную кожу дыханьем, губами, взглядом, и именно сейчас ему захотелось повторить то, чему она когда-то не поверила:

— Я люблю тебя, — слова сработали, будто разряд молнии. Ее чистый, идеальный мир вновь рухнул. Будто фраза несла в себе лишь грязь и ложь. Оттолкнув мужчину, Майя вскочила с кровати. Она не верила. Не верила этим словам. Она готова была снова быть с ним, но только не во лжи. Оправив платье, Майя помчала к двери, не желая смотреть на него снова. Но он успел догнать, захлопнув только начавшую открываться дверь.

— Что? — Майя спиной ощущала его дыхание, тяжелое, как и у нее самой.

— Не надо. Пустите меня... — больше всего она боялась, что ей придется развернуться и снова смотреть ему в глаза. — Пожалуйста.

— Что произошло? — только он не собирался сдаваться.

— Не говорите больше этого, никогда, — поверх ее руки на дверную ручку легла его.

— Не говорить, что я люблю тебя? — каждый раз, когда он повторял эти слова, Майя чувствовала, как ей в сердце всаживают нож. Когда-то герцогиня сказала ей, что она не должна делать того, что делает сейчас, она должна принять его слова, но Майя не могла. У нее не было доверия к словам. К его словам.

— Да.

— Я люблю тебя, — он будто делал это специально. Повторяя слова, с каждым разом заставлял ее верить все меньше. — Я не знаю когда влюбился. Может, когда увидел впервые там, ночью в моем холле, или...

— Не тогда. — Майя не дала ему договорить.

— Что не тогда?

— Впервые вы увидели меня не тогда, — она разжала пальцы, сомкнутые на ручке, заставляя и его отпустить пойманную добычу. — За три года до этого. На открытии моего сезона. Когда вы даже не запомнили моего имени, тени, всюду следующей за отцом. Помните? — она будто обращалась к дверному замку. — А я помню. Что вы говорили — помню, с кем танцевали, в чем были одеты. Каждое слово, каждое движение. И жалею только об одном, что та встреча... — она выдохнула прежде, чем сказать то, что собиралась, — не стала нашей единственной. — Он уронил держащую дверь руку. Не мешкая, Майя выскользнула.

Она не врала — готова была отказаться от всего счастья, которое испытала с ним, чтобы вновь не было так больно. Лучше бы она не знала, как может быть хорошо, как можно любить. Может тогда она могла бы жить нормально! Она всего лишь хотела жить нормально!

— Майя, что же ты делаешь? Зачем мучаешь себя недоверием? — Дэррек вернулся к кровати, прислонился лбом к столбцу. — Сколько ты стен возвела между нами? И сколько

времени я буду пытаться разбить их один?

Ответов на свои вопросы мужчина не знал. А самое страшное — наверняка не знала и она. Но ведь им придется с этим бороться.

Говорят, утро вечера мудренее. Это, наверное, правда, но прежде чем наступит утро, человеку предстоит пережить ужасную ночь, полную страхов и раздумий. Ночь, после которой любое утро покажется сказкой. Им удалось отправить спать уже далеко за полночь. Специально, чтобы заставить женщин отправиться по комнатам, к ним спустился уставший граф.

— Оставьте это! — его дочери вместе с еще несколькими девушками взялись за мытье полов, перепачканных сажей. — Марш спать, убирать будем завтра.

Ни дочери, ни служанки ослушаться не осмелились, хотя и понимали, что только там могут искупить то, что не смогли помочь в тушении.

Соня поцеловала на прощание сестру, прижавшись чуть сильнее, чем обычно. Майя не знала, делилась ли она своим спокойствием или пыталась занять ее собственное. Потом девушка подошла к отцу, впервые на их памяти, выглядевшего старше своих лет.

— Спокойной ночи, — по лестнице, будто предназначенной, чтоб по ней взлетали, Соня ступала уставшим, медленным шагом. Когда сестра скрылась из виду, Майя решилась обратиться к отцу.

— Прости меня. Я вела себя глупо.

— Его светлость спас твою лошадь, — он посмотрел на дочь очень пристально. — Я не полез бы за Тенью в рушащееся здание. А ведь я люблю тебя и знаю, как ты любишь его.

Майя бросила на отца испуганный взгляд. Он понятия не имел, какое значение имели его слова. Какие сомненья посеяли.

— Почему он это сделал? — от необходимости отвечать Майю спасла вернувшаяся в комнату за ведром служанка.

— Спокойной ночи, ваше сиятельство, леди Майя, — она сделала книксен, вновь оставив их наедине.

— Я не знаю, — граф усмехнулся. Другого ответа он и не ожидал.

— Подумай об этом, — он подошел к дочери ближе, поцеловал в склоненный лоб. — И ты не провинилась передо мной.

Оставив ее одну в пустом холле, граф пошел вслед за младшей дочерью вверх. Уже находясь на последнем пролете, добавил:

— В тот момент, когда его светлость вывел Тень из конюшни, в ней обвалилась крыша.

Майя исполнила просьбу отца, она думала всю ночь. Думала, зачем он полез в огонь, рисковал собой. Ради чего? Он чуть не погиб, ради чего? Спасая даже не человека... А в голове все крутились его слова «я тебя люблю», «я тебя люблю», «я тебя люблю». Неужели, неужели это правда? Неужели возможно? А даже поверь она, нужно ли это ей? Что дальше? Ведь он не изменился, а значит, может снова сделать больно, а она не хочет больше боли. Лишь под утро Майя заснула тревожным сном, в котором она убегала, а ее догоняли, она вновь убегала, и ее опять ловили, и она рвалась вперед, вот только больше по инерции, чем от страха. Ведь ловили ее знакомые руки, умеющий доставлять невыносимую боль и неземное удовольствие. Руки, от которых она не убежала бы ни в жизни, ни во сне.

Глава 32

Следующий день начался очень поздним завтраком. Прежде всего нужно было закончить оставленные вчера дела. При свете дня граф оценил урон. Конюшню легче было бы перестроить, чем восстанавливать остатки пожарища. Именно так поступить он и решил. Осталось только найти в своих документах план, по которому ее когда-то строили, и решить, что делать с лошадьми на время строительства.

С этим проблем не было, Дэррек предложил свои конюшни, пока что пустующие, ведь с собой он взял только троих лошадей: Ветра и двух для упряжки. Отец Майи сдержанно его поблагодарил, понимая, что после вчерашнего вечера и этого утра, он в долгу перед герцогом, а по долгам придется когда-то платить.

— Как ваше плечо? — они вдвоем стояли у пожарища.

— Уже не беспокоит. Спасибо леди Майе. Она вчера очень помогла с раной, — невольно Дэррек сам подвел мужчину к тому вопросу, который того беспокоил.

— Неужели мои, самые обыкновенные, лошади, стоили того, чтобы так рисковать? — граф Дивьер посмотрел на стоящего сбоку собеседника очень пристально.

— Нет, — Дэррек ответил таким же прямым, открытым взглядом.

— Я почему-то так и подумал. — Нортон склонил голову. — Только приехав из вашего дома, мои дочери начинают вести себя странно, причем обе. В голове старшей появляются неожиданные мысли, она явно мечется, бросаясь в крайности. При этом, обе ничего не объясняют и усердно стараются доказать, что в общем-то ничего экстраординарного с ними там не произошло. Потом, в первый же день нашего приезда в столицу, младшей моей дочери делают предложение. Человек, который, представлен мне как друг, а в обществе шепчутся, что для старшей моей дочери он не только друг. Это если мягко. Так вот, он делает предложение Соне, а Майя убегает с бала в тот момент, когда из сада появляются разукрашенные, теперь уже жених, и тот, в чьем доме мои девочки гостили целых два месяца. Совпадение? А потом, вернувшись домой, мы застаем одного из участников драки в роли своего соседа. И как не удивительно, рассыпающиеся в комплиментах девочки, вдруг начинают вести себя странно. Особенно старшая. Такая уж у нее натура — она не способна на грубость. Была не способна, пока у нас в доме не появились вы. Я заметил след на щеке, когда вы вернулись в столовую на новоселье. Вы ведь тогда вышли за ней, правда? Хотя нет, можете не отвечать. Я продолжу... А теперь, рискуя собственной жизнью, вы несетесь сломя голову спасать чужое имущество, с которым мысленно попрощался даже сам хозяин. Я ничего не упустил? Да, забыл, еще, этот самый гость уделял некоторое время особенное внимание моей младшей дочери, а закончилось это все помолвкой, о которой я уже упоминал. Я прекрасно понимаю, что стоит совсем чуть-чуть надавить, на Майю или Соню, и я получу ответы на те вопросы, которые мешают сложиться всему этому бреду в более-менее логические умозаключения, но я не хочу этого делать. Боюсь, что мне это знать просто напросто не следует. Если они посчитают нужным, я когда-то все узнаю. Но раньше, когда это просто были тайны моих девочек, это было одно. А теперь, когда эти тайны материализовались в вашем лице, я думаю, мне стоит насторожиться. Я прав?

Дэррек слушал внимательно, понимая, что у него в собеседниках умный человек, уже

прекрасно все сопоставивший, но просто мудро не считавший нужным вмешиваться. До этого момента, пока ставки не возросли.

— Я могу ответить на многие ваши вопросы, если не на все, — рано или поздно Дэрреку пришлось бы заручиться поддержкой графа, просто он собирался это сделать немного не так. Но судьба вносит свои коррективы.

— Тогда ответьте хотя бы на один, какова ваша цель?

И Дэррек ответил, сказанное им сегодня очень напоминало недавнее посвящение Витора в свои планы. Он обходил все то, чего бы Майя меньше всего хотела, чтобы знал отец. Он не мог посвятить мужчину ни во многие причины, ни в их следствия.

Когда герцог закончил рассказ, Нортон задал единственный действительно важный вопрос:

— Она знает?

— О чувствах — да, о планах — нет.

— Я не могу вам отказать, — Нортон никогда не думал, что произнесет подобные слова этому человеку, но жизнь, как оказалось, еще более непредсказуема, чем он думал. — Но это может сделать она.

— Я знаю.

— И что будет, если она испортит ваши планы? — хоть из рассказа Нортон не видел причин, чтобы это произошло, судя по тому, что Майя продолжает его сторониться, даже зная, что он испытывает, такие причины есть.

— Будут новые планы. Просто уйти я уже не смогу.

Граф кивнул, принимая ответ. Он ответил бы так же, если на кону стояла его с женой жизнь.

— Я сделаю то, что вы попросите. Считайте это благодарностью за спасение лошади. Но влиять на дочь я не буду. И никому не позволю. Единственное, что я могу ей дать — право выбора. Она его получит. Предупрежу об одном, генерал собирается сделать Майе предложение.

Был ли Дэррек удивлен? Да. Он не слепой, видел брошенные в ее сторону взгляды, но вот ответа в ее глазах не было никогда. И только это помогало сдержаться. Дэррек был согласен на все условия. Считая их разумными и даже невероятно мягкими, учитывая, что он успел натворить, о чем граф и не подозревал.

— Я распорядюсь, чтобы уже сегодня лошадой переселили в новые загоны, — будто так и было задумано, они вернулись к обсуждению обыденных тем, забыв о данном только что обещании.

Дэррек остался на завтрак, чем заставил Майю снова волноваться. Ей было стыдно, и не только за то, что он пострадал, а и за свои вечерние слова.

— Нортон, есть шанс, что выяснится причина пожара? — вопрос задал генерал.

— Вряд ли. Да и кто станет выяснять? — граф подумал, что виновный достаточно будет наказан угрызениями совести, а остальные обитатели предпочтут спокойствие публичному порицанию, а то и наказанию.

— Нет. Этого нельзя так спускать. Любой проступок должен быть покаран.

— Не слишком ли кровожадное заявление? — вопрос задал Витор.

— Нет. В мире не зря столько веков существуют правила — не убей, не укради, не

прелюбодействуй. Не придерживайся мы их, человечество не дожило бы до сегодня. А попуская однажды, мы рискуем не наказать и во второй раз, а он обязательно последует.

Майю передернуло от такого заявления. Этому человеку неведомо слово прощение. А ведь ей, возможно, придется это самое прощение у него вымалывать или терпеть наказание. Всю жизнь.

— А как же на войне? Тоже не убей, не укради, не прелюбодействуй? — спросил уже герцог.

— На войне другие законы. Более жестокие. И это единственный случай, когда от жизненных прописных истин дозволено отступить.

— А во имя чувств? Когда мать ворует яблоко на рынке, чтобы накормить умирающего ребенка? — в разговор ступила даже Соня.

— Это преступление. И оно должно быть наказано.

— Чем же солдат лучше бедной матери?

Майя знала чем — ведь генерал сам был солдатом, ему приходилось достаточно грешить, и именно так он оправдывал себя все эти годы. Осуждая других, намного легче доказать себе, что ты опустился не так уж низко.

— Он сражается во имя мира.

— Война во имя мира... Что более глупое существует в мире? — Соня не хотела продолжать разговор, ведь видела, она не сможет доказать ничего генералу, а он не заставит ее думать иначе. Вот только видеть его возле Майи ей хотелось все меньше.

Вскоре гости разъехались, а им всем предстояло вернуться к своим привычным делам. С поездками Майе предстояло повременить. Для Тени ночное происшествие не прошло бесследно, кроме того, у конюхов было и так достаточно работы с перегонем лошадей, девушка не хотела путаться под ногами. Зато Соне ее помощь требовалась. Приходило все больше подтверждений и извинительных отказов от приглашения на предстоящее торжество. На каждое нужно было ответить, каждого нужно было отметить и сменить рассадку гостей.

Майя держала в руках стопку карточек с именами, которые предстояло вычеркнуть: кто-то в это время должен был обзавестись потомством, у кого-то было запланировано путешествие, кто-то успел скончаться, а кто-то просто был слишком скрытен, не сообщая причин отказа от приглашения.

— Барон Дрим с женой. — Майя отложила карточку, ожидая, пока Соня найдет нужную фамилию в списке и вычеркнет ее. Там же она находила и стол, за которым предстояло расположиться гостям, чтобы внести изменения и туда.

— О, ну вот и отлично, — она сначала тщательно поработала ластиком, стирая прежние фамилии, а потом аккуратно вывела новые. — Теперь тут поместится все большое семейство маминой тетушки. Никогда не думала, что буду рада получить отказы от приглашения на свадьбу.

— Соня! — Майя искренне возмущилась. — У людей горе, умер родственник, они в трауре, что ты такое говоришь!

Соня никак не отреагировала на замечание сестры. Слишком ей уже осточертели вещи, связанные с планированием свадьбы. Не так она себе представляла этот процесс.

— Майя, может, отменим все? — она посмотрела на сестру умоляющим взглядом.

— Как? — от удивления Майя чуть не выронила все карточки. — Вы ведь любите друг друга!

— Любим... Но я так от этого всего устала... — она захлопнула лежащий на коленях

альбом. — Я уже не хочу никакой свадьбы.

— А что говорит Витор?

— Он хочет, чтоб мы поженились, но ему совершенно не важно, насколько пышным будет торжество. А я корю себя за собственную глупость. Вместо того, чтобы убивать дни напролет за этими занятиями, я могла бы наслаждаться последними неделями дома.

— Но ведь это ваш день, вам и решать, как он пройдет.

Соня обреченно покачала головой.

— Если бы. Ни наша мама, ни мама Витора мне этого не позволит, а даже если заикнусь, не забудут никогда, — осознав всю безнадежность положения, Соня снова открыла книгу. Нужно было в очередной раз собраться духом, осталось совсем чуть-чуть. — Майя, никогда! Никогда не делай из своей свадьбы то, во что мы превратили свою. Пусть хотя бы для тебя этот день действительно будет твоим.

Да уж, меньше всего Майя мечтала о пышной, людной свадьбе. Меньше всего хотела бы видеть людей, которые ее презирали без вины. В ее идеальном мире для свадьбы нужны были двое. Двое и любовь.

Витор с Дэрреком возвращались из города. Ювелир исполнил заказ Витора, и принял подобный у его светлости. Большая часть гонорара за работу ушла на сохранность тайны. Ведь до поместья слухи дошли бы уже к вечеру, а до хозяев — максимум завтра утром. Это нужно было мужчинам меньше всего.

— Граф сказал, что генерал собирается сделать Майе предложение, — странно, как быстро вражда могла превратиться если не в мир, то в уважительный нейтралитет. Они ехали верхом по широкой дороге, предназначенной для экипажей, что давало возможность прекрасно видеть и слышать друг друга.

— Майя мне говорила об этом. Она действительно собирается за него замуж.

Дэррек покачал головой. Бедная, ведь она и правду мечется, пытаюсь спрятаться, причем, скорее от себя, чем от него.

— Сразу после нашей с Соней свадьбы. Так что ты угадал с датой. — Дэррек усмехнулся. Он знал Майю лучше, чем она думала, и понимал, что свадьбу сестры для нее — очередная точка отсчета. Она права, так оно и будет. — Но она его не любит.

— Я знаю.

— Это не значит, что она любит тебя. — Витор не смог не съязвить. Мести за свои поступки от Майи Дэррек еще не получит, а вот уколов от него — сколько угодно.

— Я знаю.

— Я впервые слышал от нее такие слова. Она назвала это выгодной сделкой. Майя... Выгодной сделкой... Мне даже на секунду показалось, она и вправду так думает.

— Она так уговаривает саму себя, вот и все.

— Не боишься, что уговорит?

— Боюсь, что переубедить придется дольше, чем я думал. — Витор усмехнулся, восхищаясь его непоколебимой уверенностью. Видит Ях, он желает ему удачи.

— Сегодня мы ждем вашу светлость на обед?

— Да, — Дэррек немного потянул на себя поводья, не давая Ветру разогнаться. — Надеюсь, я достаточно долго не появлялся на горизонте, она снова успела соскучиться, — герцог улыбнулся своим воспоминаниям. Каким взглядом она смотрела, впервые увидев в

вечер пожара. Ради такого взгляда стоило пропадать на несколько дней.

— Не знаю, в последнее время у них с Соней много забот. Живя с ними в одном доме, я почти их не вижу, — это была уже его печаль. Идя на поводу у родителей, они забыли о том, что теряют самые прекрасные мгновения — когда чувство только зарождается.

— Где ваше терпение, граф, через какой-то жалкий месяц у вас свадьба, неужели вы не можете немного потерпеть? — Дэррек примерял маску нравоучителя, которая совершенно ему не шла.

— В отличие от вас, ваша светлость, с терпением у меня все отлично! — Витор многозначительно посмотрел на расплывающегося в улыбке Дэррека.

— Я встал на путь исправления...

— Да? И именно поэтому, стоит вам появиться, как Майя заливается краской? Мне сложно представить, что же это за путь.

— В этот раз все будет правильно, — герцог снова стал серьезным. Он не жалел о проведенном когда-то месяце вместе, но сейчас не собирался повторять своих ошибок.

— При встрече обязательно передам ваши слова, — теперь уже улыбался Витор.

— Мне, конечно, жалко будет лишать Соню жениха непосредственно накануне свадьбы, но, с другой стороны, я ведь всегда могу оставить на тумбочке револьвер, чтобы вы справились без моего участия... — и прежде, чем Витор успел отпарировать этот его укол, Дэррек пустил лошадь в галоп. Весь оставшийся до дома путь они провели в импровизированных скачках, решая спор уже не словами, а как когда-то в детстве обгоняя друг друга, пугая окружающих птиц своим раскатистым смехом.

— Как вы съездили? Сделали все, что хотели? — вопрос граф адресовал Витору, но интересовали его успехи обоих.

— Да. Мастер пообещал сделать все именно так, как мы хотим. А главное — обещал вложиться в срок.

— Я рад, — он и не сомневался, что эти двое осуществят запланированное. — А вы, Соня, выбрали уже несчастных птиц? — Нортон с нескрываемым удовольствием посмотрел, как дочкино лицо скривилось в гримасе.

— Ужас, папа! Не думаю, что стоит вспоминать об этом за столом, — осведомленные в происшествии не смогли сдержать улыбку. Майе даже пришлось отворачиваться, чтобы сестра не обиделась, увидев, как она закусывает нижнюю губу, лишь бы не рассмеяться.

Не знающие же о случившемся, только переглянулись, выражая свое любопытство.

— Отчего же? Мне кажется — отличная история. Она разбавила мои мрачные будни, надеюсь, повеселит и гостей, — несмотря на брошенный суровый дочкин взгляд, граф продолжил. — Видимо, столица настолько бедна, что голубей, которых молодоженам предстоит выпускать в небо, мы выбираем в нашей глуши. Хотя почему мы? Выбирает наследница множества титулов, невеста графа Винсента, леди Соня, — он слегка склонил голову, выражая свое почтение насупившейся дочке. — А помогает ей в этом ее сиятельство, будущая графиня Майя Дивьер, — теперь уже наступила очередь Майи заливать краской, все продолжая сдерживать смех. Дэрреку нравилось, когда она такая, когда глаза блестят. Он даже залюбовался, на какое-то время позабыв, что пялиться на нее нельзя. — Ну вот, две эти величественные особы отправились в лучшую голубятню в округе, ведь только лучшие голуби достойны воспарить в небо на предстоящей свадьбе! Вот только, почему-то,

многоуважаемая невеста посчитала, что белые голуби — это слишком просто, другое дело затейливые узорчатые крылья. Ведь таких точно не было ни на одной свадьбе...

— Может я, конечно, не так опытен в птицеводстве, — Витор перевел взгляд с рассказчика, на невесту и обратно. — Но разве у голубей бывают узорчатые крылья?

— О, уважаемый будущий муж леди Сони! Вам очень повезло, вы поистине дополняете друг друга, — не сдержавшись, графиня рассмеялась, закрываясь рукой. Бросив нежный взгляд на жену, граф продолжил. — Когда дамы вернулись довольные своей покупкой, у меня возник тот же вопрос...

— Папа! — Соня уже напоминала рака, не зная, плакать ей или смеяться вместе с Майей и мамой.

— Что солнышко? Прости, конечно, но ведь не каждый день мои дочки путают голубей с куропатками...

Несколько секунд царила полная тишина, но осознав весь комизм ситуации, первой рассмеялась сама Соня, а за ней и все остальные.

Пытаясь успокоиться, Майе пришлось вытирать подступившие к глазам слезы. В памяти возникала картина, как гордая Соня вносит в комнату клетку со своими новыми питомцами, а лицо папы вытягивается.

— Любовь моя, мы что, будем выпускать в небо куропаток? — Витор взял в свою руку ладонь невесты, привлекая ее внимание.

— Зачем же мелочиться? Я могу заказать двух павлинов, — отец продолжал подшучивать над дочкой. — С удовольствием понаблюдаю, как они взлетят.

— Папа! — опростоволосившиеся девушки смеялись наравне со всеми.

— Нет, я еще могу предположить, как Соня могла обрадоваться, обнаружив красочных «голубей», но Майя? — он удивленно посмотрел на старшую дочь.

— Я просто задумалась... — Майя сама не поняла, как получилось, что она даже не взглянула на выбранных сестрой птиц, а в экипаже не подняла накрывающую их клетку ткань.

— О чем?

— О судьбе голубок...

Сразу три пары глаз обратились к ней. Витор смотрел понимающе, Дэррек надеясь, что эти размышления пошли ей на пользу, а Соня недоверчиво, будто пытаясь что-то вспомнить.

— И какая же у них судьба? — не сдержался от вопроса Дэррек.

— Неопределенная. Совершенно от них не зависящая.

Соня следила за тем, как сестра бросает короткий взгляд на герцога и отводит глаза, за тем, как он продолжает смотреть, как-то слишком пристально, будто забираясь под кожу, доставая до самого сердца. Ее удивленное «ох» услышал только Витор.

Склонившись к жениху ближе, Соня задала вопрос:

— Кому ты отдал то письмо?

Будто вопрос несколько его не удивил, Витор продолжил разбирать рыбу на своей тарелке, не спеша, играя с ее терпением в опасные игры.

— Адресату, — он мило улыбнулся невесте, чьи и без того огромные глаза сейчас занимали пол лица. Рано или поздно обо всем предстояло рассказать и Соне, которой суждено было сыграть и свою роль в их истории. Эта почетная миссия возлагалась на него, так к чему тянуть? — Мне кажется, после обеда нам стоит прогуляться, — пребывающая в полном шоке Соня смогла только кивнуть.

Как только отец пригласил мужчин выпить, Соня выразительно посмотрела на Витора. Слишком долго она ждала окончания трапезы, чтобы откладывать разговор еще. Если она не получит ответы на свои вопросы от него сейчас, голова лопнет от роящихся в ней мыслей.

Сославшись на необходимость решить очень важный вопрос, связанный со свадьбой, они оставили комнату.

— И что это должно означать? — Соня закрыла дверь своей комнаты, пропуская Витора внутрь.

— А как ты все поняла? — он совершил ошибку — меньше всего Соня сейчас была готова выслушивать его мягкие увивания.

— Кому ты отдал письмо? — впервые со времен, когда она считала его кавалером сестры, в ее голосе он услышал раздражение.

— Адресату.

— Кому? — она повысила голос, чувствуя, как напряжение внутри нее растет, будто на дрожжах.

— Майе, — Витор смотрел за тем, как вместо злости на лице Сони появляется полнейшая растерянность.

— Как? Зачем? Она... Она? — Соня даже не смогла выговорить вслух то, что вертелось на языке.

— То, что там написано — бред. Но есть кое-что, что ты должна знать.

Он рассказал о причинах приезда его светлости, о его планах, не чувствуя при этом себя предателем. Им с Майе еще предстоит разговор, позже, много позже, когда Майя соберется с силами. И Соня не будет ее торопить, терпеливо ожидая.

— Ты ему веришь? Это все похоже... Похоже на полнейшую чушь! Ведь я не могла быть такой слепой! — большее всего осознавать, что ты ни капельки не знаешь о человеке, которого считаешь самым близким. Что ты оказался слишком слаб, зациклен на себе, не замечая, что же творится с близкими вокруг тебя. И она сама же отвечала на свой вопрос: могла, Соня, могла и была, слишком уверенной, что твоя и только твоя жизнь полна радостей и разочарований.

— Я верю. И ты поверь, посмотри на Майю и поверь... — он поцеловал задумчивую Соню в лоб, Витору пора было возвращаться обратно, а ей есть о чем подумать.

Когда из столовой вылетела как пробка Соня, прихватив с собой Витора, Майя почувствовала себя явно лишней. Обычно привлекающие ее внимание мужские разговоры сегодня совершенно не воодушевляли. Не хотелось больше выслушивать двусмысленные вопросы и пытаться достойно на них ответить. Когда графиня, извинившись, решила пойти отдохнуть, Майя вызвалась ее проводить. А вместо того, чтобы вернуться в столовую, отправилась в библиотеку.

Как интересно иногда прочитать про те дальние страны, в которых не суждено побывать. Про диковинных животных и не менее диковинных людей, ценящих совсем не то, что ставится во главу угла в ее родном обществе. Где люди ходят по улицам босиком, независимо знатны они или бедны, не потому, что у них нет денег на башмаки. А просто потому, что лишь босые ноги чувствуют ласку травы. Где люди приклоняются неизвестным, странным, но, несомненно, добрым богам, где радуются смерти близкого, и не позволяют

пустить на похоронах ни капли слез, ведь человек уходит в лучший мир. Где правила, по которым люди живут, создает сама жизнь, а не навязанные кем-то по собственным причинам, как это часто бывает у них.

— Я не помешал? — не оклики ее генерал, Майя бы даже не заметила, что кто-то зашел. Он мог спокойно взять то, за чем пришел и вернуться. Вот только не за ней ли он появился?

— Нет, — Майя закрыла книгу, собираясь уйти или дождаться его ухода. — Я могу вам помочь? Вы ведь пришли за книгой? — девушку немного нервировало его молчаливое за ней наблюдение.

— Не совсем... — спокойное сердце начало ускорять темп, а желание сбежать усилилось. Лишь приложит воистину большие усилия, Майя заставила себя остаться на месте. Он не сказал и не сделал ей ничего плохого, иногда, когда она не думала о нем как о потенциальном муже, ей интересно было его слушать и со многим соглашаться. А даже если он и станет мужем в один день, то уж лучше привыкать к его компании сейчас. Ведь не будет она бегать от него по их общему дому.

— У меня не было возможности спросить, как вы себя чувствуете? — он удивленно поднял брови. — После пожара? — Майя уточнила свой вопрос.

— Так же, как и до... — Пирмст усмехнулся правым уголком губ — чуть ли самое яркое проявление чувств, которое Майя смогла отыскать в своей памяти.

Этот странный диалог, когда его, кажется, совершенно не заботят постоянные паузы в их разговоре, а она судорожно пытается их запомнить, заставлял Майю нервничать все больше.

— Может, я подскажу, где искать книгу, за которой вы пришли? — она встала с кресла, подошла к стеллажам.

— Я пришел не за книгой... — будто эти его слова должны были ей все объяснить.

— А зачем? — она не смогла до конца погасить проснувшееся раздражение, фраза получилась резковатой.

— Вы в последнее время избегаете меня. В чем причина? — Майя опустила взгляд на книгу. Она избегала в последнее время всех. Слишком многие пытались влезть ей в душу, в ее жизнь без спросу. На то были причины, главная — попытка разобраться в себе, прежде чем разобраться в своих чувствах к другим людям. Но этот человек заставлял ее насторожиться каждый раз, появляясь где-то рядом.

— Я не избегаю. Просто скоро свадьба, еще столько всего нужно успеть, например, завтра мы будем выбирать цветы, специально приезжает флорист, это должно быть очень увлекательно, — не важно что говорить, главное, чтобы не возникало неловких пауз.

— Да, свадьба уже скоро. Я просто хотел убедиться, что вы помните о своем обещании... — он сделал шаг в ее сторону, Майе снова захотелось убежать, но мысленно отругав себя, она осталась стоять.

— Я помню, — девушка ответила очень быстро, надеясь, что хоть это заставит его остановиться. Но нет, совсем скоро он оказался близко, как когда-то на тропе, и опять Майя почувствовала себя неуютно.

— Я ведь не мальчик, Майя, — видимо, ему показалось мало просто заставить ее вжаться спиной в книжную полку, чтобы хоть как-то отдалиться. Он поднес к ее щеке ладонь, пробуя на ощупь кожу. Стоило Майе ощутить прикосновение, ее передернуло от какого-то странного страха. Это не было противно, не было неприлично, просто как-то

неправильно. — Не стоит вовлекать меня в игры, будь-то прятки или догонялки. Реши, что тебе нужно. Я могу и найти, и догнать, просто хочу знать, нужно ли это тебе? — Майя посмотрела в его суровые глаза. Она не знала, что нужно ей. Меньше всего хотелось сейчас что-то решать. Хотелось, чтобы все решилось за нее.

И он решил, большего абсурда она себе представить не могла, но человек, который когда-то возил ее на шее, теперь склонялся, чтобы поцеловать. А вместо того, чтобы избежать этого, Майя покорно ждала, ощущая каждое нервное окончание, будто стоит ее коснуться и человека ударит разрядом. Она должна, должна сделать это сейчас, иначе нельзя. Ведь все мужчины одинаковы. Майя знала поцелуи одного, и этот не должен стать другим. Она струсила лишь в тот момент, когда почувствовала дыхание на лице, но выставленная рука преградила ей путь к бегству.

— Не глупи, — слегка хриплый строгий голос заставил сдаться. Сейчас, она должна поцеловать его сейчас. И все будет так же, как с герцогом. Потому что все мужчины одинаковы...

Сомкнутых губ коснулись чужие. И ничего не произошло. Не подкосились ноги, не ушла из под ног земля, не померкло солнце. Майя стояла, чувствуя прикосновение чуть прохладных губ, и не ощущала ничего. Ни отвращения, ни страсти. Она просто считала секунды, ждала, когда этот странный поцелуй закончится.

Как это было? Терпимо, никак. Что чувствовал при этом мужчина, Майя не имела ни малейшего понятия, но явно что-то другое, раз лежавшая на книжной полке рука переместилась ей на талию. В один момент он попытался прижать узницу к себе и разомкнуть губы, желая попробовать будущую жену на вкус. Видимо это и стало его ошибкой.

Она терпеливо выдержала прижатые к лицу губы, даже лежащую на теле руку, но стоило мужчине попытаться заставить ее открыться навстречу, на смену терпению пришла паника. Просунув руку между собой и мужской грудью, Майя надавила изо всех сил. Она не хотела. Все было не так, поцелуй вызывал лишь одно желание — быстрее прекратить, но никак не оказаться еще ближе. Вот только он словно не замечал ее жалких попыток, продолжая свой натиск. Чувствуя затылком книжные переплеты, девушка не могла даже отвернуться, сражаясь с нежеланным порывом. В поцелуе он тоже отдавал молчаливые приказы, Майя их прекрасно понимала, но исполнять не могла. Его натиск слишком напоминал события одной ночи, которая посеяла в душе крошечный страх.

— Нет, — она наконец-то смогла оттолкнуть мужчину, надавив двумя руками. К сожалению, ее сил хватило не на много. Он продолжал преграждать ей путь к бегству.

— Я тебя напугал? — не понимающий чем вызвана такая реакция, Пирмтс наблюдал за тем, как мечется ее взгляд из стороны в сторону. — Прости, я не хотел. Ведь ты не имеешь представления... - как раз наоборот, причина в том, что она имела представление.

— Не делайте так больше! — Майя снова попыталась проскользнуть под рукой, но генерал опустил ее так, что ей пришлось бы присесть на корточки.

— Чего? Не целовать? — он снова стал приближаться, заставив Майю еще больше напрячься. — Женихи обычно целуют своих невест, об этом ты должна знать... — он попытался прикинуть к ее губам, но девушка успела отвернуться.

— Вы мне не жених.

— Пока не жених, — Майя только сильнее сжала кулаки. Как хотелось закричать, что никогда и не будет! Что она оказалась права, не может притворяться и делать вид, что так и

надо. Не может целовать того, кого не любит.

— Именно поэтому я прошу больше так не делать! — неизвестно, удалось бы ей освободиться и в этот раз, но генерал отвлекся на открывшуюся дверь, а Майя в этот момент выскользнула из ограда рук и тела.

— Пимст, вас разве что за смертью посылать! — в двери показался Дэррек.

Сколько мгновений нужно, чтобы понять, что именно он прервал? Что Майя отскакивает от генерала как ошпаренная, а тот продолжает держать оборонительную позицию? Что губы у нее налились красным, как это бывает обычно после поцелуя, а розовые щеки доказывают, что все это не мерещится? И недовольный взгляд генерала, будто он попытался забрать принадлежащее ему по праву. Кровь начала закипать, руки сжались в кулаки, а улыбка бесследно пропала с лица.

Ях, как стыдно. А если бы он зашел раньше? Что тогда? Оставалось бы только провалиться сквозь землю.

— Я не помешал? — только раз она слышала подобную интонацию в голосе герцога, когда он прогнал ее из своего кабинета, но в отличие от того раза, сейчас она понимала в чем причина.

— Да! — слегка раздраженное генерала.

— Нет! — писк Майи. Как бы она не злилась на только что целовавшего ее мужчину, смерти ему не желала, а стоило посмотреть на Дэррека и становилось понятно, именно такие мысли крутятся сейчас у него в голове. Почему? Очень просто, он собственник, и даже сейчас считает ее принадлежащей себе вещью. — Нам правда пора возвращаться! — она не хотела оставаться в комнате с одним из них. Но и оставить их вместе было чревато.

— Майя, мы не договорили, — генерал повернул к ней голову, предостерегая от бегства. Но прежде, чем она успела возразить, ему ответил герцог.

— Леди. Леди, Майя, — все тем же холодящим душу голосом.

Пирмтс зыркнул на него с раздражением.

— Ваша светлость, вам не кажется, что вы вмешиваетесь в не касающиеся вас дела? — сложись обстоятельства по-другому, Майя посчитала бы, что такой ответ достоин уважения. Не каждый осмелится сказать герцогу в лицо подобное. Вот только сейчас она с новой силой стала молить Яха, чтобы все закончилось мирно.

— Генерал, я сказала все, что считала нужным. А настаивая... на разговоре, вы заставляете принять решение даже раньше, чем мы договаривались, — услышать он должен был просьбу больше не повторять попыток, пока она сама не будет к этому готова. И Майя искренне надеялась, что просьба достигла адресата. А еще очень боялась, что услышав ее голос, Дэррек переведет яростный взгляд уже на нее, полоснув словно плетью. Опять.

Как Дэрреку хотелось съездить несколько раз по этой физиономии! Ведь если раньше у него еще были сомнения, после ее фразы стало очевидно. Никак не она была инициатором сцены, которая уже живо отразилась в его воображении. Но, черт побери, он должен сдержаться, чтобы не пугать, и потушить эту горящую внутри злость. Потом, когда-то потом, когда ее не будет рядом, чтоб она даже не узнала, они обязательно... поговорят.

— Вы слышали леди Майю? — совладать с собой почти удалось, во всяком случае, голос звучал мягче. — Хозяин должно быть уже заждался нерадивых гостей...

— Так может, вы первым составите ему компанию? — генерал перевел обжигающий холодом взгляд с Майи, которой, судя по всему, еще предстояло ответить за свои слова, на Дэррека.

— Только после вас. — Мэйденстер отступил, давая дорогу раздраженному генералу, который думал о том, что не собирается мириться с ее детскими прихотями ни сейчас, ни, тем более, после свадьбы. Вот только этот неизвестно откуда появившийся клоун возник в библиотеке очень некстати.

— Мы не договорили, леди Майя, — он снова будто из ушата с холодной водой облил ее, блеснув глазами, но, тем не менее, вышел, звонко цокая каблуками. На пороге бросил еще один тяжелый взгляд на прервавшего их Дэррека, явно не благодаря за содеянное.

У Майи же, на стоявшего в проеме Дэррек, посмотреть не хватало смелости, особенно теперь, когда единственный сдерживающий его человек покинул комнату. Несколько секунд Майя ждала, что герцог выйдет вслед за Пирмтсом. Но, похоже, у него были другие планы.

Дэррек терпеливо ждал, пока она приблизится.

Бойтся, бойтся его реакции. Не имей он уже горького опыта, правда, стоило бояться, только однажды совершив ошибку, он не собирался ее повторять.

Так и не подняв взгляда, Майя простояла в полной тишине достаточно долго, чтобы понять — ожидание страшней возможной расправы. Наконец-то не выдержав, девушка медленно подошла, а собираясь проскочить мимо, ускорила.

Резкий выпад в ее сторону. Пальцы сжались на запястье, дернули, возвращая в комнату, легкий толчок, не вклинься между шкафом и ее спиной мужская рука, она бы больно ударилась, а так только испугалась. Надеясь обрести свободу, она опять попала в ловушку. Даже при открытой двери увидеть их из коридора сейчас невозможно, они оказались в нише скрытой от глаз.

Майя невольно зажмурилась, ожидая чего угодно — крика, грубости, даже удара. Если он был в таком бешенстве тогда, всего лишь услышав, то на что способен став свидетелем?

— Посмотри на меня, — голос казался спокойным, даже слишком. Пусть это трусость, но Майя не смогла справиться с собой, только отрицательно покачав головой.

— Пожалуйста, — снова перевела голову со стороны в сторону.

Подцепив подбородок пальцем, он сам заставил склоненную голову обратиться к себе. Но глаза она продолжала старательно отводить.

— Он сделал тебе больно?

— Нет! — удивленная вопросом, Майя все-таки вскинула не него взгляд. Он смотрел строго, но не с ненавистью, без затаившегося где-то в глубине бешенства. Она не собиралась клеветать, было не слишком приятно, неудобно, но генерал ее не насиловал, почти.

— Понравилось? — Майя попыталась снова опустить голову, но Дэррек не дал ей этого сделать.

— Нет, — врать, смотря в глаза, сложно, ведь словами еще можно попытаться обмануть, а вот глаза выдадут с потрохами.

— Вот и хорошо, — Дэррек отпустил руку, позволяя наконец-то отвернуться. — Надеюсь, с экспериментами покончено?

Майя не ответила, на смену страху снова пришло возмущение. По какому праву он ведет этот допрос? По какой причине она отвечает? Почему продолжает терпеть фамиллярное отношение?

— Будем считать, что это положительный ответ, — она не собиралась ни отрицать, ни подтверждать. Злилась на себя за то, что испугалась, и на него, что он этим испугом воспользовался.

— Отпустите.

— Обязательно, только сначала мы снова повторим пройденное, — только что разносящийся откуда-то извне голос, вдруг будто проник внутрь. Шепот заставил разволноваться больше, чем все происшедшее за последние полчаса вместе взятое. — Моя. Слышишь? Вся.

Оттолкнувшись от стены, он спокойно вышел. Будто не было горящих кожу и переворачивающих все внутри слов. Только когда шаги в коридоре затихли, Майя поняла, что в какой-то момент перестала дышать. А теперь хотелось сползти по стенке и растечься лужей. Станный, пугающий, давящий, поглощающий собой все вокруг, в том числе и ее волю. Но, Ях, он прав, до сих пор.

Глава 33

— Ты что-то хочешь просить? — Соня сидела у трюмо, отражаясь сразу в трех зеркалах, а Майя в это время прикладывала к ее темным локонам разного цвета ленты. Еще одна традиция — венчающаяся в фате невеста, выходя, получает венок от матери жениха. Символ того, что девушку приняли в семью. Сложить его из живых цветов — целое искусство, которое требует немало терпения и в то же время приткности. Ведь чтоб украшение смотрелось достойно в день торжества, плетут его в ночь накануне.

Майя скептически посмотрела на зеленую ленту, откладывая. Достаточно будет и натуральной зелени.

— Нет, с чего ты взяла? — Соня подозрительно глянула на спину развернувшейся за новой порцией лент Майи.

— Ты уже третий раз открываешь рот и ничего не говоришь, — а вот темно фиолетовые будут смотреться красиво. С белым платьем, белыми цветами — то, что нужно.

— Нет, я ничего не хочу, — после рассказа Витора Соня так и не осмелилась заговорить обо всем с Майей. Как? С чего начать? О чем она может спрашивать? И о чем может сказать сама? Так и сейчас, уже почти решившись, снова передумала.

— Я думаю белые и фиолетовые, — Майя переплела ленты, прикладывая к голове. Она не собиралась настаивать, если Соню что-то беспокоит, рано или поздно, она об этом узнает.

— Да, красив, — довольно кивнув, Майя начала скручивать образцы, чтобы в следующий раз, когда они попадут на примерку, заказать нужные у швеи. — Подожди. Дай мне. — Соня встала с табурета, взяла лежащую на кровати коробку. — Сядь.

— Зачем? — старшая сестра была удивлена. Венок на свадьбе положен был только невесте, ни подружки, ни дети их не надевали.

— Мне просто интересно, — взмахнув указательным пальцем, будто настраиваясь на предстоящее волшебство, Соня потянула за одну из лент.

— Не думаю, что это удачная идея, — Майя все-таки села, и теперь следила за происходящим в зеркальном отражении.

— Насколько я помню, если ты не передумаешь, совсем скоро венок понадобится и тебе, так почему бы не подобрать цвета сейчас?

Майя погрустнела. После того случая в библиотеке она так и не осмелилась поговорить с генералом наедине. Расставить все точки над и. Отказаться или вновь попытаться смириться. Все откладывала, будто это могло решить проблему. Она, как и прежде, не хотела замуж, подначившее ее на такой опрометчивый шаг желание отомстить куда-то пропало, оставив по себе лишь усталость. Она устала от всего, что произошло с ними за последние полгода, даже меньше.

— Они не понадобятся.

— Как? Ты что, отказала? — Соня даже не пыталась сделать вид, что расстроена услышать такую новость.

— Нет, — младшая сестра с сожалением сжала губы. Это многое бы облегчило. Тогда не нужно было бы так спешить. — Просто мать генерала давно почилла с миром, даже если

наша свадьба состоится, некому будет надеть венки.

— Если? Значит, может не состояться? — не восприняв возражения Майи достойными внимания, Соня вытащила следующую цветную ленту.

— Я не знаю, Соня, правда. Я запуталась, — вот он — идеальный момент, чтобы спросить в чем, почему, из-за кого. Чтобы сказать, что она все знает, и что ей можно довериться. Но нет, слишком это сложно — брать на себя такую ответственность. И Соня понимала, что малодушно просто на это не готова.

— Мне кажется, тебе пойдет голубой, — склонив голову, Соня внимательно рассматривала сестру в зеркале.

— Да, наверное, голубой.

Ее собственная жизнь напоминала Майе какой-то фарс, в котором ей предоставлена роль стороннего наблюдателя за тем, как каждый пытается отыграть в ней свою роль. Соня сделала это блестяще, даже не подозревая об этом, ведь именно она стала предлогом всему, что произошло. Витор тоже исполнил свою роль на отлично, пожертвовав при этом порядочным комком нервов и частью здоровья, но зато обзавелся любимой невестой. Родители исполнили соло по привлечению жениха. А сам жених по взваливанию на ее плечи бремя выбора. Но, несомненно, главную роль в этом спектакле исполнял другой человек, который будто беспокойное море, сначала ласкал берег нежными волнами, а потом резко бил штормовым валом. А потом вновь возвращался к ласкам, усыпляя бдительность. После его слов в библиотеке они виделись не один раз, всегда при посторонних, он всегда был показательно галантен, одинаково с ней и другими, заставляя задаться вопросом, а не приснилось ли все это? И на что это больше похоже, кошмар или мечту?

Майе нужно было развеяться, и единственный известный ей способ — вновь поиграть с ветром в догонялки.

— Только будь осторожна! — Соня знала, что сестра всегда осторожна, но ведь не могла она бросить ей на прощание что-то больше напоминающее: «слушай свое сердце» или «мне кажется, он правда к тебе равнодушен». Соня никогда не думала, что в канун свадьбы ее настигнет что-то настолько неожиданное, и настолько неподвластное.

Все лошадиное хозяйство перебралось в новую конюшню, щедро предоставленную его светлостью. Именно это заставляло Майю отказаться от прогулок. Хотя главное причиной и была слабость Тени. Она навещала его несколько раз, и оба раза опытный конюх говорил, что мальчику стоит еще несколько недель отдохнуть, слишком он испугался и дыхание у него до сих пор тяжелое.

Поймав сына поварихи, который занимался всякой работой по дому и во дворе, Майя попросила, чтобы ей запрягли лошадь. В нынешних обстоятельствах это значило, что нужно не только запрячь, но и вернуться с ней.

Наблюдая за медленно удаляющимся парнем, Майя оценила, что минут сорок у нее еще есть точно.

Она постучалась к отцу:

— Папа, я хочу покататься.

— Вы с Соней уже выбрали все, что нужно было? — он переводил бусинки счетов туда и обратно.

— Да. Все хорошо.

— Езжай. Какую ты берешь лошадь?

— Не знаю, я не просила какую-то конкретную... — Майя сама себя пожурела за забывчивость, ведь об этой действительно стоило подумать прежде, чем отправлять мальчонку.

— Только далеко не уезжай. Скоро начнет темнеть, да и ты привыкла к Тени... — он готов был даже запретить — ведь одно дело, когда она мчит сломя голову с Тенью, который знает ее с детства, и которого знает она, а другое — ехать в вечер на одной из десятка лошадей, некоторые еще даже толком необъезженны. — А вообще, может лучше завтра?

— Не волнуйся, я недолго, — и прежде чем он успел передумать, Майя выскочила из кабинета.

Бывают такие моменты, что тебе кажется — не сделай ты этого здесь и сейчас, упадешь замертво.

Следующим номером ее программы было вернуться в комнату, чтобы привести себя в надлежащий вид. Все чаще она училась обходиться без посторонней помощи, даже разделяться с корсетом удавалось самостоятельно. Выскользнув из легкого шифона, Майя вновь облачилась в любимый крамольный наряд. Встала перед зеркалом. Ну неужели вот это неприлично, зато вырезы, которые позволяют себе многие дамы, выставляющие на показ все, что положено скрывать, намного лучше? Нет, некоторые вещи совершенно не объяснимы в этом мире. Часы пробили половину третьего. Лошадь должна бы уже ждать. Осталась одна мелочь — волосы. Нужно схватить их так, чтобы не путались, не лезли в глаза.

Майя достала шкатулку, вот только поиски нужной заколки закончились ничем. Вновь и вновь перебирая пальцами содержимое, она так и не находила той, которую искала. Потеряв всякое терпение, она вытряхнула содержимое на край стола. Отложив в сторону лежавшие на дне листы, она наконец-то выловила зеленую ракушку, способную удержать жаждущий вечно разметаться во все стороны водопад волос. Уже побросав все обратно в шкатулку, Майя поняла, что листы так и остались лежать на столе. Поколебавшись пару секунд, она бросила:

— Потом, — и выбежала из комнаты, желая побыстрее оказаться на свежем воздухе.

— Вот, леди Майя, — на дороге перед домом ее ждал довольный парень, похлопывая по боку очень знакомую лошадь.

— Это ошибка! Это же конь его светлости! — Ветер фыркал, встряхивая голову. Ему явно не нравилось то, что чужой, незнакомый ему человек так по-хозяйски себя ведет.

— Никакой ошибки. Меня спросили, кому нужна лошадь, а когда сказал, что леди Майе, вывели этого красавца, — он еще раз провел по конскому боку. — Правда он норовистый, я-то с ним еле справился, может вам и не стоит? — он скептически посмотрел на хрупкую наездницу.

— Стоит, — Майя взяла в руки вожжи. Еще не хватало, чтобы из-за его «заботы» ей не удалось задуманное. — Спасибо, — она боялась, что конь откажется следовать за ней, но стоило совсем чуть-чуть потянуть, как он сделал первый шаг, второй, третий. И вот, они уже отошли достаточно далеко, чтобы продолжающий стоять парень их не слышал.

— Ну что, Ветер, помнишь меня? — она поднесла к его носу ладонь. Он принюхался, и видимо, остался доволен, немного успокоился. — Прости, яблок у меня сегодня нет. Зато я

знаю чудесное место, где море сочной травы... Ты ведь любишь ее больше всего? Я помню, мне когда-то по секрету об этом сказал твой хозяин, — нервозность куда-то пропала. Он стоял смиренно, когда все еще с опаской, Майя обходила его сбоку, когда вставила ногу в стремя, забираясь на мощную спину.

— Ну что, Ветер, прокатимся? — она обняла его за шею, поглаживая, давая еще раз привыкнуть. В ответ на ее вопрос он цокнул копытом о землю, подтверждая свою готовность. — Молодец, мальчик.

Он оказался послушным, умным. Сначала Майе было непривычно. Она очутилась немного выше над землей, чем привыкла с Тенью. Если Ветер действительно был его братом, то старшим. Но потом, когда они оказались в чистом поле, где трава скрывала высоту, это уже не смогло помешать Майе наслаждаться прогулкой в полной мере.

— Я ведь обещала тебе лошадиный рай, да Ветер? — она снова пригнулась к лошадиной шее. — Вперед, — Майя пустила коня в галоп, даже через сапоги ощущая, как трава бьет по голеникам. Тень будет ревновать. Но это так чудесно, здесь и сейчас ей так чудесно!

Они мчались вдоль реки, не разбирая где тропа, а где чистое поле. Казалось, ему не заметны ни кочки, ни камни, ни даже поваленные деревья. Он чувствовал, чего Майя хочет и отдавался сполна, разгоняясь до такой скорости, что ветер свистел в ушах. Стало ясно, откуда взялось его имя. Знал бы хоть кто-то, что она творит, это была бы ее последняя прогулка. Но никто не знал, а значит, можно пригнуться еще ниже, гнать еще быстрее.

Совершенно растворившись в скорости и пьянящем восторге, Майя понятия не имела, как все произошло. Просто в один момент мир резко перевернулся, сбросив ее на обочину, а вместо режущего взгляд солнца наступила темнота, а на смену свисту ветра пришла тишина...

— Ваша светлость? — не успевающий за размашистым шагом своего хозяина дворецкий уже отчаялся его догнать. Пришлось окликнуть.

— Я еду в город. Буду к ужину. Посетителей, надеюсь, не предвидится, — Дэррек уже надевал перчатки, спускаясь вниз по ступенькам крыльца, когда дворецкий вновь его окликнул.

— Ваша светлость!

— Что? — Дэррек обернулся.

— Вашей лошади нет... — сухонький мужчина будто извинялся за то, что не смог уберечь лошадь от стаи волков.

— А где она?

— Ее запрягли для одной из леди Дивьер, как вы и распорядились раньше.

Дэррек кивнул виновато взирающему на него дворецкому. А потом все так же заторопился по ступенькам вниз.

— Я возьму другую лошадь.

Он знал, что Майя долго не выдержит без своих ежедневных вылазок. Вот только пока Тень был еще слаб, а остальные лошади доверия у него ну никак не вызывали. В первый же день, когда он зашел оценить сделанные по размещению работы, дал указания в случае чего запрягать Ветра. В нем он был уверен.

— Ваша светлость, а Ветра нет... — теперь уже виновато на него смотрел конюх.

— Я знаю. Мне нужна любая лошадь, лишь бы не плелась.

Воодушевленный таким доверием, мужчина помчал выполнять поручение.

Дэррек вскочил в седло, слегка непривычно, но только и всего. Он мог спокойно остаться дома, поручив свои мелкие дела кому-то другому, но ему с каждым днем становилось все сложнее без привычного движения, темпа, ритма. Покупая этот дом, герцогиня не учла одного — ведь заменить его, по сути, некому, а значит, находясь здесь он теряет там. Дэрреку страшно было даже думать о том, какие завалы ждут его по возвращению домой. Но лучше потом разгрести завалы, чем упустить свой единственный последний шанс здесь.

Майя, почему же с тобой так сложно?

Управляющий их делами писал каждый день, чуть ли не плача, умоляя вернуться и вновь взяться за дела. Кроме сотен уведомлений о событиях, на которых его хотели бы видеть, Дэррека ждали и на заседании палаты. Через две недели. Накануне свадьбы. А еще ему писала Мэгги, умоляя спасти ее от старшей сестры, взявшей в оборот. Его будто пытались разорвать на части, но пока он был уверен, его место здесь.

Не желая загнать лошадь, Дэррек натянул вожжи, заставляя немного замедлиться. Майя была права — на ее родине очень красиво. Даже осенью, когда листья уже покрылись золотом, иногда красной краской, а иногда и ярко-оранжевой.

Будто почувствовав приближение хозяина, на тропку вышел Ветер. Как ни в чем не бывало, пощипывая траву на обочине.

Дэррек заставил лошадь резко остановиться. Странно, может она решила отдохнуть? Но почему тогда не привязала Ветра? Ведь не может она быть уверена, что он не сбежит. Перекинув ногу, Дэррек спрыгнул с лошадиной спины. Не отпуская одну, он подошел к второму.

— Ветер? А где твоя наездница? — вместо ответа конь фыркнул в подставленную к носу руку. Но ответ и не требовался, Дэррек уже увидел ее.

Майя не помнила, когда в последний раз падала с коня. Может, в детстве, еще с пони, может, когда ее впервые посадили на взрослую лошадку. А может, такого не случилось с ней и вовсе. Ветер просто испугался и, будто не скакал до этого с бешеной скоростью, вкопался задними копытами в землю, стал на дыбы. Это стало не худшим для нее вариантом, все могло стать намного более печальным, перелети она через коня. А так, ее просто отбросило в сторону. Майя не знала, сколько времени пролежала без сознания, но пришла в себя от того, что Ветер обдавал лицо теплым дыханием.

Голова не болела, она ощупала затылок, но следов крови не нашла. На руках лишь пару царапин и разорванный рукав. Но вот когда Майя попыталась встать, поняла, что бесследно происшествие не прошло. Она не смогла даже опереться на ногу — щиколотку будто прострелили. Только приподнявшись, Майя снова села на пятую точку, схватившись за ногу. Ях, а вот это уже плохо.

Помощь пришла, откуда Майя не ждала. Отошедший Ветер вернулся, снова тычась носом, прося прощение и обещая, что такое больше не повторится. Да уж, теперь-то она долго не сможет еще сесть в седло. Но ведь нужно как-то добраться домой... Девушка схватилась за поводья, опираясь на здоровую ногу и силу рук, ей удалось подняться. Вот только залезть на высокую спину никак не получилось бы. Уже стоя на ноге, она попыталась опереться на вторую, но лишь скривилась от резкой боли. Ях, это все та же лодыжка, с

которой она промучилась когда-то несколько недель. Надо ж было так угораздить...

— Мальчик, поможешь мне? — она перевела руку на конский бок, посильнее ухватившись за седло. Ветер не сразу понял, чего она хотят, но когда Майя слегка ударила по боку, подгоняя, сделал шаг в сторону берега. Потом еще, подстраиваясь под ее ковыляния. Не меньше десяти минут они добирались до поваленного дерева, которое Майя заметила. Приходилось часто останавливаться, чтобы боль немного утихла.

Она и не помышляла о том, чтобы повторить попытку забраться на лошадиную спину. Даже попытаться запрыгнуть было совершенно бесперспективной идеей. Майя не боялась появиться дома, перевалившись животом поперек седла, она просто не смогла бы этого сделать. А значит, оставалось ждать. Пока ее отсутствие беспокоит, пока на ее поиски кого-то отправят, пока ее найдут. А значит, ждать долго.

— Спасибо тебе, — она отпустила теплый конский бок, схватившись за ветку. Еще одна мелкая перепрыжка, и можно сесть. Конечно, это не королевский трон и даже не жесткий табурет, но все лучше, чем ждать помощи на сырой земле или стоя на одной ноге. Пока не начало холодать, Майя подставила лицо солнцу, надеясь запасть теплом до позднего вечера, а то и ночи, когда ее наконец-то найдут.

Странно, она должна паниковать, бояться, волноваться, но вместо этого на душе было спокойно. Даже немного смешно, стоило только представить, как выглядело ее падение. Да уж, это, наверное, последствия стресса. В качестве эксперимента, время от времени она пыталась пошевелить больной ногой, но каждый раз ее пронзала все та же боль, если не более сильная. На этот раз ей досталось сильнее. Все-таки Ветер переплюнул хозяина по качеству доставленных физических травм.

— Леди Майя? Наслаждаетесь природой? — девушке стало даже немного грустно, что ее нашли так быстро. Она еще несколько секунд сидела с закрытыми глазами, подставляя лицо солнечным лучам.

— Да. Скоро наступит холод. А вы? — она смотрела за тем, как Дэррек подводит лошадей к дереву, перебрасывает поводья так, чтобы они не разбежались.

— Я? Я тоже не против провести время в лоне природы, но сегодня у меня этого в планах не было, — он повернулся. Такой спокойный, как в дни ее почти счастья. — Не боитесь простудиться? — он кивнул на рыхлую древесину, заменяющую ей кресло.

— Нет, — она снова закрыла глаза, поворачиваясь к солнцу.

Он мог бы вечно смотреть на ее сомкнутые веки, слегка трепещущие реснички, блестящие из-за солнечных лучиков, попадающих на них. На то, как она облизывает пересохшие губы. Как так случилось, что он, тот, кто никогда не верил в возможность встретить на своем пути любовь, который просто боялся ее, ведь любить — значит зависеть. А ему нельзя зависеть, он должен быть сильным, не только для себя. Как он, смог полюбить? Как он мог смотреть на эту девочку, младше его на десять лет, и понимать, что не сможет отказаться от своей зависимости? Да и не хочет.

— Мне кажется, пора ехать. Нужно вернуться дотемна, — Дэррек подошел, протягивая руку.

Майя открыла глаза, немного разочарованная тем, что момент признания настал. Она надеялась еще, что ей станет легче, и она сможет скрыть происшедшее от него. К сожалению, не получится.

— Я не могу, — Майя посмотрела на предложенную ладонь.

— Что значит, «не могу»? — неужели ее спокойствие было притворным, и грядет новая

битва?

— Я не могу встать, — Майя посмотрела на предательницу-ногу, давая ей последний шанс одуматься. Но та, видимо, решила им не воспользоваться. — Я упала, подвернула ногу.

Только недавно такое спокойное лицо изменилось, будто отблеск молнии, на нем промелькнул гнев.

— Ветер! — он не крикнул, но тон подсказывал, что коню несдобровать. Майя испугалась.

— Нет! — она схватила мужчину на все так же протянутую руку, заставляя вернуться взглядом на нее. — Он не виноват. Тут много змей. Я знала, и знала, что он их боится, и все равно отправилась сюда. Он просто испугался.

И снова она смотрела за тем, как он пытается успокоиться. Чтобы не пугать, не волновать. Потому, что она об этом просит. Еще раз зыркнув на чувствующего напряжение Ветра, он присел на корточки. Майя отпустила руку как только поняла, что расправа животному не угрожает.

— Где болит? — он взялся за сапог немного выше щиколотки, пробуя что-то на ощупь.

— Щиколотка, — Майя не верила, что он сможет чем-то ей помочь, но легче согласиться, чем доказывать свою правоту, кроме того, так он отвлечется от мыслей о Ветре.

— Тут? — Дэррек немного надавил сбоку над косточкой. Было больно. Чтобы не пискнуть, Майя закусил губу, а в ответ только кивнула. — Нужно снять сапог, я так не смогу осмотреть.

Он не спрашивал, даже будь она против, все равно сделал бы что нужно, но взялся за пятку только после еще одного кивка.

— Если будет больно, дай знать. — Дэррек попытался снять сапог как можно аккуратней, мысленно хваля Майю за то, что она выбрала модель с широким голенищем. Значит, самое сложное — снять пятку.

Ему не удалось это сделать совершенно безболезненно, один раз Майя вскрикнула, когда пришлось натянуть носочек, чтобы обувь легче поддалась натиску.

— Потерпи, еще чуть-чуть, — он посмотрел на нее лишь на секунду, а потом вернулся к своему занятию. — Вот и все.

Дэррек поставил на землю сапог. Майя не противилась, когда он закатывал штанину, чтобы открыть обзору опухшую ногу. Абсурдно делать вид целомудренной невесты, когда этот человек видел далеко не только щиколотки, тем более, когда она разбухла до размеров, ну никак не ассоциирующихся с нежными девичьими ножками.

Дэррек медленно, пытаясь не двигать ногу, прощупывал, не заработала ли она перелом. Раз не смогла встать, могло быть и такое. Но нет, во всяком случае, ему так показалось.

— Как ты умудрилась? — Майя внимательно следила за его манипуляциями, с замиранием сердца понимая, что боли не чувствует, зато прикосновениями наслаждается. А сам вопрос осознала не сразу.

— Что? — Дэррек улыбнулся одними уголками губ, она так забавно округлила глаза, пытаясь снова сосредоточиться. — Я пустила Ветра в галоп, а он увидел змею. Испугался, встал на дыбы. Я слетела. Не знаю, как умудрилась подвернуться ногу... — он снова загипнотизировал ее своими прикосновениями. Ощупав щиколотку, поднялся чуть выше. Майя сомневалась, что так делал бы врач, но спорить не было никакого желания.

— Перелома нет, — он еще раз посмотрел на скрытую набухлостью косточку. — Но вывих знатный.

А ведь судьба действительно циклична. Когда-то он сам стал причиной такой же травмы, а сейчас пытается, как может, облегчить эту. Интересно, он помнит, что она тогда ударилась о столбец? Вряд ли...

— Помню. — Дэррек не умел читать мыслей, но так случилось, что очень часто их мысли совпадали. Он погладил место давнего ушиба пальцем, заставляя тело покрыться мурашками, а потом поднес его к губам, неотрывно смотря на нее. Какой реакции он ожидал? — Прости, — губы коснулись кожи. Раскаянье... Каким оно должно быть? Может именно таким?

Показалось, или болеть стало меньше? Ях, какая же ты наивная, Майя.

— Не стоит, — Майя прикрыла на секунду веки, возвращая самообладание.

— Как пожелаете, миледи, — Дэррек аккуратно поставил босую ногу на прохладную траву. Встал во весь рост, снова возвышаясь над девушкой. А потом подхватил на руки. От неожиданности, Майя обхватила его за шею со всей силой. — Майя, мне нужно чем-то дышать... — он посмеялся про себя ее испуганному взгляду, а потом и смущению, когда она попыталась чуть ослабить хват. — Спасибо.

Сначала Майя не поняла, что он собирается делать, даже грешным делом подумала, что его светлость планирует так донести ее до дому. Но уже через секунду мысленно себя отругала. Они остановились возле Ветра, виновато опустившего голову.

— Надеюсь, на этот раз ты будешь вести себя лучше? — Дэррек обратился к старательно отворачивающему морду скакуну. А потом так же стремительно, как и поднял с дерева, опустил Майю на землю. Держать равновесие на одной ноге не так-то просто, почувствовав почву, девушка пошатнулась, не схватившись она за согнутые в локтях руки Дэррека, уже во второй раз за день оказалась бы на земле. — Стоишь? — он поддержал ее предплечья, убеждаясь, что девушка сможет постоять сама те несколько минут, что понадобятся чтобы распутать привязанные вожжи.

— Кажется, да... — она и сама не была уверена, сможет ли удержаться на ногах, когда опора из рук пропадет.

Дэррек отпустил сначала одну руку, потом другую. Подождал пару секунд, ничего не произошло. Значит можно отойти.

— Спасибо вам, — она стояла спиной, а повернуться не рискнула.

— За что? — Дэррек снял с сука поводья Ветра, посмотрел в спину балансирующей на одной ноге Майе и снова взялся за дело.

— За помощь. Неизвестно, сколько я ждала бы, пока меня найдут, если бы мимо не проезжали вы.

Он намотал на руку поводья, подошел, снова поднял над землей.

— А может это судьба? — в голове у девушки загорелась лампочка, будто предупреждающая, что она снова заходит на тонкий лед.

— Что я подвернула ногу?

— Что я тебя нашел, — Дэррек коснулся губ легким поцелуем. Просто потому, что не мог по-другому, когда она так близко. А потом все так же стремительно посадил страдальцу на спину Ветра. — Не упали еще раз, пожалуйста, — передал в снова ослабшие руки вожжи.

Оглянувшись, герцог вспомнил, что сапог так и остался стоять на траве, а эта часть гардероба рано или поздно могла еще понадобиться рьяной наезднице. Подняв его, Дэррек постучал пальцем по мягкой коже, да уж, меньше всего сейчас ей стоило сломать ногу. Это

значит несколько недель неподвижности, а ведь свадьба Винсента уже скоро. Он покачал головой, надеясь, что все обойдется.

— Миледи, не могли бы вы сделать одолжение? — он вложил сапог в сумку на конском боку. — Умение летать — не один из моих талантов. — Дэррек выразительно посмотрел на здоровую ногу, расположившуюся в стремях.

Майя проследила за взглядом, потом ей понадобилось еще некоторое время чтобы понять, что же значат его слова.

— Я доеду сама! — она ведь не шею свернула. Раз может сидеть в седле, значит, сможет и ехать.

— Не сомневаюсь, что в ваших силах доехать самой, но смотреть на то, как ты снова летишь с лошади, желания у меня нет. А змей тут за последние несколько часов не поубавилось, ведь так?

Понимая, что ее аргументы слушать герцог не намерен, Майя послушно уступила подножку. Пока он в два движения забирался на спину лошади, она попыталась как можно дальше отодвинуться, освобождая место. Но как только ей показалось, что ее задумка удалась, Дэррек убедил, что это не так.

— Мне кажется так... — он положил руку на напряженный живот, подтягивая плотно к себе, — будет удобней.

Возможно удобней, но никак не комфортно. Ощущая спиной широкую грудь, Майя чувствовала себя неуютно, она снова оказалась во всепоглощающей власти.

— Обопрись вот так, — он обхватил больную ногу чуть выше колена, аккуратно приподнял, голая ступня коснулась кожи его сапога. — Так нога не будет сильно трястись и болеть, — на колене он задержал руку чуть дольше, чем это требовалось. А потом перехватил из ее рук вожжи обеих лошадей, наматывая на запястье. И ко всему прочему, Майя теперь еще и не знала, куда девать свои руки. — Пошел, — Дэррек слегка ударил Ветра пяткой, призывая двигаться.

А Майя хотела просто побыстрее оказаться дома, не чувствовать себя так глупо. Они достаточно долго ехали молча, эта тишина сильно напрягала девушку, но попыток завести разговор она не делала. А ведь странно — когда-то у них была сотня тем для разговоров. Он подолгу что-то рассказывал, она слушала, задавала вопросы, и он обязательно отвечал, даже если она сама понимала, что вопрос совершенно глупый. Дэррек отвечал на все вопросы, кроме тех, которые касались его самого. Хотя может все потому, что она не считала себя в праве их задавать?

— Неужели ты боишься меня настолько сильно? — Дэррек зарылся лицом в волосы на макушке, снова каким-то непостижимым образом оказавшись распущенными. Рука, лежавшая на напряженном животе, скользнула в пространство между пуговицами рубахи, касаясь нежной теплой кожи.

— Не надо, — Майя положила свою руку на его, предупреждая попытку двигаться. Она была уверена — настаивай он, она не откажет, снова будет таять от ласк, но пока еще может контролировать все, лучше попытаться этого не допустить. Снова. — Я вас не боюсь. Просто не понимаю, чего вы хотите, — будто объяснение, она почувствовала поцелуй на шее. — Не понимаю зачем... — Майя сглотнула, осознавая, что ему и правда достаточно поманить, и она уже готова все забыть, согласиться на любую роль, будь-то любовница или пустое место.

— Я говорил зачем. Я люблю тебя, — то ли слушаясь наездника, то ли чувствуя, что именно это ему сейчас нужно, лошади замедлили шаг. Еще один поцелуй лег на висок.

— Вы любите меня мучить, — слова ее расходились с действиями. Вместо того, чтоб сдерживать, рука направляла его движения, а голову она повернула так, чтобы целовать было удобней.

— Я понимаю, что ты вряд ли когда-то простишь меня за тот случай, поэтому и не прошу простить, я хочу, чтобы ты дала шанс все изменить. Я прошу, чтобы ты поверила мне, снова.

— Я не могу, — в голове мелькнула мысль, что не дай Ях им навстречу выедет еще какой-то путешественник. Если это случится — в самый раз прыгать с коня добровольно, причем головой вниз, чтобы наверняка. Но никаких попыток остановить непрошенную нежность, Майя не предприняла. — И не хочу.

— А чего ты хочешь? — Дэррек немного отстранился.

— Спокойствия, — это была чистая правда, ведь глаза врать не умели, и сейчас в них горела дикая усталость.

— А он сможет дать тебе это спокойствие? — Дэррек ни на минуту не забывал о происшедшем тогда в библиотеке, воспринимая после этого генерала уже не как неприятное недоразумение, а как реальную угрозу.

— Возможно, я не знаю, — Майя опустила голову, он загонял ее в глухой угол, которым стала ее жизнь. Не было больше хороших вариантов, только плохие и очень плохие.

— Но ты готова рискнуть? — скажи нет, Майя просто скажи нет.

— Да. Мои ставки не слишком высоки.

— Твоя ставка — это вся оставшаяся жизнь. Причем не только твоя.

— Так будет лучше, — она в сотый раз повторила слова, которые стали ее единственным аргументом, с помощью которого девушка переубеждала себя саму.

Дэррек покачал головой. Так ее не убедить.

— А как ты объяснишь мужу, то, что он узнает в первую же совместную ночь?

— Никак, — правда слишком уж не смахивает на реальность, а врать... В мире и без того много лжи. Лучше попросту молчать. — За этот грех я буду расплачиваться сполна, сама.

— Не сомневаюсь, будешь, — наверное, впервые он понял, что по-настоящему тогда, придя к нему, ответственность на себя взяла она. Всю. А он, он всегда мог сойти с их общего пути, оставив ее бороться с ураганом самой. Именно так он когда-то и сделал. — Ты не выйдешь за него замуж, — сделал когда-то, но больше не повторит.

— Не в ваших силах это решать, — Майя отклонилась, когда он снова попытался коснуться губами щеки. Достаточно. Ведь и правда, она почти предает своего будущего жениха, ведя себя так.

— А если обо всем узнает граф? — тело девушки будто снова окаменело.

— Если обо всем узнает граф... я умру, — она не преувеличивала. Майя знала, что просто не сможет смотреть в глаза ни ему, ни маме или Соне. А подобной жизни ей не вынести.

— Поэтому он не узнает, обещаю, — Дэррек выпрямился, снова придвигая девушку ближе. Он прекрасно это знал, и не прибегнул бы к такому ходу даже стой она у алтаря с другим. Вот только и стать у алтаря не дал бы.

— Спасибо.

— Но я все равно не отдам тебя ему или кому бы то ни было.

Почему-то вспомнилось еще обещание, сказанное той ночью, когда ей казалось, что все

кончено, а оказалось, это было только начало.

— Даже самой себе, — она прошептала слова, которые тогда заставили сердце биться быстрее.

— Даже самой себе, — и снова по телу пронеслась волна тепла. Захотелось кричать во весь голос, чтобы не отдавал, вот только как же страшно узнать, что и это обещание просто пшик.

Глава 34

Остановив лошадей у подъезда к дому, Дэррек стремительно спрыгнул на землю, протягивая вверх руки.

— Не бойся, я поймаю, — слегка скривившись, Майя перенесла болезную ногу через конскую шею, соскользнула вниз. Сильные руки правда поймали. Но на землю не опустили.

Витор вылетел навстречу несущему Майю на руках герцогу. Он стоял у окна, когда увидел странную картину.

— Что произошло? — Винсент открыл перед мужчиной дверь, пропуская в холл.

— Майя упала, подвернула ногу.

— Ничего страшного! Это просто маленький вывих! — Майя попыталась успокоить широко открывшего глаза Витора.

— Ты даже не можешь стать на ногу! Маленький? — Дэррек бросил на нее суровый взгляд. Чтобы доказать всем, что это действительно мелочь, она способна выносить любую боль, дурочка.

— Вы. — Майя отпарировала его замечание. — Вы не можете, — ей не нужны были новые вопросы мамы, с каких пор они с его светлостью перешли на ты. Достаточно было уже того, что он внес ее в дом на руках.

— Ей нужен врач, — Дэррек бросил Витору через плечо.

— Что? Что здесь за шум? — из столовой показалась мама. — Майя! — она перевела непонимающий взгляд с дочери на Витора и только потом на Дэррека.

— Я плохо спрыгнула с коня, неправильно наступила, подвернула ногу, а его светлость проезжал мимо, помог мне добраться домой. Ничего страшного, просто вывих... — кого-кого, а маму волновать точно нельзя, ни ее, ни будущего брата или сестричку.

Наконец-то опомнившийся, Витор помчал на поиски врача.

— Я могу идти сама, ваша светлость, спасибо вам, но отпустите меня, пожалуйста, — даже раздоби ей все кости, она все равно попыталась бы показать маме, что ничего страшного действительно не произошло.

— Лучше мы проверим, можете ли вы идти, после того, как вас осмотрит врач, — Дэррек ответил ей не менее уверенным взглядом. Он не даст ей гробить себя лишь затем, чтобы окружающим не было причин ее жалеть. — Графиня, как вы считаете? — он перевел взгляд на растерянную женщину, продолжая ощущать, как ее гневный взгляд жжет кожу. Если могла бы, наверное, ударила.

— Конечно. В комнату, в ее комнату, — и будто не держалась еще минуту назад за поясницу, чувствуя боль в спине, графиня помчалась вверх по лестнице, показывая путь. — Как это произошло? — она время от времени оглядывалась, и каждый раз, Майя вымучено ей улыбалась, будто это могло стать доказательством того, что все происшедшее полнейшие глупости.

— Это моя вина, нужно было смотреть куда прыгаю, — еще один выразительный взгляд был направлен на Дэррека. Означать он должен был одно — ни про то, что лошадь встала на дыбы, ни про то, что она потеряла сознание от удара, что ждала его добрый час, известно стать не должно. — Поплатилась за свою глупость.

Графиня надавила на ручку, открыла дверь. Вперед она пропустила мужчину с самой драгоценной для нее ношей. Дэррек подошел к кровати, аккуратно опустил на нее Майю. В определенный момент его лицо оказалось так близко, что он смог сказать ей на ухо то, что должно было остаться между ними.

— А ведь я теперь храню секрет твоего падения, разве это не доверие? — и еле заметная улыбка в уголках губ.

— Это всего лишь необходимость! — Майя отпустила шею, почувствовав поддержку твердой деревянной спинки кровати.

— Ваша светлость, я даже не знаю, как вас благодарить! Майя, ну как же ты умудрилась? — бедная графиня не знала, куда ей бежать и что делать. А бежать и делать точно что-то было нужно, просто необходимо.

— Мама, не волнуйся, Витор приведет врача и тот подтвердит, что ничего страшного не произошло. А пока....

— А пока стоит подложить подушку под больную ногу, — Дэррек перегнулся через Майю, достал одну из огромных подушек, приподнял многострадальную конечность и устроил ее удобней.

— Спасибо, — умышленно или нечаянно, он немного пошевелил больную лодыжку, лишая девушку всякой надежды, что врач действительно подтвердит, что ничего страшного...

— Нужно сообщить Нортону, он ведь говорил, что не хотел тебя пускать... Ях, как же так? — мама еще раз покачала головой.

— Герцог, мы были бы благодарны, если вы исполните эту маленькую просьбу! — он правда ей помог, она правда была благодарна за эту помощь, но сейчас своим присутствием он только мешал успокоить маму.

— Нет! Я лучше сама. Но прошу, не оставляйте ее одну.

— Мама! — не отреагировав на оклик Майи, графиня вылетела из комнаты так же стремительно, как мчалась еще недавно по коридору.

Не выдержав, Майя закатила глаза — вот именно этого она боялась, что ее глупость превратится во что-то подобное. Она ведь знала, что маме нельзя нервничать, но вместо того, чтобы всячески этому способствовать, помчалась сломя голову на поиски никому не нужных приключений.

Дэррек в это время смог осмотреться. Ему не часто доводилось бывать в девичьих комнатах, сравнивать было почти не с чем, но эта казалась ему уютной и достаточно отражающей сущность хозяйки. Несколько картин на стенах, цветочные обои. Мало зеркал. Большое окно, письменный стол, в углу которого лежит стопка книг.

— Спасибо вам, правда, я не знаю, что делала бы, если вы не нашли меня.

Дэррек склонил голову, принимая благодарность, но ничего не ответил.

Если честно, Майя надеялась, что именно благодарности он ждет, чтобы с чувством удовлетворения отправиться дальше по своим неотложным делам.

— Я могу дождаться врача и сама. Вам ведь нужно было в город, если вы выедете сейчас, то до темноты успеете... — может недостаточно тонко, зато понятно.

— Я уже не спешу, — Дэррек прошел по комнате к двери, затворяя ее плотнее. К сожалению, сам он остался при этом в комнате. — Почему ты соврала?

— Я не врала, все было почти так, — девушка посмотрела куда-то в окно.

— Да, если не учитывать некоторых мелочей. Ты понимаешь, что у тебя может быть

сотрясение? Что могут быть переломы? — снова тон сурового учителя, делающего выговор нерадивой ученице.

— Я чувствую себя отлично, ничего из вами названного у меня нет. Если врач разрешит, уже вечером отправлюсь на прогулку.

— Мы можем попробовать прямо сейчас и без врача, — Дэррек приблизился к кровати. — Ты расскажешь врачу, как все было, или это сделаю я.

Девушка бросила на него гневный взгляд.

— Не вам это решать! — Майя сложила руки на груди, подтверждая свою решимость.

— Или ты, или я, — он не шутил и не собирался отступить.

— Маме нельзя волноваться!!! — неужели он этого не понимает? Девушка посмотрела на него прося сменить гнев на милость.

— А тебе нельзя так рисковать! Майя, ты или я! Я все сказал, — разговор закончился дуэлью взглядов, одного — решительного, непроницаемого, сплошной стеной, без единой лазейки и трещинки, и другого — пытающегося изо всех сил пробить эту броню своими маленькими кулачками.

Когда дверь открылась, Майя первая отвела глаза. Витор успел уже найти врача и теперь вместе с отцом, мамой и Соней они стояли на пороге ее комнаты.

— Ну что, юная леди, как это произошло? — средних лет доктор с забавными усами, знакомый ей с детства, арендовал один из небольших домиков в двух шагах от дома. Чтобы сообщить ему и примчаться, как оказалось, хватило получаса. Пройдя в комнату, он открыл свой чемодан, достал оттуда перчатки.

Бросив еще один гневный взгляд на устроившегося на краю стола Дэррека, Майя ответила.

— Упала с коня.

Врач поцокал языком, сел на край ложа, ощупал щиколотку.

— Чем-то еще ударились? Теряли сознание? — и прекрасно понимая, что соври она, за нее ответит герцог, Майя рассказала все, как было.

Взглянув на побледневшую маму, поняла, что волновалась не зря, но успокоить ее теперь мог разве что сам врач. Он повторил почти те же манипуляции, что и Дэррек, как только обнаружил ее. И к счастью, пришел к тому же выводу:

— Перелома нет. Но вывих сильный. Придется неделю полежать. Вставать можете даже не пытаться пару-тройку дней. И лучше поменьше двигать ногой, — такой неутешительный прогноз все же заставил облегченно вздохнуть всех присутствующих. Потом врач проверил зрачки, пришел к выводу, что обошлось без сотрясения.

— Не тошнит? Голова не кружится? — он дотронулся до лба, заодно проверяя температуру.

— Нет, — Майя стойко вынесла и пересчет пальцев, и просьбу дотронуться до носа, восторженно воспринятую его светлостью (когда Майя бросила на него пристыженный взгляд, он весело ухмылялся). — Мне кажется эти вопросы лучше задать маме, — девушка еще раз посмотрела на взволнованную родительницу.

— Обязательно задам, — доктор улыбнулся толпящимся у двери. — Только сначала назначу вам лечение, — он ударил по карманам, что-то разыскивая. — Где же... Где же мой блокнот? — он заглянул в чемоданчик, по несколько раз пересмотрел все карманы.

— Вот, — Соня указала на лежащие на столе листы. — Вы можете написать на них. Ваша светлость? — он был ближе всех к сложенным вчетверо пустым с одной стороны

листам.

— Нет!!! — Майя вскрикнула, будто кто-то со всей силы ударил ее по все еще ноющей щиколотке. Дура, почему она их не спрятала с утра? Нет, даже представить страшно, что будет, разверни их врач при всех. — Это не мои, — шестеро присутствующих посмотрели на нее с сомнением, правда ли она не стукнулась хорошенько головой? — Это документы его светлости, да? — Майя умоляюще посмотрела на герцога. Первая ложь, пришедшая в голову. Только бы он подыграл.

Несколько напряженных секунд она ждала реакции, а потом мужские пальцы подняли «документы», покрутили перед глазами, и, кинув быстрый взгляд, положили во внутренний карман пиджака.

— Да. Это важные документы. К сожалению, рецепт на них записать не удастся.

— Вот, нашел! — не терявший времени врач извлек из кармана лежавшего на кровати сюртука такой нужный ему блокнот.

Ях, почему он посмотрел там сразу? Опять возникло непреодолимое желание сорваться с места, вытащить скрытые в кармане бумаги и, разорвав на мелкие клочья, бросить в огонь.

— Итак, постельный режим, мазь — три раза в день, и если будет болеть голова — сразу отправляйте за мной, — мужчина встал, подошел к толпящимся у двери наблюдателям, протянул графу рецепт. — Думаю, через неделю леди уже будет на ногах, — тепло улыбнувшись своей пациентке, он посмотрел уже на ее маму. — Раз уж я тут, давайте послушаем, как там наш наследник? — взяв графиню под руку, он вывел ее из комнаты.

К сестриной кровати подлетела Соня.

— Майя, ну как же ты умудрилась? — она покачала головой, разглядывая ее распухшую ногу. — До свадьбы две недели. Придется все переносить.

— Прости, — Майе было стыдно еще и перед ней, ведь и правда сестра полагалась на ее помощь, а теперь оказалось, что ближайшие дни пользы от нее будет не больше, чем с козла молока.

— При чем тут свадьба? — голос подал Витор. — Главное, что все обошлось, — он ободряюще улыбнулся подруге и обернувшейся, услышав его голос, невесте.

— Ладно, дети, Майе нужен покой, пусть отдохнет. Ужин тебе принесут, — отец подошел к дочери, поцеловал в лоб. — Ну и напугала же ты нас...

— Я зайду вечером, — Соня обернулась, уже выходя вслед за Витором.

Прежде чем проследовать за дочкой и будущим зятем, граф обратился к продолжающему спокойно стоять посреди комнаты герцогу:

— Я буду ждать вас в кабинете, ваша светлость, думаю, Майя захочет вас поблагодарить за спасение, — как-то подозрительно дружно кивнув, один мужчина вышел, а второй, оттолкнувшись от стола, подошел к кровати, занимая место врача.

— И что за «документы» я имею честь хранить? — он постучал по карману, в котором покоилось то, что уж точно не должно было попасть к нему.

— Это просто мои глупости, не важно. Верните, пожалуйста, — Майя протянула руку. Главное — не показывать, как ей нужно, чтобы он отдал. Хотя ее реакция при всех была красноречивей некуда.

— Какие глупости?

— Не важно. Это мои личные вещи, и я искренне уповаю на вашу порядочность, — она демонстративно тряхнула протянутой рукой, намекая, что самое время выполнить ее просьбу.

— Мне что-то подсказывает, что эти личные вещи имеют большое значение, — он залез во внутренний карман, достал их. То, с какой жадностью она посмотрела на листы, заставило даже слегка приревновать. — Я прав?

— Нет. Они не имеют никакого значения, — спохватившись, что выглядит более чем странно, Майя попыталась надеть маску напускного равнодушия.

— Тогда я могу открыть? — уже почти поднеся их к растопыренной ладошке, он дернул на себя, заставляя сжаться кулак, так и не получив добычу.

Рассердившись, Майя хотела наклониться, и просто вырвать свои вещи из чужих рук, но нога этого сделать не дала.

— Отдайте! Я прошу вас в последний раз! — Майе нужно было любой ценой заставить его отказаться от этих глупых игр, ведь он даже не представляет по какому опасному краю идет.

— Тогда я просто обязан посмотреть, что там! — будто в замедленной съемке Майя смотрела, как герцог разворачивает сложенные вместе листы, как взгляд пробегает по строкам, поднимается на нее и снова возвращается к прочтению.

«Я пишу вам потому, что лично сказать все это не решусь никогда. Да и случая такого не представится, во всяком случае, я на это уповаю.

Вы никогда не узнаете, как больно смогли сделать. Даже не знаю когда больнее. Наверное, вчера, когда я узнала всю правду. Вам следует собой гордиться, вы совершенствуетесь в этом искусстве.

Вы никогда не узнаете, что я пережила за время, после возвращения домой. Хотя ведь и узнавать-то нечего. Я пыталась бороться за себя, с вами. Когда-то вы сказали, что не отдадите никому, даже самой себе. Пока что это свое обещание вы держите, хотя это и не стоит вам никаких усилий.

Вы никогда не узнаете, что за месть я придумала. А даже если узнаете, не поймете, что это месть.

Вы никогда не узнаете, что я вас любила, и, раз уж бумаге можно доверять, люблю даже сейчас. После того, как узнала. Я не прощаю, вы не нуждаетесь в прощении, я не клянусь помнить обиду всю жизнь, эта боль — следствие моего самого большого счастья, которое приготовила жизнь. Я не жалею, что у нас был тот месяц моего счастья, чем бы это ни было для вас».

Ях, как стыдно! Если бы могла, она выбежала бы из комнаты, провалилась бы сквозь землю, попыталась бы вырвать листок уже сейчас, надеясь, что он прочитал не все. Но вместо этого, Майя зарылась лицом в подушку, чтобы не видеть его реакцию, не видеть, как веселая забава, которую он затеял, оборачивается совсем не так, как планировал. Что, ваша светлость, не ожидали? А вы мастер выворачивания души наизнанку.

Дэррек был в шоке. Он и понятия не имел, какое сокровище попадетсся ему в руки. Что может быть лучше? Ведь если это правда, если выведенные ее рукой слова — правда, то он может считать себя самым счастливым человеком в мире.

Будто обиженный ребенок, Майя лежала лицом в подушку, закрывая уши ладонями. Она покраснела до кончиков пальцев, до корней волос, а может даже больше.

— Это правда? — он аккуратно отвел ее руку, склонившись к уху. В ответ тишина, Дэрреку показалось, что она даже дышать перестала. — Майя, это правда?

— Нет! — она повернулась так резко, что они почти столкнулись лбами. — Нет! Нет и нет!!!

— А это? — он поднял с постели отложенный портрет. Впервые ему нравилось, каким его изобразили. Потому что она рисовала его душу больше, чем лицо. А то, как она подписала, заставило ликовать совершенно искренне: «мой».

— Нет! Ях, не мучайте меня! Неужели вам нечем заняться? — она кричала, не задумываясь над тем, что их может кто-то услышать. — Не правда! Это чушь, отдайте! — Майя попыталась выдернуть хоть портрет, но он вовремя отвел руку. — Уйдите! Я прошу вас, уйдите!!! — она хотела снова зарыться в подушку, чтобы скрыться от стыда, но он не дал ей сделать и этого. Отбросив портрет, заключил ее лицо в ладони.

— Это правда, это знаешь ты, а теперь и я. И ты уже не убежишь, — и прежде, чем она успела снова взорваться, он вышел из комнаты, оставив ее наедине с собой. Зарычав от бессилия, Майя упала на подушку. Сколько еще? Сколько еще раз она будет биться лбом об одни и те же грабли...

— Я вас ненавижу!!! — в дверь полетел стоявший на тумбе подсвечник. Как она это объяснит? Не важно, сейчас это не важно!

В коридоре раздался смех, обычный его раскатистый, такой же уверенный, как и вся его сущность. Конечно, он ей не верит, даже она себе не верит.

— Что это было? — проходящий мимо Витор, дернулся, когда из-за двери раздался грохот падающего предмета.

Продолжая смеяться, Дэррек посмотрел на союзника.

— Надеюсь, это звук падающих стен.

На непонимающий взгляд Витора он лишь улыбнулся. Не только она меняется, он тоже. Думал ли когда-то, что будет искренне улыбаться этому человеку? Ни-ко-гда.

— Так что произошло? — Витор обошел опасную дверь по приличному радиусу.

— Все было так, как Майя сказала.

— Я не о том. Что сейчас произошло?

— Когда там у вас свадьба? — Дэррек намеренно проигнорировал вопрос.

— Через две недели. Ровно.

— Ну, вот и отлично. Значит, на следующей неделе, если нужно, я могу помочь вам с городскими делами.

— В смысле? — Витору казалось, что он совсем потерял нить разговора.

— Пора возвращаться. Еще много всего нужно успеть. До свадьбы.

— Но Майя же об этом не знает?

— Нет. Не хочу ее заранее радовать, — он опять улыбнулся своим мыслям.

— Дженифер, все хорошо, сердцебиение сильное, только не стоит так переживать. Это единственный мой вам совет, — врач снова сложил свой чемоданчик, накинул на руку сюртук.

— Если бы я могла... Ведь это мои дети... — графиня положила ладонь на округлившийся живот. — Кому же волноваться за них, если не мне?

В дверь постучали, стоявший возле входа в комнату врач по-хозяйски открыл.

— Как наши дела? — граф с тревогой посмотрел на мужчину.

— Все хорошо, но только не давайте ей так нервничать, если, конечно, хотите

послушного ребенка, — он улыбнулся красивой паре, отмечая, что они достойны своего счастья. — Я больше не нужен, если что, вы всегда знаете, где меня найти.

Дождавшись, когда врач выйдет, Нортон сделал шаг в сторону кровати. Уже давно пора было завести этот разговор. Но он всегда боялся, что это станет слишком для нее неожиданным. Но теперь оттягивать было уже некуда.

— Дорогая, доктор велел тебя не волновать, но мне кажется, это волнение станет приятным...

— О чем ты? — она думала, что единственное, что сможет ее удивить — сообщение, что у них будет двойня. Но скоро поняла, что сильно ошибалась.

— О Майе. Помнишь, ты спрашивала, почему она так странно себя ведет в последнее время? — он дождался кивка жены. — Все очень просто...

Лежавшая на кровати Майя даже не подозревала, что в эту самую минуту даже мама, от которой она и пыталась все скрыть, узнавала больше, чем девушка могла предположить. И разоблачительное письмо не имела к этому никакого отношения. Как и валяющийся в ногах портрет.

Глава 35

Что такое неделя, проведенная в собственной постели? Блаженство или сущий ад? Майя считала, что второе. Первых три дня она действительно пыталась непреклонно придерживаться указаний врача, девушка не пробовала встать на больную ногу, самый ее длинный вояж — маршрут между ванной и кроватью, не разлучалась с мазью и прислушивалась к болям в голове. И видимо, такая ее старательность дала плоды. Когда Майя впервые попыталась наступить на носочек, щиколотка лишь чуточку ныла.

Разбавляли ее одинокое уныние редкие визиты Сони, на которую теперь легло все бремя подготовки, а соответственно и времени почти не осталось.

— Сегодня на ужин приглашен Пирмст. Ты спустишься? — до такого анонса Майя собиралась, но видеться с ним пока не хотелось.

— Наверное, нет. Утром нога снова ныла....

— Ну да, — Соня скептически посмотрела на сестру, но облачать во лжи не стала. В конце концов, ведь для этого они все и стараются, чтобы она могла сама делать свой выбор. — Но я надеюсь, до примерки ты оправивишься?

— Конечно, на примерку я поеду с тобой! — это почти последнее, из запланированных, дело значило для обеих очень много. Когда-то в детстве они пообещали, что первыми в свадебных платьях предстанут друг перед другом. И эту клятву собирались исполнить.

Еще реже появлялся Витор, только желавший скорейшего выздоровления на пороге, и сразу же мчащийся куда-то дальше по тайным, но очень важным делам. Наверняка, готовил какой-то сюрприз для будущей жены. Отец был занят восстановлением конюшен, да и обычных дел накопилось немерено. Если на хрупкие женские плечи ложилось устройство свадьбы, то на широкие мужские — все расчеты, которых было достаточно.

Лучшим другом Майи в это время был поселившийся за окном воробышек. Он чаще остальных вел с ней беседы на волнующие ее темы.

Пусть и не вслух, пусть и не своими губами, пусть и против воли, но она ведь фактически призналась герцогу в любви. И он теперь знает, что она его любит. Глупо, они когда-то разговаривали, и ведь он ясно дал понять, что ни в какую любовь не верит. Но с той поры утекло столько воды, он сам произносил эти слова. И даже ей. А теперь, теперь «услышал» их в ответ. И что дальше? Ничего. Как всегда, дальше ничего. Наверняка уже и сам не рад, что полез туда, куда не следовало. Майя почему-то решила, что он-то и признавался в любви только потому, что был уверен — она ему не ответит. А получилось не так. И теперь легче сделать вид, что ничего не произошло, чем поднимать эту щекотливую тему.

— Правда? — Майя посмотрела на клюющего оставленное ему на окне зерно воробышка. Тот отпрыгнул, посмотрел, но ничего не ответил. — Значит правда.

На четвертый день Майя решила наконец-то покончить с затворничеством. Даже преодолела лестницу. Конечно, спускалась боком и дольше обычного в несколько раз, зато оказавшись в холле, поняла, что даже ей иногда можно гордиться своими поступками. Конечно, не безрассудством, которое стало причиной травмы, но преодолению последствий. Подойдя к двери, девушка собиралась ее открыть. Она так соскучилась по свежему воздуху...

Окно в комнате открывать надолго не разрешали. Она уже собиралась выйти, когда услышала разговор, происходящий на террасе.

— А дальше?

— В столицу, потом свадьба и домой. Если, конечно, все получится, как я запланировал, — вопрос задал Витор, а ответил герцог. Она даже не знала, что он у них. И ведь не зашел, даже для виду, справиться как здоровье. Значит, ее теория оправдывается.

— А почему не сюда?

— Я не собираюсь тут жить. Мне комфортно там, именно поэтому. Может, вернемся чуть позже на несколько дней, все зависит от обстоятельств и ее желания. Ведь и вы с Соней в ближайшее время вряд ли попадете сюда.

— Да, мы после свадьбы останемся в городе. Но в конце зимы будем тут, графиня должна рожать. Уже потом отправимся обустраивать дом.

— Это разумно.

— Я тоже так считаю... — наступила пауза, Майя хотела уже отойти от двери, ведь подслушивать — недостойное занятие, но любопытство победило. — Когда в путь?

— В субботу. Так что ровно неделю я не буду мусолить вам глаза.

В ответ Витор рассмеялся. Будто друг пошутил, и он оценил шутку. Друг. С каких пор они ведут такие простые беседы? А ведь она волновалась, что Витор снова попытается броситься на герцога с кулаками, но как оказалось, бояться нечего.

— Да и потом, надеюсь, уж успокоитесь, ваша светлость, займетесь чем-то более приятным, чем донимание всех окружающих своими бестолковыми планами.

— Я тоже очень на это надеюсь.

Снова наступила тишина. Собрав силу воли в кулак, Майя отступила от двери. Значит вот так. Он будет делать так вечно? Добиваться от нее признаний, а потом бросать. Возвращаться, все ломать и снова пропадать?

— Майя? Я думал ты еще лежишь... — Витор открыл дверь настежь. Спускавшийся по ступенькам Дэррек обернулся.

— Нет, мне уже лучше, — она посмотрела через плечо друга на застывшего на крыльце мужчину. Ну что, ваша светлость? Оказывается, не так легко продолжать свой фарс, когда ему противопоставлены настоящие чувства? Бегите...

Он скользнул по ней взглядом... и все. Не подошел, не кивнул, просто снова развернулся, продолжив свой путь. Объясняя поведение то ли друга, то ли врага, Витор заметил:

— Его светлость спешит.

— Я вижу, — Майя проводила его взглядом. Горько. На самом деле горько осознавать чего стоят его слова. — Герцог уезжает?

— Да. Но на свадьбе обещал быть.

— Жаль.

Витор не поинтересовался чего именно: того, что уезжает, или, что появится на свадьбе.

А еще, в последнее время, любимым занятием мамы, когда в ее поле зрения появлялась старшая дочь, стало внимательно ее разглядывать. Как-то слишком пристально. Иногда она могла десять, двадцать минут сидеть у нее в комнате, просто наблюдая за тем, как Майя читает, пишет, просто спит. На вопрос что случилось, женщина только отрицательно мотает головой. А ведь Майя чувствовала, что-то случилось.

В субботу утром Майя была полностью готова наконец-то покинуть дом хоть ненадолго. Кроме Сони с ними отправилась мама, как человек, способный внести рациональное зерно в их восторженные вздохи. Отца с Витором от такой повинности освободили. Одному было запрещено видеть невесту в свадебном платье до появления в храме, а другого просто пожалели. Их костюмы были уже готовы. Ведь и требований они предъявляли не столько.

— Мы, наверное, поспешили, — Соня сидела в экипаже напротив Майи, смотря куда-то вдаль.

— Почему?

— А вдруг я поправлюсь за эту неделю?

Улыбнувшись, графиня взяла дочкину руку в свою.

— Соня, такими темпами ты только исхудаеть, от нервов. Не знаю, рассказывала я вам эту историю или нет, но я перед своей свадьбой тоже ужасно нервничала. Как и любая невеста, конечно. А знаете, что помогло мне этот страх побороть? Увидев меня, больше похожую на загнанную животину, чем на счастливую невесту, ваш отец предложил свадьбу перенести. И вот тогда-то я поняла, что больше ждать не могу. Лучше скучать по прошлой жизни, будучи женой, чем топтаться на пороге новой жизни, когда впереди полная неизвестность. Так что, Соня, всего лишь неделя, и все наши жизни изменятся. Еще неделя на пороге, и ты вступишь в новый дом. Свой.

— Ох, мама... — Соня посмотрела с любовью на своих лучших в этом мире подруг.

Миссис Стрип уже ждала их на пороге лавки, когда экипаж остановился на улице.

— Ваше сиятельство, — первой внутрь зашла графиня, сразу же приметив кушетку. Стоять — не лучшая в ее положении затея.

— Добрый день.

— Платья уже готовы, ждут своих хозяек.

Майя вопросительно посмотрела на маму. Ей казалось, что они сошлись на том, что ей платье шить не будут, ведь у нее еще столько новых, ни разу не надетых, но очень красивых нарядов. Бесконечных подарков родителей и сестры, которые надевать Майя не решалась. А за то, что они пылятся на вешалках, откровенно болела душа.

— Мы заказали платье, оно тебе понравится, — мама переглянулась с Соней и загадочно подмигнувшей миссис Стрип.

— Но зачем?

— Мы всего лишь посмотрим, — Соня подтолкнула сестру к кушетке, на которой устроилась мама. Первой облачиться в наряд предстояло ей.

На несколько минут, которые заняло переодевание, портниха с Соней покинули комнату, оставив их с мамой наедине.

— Я все хотела у тебя спросить, но никак не выпадало случая... Ты уже определилась с тем, что собираешься делать после свадьбы? — графиня аккуратно провела по и без того гладкой юбке, скрывая важность для нее ответа на заданный вопрос.

— Почти, — Майя взялась за то же занятие. — Думаю, после свадьбы задержусь в столице. Помогу Соне и еще сделаю пару дел, — например, потрачу оставленные бабушкой в наследство деньги на оплату собственного обучения. От родителей ей нужно было согласие, а ее поступление должно было стать таким же началом новой жизни, каким была бы свадьба. Она тоже образовывала новую семью, которая будет состоять из ее одной.

— Ты хорошо подумала?

— Да, — как ни старалась, пересилить себя не удалось. Когда-то она пообещала генералу дать ответ на его предложение в день свадьбы сестры. Пообещала лишь потому, что Дэррек снова открыл двери в ее жизнь ударом с ноги. И только потому, что именно так собиралась ему мстить, от него закрыться и обезопаситься. Но недавний опыт показал, что это не лучший способ. Причем не только для нее, но и для мужчины. Майя не смогла. Даже не жить, а думать про совместную жизнь. У нее не получилось, и именно это должен был узнать через неделю генерал. Пусть она выбрала путь еще более тернистый, сложный, но он не вызывал в ней чувства, что она совершает самую большую в жизни ошибку. А герцог... Она нашла верный способ заставить его убраться вон из жизни — просто время от времени напоминать о своих чувствах, которые, к сожалению, не менялись, это — единственное, что заставляет его исчезать.

— Я надеюсь, ты права... — отведенное для переодевания время вышло, из примерочной выплыла Соня.

Когда-то Майя с мамой лишь скептически смотрели на то, как Соня расписывает нужное платье, а портниха с круглыми глазами пытается это все записать. Никто и подумать не мог, что у Сони получится именно то, о чем она мечтала. Но получилось! И теперь Майя открыла от удивления рот. Потому что сестра выглядела божественно! Белое платье — атрибут любой невесты. Но не многим удастся получить платье, будто сотканное из легкой паутинки с витиеватыми узорами.

Пышная юбка, покрытая тонким кружевом с настолько мелким узором, что, кажется, его пришлось ткать под увеличительным стеклом. Тянущийся сзади шлейф, тонкая талия, облаченная в корсет, затянутый так туго, насколько только хватило силы портнихи. И сам корсет из гладкой белоснежной материи был полной противоположностью витиеватым шероховатостям юбки, но так их дополнял. Открытое декольте тоже задрапировано легким кружевом. Но самое необычайное зрелище открывалось, стоило Соне повернуться. По спине будто вился белый выюнок, контрастирующий со смуглой кожей, вплетающийся в пышный подол.

— Ну как? — Соня видела, как вытянулись лица женщин, но не могла понять — от радости или наоборот. То, что швея смотрела на свою работу с гордостью, не доказывало ровным счетом ничего.

Как подобрать слова, выражающие то, что Майя видит? Хороша — нет, слишком слабо, божественна — не только. Прекрасна — да, но ведь этого мало. И что? Остается только молча смотреть, хватая ртом воздух.

— Лучше и быть не могло! — мама смотрела на дочь с благоговением, а на портниху с безмерной благодарностью.

Соня застенчиво улыбнулась. С души упал камень, ведь им, правда, могло не понравиться.

— Майя, а теперь ты! — она подошла к зеркалу, чтобы рассмотреть себя лучше. Интересно, а как отреагирует Витор? Ему понравится?

Покорно кивнув, уже Майя отправилась в комнату пыток. Когда миссис Стрип закрывала за собой дверь в зал, над входной дверью раздался звук звоночка. Значит, зашел посетитель.

На стене в примерочной висело еще одно платье. Глубокий синий цвет, плотный

материал, не струящийся, а плавно спадающий к полу, держа при этом форму. Одно плечо в нем будет совершенно открыто, как и спина, а на втором шлейка, украшенная белыми цветами. Чтобы понять больше, нужно было попытаться его надеть. Тут без помощи точно не обойтись.

Пока Майя не ощутила платье на себе, ей казалось, что оно должно быть тяжелым и сковывающим движения, но все оказалось не так. Платье село точно по фигуре, а значит при случае, нужно было поблагодарить маму или Соню, а скорее всего обеих. Оказалось, что оно плотно облегает тело до линии бедер. Смело. Заказывай наряд сама Майя, она на такое не решилась бы. Но лукавить тоже не могла, ей очень нравилась эта смелость. Фасон вырисовывал все изгибы фигуры, придавая им еще большей четкости. Плавная линия красиво обрисовывала грудь, талию, бедра, а потом вливалась в расширяющуюся к низу юбку. Спина, как и у сестры, была достаточно открыта, а по низу выреза, так же как и на шлейке, выложены белые цветы. Оставалось только верить в то, что через неделю осень еще не вступит в свои права, иначе в этом платье придется туго.

— Вам очень идет, — миссис Стрип смотрела на еще одно творение с не меньшим обожанием, чем на платье невесты. — Когда его заказывали, мне казалось, ничего не получится, но нет, вы правда прекрасны! — впервые, впервые в жизни посторонний человек говорил Майе такие слова. И пусть женщина скорее имела в виду платье, но искренность слов заставили Майю быть ей бесконечно благодарной.

Прежде чем показаться на глаза маме с сестрой, Майя еще несколько раз покрутилась перед зеркалом. Оказывается, как и любой девушке, ей для счастья иногда нужно не так много.

Но уже совсем скоро ей захотелось поделиться своим счастьем и с родными. Покидая примерочную вслед за швеей, Майя не могла перестать улыбаться.

— Да, через неделю после свадьбы, мы, наверное... — Соня не договорила, из соседней комнаты показалась та, которая всю сознательную жизнь пыталась быть только незаметным фоном. Моль, как ее когда-то называли. Безликий анибалът... Но, Ях, ведь она была так красива...

— Майя! — графиня хлопнула в ладоши, увидев собственного ребенка в новом платье. Она тоже видела его впервые, впрочем, как и Соня. — Это... Это...

— Это будто не ты! — Соня договорила то, что никак не могла сформулировать мама.

И Майя прекрасно понимала, о чем они, сама видела это все совсем недавно, чувствовала себя так, как никогда раньше. Ровно до того момента, как осознала, что в комнате они уже не одни. Она услышала какой-то грохот в дальнем углу, от неожиданности обернулась. Упала трость. Из рук стоявшего там Дэррека. Значит это он вошел тогда.

Когда Дэррек объяснял, чего именно хочет, и представить не мог, что платье получится таким. Впервые он занимался подобным и, наверное, в последний раз, потому что представай Майя перед миром в подобном наряде постоянно, он сошел бы с ума от ревности и собственных мыслей. Во рту пересохло.

— Добрый день, ваша светлость, — первой справиться с эмоциями смогла Майя, наверное, впервые со времен их знакомства, она лучше его владела собой.

— Добрый день, леди Майя, — он наклонился за выпавшей из рук тростью.

Зачем он тут? Сегодня субботу, он уезжает, заехал за сувениром еще какой-то дурочке,

вроде нее самой? Хотя нет, ее единственным сувениром, привезенным из путешествия, стало унижение. Чувствуя, что в ней снова просыпается гнев, Майя отвернулась. Уезжает, вот и хорошо.

— Ты не договорила, Соня, — Майя обратилась к сестре. — Через неделю после свадьбы...

— Что? — Соня бросила взгляд на стоявшего все там же герцога, а потом и на сестру. — Нет, ничего. Глупости. Нам бы сначала пережить свадьбу, а потом уже планировать что-то еще.

Повисло неловкое молчание. Чего он ждет? Пусть бы миссис Стрип отдала его заказ, и он убрался быстрее на все четыре стороны. Но ни портниха не спешила, ни он не торопился настоять на подобном.

— Мама, миссис Стрип самой будет сложно справиться с платьем, ты не поможешь? — Соня наклонилась, подхватила легкий шлейф. — Боюсь, что мы его порвем.

— Да, да конечно... — графиня поднялась с кушетки, придерживая поясницу.

— Я могу помочь! — Майя преградила сестре путь к двери, сделав шаг в сторону. Нет. Не нужно оставлять их одних. Она не хочет слушать звенящую тишину, чувствуя чужой взгляд, а то и безразличие.

— Ты помнешь свое, тебе нельзя, — Соня обошла ее, не обратив на мольбу во взгляде ни малейшего внимания.

Не мешкая, вслед за невестой в гардеробную зашла портниха, и уже почти успела проскользнуть мимо мама, когда Майя схватила за руку ее.

— Может тебе не стоит? Ведь это не так просто... — пожалуйста, хоть ты, мама!

— Ну не настолько же я немошна, что не смогу помочь дочери с платьем! — слегка пожав и отпустив холодные пальцы, графиня зашла в комнату, плотно закрыв за собой двери.

Снова воцарила тишина. И только стук часов отсчитывал секунды. Даже возни в смежном помещении слышно не было.

Говорят, худшей пыткой, которую применяют в восточных государствах, было испытание каплями воды. Арестанта сажали на стул посреди пустой комнаты. Так, чтобы вода из установленного над головой бака капала четко на темечко. По капле, пока у человека не сдадут нервы. Нервы — материя тонкая, сдают достаточно быстро, люди либо признаются во всем, либо сходят с ума.

— Вы уезжаете? — Майя задала вопрос, не оборачиваясь.

— Сегодня, — девушка кивнула. Она и так это знала, просто хотела услышать еще и от него.

— Хорошей дороги, — всяческих благ и успехов, но главное — не появляйтесь больше в моей жизни. Всю фразу она сказать не осмелилась.

— Майя, — он окликнул, ожидая, что девушка обернется. Она колебалась долго, пусть бы и дальше разговаривали, не видя друг друга. Точнее пусть бы и дальше она не видела его. Но, не выдержав, все же сдалась. Медленно обернулась. — Ты прекрасна.

— Это платье. Платье прекрасно, а я такая же как всегда, — она ответила очень быстро, не желая, чтобы его слова успели проникнуть глубоко.

— Я буду на свадьбе, — как всегда перескакивает от темы к теме, будто так и нужно.

— Как еще три сотни гостей. Соня с Витором будут вам рады.

— А ты? — он склонил голову чуть набок.

— Как и каждого из этих трех сотен... — людей, которых она предпочла бы не видеть

никогда.

Дэррек усмехнулся, прекрасно поняв ее тонкий намек.

— У меня для тебя маленький сувенир, — он залез во внутренний карман пиджака, извлек оттуда мешочек. В таком обычно хранят сережки.

— Мне ничего от вас не нужно! — когда Дэррек начал надвигаться, она отступила.

— Это не совсем моя вещь, она твоя, — когда их разделяли уже меньше полуметра, мужчина развязал шнурок, перевернул мешочек. Из него что-то выпало на мужскую ладонь.

Ласточка. Ее ласточка, подарок Витора. Символ их дружбы, а потом и символ готовности отказаться даже от нее, ради любимого человека. Голубые камушки-глазки переливались, пуская солнечные зайчики на стены. А ведь она уже почти забыла о ней.

— Откуда? — Майя перевела взгляд с подвески на мужское лицо.

— Когда-то ты пожертвовала ей ради моей прихоти, — девушка хотела возмутиться, что это было исключительно ее решение, но Дэррек приложил палец к устам, призывая к тишине. — Но тебе больше не нужно жертвовать.

Замочек щелкнул сзади на шее, на грудь упал теплый, нагретый в руках металл.

— Тебе предстоит выбор. Сложный. И я только хочу, чтобы он был правильный. Чтобы он был твой.

— Какой выбор? — Майя снова накрыла рукой свою подвеску, защищая от посторонних глаз. — О чем вы? — зачем путать своими странными намеками, если он все равно убегает? Ему нужна игрушка, а не живой человек, который умеет чувствовать.

— Когда ты написала то письмо?

Не желая отвечать, Майя отвернулась.

— Просто скажи когда, — он снова положил руку на голую спину, заставив вздрогнуть, прошептал вопрос на ухо.

Признаться, что она написала после бала, все равно, что признать, что даже саму себя она не ставит ни во что, чего же ждать от остальных? После того, как узнала, за что расплачивалась физически и душевно, она все равно признавалась в любви своему мучителю.

— Сейчас вернутся мама с Соней. Лучше отпустите, если не хотите скандала, — она завела руку назад, пытаясь отцепить обжигающие кожу пальцы.

— Когда? — он только склонился еще ниже.

Не отпустит. Пока не ответит, не отпустит...

— После бала, — хотели? Получите. И снова ничего не произошло, небо не разверзлось, земля тоже не приняла ее тут же на месте.

— Если бы я знал... — меньше всего его пугала возможность разоблачения, которой грозила Майя. А вот ответа он ждал с замиранием сердца. Ведь она и правда могла его возненавидеть после всего, что узнала. И эта возможность не давала покоя. Но нет, какой же силы чувство живет в этом создании, что она нашла в себе силы признать его после всего? Ему понадобится вся жизнь, чтобы доказывать, что он его достоин.

Что было, если бы он знал, Майю не просветили, заменив рвущийся вопрос поцелуем.

За дверью три женщины в подобных позах расположились у щели, которая давала возможность не только слышать, но еще и немного видеть. Вот только эмоции высказывать приходилось шепотом. Соня забралась на табурет, оказавшись в самых выгодных условиях, а

дамам постарше пришлось чередоваться, сменяя возможность только слышать, или еще и лицезреть кусочек комнаты.

Соня присела на корточки, оказавшись лицом к лицу с матерью.

— Разве жениху можно видеть невесту до свадьбы? — графиня с сомнением посмотрела на дочь.

Соня в ответ закатила глаза.

— Разве жениху можно так... — девушка указала пальцем на дверь, — целовать невесту до свадьбы?

Теперь черед качать головой пришел графине.

— Ведь у них все будет хорошо?

— В этом мы уже не поможем. А все, что в наших силах — сделаем, — Соня обняла за плечи маму, делясь своей уверенностью.

— Когда вы были совсем маленькими, а на улице гремел гром, обе прибегали в нашу спальню и забирались в постель. Я думала, это от страха, пыталась вас успокоить, но как-то выяснилось, что вы просто понимали, что в грозу вас никто не отправит в свои постели. И знаете что? Даже прекрасно понимая вашу хитрость, я все равно каждый раз освобождала для вас место. Ведь вы, — графиня обняла дочерей еще сильнее, — самое дорогое, что у нас есть.

Последний вечер перед событием, которое они совсем не ждали, а потом так долго планировали, настал. Соня жалела, что так и не успела впитать взглядом и памятью все, о чем будет скучать в этом доме. Но она прекрасно понимала — не успеет никогда. Никогда ей не перестать скучать по родному дому, никогда не сможет она радоваться даже чуточку меньше своему возвращению, чем в день приезда от герцога.

— Мама, — Соня устроилась поудобней на своей широкой кровати, подвинувшись чуть ближе к графине. — А что ты делала, когда скучала по родным, ну, сразу после свадьбы? Ведь письма идут так долго...

— Я наслаждалась новой жизнью. Новой и такой полной, — Дженнифер Дивьер мечтательно улыбнулась, вспоминая свой свадебный день. Она была немного старше дочери, но боялась не меньше. Правда, потом оказалось, боялась зря. — Я уже пойду, завтра длинный день. И вы ложитесь, — она поцеловала в лоб обеих дочерей, до конца так и не веря, что завтра все настолько изменится, аккуратно спустила ноги с кровати, поднялась. Забавно, говорят, что беременность придает дамам женственности, но пока ей казалось, она скорей напоминает грузного медведя.

Пройдя несколько шагов, графиня обернулась, чтобы вновь посмотреть на дочек:

— Вы будете самыми красивыми в мире невестами и самыми счастливыми женами! — прежде чем на глаза навернулись слезы, графиня вышла. Немного позже, утешаемая мужем, она смогла выплакать все слезы тоски, радости, все страхи материнского сердца. А сейчас просто хотела оставить в памяти навсегда этот вечер. Когда ее крошки еще были просто ее крошками.

— Майя, ты останешься со мной? — Соня пододвинулась к старшей сестре, положив голову уже ей на плечо.

— Останусь.

Интересно, а что испытывает сейчас Витор? Ведь и его жизнь меняется, не только ее.

Он уехал сегодня — так положено. Не видеть невесту в свадебном платье перед свадьбой, проводить последний день порознь. Перед отъездом он только улыбнулся своей теплой улыбкой, вот только уверенности она предала совсем ненадолго.

— Мне страшно...

— Чего ты боишься? — Майя поглаживала сестру по голове, укачивая, как маленького ребенка. Ее маленькая Соня — невеста. Уму непостижимо. А уже завтра — жена. А через год, возможно, мать.

— Многого. Но больше всего того... Того, что будет, когда мы останемся вдвоем... — она побоялась задать этот вопрос маме, да и Майе еле решилась.

— Не стоит бояться. Витор тебя любит, ты любишь его, а остальное неважно. Все будет так, как должно быть... — в отличие от самой Майи, у которой все было не так. Вся жизнь одно сплошное «не так».

— А если... Если я не смогу? — Соня бросила взгляд на смотрящую куда-то вдаль Майю.

Слегка встряхнув голову, Майя улыбнулась сестре.

— Ты все сможешь. Ведь мама сказала — самой красивой невестой и самой счастливой женой!

— Самыми счастливыми, Майя. Самыми счастливыми, — теперь улыбка старшей сестры стала немного грустной. К сожалению, скорей всего мама права всего на половину.

Глава 36

В шесть утра в комнату уже стучалась горничная. День истины настал. Солнце еще не встало, а им уже пора начинать сборы.

— Соня, пора, — Майя, ушедшая вчера только после того, как почувствовала ровное дыхание сестры, дотронулась до плеча, боясь испугать. — Вставай.

— Угу, — девушка попыталась забраться под одеяло с головой, пребывая где-то между сном и явью и явно выбирая сон.

— Свадьбу проспийшь.

Фраза сработала именно так, как Майя и ожидала. Несколько секунд не происходило ничего, зато потом Соня вскочила на кровати.

— Который час? Мы уже опаздываем?

Майя рассмеялась. Проспать свою свадьбу Соня боялась явно больше, чем самого торжества.

— Нет, не опаздываем, но вставать пора. Ванну я уже наполнила.

Сама Майя не спала почти всю ночь. Решала, решала и снова решала. Думала, думала и опять думала. Вспоминала его слова: я хочу, чтобы ты сделала правильный выбор... Какой? Откуда ему знать о ее выборе? А ведь время до свадьбы пролетело так быстро, и его было предостаточно, чтобы определиться, но она не смогла.

На письменный стол Майя поставила его портрет, а сама положила голову на ладони, пытаясь представить, что это действительно он, и задавала сотни вопросов. А если так? То что потом? А вдруг? Нет. А может? Тоже нет. Но ведь... И это нет. А что тогда да??? Только стоять на месте, не двигаясь, вернуться или идти дальше — оба пути проигрышны.

— Я быстро, — соскочив с кровати, Соня поцеловала сестру, помчалась в ванную. В девять они должны выехать. В полдень церемония.

Как бы Майя ни хотела провести это время с сестрой, ей самой тоже нужно было собираться. Удивительное платье, которое так нравилось и ей самой, и окружающим, ждало в комнате.

— Я помогу? — молчаливая горничная взяла в руки наряд, будто боялась, что платье рассыплется.

— Спасибо, — Майя заколола волосы так, чтобы они не путались в мелких пуговках, спускающихся до подола, повернулась к напряженной девушке. Ткань легко скользнула по шелку белья, коснулась кружевных чулок. Под такое платье грех надевать не настолько же красивое исподнее.

— Подождите секундочку... — горничная, закусив губу, пыталась справиться с все теми же пуговками. Не меньше двух десятком. Когда закончила, смахнула пот со лба, отступила.

Майя повернулась к своему отражению. Ну вот, она опять в том же наряде, просто перед другим зеркалом. В этом зеркале она видела себя всякой. Когда-то ей казалось — красивой, когда-то — поистине ужасной, иногда — жалкой, иногда — мертвой в душе. Жаждающей верить, и разочарованной во всем. А что сейчас?

— Готово. Можно заняться прической, — довольная девушка облегченно вздохнула, смотря на отражение юной графини в зеркале. Необычная, но только такая грустная...

Майя хотела оставить волосы распущенными, чтобы хоть немного прикрыть плечи и спину, но, в конце концов, поддалась уговорам мамы, которая уже собралась, а теперь пришла к ней.

— Так будет очень хорошо! — графиня присела на край кровати, следя за манипуляциями. — А что из украшений?

— Вот, — Майя дотянулась рукой до шкатулки, на ощупь открыла ее, скользнула внутрь, разыскивая нужные контуры. Потянула за цепочку, доставая ласточку.

— Хорошо, — мама улыбнулась отражению дочери.

Уже собранными, они вместе отправились к Соне. Это она попросила дать возможность собираться без их участия, чтобы ее появление вновь стало сюрпризом. И Соня не прогадала. Майя не знала как Витор, но будь женихом она, увидев Соню, сдержать слезы не смогла бы. А мама и не пыталась. Настоящий ангел со скрытым за нежным кружевом фаты ликом.

— Я готова.

Внизу в холле их ждал отец. Наверное, только сейчас, увидев, как его девочки спускаются на встречу, он понял, что за день настал. Ях, и разве можно быть к такому готовым?

— Экипаж ждет, — он взял под одну руку графиню, под другую Майю, а Соне предстояло справиться со своим длинным шлейфом, который она отказалась поручить заботам кого бы то ни было.

— Идите... — Соня остановилась на пороге, пропуская остальных членов семьи вперед. Отец кивнул.

Ну что ж, всего-то несколько месяцев назад она и подумать не могла, что соберется замуж. По доброй воле, за любимого человека. В семнадцать. Как там они шутили с Майей? Что из-за розового куста появится ее личный герцог, упадет на колени и сделает ей предложение, а она не сможет отказать? Соня бросила взгляд на все еще цветущие кусты. Получилось не совсем так. Незаметно даже для самой себя она встретила любовь там, где не ждала. Не потому, что он анибалыг. В том, что их красоту рассмотреть ей под силу, как внутреннюю, так и внешнюю, она даже не сомневалась. А просто из-за того, что это произошло так незаметно. Началось с чувства вины, которое до сих пор гложет душу, но всего лишь началось. Это помогло увидеть силу, выдержку, все то, что она искала в идеальном для себя спутнике жизни. Он — ее каменная стена. А она станет его надежным тылом. Когда-то она родилась в этом доме, а теперь ей суждено с ним прощаться.

— Ну что ж, прощай, я когда-то обязательно вернусь... — но уже не домой, а в гости. Моргнув, чтобы не дай Ях не пролить непрошенную слезу, Соня развернулась. — Поехали, — она улыбнулась смотрящим на нее родственникам. — А то вместо собственной свадьбы попадем на следующую церемонию.

Первой в карете оказалась мама, она помогла младшей дочери с широченным платьем. Самым сложным в их затее было именно это — два часа пути, не самое просто испытание для платья, но кажется, им все удалось.

— Подожди... — граф придержал Майю за локоть, когда та поставила ногу на ступеньку.

— Мы что-то забыли? — девушка развернулась, собираясь мчаться обратно в дом.

— Нет. Я просто хотел, чтоб ты знала, — он опустил на секунду взгляд, а потом снова

посмотрел на дочь. — Если ты хочешь учиться, я не стану сопротивляться. Это твой выбор, и ты имеешь на него право. Но в этом ли твое счастье?

Майя была удивлена, что именно сейчас он решил задать этот вопрос, ни вчера, ни сегодня вечером, когда они будут уже втроем в своем городском доме и пожелай он, смог бы скрыть разговор от чужих ушей, а именно сейчас...

— Я сама не знаю в чем мое счастье, — она обняла отца, он тоже сжал за спиной руки, немного сильнее, чем делал это обычно, а потом все-таки последовала примеру ожидающихся их в карете дам.

Все это время он верил герцогу, его словам и своим наблюдениям. Верил, что все, что они делают — правильно, без логического объяснения. А сейчас почему-то засомневался. Но теперь все в ее руках. Только в ее руках.

— Трогайтесь, — он сел возле старшей дочери, улыбнулся жене. Она не сомневалась, что все будет хорошо, а значит и он не должен.

— Майя, я уже думал, вы опаздываете... — Витор сжал почти сестру в объятьях.

Когда подъехал экипаж, он стоял на пороге храма. Именно Майе было поручено увести жениха внутрь, чтобы позволить невесте выскользнуть незамеченной. Перед венчанием нареченные обычно гостей не приветствовали, это происходило уже потом, на праздновании, в более светской обстановке. А тут прибывающие гости лишь кивали виновнику торжества, а приветствовали родителей и друг друга.

Они не опоздали. До церемонии еще час. Достаточно времени уладить все возможные недочеты, успокоить разволновавшуюся невесту и не менее взволнованного жениха.

— Нет, мы успели, — он выпустил ее из объятий. — Вы выглядите непревзойденно, Витор, — девушка поправила бутоньерку в кармашке — нежная роза обвитая интересной травой, усеянной белыми мягкими шариками.

— Вы выглядите не хуже, леди Майя, уж поверьте мне, — он чуть нервно улыбнулся, несмотря на волнение, успел оценить и платье, подчеркивающее грацию, и удачную прическу, собранные наверху волосы, несколько спадающий вниз завитых локонов, и маленькая диадема в форме трех синих цветков, подарок мамы. Да и сама Майя изменилась. Пропала та неуверенная серая девочка, к которой он когда-то подошел на холму. Она не прятала глаз и не пряталась сама. Не сжималась под силой чужого взгляда. Училась смотреть на мир сама, смело.

— Спасибо, — она присела в реверансе, слегка улыбнувшись. — Мне кажется, пора выйти к парадному входу, — он стоял на крыльце внутреннего двора, скрывшись от посторонних.

— Соне нужно проскользнуть незаметно? — он бросил взгляд на закрытую дверцу их кареты.

— Да, — Майя взяла его под руку. — А нам стоит заняться своими прямыми обязанностями — гости, должно быть, уже скоро начнут съезжаться.

Как бы ему ни хотелось отказаться, остаться здесь, встретиться с Соней хоть взглядом. Мягкому натиску ее сестры Витор поддался.

В зале уже начинали рассаживаться первые гости. Благо, места предостаточно, храм был огромен. Высокие потолки, иногда, казалось, касаются облаков, витражи на окнах отблескивали всеми цветами радуги, оставляя такие же узоры на полу. Солнце светило так,

будто бабье лето грозило заменить грядущую зиму. Встречающимся на их пути гостям Майя с Витором дружно улыбались, иногда даже понятия не имея, кто эти люди. Они не слышала перешептывание двух дам в возрасте, оставшихся за их спиной.

— Разве положено видеть невесту до свадьбы? Ведь говорят, это не к добру, — одна из дам провожала пару глазами.

— Вы меня удивляете! Ведь это не невеста, а сестра, — вторая обмахивалась веером, разглядывая готовящегося к службе жреца.

— Как сестра? Бедные родители, Ях бывает так жесток... — опомнившись, что говорить подобное в храме нельзя, женщина сложила руки, моля о прощении. — В одной семье сразу два анибалта, да еще и девочка, нет-нет, ужас....

— Не его сестра... — вторая отвлеклась от своего наблюдения, снисходя до объяснений. — Сестра невесты. Ях жесток ко всем одинаково. А ему она бывшая любовница, — и не желая больше тратить времени зря, женщина игриво подмигнула отвлекшемуся жрецу.

— Сестра, любовница... Вы уж определитесь, голубушка. Конечно, нравы современной молодежи еще те, но не настолько же! — теперь она следила за удаляющейся парой с еще большим интересом. И рука ее была будто слишком прижата к мужской, и улыбка какой-то соблазнительной, и его нервный взгляд теперь казался не нервным, а жадным.

— Еще и не настолько... — когда заметивший ведущееся за ним наблюдение жрец оглянулся, вторая дама расплылась в плотоядной улыбке, чем заставила беднягу покраснеть и поскорее скрыться в смежную комнату, подальше от чужих глаз.

Тяжелые двери храма были открыты, солнце било внутрь и через них тоже.

— Майя! — увидев сестру будущей невестки, леди Винсент поспешила ее обнять.

Оказавшись прижатой к пышной груди, Майя подумала, что кроме любимого мужа, Соня получает еще и замечательных вторых родителей.

— Мы так вас ждали! Думали, что придется посылать кого-то навстречу. Ях, когда этот день закончится, я найду у себя десяток седых волос! — она искренне рассмеялась своей шутке.

— Граф, — как только женщина выпустила ее из объятий, Майя перевела взгляд на стоявшего за ее спиной лорда Винсента.

Лишь раз она видела его тогда, когда после предложения, им пришлось остаться в столице. Суровый высокий мужчина с седыми уже усами и все еще темной порослью на голове. Майя знала, что он возглавляет палату. Увидев, поняла, что судить о его лидерских качествах сложно, но внешне он подходит на эту роль как нельзя лучше. Витор похож на отца, наверное, как и она похожа на своего, только из-за своего природного отличия, эту схожесть дано заметить не всем.

— Майя. Рад видеть вас. Родители? — он был немногословен, не считая нужным растекаться мыслью по древу там, где и так все понятно.

— Они будут с минуты на минуту.

Мужчина важно кивнул.

Экипажи подъезжали постоянно, сменяли друг друга, иногда приходилось останавливаться в начале улицы, дожидаясь пока опередивший на несколько минут кучер успеет высадить драгоценную ношу и умчаться вперед, освобождая дорогу. Очень скоро Майю начали одолевать смутные сомнения, что храм и вправду так велик, место стремительно уменьшалось.

Витор, как истинный рыцарь, смело сносил бремя ожидания. Уважительно кивал обращенным на него взглядам, пожимал руки нагрянувшим друзьям, улыбался детям. Когда на пороге показались леди и граф Дивьер, радости будущих родственников не было предела. Ведь теперь процесс приветствия пошел в два раза быстрее.

— Добрый день, рады видеть вас. Маркс, леди Линда, — отец Витора пожал руку мужчине, принял как должное нежные объятия женщины.

«Линда» в переводе — красивая. Это была старшая сестра его светлости. Майя посмотрела на женщину из-за маминой спины. Имя ей подходило. И даже смотря за тем, как она улыбается Винсентам, не скажешь, что родной брат называл ее слишком жеманной. Хотя какая разница... Майя оглянулась, ожидая, когда же ее позовут — до начала церемонии осталось не так-то много времени, а ей еще нужно было успеть сказать несколько слов сидящей в одной из комнат Соней.

— Где Анна? — вопрос задал Винсент старший.

— За ними заезжает Дэррек, они должны скоро быть, — еще что-то она сказала мужчине на ухо. Потом обняла уже маму Витора, и поздоровалась с родителями невесты. Нет, он неправ, никакой жеманности Майя в одной из сестер Мэйденстера не увидела.

— Это сестра его светлости, — Витор склонился к ее уху, прошептал то, что она уже и так поняла.

— Да... — Майя снова бросила взгляд на уже проходящую мимо женщину.

— Он тоже будет.

— Я знаю, — и не желая развивать тему, девушка повернулась к продолжающему хлынуть потоку гостей.

— Майя, Витор! — обогнув родителей, к ним подлетела взволнованная и какая-то слишком радостная девушка. Майя надеялась, что ее-то тут точно не будет, но видимо, кроме как надеяться, следовало об этом еще и позаботиться.

— Кэрри... — Витор кисло улыбнулся, констатируя факт.

— Как давно мы не виделись! Целую вечность! — про себя Майя подумала, что согласна была бы не видеться еще столько же.

— Рад, что вы почтили своим вниманием наше торжество, — Витор слегка склонил голову. Но был бы не менее рад, если бы этого не случилось. Именно она когда-то распустила слух про их с Майей связь. Именно она растрезвонила об этом на каждом углу, именно она сообщила непосредственно Дэрреку. Интересно, имей представление, чем это обернется, повторила бы все?

— Это стало такой неожиданностью! Я и представить не могла, что все обернется так, что вы... — она многозначительно посмотрела на смотрящую поверх ее плеча Майю и на обращенного к ней Витора, — станете родственниками посредством маленькой Сони... И это после всего, что вас связывает! Я ведь ждала приглашения на свадьбу много раньше, и с другой невестой... — удивительный человек. Неужели все слетающие с ее уст слова должны быть пропитаны ядом?

— После всего, что нас связывает... — Майя взяла под руку друга, сняла несуществующий волосок с его плеча, желая продемонстрировать небывалую близость. — О лучшем исходе сложно мечтать! Только представьте, сколько советов я смогу дать сестре, и не меньше теперь уже брату, — она бросила странный, кажется даже заигрывающий взгляд на Витора. — А как ваши дела? Помнится мне, со дня на день вы отмечаете день рождения? Юбилей? Надеюсь, на горизонте уже появился достойный кандидат на вашу руку и

сердце? — Майя попыталась повторить ее выражение лица, когда Кэрри несла чушь. — Или все же предпочитаете провести остаток жизни за сплетнями? — ну вот. Если Майя решила идти по жизни против течения, пора учиться давать отпор. Никто не сделает это за нее. Ненавидеть, когда тебя жалеют, значит уничтожить в себе причины, по которым могут жалеть.

Побагровев, Кэрри молча хлопала глазами. Уже во второй раз ей не было что ответить. Когда бьешь других в самые больные места, будь готов, что кто-то может поступить так же и с тобой.

— Простите, мне пора идти к сестре, — Майя высвободила руку, оставляя растерянного Витора одного, повернулась к двери.

— Граф... — низкий, бархатистый голос, который она уже не спутает ни с одним, заставил вздрогнуть.

— Сынок, я рад, что ты пришел, — командирский тон Винсента старшего чуть смягчился. Майя стояла спиной, на полпути между входом и встречающей компанией. Вернуться? Зачем? Тогда, в салоне, он снова сбежал, оставив ее наедине с собой. Снова перевернул все внутри, как бочонки лото в мешке, и оставил разбираться с этим самой. Она устала.

— Дэррек, — это уже здоровался ее отец. Нет, она не станет больше смотреть с обожанием в рот. Хватит. Шаг, еще шаг, и вот она уже в храме, не слышит его голоса и не чувствует сверлящего спину взгляда. Вот как, оказывается, ощущается свобода.

— Майя, ну наконец-то! Я уже подумала, что вы оставили меня навечно! — Соня отложила букет, который мучила все время с тех пор, как оказалась здесь. По идее, комната, в которой ожидала Соня, предназначена была для того, чтобы невеста могла вдоволь помолиться перед предстоящим торжеством. Возблагодарить Яха за снизошедшее на нее благословение, покаяться во всем согрешенном, и в то, что только предстоит натворить. Правда, к сожалению, все святые мысли у невест вытесняли достаточно мирские. И чувства тоже мирские — волнение и нетерпение.

Майя же мысленно поблагодарила небеса за то, что успела до того, как вместо букета в руках у невесты остался бы лишь штык.

— Уже скоро, не волнуйся, — она подошла к сестре, помогла подняться, обошла со всех сторон, оправляя наряд. Удивительно, но дорога никак на нем не сказалась.

— Там ведь не слишком много леди и джентльменов?

Майя попыталась посчитать, можно ли считать почти что заполненный зал «не много», но решила, что, наверное, нет.

— Почти все, кто подтвердил присутствие.

— О нет. А если я упаду на глазах у всех носом об кафель? Я же себя знаю, я обязательно упаду! — паника, раньше просыпавшаяся редко и быстро гаснувшая, сейчас вдруг вновь заглушила голос разума. — Нет, я не хочу. Я не хочу замуж! — Соня взялась за перчатки, достающие до предплечий, собираясь их снять.

— Соня! — Майя бросила подол, который пыталась красиво выложить. — Соня!!! — сестра не слушала ее, не справившись с перчатками, взялась за фату, пытаясь вытащить державшие ее шпильки. — Соня! — привлекая внимание, Майе пришлось даже встряхнуть сестру.

Лишь после этого пальцы остановились, а взгляд устремился на нее.

— Ты выходишь замуж за Витора, — между словами она делала паузы, чтобы даже до паникующего разума смысл ее слов дошел как можно четче. — За Витора, который тебя любит. Которого любишь ты. За Витора, а не за тех людей, которые сидят сейчас в зале. Ты проживешь долгую и счастливую жизнь с Витором, а не с той частью, которая, возможно, рассмеялась бы, упави ты посреди дорожки. Ты написала клятву, предназначенную для него, а не для всех, кто, если захочет послушать, ее услышит. А отказываясь выходить замуж, ты отказываешься от свадьбы с Витором, а не с теми людьми, которых сейчас так боишься.

Во взгляде Сони появилось понимание и даже капелька стыда за то, что она могла так паниковать.

— Майя, — не заботясь о сохранности нарядов, она сильно обняла сестру, благодаря за все, что она когда-то делала для нее. За все, о чем знала и даже не подозревала. За то, что та раньше ее поняла, что Витор — ее судьба. — Спасибо!

— Не за что, — сестра аккуратно высвободилась, оправляя небольшой хаос, который Соня успела натворить.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге стоял один из ангелов, которые должны были посыпать идущих от алтаря молодоженов лепестками цветов.

— Пора, — малыш сообщил новость так серьезно, будто пора не замуж, а на плаху. Благо, Соня успела немного успокоиться, а то это стало бы последней каплей.

— Хорошо, мы готовы, — Майя еще раз сжала крепче руку сестры, наклонилась за лежавшим на кушетке букетом, вручила его Соне. Взяла в руки предназначенный уже для нее, ведь ей предстояло идти следом, не как сестре, но как подруге.

— Подожди... — облегченно вздохнув, что сестра справилась с паникой, Майя снова чуть не застонала. Соня остановилась в дверном проеме, резко развернулась. — Ты не должна выходить замуж за генерала.

— Соня, может не сейчас? Может, сначала замуж выйдешь ты? — Майя попыталась легонько подтолкнуть сестру в сторону зала.

— Нет. Сначала я скажу. Это будет самой твоей большой ошибкой. Самой-самой. Поклянись, что не согласишься.

— Я не могу клясться. Нет! Это глупость! — Майя повторила попытку, уже более настойчиво.

— Поклянись, или я никуда не пойду! — сестра оперлась о косяк с обеих сторон. Теперь Майе пришлось бы таранить, пожелай она заставить Соню идти силой.

— Клянусь! Только, пожалуйста, нас уже ждут! — Майя поклялась бы сейчас в чем угодно, только бы заставить сестру двигаться. Тем более, чего будет стоять ее клятва уже через минуту?

— Ты поклялась! — опустив руки, Соня медленно развернулась, сделала первый шаг в сторону ожидающего ее общества. А главное — навстречу ему.

Поклялась.

Как только невеста показалась в проеме, над головой заиграла музыка. Сначала Майе даже показалось, что это чудо, что музыка раздается с небес, но потом она увидела стоящий на балконе оркестр. Правда расстраиваться от этого не стала. Музыка — божественна.

С какой гордостью она следила из-под полуопущенных ресниц за тем, как сотни голов

поворачиваются, желая увидеть невесту. И как дамы охают, завидев, а мужчины замирают в ступоре, или пытаются прочистить горло, чтобы их растерянность не казалась такое очевидной.

Соня плыла по проходу так, будто все отведенное на подготовку время они потратили именно на такие репетиции. Вот она делает шаг, останавливается на мгновение. Еще шаг, снова пауза. И еще. И все больше голов повернуто, все больше внимания привлечено. И Майя была в эту секунду уверена — так радоваться и гордиться она не могла бы даже на своей свадьбе.

Когда Витор увидел невесту в проходе, он готов был расстаться с телом, отлетев в рай. Ведь только там бывают ангелы. И дело даже не в платье, не в том, что ему сейчас завидует каждый находящийся в зале мужчина. А в том, как она посмотрела на него, сделав первый шаг. Ему не мешала рассмотреть этот взгляд ни фата, ни разделяющие их метры. Через всю жизнь он пронесет этот момент, умирая, увидит ее такой, и снова подумает, что готов расстаться с телом, если с ним всегда будет этот ангел. Его ангел.

Соня с Витором стояли у алтаря, склонив головы. Жрец читал молитву, которая должна была соединить их души воедино. Связь, неразделимая мирскими законами, в общем-то, как и церковными.

— Ях для того мир сей сотворил, чтобы искали мы. Искали и находили друг друга. А когда найдем, чтобы не разлучались, потому что счастье обретали...

Майя обвела взглядом зал. На ближней лавке сидели родители. Мама держала в руках кружевной платок, время от времени смахивая котящуюся слезу. Отец смотрел не так, не было во взгляде счастья, смешанного с грустью, как у мамы, скорее странная неопределенность. Леди Винсент составила компанию своей новой родственнице, утирая непрошенные слезы, а отец Витора склонился к одному из сыновей, видимо, именно тому, о котором она уже столько раз слышала. Он был молод, но смотрел совсем не так, как тридцатилетний мужчина. Неужели он действительно так любил ту, которую использовал в своей мести Дэррек? И что, любит до сих пор? Но почему же тогда не простил? Ведь если любит, мог простить. Должен был простить.

А в нескольких рядах за ними сидел и герцог со всей своей семьей. Майя узнала Анну, герцогиню, наведавшуюся к ней как-то вечером. Она смотрела на происходящее с упоением. В глазах светилось умиротворение, будто она правда чувствовала, как своими словами жрец соединяет души, и не могла этому нарадоваться. Возле нее сидела младшая дочь, Мэгги, заметив взгляд Майи, она ей подмигнула. А потом улыбнулась обернувшемуся из другого ряда Дамиану. Да, он тоже был тут, опять, уже в привычной для Майи манере, кивнул, приветствуя. По другую руку от его светлости сидела увиденная сегодня впервые Линда и ее муж. Она держала свою руку на его, слегка сжимая время от времени. Майе показалось, что она мысленно задает ему вопрос: «а помнишь?» и он так же отвечает: «помню». Майя блуждала взглядом вокруг единственного человека, на которого и вправду хотела посмотреть.

Темные глаза, как и у всех окружающих, смотрели на стоящую у алтаря пару. В них было не благоговения, как у окружающих, а скорее интерес. Он смотрел будто за представлением. Увлекательным, но вряд ли настолько цепляющим, как остальных. Майя в сотый раз пожалела о том, что не умеет читать мысли. Не всех, ей было бы достаточно

только его. Что происходит в его голове, когда лицо так спокойно?

— Согласны ли вы, Витор, взять в жены Соню, любить ее в болезни и здравии...

В этом вся проблема. Такое желание порождает неверие. Если бы она ему доверяла, о таком бы не мечтала. Она бы спрашивала и получала ответы, а так приходится читать по глазам. Глазам, скользнувшим в ее сторону.

Сегодня она была еще красивей, чем тогда, на первой примерке. Пока все смотрели на невесту, он не мог отвести глаз от нее. Дэррек уже забыл, как выглядит ее лицо, когда она светится от счастья, а ведь он видел. Когда-то видел, когда получил из ее рук ключ, символ доверия, когда привел ее на ту поляну, когда она ворвалась в кабинет после его возвращения. И хотел видеть снова.

И вот, сейчас и ему досталась частичка того счастья, причиной которого стал не он. Майя быстро отвела взгляд, а больше рисковать и снова взглянуть — не смела.

— Согласны ли вы, Соня...

— Да! — она не дала договорить жрецу, ведь согласна была на все. На все, что он говорил и на то, что умолчал, на все о чем попросит Витор и о чем умолчит. На все.

— Вы можете поцеловать невесту, — хлопнув свой талмуд, священнослужитель отступил, закончив обряд.

Витор медленно поднял вуаль, скрывавшую лицо любимой.

— Ну, вот и все, — улыбнулся, неотрывно смотря в глаза.

— Ну, вот и все, — такой же ответ, обещающий скорее начало, чем конец.

Первыми из храма вышли недавние жених с невестой, а теперь уже муж и жена. Вслед за ними летели лепестки роз, а встречало их яркое солнце. Семейная жизнь определенно пришлась Соне по вкусу, во всяком случае, первые ее минуты.

Глава 37

Следующим номером их программы стала необходимость переместить всю эту шумную компанию в дом, предназначенный для празднования. Сама церемония заняла времени намного меньше, чем погрузка, дорога и выгрузка. Только к двум гости начали приветствовать уже новобрачных, желать им всяческих благ и восхищаться красотой их пары. Соня порядком устала, Майя это видела, по тому, как она переступала время от времени с ноги на ногу, как благодарно смотрела на предложенную мужем руку, но терпеливо выслушивала все приветствия и получала из рук букеты. Сотни букетов, всевозможных, Майя, забравшая их у сестры, думала, что даже пожелай они заставить цветами все поверхности всех своих домов, тут их было бы слишком много.

Пока вереница гостей подходила к жениху с невестой, а уже прошедшие обряд посвящения рассаживались за столы, Майя пыталась постоянно быть в пределах видимости сестры, чтобы в любой момент прийти на помощь, если такая понадобится.

— Добрый день, — снова незаметно для нее в поле зрения возник Дамиан.

— Добрый.

— К сожалению, танцы еще не начались, но я надеюсь, один ваш танец получу? — он улыбнулся, ожидая ответа.

— Никогда не думала, что так хорошо танцую, раз у вас возникло желание повторить эксперимент.

— Еще как! Я мечтал о танце с последней нашей встречи, а это долгих два месяца.

— Они были не такими уж долгими... — к Соне подошло семейство герцога, Майя снова бросила внимательный взгляд в ее сторону.

— У вас ведь новый сосед? — Дамиан проследил за ее взглядом.

— Был, — теперь время улыбаться настало для Майи. — Ему не пришлось по вкусу наш климат. — Дэррек пожал руку Витору, что-то говоря, а герцогиня в это время желала всех благ Соне.

— Думаете, климат что-то решал?

— Видимо да, раз сосед стал бывшим, — к паре протиснулась Мэган, обняла Витора, а потом и Соню, с которой почти не была знакома, но, как и старшая сестра, она ей почему-то нравилась.

— Он так просто не отступит. — Дамиан встретился взглядом с тем, о ком сейчас говорил. — Вы ведь это понимаете?

— От чего не отступит?

Ответить Дамиан не успел.

— Солнышко, вышла какая-то путаница, нам нужно еще раз посмотреть, как мы рассаживаем гостей за столы, — мама взяла ее под руку, улыбнулась Дамиану, извиняясь за прерванное общение, увела в противоположную сторону решать казусы, без которых невозможна ни одна свадьба.

— ... забыли выставить карточки на некоторые столы... — из-за царящего вокруг шума, расслышать все, что говорила мама было сложно. — ... а теперь нужно... и альбом леди Винсент не помнит...

— Я попытаюсь вспомнить, — они с Соней столько раз листали этот альбом, столько раз меняли, чертили и дописывали, что идея была изначально провальной, но, в конце концов, новые знакомства — не самое плохое, что может настичь на свадьбе.

Задача усложнялась еще и тем, что рассаживать гостей сложно, пока не знаешь, скольким еще предстоит найти места. Когда-то Соня говорила, что ей не хочется такой огромной свадьбы, но она даже представить не могла, как такой огромной свадьбы не хочется Майе. И даже не потому, что это сложно и трудоемко. Нет, потому что вокруг люди, люди, люди... Неизвестные, когда-то виденные, знакомые, большинство из которых ты не хотел бы знать. И только маленькая часть из них та, которой действительно рад. И отовсюду на тебя бросают странные взгляды, а еще шепчутся, предварительно улыбнувшись, а то и без единой эмоции.

— Говорят, бывшая любовница...

— Да, странно, жених же вроде водил за нос старшую...

— Да, тоже анибалът. Они, наверное, все такие...

— Да вы что? И как младшая на такое согласилась?

Приходилось только стискивать кулаки, а потом снова пытаться успокоиться. Судить — любимое занятие людей. Не только генерал грешит тем, что оправдывает себя за счет других, так поступают почти все. Легче найти человека, которых хуже, чем сделать себя лучше.

Кстати, от генерала Майя старалась все это время ускользать. Он ехал на свадьбу в своем экипаже, несмотря на соседство. В их — было слишком мало места. Сразу после венчания, когда Соня с Витором стояли на пороге, а она залюбовалась их радостью, он подошел впервые.

— Майя... — не обращая внимания на окружающих их людей, мужчина по-хозяйски положил руку девушке на талию. — Может не стоит тянуть? До следующей церемонии еще есть время, а ты сегодня очаровательна, — его «нежный» тон, заставил хотеть чего угодно, но только не реализации предложения, скорее похожего на угрозу.

— Спасибо, — она не ответила на вопрос, а только сняла мужскую руку, пока никто не обратил на это внимания. У людей и так было достаточно тем для сплетен, хотя бы одну можно оставить вне общественного внимания. Во всяком случае, пока.

Допустив такую ошибку раз, бдительности Майя пыталась больше не терять. Она должна была всегда знать, где находятся родители, новобрачные, генерал, чтоб не подпускать близко, не оставаться наедине, чтоб не пришлось отвечать на нежеланный вопрос, и его светлость, просто потому, что куда бы она не бросила взгляд, везде находила его. Точнее потому, что не могла не бросать взгляды в его сторону.

Целый час заняли поздравления новобрачных, целый час Соня с Витором не снимали с лиц улыбки, принимали приятные слова и пытались найти не менее приятные в ответ. Когда Соня поняла, что она наконец-то сидит, и вокруг только любимый, сестра, родители... Она чуть не расплакалась от счастья.

— Ты молодец, — Витор склонился к ней, поцеловал в висок.

— Я не хочу больше выходить замуж! — Соня посмотрела на него огромными умоляющими глазами, тем самым заставляя мужчину искренне рассмеяться.

— Обещаю, солнце, больше выходить замуж не придется, — и получив в ответ уже ее улыбку, поднял бокал «за день, который бывает в жизни только раз, и слава Яху».

Стол ломился от яств, вино лилось рекой, одни блюда сменяли другие, а чтобы утолить аппетит и возжелать более подвижных развлечений, гостям понадобилось не так

много времени.

Первыми столы стали покидать мужчины, отправляясь раскурить сигару или размять ноги. Дамы занимали их пустующие места, не упуская возможности поделиться услышанной где-то сплетней с соседкой по столу, или наоборот, получить новую из-за другого.

— Я скоро вернусь, — граф Дивьер тоже встал, положил руку на плечо жены, слегка стиснул.

Она посмотрела на него снизу вверх, погладив костяшки пальцев.

— Хорошо.

— Витор? — он предложил уже зятю присоединиться.

— Да.

Винсент старший вышел чуть раньше, теперь за столом осталась исключительно женская компания, только судачить у этих женщин не было ни желания, ни сил. Когда Майя бросила взгляд на удаляющихся мужчин, увидела, как к ним присоединяется ни кто иной, как герцог Мэйденстер. За его столом осталась только герцогиня. И старшая ее дочь отправилась в путешествие по залу, и младшая куда-то подевалась, захватив с собой Дамиана. Анна тоже заметила направленный на нее взгляд, кивнула девушке. Была в ее улыбке какая-то грусть. Майя почему-то вспомнила ту рассказанную когда-то историю. Ее любимый, отец Дэррека, погиб, и теперь у женщины остались только дети, да и те бросают ее одну. В жизни, как за этим столом.

Злясь на них за такое бездушие, Майя поднялась, отправляясь к ней. В конце концов, эта женщина не сделала ей ничего плохого, а когда она увидит возвращающегося герцога, уйдет на место. Но раз может, она должна хотя бы сейчас не дать герцогине впасть в грустные мысли.

— Анна, — она села на соседний стул. Когда-то именно так ее светлость просила себя называть. И хоть было немного неловко, Майя попыталась угодить ей хотя бы в этом.

— Майя, я рада видеть вас. Свадьба получилась замечательной, — она повернулась так, чтобы общаться было удобней.

— Я тоже рада видеть вас, — сказав фразу, Майя почему-то подумала, что может, не стоило так нагло, без приглашения подсаживаться, ведь она даже не дала возможности отказаться от ее общества. А многие предпочли бы действительно отказаться.

— Майя... — Анна положила руку поверх ее неустанно мнущих друг друга пальцев. — Ты слишком много думаешь, кто-то тебе об этом говорил? — она заглянула в прозрачные глаза, и именно потому, что увидела зарождающуюся там панику, сделала замечание.

— Да, — Майя слегка улыбнулась. — Ваш сын.

— Ну вот, я не сомневалась, что Дэррек иногда говорит умные вещи, — улыбались теперь обе. — Время, которое прошло с нашей встречи, пошло тебе на пользу? — Анна иногда писала сыну, пыталась узнать, что же происходит на достаточно большом от нее расстоянии. Но зная Дэррека, прекрасно понимала, что на интересующие ее вопросы он прямо не ответит. Только когда она уже собралась наведаться в новый дом, чтобы увидеть все воочию, он деликатно попросил подождать. А если читать между строк — не вмешиваться в его личные дела. И она не вмешивалась, давая возможность детям справиться самим.

— Да, — плохой опыт — это ведь тоже опыт.

— Я должна тебя поблагодарить... — Анна на секунду оглянулась в сторону двери, а потом снова тепло посмотрела на нее. — Впервые за вот уже много лет Дэррек пожал руку

графу Винсенту. Да и вообще, согласился присутствовать на его, по сути, меропрятии.

— Благодарить нужно не меня, я тут совершенно ни при чем. Они с Витором в последнее время общаются более тесно, видимо, именно он помог его светлости...

— Ты ведь знаешь причину его обиды?

— Знаю, — Майя опустила взгляд. Когда-то она чуть ли не силой заставила Дэррека рассказать об их сложных взаимоотношениях. А ведь, в сущности, лезла в темы, не предназначенные для ее ума.

— Я рада, что он поделился своими мыслями с тобой. Это доверие, Майя...

— Я просто очень настаивала, — как и всегда, Майя моментально попыталась возвести стену, как только разговор начал приобретать нежелательный окрас.

— Я когда-то тоже настаивала, но ответом была тишина. Он ведь не признает, что считает графа виновным в смерти отца. Вслух не признает. А теперь он тут. И пожал руку. И стоит сейчас с тем, кто когда-то пострадал из-за его заблуждения, — Анна повернулась, заглядывая в окно, открывающее вид на террасу. Дэррек, Витор и отец Майи стояли в компании еще одного мужчины — того, кого Майя приняла за старшего брата Витора. — Спасибо тебе за это, — герцогиня снова повернулась к девушке.

— Но, я, правда, тут ни при чем!

— Думаешь, он часто посещает свадьбы? В последний раз это была свадьба его сестры. А сегодня приехал, потому что знал, что одна пташка будет порхать тут. Не подозреваешь, какая?

Майя не ответила. Снова подняла взгляд на стоявших за стеклом мужчин. Дэррек внимательно слушал что-то, время от времени кивая. Это бред, будь все так, он подошел бы, хотя бы подошел... Как сделал это Дамиан, как настойчиво пытался поступить генерал. А он был занят более важными делами.

— Простите, мне нужно возвращаться, Соне наверняка нужна помощь, — Майя высвободила руки, встала. Общение с этой женщиной снова сеяло зерно сомнения, которому она не желала давать взрасти.

— Скоро увидимся, Майя. Очень скоро, — герцогиня проводила ее взглядом, а потом и сама обернулась к сыну, который смотрел на нее. Анна кивнула, улыбаясь своим мыслям. Давно она не участвовала в авантюрах, еще и таких волнующих.

Майя ошиблась — в ее помощи в данный момент Соня не нуждалась. Она наконец-то смогла хоть чуть-чуть расслабиться, а чтоб отпраздновать этот факт, положила в рот первый за вечер кусочек мяса. Такого блаженного выражения лица у нее не было, даже когда она говорила «да» перед алтарем. Наблюдавшие за этим мамы весело рассмеялись, заставив невесту густо покраснеть.

— Что?

— Ничего, — графиня Дивьер приложила ладонь к горящим от смеха щекам. — Мы просто вспоминали, какими сами были в этот день.

— И какими? — Соня пыталась совместить беседу и долгожданную трапезу, продолжая нарезать мясо.

— Таковыми же! — и они снова дружно рассмеялись, оставив девушку непонимающе хлопать глазами.

— Что произошло? — Майя удивленно посмотрела на смеющихся дам, которым просто

напросто не положено такое веселье по статусу, на растерянную Соню.

— Мы рассуждаем о тяжелой доле невесты, — мама провела по белой щеке старшей дочери.

— А куда ты отлучалась?

— Подходила к знакомой, — кто эта знакомая, Майя уточнять не стала.

— Ях, сейчас только три с небольшим, а я думала уже почти вечер! — леди Винсент покачала головой, выражая всеобщее мнение по этому поводу. Они уже устали. Слишком длинный день, слишком суетной. Будь воля Майи, она, наверное, давно сбросила бы надоевшие туфли, забралась с ногами на диван и засела за книгу. Но нет, впереди ждало еще множество событий.

— Леди Майя, как вы относитесь к прогулке? — не уследила. Она отвлеклась, от своих наблюдательных функций, а теперь за это поплатилась. Облокотившись о спинку ее стула, стоял генерал, протягивая руку.

Майя посмотрела сначала на сестру, потом на маму, с одной стороны надеясь, что они найдут предлог отказаться, а с другой понимая, что говорить все равно придется, рано или поздно, но придется.

— Положительно, — скрепя сердцем, она положила свою ладонь сверху, снова отправляясь в вояж. Он не стал выводить ее на крыльцо, остановившись в стороне от чужих ушей, но не глаз. Правда, их тандем сейчас не занимал почти никого. Во всяком случае, Майе так показалось.

— Майя, мы же когда-то уже говорили, что со мной не стоит играть в ребяческие игры. А ты снова весь день пытаешься куда-то убежать. Зачем?

Будто нашкодивший ребенок, Майя смотрела в пол, не находя в себе силы ответить. Она действительно избегала разговора, возражать нет смысла.

— Простите. Я просто... — что просто? Не хочу принимать решений, не хочу обрекать себя на жизнь с вами, но и честно признаться в этом не могу? Майя, ты ничем не лучше вертихвосток.

— Просто ответь на мой вопрос, мне не нужны объяснения. Ты согласна стать моей женой? — и так будет всегда, если она согласится. От нее не требуется проявления чувств. Только конкретные ответы на заданные вопросы. Он предлагает ей не жизнь полную романтики, с возможностью взлетов и падений. А стабильность, ту чертову стабильность, о которой она вроде как мечтала.

Согласна ли она на нее? Нужна ли ей такая стабильность?

— Майя! — из-за широкой спины генерала она увидела летящую к ним Соню, а вслед за ней маму и леди Винсент.

Когда удивленный генерал отступил, пропуская женщин к своей почти уже невесте, Соня воспользовалась этим, отгородив загнанную в угол Майю от мучителя.

— Голуби! Мы не забрали голубей. А перед тортом мы должны выпускать голубей! Все пропало! — в глазах сестры читалось такое отчаянье, будто забыли не голубей, а жениха.

— Соня, успокойся. Это ведь просто птицы! — Майе показалось, что сейчас сестренка волнуется больше, чем в комнате для невесты перед свадьбой.

— Нет! Мне они нужны, Майя, ты не понимаешь! — она схватила сестру за руки, больно сжимая пальцы.

Ожидая получить поддержку от мамы и леди Винсент, Майя повернулась к ним, но в их глазах горела не меньшая паника.

— Хорошо, хорошо, скажите, где они, я съезжу, — неважно, что в ожидании господ на улице стоит куча карет с совершенно свободными лакеями, если от этого Соне станет легче, Майя сама готова была отправиться за голубьями.

Будто именно это Соня хотела услышать, она ослабила хват.

— Я сейчас попытаюсь объяснить, это не так далеко. Сейчас, подожди... — она закрутилась вокруг своей оси, разыскивая что-то. — Я лучше нарисую, мне нужен грифель, — еще один круг. — Генерал, у вас нет грифеля? — мужчина полез во внутренний карман в поисках нужного предмета.

— Не волнуйтесь, леди Соня, я знаю, где голубятня. Я сопровожу леди Майю, — теперь над головами уже не так взволнованных, сколько притихших женщин возвышался герцог. Он смотрел на Соню, но Майя чувствовала, что в опасности снова она.

— Не стоит, ваша светлость, я могу проводить Майю, — генерал извлек из внутреннего кармана блокнот и грифель, протянул их Соне.

И все, все окружающие ее люди уставились на Майю. Все чего-то ждали. Соня — разрешения взять в руки блокнот. Мама с леди Винсент, видимо, уверенности, что голубей таки доставят. Дэррек — скорей всего возможности спокойно продолжить заниматься своими делами с чистой совестью, ведь он предложил, а отказаться — это уже ее право... А генерал — возможности все таки добиться ее ответа во время поездки.

«Тебе предстоит выбор. Сложный. Я просто хочу, чтобы ты сделала его правильно...» Что он имел в виду тогда? Может это? Что она выберет? Скажет «да» генералу, ведь уйди она сейчас, он сочтет это отказом. Или может, снова... снова увильнет от ответа, снова пойдет за Дэрреком по первому мановению? Ях, снова выбор? Ну что ж, может она будет жалеть, но ведь для того и дана жизнь, чтобы ошибаться.

— Не волнуйся, Соня, его светлость знает дорогу, а значит, мы вернемся очень скоро.

— Спасибо! — Соня заключила сестру в объятия, резко разворачивая. Это было плохой идеей — ведь раньше прямо за спиной Майи стоял генерал, а теперь пришлось смотреть на него глаза в глаза. Она не прогадала, он понял ее ответ. И свои слова повторять не станет. Жена, неспособная решиться, ему не нужна. А судя по тому, что сама Майя почувствовала облегчение, то и в муже она не нуждается. Рука с блокнотом опустилась, а брошенный на нее взгляд не оставлял сомнений в ее правоте.

— Я буду ждать у кареты, — Дэррек развернулся вокруг своей оси. На входе его остановил граф Дивьер.

— Вы помните, что если она не захочет... — он мог соревноваться с ним и в стали, которой отливали глаза и в уверенности голоса, когда это касалось его сокровища — его детей.

— Да. Я не стану настаивать, — Нортон кивнул.

Видимо, голуби и правда значили для них очень много, потому что стоило отступить Соне, как обнимать Майю стала мама. Братик или сестричка был этому не очень рад, так как Майя получила несколько ударов ножкой, но маму это не остановило.

— Будь благоразумна!

— Обещаю, я привезу именно тех голубей, которые нужны! — Майя погладила снова разволновавшуюся маму по спине. Ях, они действительно устали, раз раздувают из такой мелочи целую эпопею. — И мы вернемся уже через час.

Когда Майя вышла на крыльцо, ей предстояла непростая задача, из десятка карет найти именно ту, которая принадлежит его светлости. Солнце все еще слепило, не давая

посмотреть не прищуриваясь. Но, о удача, она увидела сначала мужчину, а потом уже и экипаж. Он объяснял что-то сосредоточенному кучеру, видимо, дорогу.

— Я готова, — Майя сцепила взмокшие от нахлынувшего волнения ладони.

— Рад слышать, миледи, — Дэррек отпустил кучера, получившего все нужные инструкции, открыл перед дамой дверь. От предложенной руки она отказалась. Не потому, что пыталась еще раз сделать вид гордой, просто не хотела, чтобы он понял, насколько она сама волнуется.

Уже пропустив девушку вперед, Дэррек усмехнулся. Упрямая, но ничего не поделаешь, именно такая она ему и нужна. Майя устроилась в дальнем от входа углу, прекрасно помня, что ощущает, оказавшись с ним в замкнутом пространстве и желая, чтобы его давление было как можно меньше. Как только дверь за мужчиной закрылась, экипаж тронулся.

— Вам не холодно? — Дэррек неправильно оценил ее прижатые к туловищу руки.

— Нет, — от волнения ей было жарко. Очень жарко. Может, стоило все же согласиться на сопровождение генерала? А уже потом, в дороге, объяснить? Или заверить, что отлично найдет голубятню и сама? А может попросить папу? Ох, есть ли смысл гадать о подобном, если она уже едет. И, похоже, ее страхи, которые были и надеждами, не оправдались. Он все так же, как и на протяжении дня, делал вид, будто они даже не знакомы. Обратив все внимание на вид в окне, Дэррек постукивал пальцем по ноге, повторяя какой-то странный темп. А вместо того, чтобы радоваться такой перемене, она ведь хотела его равнодушия, Майе стало обидно.

«Дура». Будь она сейчас одна, непременно стукнула бы себя по лбу за такие мысли. А так, пришлось поставить заметку, что это ей еще предстоит.

За окном проносились дома, одинаковые, разные, всякие. Иногда высокие, богатые, а иногда низкие, слегка перекошенные. И очень часто они даже соседствовали. Когда она переберется в столичный дом, следует устроить себе такую же экскурсию, ведь незнание города — это ее упущение. А город этот красив. Иногда, конечно, пугает, но все же красив. Как и человек, не обращающий на нее ни малейшего внимания. Будто его совершенно не заботит затянувшаяся вот уже на десяток минут тишина.

Они промчали мимо храма, в котором утром венчалась Соня, дорога была совершенно свободна, видимо, все службы на сегодня справили. Мимо дома, в котором их принимал барон Рэйнолдс на открытии сезона. Еще с тех пор Майя запомнила, что имение находится на отшибе, ближе к границам столицы, весь центр был уже застроен, когда мужчина решил соорудить эпохальное здание, способное вместить весь бомонд. Ему это удалось, и в такие вечера центр города перемещался в его радушный дом. Они повернули еще дважды, каждый раз на такой скорости, будто кучер куда-то опаздывал, а Майе приходилось упираться руками о мягкую обивку, чтобы не полететь кубарем. И после второго поворота в окне Майя увидела городские ворота. Карета покидала город.

— Куда мы едем? — нарушить тишину оказалось не так сложно, когда сердце начинает ускорять темп, а дыхание сбивается.

Мужчина не ответил. А вместо городского пейзажа, за окном начали проноситься редкие деревья и пожелтевшие луга.

— Мы объезжаем? Голубятня в черте города. Нам нужно заехать с другой стороны? — наскочив на какой-то камушек, экипаж тряхнуло, снова пришлось схватиться за кресло, чтобы не удариться. — Ваша светлость! — может он не слышит? Может ее слова заглушает шум?

— Да? — он оглянулся так, будто ее обращение — первые сказанные ею слова.

— Куда мы едем? — она не была еще испугана, скорее не совсем понимала, что происходит, и чувствовала, как до этого твердая почва снова становится подозрительно колеблющейся.

— В одно очень красивое место... — и такая улыбка, будто этим он объяснил все, а теперь она может спокойно сомкнуть глаза, чтобы немного отдохнуть после бессонной ночи и сумасшедшего дня.

— Какое место? — в тот же миг появился и испуг.

Дэррек это понял, но сдержался — прости, голубка, но раскрыть тайну я пока не могу, придется немного подождать.

— Тебе понравится, не стоит волноваться.

— Велите развернуться! — она хотела, чтобы это звучало как приказ, но получилась только искренняя просьба.

— Нет. — Дэррек улыбнулся так, будто отказался всего лишь закрыть окно в знойный день, а не пытался увезти ее в неизвестном направлении, и мало того, что не объяснял куда, так еще и не давал возможности от этой затеи отказаться.

— Куда. Мы. Едем??? — Майя собрала в кулак всю волю, чтобы это звучало как последнее предупреждение. Или он ответит, или... Осталось только понять, что или...

— Все знаешь, голубка, скоро все узнаешь...

— Если вы не скажете, я выпрыгну, — она готова была на такое безумство. Пусть карета мчит все быстрее, пусть даже следя за тем, как из-под колес вылетают камни, становится страшно, но с ним, сейчас, тут намного страшней. Пугает неизвестность и его спокойствие. Может он сошел с ума? Или может таким и был?

— Я поймаю, — он посмотрел уже серьезно. Это правда, если попытается, он ей не даст. Ни сейчас, ни когда бы то ни было. «Не отдам никому, даже самой себе».

Под этим взглядом, снова властным, снова жестким, пусть и не жестоким, Майе захотелось скрутиться в клубочек, забиться еще глубже. Ях, что происходит?

— Вы не имеете права! — похищать людей, а потом... Может именно поэтому она и не встречала ни одной его бывшей пассии кроме Розы? Может всех их он вывозил за черту города и расправлялся без свидетелей, но... — Меня будут искать!

— Не переживай, голубка, об этом я позаботился, — и снова отвернулся к окну, оставив ее наедине со своими пугающими мыслями.

Что за ужас? Куда они едут? А как же теперь Соня, ведь ей так нужны эти голуби... Подумав об этом, Майя истерически рассмеялась. Голуби... Ее, возможно, сейчас убьют или продадут в рабство, или просто выбросят где-то в лесу, ночью, а она волнуется, что не сможет доставить на свадьбу голубей. Майя, насколько же ты глупа!

Когда она вдруг рассмеялась, Дэррек снова оглянулся. Он прекрасно понимал, что сейчас зарабатывает только дополнительные баллы к своему и без того виноватому положению, но отступить от плана уже не мог. Это все ради них обоих, ради нее.

Солнце медленно клонилось к закату. Удивительно, но нервничать постоянно — невозможно. Они ехали уже больше часа. Без остановок, не сбавляя темп. На смену солнцу пришел осенний холод. Майя была бы не против оказаться в забытой в зале шали. Но ведь она и предположить не могла, что их поездка так затянется. Интересно, а что сейчас там происходит? Уже подали торт? Как обошлись без злосчастных голубей? Что думают о том, куда они запропастились? Может уже ищут? Ях, пусть они уже ищут. Страх так вымотал и

без того уставший организм, что теперь бороться приходилось еще и со сном. Нет, заснуть в такой компании — это слишком. Абсурдно! Если она не может справиться даже со сном, как будет бороться за жизнь, если ей придется это делать? Уже в десятый раз она выпрямилась, пытаясь заставить смыкающиеся веки открыться.

— Поспи. Я разбужу, — Дэррек отвлекся от созерцания пейзажей, наблюдая теперь за ней. От предложенного пиджака она отказалась, хоть и видно было, что трясется как осиновый лист, а когда он попытался наклониться, чтобы укутать насильно, снова пригрозила, что выпрыгнет. Пришлось от этой затеи отказаться, а сейчас бодрилась изо всех сил.

На его реплику Майя ответила только брошенным в ответ уничтожительным взглядом. Еще чего! Она скорее умрет, чем заснет. И осознав, насколько правдивой может оказаться ситуация, Майя снова усмехнулась.

Сколько времени прошло, прежде чем карета остановилась, Майя сказать не могла. Для нее — целая вечность. На улице царил полумрак. А значит, не меньше полутора часов. В ее окне был виден лес. Сплошной, ни света окон домов, ни стен города. Дэррек открыл дверь, выбрался на улицу. Привыкший к намного более дальним поездкам, он чувствовал себя отлично, тем более, у него не было права устать. Впереди слишком много важного, слишком сложные задачи.

— Мы приехали. Тебе помочь? — он снова, как и в начале пути, протянул руку, предлагая помощь. И Майя опять отказалась. Но уже по другой причине. Она не собиралась царапаться и кричать, мешая вытащить себя из кареты, не хотела унижаться, но и не собиралась показывать, насколько ей страшно. Еще один гневный взгляд, и она сама, без чьей либо помощи, выходит на улицу.

Это был не лес. Территория монастыря. Оставшийся с военных времен мост через ров опущен, а за ним светятся огни, хотя и без них все отлично видно. Майя когда-то видела его на картине в доме его светлости. Там таких сотня, не будь она художником, не обратила бы внимания. А так, картина ее заинтересовала.

— Зачем мы тут? Я здесь не останусь! — Майя обернулась, чтобы не терять из поля зрения Дэррека. Он вернулся к карете, достал оставленный пиджак, и, не слушая больше возражений, набросил на продолжающие трястись плечи.

— Не останешься. Обещаю, — когда он попытался взять ее за руку, Майя выдернула свою.

— Я никуда не пойду, пока вы все не объясните. Если вы хотели меня напугать, я достаточно напугана, поверьте. Большого вы от меня не добьетесь. Чего еще вы ждете?

— Еще немного, Майя, пожалуйста, — он снова попытался взять ее за руку, и на этот раз был более бдительным, вырваться не дал. А когда пошел по пешеходному мосту, сил сопротивляться уже не было. Будь что будет. Майя лишь обернувшись, посмотрела на оставшегося на своем месте лакея. Он вел себя, будто ничего особенного не происходило. Будто так и нужно, будто не слышал как она почти что кричала. Неужели даже от него никто не узнает, куда ее завезли?

Они вошли в открытые ворота, во дворе — ни души. Видимо, время вечерней службы, а может и ужина. Ведь тут живут в мире и полном согласии с солнцем. Когда уходит на отдых оно, пора скрыться с глаз и монахам. Самое коварное время суток, когда взгляд еще не успел перестроиться на отсутствие света, и то и дело приходится всматриваться под ноги, чтобы не полететь носом по покосам.

Майя могла упасть дважды, все усугублялось еще и тем, что мужчина не собирался подстраиваться под ее шаг, волоча за собой. А чувство собственного достоинства не давало попросить идти медленней.

Они прошли внутренний двор, аллея упиралась во вход в скрытый от глаз извне храм. При свете дня он, должно быть, выглядел потрясающе, много окон, из которых сейчас сочился свет, а днем свет должен был входить через них. Огромный, сейчас будто угрожающий упасть и завалить под своими завалами, особенно это чувство усиливается, когда вступаешь во власть стелящейся у подножья тени.

Майя заметила не сразу, но на пороге кто-то стоял. Мужчина в рясе. Когда они подошли ближе, он откинул капюшон, давая разглядеть себя. В этот момент Майя попыталась вырвать руку еще раз, уже скорее чтобы делать хоть что-то, а не просто идти на закланье, как овца. Даже вырвись она, что будет делать дальше? Идти обратно через лес? Если она тут нужна, поймают и вернут.

— Герцог, — мужчина склонил голову.

— Отче, — так же сделал Дэррек. И вместо того, чтобы искать помощи у незнакомца, Майе почему-то захотелось спрятаться за спиной того, кто олицетворял опасность.

— Мы ждали вас раньше... — он выглядел и говорил как самый настоящий монах, немного отрешенно, будто слова имели не больше значения, чем пыль из-под конских копыт.

— Мы спешили, как могли, — Дэррек попытался потянуть Майю за руку, чтобы она показалась пред ясные очи священнослужителя, но она лишь сильнее вцепилась в руку. Боится.

— Ну что ж, все готово, прошу, — он отошел в сторону, давая путь. Одной рукой продолжая держать Майю, Дэррек толкнул другой тяжелую дверь. В глаза ударил свет, пришлось даже сощуриться, привыкая к яркому освещению. Сотни свечей. Повсюду сотни свечей.

Это было так красиво... Перехватывало дух. Будто звезды падали с неба, некоторые огоньки светили ровно, другие трусливо виляли, заставляя даже стены двигаться, играли тени, пахло воском. Если они затеяли провести какой-то дьявольский обряд, он должен быть божественно красивым.

Оглядываясь по сторонам, Майя даже не заметила, что за руку ее больше не держат, а пиджак больше не нужен, ведь тут совсем не холодно. Девушка крутила головой по сторонам, не пытаясь сосчитать огоньки, а скорей найти, где же они заканчиваются.

— Нравится? — Дэррек подошел сзади, склонился над ухом.

— Да! — ведь это незабываемо. Правда почти в тот же миг Майя вспомнила, каким образом она попала в этот странный храм, исправилась. — Нет! Я не понимаю, что я здесь делаю!

— О, — жрец, успевший подойти к алтарю, и теперь раскладывающий там какие-то предметы, удивленно посмотрел сначала на Майю, а потом и на Дэррека, лишь к которому предпочитал обращаться. — Неужели дева не в курсе?

— Нет. Пока нет, — Дэррек снова попытался взять ее руку в свою, но Майя спрятала ее за спину.

— Тогда, мне стоит оставить вас наедине. Ведь вы понимаете, что я могу только по доброй воле. Лишь так.

— Да, я понимаю. Спасибо.

Жрец еще раз поклонился, немного более пристально посмотрел на Майю, которую теперь намного больше интересовали слова, чем свечи, вышел в смежное помещение, плотно закрыв за собой дверь.

— Что здесь происходит? — Майя сверкнула глазами. На смену страху пришло раздражение.

— Это храм.

— Я вижу. Я спрашиваю, что здесь делаю я?

Будто не слыша ее вопросов, Дэррек продолжил, пристально следя за ней.

— Это храм, в котором вот уже несколько столетий герцоги Мэйденстеры клянутся служить короне, получают благословение при рождении, женятся, благословляют собственных детей, а после смерти — именно отсюда отправляются в лучший мир.

— Зачем? Я? Тут? — если он будет продолжать в том же духе, по доброй воле не получится ничего, ни жертвоприношение, ни что там они еще решили сотворить. Потому что на смену воле придет сумасшествие.

— Майя, я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Сколько мыслей и эмоций могут пронестись в голове и сердце за секунду? Майя знала: столько же, сколько свечей в этом храме.

— Что? — она отступила, будто от ударной волны.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я люблю тебя, — он повторил бы еще сотни раз, если только так она сможет поверить. Он готов был повторять всю жизнь.

— Ях, чего вы хотите?! — все последние месяцы она пыталась понять, что станет ее личной последней каплей? И ею стали слова, о которых она когда-то даже не могла мечтать, а теперь... теперь которые казались ей глумлением.

Майю не волновало, что они находятся в священном месте, что за тонкой стеной, возможно молится, а возможно просто ждет посторонний человек. Она больше не могла тянуть это бремя на себе. Он стал причиной всех ее бед, и пусть теперь сам поймет их, хотя бы часть.

— Зачем вам этот фарс?! Вы хотите меня унижить? Я и так уже ниже некуда! Я сама себя не уважаю! Хотите доказать, что вы способны влюбить в себя любую? Даже такую, как я? Да! Вы способны! Хотите, чтобы я в сотый раз возненавидела себя за то, что даже после того, как вы растоптали мои чувства, лишь потому, что не удосужились спросить, что было во время вашего отъезда, я все равно вас люблю? Да, черт вас забирая, я вас люблю!!! Хотите, я закричу об этом в палате лордов, хотите, в доказательство я брошусь с крыши! Хотите, я убью себя, потому что я так больше не могу...

— Майя... — он хотел подойти, но она снова отступила.

— Нет! Теперь слушайте меня! Вам не нужна была Соня, вы использовали ее. Вам нужна была я. Вам нужна была новая игрушка, какой нет у подобных вам. Хотя не так, может они и были, но ведь анибалът, согревающий ночи — не то, чем принято хвастаться. Вам захотелось меня поиметь. Как собственность, игрушку. И что? Я ваша. Вам захотелось, чтоб игрушка в вас влюбилась. Для этого понадобилось не так много. Пара ночей и даже меньше теплых слов. Ведь такая как я, готова верить в любую придуманную собой же сказку, лишь бы почувствовать, хоть раз, пусть даже вымышленную, но ласку. Вам хотелось, чтоб игрушка была только ваша. Делиться ведь в высшем свете не приучены. И вот, я уже избегаю друга, сестру, отказываюсь от всего, чтобы днями ждать вашего появления. И жду, как благодарная собачонка принимаю ту кроху ласки, которую хозяин соизволит мне выделить. А потом, а

потом игрушка надоела. Надоела настолько, что за неделю до того, как она сама бы добровольно скрылась из вашей жизни, вы решаете уехать сами. Ведь как иначе? Каждое решение должно быть вашим. Слишком она довольна тем, что ей светит еще целая неделя придуманного счастья. А это непорядок. — Майя говорила на одном дыхании, неотрывно смотря ему в глаза. Пусть знает, пусть чувствует, раз он так хотел.

— И вы уезжаете, бросив напоследок: «верь мне». Зачем??? Я не могу понять зачем? Зачем было нужно мое доверие? Я верила! Я верила, что вы вернетесь, что произойдет чудо, что то, о чем я не могла даже мечтать, станет правдой. И вы вернулись. Вернулись тогда, когда я нуждалась даже больше, чем могла предположить. Когда неделя до возвращения была сущим адом. Вы вернулись, а я все помнила ваше «верь мне», летела в кабинет, представляя, как брошусь на шею, и, черт возьми, даже если я вам ни капельки не нужна, вы не оттолкнете. Я согласна была оставаться навечно игрушкой, надоедливой собачонкой, лишь бы хозяин не забывал погладить за ушком. Но ведь это тоже невозможно, потому что это не по-вашему. Намного легче послушать бред, полнейший бред первой сплетницы мира, и поверить, что я вас соблазнила. Что отдала честь лишь затем, чтобы кто-то вам отомстил. Не я, даже не я! Хуже последней продажной девки. Вы представляете, как чувствует себя человек, облитый с головой помоями? Это я! Это я!!! Потому что вы не оставили во мне ни чести, ни гордости. И вы были правы, каждый раз, каждый чертов раз, когда вы маните пальцем, я говорю «нет» только потому, что так нужно. А сама таю, плавлюсь, жажду. Но тогда! Тогда я просила искренне!!! Я. Не. Хотела. Видеть вас таким. Я не могла позволить, чтобы вы разрушили все то, что я строила так долго! А вы разрушили! И, Ях, если бы вы меня тогда оставили. Если бы так и не узнали! Я бы навсегда осталась для вас грязной, порочной, попользованной девкой. И я бы жила с этим. Но вам оказалось мало! Стоило узнать правду, и вы поняли, что ведь игра может продолжаться. Ведь анибалыт еще может сгодиться, раз она не была такой тварью, как думали до этого. Поверьте, если бы я знала, я бы переспала тогда с кем-то. Не важно, с кем, с любим, только бы оправдать ваши надежды!!!

— Майя...

— Нет!!! — она давно перешла на крик, и его тихие оклики остановить бы уже не смогли. — Зачем вы приехали тогда? Зачем снова начали этот фарс? Но только в новом антураже. У вас в доме вы не сказали заветные слова, ни разу, а потом, в первый же день, ударили ими наотмашь. Я. Вам. Не верю! Вы просто получили еще не все, что хотели. Скажите, что??? Что??? Я сделаю все!

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой! — он тоже крикнул, пытаясь достучаться.

Будто не слыша его, Майя продолжила:

— Вы дважды! Дважды просили верить и уезжали. Дважды после этого возвращались и заставляли понять, что вам верить нельзя!!!

Она почувствовала спиной жар стоявших у стен свечей, когда на ее предплечьях сомкнулись его руки.

— А теперь ты выслушаешь меня. Я. Тебя. Люблю, — и прежде, чем она успела снова возразить, закрыл ей рот поцелуем. Когда-то он уже пытался так привести ее в чувства, и тогда ему это удалось, теперь все было намного сложнее, ведь с тех пор он натворил в сотни и тысячи раз больше. Майя пыталась сдержать его напор, но в этот раз не помогли бы ни слова, ни действия. Он собирался целовать до тех пор, пока на смену сопротивлению не придет готовность, готовность учиться принимать поцелуи заново, и готовность слушать его рассказ.

— Я. Тебя. Люблю. — Майя скривилась, чувствуя легкую боль в опущенных наконец-то губах, и не желая снова слышать слов. — Люблю. И только потому, что ты пытаешься всеми силами этому противиться, ничего не изменится. Я не хотел заполучить игрушку-анибальта. Я хотел тебя. С того самого момента, как увидел. Не потому, что ты не похожа на приевшихся уже красавиц. А потому, что ты это ты. Потому что ты так смотришь, потому что ты так ходишь, двигаешь головой, думаешь и дышишь. Я воспользовался Соней только для того, чтобы сделать тебя своей. Потому что знал, прекрасно знал, что ради нее ты пойдешь на все. И ты пошла. Тогда я думал, что это я взял на себя всю ответственность за происшедшее, но нет, бремя лежало только на тебе. За все, за мои желания и за твое отчаянное сопротивление. И ты чище, ты в сотни и тысячи раз чище всех, кого я когда-то знал, потому что ты жертвовала собой не ради собственного блага, а ради близкого человека. На такое готова не каждая мать для своего ребенка. А ты была готова. Я думал, что ночи мне будет достаточно, что это просто прихоть. Но нет, мне нужны были твои ночи, твои дни, вся ты. Это я был твоей собачонкой, ты даже не представляла, какой силой обладала и обладаешь. И что меня убивало — даже не пыталась ей пользоваться. Я был дураком, кретином, потому что ревновал. Ревновал бы к любому, а тем более к тому, кого считал сыном врага. Особенно к нему. Сам понимал, что глупо, но стоило увидеть его возле тебя, ревность застилала глаза. Дамиан строил на вас планы. Он с самого начала собирался вас свести, и каждый раз, когда ему казалось, что все уже почти удалось, он делился со мной. А потом я добивался от тебя подтверждения того, что он балбес. Не потому, что не верил тебе, а потому, что мое чувство нуждается в тебе всей, только тебе, ни с кем я не могу тебя делить. Я уехал. Но не потому, что мне наскучила игра, к тому времени это была уже совсем не игра. Я уехал, чтобы, когда вернулся я, со мной осталась ты, но уже навсегда. Слышишь? Я уехал за этим! — он приложил ее руку к карману на груди, пальцы уперлись во что-то твердое. Дэррек достал оттуда коробочку, нажал на замок.

Кольцо. Маленькое, белый ободок и голубой камень по центру. Старинное и очень красивое.

— Что это? — Майя перевела взгляд с кольца на мужчину. Ее больше не нужно было удерживать за плечи, она не собиралась сбегать, исчезать, сходить с ума.

— Я ездил за кольцом. Это фамильная драгоценность, ее в свое время носят все герцогини Мэйденстер. Майя, я собирался оставить тебя возле себя, но не как домашнего питомца, не как любовницу! Я хотел прожить с тобой жизнь, я хотел иметь от тебя детей. Я хотел видеть тебя днем и вечером, хотел целовать, хотел слышать звук твоего голоса. Хотел видеть твои глаза не только тогда, когда закрываю свои! Я хотел тогда и хочу сейчас! Я тебя люблю!!! А потом, потом я вернулся. И я никогда, слышишь? Никогда не прощу себе того, что поверил, что натворил. Даже если простишь ты! Это до последнего дня будет моим проклятьем! А ты уехала. И моя жизнь тоже закончилась! Я больше не умел жить без тебя. Я просыпался ночами, потому, что твое сердце не билось рядом. До того бала. До того момента, пока не узнал, каким был ублюдком, каким слепым. И тогда я понял, что не имею права, ни малейшего, пытаться снова приблизиться. Даже заслужить хотя бы одну твою улыбку. Я поверил только потому, что до последнего этого ждал. Ждал, что все не может быть так хорошо, что ты, такая как есть, не можешь появиться в моей жизни! А ты появилась. И я упустил, я бы больше никогда не показался тебе на глаза. Слышишь? Никогда, но я оказался слишком слаб даже для этого. Я не смог без тебя. Я не смог бы без тебя, даже не знай я правды. Я не могу без тебя! А вся кара, которую ты обрушила на меня — пощечина.

Одна пощечина, стала ценой той боли, которую я тебе когда-то причинил. И той, которую причинил потом.

Не верить! Майя смотрела на него, боясь даже моргнуть, и пыталась заставить себя не верить. Но не могла. Все было так. Так, как он говорит. Она это знала, чувствовала. И чувствовала, как снова он крушит стену между ними кулаками, сбивая костяшки в кровь.

— Я приехал к тебе, чтобы увидеть своими глазами, что ты можешь жить без меня, что без меня тебе легче. Я считал это законной карой. Я хотел почувствовать хоть капельку той боли, которую сам доставил тебе. Но даже это мне не удалось. Когда ты рядом, все мои планы рушатся. Остается только один, чтобы ты снова, хоть раз, сказала те слова, которые говорила на ухо, думая, что я сплю.

Майя охнула. Она так надеялась, что это было для него тайной. Так гордилась, что сумела сдержаться, что не стала нагружать его ненужными ему чувствами.

— Я знал. Знал давно. Знал, что ты любишь, и я ликовал, потому что любил сам. Не ждал неизвестно чего. Удобного момента. Идиот, я должен был хватать тебя тем же утром и мчаться сюда. Тогда ты не смогла бы убежать. Не бывает удобных моментов, Майя, с тобой любой момент — это то, за что я готов отдать жизнь. А когда я увидел ту записку, ты сделала меня самым счастливым человеком. Опять! Я не знал, можешь ли ты простить, можешь ли забыть о ненависти. А ты смогла! Смогла, ты думаешь, что это от отчаянья, но нет, только потому, что ты сильная! Намного сильнее чем я! Я не смог простить того, чего не было, а ты простила за то, что я растоптал.

— И ты опять уехал! — именно после этой записки он снова закрыл за собой дверь, оставив ее наедине со своими страхами. Снова добился желаемого, узнал, что она любит, и с чувством выполненного долга убрался восвояси.

— Я уехал, чтобы больше никогда не повторять своей ошибки. Чтобы сегодня ты согласилась стать моей женой, чтобы ты поверила, чтобы опять поверила. Как бы сложно это ни было. Хочешь — ударь, хочешь — убей, но прошу тебя, верь!

Ях, как же хочется верить. Хочется, всей душой, но стоит ли? Ведь обжигаться так больно...

— Помнишь, ты говорила, что мы знакомы дольше, чем я думал. Что впервые мы увиделись не в холле моего дома? Но только я не обратил на тебя ни малейшего внимания. Да! Я не видел тебя, не видел. Но потому, что ты этого не хотела. Ты не подняла на меня взгляд, когда я разглядывал тебя за отцовской спиной. Ты не ответила на вопрос, адресованный тебе, хоть и заданный во всеуслышание. Я не буду врать, что влюбился в ту тебя, о которой не знал ровным счетом ничего, просто решил, что открывать твою ракушку — занятие слишком утомительное. И из-за этого мы потеряли три года. Майя, только подумай, три года мы могли провести вместе, три зимы, три осени, весны и лета. Триста миллионов раз я мог доказать, что люблю и столько же ты могла поверить.

В голубых глазах бушевал ураган, она так боялась, так боялась того, что уже чувствовала, что уже верила. Это как нырнуть в ледяную воду, когда ты уже стоишь по пояс в ней, и понимаешь, что она не так холодна, нужно только сделать один рывок, одно решение, один раз поверить, что там будет не холодно. И погрузиться с головой. А ты стоишь, не решаясь ни нырнуть, ни выйти, и ветер заставляет покрываться кожу мурашками. Но только на берегу точно будет холодно, в этом ты не сомневаешься. А в воде? А вдруг и там ударит холодный источник, закрутит, накроет с головой волной, лишит возможности дышать?

— Зачем так сложно? Почему не сказали, куда едем? Зачем снова заставили лезть в

голову дурные мысли, если все сказанное вами правда? — может это он считает любовью? Он любит ее мучить. Любит видеть муку на лице, и слышать треск разрывающейся души.

— А ты бы согласилась? Согласилась бы сегодня утром хотя бы выслушать? Нет. Ты бы снова убежала, и не дай Ях, убежала бы под крыло того, кого никогда не любила. Ведь легких путей ты никогда не выбираешь. А выйти замуж за Пирмтса, который вызывает в тебе, в лучшем случае, уважение, только, чтоб я не смог сказать все это — на это ты способна. Только так я мог заставить тебя услышать. Только тут ты смогла выговориться. И если ты согласишься, у меня будет вечность, чтобы изменить все то, что ты сказала, стереть из памяти и запомнить ее новыми воспоминаниями.

— Вечность? Сколько будет длиться эта вечность? В общей сложности вы знаете меня меньше полугода. Что вы знаете обо мне? Что я знаю о вас? Почему вы так уверены, что ваша вечность не пройдет уже через неделю? Добыча, которая перестает сопротивляться — быстро надоедает, а всю жизнь я не смогу провести сопротивляясь! Я слаба!

— Я искал тебя всю жизнь, думаешь, после таких поисков мне может надоесть?

— Да!

— Нет! Не надоеет, ты даже представить не можешь, насколько ты не можешь надоесть. Я завидую сам себе, когда целую тебя. Я не могу работать, есть, спать, зная, что ты где-то не со мной. Ты — моя болезнь и единственное мое лечение. Я болею тобой.

Майя отвернулась — смотря в любимые глаза, сложно пытаться удержать остатки ограждающей тебя стены здравого смысла.

— Я знаю о тебе все. Знаю, что ты страстно любишь читать, и думать, что видишь мир не таким, как все, поэтому его и рисуешь, что готова пожертвовать всем, ради счастья близких, что хранишь секреты даже ценой собственного благополучия, что мудрости и гордости в тебе в сотни раз больше, чем в любом другом человеке. Что ты спишь до полудня, что почти не ужинаешь, потому, что нервничаешь перед ночью, что только в разговоре сама с собой принимаешь важные решения, что не можешь без меня так же, как я без тебя. Что никогда не хотела бы видеть на своей свадьбе людей, которые еще несколько часов назад нас окружали. Что ненавидишь сплетни и людские суждения, что сама судишь лишь себя. Я люблю это все в тебе. И я хочу узнавать больше. Каждый день, ежесекундно. И именно поэтому я прошу тебя... — он достал из коробочки лежащее там кольцо. — Выходи за меня замуж.

Майя вскинула голову вверх, туда, где снова плясал звездопад из свеч, чтобы сдержать непрошенные слезы. Он ждет ответа. И небосвод ждет ответа. А она... готова ли она его дать? Он прав, только так, только в таком месте в десятках километров от посторонних людей, он может добиться от нее ответа. Она не убежит, некуда бежать. Только тут и только сейчас она может принять решение так, как он только что сказал, сама с собой. Вот только внутренний голос явно был на стороне вопрошающего.

Скажи она да, и что? Полная неопределенность. Странная, нереальная жизнь с ним. Может, она права, может, она наскучит уже через неделю. И как ненужную вещь ее отправят с глаз долой. А может, а может прав он, и что тогда? Таких смелых мечтаний она себе даже не позволяла. Она не мечтала о долгой и счастливой жизни, потому что не верила, что она возможно.

А если нет? Она вернется туда, откуда пришла. Он высадит ее у банкетного зала, и отправится восвояси. Он больше не станет повторять своих слов. И навсегда... Она навсегда потеряет возможность познать счастье только потому, что струсилась, не решилась рискнуть.

Дверь монашеской кельи открылась, оттуда появился отрешенный с виду мужчина. Он держал в руках святое писание, а поверх черного балдахина был наброшен нарядный ворот, в который жрецы обряжались на торжественные церемонии.

— Ну что, вы готовы? — он встал перед алтарем, готовый как провести церемонию, так и отправиться на покой, если они откажутся. Ожидая ответа, он снова смотрел на Дэррека, а Дэррек не сводил взгляда с ее лица.

Давай, Майя, как сотню раз до этого, прими правильное решение. Верь мне! Верь себе
Верь!

ЭПИЛОГ

Прошло чуть меньше года.

Майя подхватила подол платья, который, казалось, только то и делал, что мешал идти. Уже в третий раз она останавливалась на несколько секунд, чтобы перевести дух. Холм не собирался поддаваться ее напору просто так. Но и она не собиралась сдаваться. Несколько глубоких вдохов, сердце чуть успокоилось, а значит, можно идти дальше. Девушка мысленно хвалила себя за то, что надела самые удобные свои туфли, а то пришлось бы по-настоящему туго. Видимо, и правда, отсутствие тренировок дает о себе знать. Последний рывок, осталось совсем мало.

— Фуууух, — она тяжело выдохнула, когда на смену пригорку пришла равнина. Ура! Смогла, добралась. Может никто и не узнает о таком ее «подвиге», и она на это даже надеется, но для нее это настоящее свершение. Высокий старый дуб стоял на своем месте, создавая нужную даже не в такой жаркий день тень. Зенит лета прошел, и снова ночи становятся длиннее, дни короче, а солнца меньше.

Под деревом, как и когда-то, стояла лавка, на которой спокойно могли устроиться уставшие после подъема странствующие, но намеренно игнорируя ее, Майя обошла дерево. Прислонилась спиной, завела назад руки, обнимая мощный ствол. Она верила, что растения умеют делиться энергией, и просила сейчас этой энергии у лестного красавца, не только для себя.

Ветер гнал по небу облака, создавая тень, быстро сменяющуюся пекущим солнцем. Майя закрыла глаза, поставляя лицо этой забавной перемене — когда сначала кожу целует солнечный луч, а потом его поцелуй стирает порыв ветра. Хорошо... Так спокойно. Вдалеке от мира ей всегда спокойно. Может, она сейчас ведет жизнь настоящего затворника, но ведь это именно то, чего она хотела.

Как много изменилось за последний год. И подумать когда-то было сложно, что все сложится так. Майе иногда казалось, что в ее жизни просто перепутался сон и реальность, и даже этот самый дуб ей сейчас просто снится, а проснется она в другом месте.

— Привет, — на смену солнечным поцелуям, пришел легкий, коснувшийся щеки так мягко, но уже настоящий. — Ты опять не послушалась? — рука протиснулась между деревом и ее поясницей. Стало намного удобней.

Майя не ответила, продолжая улыбаться лучам солнца, а теперь и тому, чей взгляд чувствовала даже через закрытые веки.

— Если ты такая непослушная, то чего же мне ждать от дочери? — Дэррек положил вторую руку на большой уже живот, и в качестве награды, или подтверждения своих слов, почувствовал удар невидимой ножки.

— Ты тоже обещал не уезжать, — Майя накрыла своей ладонью его горячую руку. Ребенок чувствовал отца, и каждый раз, стоило Дэрреку появиться на горизонте, малыш устраивал настоящие пляски.

— Я вернулся.

— Вернулся, — Майя открыла глаза, встречаясь с темным, внимательно смотрящим на нее взглядом. И опять, как и каждый раз, когда он был рядом, радужки девичьих глаз стали

насыщаться светом, сначала мягким, бледным, а уже через мгновение синим, как морское дно. — Я скучала, — обвив шею мужа, Майя потянулась вверх, чтобы получить новый поцелуй. Доказывающий, что он скучал не меньше.

Дэррек легко коснулся красных губ, раз, еще раз, потом прижался на несколько секунд дольше, снова оторвался, заставляя жену потянуться навстречу, и уже потом, улыбнувшись ее послушанию хоть в этом, поцеловал по-настоящему.

Он уезжал ненадолго. Вчера было голосование палаты. Выбирали нового председателя. Нового выбрать не удалось, По единоголосному решению должность осталась за графом Винсентом.

— Как ты меня нашел? — Майя оторвалась от губ, снова заглядывая в гипнотизирующие глаза.

— Ты сама пришла ко мне. Я просто не отпустил.

— Нет, сейчас, как нашел сейчас? — каждый раз, когда он говорил подобное, сердце начинало трепетать как птица, щекоча крылышками так, что не улыбнуться было нельзя.

— Спросил у Сони. Она сказала, что ты захотела побыть наедине с собой, — это правда. Вот уже неделю у них гостило младшее поколение Винсентов, в отличие от Дэррека и собственного отца, Витор в палате не заседал, а значит, именно ему Дэррек и поручил следить за женой, пока он будет в отъезде. Судя по тому, где он ее нашел, родственник со своим заданием не справился.

— Да. Я уже устала... — в последние дни все чаще болела поясница, а помогали только заботливые руки мужа, который не мог проводить дни напролет с ней. А жаль. Иногда даже до слез. Которые успели высохнуть до их встречи, иначе пришлось бы отвечать еще и на вопрос, в чем их причина.

Срок родов неумолимо приближался. Врач был готов приехать в любой момент. Только титанические усилия Майи смогли переубедить Дэррека, поселить его в доме, чтобы в нужный момент за ним не пришлось посылать. Попадайся он на глаза ежеминутно, Майе казалось, она ушла бы из дома сама, так было боялась...

Это должен быть ее первенец, его первенец. И ей было ужасно страшно. Страшно рожать, страшно, что она родит девочку, и что эта девочка будет похожа на нее. Она не желала своим детям тех двадцати лет, которые прожила сама. Хоть и понимала теперь, что знай она, что обретет, не сомневаясь, прошла бы весь путь заново. Говорят, ребенок похож на того из родителей, которого партнер любит больше, и Майя пыталась любить его так, чтобы больше было уже нельзя.

— Пошли домой, — Дэррек подхватил жену на руки. Майя согласно кивнула. Ее угнетал дом без него, ее угнетала без него вся планета, а с ним она готова была идти на край света, не спрашивая, зачем и как это далеко. Главное, что вместе.

Она сказала тогда «да». Решила рискнуть и не прогадала. Наверное, впервые она согласилась не потому, что об этом просили или это было кому-то нужно, а лишь потому, что так хотела сама. Она хотела его любить, и хотела, чтобы он любил ее.

Девочкой, Майя мечтала о собственной свадьбе, о куче гостей и сотне восторженных взглядов. Но если бы сбылась та мечта, счастья она бы не испытала. Слишком изменилась. А вспоминая свой свадебный день даже сейчас, почти через год, по телу бежали мурашки.

Жрец читал древнюю молитву. Но не ту, которая еще утром звучала на свадьбе сестры.

Там не было ни слова о долге и повинности, о богатстве и бедности, болезни и здравии. Он говорил о вечности, об общей для двоих вечности. О том, что нет больше их по отдельности, что теперь они одно целое. Что нет больше ее желаний или его прихотей, что теперь чего желает он — того хочет она и наоборот. Что только вместе они живут, только друг в друге они существуют. А свечи все трепетали, играя огоньками, будто чувствовали ее дрожь, будто, как и она, не могли успокоить расцветающий в душе сад.

Сами небеса благословляли их союз. Его не порочили сотни взглядов, не пачкали завистью и непониманием. Майя чувствовала, что в мире сейчас только они вдвоем, а голос, читающий молитву — это нитка, напрочно сшивающая их души. И было не больно, больше не больно.

— Идем, — как только жрец захлопнул книгу, давая позволение поцеловать нареченную, Дэррек сжал ее в объятьях так сильно, что стало тяжело дышать. И поцеловал, теперь уж точно будучи уверенным, что она никуда не убежит. А если попытается, он найдет.

— Куда? — Майя, извиняясь, посмотрела на следящего за ними жреца. Он будто чего-то ждал. Но дождаться было не суждено.

— Домой! — и не заботясь о получении ее одобрения, Дэррек подхватил бесценную ношу на руки, помчался из храма еще быстрее, чем неся сюда. Лишь улыбнувшись из-за его спины безразличному жрецу, Майя смогла хоть как-то его поблагодарить.

Мост был так же опущен, ворота открыты, а на лес опустилась кромешная ночь.

— Трогай, — Дэррек помог забраться в карету Майе, бросил приказ серьезному кучеру, а потом забрался сам.

Теперь Майя села напротив, не веря до конца в то, что только что произошло. Может это и вправду сон? Может она упала и ударилась головой? Может сейчас окажется снова лежащей на траве с огромной шишкой на лбу?

— Иди сюда, — заметив этот странный, светящийся, но неуверенный взгляд, Дэррек раскрыл объятия, приглашая получить несомненные доказательства реальности всего происходящего.

Стоило протянуть навстречу руку, и она уже оказалась сидящей на коленях у мужчины, который теперь был ее мужем. Ее. Мужем.

Не желая тратить времени зря, Дэррек завладел ее губами, снова вспоминая их сладость, пытаясь напиться из источника. Вспомнив, что так и не сказал ей, как она сегодня красива, он нехотя оторвался.

— Прости, что ты так недолго была невестой, — Майя зарылась ладонью в темные волосы на затылке, вспоминая, как любила это делать раньше.

— Из меня вышла бы плохая невеста. Да и жена получилась не по канонам, — она посмотрела на свой наряд. Ни фаты, ни белого платья, лишь кольцо, даже два — обручальное и подвенечное — теперь были единственными доказательствами того, что она была и невестой и женой.

— Глупенькая, ты читала не те книжки... — Дэррек коснулся кончиком носа ее щеки, наслаждаясь тем, что теперь было по праву его. — Герцогиням положено выходить замуж в синем. А королевам в красном.

— Так я угадала? — Майя нежилась, ощущая ласку рук, путешествующих по спине, и слегка колючую щеку кожей шеи, куда он снова целовал.

— Почти, — от смеха, вызвавшего щекотку, жилка на шее затрепетала еще сильнее.

Задавать больше вопросов она не могла, реальность куда-то ускользала, оставив только возможность чувствовать.

И снова, как и по дороге сюда, Майя не имела ни малейшего понятия, сколько продлился путь, только теперь уже не страх мешал ей следить за временем, а сводящий с ума мужчина.

— Ты устала. Тебе нужно поспать, — слегка приподняв, он пересадил Майю с колен на кресло возле себя. Не такой она должна запомнить их первую брачную ночь. Не в трясущейся карете, посреди ночного леса.

Когда он увидел в ее глазах разочарование, почти передумал.

— Впереди длинная ночь, голубка, очень длинная, — и, притянув ближе к себе, посмотрел во тьму за окном.

Если до его слов Майя еще могла бы заснуть, хоть и было обидно, то после по телу опять прошла волна трепета, заставившая не только поверить, что ночь будет длинной, но и представить, насколько.

Как всегда, прав оказался все же он — уже через несколько минут веки девушки отяжелели, а возбуждение от пережитого за день сменилось спокойным сном в крепких объятьях.

— Мы приехали, — щеки коснулись теплые губы.

Майя встрепенулась, представляя, как сейчас выглядит, а ведь предстоит показаться на глаза родных. Что они подумают?

Дэррек вышел из кареты, впуская внутрь холодный воздух. В его объятьях было тепло, а вот на улице, кажется, самая настоящая осень. Майя попыталась оправить одежду, понять, что творится на голове, но и этого он сделать ей не дал, снова подхватывая на руки.

— Я должен перенести тебя через порог, жена, — Дэррек поцеловал ее в нос, разворачивая лицом к дому.

Домой. Они приехали домой, вот только Майя никак не ожидала, что дом — это его фамильное имение. То, которое она покидала когда-то, отчаянно ненавидя. Увозя с собой только боль и страдания. И вот, горящие в нем окна снова угрожающе нависали над ней. Мужчина взлетел по ступенькам крыльца, открыл дверь ногой, оказавшись в том же холле, где когда-то встречал их посреди ночи. Огромная люстра освещала его, вверх вела все та же лестница. Тут ничего не изменилось. Так же стремительно как поднял, Дэррек поставил ее на ноги, перехватив руку.

— Дэн! — стоило только позвать, и дворецкий уже мчался вниз по лестнице.

— Ваша светлость, мы ждали вас, но нужно было еще подготовить комнаты, простите, я отлучился.

Инстинктивно Майя опять спряталась за спиной мужчины. Она не была готова снова вернуться сюда, ей нужно было для этого сначала справиться с собой. Подготовиться к тому, что воспоминания могут ожить с новой силой.

— Хорошо, это неважно. Ты голодна? — Дэррек обернулся, внимательно смотря в растерянное лицо Майи.

Голодна? Она не знала, он застал ее врасплох.

— Мы голодны, Дэн, вели подать ужин.

Дворецкий запнулся на одной из нижних ступенек, увидев, что его светлость не один, а

когда увидел с кем, запнулся еще раз.

— Подготовить для леди гостевую комнату, ваша светлость? — Дэн немного сощурился, пытаясь вспомнить, как же зовут эту девочку, которая когда-то провела у них целых два месяца, а уехала с огромным скандалом.

— Ее комната готова, Дэн, я хочу представить герцогиню Мэйденстер... мою жену, — он снова обернулся, уже во второй раз называя ее так. Жена.

И не ответить на его улыбку, Майя не могла. Как бы ни было непривычно, как бы ни было неожиданно оказаться снова тут. Она с ним, тут или в любом другом месте, главное, что с ним.

Они не видели, как вытянулось лицо бедного седовласого домоправителя. Заботься его светлость хоть чуть о его здоровье, не стал бы так ошарашивать. Жена. Анибалът. Оскандалившаяся с гостем. Жившая месяц в покоях будущей герцогини. Постепенно в голове началась складываться картинка, которой ему нужно было или срочно поделиться, или лопнуть от всей полученной информации.

Из холла они попали в столовую, в которой когда-то произошло так много. Майя бросила взгляд на свое привычное место, в самом конце огромного дубового стола. Тут сидела Соня, тут Витор, а тут еще десяток бывших гостей. Тут, Майя посмотрела на камин, мужчины сидели после ужина. Тут, на стеллаж — она брала книги.

— Я надеюсь, теперь-то ты не откажешься сидеть, на месте хозяйки? — Дэррек легонько потянул ее в противоположную от привычной ей сторону.

Им подали настоящий праздничный ужин. Вино, фрукты, мясо. Лишь положив в рот первый кусочек, Майя поняла, что по-настоящему проголодалась. Как и бедная Соня, боявшаяся съесть лишнего на своем собственном празднике. Соня! Родители!

— Ях! — она отложила приборы, подняв испуганный взгляд на внимательно следящего за ней мужчину.

— Что такое? Пересолили? — он склонился к растерянной Майе, поцеловал в уголок губ. Ради этого мужчины соглашаются на брак, чтобы переживать сотни таких моментов, как этот.

— Ведь никто не знает где мы! Маме нельзя волноваться! — испуг грозил перерасти в настоящую панику. Как она могла забыть о родных? Страшно представить, что же они сейчас думают! Она испортила бедной Соне самый счастливый день в ее жизни! Слишком живое воображение Майи уже красочно вырисовало картину метаний родителей, поисков их перевернутого экипажа или бездыханных тел. — Мы должны вернуться, — она схватила с колен салфетку, готовая мчаться обратно в ночь, если потребуется даже верхом.

— Не должны, — удивительно спокойный Дэррек положил руку на ее колено, призывая остаться на месте.

— Ваши... твои... — она исправилась, под слегка насмешливым взглядом мужчины, — родные тоже остались там одни! Думаешь, они не станут разыскивать? Одно дело — я, и совсем другое — герцог. Мы должны вернуться!

— Они знают, где мы.

— Но ведь мои родные не знают!

Прежде чем ответить, Дэррек снова наклонился ближе.

— И твои знают, — и с удовольствием наблюдал за тем, как в тысячный раз эмоции сменяются на ее лице.

— Как???

— Ты всю жизнь жила с предателями, они помогали мне. В войне за тебя у тебя не было союзников.

— Что они знают? — в горле снова пересохло, этот день однозначно должен был порядком лишить ее нервных клеток. Вот только над их восстановлением придется работать уже ему.

— Только то, что я тебя люблю, и что сегодня вечером ты стала моей женой. Они, Витор, герцогиня, подозреваю, что и Мэгги, и не удивлюсь, если не от мамы, но от Дамиана. Знает и он. Так что, Майя, если ты попытаешься сделать вид, что брака не было, поверь, я найду сотню его свидетелей. Ну что, десерт? — она готова была его сначала расцеловать, а потом убить, и снова расцеловать, и снова убить. Но главное — все же расцеловать.

— Нет. Я наелась, — она скучала по нему не меньше, чем он по ней.

Улыбка сошла с лица Дэррека, он ждал этого момента и в то же время его опасался. После того, что натворил, готов был ждать столько, сколько ей потребуется, чтобы перестала бояться. Готов был пожертвовать ночью, десятком ночей, чтобы это случилось тогда, когда она будет готова.

Подниматься по лестнице, по которой она когда-то выходила навсегда, было странно, а особенно волнующе ощущать на себе обнимающие руки, разворачиваться через ступеньку, чтобы получить еще один поцелуй. Длинные коридор, двери, двери, двери. Ее первая комната с пятном на потолке. Кабинет, тревожный, мимо него она попыталась проскользнуть быстрее. Библиотека с глобусом, где все началось по-настоящему. Дом с привидениями. Но она сможет ужиться и с ними. Попытается.

Две смежные двери. Обе закрыты, из-под обеих сочится мягкий свет. Такие одинаковые, но настолько разные, за одной скрывалось счастье, а за другой боль и унижение. Двери, как и чувства, были так близко. Майя потянулась к двери его покоев, но обернулась, когда мужчина остановился как вкопанный.

— Что? — снова она не совсем понимает его.

— Мы должны закончить одно дело, — и подойдя к ее двери, Дэррек надавил на ручку. Нет, заходить туда Майя была еще точно не готова. Ведь она только училась верить, а верить там было сложно, слишком хорошо она помнила проведенные тут мучительные часы.

Майя остановилась на пороге. Ничего не изменилось. Все та же кровать, то же трюмо, маленькое окно. Комната, не успевшая стать по-настоящему ее, а потом оказавшаяся совсем чужой, снова вернулась из задворков памяти. Сзади закрылась дверь, от звука щелчка Майя слегка вздрогнула.

Нужно успокоиться. Это всего лишь прошлое. Воспоминания, которые больше никогда не повторятся. Которые она выбросит из памяти. Потому что она его любит, и он тоже.

Дэррек обошел Майю, скрывая от ее взгляда кровать, на которую девушка смотрела с ужасом, сглатывая подкативший ком страха.

— Посмотри на меня, — послушаться она не могла. — То, что произошло тогда в этом комнате, мой грех, я злился на весь мир за то, чего лишился, а мстить решил именно тебе. Потому что ты была передо мной беззащитной. Больше никогда. Клянусь, никогда ты не почувствуешь того, что испытывала тогда. Только тебе решать, когда ты готова попробовать забыть. Твое «нет» — единственное, что имеет значение. Одно твое слово, и я буду ждать столько, сколько нужно. Я люблю тебя, а значит, люблю и тело, и душу. И ты нужна мне телом и душой. Только тебе решать.

Он собирался сдержать слово. Если она не готова, он уйдет, оставит одну. Нет смысла

делать вид, что этого не было. Было! И об этом знают они оба. Было, а значит, это нужно искупить, а не задвинуть на дальнюю полку.

Это понимала и Майя. Он прав, она может быть не готова была сюда вернуться, но ведь возможно, не была бы готова никогда. И только тут, в месте, где все разрушилось, они должны начать строить снова.

— Нет, — Дэррек склонил голову, принимая ее решение. — Не нужно ждать. Я не хочу ждать, — и снова, как когда-то, она обвила шею, привставая на носочки, чтобы дотянуться до любимых уст. Только он сам может заставить ее забыть. Хотя не заставить, а создать новые воспоминания.

Дэррек подхватил жену, поднес к кровати, но не бросил, как когда-то, а бережно опустил на мягкое шелковое покрывало.

— Где было больно? — в синих глазах на секунду возник страх, но она попыталась в тот же миг его заглушить.

— Нигде, — настолько уверенное, насколько могла. Она не станет помогать ему мучить себя. И правда давно простила, просто прощение не несет забытья, а жаль.

— Значит везде, — он провел по молочной щеке, доказывая, что его прикосновения могут быть нежными, очень нежными. Спустился на плечо, стягивая цветочную бретельку. И начал целовать там, где точно помнил, когда-то оставлял болезненные следы.

При каждом поцелуе Майя вздрагивала, сжималась всем телом, и заставляла себя расслабиться. Это оказалось не так просто, как она себе представляла. Со страхом девушка ждала того момента, когда почувствует покрывало спиной. Ей казалось, что тогда с паникой справиться будет слишком сложно.

— Если не хочешь... — Дэррек на секунду оторвался от белой кожи, возвращаясь к глазам.

— Хочу, — и подтверждая свое совсем неуверенное желание, Майя прильнула ближе. Справиться с россыпью пуговиц для него не составило труда, как и ей освободить мужа от рубашки. И снова ощутив, как под пальцами напрягаются мышцы, Майя почувствовала свою силу, о которой он говорил. Вот она — ее власть. Над его частью их общего тела, над его частью их общей души.

Страх постепенно пропал, а вместе с ним и стыд, когда Дэррек оторвался от нее на минуту, Майя встала с кровати. Платье, не сдерживаемое больше ничем, упало к ногам, оставив ее в одном белье. Он сам учил ее когда-то, что в отношениях нет места чувству стыда, и стыдно не было ни капли. Особенно, когда она увидела, каким взглядом смотрит муж, он теперь ее муж. Протянул к ней руки, приглашая подойти, и она послушалась, села на колени, снова оказалась наравне с ним, даже ближе, чем могла представить.

Ласточка, лежавшая на скрытой под корсетом груди, поднималась и опускалась с каждым вздохом, но это не имело никакого значения. Ведь она снова была его.

— Жена, — Дэррек поцеловал нежную скулу, касаясь пальцами кожи под кружевом чулка. — Моя жена, — соблазнительница сладко улыбнулась, ей нравилось такое обращение.

— Муж, — шепнула на ухо, как делала всегда, когда хотела сказать что-то важное. — Любимый муж, — и лениво поглаживающие кожу ладони чуть сжались, почувствовав, как от слов возбуждение растет даже больше, чем от действий.

Свой страх она пыталась скрыть от него, да и от себя самой, под маской уверенности. Заставила себя сдержать испуг, когда вслед за платьем на полу оказалось белье, когда в

сторону был отброшен ремень, брюки. Сложно было заставить себя понять, что сейчас ей хорошо, очень хорошо, а то, что время от времени перед глазами стоят образы, это глупости.

— Майя, ты же помнишь? — Дэррек продолжал держать ее в объятьях на коленях, прекрасно понимая, что она все так же боится. — Что если ты передумаешь, только скажи...

— Не передумаю, — и подтверждая свои слова, Майя толкнула его на постель. Сильные руки потянули ее за собой. Чувствовать теплое тело намного приятней, чем скользкие простыни.

Он думал, что уже забыл, какая она, какие мягкие у нее волосы, ограждающие пеленой от всего мира, так отзывчиво ласке тело. Забыл, что стоит пощекотать между ребрами, как она невольно улыбается.

Майя рассмеялась ему в губы, почувствовав щекотку. Она тоже успела забыть, как много секретов ее тела он знает, и как умело ими пользуется.

Но уже совсем скоро на смену смеху пришло другое чувство. Ведь это их первая брачная ночь. Первая. Для нее она должна быть первой. А получилось все не так.

— Что? — Дэррек заметил перемену в ее взгляде, снова немного похолодевшем.

— Ничего, — Майя поцеловала мужчину в щеку.

— Майя... Мы ведь договорились, — он аккуратно снял жену с груди, опустив рядом на кровать, а сам резко сел, отворачиваясь. Дэррек расценил это как очередную вспышку страха, которую не мог терпеть, точнее не мог смотреть на то, как терпит она.

— Нет, — Майя обняла мужа со спины, не давая подняться. Она не хотела, чтобы он вышел через разделяющую их спальни дверь. Одиночества она боялась больше, чем собственных воспоминаний. Он просто неправильно понял. — Я только подумала, что первая брачная ночь должна быть не такой.

— В смысле? — не ожидавший такого странного признания, Дэррек оглянулся.

Как всегда, когда ей было неудобно, Майя смотрела куда угодно, но только не на него.

— Просто... Просто невесты должны вести себя не так... Не знать всего того, что... Что знаю я... — и она залилась краской. Не краснела, оказавшись совершенно нагой перед ним, не краснела, разглядывая его тело, не краснела, испуская вздохи от ласки. А теперь белая кожа покрылась розовыми пятнышками.

— Должны быть невинны и испуганны? — он обернулся, не веря до конца, что не ослышался. Майя, все еще виновато опустив голову, кивнула. — Должны прятаться от мужа за простыней, пытаюсь спасти свою честь? — еще один кивок. — А пытку поцелуями выносить с каменным лицом? — немного больше прежнего поколебавшись, Майя все же снова кивнула.

Он снова сгреб ее в охапку, только на этот раз оказался сверху. Ну вот, и даже так было не настолько страшно, как реши он уйти, оставив ее одну.

— Мы, конечно, можем поиграть с тобой в эту игру, но сомневаюсь, что из этого что-то выйдет, особенно после того, как я ждал тебя три месяца, — и чтоб она не сомневалась в том, что он и правда сдерживается из последних сил, Дэррек на минуту позволил целовать ее так, как хотел, без опаски, что она ускользнет, не сдерживая себя, не допуская возможности, что это все не получит логического завершения.

Он не заводил ее руки за голову, чтобы обездвижить, а наслаждался тем, как они путешествуют по шее, плечам, груди, спине. Не оставлял болезненных следов от поцелуев на нежной коже, а залечивал когда-то нанесенные раны прокладывая новые дорожки.

Страх вернулся только тогда, когда ладонь легла на внутреннюю сторону бедра. Но

стоило спросить саму себя, хочет ли она этого, и получить в ответ громогласное да, как тело снова расслабилось.

Несмотря на то, что сам уже сдерживался из последних сил, он ждал того момента, когда будет точно уверен — все делает правильно.

Майя наслаждалась всем происходящим, чувствуя, как внутри снова растет сгусток энергии, увеличивающийся каждый раз, когда известных только ему точек касаются нежные пальцы. Отвечая на эти касания, Майя впивалась ногтями в кожу, оставляя следы или выдыхала стоны, которые Дэррек пытался поймать.

— Пожалуйста... — в один момент она поняла, что ожидание — худшая пытка, что единственный, кто может сейчас справиться с комом боли и нетерпения — он.

— Ты любишь? — она еще ни разу не сказала этих слов так, как он хотел услышать.

— Да. — Майя закрыла глаза, сосредоточив все чувства только на том, как он медленно сводит ее с ума.

— Скажи это.

— Люблю, — по телу пробежали мурашки, предвестники того, что терпеть дальше его пытку становится все сложнее.

— Не так.

— Я люблю тебя, — он так хотел услышать из ее уст эти слова. Чтобы знать, точно знать, что она больше никуда не денется. Только любовь может ее удержать. Ни клетка, ни цепи не смогут удержать его голубку. А вот любовь может. И она любит.

— Я люблю тебя, — не имели значения больше ни стены, такие же, как тогда, ни та же кровать, ни то, что они тоже не изменились. Теперь все было по-другому. Не было в его движениях желания унижить, она открывалась без страха. Чувствуя, как с каждым движением, они становятся все ближе, сердца бьются все быстрее, а пальцы снова переплетаются.

— Ты родишь мне дочку? — Майя выгнула спину, принимая его в себя без остатка.

— Да.

— И сына?

— Да!

— И снова дочку? — наконец-то, на него посмотрели синие, как морское дно глаза. Только с ним, только в такие моменты, ее глаза становятся такими.

— Да.

— Синеглазых? — как мама, умных, дерзких, любимых и умеющих любить. Он хотел детей. Детей от нее. Ее детей.

— Да, — только чтобы были похожи на него. Так легче. Чтобы им было легче.

— Я люблю тебя, — теперь вместо того, чтобы отвечать, она должна была доказать свои чувства поцелуем, так как отпускал Дэррек ее ровно на те мгновения, которые требовались, чтобы сделать вдох.

И пусть первая брачная ночь была далеко не первой. Но она была совсем новой. Потому что теперь она знала, что он ее любит. Знала, а не представляла себе. Не боялась того, что любит сама. И не ограждалась больше от мира, как делала раньше. Она кричала миру о своих чувствах, делилась переполняющими ее чувствами, иначе сердце грозило не выдержать, лопнуло бы, разлетевшись на мелкие кусочки.

Дэррек проснулся от того, что почувствовал чей-то пристальный взгляд. Несколько минут он лежал с закрытыми глазами, вспоминая все, что произошло ночью. Теперь он был точно уверен, она соскучилась не меньше, чем он сам.

Продолжая лежать с закрытыми глазами, он расплылся в улыбке.

— Так не честно! — молчавшая до этого шпионка возмутилась такому его поведению.

— Что ты делаешь? — Дэррек открыл глаза. За окном было еще не совсем светло, на часах — половина седьмого. Майя, положив руки на его грудь, устроилась поудобней, облокотившись о них подбородком.

— Жду.

— Чего?

— Когда ты проснешься.

Дэррек провел по шелковистым волосам, спускавшимся по голой спине.

— Я проснулся, — ему было интересно, что будет дальше.

Майя приподнялась, подтягиваясь еще ближе.

— С добрым утром, — и легко поцеловала в губы. Пусть глупо, но каждый раз, не заставая его утром возле себя, она расстраивалась. Все те проведенные вместе дни она мечтала о таком утре. Когда он проснется вместе с ней, как пожелает доброго утра. Как она станет полноправной частью жизни для него, а не только ночной спутницей. — Муж.

— С добрым утром, — он внимательно следил, как губы растягиваются в довольной улыбке. — Жена.

И улыбка стала еще шире. Перекатившись на свою половину кровати, Майя зарылась лицом в подушку, скрывая смех, который уже не могла сдержать.

— Что? — Дэррек облокотился о руку, повернулся, следя за тем, как хрупкие плечики вздрагивают, а подушка заглушает звук, напоминающий писк.

Вдоволь насмеявшись, Майя повернулась к нему. Глаза светились пуще прежнего.

— Мне кажется, я счастлива, — и снова рассмеялась. Теперь уже не прячась.

Утром воду для умывания им принесли в ее комнату, будто так и нужно было. Майю это возмутило, но реагируя на ее замечание, Дэррек только прыснул смехом, заставляя негодовать еще больше. А после его намек на то, что вряд ли кто-то в доме считает, что всю ночь они считали звезды, Майя попросту опять покраснела, а потом отказалась выходить из комнаты. Только уговорами и убедительной угрозой, что он-то готов провести день напролет тут, но вряд ли она справится с такой непосильной ношей, Дэррек смог заставить жену пулей вылететь из спальни.

В холле перед завтраком их уже ждал весь штат слуг, выстроенный в ряд. Герцог представлял обслуге новую герцогиню. Они узнали о том, что его светлость привез странную гостью еще вчера от Дэна. И целую ночь гадали, вспоминали, сопоставляли и приходили к шокирующим выводам. Их хозяин их облапошил. Именно она еще тогда была его любовницей, потому-то и жила в соседских покоях, которые теперь по праву принадлежали ей. Именно этим объяснялся и вечный бардак после бурных ночей, и подпертая креслом дверь в последнюю перед отъездом гостей ночь. И странное поведение хозяина после все того же отъезда, когда он крушил все, переворачивал вверх дном весь дом. Они вряд ли когда-то узнают, что произошло на самом деле, но результат на лицо. Мягко говоря, невзрачная, совершенно непонятная для всех девушка, не идущая ни в какое сравнение с

величественной Розой Смитт, теперь их хозяйка. И слуги с опаской ждали того, какие перемены им предстоит в связи с этим претерпеть.

Неизвестно, кто боялся больше, они или сама Майя, отказавшаяся выпускать руку мужа под страхом смерти. Она не хотела этого, хоть и понимала, что ее желание абсурдно, что рано или поздно об их браке узнают. Но реакции окружающих она боялась. Боялась прочитать в глазах немой вопрос: как он, такой сильный, красивый, умный, величественный решил связаться с ней, мышкой-норушкой?

Но даже если этот вопрос возник, у служащих в доме слуг хватило такта оставить его при себе. Они рассуждали философски — у каждого решения есть свои причины, а значит и у герцога были свои. А какие — не их дело. Главное, чтобы появление хозяйки не внесло новые порядки в их размеренную жизнь.

Как оказалось, быть женой герцога, это не так просто. Потом Майя даже шутила, что знай она обо всем заранее, думала бы соглашаться или нет намного лучше. Но было поздно. Проблема кучи свободного времени пропала сама собой. Его не было. Когда Дэррек скрывался в кабинете, чтобы уладить дела, Майя отправлялась в комнату с глобусом, пытаться свести к общему знаменателю счета на домашние расходы, составить меню на завтрак, обед и ужин, составить список нужных покупок и еще ради миллиона дел, о которых она никогда не заботилась дома. Да и по правде сказать, представить не могла, что рано или поздно это ей понадобится.

Оказывается, подготовка к свадьбе, которая заняла неделю времени, состояла не только в организации ее кражи, убранстве храма, переговорах со жрецом. В комнате Майю ждал новый гардероб, который должен был заменить ее собственный до того, как его привезут.

Целую неделю Майя провела, будто на ножах, учась всему сама. Ей стыдно было подходить со своими проблемами к мужу, ведь узнай он, какая она бестолковая, пожалел бы о своем выборе. Ну как можно неправильно посчитать, сколько было потрачено? Оказывается можно. И целый вечер сидеть в панике от того, что что-то не сходится, тоже можно.

Дэррек был удивлен тому, с каким рвением и отдачей она занялась домашними делами ровно до того дня, когда узнал причину.

По заведенной не так давно традиции, прежде чем спускаться к ужину, если время до они проводили не вместе, Дэррек заходил за женой в библиотеку. Вечно заставлял ее в обнимку со счетоводными книгами, совсем неохотно соглашавшуюся составить ему компанию.

Ему казалось неохотно, по-настоящему Майя предпочла бы проводить время в серпентарии, но не так. А сегодня не получалось ровным счетом ничего. Последней каплей стала огромная клякса на пол листа, оставленная из-за ее неосторожного движения.

К сожалению, Ях не наделил ее железными нервами. Отбросив книгу на стол, Майя расплакалась. От обиды и злости на себя. О каком образовании она думала, если не способна даже на то, с чем нормальные женщины справляются в считанные минуты?

— Герцогиня? — Дэррек заглянул в комнату, улыбаясь в предчувствии встречи с женой, по которой уже соскучился.

Майя не успела скрыть от мужа блестящие на глазах слезы, хоть и пыталась их незаметно утереть.

Он затворил за собой дверь, подошел, присел на корточки, утирая оставшиеся соленые дорожки со щек.

— Что случилось? — Дэррек готов был убить любого, кто стал причиной ее слез.

— Ничего, — девушка отвернулась, стыдясь признаться.

— Майя... — пора бы уже привыкнуть, что он добивается от нее ответа на любой вопрос, уговорами, шантажом, просьбами, властью, лаской. Если не действует одно, обязательно подействует другое. А значит, и скрываться не стоит, в конце концов, он имеет право знать.

— Я не могу, — она бросила брезгливый взгляд на лежащую на столе книгу. — У меня не хватает ума, чтобы справиться с этим всем. Ты взял в жены самое глупое создание из ныне живущих, — и из глаз снова хлынули слезы, которые теперь она не скрываясь смахивала. — Я худшая в мире жена.

Тяжелая голова опустилась ей на колени. Ях, а он уже подумал, что и вправдустряслось что-то страшное. Майя, Майя... Сначала он просто улыбался, но стоило осознать весь комизм ситуации, дрожь, сотрясающая его от смеха, передавалась и ей. И от этого стало еще обидней, а на что она надеялась? Ведь это и правда смешно, что она не может сосчитать нормально до ста, вечно сбиваясь из-за неровного почерка или сомнений, стоит ли там запятая.

Когда он поднял на нее взгляд, в нем играли смешинки.

— Голубка, ведь я брал тебя в жены, а не в домоправительницы. Если тебе это не нравится, зачем ты тратишь на это целый день?

Майя не сразу нашлась, что ответить, она ожидала насмешки.

— Ведь этим должны заниматься жены! Что же еще делать, если не это? — с уст так и рвался ответ, который заставил бы ее изрядно покраснеть, но Дэррек сдержался.

Вместо этого поднялся, взял жену за руку, потянул к выходу. Они прошли мимо лестницы, не завернули ни в коридор, ведущий к спальне, ни в кабинет. Дэррек остановился у двери в ее прежнюю комнату, ту, с мокрым пятном.

— Это должен был стать сюрприз, но раз ты жаждешь деятельности уже сейчас, придется немного изменить план, — он открыл дверь, подтолкнул жену войти первой. В отличие от всего остального дома, которого не коснулись изменения, здесь изменилось все. Это больше не была спальня. Тут не было ни кровати, ни стола, ни шкафов. Зато стояло много нового. Стены пахли краской, так как были только недавно выкрашены. Окно увеличено в размерах, почти такое же, как в его собственной спальне. В углу диван, а прямо напротив огромного окна — мольберт.

— Это твоя мастерская. Думаю, тут тебе будет удобно. В комод, — он указал на красивый, резной шкаф, — много необходимого. Но я не специалист, покупал то, что советовал продавец и мама. Думаю, ты сама докупишь все необходимое. Только запах чуть выветрится, и можно приступать.

Майя смотрела по сторонам, не веря своим глазам. Он сделал это для нее. То, о чем она не могла даже мечтать. Собственная мастерская. Только ее, и именно там, где открывается лучший вид в этом доме. Обернувшись, она обняла мужа так крепко, как только могла.

— Я люблю тебя! Спасибо! — и снова на глаза навернулись слезы, но теперь уже счастья. Чем она заслужила такое счастье? Ях, спасибо тебе, спасибо за него!

— Теперь мы можем поужинать? Или я должен знать о тебе еще какую-то страшную тайну, которая заставит разочароваться в моем решении жениться?

Майя отрицательно помотала головой, продолжая обнимать любимого за шею. Осталась одна единственная забота, которая не давала ей окунуться в свою новую жизнь с головой: ей предстояла встреча с родными.

Как и договаривались когда-то в ателье, пока Майя мерила платье, они приехали через неделю после свадеб. Обоих. И все разом. Все утро Майя провела как на иголках, не обращая внимания на мягкие подтрунивания мужа, который, казалось, был совершенно спокоен. Еще бы! Ведь ему нечего бояться, не за что извиняться, а вот ей... Как только к порогу подкатился один экипаж, а за ним еще два, Майя вылетела на крыльцо, не обратив внимания на очередное замечание мужа:

— Уже уезжаете? Я думал, погостите еще... — не спеша, он сложил газету, поднялся с кресла и медленно пошел вслед за женой.

Первой из кареты вышла Соня. Увидев сестру, расплылась в улыбке, побежала навстречу.

— Майя, я так рада, — прижала к себе так сильно, будто они виделись не неделю, а год.

— Я тоже, — Майя положила руку на сестрину спину с опаской, она почему-то думала, что Соня будет на нее зла, в общем-то, как и все.

Витора, вышедшего вслед за женой, первым поприветствовал Дэррек, крепко пожав руку.

— Честно, ваша светлость, я ставил против вас, — друг подмигнул оглянувшейся на него Майе.

— Почему-то я даже не сомневался, — но не было в их перепалке и намека на то напряжение, которое сопровождал любой разговор в кабинете на втором этаже.

Майя удивилась, увидев маму — она не могла даже предположить, что та решится на такой дальний путь, а ведь совсем скоро им предстояло возвращаться домой.

Им всем: и маме, и папе, и Соне с Витором ей было стыдно смотреть в глаза. Как быстро они отошли на второй план, как быстро Дэррек смог заполнить собой всю ее жизнь. А ведь она никогда бы не подумала, что такое возможно. Вслед за ее родными, на пороге оказались и новые родственники. Герцогиня, которая стиснула ее в объятьях, ничем не уступающих маминым, Мэгги, поздравившая брата с тем, что он наконец-то доказал, что имеет голову на плечах. И Линду, которая лишь натянуто ей улыбнулась. Майя почему-то и не надеялась, что старшая сестра одобрит выбор брата, но все равно стало обидно.

К приезду достаточно многочисленной компании дом готовился со всей тщательностью. И прием удался. Столы ломились от яств, а беседа текла весело и непринужденно. Соня рассказывала о том, что же было на их свадьбе после исчезновения Майи с герцогом. Первым с торжества отбыл генерал, посчитавший, что веселья ему хватило. Майя, извиняясь, посмотрела на отца.

— Не волнуйся, ведь это не я отказал ему, на меня обижаться у него нет причины, — по столовой разнесся звонкий смех. А Майя только пнула мужа под столом, чтобы не радовался больше всех.

Голубей они все-таки выпустили, пташки ждали своей доли в одной из карет. До позднего вечера, когда молодоженов отпустили, произошло еще множество того, о чем можно рассказывать дни напролет. Главное — их исчезновения никто не заметил, и как Майя когда-то надеялась, на поиски никто не отправился.

— А теперь твоя очередь, — закончив рассказ, Соня вопросительно посмотрела на Майю. — На свою свадьбу ты меня не пригласила, — вместо обиды в голосе звучало озорство. Ее маленькая сестренка, теперь замужняя серьезная женщина, совершенно не изменилась.

— Когда ты поняла, что Дэррек запланировал? — вопрос задала Мэгги.

— Когда по неосторожности уже сказала «да» у алтаря, — Дэррек получил очередной грозный взгляд от взволнованной жены, а за столом вновь зазвучал смех.

— И как оно, быть герцогиней? — теперь черед задавать вопросы настал старшей сестре герцога. Только не было в интонации той непринужденности, как в прошлые минуты, ей самой узнать ответ на этот вопрос не суждено, она родилась девочкой, а замуж вышла по любви за всего лишь графа. Стук приборов стал более громким, а отвечать за жену в этот раз Дэррек не спешил.

— Я не знаю. — Майя провернула ножку бокала, следя за тем, как в нем играет красками вино. — Я жена герцога.

Видимо, ее ответ Линду устроил, холод из взгляда пропал. Пусть они вряд ли станут когда-то лучшими подругами, но смотреть на нее волком при встрече женщина не станет.

Больше всего Майя боялась момента, когда ей придется объясняться со всеми наедине. А совместная трапеза — была всего лишь репетицией.

На второй день пребывания в поместье, Дэррек увлек с собой мужчин, чтобы провести им экскурсию по угодьям, на умоляющий взгляд жены, взять ее с собой, он только извиняясь пожал плечами.

Пора уже усвоить урок, что отлынивать — не лучший способ решения проблемы.

Соню она застала в комнате, той же, в которой она останавливалась и тогда, правда теперь она принадлежала уже не Соне Дивьер, младшей дочери графа Дивьера, а леди Соне Винсент, и делила она ее ни с кем иным, как вышеупомянутым лордом.

— Можно? — что бы Дэррек ни говорил, чувствовать себя полноправной хозяйкой в доме она не могла, тем более открывать любые двери без спроса.

— Конечно, — сидевшая в кресле Соня, повернулась, улыбнулась, признав посетительницу.

Майя прошла в комнату, села на край кровати, чувствуя себя как на иголках.

— Прости меня.

Следящая за ней Соня искренне удивилась:

— За что?

— За то, что обманула, что скрывала. Поверь, я бы никогда не стала... Если бы он дышал к тебе равнодушно, я бы...

— Майя! — Соня встала с кресла, подошла к сестре. — Тебе не за что извиняться. Если бы не ты, я никогда не была бы так счастлива, как сейчас. Не вышла бы замуж за любимого мужчину, не просыпалась бы каждое утро не потому, что так нужно, а потому, что увижу его. Это ты меня должна простить, что мы действовали за твоей спиной. Я ведь так и не знаю, что между вами произошло. И не хочу знать, ведь это не нужно ни мне, ни тебе, — Майя облегченно вздохнула, попроси сестра, она бы рассказала, но по доброй воле делать этого не хотела. — Просто Витор ему верил, и папа верил, и даже я. И как оказалось, не зря, ведь ты счастлива?

— Да! — счастлива, совершенно, каждой клеточкой, каждую секунду.

— И это главное, — сестры обнялись, закрывая эту тему навсегда. Им обоим было за что

извиняться и за что друг друга благодарить.

На протяжении проведенной гостями у них недели, Майя получила самый настоящий курс молодого бойца в исполнении мамы и вдовствующей герцогини о то, как стоит справляться со всем домоуправлением. Оказывается, обе женщины были в этом самыми настоящими асами. Искусство заполнения бухгалтерии, закупок, управления слугами оказалось не таким уж непонятным, а времени на все это тратить можно было в десятки раз меньше.

Когда счастливая Майя ворвалась к нему в кабинет, Дэррек подумал, что дом опять опустел, и именно поэтому она так рада, но, к сожалению, его мечты не сбылись. Девушка гордо положила на стол первую самолично заполненную книгу без единого исправления.

— Я не безнадежна! — с гордостью она начала объяснять ему все то, что он и так прекрасно знал, но ради ее удовольствия был готов выслушать хоть сто раз.

— Отлично, когда заведу себе новую жену, предложу тебе все-таки остаться домоправительницей, — шутку она не оценила. Захлопнув книгу, собиралась гордо ретировать, оставив его наедине с размышлениями о подходящей кандидатуре, но он поймал любимую Майю уже у самой двери, смыкая вокруг талии замок из рук.

— Не ревнуй, я пошутил, — вместо губ он поймал щеку.

— Я не ревную. Надеюсь, пока что не к кому, — девушка бросила на него подозрительный взгляд с прищуром.

— Не к кому. Ни сейчас, ни когда бы то ни было, — на этот раз оправдание показалось ей более убедительным, так как отворачиваться во второй раз она не стала. Но как только почувствовала, что действия мужа становятся уж совсем далекими от целомудрия, из объятий вывернулась.

— Кто-то может зайти.

Дэррек закатил глаза. Так всегда, с тех пор, как в доме появились посетители, ему было отказано в любом, даже малейшем проявлении чувств, кроме как в спальне. Стоило попытаться взять ее за руку, когда на горизонте маячил кто-то еще, она выдергивала руку. Страхивала ладонь с талии, будто он делал что-то крамольное. А вечером, после возвращения из поездок, подставляла поцелую щеку. Заметившая ее поведение и его раздражительность Анна посоветовала сыну терпеть и учить ее постепенно, не ломая. И он пытался следовать ее советам, но иногда это было слишком сложно.

— И что же они увидят? Как муж целует собственную жену в собственном кабинете. Голубка, ответь на один вопрос, как думаешь, что делают за закрытой дверью твои родители, или Соня с Витором? Уж поверь, не любятся учетными книгами.

— Дэррек! — чуть ли не впервые после заключения брака она обратилась к нему по имени. Небывалая близость. Но, видимо, его внушение сработало, так как вечером, стоило ему приобнять ее за талию, вместо того, чтобы увернуться, она положила на его горячую ладонь свою, возвращая их привычное равновесие.

Лишь неделю в их доме царил полнейший бардак. Бедный Дэн переволновался больше, чем за все время посещения их летом шумной компании. Когда наступило время уезжать, все вновь собрались на пороге.

— В декабре. В последних числах, но мы еще не знаем точно. Я напишу, и вы обещаете, что обязательно будете! — Линда обняла брата, проанонсировав предстоящее у них закрытие

сезона, даже Майю обняла, хоть и не с такой охотой.

Майя надеялась, что сестра мужа быстро забудет о своей настойчивой просьбе — снова оказаться на светском мероприятии как-то не хотелось.

— Будем.

— Сынок, — герцогиня обняла сына, шепнула ему что-то на ухо, заставив улыбаться, а потом повернулась и к Майе.

— Не знаю как в столице, но у себя я вас жду. Пора уже разбавить и нам с Мэгги свою однообразную жизнь новой кровью.

— Непременно, — свекровь не вселяла в Майю страха, не посягала на ее личное пространство и не вмешивалась туда, куда не стоило. А это было верным залогом хорошего к ней отношения девушки. Кроме того Майя никак не могла перестать удивляться ее уму, она знала обо всем раньше, чем люди, которых это касалось непосредственно.

Возвращаясь в дом, когда экипажи скрылись из виду, Майя уже пыталась мысленно спланировать, когда же какая поездка им предстоит. В декабре — столица, если Дэррек будет настаивать. В феврале — рождает мама, а значит, Майя должна быть там. И где-то между — визит герцогини, и новоселье у Винсентов. Ях, голова идет кругом.

— Что тебе сказала герцогиня? — Майя лежала с закрытыми глазами, плотно прижавшись к мужскому плечу.

— Когда?

— Перед отъездом. Ты улыбнулся, — ей стало интересно сразу, но почему-то именно сейчас она решила свой вопрос задать.

— Скоро узнаешь.

Настоящим подарком для Майи стал приезд еще одного посетителя, точнее теперь уже нового постоянно жильца. Ей привезли Тень. Окрепшего, здорового и готового бороздить новые просторы. А значит, к и без того насыщенной жизни, добавилась еще одна страсть. Даже после того, как первый снег просто выпал, а третий остался гордо лежать, Майя мчалась на всех парах в конюшню, чтобы дать мальчику порезвиться.

После визита родных прошел месяц, зима приближалась стремительней, чем хотелось. Облачившись в меховую жилетку, теплые штаны и сапоги, Майя вышла из дома. У герцога, как всегда в последнее время, было слишком много дел, чтобы проводить время с ней. Рисовать не получалось — не хватало терпения, а от домашней обстановки уже изрядно подташнивало. В такие моменты, обычно спасала прогулка по морозным просторам. Так должно было быть и в этот раз.

Майя зашла в конюшню, улыбнулась обычно приветливому конюху. Не желая отвлекать его от работы, сама зашла в один из загонов, вывела фыркающего Тень в проход.

— Леди Майя... — на смену приветливости, пришла какая-то странная неуверенность. Мужчина мямл в руках шляпу, переступал с ноги на ногу, избегая смотреть ей в глаза.

— Да? — она погладила по морде нетерпеливого любимца. Конюх преграждал им дорогу.

— Вам велено коня не запрягать, — от удивления Майя открыла рот.

— Что значит, коня не запрягать, кем велено?

— Его светлость велели, что если герцогиня в конюшне появится, коня не запрягать и самой не давать, и просили, чтоб вы к нему зашли.

Удивление сменилось сначала шоком, а потом негодованием. Вручив ни в чем неповинному конюху вожжи, Майя помчала обратно к дому. Чтобы выместить весь гнев на том, кто этого заслужил.

Опять без стука она ворвалась в кабинет. Герцог стоял у стеллажа, держа в руках раскрытую книгу.

— Почему мне запрещено брать коня? — она не собиралась ходить вокруг да около, слишком была раздражена.

Дэррек закрыл книгу, не спеша поставил ее на место, заставляя Майю нервничать еще больше, и только потом ответил.

— Я так решил, — его спокойствие — вот что в последнее время нервировало ее больше всего. В то время, как в ее мыслях и чувствах бушевал ураган, он умудрялся оставаться спокойным.

— Прекрасно. Но хочу вам напомнить, ваша светлость, Тень принадлежит мне, и вы не вправе запрещать мне пользоваться моим имуществом!

— Я запрещаю не пользоваться имуществом, я запрещаю жене ездить верхом, на это я имею право? — когда она обращалась к нему «ваша светлость», это был верный признак грядущей бури.

— Это легко исправить, — все чаще в ее голове появлялись мысли о том, что им обоим лучше было бы развестись. Она его любила, но в то же время, наступали моменты, когда не могла даже смотреть в его сторону, боясь, что нагрубит. А зачем это нужно ему, да и ей?

Не обращая внимания на ее ответ, Дэррек подошел, стряхнул с меха все еще оставшиеся там снежинки, такие же, как и на непокрытой голове. Но дотронуться до волос она сейчас не даст, Дэррек знал точно — увернется, шипя о том, что он вечно портит ей прическу.

— Скажи мне, голубка, как ты относишься к детям? — Дэррек чуть склонил голову, ожидая ответа.

Майя посмотрела на него как на сумасшедшего, но все же ответила.

— Я отношусь к детям спокойно. А как еще? Скоро мама родит, и я проведу с ней и братом или сестрой достаточно времени, — про себя она добавила, что заодно отдохнет от него.

— А как ты относишься к своим детям? — в уголках губ заиграла улыбка.

— У меня нет детей, если вы, конечно, не в курсе, — неужели ему нравится смотреть на то, как она выходит из себя, и именно поэтому, он задает такие глупые вопросы?

— А к будущим? — он скользнул рукой под меховой жилет, накрывая теплой ладонью незаметный еще живот.

Несколько секунд Майя непонимающе и все так же раздраженно смотрела на мужа, но потом перевела расширенные глаза на его руку.

Ях, а ведь она полнейшая дурра! Не может быть. Она даже подумать не могла, но откуда тогда знает он?

Дэрреку сказала о том, что он скоро станет отцом еще мама, тогда, прощаясь перед отъездом. Откуда она узнала, он не имел ни малейшего понятия, но после ее слов стал присматриваться к жене внимательней. Сначала ему даже показалось, что мама ошиблась, хоть он и понимал, что увериться в этом не получится так скоро. Но вот уже несколько недель сомнений в ее правоте не осталось. Майя изменилась, часто раздражалась, иногда

плакала без причины, а когда он заставлял ее за этим занятием, просто сбегала. Уже трижды намекала, что не прочь была бы развестись. Перестала заказывать на ужин свой любимый сыр, который, по ее словам, в последнее время совсем испортился, хотя этих изменений Дэррек не заметил. А вчера утром, стоя у трюмо, она взяла в руки флакончик своих любимых духов, смочила пальчик, и прежде чем поднести к шее, решила понюхать, потому что и этот запах, как ей показалось, испортился. Дэррек успел подхватить жену уже почти у пола. Она потеряла сознание. Устроив ее на кровати, он сам отправился за врачом. Тот, завидев на пороге растерянного герцога, перепугался больше мужчины. Как оказалось зря. Герцогиня беременна, а значит, ему стоит готовиться к тому, чему он уже и так стал свидетелем. Майе врач свой диагноз не объявил, только прописал больше отдыха, прогулок на свежем воздухе и витаминов. Радостное же бремя сообщить будущей маме о пополнении легло на мужа.

— Как? — поверх его руки легка ее маленькая ладошка. Раздражение куда-то делось.

— Я могу показать, но мне кажется, ты будешь против того, чтобы делать это в кабинете, — Майя была так ошарашена, что даже не отреагировала на ответ мужа.

А ведь и правда, все признаки были, но она почему-то и предположить не могла. Думала о чем угодно, но только не о такой возможности. Уму непостижимо, она беременна. Она станет мамой. А он — папой.

— Ты ведь помнишь, что я заказывал девочку? Синеглазую? — он воспользовался ее растерянностью в своих целях, пытаясь впервые за последние несколько дней поцеловать не колючего ежа, в которого она часто превращалась, а собственную жену.

О конных прогулках она больше не думала. Выезжая только с мужем, и даже от этих вояжей скоро пришлось отказаться. Слишком Майя волновалась, получалось сомнительное удовольствие.

Узнав причину своего странного поведения, ей стало даже стыдно за него. Странно, когда раздражение было беспричинным, она спокойно отыгрывалась на спокойном как удав муже, а как только оказалось, что причина все-таки есть, спускать пар на нем Майя больше не могла.

Мучительно было все. Иногда ей становилось плохо от обнимающих ее ночью горячих рук, иногда от его запаха, а бывало и такое, что от собственного. Еще дважды Дэрреку приходилось ловить теряющую сознание Майю. Однажды он проснулся от того, что она плакала, свернувшись клубком на противоположной стороне их общей огромной кровати.

— Что случилось? — он утер слезы с лица.

— Я не могу спать, — и снова всхлипнула.

Оказалось, врач запретил спать на животе, чтобы не навредить ребенку, а именно так она привыкла засыпать. Полночи они провели, выбирая удобное положение. Именно тогда и обнаружилась чудодейственная сила его рук, снимающих боль в пояснице. И пусть закончилось все тем, что ей было удобно, зато у него уже через десять минут после того, как они заняли это самое «удобное» положение, затекли все мышцы, главное — она довольна.

Не в состоянии заснуть, ту ночь Дэррек провел, разглядывая блаженное выражение на лице жены. Он был безумно счастлив.

По мере того, как их ребенок рос, одни проблемы пропадали, зато появлялись другие. Часто страдать приходилось ни в чем неповинному Дэну, который разыскивал клубнику посреди декабря.

Дэррек вспомнил о приглашении сестры, в сущности, только потому, что всерьез начал волноваться за то, что находясь постоянно в четырех стенах, Майя рано или поздно найдет приключения на свою голову. Периодически именно это с ней и происходило. Стоило жене пропасть из виду, стоило перестать доноситься звукам из их спальни, библиотеки или ее мастерской, Дэррек тут же бил в колокола, поднимая весь дом на поиски жены. Чаще всего она находилась либо на чердаке, разбирающая старый пыльный хлам, либо без верхней одежды где-то в саду, ведь ей вечно было слишком жарко, либо еще где-то, но непременно там, где, как Дэрреку казалось, беременной женщине находиться не стоит.

Им обоим нужно было развеяться. Ему усмирить свою чрезмерную опеку, ей вспомнить, что жизнь куда шире, чем начинает казаться через несколько месяцев, проведенных с ним одним. А значит, появилась еще одна причина показаться на закрытии сезона.

Сама Майя ехала туда с единственной целью — Соня все еще была в столице, а сообщать о подобном лучше лично.

Всю дорогу до города Майя благополучно проспала, пригревшись в объятьях мужа. А потом впервые оказалась в еще одном из множества владений герцога. Она никогда не говорила о домах, экипажах, лошадях как о своих. Хоть Дэррек часто ее поправлял, она всегда называла эти вещи принадлежащими ему. Ей нужен был он. Остальное — не так-то важно.

У них был целый день перед тем, как предстояло посетить запланированное мероприятие. Единственный визит, который Майя собиралась осуществить — Соня и Витор. И они побывали у них почти сразу. Как они отреагировали на новость? Наверное, так, как это должна была сделать сама Майя, они были счастливы, совершенно искренне, без задней мысли, в отличие от будущей мамы, у которой все чаще возникал вопрос, каким же родится ее ребенок?

А уже вечером чете Мэйденстеров предстояло впервые выйти в свет как мужу и жене.

Слухи добрались из поместья до столицы очень быстро. Как Майя узнала из ненавязчивого замечания Дэррека, об их свадьбе напечатали в газете, подтвердив кажущиеся всем совершенно бредовые рассказы. А значит, анонсированное Линдой появление Дэррека должно было стать залогом аншлага на мероприятия.

— Ты готова? — Дэррек подошел сзади, обнимая, положил руки на пока что только осязуемый, но практически невидимый живот.

Майя нервничала, очень. Выбирала наряд дольше, чем когда-либо. Перед ней стояла невозможная задача — ей нужно было выглядеть соответствующе мужу. А это, как оказалось, невозможно. Слишком бледна, слишком сера, сливается, снова бледна. Она сменила десяток платьев и уже начала мерить заново, когда отчаялась окончательно. Раньше ее хотя бы нельзя было упрекнуть в плохой фигуре, а теперь, скрывая беременность, пришлось забыть даже об этом единственном плюсе. Дэррек бы спросил, зачем скрывать? А она уже предчувствовала и без того достаточное количество оценивающих взглядов, и не хотела, чтобы оценивали еще и их не родившегося еще ребенка.

— Готова, — она остановила свой выбор на изумрудном платье с завышенной талией, достаточно открытым декольте и рукавами в три четверти. На шею она впервые надела один из десятка подарков мужа — изумрудное кольцо из белого золота, кованного необычными завитушками, увенчанными мелкой россыпью камней, и такие же сережки.

Они немного опоздали, большинство приглашенных были уже тут. На входе их встречали обе сестры его светлости. Вдовствующая герцогиня поручила младшую опеке опытной старшей, а впоследствии обе были в выигрыше. Старшая — зарабатывала баллы доверия матери, а младшая — получала полную свободу действий.

Им Дэррек еще не сообщал радостную новость, оставляя право решать, когда пора это делать — за Майей. А она пока не хотела. В зале было оченьлюдно. А значит, и душно. Как только они оказались в помещении, Майя чуть сильнее сжала руку мужа, прося поделиться силами. И он не подвел.

Кожей Майя ощущала направленные на нее взгляды, затылком чувствовала, как вслед ей оглядываются. И как ни странно, не с отвращением, как это было раньше, а с удивлением, любопытством, а иногда и завистью. Конечно, если она смогла завлечь его светлость, значит, в ней что-то есть. И каждый пытался понять, что же это. Высший свет совершенно запутался во всем, что судачили об этой скрытной анибальте. Раньше ее записывали в любовницы к мужу сестры, а теперь считали, что она была долгие годы связана с его светлостью, а Роза Смитт — только прикрытие. Но никто не мог понять, почему он решил на ней жениться. Кольца на их пальцах увидели все, значит, о свадьбе не соврали. Может его светлость нуждается в деньгах, дела настолько плохи? Возможно, но чтоб убедиться, должно пройти время. И часть людей, вот уже второй месяц ждала, когда же он объявит о своем банкротстве. Возможно, она заставила его жениться шантажом? И он согласился под страхом неперенной дуэли с ее отцом? А ведь все помнили, какая печальная история связывает род Мэйденстеров с оружием... А может... Может... Может... Была сотня вариантов, но ни один человек не предположил, что их свадьба — просто последствие любви.

Тогда же они вновь танцевали на глазах у честного народа. Вновь остальные пары предпочитали скорее смотреть, чем следить за собственным передвижением по кругу. И сначала Майя очень нервничала по этому поводу, ведь казалась себе еще более неуклюжей, чем в прошлый раз, а потом...

— Наплюй на них, голубка. Ты ведь только моя, а я твой, танцуй со мной, — Дэррек снова, как тогда, прижал ее, пожалуй, слишком интимно, шепнул на ухо, а потом отступил, дожидаясь ее реакции.

Она не посмела послушаться. Да и зачем, если он всецело прав.

Скорей всего, ей до конца жизни то и дело придется ловить на себе заинтересованные взгляды. Скорей всего, будут те, кто никогда не поверит в искренность их чувств, но ведь смысл ее жизни теперь не в том, чтоб кому-то что-то доказывать, а в том, чтоб не упустить ни секунды дарованного свыше счастья.

Этот их танец был очень красивым. Мэган потом сказала Майе, что следя за ними, забыла как дышать. А Майя лишь кивнула, заливаясь краской. Не только из-за того, что слышать похвалу было непривычно, но и потому, что в те минуты тонула в глазах мужа, напрочь позабыв о том, что кто-то продолжал на них смотреть.

Оказавшись в городском доме, Теперь уже герцогиня Мэйденстер поняла, что повторить этот опыт еще раз пока все же не готова. А потому следующие три дня провела как можно дальше от городской суеты. Хоть и говорят, что покупать вещи до рождения — плохая примета, Майя не удержалась, проезжая мимо магазина готовой одежды, она увидела в витрине очаровательное платье, его и купила. Оно было настолько крохотное, что сложно даже поверить, что в него может поместиться настоящий человек. Дэррек заказывал девочку,

а у девочки должно быть много красивых нарядов.

Вернувшись в поместье, Майя поняла, что теперь это и правда ее дом. Они вернулись домой. С каждым днем становилось все холодней, зимние пейзажи не заставляли Майю желать взяться за краски, а вот Дэррека рисовать она любила. Рисовала его во время работы, сосредоточено чертя карандашом, пытаясь запечатлеть все до малейшей детали. Он не возражал — так спокойней, когда она постоянно в поле зрения.

В один момент Майе дико захотелось сделать кое-что, и, рассудив, что беременным прихоти прощаются, она отложила карандаш, бумагу, встала, обошла стол и остановилась, ожидая, когда Дэррек обратит на нее внимание.

Он не заставил себя долго ждать.

— Ты что-то хочешь, голубка?

— Да, — она убрала его руку с колена, устраиваясь сама, обняла за шею, поцеловала. — Я хочу, чтобы ты знал, что я тебя люблю.

Он улыбнулся такому ее признанию.

— Беременной, ты нравишься мне еще больше, — и подтверждая свои слова, начал красочно описывать все то, как он собирается доказывать свои слова на деле на ухо моментально зардевшейся Майе.

В конце зимы, немного раньше, чем они думали, мама родила сына. Это случилось раньше срока, но мальчик родился здоровым. Над именем они долго не думали, назвали в честь отца. О рождении брата Майя узнала из письма сестры, оно пришло за день до того, как Майя собиралась отправиться к родителям. От этой новости легче вздохнули сразу трое мужчин: Дэррек, не желавший отпускать жену, врач, не желавший терять пациентку из поля зрения и Дэн, мчавшийся на поиски клубники уже с особым вдохновением, новая хозяйка пришла к нему по вкусу.

Так минула зима. А за ней с бешеной скоростью пронеслась весна, и уже почти прошло лето. Дэррек уехал на несколько дней, но Майя провожала его будто на войну. Боялась, что он не успеет вернуться к родам. И не могли развеять ее страхи ни его заверения, ни собственный здравый смысл. Как бы ни хотел, уехать все же пришлось, а единственное, на что уповал — прибывшие накануне Соня с Витором.

Майя, провожая его ранним утром, поклялась во всем, о чем он просил — и что будет вести себя хорошо, и что доктор сразу узнает, если начнутся боли, и что не будет плакать. Клялась, а сама прекрасно понимала, что вряд ли сдержит слово. Зато на его слово уповала — что он вернется через ночь и два дня. Так мало, но так чертовски много.

В одном он прогадал — обращаясь за помощью к Соне, Дэррек и подумать не мог, что смотря на них, Майя будет скучать еще больше. А получилось именно так. Прячась от своих грустных мыслей, она понеслась на этот холм, коротая время и приближая его приезд. И пусть она ослушалась, это было неважно, ведь сработало.

— Подожди, отпусти, пожалуйста, — Дэррек послушно поставил жену на ноги, посмотрел в любимые глаза. — Сегодня ночью — затмение.

— Ты изучала астрономию, пока я занимался политикой? — Дэррек поцеловал Майю в сморщенный слегка нос.

— Нет, просто синеглазые появляются тогда, когда небо устраивает людям представления, — Майя взяла ошарашенного мужа за руку, сделала первый шаг в сторону

дома. Кажется, сегодня в семье их станет уже трое.

Конец второй части

Мария Акулова

02.06.14

Бонус

Роды дались Майе непросто. Конечно, «просто» в этом случае понятие относительное, но в ту ночь обитатели дома испугались не на шутку. Боли начались еще за ужином, но вечер казался Майе таким хорошим, спокойным, сказочным, что портить его не хотелось. Нужно было лишь дождаться, пока Дэррек с Витором отправятся в кабинет, а уж потом попросить Дэна послать за врачом. Она так и сделала, а сама пошла в комнату. Передышек на этом долгом пути ей понадобилось много больше, чем обычно.

Конечно, затея оставить мужа в неведении изначально была глупой. Особенно после того, как она ошарашила его своим предположением, что ребенок появится именно сегодня. Но Майя должна была хотя бы попытаться оградить его от ненужных, по ее мнению, нервов. Оградить не вышло, он влетел в комнату, когда Майя пыталась справиться еще с одним приступом боли, делая глубокие вдохи и длинные выдохи, ухватившись за столбец кровати.

— За доктором уже послали, — он подхватил жену на руки, преодолел те несколько метров, на которые она собиралась потратить минут пять, одним шагом.

— Спасибо.

— Майя... — Дэррек бережно опустил ее на матрас, справляясь с нахлынувшим волнением, страхом и гневом. — Ты не можешь о таком молчать и скрывать от меня. Думаешь, я не заметил бы, что моя жена собралась рожать как кошка? Спрятавшись в дальнем углу?

Может Майя устыдилась бы, не схвати ее в этот самый момент еще один спазм боли. Закусив губу, она прижалась лбом к плечу мужа, скрывая от него гримасу страдания и собственный страх.

Как только боль отступила, она поняла, что сжимает ладонь мужа, оставляя красные следы от ногтей, а он, будто не замечая этого, внимательно следит за выражением ее лица.

— Все хорошо, — глупое желание, но ей не хотелось, чтоб он видел ее в таком состоянии.

— Майя... — вместо того, чтоб в очередной раз журить, он поцеловал в напряженный лоб, пытаясь забрать хотя бы страх, если он не в состоянии облегчить боль.

Врач был в особняке уже через каких-то несколько минут. Потом Майя шутила, что Дэррек все-таки исполнил свое обещание и поселил его в подвалах дома до родов, но тогда было не до шуток. Доктор выгнал взволнованного герцога за дверь, разрешив зайти только Соне, излучавшей уверенность. Лишь теперь ей выпал шанс сыграть роль достойной сестры, способной помочь той, которой она сама благодарна за свое счастье.

Пребывая в совершенно странном состоянии, когда не понимаешь, где земля, где небо, не различаешь голоса и лица, Майя не имела ни малейшего понятия, как долго продолжалась ее мука и скольких нервов стоила окружающим. Она часто теряла сознание, иногда ее не могла вывести из забытья даже резкая вспышка боли. Когда на свет наконец-то появилась девочка, бедный врач истратил столько нервов, что готов был распрощаться с собственной жизнью тут же. Майя же наконец-то заснула глубоким сном, стоило только увидеть

собственного ребенка. Самого красивого, самого желанного, самого-самого. Синеглазую девочку так похожую на отца.

Много времени ей пришлось провести в кровати, и эти счастливые моменты знакомства с дочкой омрачали лишь слова доктора о том, что возникшие во время родов осложнения могут стать помехой в будущем, если они захотят еще детей...

В один из таких дней, когда дочка, теперь уже Николь, спала на руках Майи, сладко причмокивая, в спальню зашел Дэррек. Улыбнувшись, подошел к кровати, присел. Облокотился о руки, заключая двух любимых женщин в ловушку.

— Я люблю вас, — он опустил сначала к конверту, издающему самые прекрасные в мире звуки, а потом поцеловал жену, благодаря Яха, что все его страхи остались позади, что та ночь осталась для него кошмаром со счастливым концом. — Спасибо за нее, — Дэррек пощекотал дыханием щеку, заставляя Майю слегка улыбнуться.

— Я люблю тебя, — боясь потревожить сон ребенка, Майя лишь слегка поворачивала голову, подставляя те места, куда Дэррек нежно целовал, заставляя таять.

— Но со вторым ребенком, мы слегка повременим, — закрывшая глаза Майя резко их распахнула. Она не знала, поделился ли врач своими выводами с мужем, но боялась его реакции. Она и до этого не слишком походила на идеальную жену, а теперь... — Но лишь слегка, голубка, — и прежде, чем она успела с головой окунуться в свои вечные сомнения, желание признаться во всех смертных грехах он накрыл самые сладкие в мире губы своими.

Больше книг на сайте - Knigolub.net